LIBRARY OF CONGRESS
1800

СВЯТАГО

ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО,

АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО,

ТОЛКОВАНІЕ

НА

ПОСЛАНІЕ

КЪ

РИМЛЯНАМЪ.

Новый переводъ съ Греческаго.

МОСКВА.
Въ Сунодальной Типографіи.
1859.

BR65
.C4R88
1839

Печатано
по опредѣленію Свящѣйшаго Синода.

GIFT
RUSS. ORTHO. CHURCH. ALASKA
1940

Святаго Отца нашего

Іоанна Златоустаго,

Архіепископа Константинопольскаго,

ТОЛКОВАНІЕ

на посланіе къ Римлянамъ.

Цѣль посланія къ Римлянамъ.

Часто слушаю я чтеніе посланій блаженнаго Павла, каждую недѣлю дважды, а большею частію, если совершаемъ память Святыхъ Мучениковъ, три и четыре раза. И хотя, услаждаясь сею духовною трубою, радуюсь, восхищаюсь, горю желаніемъ, какъ скоро касается моего слуха сей вожделѣнный для меня голосъ, и мнѣ кажется, что я вижу предъ собою самаго Павла бесѣдующаго; впрочемъ скорблю и сокрушаюсь, что не всѣ какъ должно знаютъ сего Апостола. Напротивъ нѣкоторые находятся въ такомъ невѣденіи, что имъ неизвѣстно самое число его посланій. И сіе происходитъ не отъ

тупости понятій, но отъ того, что не хотятъ постоянно заниматься писаніями Блаженнаго. Ибо и наши свѣденія, если какія имѣемъ, пріобрѣтены не природными дарованіями и остротою ума но чрезъ постоянное занятіе писаніями Павла, одушевляемое сильною къ нему любовію. Кто кого любитъ, тотъ заботится о немъ, и знаетъ дѣла его лучше всякаго другаго. Сіе самое внушаетъ блаженный Павелъ, говоря Филиппійцамъ: *якоже есть праведно мнѣ сіе мудрствовати о васъ, за еже имѣти ми въ сердцѣ васъ, во узахъ моихъ и во отвѣтѣ и извѣщеніи благовѣстія* (Фил. I, 7). Такъ и вы, если хотите тщательнѣе вникнуть въ читаемое, не имѣете для того нужды ни въ чемъ другомъ. Ибо вѣрно Христово слово: *ищите, и обрящете; толцыте, и отверзется вамъ* (Матѳ. VII, 7). Но большая часть собравшихся сюда съ нами обязаны воспитывать дѣтей, заботиться о женѣ, хлопотать о домѣ; а потому не могутъ посвятить себя всецѣло такому труду. По крайней мѣрѣ не полѣнитесь принять собраннаго другими, и на выслушаніе предлагаемаго употребить такое же тщаніе, съ какимъ скопляете деньги. Стыдно, правда, требовать отъ васъ сего только; однакожъ рады будемъ, если и въ этомъ не откажете. Потому что отъ сего именно — отъ незнанія Писанія произникли тысячи золъ, произошли многія заразительныя ереси, безпечная жизнь, безполезные труды. Какъ лишенный естественнаго

свѣта не можетъ идти надлежащею дорогою; такъ и неосвѣщаемый лучемъ Божественныхъ Писаній принужденъ непреспанно погрѣшать во многомъ; потому что бродитъ въ глубокой тьмѣ. Въ предотвращеніе сего разкроемъ глаза, дабы озарились они блистаніемъ Апостольскихъ глаголовъ. Яснѣе солнца просіялъ языкъ Павла, который всѣхъ прочихъ превзошелъ словомъ ученія; потому что больше всѣхъ потрудился; и пріобрѣлъ обильную благодать Духа; что доказываю не одними его посланіями, но и дѣлами. Гдѣ ни открывался случай проповѣдывать, вездѣ предоставляли это Павлу. Почему за совершенство въ словѣ, невѣрующіе считали его Меркуріемъ.

Приступая къ изъясненію Павлова посланія къ Римлянамъ, нужно сказать о времени, въ которое оно написано. Ибо оно не первое изъ всѣхъ Павловыхъ посланій, какъ многіе думаютъ; но, будучи ранѣе всѣхъ, писанныхъ изъ Рима, позднѣе прочихъ, хотя и не всѣхъ. Такъ оба посланія къ Коринѳянамъ написаны прежде посланія къ Римлянамъ. Это видно изъ написаннаго въ концѣ сего посланія, именно: *нынѣ же гряду во Іерусалимъ, служай святымъ. Благоволиша бо Македонія и Ахаія общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ святымъ, живущимъ во Іерусалимѣ* (Рим. XV, 25 и 26). А къ Коринѳянамъ о собирающихся несши во Іерусалимъ деньги Павелъ писалъ: *аще же достойно будетъ и мнѣ ити, со мною*

пойдутъ (1 Кор. XVI, 4). Отсюда видно, что Павелъ, пиша къ Коринѳянамъ, еще не полагалъ на вѣрное предпринять сіе путешествіе; а когда писалъ къ Римлянамъ, то было уже рѣшено. Согласившись же въ этомъ, должны заключить, что посланіе къ Римлянамъ писано послѣ посланія къ Коринѳянамъ. А по моему мнѣнію до посланія къ Коринѳянамъ написано посланіе къ Ѳессалоникійцамъ. Ибо Павелъ прежде писалъ свое посланіе къ симъ послѣднимъ, и говорилъ о милостынѣ такъ: *о братолюбіи же не требуете да пишется къ вамъ: сами бо вы Богомъ учени есте, еже любити другъ друга: ибо творите то ко всей братіи* (1 Солун. IV, 9 и 10). А потомъ уже писалъ онъ къ Коринѳянамъ, какъ видно изъ словъ: *вѣмъ бо* азъ *усердіе ваше, иляже о васъ хвалюся Македонянолъ, яко Ахаія приготовися отъ лѣтошняго лѣта: и яже отъ васъ ревность раздражи многихъ* (2 Кор. IX, 2). Отсюда явно, что Ѳессалоникійцамъ говорено было о томъ прежде. Но хотя посланіе къ Римлянамъ позднѣе изчисленныхъ; впрочемъ оно ранѣе писанныхъ изъ Рима. Ибо оно писано еще до прибытія Павлова въ Римъ; какъ открывается изъ словъ: *желаю бо видѣти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное* (Рим. I, 11). Къ Филиппійцамъ же писалъ Павелъ изъ Рима, почему и говоритъ: *цѣлуютъ вы святіи вси, паче же иже отъ Кесарева дому* (Филип. IV, 22). И къ Евреямъ писано

оттуда же; почему сказано, что ихъ привѣтствуютъ всѣ Италійскіе (Евр. XIII, 24). Также и посланіе къ Тимоѳею писалъ Павелъ изъ Рима, находясь въ узахъ. Даже мнѣ кажется, что оно есть послѣднее изъ всѣхъ его посланій; какъ видно изъ сказаннаго въ концѣ: *азъ бо уже жренъ бываю, и времяя моего отшествія наста* (2 Тим. IV, 6). Всякому же извѣстно, что Павелъ кончилъ жизнь въ Римѣ. Хотя и посланіе къ Филимону есть также одно изъ послѣднихъ, какъ писанное Павломъ въ глубокой старости, о чемъ самъ говоритъ: *якоже Павелъ старецъ, нынѣ же и узникъ Іисуса Христа* (Филим. 9), однакожъ оно писано прежде посланія къ Колоссянамъ, что опять видно изъ сказаннаго въ концѣ посланія. Ибо Павелъ, пиша къ Колоссянамъ, говоритъ: *вся скажетъ вамъ Тихикъ, его же послахъ съ Онисимомъ вѣрнымъ и возлюбленнымъ братомъ* (Колос. IV, 7—9). Сей же Онисимъ былъ тотъ самый, о которомъ писано посланіе къ Филимону, а не другой съ нимъ соименный. Это доказывается именемъ Архиппа, на котораго Павелъ въ посланіи къ Филимону возложилъ трудъ ходатайствовать съ нимъ за Онисима, и котораго, пиша къ Колоссянамъ, поощряетъ сими словами: *рцыте Архиппу, блюди служеніе, еже пріялъ еси, да довершиши е* (Колос. IV, 17). По моему мнѣнію еще посланіе къ Галатамъ писано прежде посланія къ Римлянамъ. Если же Павловы посланія имѣютъ не такой порядокъ

въ Священныхъ книгахъ; що сіе нимало не удивительно. Ежели и двенадцать Пророковъ взяпь въ шомъ порядкѣ, какъ они въ Священныхъ книгахъ; що они не слѣдуютъ одинъ за другимъ по времени, и раздѣлены между собою большимъ промежупкомъ. Аггей, Захарія и другіе пророчествовали послѣ Езекіиля и Даніила, а многіе послѣ Іоны, Софоніи и всѣхъ прочихъ; однакожъ въ книгахъ спояпъ вмѣспѣ съ шѣми, опъ которыхъ шакъ удалены временемъ.

Никпо не думай, чпо прудъ сей излишенъ, и чпо шакое изслѣдованіе есшь дѣло пуспаго любопыпспва. Напропивъ время посланій не мало служипъ намъ къ объясненію посланія. Такъ примѣчаю, чпо Павелъ къ Римлянамъ и Колоссянамъ пишепъ хопя объ одномъ и шомъ же, впрочемъ не одинаково. Къ Римлянамъ онъ пишепъ съ большимъ снисхожденіемъ, на примѣръ, когда говорипъ: *изнемогающаго же въ вѣрѣ пріемлите, не въ сомнѣніе помышленій. Овъ бо вѣруетъ ясти вся, а изнемогаяй зелія (да) ястъ* (Рим. XIV, 1 и 2). А къ Колоссянамъ о шомъ же выражается иначе, и съ большею свободою; ибо говорипъ: *аще умрсте со Христомъ отъ стихій міра, почто аки живуще въ мірѣ стязаетеся? Не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи: яже суть во истлѣніе употребленіемъ, не въ чести коей, къ сытости плоти* (Колос. II, 20—23). Вникнувъ же въ причину шакой разносши, нахожу оную не въ иномъ чемъ, какъ во времени обспо-

ятельствъ. Въ началѣ надлежало быть снисходительнымъ; а послѣ было не нужно. Можно найти, что Павелъ и въ другихъ многихъ случаяхъ дѣлалъ тоже. Такъ обыкновенно дѣйствуютъ врачи и учители. Врачъ не одинаково обходится съ тѣми, которые только что разнемогаются, и съ тѣми, которые уже выздоравливаютъ. Равно и учитель иначе ведетъ себя съ дѣтьми начинающими учиться, и иначе съ требующими совершеннѣйшихъ уроковъ. Павелъ другіе посланія писалъ, по извѣстной причинѣ и по извѣстному побужденію. Въ посланіи къ Коринѳянамъ объявляетъ о томъ, говоря: *а о нихже писасте ми* (1 Кор. VII, 1). Пиша къ Галатамъ, изъясняетъ сіе какъ въ приступѣ, такъ и во всемъ посланіи. Для чего же и по какому случаю писалъ онъ къ Римлянамъ, тогда какъ самъ свидѣтельствуетъ о нихъ, что они *полни благости, исполнени всякаго разумѣнія, могуще и иныя научити* (Рим. XV, 14), для чего, говорю, писалъ къ нимъ посланіе? *За благодать*, говоритъ онъ, *данную ми отъ Бога, во еже быти ми служителю Іисусъ Христову* (Рим. XV, 15 и 16). Посему и въ началѣ сказалъ: *долженъ есмь, еже по моему усердію, и вамъ сущимъ въ Римѣ благовѣстити* (Рим. I, 14 и 15). А то, что Римляне могутъ и другихъ научить, также все сему подобное, сказано больше въ похвалу и поощреніе; между тѣмъ какъ они имѣли нужду въ исправленіи, и именно: въ исправленіи посредствомъ

посланія. И какъ Павелъ самъ не былъ еще въ Римѣ; но двумя способами дѣйствуетъ къ ихъ назиданію, и полезнымъ писаніемъ, и ожиданіемъ его прибытія. Такова была святая душа Павлова; она обнимала цѣлую вселенную, и всѣхъ заключала въ себѣ, родство по Богѣ почитая выше всякаго другаго родства. Павелъ всѣхъ любилъ такъ, какъ бы самъ родилъ ихъ, или, лучше сказать, всякаго отца превосходилъ онъ нѣжностію любви. Ибо такова благодать Духа; она выше плотскаго рожденія и обнаруживается въ пламеннѣйшей любви. Особенно же сіе видно въ душѣ Павла, который, какъ бы окрылившися любовію, неупомимо всѣхъ обтекаетъ; нигдѣ не медлитъ, нигдѣ не останавливается. Онъ зналъ, что Христосъ сказавъ Петру: *любиши ли Мя? Паси овцы Моя* (Іоан. XXI, 15), указалъ тѣмъ высочайшую степень любви; и потому самъ съ преизбыткомъ явилъ оную въ себѣ.

Соревнуя Павлу, будемъ и мы назидать, если не весь міръ, не цѣлые города и народы, то по крайней мѣрѣ, каждый собственный свой домъ, свою жену, своихъ дѣтей, друзей, сосѣдей. И никто не говори мнѣ: я неопытенъ, я невѣжда. Не льзя быть не ученѣе Петра, не искуснѣе Павла. Онъ самъ признается въ томъ, и не стыдясь, говоритъ: *аще бо и невѣжда словомъ, но не разумомъ* (2 Кор. XI, 6). Но невѣжда Павелъ, но неученый Петръ побѣдили тысячи философовъ, заставили молчать тысячи

вишій, и все то произвели собственнымъ усердіемъ и благодатію Божіею. Какое же извиненіе найдемъ для себя, когда не можемъ научишь двадцати человѣкъ, быть полезными для живущихъ съ нами въ одномъ домѣ? Пустой предлогъ, пустая отговорка! Не малоученость, не малообразованность, но лѣность и сонъ препятствуютъ намъ учишь. Отпрясемъ этотъ сонъ, и со всѣмъ тщаніемъ позаботимся о собственныхъ членахъ, дабы, наставляя ближнихъ своихъ страху Божію, и здѣсь насладиться полнымъ спокойствіемъ и тамъ содѣлаться участниками безчисленныхъ благъ по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго и съ Которымъ слава Отцу и вмѣстѣ Святому Духу нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА I.

(I, 1—7.)

Павелъ рабъ Іисусъ Христовъ, званъ Апостолъ, избранъ въ благовѣстіе Божіе, (2) *Еже прежде обѣща Пророки Своими въ Писаніяхъ Святыхъ.*

Моисей, написавшій пять книгъ, ни въ одной не поставилъ своего имени, также и послѣ него описывавшіе послѣдующія произшествія, даже Матвей, Іоаннъ, Маркъ, Лука именъ своихъ не выставляли; но блаженный Павелъ ставитъ свое имя передъ каждымъ своимъ посланіемъ. Почему это? Потому что не писали для живущихъ вмѣстѣ съ ними, и находясь лично, объявлять о себѣ признавали лишнимъ. Павелъ же посылалъ писанія издали и въ видѣ письма; почему нужно было подписывать имя. Если же въ посланіи къ Евреямъ не дѣлаетъ сего, то по своему благоразумію. Евреи его ненавидѣли, и въ началѣ посланія услыша его имя, не стали бы слушать далѣе; почему, утаивъ имя, уловлялъ имъ ихъ вниманіе. Если же Пророки и Соломонъ надписывали имена свои; то предоставляю вамъ самимъ изслѣдовать, почему одни это дѣлали, а другіе не дѣлали. Ибо не нужно, чтобы я всему васъ училъ; а надобно и самимъ трудиться и вникать, дабы не стать еще лѣнивѣе.

Павелъ рабъ Іисусъ Христовъ. Для чего Богъ перемѣнилъ ему имя, и изъ Савла переименовалъ Павломъ? Для того, чтобы ему и въ этомъ не быть меньше Апостоловъ;

напропивъ какое преимущество имѣлъ верховный изъ учениковъ, такое же получилъ и Павелъ для тѣснѣйшаго съ ними союза. Не безъ намѣренія же называетъ онъ себя рабомъ Христовымъ. Рабство имѣетъ многіе виды. Есть рабство по сотворенію, о которомъ сказано: *яко всяческая работна Тебѣ* (Псал. CXVIII, 91), и еще: рабъ Мой Навуходоносоръ (Іерем. XXV, 9); такъ какъ всякая тварь порабощена своему Творцу. Есть также рабство чрезъ вѣру, о которомъ говорится: *благодаримъ убо Бога, яко бѣсте раби грѣху, послушасте же отъ сердца, въ онъ же и предастеся образъ ученія,* — и *свобождшеся отъ грѣха, поработистеся правдѣ* (Рим. VI, 17 и 18). Наконецъ есть рабство по образу жизни, о которомъ сказано: *Моисей рабъ Мой скончася* (Іис. Нав. I, 2). Хотя и всѣ Іудеи были служителями, но Моисей преимущественно блистаетъ дѣлами. А такъ какъ Павелъ былъ рабомъ во всѣхъ видахъ рабства; то вмѣсто самаго почетнаго пила употребляетъ наименованіе: *рабъ Іисусъ Христовъ*. А имена Господни беретъ отъ воплощенія, восходя снизу въ верхъ. Ибо имя Іисусъ принесено Ангеломъ сшедшимъ съ небесъ, когда Сынъ Божій родился отъ Дѣвы, и имя Христосъ происходитъ отъ помазанія, и принадлежитъ Ему также по плоти. Но спросишь: какимъ елеемъ по азанъ Онъ? Помазанъ не елеемъ, но Духомъ. А Писаніе и таковыхъ называетъ обыкновенно Христами;

такъ какъ въ помазаніи главное, для чего употребляется и елей, есть Духъ. Гдѣ же Писаніе называетъ Христами непомазанныхъ елеемъ? Тамъ, гдѣ говоритъ: *не прикасайтеся помазанныимъ Моимъ, и во Пророцѣхъ Моихъ не лукавнуйте* (Псал. CIV, 15). Ибо тогда не приготовлялось еще елея для помазанія.

Званъ Апостолъ. Павелъ вездѣ называетъ себя званнымъ, свидѣтельствуя тѣмъ свою признательность, и что не самъ искалъ, и нашелъ; но былъ призванъ и повиновался. Подобно и вѣрныхъ называетъ онъ званными святыми, хотя они призваны, чтобы только увѣровать; а Павлу вручены еще Апостольство, служеніе заключающее въ себѣ тысячи совершенствъ, всѣ дарованія совмѣщающее и превосходящее. И что можно сказать еще большее, если скажемъ, что Христосъ, оставляя землю, все то препоручилъ Апостоламъ, что Самъ совершалъ на землѣ? И Павелъ восхваляя сіе достоинство Апостоловъ, восклицаетъ: *по Христѣ* посольствуемъ, *яко Богу молящу нами* (2 Кор. V, 20), то есть, вмѣсто Христа.

Избранъ въ благовѣстіе Божіе. Какъ въ домѣ каждый назначается для особаго дѣла; такъ и въ Церкви различны жребіи служенія. Но думаю, что Павелъ разумѣетъ здѣсь не только выборъ на служеніе, а и предопредѣленіе къ оному еще до рожденія. Такъ и Іеремія свидѣтельствуетъ о себѣ, что Богъ сказалъ о немъ: *прежде неже изыти тебѣ изъ ложесенъ*,

освятихъ тя, Пророка во языки поставихъ тя (Іерем. I, 5). Поелику Павелъ писалъ пщеславнымъ Римлянамъ, которые всѣмъ надмѣвались; то и внушаетъ вездѣ, что онъ поставленъ отъ Бога, что Богъ Самъ призвалъ, Самъ избралъ его. Внушаетъ же для того, чтобы посланіе его признали досповѣрнымъ и приняли. *Въ благовѣстіе Божіе.* Итакъ не одинъ Матвей или Маркъ есть Евангелистъ; равно не одинъ Павелъ есть Апостолъ, но также и Маркъ и Матвей; хотя Павелъ по преимуществу называется Апостоломъ, а не Евангелистами. Самое же благовѣстіе именуетъ такъ не по настоящимъ только, но и будущимъ благамъ. Какъ же Павелъ говоритъ, что онъ благовѣствуетъ о Богѣ? *избранъ въ благовѣстіе Божіе.* Развѣ Отецъ не былъ извѣстенъ и прежде Евангелій? Былъ, но однимъ Іудеямъ, и тѣмъ не всѣмъ, какъ надлежало. Ибо тогда не знали Бога, какъ Отца, и представляли много такого, что не достойно Его. Посему и сказалъ Христосъ, что пріидутъ *истинніи поклонницы*, и что *Отецъ таковыхъ ищетъ поклоняющихся Ему* (Іоан. IV, 23). Напослѣдокъ же и Самъ Отецъ вмѣстѣ съ Сыномъ открылся цѣлой вселенной, о чемъ возвѣщая Христосъ сказалъ: *да знаютъ Тебе единаго истиннаго Бога, и Его же послалъ еси Іисусъ Христа* (Іоан. XVII, 3). Благовѣстіемъ же Божіимъ называетъ Апостолъ свою проповѣдь, дабы въ самомъ началѣ возбудить вниманіе слушателя;

потому что пришелъ не съ печальною какою вѣстію, какъ приходили Пророки съ обличеніями, укоризнами, угрозами, но съ добрыми вѣстями, съ благовѣстіемъ Божіимъ о несчетныхъ сокровищахъ постоянныхъ и не преложныхъ благъ.

Еже прежде обѣща Пророки Своими въ Писаніяхъ святыхъ. Ибо сказано: *Господь дастъ глаголъ благовѣствующимъ силою многою* (Псал. LXVII, 12). И еще: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ* (Исаіи LII, 7)! Видишь ли, какъ опредѣленно выражены въ Ветхомъ Завѣтѣ названіе и способъ Евангелія? Ибо говорится: не словами только возвѣщаемъ оное, но и дѣлами; и благовѣстіе не есть что либо человѣческое; напротивъ оно божественно, неизреченно, превыше всякаго естества. Поелику же называли оное нововведеніемъ; то Павелъ доказываетъ, что благовѣстіе древнѣе язычества, и прежде было описано у Пророковъ. А если не сообщено сначала; виновны въ томъ нехотѣвшіе принять; кто же хотѣлъ, тотъ слышалъ. *Авраамъ отецъ вашъ*, сказано, *радъ бы былъ, дабы видѣлъ день Мой; и видѣ и возрадовася* (Іоан. VIII, 56). Итакъ въ какомъ смыслѣ сказано, *яко мнози Пророцы и праведницы вожделѣша видѣти, яже видите, и не видѣша* (Матѳ. XIII, 17)? Въ такомъ, что вы видите и слышите самое дѣло и самыя чудеса, совершающіяся предъ глазами. Но ты не оставляй безъ вниманія, почему о семъ предвозвѣщено за столько времени.

Ежели Богъ предуготовляетъ что нибудь великое; то предсказываетъ о томъ за долгое время, дабы настроить слухъ къ принятію сего при исполненіи. *Въ Писаніяхъ святыхъ*. Пророки не только говорили, но и писали, что говорили. Даже не только писали, но изображали дѣйствіями, на примѣръ: Авраамъ ведущій Исаака на жертвоприношеніе; Моисей возносящій змію, воздѣвающій руки во время сраженія съ Амаликомъ, и закалающій пасхальнаго агнца.

(5) *О Сынѣ Своемъ, бывшемъ отъ сѣмене Давидова по плоти.* Что ты дѣлаешь, Павелъ? Куда восхищаешь наши души, на какую возводишь высоту, какіе высокіе и неизреченные предметы открываешь нашему созерцанію, изрекая благовѣстіе, благовѣстіе Божіе, выводя сонмъ Пророковъ, представляя всѣхъ за многіе годы предрекавшихъ будущее? И для чего опять низводишь насъ къ Давиду? скажи мнѣ: о человѣкѣ ли какомъ говоришь и Іессеева сына именуешь Его отцемъ? Сообразно ли это съ сказаннымъ прежде? Весьма сообразно, говоритъ Павелъ; потому что у насъ рѣчь не о простомъ человѣкѣ. Для того присовокуплено: *по плоти*, дабы внушить, что Ему принадлежитъ и другое рожденіе по Духу. Но для чего началъ съ рожденія по плоти, а не съ высшаго—съ рожденія по Духу? Для того, что такъ начинаютъ Матѳей, Лука и Маркъ. Да и что бы возвесть кого на небо, необходимо должно вести его снизу въ верхъ. Такъ было и на самомъ дѣлѣ.

Сына Божія сперва видѣли на землѣ человѣкомъ; а потомъ признали Его Богомъ. А какой способъ ученія употребилъ Самъ Онъ, такимъ же и ученикъ Его пролагаетъ путь, ведущій къ Нему. Сначала говоритъ о рожденіи по плоти не для того, что оно было первое; но для того, чтобы отъ него возвесть слушателя къ рожденію по Духу.

(4) *Нареченнымъ Сынъ Божіи въ силѣ, по Духу святыни, изъ воскресенія отъ мертвыхъ, Іисуса Христа.* Сказанное Апостоломъ не со всемъ ясно по причинѣ связности реченій, и потому нужно отдѣлить оныя одно отъ другаго. Что же значатъ слова сіи? Мы проповѣдуемъ, говоритъ Павелъ, произшедшаго отъ Давида. Но это ясно; чѣмъ же доказывается, что Сей Воплотившійся есть Сынъ Божій? Во—первыхъ Пророками; почему Павелъ сказалъ: *еже прежде обѣща Пророки Своими въ Писаніяхъ святыхъ*; и сей способъ доказательства имѣетъ не малую силу. Потомъ самымъ образомъ рожденія, который выразилъ Апостолъ словами: *отъ сѣмене Давидова по плоти*; такъ какъ симъ нарушенъ уставъ природы. Въ прежнихъ чудесами, какія совершилъ Христосъ, доказавъ тѣмъ необыкновенную силу; что и выражено словомъ: *въ силѣ*. Въ четвертыхъ Духомъ, Котораго даровалъ вѣрующимъ въ Него, и чрезъ Котораго всѣхъ содѣлалъ святыми; почему сказано: *по Духу святыни*; такъ какъ единому Богу свойственно раздавать таковые

дары. Въ пятыхъ воскресеніемъ Господа; потому что Онъ первый и одинъ только воскресилъ Самъ Себя; и сіе Самъ Онъ называетъ знаменіемъ преимущественно предъ всѣми другими доспалочнымъ заградишь успа даже безспыднымъ. Ибо сказалъ: *разорите церковь сію, и трели денми воздвигну ю* (Іоан. II, 19). И еще: *егда вознесете* Мя отъ земли, *тогда уразумѣете, яко Азъ есмь* (Іоан. VIII, 28). И въ другомъ мѣстѣ: *родъ* сей *знаменія ищетъ, и знаменіе не дастся ему, токмо знаменіе Іоны* (Матѳ. XII, 39). Итакъ что значитъ: *нареченный?* Указанный, открывшійся, дознанный, исповѣданный по суду и приговору всѣхъ, чрезъ Пророковъ, чрезъ чудесное рожденіе по плоти, чрезъ силу явленную въ чудесахъ, чрезъ Духа, которымъ даровалъ святыню, чрезъ воскресеніе, которымъ разрушилъ державу смерти.

(5) *Имъ же пріяхомъ благодать и Апостольство въ послушаніе вѣры.* Замѣть признательность служителя; онъ ничего не хочетъ приписать себѣ; но все приписываетъ Господу. Но сіе даровалъ Духъ. Посему Господь сказалъ: *много имамъ глаголати вамъ, но не можете носити нынѣ: Егда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину* (Іоан. XVI, 12 и 13). И въ другомъ мѣстѣ Духъ повелѣваетъ: *отдѣлите Ми* Павла *и Варнаву* (Дѣян. XIII, 2). Также Апостолъ въ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ, что *овому Духомъ дается слово премудрости,*

иному же слово разума, и что *Той-же Духъ* вся раздѣляетъ, *якоже хощетъ* (1 Кор. XII, 8 и 11). И проповѣдуя на островѣ Милетѣ, говоритъ онъ: *въ немъ же постави васъ Духъ Святый* пастыри и *епископы* (Дѣян. XX, 28). Видишь ли, что Апостолъ принадлежащее Духу усвояетъ Сыну, и принадлежащее Сыну усвояетъ Духу? *Благодать и Апостольство*, то есть, не по заслугамъ своимъ стали мы Апостолами; потому что не многими трудами и усиліями достигли сего достоинства, а получили благодать; и Апостольство есть даръ свыше. *Въ послушаніе вѣры.* Слѣдовательно успѣхъ проповѣди зависѣлъ не отъ Апостоловъ но отъ предшествующей имъ благодати. Хотя ихъ было дѣло ходить и проповѣдывать; но убѣжденіе производилъ Самъ Богъ, дѣйствующій въ Апостолахъ. Такъ и Лука сказалъ, что *отверзе сердце* ихъ (Дѣян. XVI, 14), и въ другомъ мѣстѣ: имъ же дано бѣ слышати слово Божіе. *Въ послушаніе.* Не сказалъ для изслѣдованія и доказательства, но въ послушаніе. Мы посланы, говоритъ онъ, не умозаключенія дѣлать, но передать, что намъ ввѣрено. Когда произноситъ что нибудь Владыка; слушающіе должны только принять слова Его, не разбирая и не переполковывая ихъ сами. И Апостолы посланы были для того, чтобы пересказать, что слышали, ничего не прибавляя къ тому отъ себя, дабы и мы тому увѣровали. Чему же увѣровали? *О имени Его.* Мы должны

не углубляяпься въ сущность Его, но вѣровавъ во имя Его. Ибо имя сіе творило чудеса. *Во имя Іисуса Христа*, говоритъ Петръ, *востани и ходи* (Дѣян. III, 6). Оно самое требуетъ вѣры; и все этаго не льзя постигнуть разумомъ.

(6) *Во всѣхъ языцѣхъ, въ нихъ же есте и вы, звани Іисусу Христу*. Что это? ужели Павелъ проповѣдывалъ всѣмъ народамъ? Хотя изъ посланія къ Римлянамъ видно, что онъ обошелъ всѣ страны отъ Іерусалима до Иллирика, и отполѣ опять доходилъ до послѣднихъ предѣловъ земли; впрочемъ, если онъ и не у всѣхъ былъ народовъ, сказанное имъ нимало не ложно. Потому что говоритъ не объ одномъ себѣ, но о двенадцати Апостолахъ, и о всѣхъ благовѣствовавшихъ слово съ ними. Между тѣмъ не льзя оспорить сказаннаго, разумѣя оное и объ одномъ Павлѣ; если представитъ себѣ усердіе Павлово и то, что онъ послѣ кончины своей не преспаетъ проповѣдывать въ цѣлой вселенной. Не оставь безъ вниманія того, сколько Павелъ превозноситъ даръ Апостольства, показываетъ его величіе и большее превосходство предъ ветхозавѣтнымъ. Обѣтованія ветхозавѣтныя простирались на одинъ народъ; а Апостольство привлекло сушу и море. Не оставь безъ замѣчанія и того, сколько душа Павлова далека отъ всякой лести. Обращая рѣчь къ Римлянамъ, которые были какъ бы главою цѣлой вселенной, онъ не опидаетъ имъ никакого преимущества предъ прочими народами. Хотя

Римляне тогда владычествовали и господствовали; но Павелъ не говоритъ, чтобы они имѣли сколько нибудь больше духовныхъ дарованій. Но какъ проповѣдуемъ всѣмъ народамъ, пишетъ онъ, такъ и вамъ, ставя ихъ на ряду съ Скиѳами и Ѳракіянами. А если бы не это хотѣлъ онъ сказать; то были бы лишними слова: *въ нихъ же есте и вы.* Поступаетъ же такъ, дабы низложить ихъ высокомѣріе, смирить киченіе ума, и научить не превозноситься предъ другими. Для сего присовокупилъ слова: *въ нихъ же есте и вы звани Іисусу Христу*, то есть, съ которыми и вы призваны. Не сказалъ, что Христосъ другихъ призвалъ съ вами; но говоритъ, что васъ призвалъ съ другими. Ибо если во Христѣ Іисусѣ нѣтъ ни раба, ни свободнаго; а тѣмъ паче ни Царя, ни простолюдина; то и вы также призваны, а не сами собою пришли.

(7) *Всѣмъ сущимъ въ Римѣ возлюбленнымъ Богу, званнымъ святымъ; благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.* Вотъ какъ часто Павелъ употребляетъ слово: *званный*, говоря: *званъ Апостолъ, въ нихъ же есте и вы звани, всѣмъ сущимъ въ Римѣ званнымъ.* Такое повтореніе нимало не лишнее; напротивъ Апостолъ хочетъ чрезъ то въ памяти Римлянъ укоренить благодѣяніе Божіе. Поелику между вѣрующими находились вѣроятно и Префекты и Консулы и бѣдные и простолюдины;

то, не обращая никакого вниманія на различіе чиновъ, ко всѣмъ посылаетъ одно привѣтствіе. Если же рабы и свободные одинаково участвуютъ во всемъ нужнѣйшемъ и духовномъ, каковы: любовь Божія, званіе, благовѣстіе, усыновленіе, благодать, миръ, освященіе и все прочее; то не крайнее ли будетъ безуміе различать по земнымъ принадлежностямъ тѣхъ, которыхъ Богъ соединилъ и содѣлалъ равночестными въ важнѣйшемъ? Посему то Апостолъ въ самомъ началѣ, изгоняя сей тяжкій недугъ, утверждаетъ Римлянъ въ смиренномудріи, которое есть матерь всего добраго. Смиренномудріе и слугъ содѣлывало лучшими, научая ихъ, что рабство не причиняетъ вреда имѣющимъ истинную свободу, и господъ обращало къ умѣренности, вразумляя ихъ, что нѣтъ пользы въ свободѣ, если они не отличаются преимущественно вѣрою. А дабы могъ ты видѣть, что Павелъ писалъ не съ намѣреніемъ все слить и смѣшать, напротивъ зналъ лучшій способъ различать; не просто сказалъ онъ: *всѣмъ сущимъ въ Римѣ*, но съ ограниченіемъ: *возлюбленнымъ Богу*. Ибо въ семъ состоитъ лучшее отличіе, показывающее, отъ чего происходитъ освященіе. Отъ чего же именно? Отъ любви. Ибо сказавъ: *возлюбленнымъ*, тотчасъ присовокупилъ: *званнымъ святымъ*, давая тѣмъ разумѣть, что источникомъ всѣхъ благъ для насъ есть любовь. Святыми же называетъ онъ всѣхъ вѣрныхъ. *Благодать вамъ и миръ*. Привѣтствіе,

приносящее несчетныя блага! Такъ Христосъ заповѣдалъ Апостоламъ, чтобы когда входятъ въ домъ, это слово произносимо было первое. Такъ и Павелъ всегда начинаетъ тѣмъ же, именно словами: *благодать и миръ*. Брань, которую прекратилъ Христосъ, была не легкая, но съ разныхъ сторонъ, всякими способами и долговременно насъ тревожившая; прекращена оная не нашими трудами, но Его благодатію. И какъ любовію дарована благодать, а благодатію миръ; то Апостолъ, такому именно порядку слѣдуя въ своемъ привѣтствіи, молитъ о непрерывномъ и ненарушимомъ пребываніи любви, благодати и мира, дабы опять не возгорѣлась новая брань, и проситъ Подателя сохранить ихъ непреложными, говоря такъ: *благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа*. Замѣть, что предлогъ: *отъ* относится здѣсь къ Отцу и къ Сыну, и значитъ тоже, что *изъ Него*. Ибо Апостолъ не сказалъ: благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца чрезъ Господа нашего Іисуса Христа; но говоритъ: отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа.

О какъ всесильна любовь Божія! Враги и отверженные стали вдругъ святыми и сынами. Ибо Апостолъ, назвавъ Бога Отцемъ, далъ разумѣть, что они сыны; а наименовавъ сынами, открылъ все сокровище благъ. Итакъ не престанемъ являть жизнь достойную дара, блюсти миръ и святость. Другія почести временны,

минуются съ настоящею жизнію, и продаются на деньги; объ оныхъ можно сказать, что это не почести, а имена только почестей, получающія свое значеніе отъ пышности одеждъ, отъ лести окружающихъ. Напротивъ сей даръ святыни и усыновленія, какъ происходящій отъ Бога, не отъемлется смертію; но, содѣлывая знаменитыми въ сей жизни, сопровождаетъ насъ и въ жизнь будущую. Соблюдающій даръ усыновленія, и тщательно хранящій даръ святыни гораздо славнѣе и блаженнѣе увѣнчаннаго діадимою и облеченнаго въ багряницу. Даже въ настоящей жизни вкушаетъ онъ совершенное спокойствіе, питается благими надеждами, не имѣетъ никакой причины страшиться и тревожиться; но наслаждается непрерывнымъ удовольствіемъ. Да и обыкновенно не величіе власти, не множество денегъ, не обширность могущества, не крѣпость тѣлесная, не роскошный столъ, не пышныя одежды, не прочія человѣческія преимущества доставляютъ благодушіе и радость; но бываетъ сіе плодомъ только духовнаго благоустройства и доброй совѣсти. Имѣющій чистую совѣсть, хотя одѣтъ онъ въ рубище, хотя борется съ голодомъ, благодушнѣе живущихъ роскошно; но сознающій за собою худое, хотя обложенъ кучами денегъ, бѣднѣе всѣхъ. Посему то Павелъ, хотя жилъ во всегдашнемъ голодѣ и наготѣ, хотя каждый день принималъ побои; но радовался и веселился болѣе современныхъ ему Царей. А Ахаавъ

на престолѣ, наслаждавшійся разнообразными предметами роскоши, поелику учинилъ грѣхъ, спеналь и мучился, лице его опадало какъ до грѣха, такъ и послѣ онаго. И такъ если желаемъ наслаждаться удовольствіемъ; по болѣе всего на свѣтѣ будемъ бѣгать порока, и пойдемъ во слѣдъ добродѣтели. Иначе не возможно достигнуть щастія, хотя взойдемъ даже и на царскій престолъ. Посему и Павелъ сказалъ: *плодъ же духовный есть любовь, радость, миръ* (Гал. V, 22). Возрастимъ же сей плодъ въ себѣ, дабы и здѣсь насладиться радостію, и удостоиться будущаго царства по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ слава Отцу и вмѣстѣ Святому Духу нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 2.

(I, 8—17.)

I, 8. *Первое убо благодарю Бога моего Іисусомъ Христомъ о всѣхъ васъ, яко вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ.*

Вступленіе приличное блаженному Апостолу! оно достаточно вразумляетъ каждаго, что начатки добрыхъ дѣлъ и словъ надлежитъ посвящать Богу, и благодарить Его не только за свои успѣхи въ добрѣ, но и за успѣхи другихъ. Чрезъ сіе душа дѣлается чистою отъ зависти и недоброжелательства, и на благодарныхъ

привлекается большее благоволеніе Божіе. Посему Павелъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, благословивый насъ всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ* (Ефес. I, 3). Благодарить же обязаны не одни богатые, но и бѣдные; не здоровые только, но и больные; не одни благоденствующіе, но и терпящіе напасти. Ничего нѣтъ удивительнаго благодарить, когда дѣла наши управляются попутнымъ вѣтромъ. Но когда возстаетъ сильная буря, корабль опрокидывается и бѣдствуетъ; тогда благодарность служитъ явнымъ знакомъ терпѣнія и признательности. За такую благодарность и Іовъ увѣнчанъ; ею заградилъ онъ безстыдныя уста діавола, и очевидно доказалъ, что во дни благополучія былъ благодарнымъ не изъ выгодъ, а напротивъ по сильной любви своей къ Богу. Замѣть такъ же, за что благодаритъ Павелъ, не за земное и гибнущее, какъ то: за власть, могущество, славу—сіе не стоитъ и вниманія; но за блага истинныя — вѣру и дерзновеніе. И съ какою горячностію благодаритъ онъ! Сказалъ не просто: *Бога*, но: *Бога моего*. Такъ поступаютъ и Пророки, присвояя себѣ принадлежащее всѣмъ. И удивляться ли въ томъ Пророкамъ? Не тоже ли, по видимому, наблюдаетъ всегда самъ Богъ касательно рабовъ Своихъ, называя Себя исключительно Богомъ Авраамовымъ, Исааковымъ и Іаковлевымъ?

Яко вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ. Какъ это? Ужели вся земля слышала о вѣрѣ Римлянъ? По словамъ Павла вся; и сіе ни мало не странно. Римъ былъ не маловажнымъ городомъ, но, будучи поставленъ какъ бы на нѣкоторой высотѣ, обращалъ на себя взоры всѣхъ. Представь же себѣ силу проповѣди, какъ она въ коротkое время чрезъ мытарей и рыбаковъ покорила себѣ первый изъ городовъ, и какъ нѣсколько Сиріянъ спали учителями и наставниками Римлянъ! Итакъ Павелъ свидѣтельствуетъ имъ о двоякомъ успѣхѣ проповѣди, что Римляне увѣровали, и увѣровали съ полною увѣренностію, такъ что слава о нихъ обтекла всю землю. Ибо говоритъ: *вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ*. Вѣра, а не словопренія, не состязанія, не умствованія; хотя въ Римѣ встрѣтилось много препятствій ученію. Потому что Римляне не давно возобладавъ вселенною, слишкомъ много возмечтали о себѣ, жили богато и роскошно; а проповѣдь принесли къ нимъ рыбари, Іудеи, люди принадлежавшіе къ народу презрѣнному, которымъ всѣ гнушались. И сіи рыбари повелѣвали покланяться Распятому, воспитанному въ Іудеѣ; и сіи учители людямъ изнѣженнымъ и погруженнымъ только въ настоящее, вмѣстѣ съ этимъ ученіемъ, внушали строгую жизнь; и сіи проповѣдники были люди бѣдные, неученые изъ низкихъ низкіе. Впрочемъ все сіе не попрепятствовало успѣху слова. Такова была сила Распятаго, что

слово распространялось всюду; какъ говоритъ Павелъ: *возвѣщается во всемъ мірѣ*. Не сказалъ онъ: объявляется; но: *возвѣщается*; ибо есть, для всѣхъ соединяющъ они предметъ разговоровъ. О томъ же самомъ свидѣтельствуя Ѳессалоникійцамъ, Апостолъ присовокупилъ нѣчто большее; именно сказавъ: *отъ васъ пролчеся Слово* Божіе, прибавилъ: *яко не требовати намъ глаголати что* (1 Сол. I, 8). Ибо тамъ ученики стояли на степени учителей, смѣло наставляли всѣхъ и привлекали къ себѣ. Проповѣдь нигдѣ не останавливалась, но быстрѣе огня обхватывала цѣлую вселенную. Здѣсь же сказано столько, что *возвѣщается*. И справедливо говоритъ Апостолъ, что *возвѣщается*, вразумляя тѣмъ, что ничего не должно ни прибавлять къ сказанному, ни убавлять въ немъ. Такъ какъ дѣло вѣстника передать одно то, что самому ему сказано. Посему и Священникъ называется вѣстникомъ (Ангеломъ), какъ возвѣщающій не свои слова, но Пославшаго. И Петръ проповѣдывалъ въ Римѣ; впрочемъ Павелъ труды его считаетъ за одно съ своими. Такъ много, какъ я сказалъ выше, былъ онъ свободенъ отъ всякой зависти!

(9) *Свидѣтель бо ми есть Богъ, Емуже служу духомъ моимъ во благовѣствованіи Сына Его.* Конечно это языкъ Апостольскаго духа и сердца, выраженіе отеческой попечительности; но что именно значатъ слова сіи, и для чего Павелъ призываетъ во свидѣтели

Бога? У него шла рѣчь о его привязанности; и какъ еще не видался онъ съ Римлянами, то призывалъ во свидѣтели не людей, но испытующаго сердца. Сказавъ: *люблю васъ*, и въ доказательство того представивъ, что всегда молится и желаетъ придти къ нимъ, что однакожь не было для нихъ извѣстно, прибѣгаетъ къ достовѣрному свидѣтельству. Кто изъ насъ можетъ похвалиться, что, молясь дома, воспоминаетъ о всѣхъ членахъ Церкви? Не думаю, чтобы кто могъ. Но Павелъ не за одинъ городъ, а за цѣлую вселенную приносилъ молитвы Богу, и не разъ, два, или три, а непрестанно. А непрестанно носить кого — нибудь въ памяти не льзя, не имѣя великой любви. Такъ разсуди, какую означаетъ привязанность и любовь—воспоминать въ молитвахъ, и воспоминать непрерывно? А когда Павелъ говоритъ: *Емуже служу духомъ моимъ во благовѣствованіи Сына Его;* симъ показываетъ намъ вмѣстѣ и благодать Божію и свое смиренномудріе; благодать Божію въ томъ, что ему ввѣрено такое дѣло, а свое смиренномудріе въ томъ, что все приписываетъ не своему раченію, но помощи Духа. Между тѣмъ упомянулъ Онъ о благовѣствованіи, дабы показать родъ служенія. Ибо много есть разныхъ родовъ служенія вообще, какъ и служенія Богу. Какъ при земныхъ Царяхъ, хотя всѣ подчинены одному Государю, впрочемъ не всѣ одинаково служатъ, но служба одного состоитъ въ начальствѣ надъ войскомъ, другаго

въ управленіи городами, а инаго въ храненіи казны; такъ и въ дѣлахъ духовныхъ, одинъ служитъ и работаетъ Богу тѣмъ, что вѣруетъ и строго наблюдаетъ за своею жизнію, другой тѣмъ, что обязался прислуживать странникамъ, а иной тѣмъ, что взялъ на свое попеченіе ходатайствовать за нуждающихся. Подобно и у самыхъ Апостоловъ Стефанъ и его сослужители работали Богу тѣмъ, что снабжали вдовицъ, а иной служилъ ученіемъ слова, каковъ былъ и Павелъ, служившій Богу проповѣдію Евангелія. Вотъ родъ его служенія; къ сему былъ онъ приставленъ! Посему не только призываетъ во свидѣтели Бога, но и сказываетъ, что ему было вѣрено, давая тѣмъ знать, что удостоенный такой довѣренности не призоветъ ложно во свидѣтели Довѣрившаго. Сверхъ того Павелъ желаетъ внушить, что любовь его къ Римлянамъ и попеченія о нихъ необходимы. Могли сказать: ты кто, и съ чего взялъ говорить, что заботишься о такомъ обширномъ и царственномъ городѣ? Посему Апостолъ доказываетъ, что для него сіи заботы необходимы; потому что на него возложенъ такой родъ служенія, проповѣдовать Евангеліе. А кому поручена сія должность, тотъ необходимо обязанъ всегда содержать въ мысляхъ могущихъ принять слово. Кромѣ сего Апостолъ словами: *духомъ моимъ*, внушаетъ еще, что служеніе его Богу гораздо выше языческаго и Іудейскаго. Ибо служеніе языческое есть ложное и плотское, а Іудейское,

хотя истинное, но также плотское; служеніе же Церкви языческому противоположно, а Іудейскаго несравненно выше. Потому что въ нашемъ служеніи Богу не приносится ни овецъ, ни тельцевъ, ни дыма, ни куренія, а приносится духовная душа, что самое изобразилъ Христосъ, сказавъ: *Духъ есть Богъ: и иже кланяется Ему, духомъ и истиною достоитъ кланятися* (Іоан. IV, 24). *Во благовѣствованіи Сына Его.* Благовѣстіе, приписавъ выше Отцу, приписываетъ теперь Сыну; такъ безразлично говорится объ Отцѣ и Сынѣ! Ибо Апостолу, по блаженному изреченію Христову, извѣстно было, что Отцево принадлежитъ Сыну, и Сыновнее Отцу. *Моя вся*, говоритъ Христосъ, *Твоя суть, и Твоя Моя* (Іоан. XVII, 10). *Яко безпрестани память о васъ творю въ молитвахъ моихъ.* Вотъ истинная любовь! Повидимому говоря объ одномъ, четыре мысли совмѣщаетъ здѣсь Павелъ, воспоминаетъ, воспоминаетъ непрестанно, воспоминаетъ въ молитвахъ, воспоминаетъ моляся о дѣлѣ великой важности.

(10) *Молялся, аще убо когда поспѣшенъ буду волею Божіею, пріити къ вамъ: желаю бо видѣти васъ.* Примѣчаешь ли, что Апостолъ сильно желаетъ видѣть Римлянъ; и не рѣшается на то противъ воли Божіей, но желаніе свое умѣряетъ страхомъ Божіимъ? Какъ ни любилъ ихъ, какъ ни влекло его къ нимъ; однакожъ не захотѣлъ видѣться съ ними

противъ воли Божіей. Такова истинная любовь; но мы вдвойнѣ нарушаемъ законъ любви! Мы, или никого не любимъ, или если любимъ, то противъ воли Божіей, и въ обоихъ случаяхъ нарушаемъ Божественный законъ. Тяжело слышать сіе, но еще хуже дѣлать! А когда, спросишь, любимъ противъ воли Божіей? Тогда какъ не обращаемъ вниманія на Христа, томимаго голодомъ, а дѣтямъ, друзьямъ, роднымъ даемъ болѣе, нежели сколько имъ нужно. Но лучше сказать; нужно ли и продолжать слово? Каждый изъ насъ, если испытаетъ совѣсть свою, найдетъ, что во многихъ случаяхъ онъ любитъ противъ воли Божіей. Не таковъ былъ блаженный Павелъ; онъ умѣлъ любить, и любить сколько нужно, какъ должно; превосходя всѣхъ въ любви, не преступалъ онъ предѣловъ любви. Вотъ какъ обильно преисполненъ онъ былъ тѣмъ и другимъ, и страхомъ Божіимъ и усердіемъ къ Римлянамъ! Его сильная любовь открывалась въ томъ, что онъ непрестанно молился, молился даже и тогда, когда не получалъ просимаго; а постоянное благочестіе въ томъ,—что онъ любя не переставалъ быть покорнымъ мановенію Божію. Нѣкогда Павелъ прежды просилъ Господа, не получилъ просимаго, и не получивъ просимаго счелъ за великую милость то, что не былъ услышанъ. Сколько вовсемъ онъ преданъ былъ Богу! Теперь хотя получилъ просимое, однакоже не въ то время, какъ просилъ, а послѣ; но и тѣмъ не огорчился. Говорю же это для того, чтобы и намъ

не скорбѣпь, когда бываемъ не услышаны, или услышаны позже. Мы не лучше Павла, который по и другое признаетъ за милость; и совершенно справедливо. Однажды отдавъ себя всеуправляющей рукѣ, онъ подчинился ей такъ, какъ глина горшечнику; и всегда слѣдовалъ водительству Божію.

Апостолъ сказавъ, что онъ молился о томъ, чтобы видѣться съ Римлянами, упоминаетъ и о причинѣ своего желанія. Что же это за причина? (11) *Да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное, ко утвержденію вашему*. Слѣдственно предпринималъ онъ путешествіе не даромъ, не такъ какъ многіе путешествуютъ нынѣ безъ цѣли и нужды; напротивъ его побуждали дѣла необходимыя и требующія крайней поспѣшности; хотя не хочетъ сказать сего ясно, а только намѣкаетъ. Не сказалъ онъ: иду научить васъ; наставить въ вѣрѣ, дополнить чего не доставало; но говоритъ: *да нѣкое подамъ*, давая тѣмъ знать, что не свое имъ подаетъ, а передаетъ, что получилъ. И при семъ выражается еще скромно: *да нѣкое*. Подамъ нѣчто малое, говоритъ онъ, и соразмѣрное съ своими силами. Въ чемъ же состоитъ сіе малое, что намѣренъ передать теперь? Оно есть, говоритъ Апостолъ, нѣчто служащее *ко утвержденію вашему*. Слѣдственно и то дается отъ благодати, чтобы стоять твердо, а не колебаться. А когда слышишь о благодати; не думай, чтобы симъ отрицалась награда

за произволеніе. Упоминая о благодати, Апостолъ не трудъ произвола унижаетъ, а попираетъ гордость высокоумія. Итакъ не ослабѣвай духомъ отъ того, что Павелъ назвалъ сіе *дарованіемъ* благодати. Будучи во всемъ признателенъ къ Богу, онъ обыкновенно и добрыя дѣла называлъ дарованіемъ благодати; потому что и для нихъ нужна намъ большая помощь свыше. Сказавъ же: *ко утвержденію вашему*, скрытнымъ образомъ далъ разумѣть, что Римлянъ надлежитъ въ многомъ исправить. Ибо вотъ что хочетъ сказать имъ: съ давняго времени желалъ и просилъ я Бога видѣться съ вами не для чего другаго, но чтобы установить, утвердить, содѣлать васъ неподвижными въ страхѣ Божіемъ, дабы вы никогда не колебались. Но хотя не сказалъ сихъ именно словами, потому что сіе огорчило бы Римлянъ; впрочемъ на тоже намѣкаетъ въ другихъ словахъ и слегка; и обнаруживаетъ это, сказавъ: *ко утвержденію вашему*. Поелику же и сіе сказано очень сильно; то замѣть, какъ Апостолъ смягчаетъ слова свои поясненіемъ. Римляне могли сказать: Такъ что же? ужели мы колеблемся, кружимся и имѣемъ нужду въ твоемъ словѣ, чтобы стать твердо?

Апостолъ, предупреждая сіе возраженіе, говоритъ такъ: (12) *Сіе же есть, соутѣшитися въ васъ вѣрою общею вашею же и моею*. Симъ какъ бы сказалъ онъ: не подозрѣвайте, что я говорилъ въ обвиненіе ваше;

не съ такимъ расположеніемъ сказаны слова мои. А чтоже хотѣлъ я выразить? То, что вы окружены гонителями, и терпите много притѣсненій; почему мнѣ желательно стало видѣться съ вами, дабы утѣшить, или, лучше сказать, не только утѣшить, но и самому принять утѣшеніе. Замѣть мудрость учителя! онъ сказалъ: *ко утвержденію вашему;* но зная, что такое выраженіе для учениковъ тяжело и сильно, присовокупляетъ: къ утѣшенію вашему. А какъ и сіе опять тяжело, не столько, правда, какъ первое, однакожъ все еще тяжело; и здѣсь умѣряетъ силу словъ своихъ, всячески смягчая рѣчь, чтобы удобнѣе было принять ее. Посему сказалъ не просто: *утѣшитися*, но *соутѣшитися;* даже и тѣмъ не удовольствовался, но употребляетъ новое и болѣе пріятное выраженіе, говоря: *вѣрою общею вашею же и моею.* Какое смиренномудріе! Ясно выразилъ, что самъ имѣетъ въ нихъ нужду, а не они только въ немъ. Учениковъ возвелъ на степень учителей, себѣ никакого не предоставилъ преимущества; напротивъ призналъ себя во многомъ съ ними равнымъ. Сего требуетъ общая наша польза, говоритъ онъ, и я имѣю нужду въ вашемъ утѣшеніи, и вы въ моемъ. А какъ же можемъ взаимно утѣшать другъ друга? *Общею вѣрою вашею же и моею.* Что бываетъ съ огнемъ,— когда кто вмѣстѣ зажигаетъ много свѣтильниковъ, чрезъ это усиливаетъ пламя: тоже случается обыкновенно и съ вѣрными. Когда

раздѣлены мы между собою; тогда слабѣе духомъ. А когда, взирая другъ на друга, взаимно себя поддерживаемъ; тогда много получаемъ утѣшенія. Не суди по настоящимъ временамъ, когда по благодати Божіей и въ селѣ, и въ городѣ, и въ самой пустынѣ многочисленны сонмы вѣрныхъ, всякое же нечестіе изгнано; напротивъ вообрази, какъ въ тѣ времена вожделенно было и учителю увидѣть учениковъ и братіямъ свидѣться съ братіями, пришедшими изъ другаго города. Чтобы яснѣе представить вамъ сказанное, приведу примѣръ. Еслибы случилось, чего избави Богъ, по какимъ нибудь обстоятельствамъ увели насъ въ Персію, или Скиѳію, или другую варварскую землю, и въ тамошнихъ городахъ разсѣяли насъ по двое и по трое, а потомъ нечаянно увидѣлибы мы кого—нибудь прибывшаго отсюда; то представь себѣ, какого исполнились бы мы утѣшенія. Развѣ не видывали вы, какъ заключенные въ темницахъ, свидѣвшись съ кѣмъ—нибудь изъ домашнихъ, вскакиваютъ и прыгаютъ отъ радости. И не дивись, если тогдашнія времена сравню съ плѣномъ или съ темницею. Гораздо большія напасти терпѣли тогда Христіане; разсѣянные, преслѣдуемые терпѣли голодъ, и брань отвсюду, ежедневную боязнь смерти, не смѣли положиться на друзей, домашнихъ, родныхъ, въ цѣломъ мірѣ были какъ странники, или, лучше сказать, больше переносили трудностей, нежели живущіе на чужой сторонѣ. Посему—то говоритъ Апостолъ:

ко утвержденію вашему, и: *соутѣшитися общею вѣрою*. Но не въ томъ смыслѣ сказалъ сіе, чтобы самъ нуждался въ ихъ содѣйствіи; ни мало. Ибо въ чемъ нуждаться тому, кто былъ столпомъ Церкви, твердѣйшимъ желѣза и камня, духовнымъ адамантомъ, у котораго доставало силъ проповѣдывать въ тысячѣ городовъ? Напротивъ, дабы не выразиться рѣзко и очень колко, присовокупилъ онъ, что самъ имѣетъ нужду въ утѣшеніи Римлянъ. Если же скажутъ, что въ семъ случаѣ утѣшало и веселило Апостола приращеніе вѣры въ Римлянахъ, и что въ этомъ Павелъ имѣлъ нужду, и такое изъясненіе словъ его не будетъ погрѣшительно.

Но спросятъ: ежели желаешь, молишься, надѣешься получить утѣшеніе и подать оное; что препятствуетъ тебѣ придти? Въ разрѣшеніе такого сомнѣнія Павелъ присовокупилъ: (13) *Не хощу же не вѣдѣти вамъ братіе, яко множицею восхотѣхъ пріити къ вамъ, и возбраненъ быхъ доселѣ*. Вотъ мѣра рабскаго послушанія, и примѣръ глубокой признательности! Сказываетъ только, что были ему препятствія; а какія, не говоритъ. Потому что не изслѣдуетъ повелѣній Владыки, а только повинуется; хотя естественно было затрудниться, почему Богъ столь знаменитому и обширному городу, на который обращены были взоры цѣлой вселенной, препятствовалъ такъ долго пользоваться такимъ учителемъ. Овладѣвши главнымъ городомъ, легче нападать

на прочіе; а, миновавъ столицу, покорять подвластные ей города, значитъ нерадѣть о главнѣйшемъ. Впрочемъ Апостолъ не разсуждаетъ ни о чемъ подобномъ, а предается непостижимому Промыслу, обнаруживая тѣмъ благонаправленность души своей, и научая всѣхъ насъ нимало не допытываться отъ Бога о причинахъ дѣлъ Его, хотябы оныя повидимому смущали многихъ. Ибо Господинъ долженъ повелѣвать, а рабъ долженъ повиноваться. Посему Павелъ хотя сказываетъ, что были ему препятствія; но не говоритъ, какія. Я самъ не знаю, разсуждаетъ онъ, и ты не спрашивай о намѣреніи и волѣ Божіей. *Еда речетъ зданіе создавшему е, почто мя сотворилъ еси тако* (Рим. IX, 20)? и скажи мнѣ: для чего стараешься ты узнать? развѣ не знаешь, что Богъ о всемъ печется? что Онъ премудръ? что ничего не дѣлаетъ безъ цѣли и напрасно? что любитъ тебя больше родителей, и несравненно превосходитъ отца любовію и мать сердоболіемъ? Итакъ не спрашивай больше, не простирайся далѣе; и сего довольно для твоего успокоенія. Судьба Римлянъ доселѣ устроялась премудро. Если не знаешь, какими способами; не безпокойся. Тѣмъ больше докажешь вѣру; когда, не зная способовъ домостроительства Божія, признаешь однако пути Промысла. Итакъ Павелъ достигъ того, о чемъ заботился. Чегожъ именно? Доказалъ, что не по нерадѣнію о Римлянахъ не приходилъ къ нимъ, но что были ему препятствія, какъ ни сильно

желалъ придти. Отклонивъ же отъ себя нареканіе въ безпечности, и увѣривъ, что не менѣе ихъ желаетъ свиданія съ ними, приводитъ новыя доказательства любви своей. При всѣхъ препятствіяхъ, говоритъ онъ, я не переставалъ домогаться; и хотя при всѣхъ домогательствахъ непрестанно встрѣчалъ препятствія; однакожъ никакъ не оставилъ своего намѣренія; хотя волѣ Божіей не противоборствую, но и любовь храню. Тѣмъ, что располагался придти, и не оставлялъ своего намѣренія, доказалъ Апостолъ усердіе къ Римлянамъ; а тѣмъ, что былъ удерживаемъ, и не противился, обнаружилъ всю любовь свою къ Богу.

(13) *Да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ*. Хотя выше представлялъ уже причину своего желанія, и показалъ, сколько оное прилично Апостолу; впрочемъ здѣсь причину сію приводитъ вновь, дабы въ нихъ никакого не осталось подозрѣнія. Такъ какъ Римъ былъ славный, единственный на сушѣ и морѣ городъ, и одно любопытство посмотрѣть его завлекало многихъ къ путешествію; Павелъ непрестанно повторяетъ причину своего желанія, дабы и о немъ не заключили подобнаго, и не стали подозрѣвать, что хочетъ побывать въ Римѣ единственно въ намѣреніи прославиться своимъ общеніемъ съ Римлянами. И хотя выше сказалъ: я весьма желалъ видѣть васъ, чтобы подать вамъ нѣкій духовный даръ; впрочемъ теперь еще яснѣе говоритъ: *да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочихъ языцѣхъ*. Власителиновъ

поставилъ Апостолъ наравнѣ съ подвластными; не смотря на тысячи трофеевъ, на побѣды, на знаменитость государственныхъ сановниковъ, помѣстилъ Римлянъ на ряду съ варварами. И весьма справедливо. Ибо гдѣ благородство вѣры, тамъ нѣтъ ни варвара, ни Еллина, ни чужеземца, ни гражданина, но всѣ стоятъ на одной степени чести. Замѣть же и въ этомъ скромность Павлову. Не сказалъ: научить, наставить въ вѣрѣ; но что же? Имѣть нѣкоторый плодъ. Не просто *плодъ*; но *нѣкій плодъ*. Опять ограничиваетъ все относящееся къ себѣ, какъ дѣлалъ выше, говоря: *да нѣкое подамъ*. Но вмѣстѣ, о чемъ замѣчено мною и прежде, ограничиваетъ и ихъ, присовокупляя: *якоже и въ прочихъ языцѣхъ*. Не подумайте, говоритъ онъ, что такъ какъ вы богаты и имѣете у себя больше всякаго, то о другихъ прилагаю я меньше старанія. Мы ищемъ не богатыхъ, а вѣрныхъ. Гдѣ нынѣ Греческіе мудрецы, которые, нося длинные бороды и закутавшись въ епанчи, высоко о себѣ мечтали? И Грецію и варварскія земли обратилъ скинотворецъ. Поставляемый у нихъ въ образецъ и превозносимый Платонъ три раза приходилъ въ Сицилію съ своими пышными словами и блистательною славою, но не превозмогъ одного тирана; напротивъ такъ нещастливо кончилъ свое дѣло, что потерялъ самую свободу. Но сей скинотворецъ обошелъ не одну Сицилію или Италію, а цѣлую вселенную, и проповѣдуя, не покидалъ

ремесла, но и въ это время сшивалъ кожи, управлялъ масперскою. И сіе не соблажняло знаменитыхъ Римлянъ; чему и быть надлежало. Ибо учащихъ дѣлаютъ обыкновенно презрѣнными не ремесло и промыслъ, но ложь и вымыслы. Посему—то надъ мудрецами смѣются даже Аѳиняне; а Павла со вниманіемъ слушали и варвары, и необразованные и невѣжи. Проповѣдь предлагается для всѣхъ вообще, безъ наблюденія и различія чиновъ, и преимущества народовъ, и тому подобнаго. Она требуетъ одной вѣры, а не умствованій. Тѣмъ особенно и достойна удивленія, что не только полезна и спасительна, но легка, удобна, для всѣхъ вразумительна. Въ семъ особенно заключается дѣйствіе Промысла Божія; потому что Богъ дары Свои предлагаетъ всѣмъ безъ различія. Какъ распорядился Онъ съ солнцемъ, луною, сушею, моремъ и тому подобнымъ, не далъ большей доли богатымъ и мудрымъ, а меньшей бѣднымъ, напротивъ всѣмъ дозволилъ пользоваться въ равной мѣрѣ; такъ распорядился и съ проповѣдію, и еще гораздо болѣе, поколику проповѣдь нужнѣе всего изчисленнаго выше. Посему и Павелъ непрестанно повторяетъ: всѣмъ народамъ. Послѣ сего Апостолъ, объясняя Римлянамъ, что не милость какую оказываетъ имъ, но исполняетъ повелѣніе Господа, и, научая воздать благодареніе Богу всяческихъ, говоритъ: (14) *Еллиномъ же и варваромъ, мудрымъ же и неразумнымъ долженъ есмь*, что самое говоритъ онъ

и въ посланіи къ Коринѳянамъ. А говоря сіе, приписываетъ все Богу.

(15) *Тако есть, еже по моему усердію и валъ сущимъ въ Римѣ благовѣстити.* Подлинно благородная душа, предпріемлющая дѣло исполненное сполькихъ опасностей, предпріемлющая путешествіе моремъ, подвергающаяся искушеніямъ, навѣтамъ, нападеніямъ! Ибо намѣреваясь проповѣдовать въ такомъ городѣ, гдѣ владычествовало нечестіе, естественно было ожидать бури искушеній. И дѣйствительно Павелъ кончилъ жизнь въ семъ городѣ, бывъ обезглавленъ тогдашнимъ Кесаремъ. Но ожиданіе таковыхъ бѣдствій не охладило его усердія; напротивъ онъ спѣшилъ, мучился отъ нетерпѣнія, сгаралъ желаніемъ. Посему и говоритъ: *тако есть, еже по моему усердію и валъ сущимъ въ Римѣ благовѣстити.*

(16) *Не стыжуся бо благовѣствованіемъ.* Что ты говоришь, Павелъ? Надлежало сказать: хвалюсь, ставлю себѣ въ честь, превозношуся; но ты не только не говоришь сего, а еще сказываешь нѣчто меньшее, именно, что ты не стыдишься, какъ обыкновенно опзываемся мы о чемъ—нибудь не очень важномъ. Итакъ что значатъ слова Павловы? Почему онъ такъ выражается, хотя благовѣствованіемъ дорожилъ болѣе, чѣмъ небомъ? Такъ въ посланіи къ Галатамъ говорилъ: *мнѣ же да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа*

нашего Іисуса Христа (Гал. VI, 14). Почему же здѣсь не говоритъ: *хвалюся;* но сказалъ: *не стыжуся?* Римляне были слишкомъ привержены къ мірскому, заняты богатствомъ, владычествомъ, побѣдами и самыми царями, которыхъ считали равными Богамъ, даже именовали Богами; почему строили имъ храмы и жертвенники, приносили жертвы. Столько были они надменны; а Павелъ долженъ былъ проповѣдывать Іисуса, мнимаго плотникова Сына, Который былъ воспитанъ въ Іудеѣ, въ домѣ незнатной Женщины, не имѣлъ при Себѣ оруженосцевъ, не нажилъ денегъ, а напротивъ умеръ съ злодѣями, какъ преступникъ, и претерпѣлъ множество разныхъ поруганій. И всего этаго естественно было стыдиться Римлянамъ, которые не знали неизреченныхъ и великихъ таинъ. Посему Апостолъ говоритъ: *не стыжуся*, научая между прочимъ и ихъ не стыдиться. Ибо зналъ, что успѣвши въ семъ, проспрутся вскорѣ на большее и будутъ хвалиться. Посему и ты, услышавъ вопросъ: ужели покланяешься Распятому?—Не стыдись, не потупляй очей, но хвались и величайся, съ смѣлымъ взоромъ, съ подъятымъ вверхъ челомъ подтверди свое исповѣданіе. И если опять спросятъ: такъ Распятому покланяешься? опять отвѣчай: но не прелюбодѣю, не отцеубійцѣ, не дѣтоубійцѣ, каковы всѣ языческіе Боги; а напротивъ Крестомъ побѣдившему демоновъ, и уничтожившему тысячи ихъ чародѣйствъ. Ибо Крестъ для насъ

есть дѣло неизреченнаго человѣколюбія, знакъ великаго попеченія.

Сверхъ того, поелику славящіеся витійствомъ и напитанные мірскою мудростію надмеваются; то я, говоритъ о себѣ Павелъ, навсегда отказавшись отъ таковыхъ умствованій, иду проповѣдовать Крестъ, и не стыжуся того. (16) *Сила бо Божія есть во спасеніе.* Есть сила Божія и въ наказаніе; такъ Богъ, наказавъ Египтянъ, сказалъ: сія есть сила Моя великая. Есть такъ же сила въ погибель, такъ сказано: *убойтеся могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ* (Матѳ. X, 28). А потому Апостолъ говоритъ: иду къ вамъ не съ такою силою, несу не казни и мщеніе, но то, что служитъ ко спасенію. А какъ? Развѣ Евангеліе не возвѣщало и о томъ, о гееннѣ, о тмѣ внѣшней, о червѣ ядовитомъ? Мы ни откуда больше не знаемъ о семъ кромѣ Евангелія. Какъ же Апостолъ называетъ оное *силою Божіею во спасеніе?* — Выслушай слѣдующее: *всякому вѣрующему, Іудееви же прежде и Еллину.* Не просто всѣмъ, но пріемлющимъ. Хотя ты Еллинъ, хотя погруженъ во всѣ пороки, хотя Скиѳъ, хотя варваръ, хотя настоящій звѣрь, лишенъ всякаго смысла, обремененъ тысячами грѣховъ; но какъ скоро принялъ слово крестное и крестился, ты загладилъ все сіе.

Почемуже говоритъ здѣсь Павелъ: *Іудееви же прежде и Еллину?* Въ чемъ состоитъ сія разность? Самъ часто говорилъ, что обрѣзаніе

ничто, и необрѣзаніе ничто; какъ же теперь различаетъ, и Іудея ставитъ выше язычника? Что это значитъ? Первый не больше получаетъ благодати потому только, что онъ первый. Тотъ же даръ дается Іудею и язычнику; а слово *прежде* означаетъ только порядокъ. Іудей не больше получаетъ оправданія; а удостоенъ только получить оное прежде. Просвѣщаемые, вамъ, какъ таинникамъ, извѣстно сіе) всѣ приступаютъ ко крещенію, но не всѣ крещаются въ одно время; впрочемъ хотя одинъ бываетъ первымъ, другой вторымъ; но первый получаетъ не больше втораго, и второй не больше за нимъ слѣдующаго; напротивъ всѣмъ подается одно и тоже. Итакъ словомъ *прежде* выражается здѣсь первенство въ порядкѣ рѣчи, а не какое—либо преимущество въ благодати.

Далѣе Апостолъ, сказавъ: *во спасеніе*, опять возвеличиваетъ даръ, показывая, что оный не ограничивается настоящею жизнію, но простирается далѣе. Сіе самое выразилъ онъ словами: (17) *Правда бо Божія въ немъ является отъ вѣры въ вѣру, якоже есть писано, праведный же отъ вѣры живъ будетъ.* Итакъ содѣлавшійся праведнымъ, *будетъ живъ* не въ настоящей только жизни, но и въ будущей. И не сіе одно подразумѣваетъ Павелъ, но еще нѣчто, именно: знаменитость и славу жизни праведника. Можно спастися и со стыдомъ для себя; такъ спасаются многіе освобождаемые отъ наказанія по царской милости. Дабы,

слыша о спасеніи, не сталъ ты подозрѣвать тогоже, Апостолъ упомянулъ о правдѣ, и о правдѣ не твоей, а Божіей, давая притомъ разумѣть обиліе и доступность оной. Ибо не трудами и потомъ заслуживаешь ее, а получаешь даромъ свыше, принося съ своей стороны одну только вѣру. И какъ невѣроятною казалась такая мысль, что прелюбодѣй, сластолюбецъ, грабитель мертвыхъ, чародѣй, вдругъ не только освобождается отъ наказанія, но становится праведнымъ, и оправдывается правдою свыше; Апостолъ подтверждаетъ мысль сію Ветхимъ Завѣтомъ. И съ начала въ краткомъ рѣченіи открываетъ безпредѣльное море событій для способнаго объять оное взоромъ. Ибо сказавъ: *отъ вѣры въ вѣру*, обратилъ вниманіе слушателя на ветхозавѣтное домостроительство Божіе, которое съ необычайною мудростію изображаетъ въ посланіи къ Евреямъ, и доказываетъ, что тогда такимъ же образомъ оправдывались и праведники и грѣшники; почему и упомянулъ какъ о Раавѣ, такъ и о Авраамѣ. А здѣсь, только подразумѣвая тоже самое, такъ какъ спѣшилъ перейти скорѣе къ другому разсужденію, подтверждаетъ мысль свою Пророками, и выводитъ на среду Аввакума, который взываетъ и говоритъ, что желающему жить неиначе возможно быть живымъ, какъ чрезъ вѣру. Ибо, разсуждая о будущей жизни, говоритъ онъ: *праведникъ отъ вѣры живъ будетъ* (Авв. II, 4). Такъ какъ то, что даетъ Богъ,

превосходитъ всякую мысль; то по справедливости нужна для насъ вѣра. *Презорливый же и обидливый мужъ и величавый ничесоже скончаетъ* (Авв. II, 5).

Пусть еретики услышатъ сей духовный гласъ! Таково точно свойство умствованій; оно подобно лабиринту и грифамъ, нигдѣ не имѣетъ конца, не даетъ мыслямъ установиться на камнѣ, и ведетъ начало отъ самохвальства. Ибо тѣ, которые стыдятся допустить вѣру, и показать, что они не знаютъ небеснаго, кружатся въ вихрѣ безчисленныхъ умствованій. Жалкій бѣднякъ, стоющій того, чтобъ непрестанно о тебѣ плакать! Если спроситъ тебя: какъ совершилось небо или земля—даже что говоритъ о небѣ и землѣ?—какъ самъ ты родился, воспитанъ и выросъ; ты не стыдишься своего незнанія? А когда зайдетъ рѣчь о Единородномъ; избѣгая стыда, ввергаешь ты самъ себя въ ровъ гибели? не почитаешь для себя неприличнымъ не знать всего? Неприлично для тебя спорить и безвременно любопытствовать. И что говоритъ о членахъ вѣры? Отъ самыхъ пороковъ настоящей жизни освобождаемся мы не иначе, какъ чрезъ вѣру. Вѣрою просіяли всѣ доселѣ жившіе, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ; вѣрою спаслася блудница, какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ. Ибо сказано: *вѣрою Раавъ блудница не погибе съ сопротивльшимися, пріимши соглядателей* (Евр. XI, 31). Не стала она разсуждать: какъ

возмогутъ сіи плѣнники, бѣглецы, бродяги, ведущіе кочевую жизнь одолѣть городъ, защищенный стѣнами и башнями? Еслибы такъ разсудила; то погубила бы себя и ихъ; какъ и дѣйствительно погибли предшественники спасенныхъ Раавою. Ибо тѣ, увидѣвъ людей великорослыхъ и сильныхъ, стали изыскивать средства, какъ побѣдить ихъ, и всѣ погибли безъ войны и сраженія. Видишь ли, какова бездна невѣрія, и какъ щверда стѣна вѣры? Невѣріе довело до гибели безчисленное множество людей, а вѣра жену блудницу не только спасла, но и содѣлала покровительницею народа Израильскаго. Зная сей и другіе многіе примѣры, не будемъ никогда доискиваться причины дѣлъ Божіихъ; но безъ изслѣдованія и излишней пытливости станемъ принимать повелѣнія Божіи, хотябы оныя казались несообразными съ человѣческимъ разумомъ. Ибо, скажи, что, кажется, несообразнѣе, какъ отцу самому умертвить единственнаго и возлюбленнаго сына? Однакожъ праведникъ, получивъ такое приказаніе, не сталъ разсуждать о томъ, а принялъ повелѣніе единственно по достоинству повелѣвающаго, и повиновался. Но другой, получивъ отъ Бога повелѣніе бить Пророка, и считая сіе несообразнымъ, задумался надъ симъ дѣломъ, и не послушался просто. За сіе наказанъ онъ смертію, а бивший угодилъ Богу (3 Цар. XX, 35). И Саулъ, пропивъ воли Божіей спасшій жизнь людямъ, низложенъ съ престола, и подвергся

нестерпимой казни. Не трудно найти и другіе многіе примѣры, которые согласно научаютъ насъ никогда не изыскивать причины повелѣній Божіихъ, а только не противиться и повиноваться онымъ. Еслиже опасно углубляться въ то, что повелѣно, и любопытныхъ ожидаетъ крайнее наказаніе; то какое извиненіе будутъ имѣть тѣ, которые судятъ о предметахъ непостижимыхъ и страшныхъ, на примѣръ: какъ и какимъ образомъ Отецъ родилъ Сына? какая Его сущность? Итакъ зная сіе, со всѣмъ благодушіемъ примемъ матерь всѣхъ благъ — вѣру, дабы намъ, какъ плывущимъ въ безмятежную пристань, соблюсти правильное ученіе, и со всею безопасностію направляя жизнь свою, получить вѣчныя блага, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклоненіе во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 3.

I, 18—25.

I, 18. *Открывается бо гнѣвъ Божій съ небесе на всякое нечестіе и неправду человѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ.*

Замѣть искусство Павла, съ какимъ онъ, начавъ рѣчь краткими увѣщаніями, обращается къ угрозамъ. Сказавъ, что Евангеліе есть причина спасенія и жизни, сила Божія, что имъ

совершается спасеніе и оправданіе, онъ употребляетъ теперь выраженія, которыя могутъ устрашить даже невнимательныхъ. И какъ обыкновенно большая часть людей привлекаетъ къ добродѣтели не столько обѣщаніемъ благъ, сколько страхомъ скорбей; Апостолъ влечетъ ихъ чрезъ то и другое. По сей причинѣ и Богъ не только обѣщаетъ Царство, но и угрожаетъ геенною; и Пророки, проповѣдуя Іудеямъ, всегда къ обѣтованіямъ присоединяли угрозы. По тойже причинѣ и Павелъ разнообразитъ рѣчь, и не безъ намѣренія предлагаетъ прежде пріятное, а потомъ непріятное; но показываетъ тѣмъ, что первое есть дѣло предваряющей воли Божіей, а послѣднее есть слѣдствіе худой жизни нерадивыхъ. Такъ и Пророкъ о благахъ упоминаетъ прежде, говоря: *аще хощете, и послушаете мене, благая земли снѣсте: аще же не хощете, ниже послушаете мене, мечь вы поястъ* (Исаіи I, 19 и 20). Въ такомъ же порядкѣ и здѣсь располагаетъ рѣчь свою Павелъ. Смотри, говоритъ онъ, Христосъ пришелъ и даровалъ прощеніе, оправданіе, жизнь; но даруетъ сіе не просто, а чрезъ крестъ. Всего важнѣе и удивительнѣе не то одно, что Онъ даровалъ намъ все сіе, но то, что столько пострадалъ. Посему если поругаетесь дарами, то ожидайте себѣ скорбей. И замѣть, какъ Апостолъ возвышаетъ рѣчь. *Открывается бо*, говоритъ онъ, *гнѣвъ Божій съ небесе*. Изъ чего сіе видно? Еслибы такой вопросъ предложилъ вѣрный, мы

представили бы ему слова Христовы; а если предложитъ невѣрный и язычникъ, то самъ Павелъ заграждаетъ ему уста тѣмъ, что говоритъ въ послѣдствіи о судѣ Божіемъ, приводя непререкаемое доказательство изъ событій съ язычниками совершившихся. И что всего удивительнѣе, Апостолъ доказываетъ, что противящіеся сей истинѣ сами подтверждаютъ ученіе истины тѣмъ, что дѣлаютъ и говорятъ каждый день. Но о семъ скажемъ послѣ, а теперь займемся настоящимъ предметомъ. *Открывается бо гнѣвъ Божій съ небесе.* И въ настоящей жизни часто открывается гнѣвъ Божій и на каждаго въ особенности и на всѣхъ вообще чрезъ голодъ, язвы, брани. Что же иногда произойдетъ чрезвычайнаго? То, что наказаніе будетъ большее, общее и другаго рода; то, что нынѣ бываетъ, служитъ къ исправленію; а что случится иногда, будетъ казнь. Въ семъ смыслѣ сказалъ Павелъ, что нынѣ *наказуемся, да не съ міромъ осудимся* (1 Кор. XI, 32). Нынѣ многіе во многомъ думаютъ видѣть не гнѣвъ свыше, но обиду отъ людей; а иногда явно будетъ, что наказаніе отъ Бога; Судія возсядетъ на страшномъ престолѣ, и повелитъ влечь кого въ огонь, кого въ тьму внѣшнюю, кого на другія неизбѣжныя и несноснымыя казни. Почему же Апостолъ не сказалъ сего ясно, что напримѣръ Сынъ Божій придетъ со тьмами Ангеловъ, и потребуетъ отчета у каждаго; а говоритъ: *открывается гнѣвъ Божій?* Потому, что

слушатели недавно еще обращены были въ вѣру. И Апостолъ сначала дѣйствуетъ на нихъ тѣмъ, что они сами признавали. Притомъ, мнѣ кажется, говорится сіе язычникамъ; и потому Апостолъ начинаетъ съ общихъ понятій; а послѣ говоритъ о судѣ Христовомъ.

На всякое нечестіе и неправду человѣковъ, содержащихъ истину въ неправдѣ. Въ сихъ словахъ Апостолъ показываетъ, что путей нечестія много, а путь истины одинъ. Ибо заблужденіе есть нѣчто разнообразное, многовидное и смѣшанное; и истина одна. Сказавъ же объ ученіи, Апостолъ упоминаетъ и о жизни, когда говоритъ о неправдѣ человѣковъ. И неправды бываютъ разныя, касаются или имѣній, когда въ этомъ обижаетъ кто ближняго, или женъ, когда бросивъ кто свою жену, растерзаетъ чужій бракъ. Сіе Павелъ называетъ любостяжательностію, *чтобы мы ни въ чемъ не поступали съ братомъ своимъ противозаконно и корыстолюбиво* (1 Сол. IV, 6). Иные вмѣсто жены и имѣнія похищаютъ честь ближняго; и это также неправда; потому что доброе имя дороже огромнаго богатства. Хотя нѣкоторые утверждаютъ, что Павелъ разумѣетъ одно ученіе; впрочемъ нѣтъ препятствія слова его относить и къ ученію и къ жизни. А что значитъ *содержать истину въ неправдѣ*, узнай изъ послѣдующаго.

(19) *Зане, еже возможно разумѣти о Бозѣ, явь есть въ нихъ: Богъ бо явилъ есть*

или. А язычники славу Божію приписали древамъ и камнямъ. Представь, что попъ, кому повѣрена Царская казна, и поручено издерживать оную для славы Царя, истратитъ ее на воровъ, блудницъ и чародѣевъ, содержа ихъ пышно на царскія деньги; какъ оскорбитель царскаго величія, понесетъ онъ наказаніе. Такъ и язычники, получившіе вѣденіе о Богѣ и славѣ Его, но приписавшіе оную идоламъ, *содержали истину въ неправдѣ*, поступали противъ сообщеннаго имъ вѣденія, употребивъ оное не такъ, какъ слѣдовало. Теперь ясны ли для васъ слова Павловы, или нужно еще пояснить оныя? Можетъ быть потребуете послѣдняго; такъ что же значитъ сказанное Апостоломъ? Богъ вѣденіе о Себѣ вложилъ въ человѣковъ при самомъ ихъ рожденіи; но язычники свое знаніе о Богѣ приложивъ къ деревамъ и камнямъ, оскорбили истину, явленную имъ. Ибо сама истина пребываетъ неизмѣнною, и слава ея непоколебима. А изъ чего видно, Павелъ, что Богъ и въ язычниковъ вложилъ сіе знаніе? Изъ того, отвѣчаетъ Апостолъ, что *еже возможно разумѣти о Бозѣ, явь есть въ нихъ*. Но это положеніе, а не доказательство. Ты докажи мнѣ, представь ясный доводъ, что знаніе о Богѣ открыто было язычникамъ, но они самовольно удалились отъ онаго. Какъ же было открыто? развѣ гласъ къ нимъ посланъ? Нѣтъ. Напротивъ Богъ сдѣлалъ то, что болѣе самаго гласа могло привлечь ихъ вниманіе; Онъ поставилъ

предъ ними Свое твореніе, которое, чрезъ одно созерцаніе красоты всего видимаго, научало и мудреца, и невѣжу, и Скиѳа, и варвара возноситься мыслію къ Богу.

Посему Павелъ говоритъ: (20) *Невидимая бо Его отъ созданія міра твореніи помышляема видима суть.* Тоже подтверждаетъ и Пророкъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Псал. XVIII, 1). Что скажутъ язычники въ день суда? Мы не знали Тебя? Ужели не слыхали гласа небесъ, говорящихъ взору? стройной во всемъ гармоніи, звучащей громогласнѣе трубы? Не видали уставовъ дня и ночи, всегда ослающихся неизмѣнными? твердаго и непоколебимаго порядка зимы, весны и прочихъ годовыхъ временъ? моря не выступающаго изъ своихъ предѣловъ среди волнованій и бурь? не примѣтили, какъ все пребываетъ въ своемъ чинѣ, какъ все своею красотою и величіемъ возвѣщаетъ Творца?—Сіе самое и еще больше сего въ немногихъ словахъ выразилъ Павелъ: *Невидимая бо Его отъ созданія міра твореніи помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество, во еже быти имъ безотвѣтными.* Впрочемъ не для сей цѣли сотворенъ міръ Богомъ; хотя это и случилось. Людямъ предложенъ сей урокъ не для того, чтобы лишить ихъ извиненія, но для того, чтобы они познали Бога. Содѣлавшись же неблагодарными, они сами себя лишили всякаго извиненія.

Послѣ сего показывая, почему язычники неизвинительны, Апостолъ говоритъ: (21) *Занеже разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша или благодариша*. Весьма важна и сія одна вина; но язычники виновны еще въ томъ, что поклонялись идоламъ. И Іеремія въ осужденіе ихъ сказалъ: *два зла сотвориша людіе сіи: Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себѣ кладенцы сокрушеныя* (Іерем. II, 13). Далѣе признакомъ того, что язычники знали Бога, и не воспользовались симъ знаніемъ, какъ надлежало, Апостолъ поставляетъ то самое, что они признали многихъ боговъ. Посему сказавъ: *занеже разумѣвше Бога, не яко Бога прославиша*, приводитъ причину, по которой впали они въ такое безуміе. Какая же это причина? Та, что они во всемъ положились на свои умствованія. Впрочемъ Апостолъ не такъ выразилъ, а гораздо поразительнѣе. *Осуетишася помышленіями своими, и омрачися неразумное ихъ сердце*. Кто въ безлунную ночь пускается идти неизвѣстною дорогою, или плыветъ по морю, тотъ не только не достигаетъ цѣли, но чаще губитъ себя. Такъ и язычники подвергшись ужаснѣйшему кораблекрушенію, когда, предпринявъ идти путемъ ведущимъ къ небу, лишили самихъ себя свѣта, и вмѣсто онаго предалися тьмѣ умствованій, безпѣлеснаго ища въ тѣлахъ и неописуемаго—въ образахъ. Кромѣ сказанной причины Павелъ приводитъ и другую: (22) *Глаголющеея*

быти мудри объюродѣша. Мечтая о себѣ много, и не восхотѣвши идти путемъ, какой предписанъ имъ Богомъ, они погрязли въ помыслахъ неразумія.

Послѣ сего, явственно изображая самое обуреваніе, и то, сколько оно было свирѣпо, какъ безъ всякой пощады влекло людей въ гибель, Павелъ продолжаетъ: (23) *И измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка и птицъ и четвероногихъ и гадъ.* Первая вина, что не нашли Бога; вторая, что не нашли, имѣя къ тому сильныя и очевидныя средства; третія, что не нашли, называя себя мудрыми; четвертая, что не только не нашли, но и честь принадлежащую Богу, воздали демонамъ, камнямъ, деревамъ. Въ посланіи къ Коринѳянамъ Павелъ также излагаетъ киченіе язычниковъ, но иначе, нежели здѣсь. Тамъ поражаетъ ихъ крестомъ, говоря: *зане бывее Божіе премудрѣе человѣкъ есть* (1 Кор. I, 25); а здѣсь, нападая на языческую мудрость, доказываетъ, что она сама въ себѣ и внѣ всякаго сравненія есть юродство, одно обнаруженіе самохвальства. А дабы ты зналъ, что язычники имѣли знаніе о Богѣ, но сами погубили оное, Павелъ сказалъ: *измѣниша*; ибо измѣняющій, прежде нежели измѣнитъ, имѣетъ у себя нѣчто другое. Язычники хотѣли найти нѣчто большее, не удержались въ данныхъ предѣлахъ, за то и ниспали; ибо любили вводить новыя мнѣнія. Въ сихъ нововведеніяхъ состояла

вся Еллинская мудрость; посему оспоривали другъ друга, Аристотель возставалъ на Платона, Стоики вооружались на Аристотеля, и одинъ былъ противникомъ другаго. Посему язычникамъ не удивляться должно за ихъ мудрость, а отвращаться и ненавидѣть ихъ; потому что они сами отъ себя обезумѣли. Еслибы они не избрали себѣ въ руководство размышленій, умствованій, софизмовъ; то не потерпѣли бы того. Далѣе, усиливая обвиненія, Апостолъ осмѣиваетъ идолослуженіе въ цѣломъ его составѣ. Ежели измѣнить только славу Божію само по себѣ чрезвычайно смѣшно; то измѣнить въ такія вещи совершенно не извинительно. Разсуди же, во что измѣнили язычники, и чему воздали славу! О Богѣ надлежало представлять себѣ, что Онъ Богъ, Господь всего, что Онъ сотворилъ несуществовавшихъ, что Онъ промышляетъ и печется. Въ семъ состоитъ слава Божія. Къ кому же приложили ее язычники? Не къ человѣкамъ, но къ *подобію образа тлѣнна человѣка*. Даже на семъ не остановились, но низошли до скотовъ, и до образовъ скотскихъ. И ты замѣть мудрость Павла, какъ онъ выставилъ двѣ крайности: Бога, Который всего выше, и гадовъ, которые всего ниже, или, лучше сказать, не гадовъ, но подобія гадовъ, дабы въ полномъ свѣтѣ показать безуміе язычниковъ. Познаніе, какое надлежало имѣть о существѣ безъ сравненія все превосходящемъ, приложили они къ предмету безъ сравненія всего презрѣннѣйшему.

Но скажемъ: касается ли это философовъ? Да, къ нимъ преимущественно относится все сказанное. Они имѣютъ учителями Египтянъ, которые изобрѣли сіе. Симъ хвалится Платонъ, ученіе котораго кажется болѣе чистымъ, нежели другіе. И учитель Платоновъ былъ приверженъ къ тѣмъ же идоламъ; объ немъ извѣстно, что приказалъ пѣтуха принесть въ жертву Ескулапію. Здѣсь увидишь изображенія скотовъ и гадовъ, и вмѣстѣ съ гадами равно чтимыхъ Аполлона и Бахуса. А нѣкоторые философы даже возвели на небо тельцевъ, скорпіоновъ, драконовъ и всякую другую мерзость. Ибо діаволъ всѣми мѣрами старался низвесть людей до подобія гадовъ, и самымъ несмысленнѣйшимъ тварямъ подчинить тѣхъ, которыхъ Богъ хотѣлъ возвести превыше неба. Но кромѣ сего есть и другое доказательство, что глава философовъ виновенъ въ сказанномъ выше. Когда случается онъ спихопворцевъ и совѣтуетъ имъ вѣрить въ томъ, что говорятъ о Богѣ, какъ людямъ глубоко то знающимъ; тогда представляетъ не болѣе, какъ кучу сихъ бредней, и утверждаетъ, что смѣшные сіи вымыслы надлежитъ принимать за истину.

(24) *Тѣмъ же и предаде ихъ Богъ въ похотехъ сердецъ ихъ въ нечистоту: во еже сквернитися тѣлесемъ ихъ въ себѣ самихъ.* Въ сихъ словахъ Апостолъ показываетъ, что нечестіе было причиною нарушенія законовъ. Слово же: *предаде*, значитъ здѣсь: попустилъ. Какъ предводитель воинства,

оставивъ начальство и удалившись во время продолжающагося сраженія, предаетъ воиновъ врагамъ, не чрезъ содѣйствіе свое, но тѣмъ, что лишаетъ своей помощи: такъ Богъ не восхотѣвшихъ принять Его внушаній и самовольно отъ Него отпадшихъ оставилъ послѣ того, какъ употребилъ съ Своей стороны все, что было можно. И разсуди: Богъ предложилъ людямъ вмѣсто урока міръ, даровалъ имъ разумъ и разсудокъ способный постигать правое; но они ни чѣмъ тѣмъ не воспользовались для своего спасенія, а напротивъ превратили все, что получили. Что-жъ дѣлать? Влечь ли ихъ силою и по неволѣ? Но это не значило бы сдѣлать ихъ добродѣтельными. Итакъ надлежало ихъ оставить, что Богъ и сдѣлалъ, дабы люди, извѣдавъ опытомъ все, къ чему такъ сильно спремились, сами наконецъ бѣжали позора. Если царскій сынъ къ безчестію отца начнетъ жить съ ворами, убійцами, грабителями мертвыхъ, и общество такихъ людей предпочтетъ отцовскому дому: то отецъ конечно оставитъ его, дабы собственнымъ опытомъ могъ онъ убѣдиться въ непомѣрной своей глупости. А для чего Апостолъ не упомянулъ ни объ одномъ другомъ грѣхѣ, ни объ убійствѣ, ни о любостяжаніи, ни о подобныхъ тому грѣхахъ; упоминаетъ же о невоздержаніи? Мнѣ кажется, что онъ указываетъ на современныхъ ему слушателей, на тѣхъ, которые должны были получить его посланіе. *Въ нечистоту: во еже сквернитися*

тѣлесемъ ихъ въ себѣ самихъ. Какое разительное выраженіе! Язычники, говоритъ Павелъ, и безъ обижающихъ терпѣли обиды; какъ поступили бы съ ними враги, такъ они поступали сами съ собою.

Потомъ, возвращаясь опять къ причинѣ, Апостолъ продолжаетъ: (25) *Иже премѣниша истину Божію во лжу, и почтоша и послужиша твари паче Творца.* Что особенно было смѣшно въ язычествѣ, то Апостолъ перечисляетъ по родамъ; а что, повидимому, чище прочаго, о томъ говоритъ вообще. Но тѣмъ и другимъ доказываетъ, что язычество есть служеніе тварямъ. И замѣть, какъ онъ выразилъ мысль свою. Сказалъ не просто: *послужиша твари*, но присовокупивъ: *паче Творца*, дабы сколько можно, увеличить вину язычниковъ, и такимъ присовокупленіемъ лишитъ ихъ всякаго извиненія. *Иже есть благословенъ во вѣки, аминь.* Но сіе нимало не повредило славѣ Божіей, говоритъ Павелъ; потому что Богъ благословенъ во вѣки. Симъ Апостолъ даетъ разумѣть, что Богъ не мстилъ за Себя язычникамъ, когда оставилъ ихъ, такъ какъ Самъ Онъ ничего не потерпѣлъ. Если язычники и оскорбляли Его, то Онъ не оскорблялся, слава Его не умалилась; напротивъ всегда пребываетъ Онъ благословеннымъ. Если и любомудрый человѣкъ часто не оскорбляется обидами; то кольми паче Богъ, существо безсмертное и неизмѣняемое, слава непреходящая и непремѣняемая. И люди тѣмъ самымъ

уподобляются Богу, когда другіе желаютъ вредить имъ, а они ничего не чувствуютъ и не оскорбляются, когда ихъ бьютъ и осмѣиваютъ, а они радуются какъ небитые и неосмѣянные. Но возможно ли это, спросимъ? Возможно, даже весьма возможно, когда ты не скорбишь, чтобы съ тобою ни случилось. Но какъ можно не скорбѣть, спрашиваемъ? А я спрашиваю: какъ можно скорбѣть? Еслибы тебѣ нанесено было оскорбленіе собственнымъ твоимъ дѣтищемъ; то скажи мнѣ: ужели бы ты такую обиду счелъ за обиду? ужели бы сталъ скорбѣть? Нѣтъ. А еслибы оскорбился, то не смѣшно ли бы это было? Будемъ питать такія же расположенія къ ближнему, и тогда не встрѣтится намъ ничего непріятнаго. Обижающій другаго глупѣе ребенка. Не будемъ требовать, чтобы насъ не обижали; напротивъ, будучи обижены, перенесемъ обиду великодушно. Въ этомъ состоитъ истинная честь наша. Почему же? Потому, что перенести обиду великодушно въ твоей власти, а обидѣть тебя во власти другаго. Видалъ ли ты, чтобы ударенный адамантъ самъ ударилъ? Но скажемъ: такова его природа. Впрочемъ и тебѣ возможно по свободной рѣшимости сдѣлаться таковымъ, каковъ онъ по природѣ. И что? не знаемъ развѣ, что отроки не опалились въ печи? что Даніилъ во рвѣ не потерпѣлъ никакого зла? И нынѣ можетъ тоже случиться. И насъ окружаютъ львы—гнѣвъ, похоть; ихъ зубы терзаютъ всякаго встрѣтившагося. Подражай

Даніилу; и не позволяй страстямъ впиваться зубами тебѣ въ душу. Но скажемъ: ему во всемъ помогала благодать. Согласенъ; помогала потому, что ей предшествовала собственная воля. Если и мы захочемъ уготовить себя также; то благодать и нынѣ готова помогать. Какъ ни голодны звѣри, не прикоснутся къ твоему боку. Если увидѣвъ тѣло раба, пришли они въ страхъ; то ужели не усмирятся, видя члены Христовы; ибо таковы мы вѣрные? Если же не усмиряются; виновны въ томъ отданные. Ибо многіе доставляютъ обильную пищу львамъ симъ, содержа блудницъ, нарушая супружескія обязанности, мстя врагамъ; почему, не дойдутъ еще и до дна, какъ бываютъ разтерзаны. Но не то случилось съ Даніиломъ, не то будетъ и съ нами, если захотимъ; напротивъ совершится большее чудо, чѣмъ съ Даніиломъ. Ему львы не сдѣлали вреда; а намъ, если будемъ бдительны, обижающіе насъ сдѣлаютъ пользу. Такъ Павелъ сдѣлался славнымъ чрезъ оскорбителей и злоумышленниковъ; такъ Іовъ чрезъ многія раны, такъ Іеремія чрезъ ровъ тинный, такъ Ной чрезъ потопъ, такъ Авель чрезъ братнее злоумышленіе, такъ Моисей чрезъ кровожадныхъ Іудеевъ, такъ Елиссей, такъ всѣ великіе мужи, не за безмятежную и роскошную жизнь, но за скорби и искушенія получили блистательные вѣнцы. И Христосъ, разумѣя сей способъ прославленія, говорилъ ученикамъ: *Въ мірѣ скорбни будете: но дерзайте, яко Азъ побѣдихъ*

міръ (Іоан. XVI, 33). Такъ чтоже, спросимъ? развѣ не многіе также пали подъ тяжестію золъ? Пали, но не отъ свойства искушеній, а отъ собственнаго нерадѣнія. Но творяй *со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи понести* (1 Кор. X, 13), Самъ да поможетъ всѣмъ намъ, и да простретъ руку, дабы намъ, прославленнымъ свѣтло, получить вѣчные вѣнцы, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, честь, держава нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 4.

I, 26—28.

I, 26. *Сего ради предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія: и жены бо ихъ измѣниша естественную подобу въ преестественную:* (27) *Такожде и мужи, оставльше естественную подобу женска пола, разжегошася похотію своею другъ на друга.*

Хотя всякая страсть безчестна; но всего безчестнѣе неистовая любовь къ мущинамъ. Душа страждетъ и обезображивается отъ грѣховъ болѣе, нежели тѣло отъ болѣзней. Смотри же, какъ Апостолъ и здѣсь лишаетъ язычниковъ возможности къ извиненію, употребивъ о женщинахъ тоже слово, какое употребилъ о догматахъ: *измѣниша естественную подобу.*

Никто не можетъ сказать, говоритъ онъ, что дошли до сего, не имѣя случая къ законному сношію, и что предалися столь необычайному неистовству, потому что не могли удовлетворить своему похотѣнію. Ибо измѣнять можетъ только имѣющій; какъ сказано и о догматахъ: *премѣниша истину Божію во лжу*. Говоря же о мущинахъ, Апостолъ тоже самое выразилъ иначе: *оставльше естественную подобу женска пола*. И у женщинъ и у мущинъ равно опнимаетъ онъ возможность къ извиненію, уличая ихъ, что не только, имѣя способъ къ наслажденію и оставивъ оный, обратились къ иному, но даже, презрѣвъ способъ естественный, прибѣгли къ противоестественному. Но противоестественное всего затруднительнѣе и непріятнѣе; посему не можетъ быть названо удовольствіемъ. Истинное удовольствіе сообразно съ природою. Но когда Богъ оставляетъ; тогда все приходитъ въ безпорядокъ. Посему у язычниковъ не только ученіе было сатанинское, но и жизнь діявольская. Разсуждая о догматахъ, Апостолъ указалъ на міръ и человѣческій разумъ, говоря, что люди съ помощію разумѣнія, даннаго отъ Бога, могли посредствомъ видимаго возвыситься до Творца; а какъ не восхотѣли сего, содѣлались неизвинительны. А здѣсь вмѣсто міра указалъ онъ на удовольствіе сообразное съ природою, которымъ можно наслаждаться съ большею свободою и съ большимъ увеселеніемъ, притомъ безъ стыда. Но язычники

не захотѣли сего, и нарушивъ уставы естества, содѣлались во все неизвинительными. Безчеснѣе же всего то, что женщины изобрѣли такія соитія, которыхъ имъ надлежало стыдиться болѣе нежели соитія съ мущинами. И въ семъ случаѣ должно подивиться благоразумію Павла, какъ онъ, нападая на два противоположныя дѣла, съ большею точностію достигъ своей цѣли. Ибо хотѣлъ и выразиться благопристойно, и сильнѣе дать почувствовать слушателю. А сіе то и не возможно было; напротивъ одно препятствовало другому. Выразившись благопристойно, не льзя было тронуть слушателя; а дабы сильнѣе поразить его, надлежало представить дѣло во всей ясности и наготѣ. Но разумная и святая душа Павлова совершенно успѣла въ томъ и другомъ; имя естества усилило обвиненіе, и послужило какъ бы нѣкоторымъ покровомъ для благопристойности рѣчи. Сперва коснувшись женщинъ, Апостолъ обращаетъ потомъ рѣчь къ мущинамъ: *также и мужи, оставльше естественную подобу женска пола*. Сіе служитъ доказательствомъ крайней порчи; когда развращены оба пола, когда обходятся между собою, какъ враги, и мущина, который назначенъ быть наставникомъ жены, и женщина, которой велѣно быть помощницею мужа. Замѣть же, какія сильныя выраженія употребляетъ Апостолъ. Не сказалъ, что они питали взаимную любовь и вождѣленіе: но что *разжегошася похотію*

своею другъ на друга. Видишь ли, что все произошло отъ ненасытнаго вожделѣнія, которое не любитъ держаться въ надлежащихъ предѣлахъ? Ибо всякій, преступающій законы постановленные Богомъ, питаетъ вожделѣніе къ несродному и незаконному. Какъ часто многіе, потерявъ позывъ на обыкновенную пищу, ѣдятъ землю и мелкіе камни; иные же, томясь сильною жаждою, ради пить грязную воду: такъ язычники воскипѣли сею беззаконною любовію. И ежели спросишь: отъ чего такая стремительность вожделѣнія? — Отвѣтствую: отъ того, что они оставлены Богомъ. А за что оставлены? За беззаконіе, за то, что сами оставили Бога. *Мужи на мужьхъ студъ содѣвающе.* Услышавши, говоритъ Апостолъ, что они *разжигалися*, не только сею болѣзнію одного вожделѣнія. То, что разжигало вожделѣніе, происходило больше отъ ихъ безпечности. Посему не сказалъ онъ: *соблазнившись*, или *впавши* (Гал. VI, 1), какъ выразилъ въ другомъ мѣстѣ; но какъ же? *Содѣвающе.* Они совершали грѣхъ на самомъ дѣлѣ, и не просто совершали, но съ ревностію. Не сказалъ также: вожделѣніе; но ясно *студъ*; потому что поругали природу, попрали законъ. Смотри, какое большее замѣшательство произошло съ обѣихъ сторонъ. Не только голова стала внизу, но и ноги вверху; люди сдѣлались врагами себѣ самимъ и другъ другу; открыта жестокая брань въ разныхъ видахъ и съ разныхъ сторонъ — брань, которая беззаконнѣе всякаго

междуусобія; она раздѣлена на четыре рода; которые всѣ суетны и преступны. Такъ не двухъ и трехъ, но четырехъ родовъ происходила у нихъ брань. Разсуди самъ. Двоимъ, разумѣю жену и мужа, надлежало соспавляпть одно, какъ сказано: *будета два въ плоть едину* (Быт. II, 24). А сіе производилось склонносшію жишь не въ одиночествѣ; ею взаимно сопрягались оба пола. Діаволъ, испребивъ сію склонносшь, и давъ ей иное направленіе, раздѣлилъ между собою полы, и вопреки закону Божію изъ одного цѣлаго сдѣлалъ двѣ часши. Хотя Богъ сказалъ: *будете два въ плоть едину;* но діаволъ единую раздѣлилъ на двѣ. Вотъ первая брань! Опяшь каждая изъ сихъ двухъ частей начала брань какъ одна съ другою, шакъ и сама съ собою. Ибо женщины наносили поруганіе не шолько мущинамъ, но и женщинамъ; а мущины возставали другъ на друга и на женскій полъ, какъ бываепъ въ военной сумашохѣ ночью. Видишь ли вшорую и трешью брань, и чешвертую и пяшую? Но вошъ и еще брань! Онѣ сверхъ сказаннаго, возспали на самую природу. Діаволъ видѣлъ, что самое вожделѣніе всего болѣе соединяепъ полы; посему спарался разорвашь сей узелъ, дабы не шолько прошивозаконнымъ расшоченіемъ сѣмена пресѣчь родъ человѣческій, но и испребишь, вооруживъ людей другъ прошивъ друга.

И возмездіе, еже подобаше прелести ихъ, съ себь воспріемлюще. Видишь, какъ Апосшолъ возвращаешся къ исшочнику зла —

нечестивому ученію, и говоритъ, что развратъ былъ воздаяніемъ за оное беззаконіе. И поелику сказанное Павломъ о геенне и наказаніи для людей нечестивыхъ, избравшихъ развратную жизнь, показалось бы достойнымъ не вѣроятія, но смѣха; то онъ доказываетъ, что наказаніе сіе заключается въ самомъ семъ удовольствіи. И не дивись, что они не чувствуютъ того, а услаждаются. Бѣшеные и страждущіе помѣшательствомъ ума, сами себя мучая и находясь въ жалкомъ положеніи, смѣются и забавляются тѣмъ, хотя другіе о нихъ плачутъ. Но по этому не назовемъ ихъ свободными отъ наказанія; напротивъ жестокость ихъ мученія видна изъ того, что они сами не знаютъ своего положенія. Не больнымъ должно судить объ ономъ, а здоровымъ. Ибо въ древности такія дѣла считались даже законными, и одинъ языческій законодатель запретилъ слугамъ употребленіе мазей внѣ бани и мужеложство, а свободнымъ уступилъ такое преимущество, или правильнѣе сказать такое студодѣяніе. Впрочемъ язычники не признавали сего срамнымъ, но какъ нѣчто благопристойное, даже высокое для рабскаго состоянія, предоставляли свободнымъ. Такъ разсуждалъ мудрѣйшій народъ Аѳинскій, и великій изъ Аѳинянъ Солонъ. Много найдется и другихъ философскихъ сочиненій, зараженныхъ тою же болѣзнію. Однакожъ по этому не назовемъ дѣла сего законнымъ, а напротивъ признаемъ жалкими и весьма достойными слезъ людей,

слѣдовавшихъ такому закону. Что терпятъ блудницы, тоже, или еще и болѣе, терпятъ и мужеложники. Соитіе съ блудницами, хотя беззаконно, но естественно; а мужеложство и противозаконно а противоестественно. Еслибы не было геенны, не угрожало наказаніе; то самое преступленіе сіе было бы хуже всякаго наказанія. Если же услаждаются онымъ; то сіе показываетъ увеличеніе казни. Ежелибы случилось мнѣ видѣть, что бѣжитъ нагой, вымаравшій все тѣло поменомъ и не стыдится, а напротивъ хвалится тѣмъ; то я не одобрилъ бы его; а напротивъ поплакалъ бы, что онъ не чувствуетъ стыда своего. Но чтобы яснѣе представить тебѣ поруганіе, могу привести и другой примѣръ. Если уличаютъ дѣвицу, что она тайно имѣетъ соитіе съ безсловесными животными, а она и послѣ того продолжаетъ тоже; то не стоитъ ли такая тѣмъ большаго сожалѣнія, потому что не могла отстать отъ сего порока, и даже почувствовать онаго? Никто не будетъ о семъ спорить. Еслиже такое беззаконіе тяжко; то и мужеложство не менѣе. Терпѣть поруганіе отъ своихъ несноснѣе, чѣмъ отъ чужихъ. Мужеложника считаю я хуже убійцы. Легче умереть человѣку, чѣмъ жить послѣ такого поруганія. Убійца разлучаетъ душу съ тѣломъ; а этотъ губитъ и тѣло и душу. Какой ни возми грѣхъ, ни одинъ не сравнится съ симъ беззаконіемъ. И впадающіе въ оное, еслибы чувствовали всю его гнусность, согласились бы лучше тысячу

разъ умереть, нежели пребывать въ семъ грѣхѣ.

Ничего, ничего нѣтъ безсмысленнѣе и тяжелѣе такого поруганія. Если Павелъ, разсуждая о блудѣ, сказалъ: *всякъ грѣхъ, его же аще сотворитъ человѣкъ, кромѣ тѣла есть: а блудяй, во свое тѣло согрѣшаетъ* (1 Кор. VI, 18); что сказать о семъ неистовствѣ? Оно въпакой мѣрѣ хуже блуда, что не льзя выразить того словами. Не говорю, что ты сталъ женщиною; напротивъ ты пересталъ быть мущиною, и какъ въ женское естество не измѣнился, такъ не соблюлъ того, какое имѣлъ, но содѣлался предателемъ обоихъ; а потому стоишь, чтобы мущины и женщины отвергли тебя, и заметали камнями, какъ поругавшаго оба пола. Посуди самъ, какъ великъ сей грѣхъ! Ежели кто придетъ и объявитъ, что онъ сдѣлаетъ тебя изъ человѣка собакою; не побѣжимъ ли отъ него, какъ отъ человѣка самаго вреднаго? Но вотъ ты сдѣлалъ себя изъ человѣка не собакою, а чѣмъ—по подлѣе даже сего животнаго. Оно еще годно къ чему нибудь; а такой человѣкъ ни къ чему не годенъ. И скажи мнѣ: ежели кто вызовется сдѣлать, чтобы мущины носили и раждали дѣтей; не возбудитъ ли тѣмъ нашего гнѣва? Но вотъ теперь предающіеся сему неистовству гораздо хуже поступаютъ сами съ собой. Не одно и тоже значитъ измѣниться въ женскую природу, и, оставаясь мущиною, быть женщиною, или правильнѣе, ни мущиною ни женщиною. Еслиже угодно тебѣ и съ другой

стороны видѣшь великость зла; но спроси : почему законодавцы наказываютъ тѣхъ, которые дѣлаютъ скопцами; тогда узнаешь, что грозятъ имъ казнію именно за искаженіе природы, хотя скопленіемъ не наносится человѣку такого поруганія, какъ мужеложствомъ; потому что искаженные и по искаженіи для многаго бываютъ полезны. А мущина, сдѣлавшійся блудницею, ни къ чему не годенъ. Не только душа, но и тѣло согласившагося на такое поруганіе дѣлается подлымъ и нигдѣ непримымъ. Какія геенны достаточны для сихъ беззаконниковъ?

А ежели, слыша о геннѣ, ты смѣешься и не вѣришь; то вспомни объ огнѣ Содомскомъ. Ибо видимъ, даже въ настоящей жизни видимъ подобіе геенны. Богъ предвидѣлъ, что многіе, слыша теперь объ огнѣ неугасимомъ, не повѣрятъ тому, что будетъ по воскресеніи; и потому вразумилъ ихъ событіями настоящей жизни. Таково было сожженіе Содома—сіе потребленіе огнемъ; и это знаютъ посѣщавшіе мѣста сіи, видѣвшіе собственными глазами слѣды Божественной казни и небесныхъ пораженій. Разсуди же, каковъ грѣхъ, принудившій геенну явиться преждевременно. Поелику многіе презирали то, что говорено было о геннѣ; то Богъ на самомъ дѣлѣ показалъ имъ подобіе геенны въ новомъ нѣкоторомъ видѣ. Этотъ дождь былъ необыкновенный потому, что сошіе Содомлянъ было противоестественно. Онъ наводнилъ землю потому, что похоть наводняла ихъ души. И вотъ

чѣмъ необыкновененъ былъ сей дождь; онъ не только земную утробу не возбудилъ къ произращенію плодовъ, но даже содѣлалъ ее неспособною къ принятію сѣменъ. Таково было и соитіе мущинъ земли Содомской; оно содѣлывало тѣла ихъ еще болѣе безплодными. Что нечистѣе, что мерзостнѣе того мущины, который сталъ блудницею? Какое неистовство! какое безуміе! Откуда впорглась сія похоть, какъ врагъ, оскорбляющая человѣческую природу, или, правильнѣе сказать, въ той мѣрѣ люпѣйшая врага, въ какой душа превосходнѣе тѣла? О люди, безсмысленнѣйшіе безсловесныхъ, безстыднѣйшіе собакъ! и у тѣхъ не бываетъ такого соитія, напротивъ природа твердо знаетъ свои уставы; а вы, срамя свой родъ, содѣлали оный подлѣе скотскаго. Итакъ отъ чего произошло сіе зло? Отъ роскошной жизни, отъ незнанія Бога. Когда люди отвергаютъ страхъ Божій; тогда оставляетъ ихъ все доброе.

Итакъ въ избѣжаніе сего, постоянно будемъ имѣть предъ глазами страхъ Божій. Ничто, ничто такъ не пагубно для человѣка, какъ сняться съ сего якоря; и ничто такъ не спасительно, какъ всегда держаться на оном. Ежели мы не охотнѣе приступаемъ ко грѣху при людяхъ, и часто не дѣлаемъ неприличнаго, стыдяся слугъ, которые скромнѣе прочихъ; то разсуди, сколько безопасны будемъ отъ грѣха, имѣя предъ глазами Бога? Если будемъ съ Богомъ, никакъ не нападетъ на насъ діаволъ;

потому что трудъ его былъ бы напрасенъ. Когда же діаволъ замѣтитъ, что блуждаемъ внѣ, и бродимъ безъ узды; не умедлитъ довершить начатое нами, и ему легко уже отлучить насъ отъ стада. Что бываетъ съ нерадивыми рабами, которые будучи посланы отъ господъ на рынокъ, оставляютъ нужное дѣло, и безъ надобности останавливаясь съ каждымъ проходящимъ, понапрасну тратятъ время; тоже бываетъ и съ нами, когда удаляемся отъ заповѣдей Божіихъ. Точно также стоимъ мы и дивимся богатству, тѣлесной красотѣ и всему, что до насъ не касается, какъ и тѣ рабы смотрятъ на проказы, а потомъ, пришедши поздно домой, терпятъ жестокіе побои. Многіе же, слѣдуя за другими дѣлающими непотребства, оставили даже свою дорогу. Не будемъ же такъ дѣлать; мы посланы выполнить многія порученія, требующія поспѣшности. Если, отложивъ оныя, остановимся и засмотримся на сіи безполезные для насъ предметы; то понапрасну и безъ дѣла, потерявъ все свое время, подвергнемся конечному наказанію. Ежели хочешь чѣмъ нибудь заняться; то есть у тебя на что посмотрѣть, есть чѣмъ любоваться цѣлый свой вѣкъ; есть не смѣха достойное, но удивленія и многихъ похвалъ. А смотря на смѣшное, ты самъ сдѣлаешься смѣшенъ и хуже смѣхотворца. Бѣги же скорѣе прочь, дабы не случилось сего съ тобою. И скажи мнѣ, для чего ты стоишь самъ не въ себѣ, и вперивши мысли въ богатство?

Что видишь въ немъ удивительнаго и достойнаго остановить на себѣ взоры твои? Кони ли это украшенные золотомъ, слуги или варвары, или евнухи, дорогія одежды, и подъ оными изнѣженная душа, подняпыя вверхъ брови, бѣготня, волненіе? Ужели все сіе стоитъ удивленія? Чѣмъ эти люди отличны отъ нищихъ, которые пляшутъ и присвистываютъ на рынкахъ? Томимые сильнымъ голодомъ добродѣтели, они даютъ свою пляску, которая смѣшнѣе пляски нищихъ, когда бѣгаютъ и кружатся то по роскошнымъ обѣдамъ, то по непотребнымъ домамъ, то за роемъ объѣдалъ и толпою шунядцевъ. Если и въ золото они одѣты; но жалки особенно тѣмъ, что заботятся больше всего на свѣтѣ о вещахъ до нихъ не касающихся. Не смотри на одежды, но раскрой ихъ душу, вглядись: не покрыта ли она тысячами ранъ; не одѣта ли въ рубища; не одичала ли, не запустѣла ли. Какая польза въ семъ безумномъ пристрастіи ко внѣшнему? Гораздо лучше быть бѣднымъ, но жить добродѣтельно, чѣмъ быть Царемъ, но порочнымъ. Бѣдный самъ въ себѣ наслаждается всѣми душевными удовольствіями, и, будучи богатъ внутренно, не чувствуетъ наружной бѣдности. А Царь, предающійся неприличнымъ для него забавамъ, касательно собственныхъ своихъ обязанностей мучится въ душѣ помыслами и совѣстію, преслѣдующими его среди самыхъ удовольствій. Зная сіе, сложимъ съ себя золотыя одежды, и усвоимъ себѣ добродѣтель и удоволь-

спвіе опъ добродѣтели происходящее. Тогда и здѣсь и намъ насладимся многими радостями, получимъ обѣтованныя блага по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, честь, держава нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 5.

I, 28—32. II, 1—16.

I, 28. *Якоже не искусиша имѣти Бога въ разумѣ, предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ, творити неподобная.*

Дабы продолжительною рѣчью о мужеложствѣ не подать вида, что говоритъ сіе о язычникахъ, Апостолъ переходитъ наконецъ къ грѣхамъ другаго рода; а потому и всю рѣчь свою обращаетъ къ другимъ лицамъ. И какъ обыкновенно, бесѣдуя съ вѣрными о грѣхахъ и желая доказать, что должно убѣгать оныхъ, приводитъ въ примѣръ язычниковъ, говоря: *не въ страсти похотнѣй, якоже и языцы невѣдущіи Бога*, и далѣе: *не скорбите, якоже и прочіи не имущіи упованія* (1 Сол. IV, 5 и 13); такъ и здѣсь выставляетъ грѣхи язычниковъ, и показываетъ, что они ни мало не извинительны; потому что преступленія ихъ называетъ намѣренными, а не грѣхами невѣдѣнія. Посему не сказалъ: и поелику не познали; но говоритъ: *якоже не искусиша имѣти*

Бога въ разумѣ; чѣмъ даешъ знать, что грѣхи ихъ не были нечаянные, но происходили отъ неправильныхъ сужденій и упорства, и что оные суть грѣхи не плоти, какъ утверждаютъ нѣкоторые еретики, но ума и порочнаго сердца, гдѣ заключается источникъ всѣхъ золъ. Поелику умъ ихъ сталъ превращенъ; то у неисправнаго ѣздока все пришло въ безпорядокъ и смятеніе.

(29) *Исполненныхъ всякія неправды, лукавства, лихоимланія, злобы.* Замѣнь, какъ онъ усиливаетъ рѣчь; называетъ ихъ *исполненными* и притомъ *всякія неправды.* Сперва употребилъ общее наименованіе порока; а потомъ исчисляетъ виды онаго и о подверженныхъ онымъ выражается съ усиленіемъ, называя ихъ: *исполненными зависти, убійства;* такъ какъ убійство происходитъ отъ зависти, чему примѣры видимъ на Авелѣ и Іосифѣ. Потомъ сказавъ: *рвенія, лести, злонравія:* (30) *шепотники, клеветники, богомерзки, досадители,* и поставивъ въ число преступленій то, что для многихъ кажется ни худымъ, ни добрымъ, еще усиливаетъ обвиненіе, восходя къ твердынѣ золъ, и присовокупляя: *горды.* Согрѣшишь и думаешь о себѣ много, хуже самаго грѣха. Почему и Коринѳянъ въ томъ же обвиняетъ Апостолъ, говоря: *и вы разгордѣстеся* (1 Кор. V, 2). Ежели гордящійся добрымъ дѣломъ все тѣмъ губитъ; то какого наказанія стоитъ гордящійся грѣшникъ? Такой человѣкъ не способенъ уже и раскаяться. Далѣе

Апостолъ говоритъ: *обрѣтатели злыхъ*, показывая тѣмъ, что они не довольствовались сдѣланнымъ уже зломъ, но изобрѣтали новое и новое; откуда опять видно, что грѣшили намѣренно и по собственному расположенію, а не по влеченію и прельщенію отъ другихъ. Перечисливъ же всѣ виды злобы, и доказавъ, что язычники и здѣсь возопали противъ природы; такъ какъ сказалъ о нихъ: *родителемъ непокоривы*, Апостолъ восходитъ уже къ корню такової порчи, и называетъ ихъ *нелюбовными*, *непримирилыми*. И Христосъ поставляетъ это причиною порочности, когда говоритъ: *за умноженіе беззаконія, изсякнетъ любы* (Матѳ. XXIV, 12). Тоже говоритъ здѣсь Павелъ, отзываясь объ язычникахъ, что они (31) *непримирительны, нелюбовны, неклятвохранительны, немилостивны*, чѣмъ и доказываетъ, что они погубили самый даръ природы. Ибо мы имѣемъ врожденное расположеніе къ общенію другъ съ другомъ, свойственное даже самымъ звѣрямъ. Такъ сказано: *всяко животно любитъ подобное себѣ, и всякъ человѣкъ искренняго своего* (Іис. Сирах. XIII, 19). Но язычники сдѣлались свирѣпѣе звѣрей. Такимъ образомъ Павелъ изобразилъ намъ болѣзнь, поразившую родъ человѣческій отъ лукавыхъ ученій, и ясно доказалъ, что та и другая немощь происходитъ отъ собственнаго нерадѣнія больныхъ.

Наконецъ Апостолъ, подобно тому, какъ поступилъ разсуждая о догматахъ, доказываетъ,

что язычники и по жизни совершенно не извинительны. Посему говоритъ: (32) *Ньцыи же и оправданіе Божіе разумѣвше, яко таковая творящіи достойни смерти суть, не точію сами творятъ, но и соизволяютъ творящимъ.* Предположивъ себѣ два возраженія, оба рѣшилъ здѣсь предварительно. Можешь ли сказать, говоритъ, будто ты не зналъ, какъ поступать тебѣ должно? Еслибы и не зналъ, то главнымъ образомъ виновенъ самъ; потому что оставилъ Бога, дающаго познаніе. Но теперь представлено тебѣ много доводовъ, что ты зналъ, и грѣшилъ добровольно. Скажешь, что ты увлеченъ былъ страстію? Для чего же помогаешь другимъ и хвалишь? *Не точію сами творятъ*, говоритъ Апостолъ, *но и соизволяютъ творящимъ.* Такъ, чтобы осудить язычника, прежде всего ставитъ на видъ самый тяжкій и неизвинительный грѣхъ; потому что одобрять грѣхъ гораздо хуже чѣмъ самому грѣшить.

Сказавши о семъ предварительно, въ слѣдующемъ еще сильнѣе уличаетъ тѣмъ язычника, говоря такъ: (II, 1) *Сего ради безъотвѣтенъ еси о человѣче всякъ судяй; иль же бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши.* Слова сіи относятся къ народнымъ правителямъ; такъ какъ Римъ у себя въ рукахъ имѣлъ иногда власть надъ всѣмъ свѣтомъ. Посему Апостолъ рѣшительно говоритъ: всякій, кто бы ты ни былъ, самъ себя лишаешь извиненія. Ибо когда осуждаешь прелюбодѣя, а самъ прелюбо-

дѣйствуешь и никто изъ людей не судитъ тебя за то; произнося приговоръ на виновнаго, произносишь судъ на себя самаго.

(2) *Вѣмы бо, яко судъ Божій есть по-истинѣ на творящихъ таковая.* Дабы не сказалъ кто о себѣ, что онъ доселѣ избѣгалъ суда, Апостолъ устрашая его, говоритъ, что у Бога не такъ, какъ у насъ. У насъ одного наказываютъ, а другой, хотя тоже дѣлаетъ, избѣгаетъ наказанія. Но у Бога не такъ. Хотя Апостолъ сказалъ, что человѣкъ судящій другаго зналъ, въ чемъ согрѣшилъ правое; впрочемъ не присовокупилъ, откуда зналъ сіе; потому что было бы то лишнее. Между тѣмъ разсуждая о нечестіи указалъ то и другое: и то, что человѣкъ не чествуетъ, имѣя свѣденіе о Богѣ, и то, что получилъ сіе свѣденіе изъ разсматриванія творенія. Въ первомъ случаѣ высказалъ и причину, такъ какъ оная не для всѣхъ была явною; а въ послѣднемъ умолчалъ о причинѣ, всѣмъ извѣстной. Когда же говоритъ: *всякъ судяій*; обращаетъ рѣчь не къ однимъ начальникамъ, но также къ людямъ частнымъ и подчиненнымъ. Ибо всякій человѣкъ, хотя нѣтъ у него ни судейскаго стула, ни исполнителей правосудія, ни палки; впрочемъ какъ въ разговорѣ и общихъ бесѣдахъ, такъ и предъ своею совѣстію, судитъ проступившихся. Никто не осмѣлится сказать, что любодѣй не заслуживаетъ наказанія. Но всѣ, говоритъ Апостолъ, судятъ другихъ, а не себя.

Почему сильно возстаетъ на таковыхъ, говоря: (5) *Помышляеши ли же сіе, о человѣче, судяй таковая творящимъ и творя самъ такожде, яко ты избѣжиши ли суда Божія?* такъ какъ Апостолъ и изъ ученія и изъ дѣлъ доказалъ, сколь много согрѣшили люди, когда, будучи мудры, имѣя руководителемъ міръ, не только оставили Бога, но избрали вмѣсто Него подобія гадовъ, обезчестили добродѣтель, по влеченію естества предалися злобѣ, даже возстали на самое естество; теперь начинаетъ уже доказывать, что дѣлающіе сіе будутъ наказаны. И хотя, говоря о самыхъ дѣлахъ, упоминалъ и о казни, ибо утверждалъ, что грѣшники въ себѣ самихъ пріемлютъ достойное наказаніе за свое заблужденіе; впрочемъ, поелику они не чувствуютъ онаго, возвѣщаетъ о другомъ наказаніи, котораго особенно страшились. Хотя упоминалъ уже и о семъ наказаніи, ибо когда говоритъ, что судъ Божій праведенъ, говоритъ не о другомъ чемъ, но именно о семъ наказаніи; впрочемъ опять подтверждаетъ тоже новыми и сильнѣйшими доводами въ сихъ словахъ: *помышляеши ли же сіе, о человѣче, судяй таковая творящимъ и творя самъ такожде, яко ты избѣжиши ли суда Божія?* Своего суда не избѣжалъ; и избѣжишь суда Божія? Кто скажетъ сіе. Ты самъ себя осудилъ; такова строгость сего судилища, что ты не могъ пощадить себя; такъ не гораздо ли больше осудитъ тебя Богъ

безгрѣшный и праведный? Или самъ ты себя осудилъ, а Богъ одобритъ и похвалитъ? Какъ это возможно? Ибо ты споишь большаго наказанія, нежели осуждаемый тобою. Наказавши другаго за грѣхъ, самому впасть въ оный значитъ уже болѣе, нежели просто согрѣшить. Видишь ли, сколько Апостолъ увеличилъ вину? Если ты, говоритъ онъ, наказываешь за меньшій грѣхъ, между тѣмъ какъ самъ не переспаешь осквернять себя грѣхами; то Богъ, никогда непричастный грѣху, не паче ли осудитъ и обвинитъ за гораздо большіе проступки тебя, уже осужденнаго собственными твоими помыслами? Еслиже самъ признаешь, что ты достоинъ наказанія, но полагаешься на долготерпѣніе, и поелику не былъ наказанъ во время преступленія, думаешь, что и впредь не будешь наказанъ; то смотри, сіе самое должно тебя спрашить и ужасать. Господь медлитъ наказаніемъ, не для того, чтобы оставить тебя безъ наказанія, но для того, чтобы если не исправишься, наказать съ большею строгостію. И не дай Богъ случиться сему съ тобою!

Посему Апостолъ присовокупляетъ: (4) *Или о богатствѣ благости и кротости и долготерпѣніи нерадиши, не вѣдый, яко благость Божія на покаяніе тя ведетъ?* Восхваливъ долготерпѣніе Божіе, и показавъ важнѣйшую пользу онаго для внимательныхъ— обращать согрѣшившихъ къ покаянію, Апостолъ усиливаетъ страхъ. Для пользующихся, какъ

должно, служитъ оно вящою спасенія; а для презрителей напущеніемъ къ большей казни. А что касается до обыкновенной поговорки: Богъ благъ и долготерпѣливъ, Онъ не любитъ наказаній; произнося оную, внушаетъ Апостолъ, ты навлекаешь только на себя нягчайшее наказаніе. Богъ являетъ Свою милость, дабы ты освободился отъ грѣховъ, а не присовокуплялъ новые. Какъ скоро не сдѣлаешь сего, казнь будетъ ужаснѣе. Потому особенно, что Богъ долготерпѣливъ, тебѣ и не должно грѣшить, не должно Его благодѣяній обращать въ поводъ къ неблагодарности. Хотя долготерпѣливъ; но безъ всякаго сомнѣнія и наказываетъ. Изъ чего сіе видно? Изъ слѣдующихъ словъ Апостола. Ежели нечестивые при крайнемъ нечестіи остались безъ наказанія; то непремѣнно будутъ наказаны. И люди не оставляютъ сего безъ наказанія; какъ же оставитъ Богъ? Такъ Апостолъ взялъ отсюда случай говорить о судѣ. Доказавъ, что многіе, если не раскаются, повинны суду, и потомъ, что здѣсь они не терпятъ наказанія, заключаетъ изъ сего, что непремѣнно будетъ судъ, и притомъ строжайшій.

Посему говоритъ: (5) *По жестокости же твоей и непокаянному сердцу, собираеши себѣ гнѣвъ.* Когда человѣка не смягчаетъ благость, не преклоняетъ страхъ; что можетъ быть его жестокосердѣе? Показавъ Божіе человѣколюбіе, Апостолъ объявляетъ, что людей, и при сихъ средствахъ необращающихся,

ожидаетъ несперпимая казнь. Смотри, какія приличныя употребляетъ онъ рѣченія. Говоритъ: *собираеши себѣ гнѣвъ*, предспавляя оный чѣмъ—по положеннымъ вдали, и показывая, что причиною гнѣва не судія, а подсудимый. Самъ ты собираешь себѣ, говоритъ онъ; а не Богъ тебѣ. Онъ сдѣлалъ все, что было нужно, снабдилъ тебя способностію распознавать доброе и недоброе, явилъ долготерпѣніе, призвалъ къ покаянію, угрожалъ страшнымъ днемъ, всѣми мѣрами побуждая тебя покаяться. Еслиже ты непреклоненъ; то *собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія*. Дабы, слыша о гнѣвѣ, не почелъ ты онаго дѣйствіемъ страсти, Апостолъ присовокупляетъ: *праведнаго суда Божія*. И прекрасно сказано: *откровенія;* такъ какъ сіе открывается, когда каждый принимаетъ по заслугамъ. Здѣсь многіе часто вредятъ несправедливо и по злоумышленію; а намъ не бываетъ сего.

(6) *Иже воздастъ комуждо по дѣломъ его.* (7) *Овымъ убо по терпѣнію дѣла благаго.* Въ бесѣдѣ о судѣ и будущемъ наказаніи бывъ грознымъ и строгимъ, Апостолъ не вдругъ изображаетъ казнь, какъ ожидать надлежало, но обращаетъ рѣчь къ болѣе пріятному — къ наградѣ добрыхъ, говоря такъ: *овымъ убо по терпѣнію дѣла благаго, славы и чести и нетлѣнія ищущимъ, животъ вѣчный.* Симъ ободряетъ тѣхъ, которые упали духомъ въ искушеніяхъ, и показываетъ, что не должно

полагашься на одну вѣру; понему что на ономъ судилищѣ будутъ взвѣшиваемы и дѣла. Замѣть, что, говоря о будущемъ, самъ Апостолъ не въ состояніи ясно изобразить всѣхъ благъ, но говоритъ о славѣ и чести. Поелику блага сіи превосходятъ все человѣческое, и на землѣ ничего нѣтъ, что могло бы служить ихъ подобіемъ; Апостолъ, сколько можно, объясняетъ чрезъ сравненіе съ тѣмъ, что у насъ почитается блистательнымъ—съ славою, честію, жизнію; такъ какъ сіе для людей всего вожделѣннѣе. Впрочемъ не таковы небесныя блага, но, какъ нетлѣнныя и безсмертныя, несравненно превосходнѣе. Видишь ли, какъ Апостолъ, упомянувъ о нетлѣніи, отверзъ намъ двери къ познанію воскресенія тѣлъ? Ибо нетлѣніе принадлежитъ поврежденному тѣлу. А какъ сего было недостаточно; присовокупилъ онъ славу и честь. Ибо всѣ возстанемъ нетлѣнными, но не всѣ въ славу; но одни для наказанія, а другіе для славы.

(8) *Аще по рвенію*, говоритъ Павелъ о живущихъ въ злобѣ, чѣмъ и лишаетъ ихъ надежды на помилованіе, доказываетъ, что впали они въ пороки по упорству и безпечности, *противляются убо истинѣ, повинуются же неправдѣ*. Вотъ и еще новая вина! Какое извиненіе будетъ имѣть тотъ, кто убѣгаетъ свѣта и любитъ тьму? Не сказалъ Апостолъ, которые принуждены и терпятъ насиліе; но которые *повинуются неправдѣ*, давая тѣмъ знать, что ихъ паденіе и преступленіе не отъ необходимости, но отъ произвола.

(9 *Скорбь и тѣснота на всяку душу человѣка творящаго злое.* Сіе значитъ, что богатъ ли кто, начальникъ ли вольнаго государства, или самодержавный Царь,—слово суда никого не уважаетъ; достоинства не имѣютъ на судѣ мѣста. Итакъ показавъ чрезмѣрность болѣзни, изъяснивъ причину оной—безпечность недужныхъ, конецъ—ожидающую ихъ погибель, и удобность исправленія, Апостолъ опять тягчайшимъ наказаніемъ угрожаетъ Іудею. *Іудеа же прежде и Еллина.* Кто большее получилъ наставленіе; тотъ долженъ вытерпѣть большую казнь за преступленіе. Чѣмъ мы свѣдущѣе и могущественнѣе, тѣмъ тяжелѣе будемъ наказаны за грѣхи. Ежели ты богатъ, отъ тебя требуется больше пожертвованій, нежели отъ бѣднаго; ежели уменъ, больше послушанія; ежели облеченъ властію, покажи блистательнѣйшія заслуги. Такъ и во всемъ прочемъ ты дашь отвѣтъ по мѣрѣ силъ своихъ.

(10) *Слава же и честь и миръ всякому дѣлающему благое, Іудееви же прежде и Еллину.* Какого Іудея разумѣетъ здѣсь Апостолъ? и о какихъ говоритъ Еллинахъ? О живущихъ до пришествія Христова. Ибо не дошла еще рѣчь до временъ благодати, напротивъ Апостолъ имѣетъ предметомъ времена древнія, приготовляетъ издали и уничтожаетъ различіе между Іудеемъ и Еллиномъ, дабы, когда сдѣлается это по благодати, не казалось сіе новымъ и страннымъ вымысломъ. Ибо ежели

никакого не было различія въ сіи древнія времена, когда не просіяла еще благодать Христова, когда религія Іудеевъ у всѣхъ была почтенна, прославляема и знаменита; что уже сказать по вселикомъ явленіи благодати! Посему Апостолъ съ великимъ тщаніемъ доказываетъ сіе ученіе. И слушатель узнавъ, что оно господствовало въ древнія времена, тѣмъ удобнѣе приметъ оное теперь—по принятіи вѣры. А годъ Еллинами разумѣетъ здѣсь Павелъ не идолопоклонниковъ, но людей Богобоязненныхъ, повинующихся естественному закону, которые, за исключеніемъ соблюденія Іудейскихъ обрядовъ, сохраняли все относящееся до благочестія. Таковы были Мелхиседекъ, Іовъ, Ниневитяне, Корнилій. Такъ Апостолъ напередъ подкопываетъ преграду между обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ, еще издали готовитъ уничтоженіе сего различія, дабы совершить сіе, не подавъ никакого подозрѣнія, и приступая къ дѣлу съ иною цѣлію, какъ и свойственно всегда Апостольской мудрости. Еслибы сталъ онъ доказывать сіе прямо о временахъ благодати; то слова его навлекли бы немало подозрѣнія. Но когда, разсуждая о господствующихъ въ мірѣ нечестіи и развращеніи, по связи рѣчи доходитъ и до сего предмета; ученіе его дѣлается вовсе неподозрительнымъ. А что таково было намѣреніе Павла, и съ сею цѣлію присовокупилъ онъ слова сіи, сіе видно изъ самой связи рѣчи. Еслибы не сію мысль старался доказать онъ; то довольно

было бы сказать: *по жестокости твоей и непокаянному сердцу, собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва*, не дѣлая сего присовокупленія. И рѣчь была бы кончена. Но предположивъ себѣ не только сказать о будущемъ судѣ, но и доказать, что Іудей не имѣетъ никакого преимущества предъ такимъ Еллиномъ, и не долженъ много мечтать о себѣ, простирается онъ далѣе, и прибавляетъ, что сказано. Итакъ вникни! Апостолъ привелъ слушателя въ страхъ, поразилъ слухъ его напоминаніемъ о страшномъ днѣ, сказалъ, сколько худа порочная жизнь, доказалъ, что всякій грѣшитъ не по невѣдѣнію, а потому и не свободенъ отъ наказанія, и ежели еще не наказанъ, то неминуемо подвергнется казни. Здѣсь хочетъ онъ уже доказывать, что ученіе закона не есть что либо крайнѣ необходимое; потому что и наказаніе и награда бываютъ за дѣла, а не за обрѣзаніе и необрѣзаніе. Апостолъ сказавъ, что язычникъ будетъ наказанъ, изъ сего положенія, какъ неоспоримаго, вывелъ заключеніе, что язычникъ будетъ и награжденъ; а симъ обнаружилъ, что законъ и обрѣзаніе уже излишни. Слова его главнымъ образомъ направлены противъ Іудеевъ. Они любили спорить, и вопервыхъ по гордости считали для себя низкимъ стать наравнѣ съ язычниками, а вовторыхъ смѣялись ученію, что вѣра покрываетъ всѣ грѣхи. Посему Апостолъ сперва обвинилъ язычниковъ, о которыхъ завелъ рѣчь, дабы не возбудивъ подозрѣнія и смѣлѣе напасть

на Іудеевъ; потомъ переходитъ къ разсужденію о наказаніи, и доказываетъ, что законъ не только не пользуетъ Іудею, но даже обременяетъ его, какъ утверждалъ и выше. Ежели язычникъ неизвинителенъ тѣмъ, что не сдѣлался лучшимъ при руководствѣ природы и разума; то гораздо болѣе неизвинителенъ Іудей, который при томъ же руководствѣ обученъ былъ закону. Такимъ образомъ Апостолъ убѣдивъ Іудея согласиться, что грѣхи язычниковъ не извинительны, — по неволѣ заставляетъ тоже заключить и о своихъ грѣхахъ. А дабы слова его приняты были благодушно, предлагаетъ прежде пріятнѣйшее, говоря такъ: *слава же и честь и миръ всякому дѣлающему благое, Іудееви же прежде и Еллину.* Какія бы блага не имѣлъ кто на землѣ, обладаніе оными сопряжено со многими безпокойствами; богачь, владѣлецъ, Царь, ежели не съ другими, то съ самимъ собою бываетъ часто въ раздорѣ, съ своими помыслами ведетъ жестокую брань. Но при обладаніи небесными благами не случается ничего подобнаго; напротивъ все тихо, безмятежно, наслаждается истиннымъ миромъ.

Итакъ Апостолъ доказавъ въ предыдущихъ словахъ, что и не имѣющіе закона будутъ участвовать въ тѣхъ же благахъ, продолжаетъ свое разсужденіе, говоря такъ: (11) *Нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога.* Когда говорилъ, что Іудей и язычникъ наказываются за грѣхи: сіе не имѣло нужды въ доказательствахъ. Но когда

хочетъ внушить, что и язычникъ удостоится чести; на это нужны уже доводы. Ибо казалось чуднымъ и страннымъ, чтобы не слыхавшій Закона и Пророковъ удостоивался чести за добрыя дѣла. Посему, какъ замѣтилъ я выше, настроиваетъ слушателей къ принятію сея истины, говоря о временахъ бывшихъ до благодати, дабы всего легче было согласиться на оную, когда уже дойдетъ рѣчь до вѣры. Доказывая, что не прямо относилось къ его цѣли, отклонялъ тѣмъ отъ себя всякое подозрѣніе. Посему сказавъ: *слава, честь и миръ всякому дѣлающему благое, Іудееви же прежде и Еллину*, присовокупилъ:—*нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога*. Вотъ какъ легко одержалъ побѣду Апостолъ! Доведя рѣчь до нелѣпости, заключаетъ, что Богу не свойственно поступать иначе, потому что сіе было бы лицепріятіемъ, а въ Богѣ нѣтъ лицепріятія. И не сказалъ: еслибы сего не было, то слѣдовало бы, что Богъ лицепріименъ; напротивъ выразился скромнѣе: *нѣсть бо на лица зрѣнія у Бога*, то есть, Богъ испытуетъ не качества лицъ, но разность дѣлъ. А сказавъ сіе, далъ тѣмъ разумѣть, что разность между Іудеемъ и язычникомъ состоитъ не въ дѣлахъ, а только въ лицахъ. Послѣ сего слѣдовало бы сказать: одинъ пріемлетъ честь, а другой поруганіе, не потому что тотъ Іудей, а сей язычникъ; напротивъ каждому воздается по дѣламъ. Впрочемъ Апостолъ не сказалъ такъ, потому что возбудилъ бы

гнѣвъ Іудея. Напротивъ дабы Іудеи могли выслушать равнодушно, и дабы ихъ высокоуміе поубавилось и сократилось, присовокупилъ онъ нѣчто другое, большее. Что же именно? То, что слѣдуетъ далѣе:

(12) *Елицы бо безъ закона согрѣшиша*, говоритъ онъ, *безъ закона и погибнутъ*; *и елицы въ законѣ согрѣшиша, закономъ судъ пріимутъ*. Здѣсь, какъ замѣтилъ я выше, Апостолъ доказываетъ, что не только Іудей и язычникъ равны между собою, но на Іудея возложено большее бремя дарованіемъ ему закона. Хотя язычникъ осуждается безъ закона; но сіе осужденіе безъ закона означаетъ не большую строгость, а большую снисходительность въ судѣ, именно то, что язычникъ не имѣетъ обвинителемъ закона. Судимый безъ закона, то есть, не подлежащій осужденію по закону, судится по одному естественному разуму. А Іудей судится по закону, то есть, сверхъ природы имѣетъ обличителемъ законъ. Чѣмъ больше приложено о немъ попеченій, тѣмъ большему подвергнется онъ наказанію. Видишь ли, какъ Апостолъ поставилъ Іудеевъ въ большую предъ язычниками необходимость прибѣгать къ благодати? Поелику они говорили, что не имѣютъ нужды въ благодати, какъ оправдываемые однимъ закономъ; то Апостолъ доказываетъ, что Іудеямъ, если только подвергнутся они большему наказанію, благодать нужнѣе, нежели язычникамъ.

Послѣ сего приводитъ еще новое доказательство въ подтвержденіе сказаннаго выше. (13) *Не слышателіе бо закона праведни предъ Богомъ*. Справедливо присовокупилъ: *предъ Богомъ*. Можно казаться честнымъ и хвалишься тѣмъ предъ людьми; но предъ Богомъ совершенно не возможно, одни *творцы закона оправдятся*. Видишь ли, съ какою легкостію Апостолъ обращаетъ рѣчь къ пропивному? Если думаешь спастися закономъ, говоритъ онъ; но язычникъ, оказавшись исполнителемъ писаннаго въ законѣ, восхититъ у тебя первенство. Ты спросишь: какъ возможно стать исполнителемъ не бывши слушателемъ? Возможно, отвѣчаетъ Апостолъ; даже не только сіе, но и гораздо большее. Можно не только быть исполнителемъ не слыхавши, но и не исполнять слышавши. Сіе послѣднее весьма ясно и съ особенною силою выразилъ Павелъ въ послѣдующемъ, говоря: *Научая убо инаго, себе ли не учиши* (Рим. II, 21)? А здѣсь между прочимъ доказываетъ онъ первое.

(14) *Егда бо языцы*, говоритъ Апостолъ, *не имуще закона, естествомъ законная творятъ, сіи закона не имуще, сами себѣ суть законъ*. Не отвергаю закона, говоритъ онъ, но закономъ оправдываю язычниковъ. Видишь ли, какъ онъ, подрывая славу Іудейства, не подаетъ ни малѣйшаго повода говорить о себѣ, что унижаетъ законъ, а напротивъ хваля и возвышая оный, тѣмъ самымъ достигаетъ своей цѣли?

Говоря же: *естествомъ*, разумѣетъ, по есте-ственному разуму, и доказываетъ, что языч-ники превосходнѣе Іудеевъ, и въ добавокъ, пре-восходнѣе тѣмъ, что не получили закона и не имѣютъ онаго, тогда какъ Іудеи законъ счита-ли для себя преимуществомъ. То самое, гово-ритъ Апостолъ, и удивительно въ язычникахъ, что они не имѣли нужды въ законѣ, но выпол-няли все законное, напечатлѣвъ въ умахъ сво-ихъ не письмена, а дѣла. Ибо вотъ что гово-ритъ онъ.

(15) *Иже являютъ дѣло законное на-писано въ сердцахъ своихъ, спослушествую-щей имъ совѣсти, и между собою помыс-ломъ осуждающимъ или отвѣщающимъ.* (16) *Въ день, егда судитъ Богъ тайная чело-вѣкомъ, по благовѣстію моему, Іисусомъ Христомъ.* Видишь ли, какъ Апостолъ опять представилъ близкимъ день суда, устрашая тѣмъ умы слушателей, и научая ихъ, что боль-шей чести достойны тѣ, которые, живя не подъ закономъ, старались исполнить законное? И теперь прилично замѣтить, что особенно достойно удивленія въ искусствѣ Апостола. Са-мымъ способомъ доказательства давъ разумѣть, что язычникъ превосходнѣе Іудея, не помѣстилъ онъ сего въ ряду своихъ умозаключеній, дабы не ожесточить Іудея. А чтобы сказанное мною полнѣе объяснить, приведу собственныя слова Апостола. Такъ какъ онъ сказалъ, что *не слышателіе закона, но творцы закона*

оправдятся; слѣдовало ему сказать, что, когда язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ, они гораздо превосходнѣе наставленныхъ въ законѣ. Но Апостолъ не говоритъ сего, а останавливается на похвалѣ язычникамъ, и не продолжаетъ далѣе сравненія, дабы Іудей согласился хоть на то, что уже сказано. Посему Павелъ не сказалъ, какъ я говорилъ; а какъ же? *Егда бо языцы не имуще закона, естествомъ законная творятъ, сіи закона не имуще, сами себѣ суть законъ. Иже являютъ дѣло законное написано въ сердцахъ своихъ, спослушествующей имъ совѣсти.* Ибо въ замѣнъ закона довольно совѣсти и разума. Симъ Апостолъ снова доказалъ, что Богъ сотворилъ человѣка съ достаточными силами избирать добродѣтель и убѣгать зла. И не дивися, что одно и тоже доказываетъ онъ разъ, два, и болѣе. Для него весьма было нужно доказать сію важную истину людямъ, которые говорили: Почему Христосъ пришелъ нынѣ? Какіе были слѣды Божія Промысла во времена предшествовавшія? Апостолъ, мимоходомъ опровергая теперь сіи возраженія, доказываетъ, что и въ древнія времена, даже до закона, родъ человѣческій находился подъ тѣмъ же Промысломъ. И поелику то, что можно знать о Богѣ, явно было для язычниковъ, они знали, что добро и что худо, по этому судили и другихъ; то Апостолъ, ставя имъ сіе въ укоризну, говорилъ: *имъ же судомъ судиши*

друга, себе осуждаеши. Іудеямъ же даны были не только разумъ и совѣсть, но кромѣ того, что имѣли язычники, еще законъ. — Для чего Апостолъ присовокупилъ: *осуждающимъ или отвѣщающимъ?* Ежели имѣютъ законъ писанный, и являютъ дѣло; за что обвиняшь тогда разуму? Впрочемъ слово: *осуждающимъ*, Апостолъ относитъ не къ симъ однимъ, но ко всему роду человѣческому. Ибо въ день суда предстанутъ собственныя наши мысли, то осуждающія, то оправдывающія. И человѣку на ономъ судилищѣ не нужно другаго обвинителя. Далѣе Апостолъ, дабы увеличить страхъ, не сказалъ: человѣческія грѣхи, но: *тайная человѣкомъ*. Поелику выше говорилъ: *помышляеши ли судяй таковая творящимъ и творя самъ таяжде, яко ты избѣжиши ли суда Божія?* То, дабы не заключилъ ты, что приговоръ Божій таковъ же, какъ и произносимый тобою, но зналъ, что оный гораздо строже твоего приговора, Апостолъ замѣтилъ: *тайная человѣкомъ*, и присовокупилъ: *по благовѣстію моему, Іисусомъ Христомъ*. Ибо люди могутъ судить однѣ явныя дѣла. Хотя выше Апостолъ говорилъ объ одномъ Отцѣ; но, когда уже сердца слушателей привелъ въ чувство страхомъ, началъ рѣчь и о Христѣ. Однакожь не просто, но и здѣсь сперва упомянулъ объ Отцѣ, а потомъ наименовалъ Христа; таковымъ же указаніемъ возвышаетъ достоинство проповѣди. Сія проповѣдь, говоритъ онъ,

возвѣщаетъ тоже самое, что въ началѣ внушено было самою природою.

Видишь ли, какъ искусно довелъ слушателей до необходимости принять благовѣстіе и Христа, какъ доказалъ, что участь наша не ограничивается настоящимъ, но простирается далѣе? Что утверждалъ выше: *собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва*, тоже подтверждаетъ теперь и здѣсь: *судитъ Богъ тайная человѣкомъ*. Посему каждый, войдя въ сознаніе себя самаго, и размысливъ о грѣхахъ своихъ, потребуй отъ себя строгаго отчета, дабы тогда не быть осуждену съ міромъ. Ибо судилище сіе страшно, престолъ Судіи грозенъ, испязанія ужасны, рѣка готовится огненная. *Братъ не избавитъ, избавитъ ли человѣкъ* (Псал. XLVIII, 8)? Приведи себѣ на память все, о чемъ говорится въ Евангеліи,—разосланныхъ всюду Ангеловъ, заключенный чернотъ, неугасшіе свѣтильники, небесныя силы ввергающія въ огненную печь. Представь и то, ежели теперь предъ одною Церковію обнаружитъ тайный проступокъ кого либо изъ насъ; то уличаемый согласится лучше погибнуть, дать себя поглотить землѣ, чѣмъ имѣть столькихъ свидѣтелей своего преступленія. Что же будетъ съ нами тогда, какъ предъ цѣлою вселенною будетъ все выставлено на семъ блистательномъ и открытомъ позорищѣ, какъ все сдѣлается видимымъ для нашихъ знакомыхъ и незнакомыхъ? Но горе мнѣ, что принужденъ устрашать васъ такими средствами!

Долженъ дѣйствовать на васъ людскимъ мнѣніемъ, когда надлежало произвести сіе Божіимъ страхомъ и собственнымъ осужденіемъ самихъ себя! Скажи мнѣ, что съ нами будетъ, когда связанные, скрежеща зубами, невольно пойдемъ во тьму внѣшнюю? Или, лучше сказать, что будемъ дѣлать, когда, что всего страшнѣе, предстанемъ предъ прогнѣваннаго нами Бога? Для имѣющаго чувство и разумъ быть отверженнымъ отъ Бога значитъ вытерпѣть уже геенну. Но поелику сіе не превожитъ насъ; то Богъ угрожаетъ огнемъ. Не тогда должно скорбѣть, какъ наказываютъ; но тогда, какъ грѣшимъ. Послушай, какъ Павелъ плачетъ и сѣтуетъ о грѣхахъ, за которые не угрожало ему наказаніе. *Ньсмь достоинъ нарещися Апостолъ*, говоритъ онъ, *зане гонихъ Церковь Божію* (1 Кор. XV, 9). Послушай, какъ Давидъ, хотя освобожденъ былъ отъ наказанія, но поелику признавалъ себя оскорбившимъ Бога, призываетъ на себя мщеніе и говоритъ: *Да будетъ рука Твоя на мнѣ, и на дому отца моего* (2 Цар. XXIV, 17). Оскорбить Бога—тяжелѣе, нежели быть наказаннымъ. А мы находимся въ столь жалкомъ расположеніи духа, что если бы не было страха геенны, можетъ быть и не подумали бы сдѣлать что доброе. Потому и достойны мы геенны, ежели не за другія вины, за то именно, что страшимся ея больше, нежели Христа. Не таковы, но совершенно противны были чувствованія блаженнаго Павла. И поелику

наши расположенія инаковы; осуждаемся за то въ геенну. Еслибы любили мы Христа, какъ любить должно; знали бы, что оскорбить любимаго тяжелѣе геенны. Но мы не любимъ; потому и не знаемъ великости сего наказанія. О семъ—по наиболѣе сѣтую я, и плачу. Чего не дѣлалъ Богъ, чтобы заставить насъ любить Его? какихъ не употреблялъ средствъ? что оставилъ безъ испытанія? Мы оскорбляли Бога, Который ничѣмъ насъ не обидѣлъ, а напротивъ облагодѣтельствовалъ безчисленнымъ множествомъ неизреченныхъ благъ. Мы отвращались отъ Бога, когда Онъ звалъ насъ и всѣми мѣрами влекъ къ Себѣ. За все сіе не наказалъ Онъ насъ, напротивъ Самъ поспѣшилъ къ намъ, Самъ останавливалъ бѣгущихъ; однакожь мы вырвались изъ рукъ Его, и предались діаволу. Но Богъ и въ этомъ случаѣ не оставилъ насъ, а посылалъ къ намъ тысячи призывающихъ—Пророковъ, Ангеловъ, Патріарховъ; впрочемъ мы не только не приняли посольства, но еще оскорбляли приходившихъ. И послѣ всего того Богъ не отвергъ насъ, но, подобно страстному и презираемому любовнику, всюду ходилъ и жаловался—небу, землѣ, Іереміи, Михею, не для нашего обвиненія, но для Своего оправданія. Вмѣстѣ съ Пророками приходилъ Онъ и Самъ къ удалившимся отъ Него, готовъ былъ дать имъ отчетъ, желалъ, чтобы мы вступили съ Нимъ въ дѣло, и поелику были мы ко всему глухи, завлекалъ въ бесѣды съ Собою.

Людіе Мои, говорилъ Онъ, *что сотворихъ вамъ? или чимъ стужихъ вамъ? отвѣщайте Ми* (Мих. VI, 3). Не смотря на все сіе мы умерщвляли, побивали камнями Пророковъ, и производили тысячи другихъ злодѣяній. Чѣмъ же воздалъ за сіе Богъ? Не Пророковъ, не Ангеловъ, не Патріарховъ, но Самаго послалъ Сына. Убитъ и Сынъ пришедшій на землю; но любовь не угасла, напротивъ сильнѣе воспылала; Господь по убіеніи Сына Его не престаетъ просить, молить, употреблять всѣ мѣры, чтобы мы обратились къ Нему. И Павелъ восклицаетъ: *по Христѣ убо посольствуемъ, яко Богу молящу нами, примиритеся съ Богомъ* (2 Кор. V, 20). Все сіе не перемѣнило насъ. Однакожъ Господь не оставилъ за то, но продолжаетъ то угрожать геенною, то обѣщать Царство, дабы хотя симъ привлечь насъ. А мы пребываемъ еще въ своей безчувственности! Что можетъ быть хуже такого жестокосердія? Еслибы человѣкъ сдѣлалъ для насъ столько добра, не стали ли бы служить ему ежечасно? А благодѣтельствующаго намъ Бога отвращаемся! О, безпечность! о, неблагодарность!

Хотя всегда живемъ во грѣхахъ и порокахъ; но какъ скоро сдѣлаемъ малое добро, только бы стоило то какой награды, по примѣру злонравныхъ рабовъ до послѣдней малости высчитываемъ и вывѣшиваемъ, какая намъ слѣдуетъ за то плата. Но ты большую получишь награду, если дѣлаешь не въ надеждѣ награды. Говоришь

о наградахъ и напередъ вычислять оныя означаетъ больше наемника, нежели вѣрнаго слугу. Надобно дѣлать все для Христа, а не для награды. Для того угрожалъ Онъ геенною, для того обѣщалъ Царство, чтобъ Его возлюбили мы. Итакъ возлюбимъ Христа, сколько любить должно. Вотъ высокая награда, вотъ Царство и удовольствіе, вотъ наслажденіе и слава и честь, вотъ свѣтъ, вотъ тысячекратное блаженство, котораго не можетъ ни слово выразить, ни умъ постигнуть. Впрочемъ не знаю, что завлекло меня говорить о семъ, и людямъ, которые не презираютъ господства и славы на землѣ, предписывать презрѣніе къ владычеству въ настоящей жизни для Христа; хотя великіе и знаменитые Апостолы Христовы достигли и сей мѣры любви. Послушай, какъ Петръ пламенѣетъ любовію ко Христу, предпочитая Его и душѣ, и жизни, и всему. Даже когда отвергся Его, не изъ страха наказанія плакалъ, но потому, что отвергся Возлюбленнаго; сіе было для него мучительнѣе всякаго наказанія. Такую пламенность любви доказалъ Петръ еще до полученія благодати Духа, и непрестанно свидѣтельствовалъ о ней, говоря: *Камо идеши?* и прежде сего: *къ комуждемъ* (Іоан. XIII, 36 и VI, 68,? и опять: *иду по Тебѣ, аможе аще идеши* (Матѳ. VIII, 19). Ибо Христосъ составлялъ для Апостоловъ все; ни неба, ни Царства небеснаго не предпочитали они Возлюбленному. Ты для меня все это,

говоритъ Петръ. И чему дивишься, если Петръ сполько былъ приверженъ ко Христу? Послушай, что говоритъ Пророкъ: *что бо ми есть на небеси? и отъ Тебе что восхотѣхъ на земли* (Псал. LXXII, 25)? Слова сіи значатъ: изъ всего горняго и дольняго ничего не желаю, кромѣ Тебя единаго. Вотъ любовь, вотъ приверженность! Если такъ возлюбимъ Христа; не только настоящее, но и будущее почтемъ за ничто въ сравненіи съ Возлюбленнымъ нами, и веселяся о любви Его, пріобрѣтемъ чрезъ то Царство.

Но спросишь: какъ можемъ возлюбить такъ?—Если представимъ себѣ, сколько разъ оскорбляли мы Бога послѣ безчисленныхъ благъ отъ Него полученныхъ, и Онъ непрестававъ умолять насъ, сколько разъ удалялись мы отъ Него, и Онъ не покидаетъ насъ, но Самъ прибѣгаетъ къ намъ, и зоветъ, и влечетъ насъ къ Себѣ,—если размыслимъ о всемъ томъ и тому подобномъ; то можемъ возжечь въ себѣ такую любовь. Ежели бы сполько любилъ незначительный человѣкъ, и сполько любимый былъ Царь; ужели бы сей не уважилъ великости любви? И весьма бы уважилъ. Но когда красота, слава и богатство любящаго насъ неизреченны, а мы предъ Нимъ ничтожны; не тысячекратно ли достойны наказанія мы ничтожные и презрѣнные, которые, пользуясь чрезмѣрною любовію Существа высокаго и чуднаго, небрежемъ объ Его любви? Богъ не имѣетъ въ насъ никакой нужды, и однакожъ не перестаетъ любить насъ.

Мы крайнюю имѣемъ нужду въ Его благахъ, и впрочемъ не стараемся сохранять любовь Его, но деньги, человѣческую дружбу, тѣлесный покой, властолюбіе и славу предпочитаемъ Тому, Кто ничего намъ не предпочитаетъ. Онъ одного имѣлъ Сына единороднаго и возлюбленнаго, и Его не пощадилъ за насъ; а мы многое предпочитаемъ Ему. Итакъ не стоимъ ли мы геенны и казни, хотя бы оная была вдвое, втрое, даже въ тысячу разъ ужаснѣе? Какой дадимъ отвѣтъ, когда внушенія сатаны предпочитаемъ Христовымъ уставамъ, и нерадимъ о своемъ спасеніи, порочную жизнь предпочитая Тому, Кто все за насъ претерпѣлъ? Заслуживаетъ ли какого извиненія такое поведеніе наше? Стоитъ ли оно какого оправданія? Нималѣйшаго.—Станемъ же наконецъ твердо, не увлекаясь по стремнинамъ, образумимся и, размысливъ—обо всемъ этомъ, воздадимъ Богу славу нашими дѣлами, потому что не достаточно нашихъ словъ. Воздадимъ Ему славу, дабы и намъ вкусить славы, Имъ подаваемой, и которой сподобиться да даруется всѣмъ намъ по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу вмѣстѣ и Святому Духу слава, держава, честь нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь!

БЕСѢДА 6.

II, 17. *Се ты Іудей именуешися, и почиваеши на законѣ, и хвалишися о Бозѣ,* (18) *и разумѣеши волю, и разсуждаеши лучшая, научаемь отъ закона.*

Апостолъ сказавъ, что для спасенія язычника, если онъ исполняетъ законъ, ничего болѣе не нужно, и кончивъ удивительное свое сравненіе, вычисляетъ наконецъ преимущества Іудеевъ, какими они гордились предъ язычниками. Поелику самое имя Іудея, какъ нынѣ имя Христіанина, соединяло большее преимущество; ибо и тогда различали людей по имени; то и Апостолъ прежде всего говоритъ объ этомъ. Замѣть же, какъ онъ обращаетъ для нихъ въ ничто сіе преимущество. Не сказалъ: ты Іудей, но говоритъ: *именуешися и хвалишися о Бозѣ*, то есть, что ты любимъ Богомъ, и предпочтенъ прочимъ людямъ. А симъ, думаю, хочетъ осмѣять высокоуміе и непомѣрное честолюбіе Іудеевъ, которые обратили сей даръ Божій не въ собственное свое спасеніе, но въ поводъ заводить распри и презирать другихъ. *И разумѣеши волю, и разсуждаеши лучшая.* И это не важно, когда не свидѣтельствуется дѣлами, хотя почиталось преимуществомъ; почему Апостолъ и замѣчаетъ сіе особенно; не сказалъ онъ: исполняешь, но: *разумѣеши и разсуждаеши*, самъ не слѣдуя тому, и не дѣлая того.

(19) *Уповая же себе вождa быти слѣпымъ.* Опять и здѣсь не сказалъ: ты путеводитель слѣпыхъ; но говоритъ: считая себя такимъ, величаешься тѣмъ. Ибо высокоуміе Іудеевъ простиралось до чрезмѣрности. Посему Апостолъ выражается почти тѣми же словами, какія употребляли Іудеи, величая самихъ себя. Смотри напримѣръ, что говорятъ они о себѣ въ Евангеліи: *во грѣсѣхъ ты родился еси весь, и ты ли ны учиши* (Іоан. IX, 34)? Они вели себя гордо со всѣми; и Павелъ неупустительно изобличалъ то, выхваляя язычниковъ и унижая Іудеевъ, дабы тѣмъ болѣе укорить ихъ, и увеличить обвиненіе. Посему и продолжаетъ, усиливая ту же мысль, и представляя оную съ разныхъ сторонъ: (19) *уповая же себе вождa быти слѣпымъ, свѣта сущимъ во тмѣ,* (20) *наказателя безумныимъ, учителя младенцемъ, имуща образъ разума и истины въ законѣ.* Опять не сказалъ: въ совѣсти, въ дѣлахъ, въ заслугахъ; но: *въ законѣ.*

Какъ поступилъ Апостолъ, обличая язычниковъ, такъ поступаетъ и здѣсь. Какъ тамъ сказалъ: *иже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши;* такъ и здѣсь говоритъ: (21) *научая убо инаго, себе ли не учиши?* впрочемъ тамъ употребляетъ выраженіе болѣе рѣзкое, а здѣсь легчайшее. Ибо не сказалъ: ты достоинъ большаго наказанія за то, что при такихъ способахъ не воспользовался ни однимъ какъ должно. Напротивъ, излагая мысль свою въ видѣ вопроса,

стыдитъ Іудеевъ и говоритъ: *научая убо инаго, себе ли не учиши?* Разсмотри же искусство Павлово и съ другой стороны. Изчисляетъ такія преимущества Іудеевъ, которыя не раченіемъ ихъ пріобрѣтены, но суть даръ Божій, и доказываетъ, что сіи преимущества, по нерадѣнію Іудеевъ, не только для нихъ безполезны, но еще служатъ къ увеличенію наказанія. Называться Іудеемъ, получить законъ, и все прочее, что перечислилъ теперь Апостолъ, не показываетъ заслуги, но есть даръ вышней благодати. И хотя въ началѣ сказалъ, что одно слышаніе закона, если не присоединено будетъ исполненія, не приноситъ никакой пользы; *не слышателіе бо закона*, говоритъ Павелъ, *праведни предъ Богомъ*; впрочемъ теперь доказываетъ гораздо большее, что не только слышаніе, но даже и важнѣйшее того, самое обученіе закону не поможетъ учащему, если онъ не исполняетъ того, чему учитъ. И не только не поможетъ, но еще навлечетъ большее наказаніе. И какъ искусно употребляетъ Апостолъ выраженія! Не сказалъ: ты получилъ законъ, но: *почиваеши на законѣ*. Іудей не трудился, не ходилъ и не искалъ, что ему должно дѣлать; напротивъ у него подъ руками былъ законъ, въ которомъ указанъ путь, ведущій къ добродѣтели. Хотя язычники имѣютъ природный разумъ, и то предъ Іудеями преимущество, что, по руководству своего разума, исполняютъ все законное, не слыхавъ о законѣ; впрочемъ

для Іудея было болѣе удобства. А ежели говоритъ: я не только слышу, но и учу: это самое служитъ къ увеличенію наказанія. И какъ Іудеи весьма имъ превозносились; Апостолъ доказываетъ, что они особенно достойны за то осмѣянія. Когда же говоритъ: *вождя слѣпыхъ, наказателя безумныхъ, учителя младенцевъ*; изображаетъ имъ надменность Іудеевъ, которые весьма худо обходились съ обращенными изъ язычества, и называли ихъ слѣпыми, безумными, младенцами. Посему и распространяется въ исчисленіи того, что Іудеи сами справили себѣ въ похвалу, зная, что все сіе служитъ къ большему ихъ обвиненію. *Имущаго образъ разума и истины въ законѣ.* Такъ иной, имѣя у себя подъ сохраненіемъ Царское изображеніе, не списываетъ съ него; а тѣ, у которыхъ нѣтъ его, и безъ оригинала вѣрно ему подражаютъ.

Исчисливъ преимущества, данныя Іудеямъ отъ Бога, Апостолъ описываетъ потомъ пороки, въ какихъ обвиняли ихъ Пророки, и изображаетъ оные такъ: (21) *научая убо инаго, себе ли не учиши?* (22) *проповѣдая не красти, крадеши: глаголяй не прелюбы творити, прелюбы твориши: гнушаяся идолъ, святая крадеши*: хотя строго было запрещено Іудеямъ касаться имуществъ, принадлежащихъ идольскимъ капищамъ, какъ скверны; впрочемъ обладающее вами сребролюбіе, говоритъ Апостолъ, заставило васъ нарушить и сей законъ.

Послѣ сего излагаетъ уже Апостолъ самую тяжкую вину Іудеевъ (23): *Иже въ законѣ хвалишися, преступленіемъ закона Бога безчествуеши.* Двѣ выставилъ вины, или правильнѣе, три. Іудеи безчестятъ, безчестятъ тѣмъ, что служило къ ихъ чести, безчестятъ Того, Кто превознесъ ихъ честію, а это самая крайняя неблагодарность. Но дабы не подумали, что Апостолъ обвиняетъ Іудеевъ самъ собою, вводитъ онъ обвинителемъ Пророка, и притомъ сперва Исаію, который въ немногихъ словахъ и вообще изобличаетъ въ главномъ порокѣ, а въ послѣдствіи и Давида, который представляетъ вины ихъ подробно и въ большемъ числѣ. Не я укоряю васъ въ томъ, говоритъ Павелъ; послушайте, что сказалъ Исаія: (24) *Имя бо Божіе вами хулится во языцѣхъ* (Исаіи LII, 5). И въ семъ обвиненіи двѣ опять вины. Ибо говорится, что не только сами оскорбляютъ Бога, но и другихъ приводятъ къ тому. Итакъ какая польза, что учите другихъ, когда не учите сами себя? Но хотя Апостолъ выше винилъ ихъ только въ томъ, (что, уча другихъ, не учатъ себя); впрочемъ теперь винитъ въ противномъ. Вы не только сами себя, но и другихъ не учите тому, что должно дѣлать. А что всего хуже, не только не учите жить по закону, но учите противному, учите хулить Бога, что противно закону.

Но скажешь: что обрѣзаніе важно; согласенъ; впрочемъ когда имѣемъ внутреннее обрѣзаніе.

Замѣть искуспво Апосспола, какъ благовременно завелъ рѣчь объ обрѣзаніи. Не сталъ говорить объ немъ сначала, попому что оно было въ великомъ уваженіи. Но когда доказалъ, что Іудеи оскорбили Бога въ важнѣйшемъ и виновны въ богохульствѣ, когда слушатель готовъ былъ самъ обвинить ихъ, и признать недоспойными первенспва; погда, не опасаясь уже никакихъ пропиворѣчій, начинаетъ разсуждать объ обрѣзаніи, и говоритъ: (25) *обрѣзаніе бо пользуетъ, аще законъ твориши.* Обрѣзаніе можно было опвергать и по другимъ причинамъ, на примѣръ спросивъ: что шакое обрѣзаніе? Заслуга ли обрѣзывающагося? Свидѣтельспво ли добраго его произволенія? Ибо оно совершается въ незрѣломъ возрасшѣ, и въ пустынѣ долгое время всѣ осшавались необрѣзанными, а шакже и изъ другихъ многихъ примѣровъ видно, что обрѣзаніе не весьма необходимо. Впрочемъ Апосполъ не сими доводами опвергаетъ обрѣзаніе, а примѣромъ Авраама, чѣмъ особенно и надлежало. Въ шомъ состояло шоржество побѣды, чтобы малозначительность обрѣзанія доказать тѣмъ самымъ, за что оно было уважаемо Іудеями. Хотя Павелъ могъ сказать, что и Пророки называютъ Іудеевъ необрѣзанными; впрочемъ сіе было недосшашкомъ не самаго обрѣзанія, но злоупотреблявшихъ онымъ. А шребовалось доказать, что обрѣзаніе не имѣетъ никакой силы при добродѣшельной жизни. На сіе и приводитъ доводы Апосполъ. Впрочемъ здѣсь не предсшавляетъ

еще въ примѣръ Патріарха, но сперва опровергаетъ обрѣзаніе другими доводами, а на примѣръ Патріарха указываетъ уже иногда, какъ начинаетъ разсуждать о вѣрѣ, говоря: *како убо вмѣнися* вѣра Аврааму? *во обрѣзаніи ли сущу, или въ необрѣзаніи* (Рим. IV, 10)? Апостолъ, пока противополагаетъ обрѣзаніе языческому необрѣзанію, не предлагаетъ подобнаго вопроса объ обрѣзаніи, дабы тѣмъ не огорчить слишкомъ Іудеевъ. Но когда разсматриваетъ обрѣзаніе въ противоположности съ вѣрою, сильнѣе нападаетъ на оное. Итакъ Апостолъ сперва противополагаетъ обрѣзаніе необрѣзанію; а потому выражается легче и говоритъ: *обрѣзаніе бо пользуетъ, аще законъ твориши: аще же закона преступникъ еси, обрѣзаніе твое необрѣзаніе бысть.* Два разумѣетъ здѣсь обрѣзанія и два необрѣзанія, равно какъ и два закона. Есть законъ естественный, и есть законъ писанный; но есть и средній между обоими — законъ обнаруживающійся въ дѣлахъ. Смотри же, какъ Апостолъ выставляетъ и выводитъ наружу всѣ три закона. Онъ говоритъ: *егда бо языцы не имуще закона*—какого закона, скажи мнѣ? закона писаннаго—*естествомъ законная творятъ*;—по какому закону? По закону обнаруживающемуся въ дѣлахъ,—*сіи закона не имуще* — какого? писаннаго,—*сами себѣ суть законъ.* — Какъ это? руководствуясь закономъ естественнымъ,—*иже являютъ дѣло законное*—какого закона?

закона въ дѣлахъ. Одинъ законъ есть внѣшній; потому что изображенъ письменами, другой—внутренній; потому что данъ съ природою, а третій открывается въ дѣлахъ. Первый показываютъ письмена, второй—природа, а третій—дѣла. Сей—то третій законъ и нуженъ; для него даны два первые: естественный и письменный. Если его нѣтъ; и тѣ безполезны, даже весьма вредны. Сіе самое доказываетъ Апостолъ, когда говоритъ о законѣ естественномъ: *иліже бо судомъ судиши друга, себе осуждаеши*, и о законѣ писанномъ: *проповѣдая не красти, крадеши.* Подобно и необрѣзаній есть два: одно естественное, а другое нравственное. И обрѣзаніе одно совершается надъ плотію, а другое надъ волею. На примѣръ сказавъ, что человѣкъ обрѣзанъ въ осмый день, разумѣю обрѣзаніе плотское, а говоря, что человѣкъ выполнилъ все узаконенное, разумѣю обрѣзаніе сердечное, котораго преимущественно требуетъ Павелъ, или вѣрнѣе сказать, самый законъ. Итакъ видишь, какъ Апостолъ, допуская обрѣзаніе на словахъ, уничтожаетъ на дѣлѣ. Не сказалъ, что оно излишне, безполезно, ни къ чему не служитъ; но что говоритъ: *обрѣзаніе бо пользуетъ, аще законъ твориши.* Принялъ обрѣзаніе подъ условіемъ, говоря: согласенъ, не спорю, что обрѣзаніе есть дѣло хорошее; но когда? Когда соблюдаешь законъ. *Аще же закона преступникъ еси, обрѣзаніе твое необрѣзаніе бысть.* И здѣсь не сказалъ, что оно безполезно, дабы

не подумали, что уничижаетъ обрѣзаніе. Напротивъ сперва доказалъ, что Іудей не имѣетъ обрѣзанія, а потомъ уже его поражаетъ. Теперь укоризна падаетъ не на обрѣзаніе, а на того, кто утратилъ оное по нерадѣнію. Какъ съ чиновника, уличеннаго въ важныхъ преступленіяхъ, судьи сперва снимаютъ отличія чиновъ, а потомъ уже наказываютъ его; такъ Павелъ поступаетъ съ Іудеемъ. Сказавъ: *аще же закона преступникъ еси*, присовокупилъ: *обрѣзаніе твое необрѣзаніе бысть*. А доказавъ, что онъ необрѣзанный, небоязненно изрекаетъ уже надъ нимъ приговоръ.

(26) *Аще убо необрѣзаніе оправданіе закона сохранитъ, не необрѣзаніе ли его во обрѣзаніе* обратится? Смотри, что дѣлаетъ Апостолъ; не говоритъ, что необрѣзаніе превосходнѣе обрѣзанія,—это было бы слишкомъ больно для тогдашнихъ его слушателей; но говоритъ, что необрѣзаніе стало обрѣзаніемъ. Потомъ разбираетъ, что такое обрѣзаніе, и что такое необрѣзаніе, и говоритъ, что обрѣзаніе есть добрыя дѣла, а необрѣзаніе — худыя дѣла. И необрѣзаннаго, имѣющаго добрыя дѣла, включивъ въ понятіе обрѣзанія, а обрѣзаннаго, но ведущаго порочную жизнь, изключивъ изъ понятія обрѣзанія, отдаетъ преимущество необрѣзанному. И говоритъ уже не о лицѣ необрѣзанномъ, но переходитъ къ самой вещи—необрѣзанію, говоря такъ: *не необрѣзаніе ли его во обрѣзаніе* обратится; опять не говоритъ:

вмѣнится въ обрѣзаніе, но обратится въ обрѣзаніе, что гораздо выразительнѣе. Такъ и выше не сказалъ: *обрѣзаніе твое* вмѣняется въ необрѣзаніе, но, *быстъ необрѣзаніе*.

(27) *И осудитъ еже отъ естества необрѣзаніе*. Видишь ли, что Апостолъ имѣлъ въ виду два необрѣзанія, одно естественное и другое произвольное? Здѣсь говоритъ о естественномъ, но не останавливается на семъ, а продолжаетъ: *законъ совершающее, тебе, иже писаніемъ и обрѣзаніемъ еси преступникъ закона*. Замѣть самое тонкое искуство Апостола. Не сказалъ, что необрѣзаніемъ естественнымъ осуждается самое обрѣзаніе; напротивъ, говоря о преимуществахъ обрѣзанія, употребляетъ слово: необрѣзаніе, а говоря о недостаточности онаго, не самое обрѣзаніе унижаетъ, а обрѣзаннаго Іудея, избѣгая того, чтобъ не оскорбить слушателя словомъ. Не сказалъ также: осудитъ тебя имѣющаго Писаніе и обрѣзаніе, но выражается еще легче: *тебе, иже писаніемъ и обрѣзаніемъ еси преступникъ закона*. Итакъ естественное необрѣзаніе защищаетъ обрѣзаніе, потому что оно поругано, и помогаетъ закону, потому что онъ нарушенъ. И какой блистательный воздвигъ трофей! Побѣда славна тѣмъ, что не Іудей судитъ Іудея, а необрѣзанный. Подобно сказалъ Христосъ: *мужіе Ниневійстіи востанутъ, и осудятъ* (Матѳ. XII, 41) родъ сей. Изъ сего видно, что Апостолъ унижаетъ не законъ (напротивъ

весьма уважаетъ оный), но нарушителя закона.

А доказавъ сіе яснымъ образомъ, смѣло опредѣляетъ уже онъ, что такое есть Іудей. Идаетъ разумѣть, что не отвергаетъ ни Іудея, ни обрѣзанія, а отвергаетъ того, кто не Іудей и необрѣзанный. Хотя же по видимому защищаетъ обрѣзаніе; впрочемъ уменшаетъ цѣну онаго, основывая приговоръ свой на опытѣ. Ибо доказываетъ, что не только нѣтъ разности между Іудеемъ и необрѣзаннымъ, но даже необрѣзанный, если онъ внимателенъ къ себѣ самому, выше Іудея, и есть истинный Іудей. Посему говоритъ: (28) *не бо иже явѣ Іудей есть, ни еже явѣ во плоти, обрѣзаніе.* Симъ поражаетъ Іудеевъ, какъ дѣлающихъ все только на показъ.

(29) *Но иже въ таинѣ Іудей, и обрѣзаніе сердца духомъ, не писаніемъ.* Говоря сіе, Апостолъ отринулъ все плотское. И обрѣзаніе наружное, и субботы, и жертвы, и очищенія—все сіе разумѣлъ онъ подъ однимъ выраженіемъ, сказавъ: *не бо иже явѣ Іудей есть.* Но поелику Іудеи много уважали обрѣзаніе, даже болѣе, нежели субботу; то Апостолъ, какъ и слѣдовало, объ ономъ болѣе распространяется. Сказавъ же: *обрѣзаніе сердца духомъ*, пролагаетъ нѣмъ путь Христіанскому образу жизни и показываетъ необходимость вѣры; такъ какъ вѣрованіе сердцемъ и духомъ имѣетъ похвалу отъ Бога. А для чегоже не сказалъ, что добродѣтельный язычникъ не меньше добродѣтельнаго

Іудея, но утверждаетъ, что добродѣтельный язычникъ лучше законопреступника Іудея? Для того, чтобы побѣду содѣлать несомнѣнною. Ибо какъ скоро будетъ допущено сказанное Апостоломъ; обрѣзаніе плоти по необходимости отринется, и сдѣлается явнымъ, что вездѣ нужна жизнь. Когда язычникъ спасается безъ обрядовъ, а Іудей и при обрядахъ наказывается; Іудейство упразднено. Подъ именемъ же язычника Апостолъ разумѣетъ не идолопоклонника, но человѣка благочестиваго и добродѣтельнаго, не соблюдающаго только Іудейскихъ обрядовъ.

(III, 1.) *Кое убо преимущество Іудеа?* поелику Апостолъ все отринулъ, слышаніе, ученіе, имя Іудея, обрѣзаніе и прочее, сказавъ, что тотъ *не Іудей, кто таковъ по наружности, но тотъ Іудей, кто внутренно таковъ*; то предвидитъ естественно раждающееся возраженіе, и предотвращаетъ оное. Какое же это возраженіе? Скажутъ: если во всемъ томъ нѣтъ нималой пользы; то на какой конецъ призванъ народъ и дано обрѣзаніе? Что же дѣлаетъ Апостолъ, и какъ рѣшаетъ вопросъ? Такъ же, какъ рѣшилъ предыдущіе. И выше не ставилъ сего въ похвалу Іудеямъ, но во всемъ видѣлъ Божіи благодѣянія, а не ихъ заслуги. Ибо именоваться Іудеемъ, разумѣть волю, разсуждать лучшее— дано имъ не по заслугамъ, а по Божіей благодати. Въ томъ же самомъ укорялъ Іудеевъ Пророкъ, говоря: *не сотвори тако всякому языку, и судьбы своя неяви* имъ (Псал. CXLVII, 9). Тоже

говорилъ и Моисей: „спроси́ше, было ли когда по слову сему, и слышалъ ли какой народъ голосъ *Бога* живаго *изъ среды огня*, и оспался живъ (Второз. V, 26)?“ Также поступаетъ и здѣсь Апостолъ. Когда шла рѣчь объ обрѣзаніи, не сказалъ онъ, что обрѣзаніе ни къ чему не годно безъ дѣлъ, но, разумѣя тоже самое, впрочемъ выражаясь скромнѣе, говоритъ, что обрѣзаніе полезно при дѣлахъ. И еще сказавъ: *аще же преступникъ закона еси*, не присовокупилъ: нѣтъ для тебя пользы, что ты обрѣзанъ, но выражается такъ: *обрѣзаніе твое не обрѣзаніе бысть*. И далѣе опять говоритъ, что необрѣзаніемъ осуждается не самое обрѣзаніе, но преступникъ закона. Такъ Апостолъ нигдѣ не касается узаконеннаго, а вездѣ нападаетъ на лица. Такъ поступаетъ онъ и здѣсь. Возразивъ самъ себѣ, и сказавъ: *кое убо преимущество Іудеа?* — далъ на сіе отвѣтъ не отрицательный, но утвердительный; сказаннымъ же въ послѣдствіи опровергъ сіе, и доказалъ, что Іудеи за такое преимущество подвергаются наказанію. Какимъ же образомъ? Объясню сіе, сказавъ самое возраженіе.

(III, 1). *Кое убо преимущество Іудеа, или кая польза обрѣзанія?* (2) *Много, по всякому образу. Первіе, яко вѣрена быша словеса Божія.* Примѣчаешь ли, что, какъ сказалъ я выше, Апостолъ исчисляетъ не заслуги Іудеевъ, но благодѣянія Божіи? Что же значатъ слова: *вѣрена быша?* То, что имъ

порученъ былъ законъ, что Богъ призналъ ихъ достойными, и потому ввѣрилъ имъ небесные глаголы. Знаю и то, что нѣкоторые слово: *ввѣрена быша*, относятъ не къ Іудеямъ, а къ слову Божію, то есть, закону спали вѣрить; впрочемъ слѣдующая рѣчь не допускаетъ такого смысла. Во первыхъ Апостолъ говоритъ сіе въ обвиненіе Іудеевъ, показывая, что они, хотя получили многія благодѣянія свыше, впрочемъ за все то воздали великою неблагодарностію. Сверхъ того явствуетъ сіе и изъ послѣдующаго. Ибо Апостолъ присовокупилъ:

(3) *Что бо, аще не вѣроваша нѣцыи?* А если не вѣровали, то какъ же иные говорятъ, что сказанное выше значитъ: спали вѣрить слову Божію? Итакъ что говоритъ Апостолъ? То, что Богъ ввѣрилъ имъ слово Свое, и не то, что они увѣровали слову. Ибо что слѣдуетъ далѣе. Апостолъ присовокупилъ: (3) *что бо, аще не вѣроваша нѣцыи?* Тоже явствуетъ и изъ слѣдующаго; ибо Павелъ опять продолжаетъ, говоря: *еда невѣрствіе ихъ вѣру Божію упразднитъ? Да не будетъ.* Слѣдственно то, что ввѣрено, Апостолъ именуетъ даромъ Божіимъ. А вы и въ семъ замѣть искусство Павла. Онъ опять обвиняетъ Іудеевъ не самъ отъ себя, но въ видѣ возраженія, и какъ бы такъ говоритъ: но можетъ быть спросишь: какая польза въ такомъ обрѣзаніи? Сами Іудеи не сдѣлали изъ него должнаго употребленія; имъ ввѣренъ былъ законъ, а они

не увѣровали. И между тѣмъ Апостолъ не нападаетъ на нихъ сильно, но будтобы говоря въ оправданіе Божіе, обращаетъ чрезъ то всю вину на нихъ. Для чего, говоритъ онъ, винишь Бога въ томъ, что они не вѣрили? Онъ Бога ли это? Ужели неблагодарность облагодѣтельствованныхъ Богомъ уничтожаетъ Его благодѣяніе? И честь обращаетъ ли она въ не честь? Сіе именно означаютъ слова: *еда невѣрствіе ихъ вѣру Божію упразднитъ? Да не будетъ.* Такъ сказалъ бы иной: я оказалъ честь сему человѣку. Если же онъ не принялъ чести, не моя въ томъ вина; сіе не уменьшаетъ цѣны моего человѣколюбія, а напротивъ показываетъ его нечувствительность. Но Павелъ говоритъ не сіе одно, а нѣчто гораздо большее, что невѣрность Іудеевъ не только не можетъ быть поставлена въ вину Богу, но напротивъ доказываетъ большую славу Его и человѣколюбіе, когда Онъ не лишаетъ чести и тѣхъ, которые въ послѣдствіи безчестятъ Его. Видишь ли, какъ Апостолъ обвинилъ Іудеевъ тѣмъ самымъ, чѣмъ они хвалились? Хотя Богъ оказалъ имъ столько чести, что даже, предвидя будущее, не прекратилъ Своего къ нимъ благоволенія; впрочемъ они Почтившаго ихъ оскорбили тѣмъ, чѣмъ были почтены.

Поелику Апостолъ сказалъ: что-жъ, если нѣкоторые и невѣрны были? — а всѣ оказываются невѣрными; то, дабы, сказавъ согласно съ опытомъ, не подалъ опять вида, что об-

виняетъ Іудеевъ слишкомъ строго, какъ непріятель, оказавшееся на опытѣ, излагаетъ въ видѣ обвиненія и заключенія, говоря такъ: (4) *Да будетъ же Богъ истинен, всякъ же человѣкъ ложъ*, то есть, я не утверждаю, говоритъ Апостолъ, что только нѣкоторые были невѣрны; напротивъ, если угодно положи, что всѣ были невѣрны; — (въ чемъ не было никакого сомнѣнія, о томъ говоритъ онъ условно, дабы не огорчить Іудеевъ, и не навлечь на себя ихъ подозрѣнія;) — впрочемъ и въ этомъ случаѣ Богъ еще болѣе оправдывается. Что значитъ: *оправдывается?* Ежели разсудишь и сравнишь, что Богъ даровалъ Іудеямъ, и какъ Іудеи вели себя предъ Богомъ; то побѣда на сторонѣ Божіей, Богъ правъ во всемъ. Доказавъ же сіе ясно сказаннымъ выше, Апостолъ приводитъ потомъ и слова Пророка, который произноситъ приговоръ на Іудеевъ и говоритъ: *яко да оправдишися во словесѣхъ Твоихъ, и побѣдиши внегда судити Ти* (Псал. L, 6.). Богъ сдѣлалъ все съ Своей стороны; но Іудеи не стали отъ того лучшими.

Послѣ сего Апостолъ выставляетъ другое раждающееся при семъ возраженіе, и говоритъ: (5) *Аще ли неправда наша Божію правду составляетъ, что речемъ? еда ли неправеденъ Богъ наносяй енѣвъ? по человѣку глаголю,* (6) *Да не будетъ.* Апостолъ одну нелѣпость рѣшаетъ другою. Но какъ сіе не до-

вольно ясно; то нужно сказать яснѣе. Итакъ вотъ что говоритъ Апостолъ: Богъ почтилъ Іудеевъ, а они оскорбили Его. Сіе самое составляетъ побѣду Его, доказываетъ великое Его человѣколюбіе, такъ какъ почтилъ людей столько неблагодарныхъ. А когда, продолжаетъ Апостолъ, Богъ побѣдилъ, и правда Его просіяла въ полномъ свѣтѣ чрезъ то, что мы оскорбили Его и поступали несправедливо; спросишь: за что же меня наказываешь, если все оскорбленіе стало причиною Его побѣды? Чѣмъ же рѣшаетъ сіе Апостолъ? Другою нелѣпостію, какъ сказалъ я. Если мы, говоритъ онъ, стали виною побѣды Божіей, и послѣ того наказываютъ тебя; то сіе несправедливо. А если Богъ не несправедливъ, однакожъ, тебя наказываетъ; то мы не стали виною побѣды Божіей. Замѣть же благоговѣніе Апостола! Сказавъ: *еда неправеденъ Богъ наносяй гнѣвъ?* присовокупилъ онъ: *по человѣку глаголю.* Такъ сказалъ бы всякій, говоритъ Апостолъ, разсуждая по человѣческому разуму. Ибо праведный судъ Божій несравненно превосходитъ то, что справедливо по нашему разсужденію; онъ имѣетъ другія непостижимыя для насъ основанія.

Поелику же сказанное Апостоломъ было не совершенно ясно, то повторяетъ онъ тоже самое въ другой разъ: (7) *Аще бо истина Божія въ моей лжи избыточествова въ славу Его, что еще и азъ яко грѣшникъ осуждаю?*

юся? Ежели Богъ чрезъ твое преслушаніе, говоритъ Апостолъ, явилъ Свое человѣколюбіе, справедливость и благость; то не только должно тебя не наказывать, но еще наградить. А если это такъ; то встрѣчается другая нелѣпость, повторяемая многими, что изъ зла происходитъ добро, и причиною добра бываетъ зло. Одно изъ двухъ необходимо, чтобы Богъ, или наказывая, являлся несправедливымъ, или не наказывая, наши злыя дѣла обращалъ для Себя въ побѣду. Но то и другое до крайности нелѣпо. Сіе самое доказываетъ Апостолъ, для чего и выставляетъ изобрѣтателей такого ученія — Еллиновъ, считая достаточнымъ къ опроверженію онаго указать на свойство лицъ, держащихся сего ученія. Ибо тогдашніе язычники въ насмѣшку Христіанамъ говорили: будемъ дѣлать зло, дабы произошло добро.

Посему Апостолъ ясно о томъ выразился, говоря такъ: (8) *и не якоже хулимся, и якоже глаголютъ нѣцыи насъ глаголати, яко сотворимъ злая, да пріидутъ благая: ихже судъ праведенъ есть.* Поелику Павелъ училъ: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать* (Рим. V, 20); то язычники, осмѣивая Апостола, и давая превратный смыслъ словамъ его, говорили, что должно предаваться порокамъ, дабы насладиться благами. Но Павелъ не такъ училъ, и поправляя сіе превратное толкованіе, говорилъ: *что убо? пребудемъ ли во грѣсѣ, да благо-*

дать преумножится? да не будетъ (Римл. VI, 1). Я сказалъ то о временахъ минувшихъ, а не за правило выдаю это. Въ опвращеніе же такого подозрѣнія Апостолъ присовокупилъ, что сіе даже и не возможно. Ибо какъ мы, говоритъ онъ, умершіе для грѣха, будемъ еще жить во грѣхѣ? Итакъ Апостолу не трудно было обличить язычниковъ; потому что жизнь ихъ была развратна. А Іудеи, хотя мало также заботились о чистотѣ жизни, но прикрывали свои недостатки тѣмъ, что имѣли законъ, обрѣзаніе, что съ ними бесѣдовалъ Богъ, что они были учителями всѣхъ людей. По сему самому Апостолъ лишилъ ихъ такової защиты, и даже доказалъ, что они подвергаются чрезъ то наказанію, чѣмъ и заключилъ здѣсь рѣчь. Ежели дѣлающіе сіе, говоритъ онъ, не наказываются, то необходимо допустить богохульное положеніе: *сотворимъ злая, да пріидутъ благая.* А ежели сіе нечестиво, и разсуждающіе такъ не избѣгнутъ казни, что и объявилъ Павелъ сказавъ: *ихъ судъ праведенъ есть;* то слѣдуетъ, что грѣшники подвергаются наказанію. Если же разсуждающіе такъ достойны казни; тѣмъ паче дѣлающіе. И если достойны казни; достойны, какъ согрѣшившіе. Ибо наказывающій есть не человѣкъ, коего приговоръ еще подозрителенъ; но Богъ, во всемъ дѣйствующій справедливо. А если по справедливости наказываются; не справедливо то, что говорятъ намъ въ насмѣшку. Ибо Богъ давалъ, и

даетъ намъ всѣ средства къ тому, чтобы жизнь наша во всемъ блистала и усовершалась.

Итакъ не будемъ предаваться безпечности; тогда въ состояніи будемъ и язычниковъ отвратить отъ заблужденія. Когда любомудрствуемъ на словахъ; а на дѣлѣ ведемъ себя позорно; то какими глазами будемъ смотрѣть на нихъ? Какъ отворимъ уста, чтобы разсуждать о догматахъ? Тогда язычникъ всякому изъ насъ скажетъ: самъ не исполняешь малаго, а другихъ думаешь научить большему? Самъ не знаешь даже и того, что корыстолюбіе есть зло, а любомудрствуешь о небесныхъ предметахъ? Но ты знаешь, что это худо: тѣмъ больше вина твоя, что грѣшишь зная. Но что говорю объ язычникѣ? По нашимъ законамъ, когда жизнь наша развратна, намъ не позволено даже и пользоваться такою свободою рѣчи. Ибо сказано: *грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія Моя* (Исал. XLIX, 16)? Когда Іудеи отведены были въ плѣнъ, и Персы усильно просили, чтобы они пѣли священныя свои пѣсни; тогда говорили: *како воспоемъ пѣснь Господню въ землѣ чуждей* (Исал. CXXXVI, 4)? Если же непозволительно было пѣть слово Божіе въ варварской землѣ; то гораздо болѣе непозволительно сіе варварской душѣ. Ибо человѣкъ немилосердый есть варваръ. Ежели тѣмъ, которые находились въ плѣну, и стали рабами подобныхъ имъ людей, законъ повелѣвалъ въ чужой

землѣ молчашь; но гораздо болѣе должно сомкнуть уста свои рабамъ грѣха,—людямъ, живущимъ по чуждымъ обычаямъ. Хотя Іудеи имѣли когда органы, какъ сказано: *на вербіяхъ посреди его обѣсихомъ органы наша* (Псал. CXXXVI, 2); впрочемъ при всемъ этомъ, не позволено было пѣть. Такъ и намъ, хотя имѣемъ уста и языкъ,—сіи органы слова, нѣтъ права пользоваться свободою слова, доколѣ работѣпствуемъ грѣху, который поступаетъ съ нами насильственнѣе всякаго варвара. И скажи мнѣ, что станешь говорить язычнику, когда самъ ты преданъ грабительству и любостяжательности. Скажешь: отстань отъ идолопоклонства, познай Бога, не касайся серебра и золота. Развѣ не засмѣется онъ, и не скажетъ въ отвѣтъ: сперва самъ себя поучи этому? Не одно и тоже — язычнику быть идолопоклонникомъ, и Христіанину дѣлать тѣ же самые проступки. Какъ можемъ другихъ отвести отъ идолопоклонства, когда себя не отучаемъ отъ онаго! Къ себѣ мы ближе, чѣмъ къ ближнему. Когда не можемъ убѣдить сами себя, какъ убѣдимъ другихъ? Кто не правитъ хорошо собственнымъ домомъ; тотъ не порадѣетъ и о Церкви. Какъ же можетъ исправить другихъ неумѣющій управлять своею душею? Не говори мнѣ, что ты не кланяешься золотому идолу; напротивъ докажи: я не дѣлаю того, что велитъ мнѣ золото. Идолопоклонство имѣетъ разные виды. Кто маммону почитаетъ господомъ,

кто чрево признаетъ богомъ, а кто иную грубѣйшую страсть. Ты не приносишь имъ въ жертву воловъ, какъ язычники? Напротивъ, что гораздо хуже; свою душу закалаешь имъ въ жертву. Ты не преклоняешь колѣнъ и не кланяешься? Напротивъ съ большею покорностію исполняешь все то, что повелѣваютъ тебѣ и чрево и золото, и твоя господствующая похоть. И язычники гнусны тѣмъ, что обоготворили страсти, вожделѣніе назвавъ Аѳродитою, гнѣвъ—Аресомъ; пьянство—Діонисомъ. Хотя ты не точишь идоловъ, какъ язычники; за то съ великимъ усердіемъ подчиняешь себя тѣмъ же страстямъ, члены Христовы дѣлаешь членами блудницы, и погружаешься въ иныя беззаконія. Посему прошу васъ подумать о такой чрезмѣрной несообразности и бѣгать идолопоклонства. Ибо симъ именемъ Павелъ называетъ любостяжательность. Бѣгайте любостяжательности не только въ деньгахъ, но и во всякой порочной склонности, въ платьѣ, въ столѣ и во всемъ прочемъ. Гораздо тягчайшее наказаніе понесемъ мы за неповиновеніе заповѣдямъ Господа. Ибо сказано: *рабъ вѣдѣвый волю господина своего, и не сотворивъ, біенъ будетъ много* (Луки XII, 47). Итакъ чтобы избѣгнуть сего наказанія, стать полезными для себя и для другихъ, очистивъ душу отъ всякаго порока, возлюбимъ добродѣтель. Такимъ образомъ пріобрѣтемъ будущія блага, которыя дай Богъ пріобрѣсти всѣмъ намъ по благодати

и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава, честь, держава—нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ; Аминь!

БЕСѢДА 7.

(III, 9.) *Что убо? преимѣемъ ли? никакоже: прежде бо обвинени есмы Іудеи же и Еллины вси подъ грѣхомъ быти.* (10) *Якоже есть писано, яко нѣсть праведенъ никтоже:* (11) *Нѣсть разумѣваяй, и нѣсть взыскаяй Бога.* (12) *Вси уклонишася, вкупѣ непотребни быша: нѣсть творяй благостыню, нѣсть даже до единаго.* (13) *Гробъ отверстъ гортань ихъ, языки своими льщаху: ядъ аспидовъ подъ устнами ихъ.* (14) *Ихже уста клятвы и горести полна суть.* (15) *Скоры ноги ихъ проліяти кровь,* (16) *сокрушеніе и озлобленіе на путехъ ихъ:* (17) *и пути мирнаго не познаша.* (18) *Нѣсть страха Божія предъ очима ихъ.*

Апостолъ обвинилъ язычниковъ, обвинилъ Іудеевъ; слѣдовало уже говорить объ оправданіи, объ оправданіи чрезъ вѣру. Ибо ежели не помогъ законъ естественный, не больше сдѣлалъ и законъ писаный, напротивъ вопъ и другой послужилъ бременемъ для людей, которые не воспользовались ими, какъ должно, и обнаружилъ, что

они заслуживаютъ большее наказаніе; но нѣтъ уже инаго средства спастися, кромѣ благодати. Итакъ скажи, и открой намъ оное, Павелъ! Но Апостолъ еще не дерзаетъ, опасаясь безстыдства Іудеевъ; а снова обращается къ ихъ обвиненію. И сперва представляетъ обвинителемъ Давида, который пространно изображаетъ то, что Исаія выразилъ кратко. А симъ хочетъ наложить на слушателей крѣпкую узду, дабы всякій изъ нихъ, по загражденіи ему всѣхъ путей обвиненіями Пророковъ, не могъ уже вырваться и ускользнуть, когда будетъ предъ нимъ раскрыто вполнѣ ученіе о вѣрѣ. Пророкъ же выставляетъ при самыя тяжкія вины, именно: что всѣ безъ изключенія дѣлали зло, что дѣлали зло безъ всякой примѣси добра, предаваясь единственно порокамъ, и наконецъ дѣлали зло со всемъ усиліемъ.

Іудеи могли возразить: итакъ что же, не объ насъ говорится сіе? Посему Апостолъ присовокупилъ: (19) *Вѣмы же, яко елика законъ глаголетъ, сущимъ въ законѣ глаголетъ.* И послѣ приведеннаго мѣста Исаіи, который прямо говорилъ о нихъ, привелъ слова Давида, дабы показать, что оныя имѣютъ связь съ сказаннымъ у Исаіи. Какая была нужда, говоритъ Апостолъ, Пророку, посланному для вашего исправленія обличать другихъ? Законъ данъ не другому кому, а вамъ. А почему не сказалъ онъ: *вѣмы, яко елика* Пророкъ глаголетъ, но: *елика законъ глаголетъ?*

Потому что Павелъ весь Ветхій Завѣтъ называетъ обыкновенно закономъ. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *закона ли не слушаете? яко Авраамъ два сына имѣ* (Гал. IV, 21, 22); такъ и здѣсь Псалмы назвалъ закономъ, сказавъ: *вѣмы, яко елика законъ глаголетъ, сущимъ въ законѣ глаголетъ.* Потомъ Апостолъ доказываетъ, что сіе сказано не просто въ обвиненіе, но дабы законъ пролагалъ также путь вѣрѣ. Таково согласіе Ветхаго Завѣта съ Новымъ, что обвиненія и обличенія имѣли безъ сомнѣнія цѣлію отверзть въ слушателяхъ свѣтлую дверь вѣры. Поелику Іудеевъ то особенно погубило, что высоко о себѣ думали, какъ Апостолъ и выше замѣтилъ, что, не зная правды Божіей и стараясь выставить свою правду, не покорились они правдѣ Божіей; то законъ и Пророкъ предварительно укрощали ихъ высокомѣріе, низлагали надмѣнность, дабы пришедши въ сознаніе грѣховъ своихъ, отложивши все высокоуміе, и увидѣвши себя въ крайнѣй опасности, прилепли они съ полнымъ усердіемъ къ Дающему имъ прощеніе грѣховъ, и приняли благодать чрезъ вѣру. Сіе самое и здѣсь давалъ разумѣть Павелъ, говоря: *Вѣмы, яко елика законъ глаголетъ, сущимъ въ законѣ глаголетъ: да всяка уста загради тся, и повинен будетъ весь міръ Богови.* Симъ показываетъ онъ, что Іудеи, хотя не смѣютъ похвалиться дѣлами, но хвастливы и безстыдны на словахъ. Посему въ собственномъ смыслѣ

употреблено выраженіе, *да всяка уста заградятся*; имъ изображается безстыдное и непомѣрное хвастовство Іудеевъ, а равно то, что языкъ ихъ надлежало всѣми силами обуздывать. Онъ былъ неудержимъ, подобно стремительному потоку; но Пророкъ обуздалъ его. Когда же Павелъ говоритъ: *да всяка уста заградятся;* разумѣетъ не то, что для того грѣшили, чтобы заградились уста ихъ, но для того были обличаемы, чтобы грѣша, сознавали то. *И повиненъ будетъ весь міръ Богови.* Не сказалъ: Іудеи; но: весь родъ человѣческій. Ибо какъ словами: *да всяка уста заградятся,* Апостолъ мѣтитъ на Іудеевъ, хотя и не сказалъ того ясно, дабы рѣчь не сдѣлалась колкою; такъ слова: *повиненъ будетъ весь міръ Богови,* относятся вмѣстѣ и къ Іудеямъ и къ язычникамъ. Но и сіе не мало служитъ къ сокращенію высокоумія Іудеевъ; когда они и въ семъ отношеніи не имѣютъ никакого преимущества предъ язычниками, но, по слову спасенія, наравнѣ съ ними оставлены. Ибо повиннымъ въ собственномъ смыслѣ называется тотъ, кто не можетъ защитить самъ себя, а имѣетъ нужду въ посторонней помощи; каково и было наше положеніе, послѣ того какъ мы погубили дарованныя намъ средства ко спасенію.

(20) *Закономъ бо познаніе грѣха.* Апостолъ опять напалъ на законъ, но съ пощадою. Ибо сими словами винитъ не законъ, но нерадѣніе Іудеевъ. Впрочемъ, намѣреваясь говорить

о вѣрѣ, старался онъ здѣсь доказать, что законъ весьма изнемогъ. Ежели хвалишься закономъ, говоритъ онъ; то законъ стыдитъ тебя больше, потому что обнаруживаетъ грѣхи твои. Однакожъ Апостолъ не употребилъ столь жестокаго выраженія, а сказалъ снисходительнѣе: *закономъ бо познаніе грѣха*; слѣдственно и большее наказаніе; но въ этомъ виновны сами Іудеи. Хотя законъ былъ причиною, что грѣхъ сталъ для тебя извѣстенъ; впрочемъ въ твоей было волѣ бѣжать грѣха. Поелику же не бѣжалъ; то навлекъ на себя большее наказаніе, и вразумленія закона привели тебя къ тягчайшей казни.

Апостолъ послѣ того, какъ увеличилъ страхъ, начинаетъ уже слово о дарахъ благодати, и, возбудивъ въ слушателяхъ сильное желаніе получить отпущеніе грѣховъ, говоритъ: (21) *нынѣ же кромѣ закона правда Божія явися*. Сказанное Апостоломъ весьма важно, и требуетъ многихъ доводовъ. Если жившіе въ законѣ не только не избѣгли наказанія, но даже навлекли на себя тягчайшее; какъ можно безъ закона не только избѣгнуть казни, но еще оправдаться? Апостолъ говоритъ здѣсь о двухъ весьма важныхъ предметахъ: объ оправданіи и о пріобрѣтеніи сихъ благъ независимо отъ закона. Посему сказалъ не просто: *правда;* но: *правда Божія*, достоинствомъ лица доказывая величіе дара, и твердость обѣщанія; такъ какъ Богу все возможно. И не сказалъ: дана правда, но: *явися*, дабы не могли винить его въ нововве-

деніи. Ибо являться можетъ только то, что существовало прежде, но было сокрыто. Не только симъ, но и слѣдующими словами Апостолъ доказываетъ, что явившееся не есть что-либо новое; ибо сказавъ: *явися*, присовокупилъ: *свидѣтельствуема отъ закона и Пророковъ*. Не приходи въ смущеніе отъ того, что правда Божія дарована только нынѣ, говоритъ Апостолъ, и не затрудняйся симъ, какъ дѣломъ новымъ и необычайнымъ. О семъ издревле говорили и законъ и Пророки. Частію доказалъ это Апостолъ выше, а частію докажетъ въ послѣдствіи. Выше, когда приводилъ слова Аввакума: *праведный отъ вѣры живъ будетъ;* а въ послѣдствіи, когда укажетъ на Авраама, Давида, которые говорили тамъ тоже. Ибо у Іудеевъ были въ большемъ уваженіи и Авраамъ и Давидъ; одинъ, какъ Патріархъ и Пророкъ, а другой, какъ Царь и Пророкъ; и обѣщанія о семъ даны были имъ обоимъ. Посему и Матѳей въ началѣ Евангелія сперва упоминаетъ объ Авраамѣ и Давидѣ, а потомъ уже по порядку перечисляетъ Праотцевъ. Ибо сказавъ: *книга родства Іисуса Христа*, не послѣ Авраама, Исаака и Іакова, но вмѣстѣ съ Авраамомъ упоминаетъ о Давидѣ. И что удивительно, Давида поставилъ напереди Авраама, говоря такъ: *сына Давидова, сына Авраамля;* а потомъ уже сталъ перечислять Исаака, Іакова и всѣхъ слѣдующихъ. По сей же причинѣ и Апостолъ часто упоминаетъ здѣсь объ Авраамѣ и Давидѣ,

и говоритъ: *Правда Божія свидѣтельствуема отъ закона и Пророкъ.*

Но могутъ сказать: какъ спасемся нимало не содѣйствуя къ тому сами? Апостолъ опвѣщаетъ: что въ дѣлѣ спасенія не малое привносится и отъ насъ, именно: вѣра. Посему сказавъ: (22) *Правда Божія*, присовокупилъ: *вѣрою во всѣхъ и на всѣхъ вѣрующихъ*. Сіе опять приводитъ въ смущеніе Іудея, показывая ему, что онъ не имѣетъ никакого преимущества предъ прочими людьми, но ставится на ряду со всѣмъ человѣческимъ родомъ. Апостолъ, предохраняя его отъ таковаго смущенія, уменьшаетъ страхъ его, продолжая: *нѣсть бо разнствія.*

(23) *Вси бо согрѣшиша.* Не говори мнѣ: тотъ Еллинъ, тотъ Скиѳъ, тотъ Ѳракіянинъ; всѣ равно виновны. Если ты получилъ законъ; то изъ закона научился единственно, какъ разпознавать грѣхъ, а не какъ избѣгать онаго. Потомъ, дабы Іудеи не сказали: мы, хотя и грѣшимъ, впрочемъ не такъ, какъ язычники, Апостолъ присовокупилъ: *и лишени суть славы Божія*. Хотя твои грѣхи и неодинаковы съ грѣхами другихъ; впрочемъ и ты равно лишенъ славы. Ибо и ты оскорбилъ Бога; а оскорбитель принадлежитъ не къ прославленнымъ, но къ поспыжденнымъ. Но ты не спрашись; я сказалъ сіе не для того, чтобы ввергнуть тебя въ отчаяніе, а для того, чтобы показать тебѣ человѣколюбіе Владыки.

Посему Апостолъ и присовокупилъ: (24) *Оправдаеми туне благодатію Его избавленіемъ, еже о Христѣ Іисусѣ.* (25) *Егоже предположи Богъ очищеніе вѣрою въ крови Его, въ явленіе правды Своея.* Видишь, сколько доводовъ приводитъ Апостолъ въ подтвержденіе сказаннаго. Вопервыхъ доказываетъ достоинствомъ лица. Здѣсь дѣйствуетъ не человѣкъ, слабый силами, но Богъ, для Котораго все возможно; такъ какъ сказано, что *правда* есть *Божія*. Во вторыхъ доказываетъ закономъ и Пророками. Не устрашайся, слыша слова: *кромѣ закона*; ибо такова цѣль самаго закона. Въ третьихъ доказываетъ вознесенными жертвами; почему сказалъ: *въ крови Его*, напоминая чрезъ то Іудеямъ объ овцахъ и тельцахъ. Ежели закланіемъ безсловесныхъ, разсуждаетъ Апостолъ, разрѣшались грѣхи; то тѣмъ паче кровію Іисуса Христа. И сказалъ не просто: куплею, но: *искупленіемъ*, дабы мы не возвращались опять въ прежнее рабство. Для того же самаго называетъ Іисуса Христа очищеніемъ, вразумляя, что ежели такую силу имѣлъ образъ, то гораздо большее дѣйствіе окажетъ самая истина. И опять давая разумѣть, что сіе не есть что либо недавнее и новое, Апостолъ говоритъ: *предположи*. Сказавъ же: *предположи Богъ*, и тѣмъ показывая, что сіе есть дѣло Отца, показываетъ также, что оно принадлежитъ и Сыну. Ибо Отецъ предположилъ, а Христосъ совершилъ все дѣло Своею

кровію. *Въ явленіе правды Своея.* Что значитъ явленіе правды? Какъ явленіе богатства состоитъ въ томъ, чтобы не только самому быть богатымъ, но и другихъ дѣлать богатыми, и явленіе жизни, чтобы не только самому быть живымъ, но и мертвыхъ оживлять, и явленіе силы, чтобы не только самому быть сильнымъ, но и укрѣплять изнемогшихъ; такъ явленіе правды состоитъ въ томъ, чтобы не только самому быть праведнымъ, но и другихъ, исплѣвшихъ во грѣхахъ, вдругъ дѣлать праведными. Сіе самое изъясняя Апостолъ присовокупилъ, что значитъ явленіе. (26) *Быти ему праведну и оправдающу сущаго отъ вѣры Іисусовы.* Итакъ не колеблись; ты оправдываешься не дѣлами, но вѣрою. Не убѣгай правды Божіей. Даръ сей имѣетъ двоякую выгоду: легко пріобрѣтается, и предложенъ для всѣхъ. Не стыдись и не краснѣй. Ежели Богъ Себѣ присвояетъ дѣло сіе, даже, можно сказать, хвалится и превозносится онымъ; то чего тебѣ стыдиться и краснѣть, когда прославляется твой Владыка? Апостолъ сказавъ въ ободреніе слушателя, что совершившееся есть явленіе правды Божіей, колеблющагося и медлительнаго побуждаетъ опять страхомъ, говоря такъ: *за отпущеніе* (διὰ τὴν πάρεσιν по причинѣ разслабленія отъ) *прежде бывшихъ грѣховъ.* Видишь ли, какъ часто напоминаетъ Іудеямъ о грѣхахъ? Выше сказалъ: *законолъ бо познаніе грѣха*, потомъ: *вси бо согрѣшиша*;

а здѣсь выражается еще сильнѣе. Не сказалъ: по причинѣ грѣховъ, но: по причинѣ разслабленія или омертвенія отъ грѣховъ. Не было уже надежды къ выздоровленію; напротивъ, какъ разслабленному тѣлу нужна была вышшая помощь, такъ и умершей душѣ. И, что всего поразительнѣе, по словамъ Апостола, къ большему обвиненію людей служитъ то, что онъ полагаетъ какъ бы причиною разслабленія. Что же такое? То, что разслабленіе случилось во время долготерпѣнія Божія. Не можете сказать, говоритъ онъ, что вы не пользовались многимъ долготерпѣніемъ и благостію. Самыя слова: *въ нынѣшнее время*, выражаютъ, что Богъ оказалъ великое долготерпѣніе и человѣколюбіе. Когда дошли мы до отчаянія, говоритъ Апостолъ, когда наступило время суда, зло возрасло, грѣхи умножились; тогда Богъ явилъ силу Свою, дабы уразумѣть тебѣ, какое у Него обиліе правды. Еслибы сіе сдѣлано было въ началѣ; то не казалось бы столько чуднымъ и необычайнымъ, какъ теперь, когда испытаны уже всѣ способы врачеванія.

(27) *Гдѣ убо похвала? отсѣчеся*, говоритъ Павелъ, *которымъ закономъ? дѣлъ ли? нѣ, но закономъ вѣры*. Великаго труда стоило Павлу доказать такую силу вѣры, а какой законъ не могъ никогда и вообразить. Сказавъ, что Богъ оправдываетъ человѣка чрезъ вѣру, онъ опять обращается къ закону, и не говоритъ: гдѣ заслуга Іудеевъ? гдѣ праведныя дѣла?

но: *гдѣ похвала?* Во всякомъ случаѣ даетъ видѣть, что Іудеи хвалились только какимъ то преимуществомъ предъ другими, но ничего не показали на дѣлѣ. И спросивъ: *гдѣ убо похвала?* не сказалъ: изчезла и погибла, но: *отенася*, чѣмъ означается болѣе неблаговременность похвалы. Хвалиться было не время. Какъ по наступленіи суда нѣтъ уже времени для желающихъ раскаяться, такъ и Іудеямъ не время было уже говорить: мы можемъ исправиться, исполняя законъ, когда приговоръ произнесенъ, всѣ осуждены на погибель, и пришелъ Тотъ, Кто благодатію уничтожаетъ всякое зло. Имъ должно было заботиться объ этомъ; но прежде пришествія Христова. А когда пришелъ Спасающій чрезъ вѣру; прекратилось уже время подвиговъ. Поелику всѣ средства оказались недѣйствительными; Христосъ спасаетъ благодатію. Посему и пришелъ Онъ нынѣ. А еслибы пришелъ въ началѣ; могли бы сказать, что возможно было спастися съ помощію закона собственными трудами и заслугами. Итакъ дабы не подать случая къ такимъ безстыднымъ словамъ, Христосъ выжидалъ долгое время. И когда по всему стало видно, что людямъ недостаточно собственныхъ силъ; тогда спасаетъ Своею благодатію. Посему Апостолъ и выше, сказавъ: *въ показаніе правды*, присовокупилъ: *въ нынѣшнее время.* А кто станетъ противорѣчить; тотъ поступитъ подобно человѣку, который, совершивъ тяжкія преступленія

и будучи не въ состояніи оправдаться передъ судомъ, осужденъ и приговоренъ къ казни, но потомъ освобожденъ по Царской милости, и по своемъ освобожденіи имѣетъ довольно безстыдства хвалиться и утверждать, что онъ не учинилъ никакого проступка. Сіе надлежало доказать прежде полученія милости; а когда милость оказана, хвалиться уже не время. Тоже случилось и съ Іудеями. Поелику они сами себя не защитили; пришелъ Христосъ, и Своимъ пришествіемъ лишилъ ихъ похвалы. Кто выдаетъ себя учителемъ младенцевъ, хвалится закономъ, именуется наставникомъ невѣждъ, между тѣмъ, наравнѣ съ ними, имѣетъ нужду въ Учителѣ и Спасителѣ; тому нечѣмъ хвалиться. Если и прежде обрѣзаніе бывало не обрѣзаніемъ; то тѣмъ паче нынѣ. Ибо обрѣзаніе уничтожено и для прошедшаго и для настоящаго времени. Сказавъ же, что *отгнася*, Апостолъ показываетъ, какъ сіе случилось. И какъ отгнася по словамъ Апостола? *которымъ закономъ? дѣлы ли? ни, но закономъ вѣры.* Вотъ и вѣру Павелъ назвалъ закономъ; онъ для того держится старыхъ наименованій, дабы сдѣлать сноснымъ то, что казалось нововведеніемъ. Въ чемъ же состоитъ законъ вѣры? Въ томъ, чтобы спасаться по благодати. Здѣсь Апостолъ доказываетъ, что все возможно Богу, Который не только спасъ, но оправдалъ и далъ право хвалиться, не имѣя для того нужды въ нашихъ дѣлахъ, а требуя одной вѣры. И говоритъ сіе,

дабы вѣрующаго Іудея пріобучить къ скромности, а не вѣрующаго смирить и потомъ привлечь. Получившій спасеніе, еслибы онъ сталъ много о себѣ думать, вникнувъ въ законъ, узнаетъ, что законъ самъ заградилъ ему уста, самъ обвинилъ его, самъ опказалъ ему въ спасеніи, и отнялъ случай къ похвалѣ. А неувѣровавшій, тѣмъ же самымъ бывъ наученъ смиренію, можетъ со временемъ быть обращенъ къ вѣрѣ. Видишь ли, каково богатство вѣры? Видишь ли, какъ она удалила насъ отъ всего ветхозавѣтнаго, не дозволяя даже хвалиться онымъ?

(28) *Мыслимъ убо вѣрою оправдатися человѣку, безъ дѣлъ закона.* Доказавъ, что оправдывающіеся вѣрою стоятъ выше Іудеевъ, Апостолъ съ большею уже свободою разсуждаетъ о вѣрѣ, и опять отклоняетъ то, что повидимому могло смущать. Ибо Іудеевъ возмущали двѣ мысли: первая, что тѣмъ, которые не спаслись дѣлами, возможно спастись безъ дѣлъ; и другая, что необрѣзаннымъ даны равныя права съ Іудеями, которые столько времени были воспитываемы въ законѣ. Сія послѣдняя мысль смущала ихъ гораздо больше первой. Посему Апостолъ, доказавъ первую, переходитъ уже къ послѣдней, которая столько устрашала Іудеевъ, что они и по принятіи вѣры, возмущаясь оною, обвиняли Петра за Корнилія и за все, что онъ дѣлалъ для его обращенія. Что же говоритъ Павелъ? *Мыслимъ убо вѣрою оправдатися человѣку, безъ дѣлъ*

закона. Не сказалъ: Іудею, или живущему подъ закономъ, но выражаясь общѣе, и отверзая дверь спасенія всему человѣческому роду, употребилъ родовое имя, и говоритъ: *человѣку.*

Потомъ, остановившись на семъ словѣ, Апостолъ рѣшаетъ не высказанное ясно возраженіе. Такъ какъ Іудеи, услышавъ, что всякій человѣкъ оправдывается вѣрою, естественно могли тѣмъ оскорбляться и соблазняться; Павелъ присовокупилъ: (29) *Или Іудеевъ Богъ токмо?* самъ какъ бы говоритъ онъ: почему кажется тебѣ нелѣпымъ, что всякій человѣкъ спасается? Уже ли Богъ есть частный какой Богъ? Изъ сего видно, что желающіе унизить язычниковъ, унижаютъ тѣмъ славу Божію, не дозволяя Богу быть Богомъ всѣхъ. Если же Онъ есть Богъ всѣхъ; то о всѣхъ промышляетъ. А если о всѣхъ промышляетъ; то всѣхъ равно спасаетъ чрезъ вѣру. Посему Апостолъ говоритъ: *или Іудеевъ Богъ токмо, а не и языковъ? ей и языковъ.* Богъ есть не частный Богъ, какъ баснословятъ язычники, но для всѣхъ общій и единый.

Посему Павелъ и присовокупляетъ: (30) *Понеже единъ Богъ,* то есть, Онъ одинъ Владыка Іудеевъ и язычниковъ. Если укажешь мнѣ на ветхій завѣтъ; то и тамъ Промыслъ Божій простирался на всѣхъ, хотя и не одинаково. Тебѣ данъ законъ писанный; а имъ законъ естественный. Язычники, когда хотѣли, ни въ чемъ не имѣли предъ тобою недостатка,

напротивъ могли превзойти тебя. Сіе-то самое разумѣя, Апостолъ присовокупилъ: *иже оправдитъ обрѣзаніе отъ вѣры и необрѣзаніе вѣрою*, напоминая Іудеямъ сказанное выше о необрѣзаніи и обрѣзаніи, когда доказывалъ, что нѣтъ никакой разности между обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ. А если въ Ветхомъ Завѣтѣ не было разности; то тѣмъ паче нынѣ, что самое представляя теперь въ большей ясности, Апостолъ доказываетъ, что при необрѣзаніи и при обрѣзаніи равно нужна вѣра.

(31) *Законъ ли убо разорляемъ вѣрою?* продолжаетъ Апостолъ, *да не будетъ: но законъ утверждаемъ*. Примѣчаешь ли, какъ неистощимо и несказанно искуство Апостола? Самое слово: *утверждаемъ*, доказываетъ, что законъ уже не стоялъ, но упалъ. Замѣть также, какъ силенъ, обиленъ въ доводахъ Павелъ, когда желаетъ что доказать. Такъ здѣсь доказываетъ, что вѣра не только не вредитъ закону, но и помогаетъ ему, равно какъ и законъ пролагаетъ путь вѣрѣ. Какъ законъ, предваряя вѣру, о ней свидѣтельствовалъ; ибо Павелъ называетъ ее свидѣтельствуемою отъ закона и Пророкъ; такъ вѣра возстановила изнемогающій законъ. Какъ же возстановила, спросишь? Но какая была цѣль закона, къ чему клонились всѣ его дѣйствія? Къ тому, чтобы сдѣлать человѣка праведнымъ. Законъ же не могъ достигнуть сего; *вси бо*, сказано, *согрѣшиша*. Когда же явилась вѣра; она успѣла въ томъ. Кто

только увѣровалъ, тотъ уже оправдался. Итакъ вѣра возстановила желаніе закона, и привела въ исполненіе то, для чего онъ трудился. Итакъ вѣра не уничтожила, а усовершила законъ. Слѣдственно Апостолъ доказываетъ здѣсь при истины, что возможно оправдаться безъ закона, что законъ не могъ доставить оправданія, и что вѣра не противоборствуетъ закону. А какъ Іудеевъ всего болѣе смущало то, что вѣра казалась противоборствующею закону; то Апостолъ даже болѣе, нежели сколько могъ желать Іудей, доказываетъ, что она не только не противоборствуетъ, но еще способствуетъ и содѣйствуетъ закону; а о семъ то и желали особенно слышать Іудеи.

Но поелику при таковой, оправдывающей насъ, благодати, нужно благоустройство жизни; то покажемъ пищаніе, соотвѣтственное дару. А покажемъ оное, когда со всемъ пищаніемъ будемъ хранить любовь — матерь всего добраго. Любовь же состоитъ не въ голыхъ словахъ, не въ простыхъ привѣтствіяхъ, но въ заступленіи и въ дѣятельномъ участіи; напримѣръ въ томъ, чтобы избавлять отъ бѣдности, снабжать больныхъ, выручать изъ бѣды, заступаться за несчастныхъ, плакать съ плачущими, и радоваться съ радующимися. Ибо и послѣднее служитъ признакомъ любви. И хотя радоваться съ радующимися представляется маловажнымъ; однакоже есть очень великое дѣло, и требуетъ сердца, обученнаго любомудрію:

Много найдется людей, которые выполняютъ труднѣйшее, а для сего не имѣютъ достаточныхъ силъ. Многіе плачутъ съ плачущими, но не радуются съ радующимися; а напротивъ, когда другіе радуются, они плачутъ, изъ недоброжелательства и зависти. Посему не мала заслуга радоваться, когда братъ въ радости; напротивъ важнѣе какъ той, чтобы плакать съ плачущими, такъ и тотъ, чтобы помогать въ бѣдахъ. Многіе, видя бѣдствующихъ, сами подвергаются съ ними бѣдамъ; но какъ скоро увидятъ успѣвающими въ дѣлахъ своихъ, терзаются тѣмъ. Такова сила зависти! Хотя тамъ нужны труды и потъ, а здѣсь одно произволеніе, одно расположеніе; впрочемъ многіе, перенося тягчайшее, не вынесли легчайшаго; напротивъ сохнутъ и сами себя губятъ, когда видятъ успѣхи другихъ, когда всему обществу оказана услуга или словомъ или инымъ чѣмъ. Что можешь быть хуже такого человѣка? Онъ противится уже не брату, но волѣ Божіей. Представивъ сіе, уврачуй недугъ свой. Если не хочешь избавить ближняго, то по крайней мѣрѣ избавь себя отъ множества золъ. Для чего борешься съ своими мыслями? наполняешь душу смущеніемъ? воздвигаешь бурю? все низвращаешь? Питая такія чувствованія, какъ можешь просить себѣ отпущенія грѣховъ? Ежели Богъ не отпускаетъ грѣховъ тѣмъ, которые сами не прощаютъ другихъ; то отпуститъ ли тѣмъ, которые мыслятъ зло на людей, не причинившихъ

имъ зла? Это признакъ крайней злобы; это значитъ, за одно съ діаволомъ враждовать на Церковь, или даже поступать хуже самаго діавола! Ибо отъ діавола можно осперечься; а такіе люди, нося личину дружбы, тайно поджигаютъ дрова, сами первые падаютъ въ печь и спраждутъ болѣзнію, которая не только не можетъ расположить къ жалости, но еще возбуждаетъ сильный смѣхъ. Скажи мнѣ: отъ чего ты блѣднѣешь, трепещешь, приходишь въ робость? Какая случилась бѣда? Та ли, что братъ твой знатенъ, славенъ и почтенъ? Тебѣ надлежало надѣть на себя вѣнецъ, радоваться и славить Бога, что твой сочленъ сталъ знатенъ и славенъ; а ты скорбишь о томъ, что Богъ прославляется? Видишь ли, на кого возстаешь ты? Скажешь: скорблю не о томъ, что Богъ прославляется, а о томъ, что прославляется братъ. Но его слава есть слава Божія; а слѣдственно и вражда твоя есть вражда на Бога. Не то печалитъ меня, говоришь ты; но я желалъ бы, чтобы Богъ прославлялся чрезъ меня. Такъ радуйся успѣхамъ брата; тогда Богъ и чрезъ тебя будетъ славиться; тогда всѣ скажутъ: благословенъ Богъ, имѣющій таковыхъ рабовъ, свободныхъ отъ всякой зависти, взаимно радующихся о счастіи другъ друга. И что говорю о братѣ? Ежели кто былъ твоимъ противникомъ и врагомъ; но Богъ чрезъ него прославился; по сему самому долженъ сдѣлаться твоимъ другомъ. А ты друга дѣлаешь

врагомъ, когда чрезъ прославленіе его славится Богъ? Ежели кто вылечитъ тѣло твое отъ недуга, которымъ оно страдало; то, хотя бы онъ былъ и врагъ твой, не станешь ли считать его между первыми своими друзьями? А кто украшаетъ тѣло Христово, то есть, Церковь, и кто тебѣ другъ; того считаешь врагомъ? Можно ли больше этого пропивиться Христу? Посему кто сотворитъ чудеса, сохранитъ дѣвство, соблюдетъ постъ, будетъ молиться въ землю, и сравнится съ Ангелами въ добродѣтели, но имѣетъ сей недостатокъ; тотъ всѣхъ нечестивѣе, беззаконнѣе и прелюбодѣя, и блудника, и разбойника, и раскопателя гробовъ.

Дабы не стали винить меня въ излишествѣ сказаннаго, я самъ спрошу васъ: ежели кто, взявъ огонь и заступъ, разоритъ сей храмъ, зажжетъ стѣны, подкопаетъ престолъ; то не всякій ли изъ предстоящихъ замечетъ его камнями, какъ нечестивца и беззаконника? А ежели кто принесетъ пламень, губительнѣйшій чувственнаго огня, я разумѣю зависть, которая не каменныя зданія разоряетъ, не золотый престолъ подкапываетъ, но ниспровергаетъ и разоряетъ, что гораздо честнѣе стѣнъ и престола,—зданіе учителей; такой человѣкъ стоитъ ли какого прощенія? Не говорите мнѣ, что не всякій имѣетъ силы исполнить свой умыселъ; дѣла судятся по расположенію. Саулъ умертвилъ уже Давида, хотя и не удалось совершить

сего на дѣлѣ. Скажи мнѣ, какъ не придетъ небъ на мысль, что объявляя брань Пастырю, злоумышляешь на овецъ Христовыхъ, на овецъ, за которыхъ Христосъ пролилъ кровь Свою, и намъ повелѣлъ все дѣлать и терпѣть? Какъ не приведешь себѣ на память, что твой Владыка искалъ твоей славы, а не Своей? Ты же ищешь не Его славы, а своей. А еслибы искалъ Его славы; то снискалъ бы славу и себѣ; ища же своей славы вмѣсто Его славы, никогда не пріобрѣтешь оной. Итакъ какое врачевство употребимъ отъ сей болѣзни? Принесемъ общую нашу молитву, возопіемъ единогласно, какъ надъ одержимыми бѣсомъ. Ибо завистники находятся въ положеніи болѣе жалкомъ, чѣмъ бѣсноватые; потому что безуміе ихъ произвольно, сія болѣзнь имѣетъ нужду въ молитвѣ, даже въ усильномъ моленіи. Ежели не любящій брата, хотя расточитъ имѣніе, хотя просіяетъ мученичествомъ, ни въ чемъ не успѣетъ; то посуди, какого стоитъ наказанія враждующій на человѣка, который ничемъ его не обидѣлъ. Онъ хуже и язычника. Ежели любитъ любящихъ насъ значитъ быть ничемъ не лучше язычника; то скажи мнѣ, съ кѣмъ сравнитъ завидующаго любящимъ? Завидовать хуже, нежели ссориться. Ссорющійся, какъ скоро будетъ устранена причина ссоры, прекращаетъ вражду; но завистникъ ни когда не можетъ стать другомъ. Тотъ ведетъ открытую брань, а сей дѣйствуетъ въ тайнѣ. Тотъ иногда можетъ представить благовидный

предлогъ къ ссорѣ; а у сего нѣтъ и предлога кромѣ его неисповѣдства и сатанинскихъ расположеній. Итакъ чему уподобить завистливое сердце? Какой ехиднѣ? какому аспиду? какому червю? какому ядовитому насѣкомому? Ничего нѣтъ нечестивѣе, ничего нѣтъ злѣе завистливаго сердца. Зависть, зависть превратила Церкви, породила ереси, вооружила братнюю руку, обагрила десницу въ крови праведника, попрала законы природы, отверзла двери смерти, привела въ исполненіе древнюю клятву, заставила несчастнаго Каина забыть болѣзни матернія, своихъ родителей, все на свѣтѣ, до такого довела его неистовства, въ такое ввергла бѣшенство, что слыша зовущаго и глаголющаго Бога: къ тебѣ обращеніе его, и ты обладать имъ будешь,—и тѣмъ даже не тронулся. Хотя Богъ простилъ ему вину, подчинилъ брата; но этотъ струпъ никакъ неизлѣчимъ; приложи къ нему тысячи пластырей, онъ все будетъ обливаться своимъ гноемъ. О чемъ же скорбишь ты, несчастнѣйшій всѣхъ на свѣтѣ? О томъ ли, что честь воздана Богу? Какое сатанинское расположеніе! Или о томъ, что братъ успѣшнѣе тебя? Но ты можешь опять опередить его. Если хочешь кого побѣдить; не убивай его, не истребляй, но оставь жить, сбереги для себя случай къ борьбѣ съ нимъ, и одолѣй живаго; тогда и тебѣ дастся свѣтлый вѣнецъ. А теперь, убивая его, ты самъ на себя произносишь приговоръ,

который для тебя постыднѣе самаго пораженія. Но ничего этаго не знаетъ зависть. Для чего же любишь и славу въ такой пустынѣ? Ибо Каинъ съ Авелемъ одни населяли землю. Но и то не удержало Каина; все это изторгъ онъ изъ сердца своего; сталъ рядомъ съ діаволомъ, и изготовился къ бою; ибо діаволъ былъ тогда вождемъ Каина; не удовольствовался тѣмъ, что человѣкъ сталъ смертенъ, но самымъ родомъ смерти постарался увеличить ужасъ, и внушилъ Каину сдѣлаться братоубійцею. Спѣшилъ, нетерпѣливо желалъ видѣть исполненіе своего намѣренія сей—никогда несытый нашими бѣдствіями. Такъ иной знаетъ, что врагъ его въ узахъ, что скоро исполнятъ надъ нимъ приговоръ, что осталось вывести его только за городъ, но онъ не можетъ переждать и того времени, спѣшитъ видѣть его умерщвленнымъ внутри города. Такъ спѣшилъ тогда и діаволъ. Хотя слышалъ, что человѣкъ долженъ возвратиться въ землю; впрочемъ поревался видѣть нѣчто большее, чтобы сынъ умеръ прежде отца, чтобы братъ убилъ брата, чтобы смерть была преждевременная и насильственная.

Видишь ли, къ чему послужила зависть? какъ она выполнила ненасытное желаніе діавола, предложила ему такую снѣдь, какой только алкалъ онъ? Итакъ будемъ избѣгать сего недуга. Не освободившися отъ сея немощи, не возможно, никакъ не возможно избѣжать вѣчнаго огня, уготованнаго діаволу. Освободимся же,

когда размыслимъ, сколько возлюбилъ насъ Христосъ, и повелѣлъ намъ любить другъ друга. Сколько же возлюбилъ Онъ насъ? Столько, что далъ драгоцѣнную кровь Свою за насъ, бывшихъ Его врагами, причинившихъ Ему величайшія оскорбленія. И ты сдѣлай тоже для брата; для сего и говоритъ Онъ: *заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, якоже Азъ возлюбихъ вы* (Іон. XIII, 34). Или лучше сказать, Христосъ не ограничился и сею мѣрою. Онъ учинилъ то за враговъ; а ты не хочешь отдать крови своей за брата? Для чего же, поступая совершенно вопреки заповѣди, ты проливаешь даже и его кровь? Что совершилъ Христосъ, къ тому Онъ не былъ обязанъ; а если ты это сдѣлаешь, то исполнишь только долгъ свой. Получившій десять тысячь талантовъ и требовавшій сто динаріевъ наказанъ не за то одно, что требовалъ, но и за то, что не сдѣлался лучшимъ послѣ оказаннаго ему благодѣянія, не послѣдовалъ примѣру Царя и не простилъ долга (Матѳ. XVIII, 23). Ибо рабъ, если бы простилъ долгъ, исполнилъ бы только свою обязанность. И мы во всемъ, что ни дѣлаемъ, исполняемъ только свою обязанность. Посему и Христосъ сказалъ: *Егда вся сотворите, глаголите, яко рабы неключими есмы: еже бо должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* (Луки XVII, 10). Итакъ ежели окажемъ милосердіе, ежели отдадимъ имѣніе нуждающимся; то исполнимъ нашу обязанность; не потому только,

что самъ Богъ показалъ намъ примѣръ благотворительности, но и потому, что, когда даемъ, удѣляемъ изъ принадлежащаго Богу. Итакъ для чего лишаешь самъ себя того, надъ чѣмъ Богъ хочетъ поставить тебя господиномъ. Для того велѣлъ Онъ тебѣ давать другому, дабы самому тебѣ владѣть тѣмъ. Доколѣ удерживаешь у одного себя; дотолѣ самъ не владѣешь. А когда даешь другому; тогда получаешь самъ. Что можетъ сравниться съ сею любовію? Христосъ пролилъ кровь за враговъ; а мы жалѣемъ имѣнія за благодѣтеля. Онъ пролилъ собственную Свою кровь; а мы жалѣемъ имѣнія, которое не наше. Онъ совершилъ сіе прежде насъ; а мы не хотимъ послѣ Него. Онъ сдѣлалъ сіе для нашего спасенія; а мы не хотимъ для собственной своей пользы. Ему нѣтъ никакого прибытка отъ нашего человѣколюбія, но вся прибыль возвращается къ намъ. Для того и велѣно намъ отдавать имѣніе, чтобы не лишиться самимъ. Кто даетъ деньги малому ребенку, наказываетъ ему держать крѣпче или отдать на сбереженіе служителю, чтобы не могъ кто похитить; такъ дѣлаетъ и Богъ. Отдай нуждающемуся, говоритъ Онъ, дабы у тебя не похитилъ сего кто нибудь, на примѣръ: клеветникъ, діаволъ, воръ, а послѣ всѣхъ смерть. Пока у себя держишь, не въ безопасномъ мѣстѣ хранишь; а если передашь черезъ бѣдныхъ Мнѣ; то все сберегу тебѣ безъ утраты, и въ надлежащее время возвращу съ большею лихвою. Не для того беру, чтобы

Себѣ присвоишь; но для того, чтобы пріумножишь, чтобы сберечь въ совершенной цѣлости, чтобы сберечь это для тебя къ тому времени, когда никто не дастъ въ займы, никто не сжалится. Итакъ, что можетъ быть жестокосердѣе насъ, которые послѣ такихъ обѣщаній не соглашаемся дать въ заемъ Богу? Потому—то и отходимъ къ Нему скудными, нагими, нищими, не имѣющими при себѣ ввѣреннаго намъ; ибо не поручаемъ сего Тому, Кто сберегаетъ всѣхъ тщательнѣе. И за сіе понесемъ крайнее наказаніе. Ибо, когда будемъ обвиняемы, что скажемъ о своей погибели? Какое представимъ оправданіе? Чѣмъ извинимъ себя? Ибо почему не отдавалъ ты? Развѣ не вѣришь, что получишь обратно? Но возможно ли сіе? Дающій ничего не дававшему, не тѣмъ ли вѣрнѣе отдастъ то, что получитъ Самъ? Но для тебя пріятно смотрѣть на свое имущество? Тѣмъ усерднѣе отдай, чтобы еще больше увеселяться тамъ, гдѣ никто у тебя не отыметъ онаго. Напротивъ, держа теперь при себѣ, подвергаешься тысячѣ бѣдъ. Ибо діаволъ, подобно псу, кидается на богатыхъ, какъ бы желая вырвать кусокъ хлѣба или пирога изъ рукъ у ребенка. Итакъ отдадимъ сіе Отцу. Какъ скоро увидитъ это діаволъ; непремѣнно побѣжитъ прочь. А когда убѣжитъ онъ; Отецъ отдастъ тебѣ все сіе въ сохранности, въ будущемъ вѣкѣ, когда діаволу не льзя уже будетъ безпокоить тебя. Богатые въ настоящей жизни ничѣмъ не разнятся отъ

малыхъ дѣтей, которыхъ безпокоятъ щенята; вокругъ нихъ лаютъ, теребятъ ихъ, хватаютъ у нихъ не только люди, но и безстыдныя страсти, чревоугодіе, пьянство, ласкательство и всякаго рода распутство. Когда нужно отдать въ заемъ деньги; мы разбираемъ, кто больше дастъ роста, высматриваемъ, кто вѣрнѣе въ словѣ. А въ этомъ случаѣ поступаемъ напротивъ. Оставляемъ Бога, Который неизмѣненъ въ обѣтахъ, и наддаетъ не сотыми долями, но во сто крать; а ищемъ тѣхъ, которые не отдадутъ намъ и самаго капитала. Ибо чѣмъ платитъ намъ чрево, пожирающее большую часть нашего имущества? Нечистотою и гноемъ. Чѣмъ платитъ тщеславіе? Завистію и недоброжелательствомъ. Чѣмъ платитъ скупость? Заботами и попеченіями. Чѣмъ платитъ распутство? Геенною и ядовитымъ червемъ. Вотъ должники богачей, вотъ ростъ, какой они платятъ съ капитала—въ настоящей жизни вредъ и въ будущей—зло! И скажи мнѣ: ужели дадимъ въ заемъ тѣмъ, которые воздаютъ такимъ мученіемъ, а не повѣримъ сего Христу, Который обѣщаетъ намъ небо, безсмертную жизнь, неизреченныя блага? Какое будемъ имѣть оправданіе? Почему не даешь Тому, Кто безъ всякаго сомнѣнія возвратитъ, и возвратитъ съ избыткомъ? Развѣ потому, что не скоро возвратитъ Онъ? Но Богъ возвращаетъ и въ настоящей жизни; ибо нелживъ сказавшій: *ищите Царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. VI, 33).

Примѣчаешь ли необыкновенную щедрость? То, говоритъ Онъ, соблюдено будетъ безъ всякаго ущерба, а настоящія блага даю въ видѣ придачи и прибыли. Сверхъ того, ежели не вскорѣ получишь капиталъ обратно; то сіе служитъ къ приращенію твоего богатства; потому что ростъ накопляется. Такія выгоды, какъ видимъ, соблюдаютъ и ростовщики; они охотнѣе даютъ въ заемъ тѣмъ, которые берутъ на долгое время. Возвратившій весь долгъ вскорѣ помѣшалъ увеличенію роста; а кто держалъ у себя долго, больше доставилъ прибыли. Почему же, имѣя дѣло съ людьми, не затрудняемся отсрочкою, напротивъ сами придумываемъ средства продлить оную; а имѣя дѣло съ Богомъ, столько малодушествуемъ, что, боясь отсрочки, колеблемся и отказываемъ? Не смотря и на то, что, какъ сказано, Богъ и здѣсь отдаетъ, и самый капиталъ, по особенной причинѣ, хранитъ тамъ, прилагая къ нему нѣчто иное и большее? Ибо величіе даруемаго, красота дара превышаютъ малоцѣнность настоящей жизни. Находясь въ смертномъ и бренномъ тѣлѣ невозможно получать тѣ неувядаемые вѣнцы; въ настоящей мятежной жизни, исполненной безпокойствъ, подверженной многимъ перемѣнамъ, нельзя принять тотъ непреложный и безмятежный жребій. Ежели кто, занимавшій у тебя золото, дастъ слово возвратить тебѣ долгъ, когда будешь ты жить на чужой сторонѣ, гдѣ нѣтъ при тебѣ рабовъ, откуда не имѣешь даже

возможности перевесть деньги въ отечество; то самъ ты не станешь ли усильно просить, чтобы заимодавецъ не отдавалъ тебѣ на чужой сторонѣ, а заплатилъ лучше дома? Но духовныя и неизреченныя сокровища думаешь получить здѣсь? Какое это безуміе! Если возмешь здѣсь; то безъ сомнѣнія получишь тлѣнное. А если подождешь будущаго времени; то Господь отдастъ тебѣ нетлѣнное и негиблющее. Если возмешь здѣсь; то получишь свинецъ. А если шамъ; то пробное золото. Впрочемъ Богъ не лишилъ тебя и настоящихъ благъ. Сверхъ того обѣщанія далъ Онъ и другое, говоря такъ: всякій возлюбившій небесное получитъ во сто крать въ семъ вѣкѣ, и наслѣдуетъ жизнь вѣчную (Матѳ. XIX, 29). А если не получаемъ во сто крать; виновны сами тѣмъ, что не даемъ въ заемъ могущему столько заплатить; потому то всѣ давшіе, хотя дали и малость, получили во сто крать. Ибо скажи мнѣ: что большее далъ Петръ? Не изорванную ли сѣть, не трость ли только и уду? Впрочемъ Богъ отверзъ ему домы въ цѣломъ мірѣ, открылъ предъ нимъ сушу и море; всѣ предлагали ему свои имущества, и продавая оныя, не смѣли даже цѣну ихъ отдавать ему въ руки, но приносили къ ногамъ его;—столько были для него щедры, и такую оказывали ему честь! Но скажешь: Онъ былъ Петръ; такъ что же? Не одному Петру обѣщалъ сіе Христосъ, не сказано ему: Петръ, ты одинъ получишь во сто крать; но всякій,

кто оставилъ домъ, братьевъ, получитъ во сто крать. Богъ смотритъ не на лица, а на заслуги. Но ты говоришь: у меня куча дѣтей, хочется ихъ оставить богатыми. Да на что и дѣлать ихъ бѣдными? Но ежели имъ все оставишь; то опять все твое будетъ ввѣрено ненадежному присмотру. А если Бога оставишь ихъ сонаслѣдникомъ и попечителемъ; то оставишь имъ безчисленныя сокровища. Когда мы сами себя защищаемъ; Богъ за насъ не вступается. А когда препоручаемъ себя Ему; получаемъ отъ Него больше, чѣмъ ожидаемъ. Тоже бываетъ и въ разсужденіи нашего имѣнія. Ежели сами заботимся объ ономъ; Богъ перестаетъ промышлять о томъ. А ежели все возложимъ на Его попеченіе; Онъ устроитъ и во всемъ обезпечитъ наше имѣніе и дѣтей. И чему дивиться, ежели такъ поступаетъ Богъ? Всякому извѣстно, что такой же обычай и у людей. Ежели передъ смертью не пригласишь никого изъ ближнихъ позаботиться о дѣтяхъ твоихъ; то иногда и тотъ, кому бы очень хотѣлось, постыдится и посовѣстится вступиться въ сіе дѣло самовольно. А если самъ ты возложишь на него такое попеченіе; то, будучи удостоенъ столь великой чести, всѣми мѣрами постарается вознаградить за то. Итакъ если хочешь оставить дѣтямъ большее богатство, оставь имъ промыслъ Божій. Тотъ, Кто безъ всякаго твоего содѣйствія даровалъ душу, образовалъ тѣло, одарилъ жизнію, увидѣвъ въ тебѣ такое

усердіе, что ты отдаешь Ему и дѣтей и имъ принадлежащее, ужели не отверзнетъ для нихъ всего Своего богатства? Ежели Илія, пропитанный малымъ количествомъ муки, когда увидѣлъ, что питавшая его женщина предпочитаетъ его дѣтямъ, въ хижинѣ вдовицы явилъ гумно и точило; то подумай, какое милосердіе явитъ Господь Иліинъ! Позаботимся о томъ, чтобы дѣтей оставить по себѣ не богатыми, но добродѣтельными. Положившись на богатство, и надѣясь множествомъ денегъ прикрыть порочные нравы, они не будутъ заботиться ни о чемъ другомъ. А когда увидятъ, что лишены этой опоры; употребятъ весь трудъ, чтобы при бѣдности найти себѣ большее утѣшеніе въ добродѣтели. Итакъ не оставляй сына богатымъ, дабы оставить его добродѣтельнымъ. Крайнѣ безразсудно при жизни своей не дѣлать дѣтей господами того, что имѣемъ, а по смерти легкомысленному юношѣ давать полную свободу. Пока мы живы, можемъ требовать у нихъ отчета, и если употребляютъ худо, вразумлять и обуздывать. А когда по смерти своей, оставляя ихъ безъ нашего руководства и въ молодости, отдадимъ въ ихъ волю богатство; тогда сихъ нещастныхъ и жалкихъ ввергнемъ въ бездонную пропасть, подложимъ огонь къ огню, подольемъ масла въ раскаленную печь. Посему, если хочешь, чтобы дѣти остались послѣ тебя богатыми, и не подверглись чрезъ то бѣдѣ; то оставь должникомъ ихъ Бога,

и Ему вручи свое завѣщаніе. Ежели они получатъ имѣніе въ собственныя свои руки; то не будутъ знать, кому отдано оное, а вспрѣтятъ множество людей зловредныхъ и безчестныхъ. А если въ предотвращеніе сего отдашь въ заемъ Богу; то сокровище сдѣлается уже неприкосновеннымъ, и никакого не вспрѣтится затрудненія получить оное обратно. Ибо Богъ къ намъ милостивъ, и то возвращаетъ намъ, чѣмъ долженъ; и на Своихъ заимодавцевъ взираетъ пріятнѣе, нежели на тѣхъ, которые ничего не давали Ему въ заемъ. Кому больше долженъ Онъ, того больше и любитъ. Посему, если хочешь имѣть Его всегдашнимъ другомъ, старайся, чтобы Онъ больше задолжалъ тебѣ. Не столько заимодавецъ радуется тому, что имѣетъ должниковъ; сколько веселится Христосъ о томъ, что имѣетъ заимодавцевъ. Кому ничего Онъ не долженъ, отъ того бѣжитъ прочь; а кому долженъ, къ тому прилепляется. Итакъ употребимъ всѣ усилія, чтобы имѣть Его должникомъ своимъ. Теперь самое приличное время давать взаймы, теперь настоитъ въ томъ нужда. Если не дашь Ему теперь; то по отшествіи твоемъ отсюда не будетъ Онъ имѣть въ тебѣ нужды. Здѣсь Онъ жаждетъ, здѣсь алчетъ. А жаждетъ потому, что жаждетъ твоего спасенія; для того и нищенствуетъ, для того и ходитъ нагъ, чтобы искупить для тебя безсмертную жизнь. Итакъ не презри Его. Не для Себя проситъ Онъ

пропитанія, но хочетъ напитать тебя; не для Себя проситъ одѣянія, но хочетъ одѣть тебя, тебѣ приготовитъ ту золотую одежду, царскую ризу. Не случается ли тебѣ видѣть, что рачительнѣйшіе врачи, когда моютъ больныхъ, и сами моются, хотя то для нихъ и не нужно? Такъ и Христосъ все дѣлаетъ для тебя недужнаго. Не насильно у тебя требуетъ, чтобы дать тебѣ большее вознагражденіе, чтобы вразумить тебя, что требуетъ не по Своей нуждѣ, а для исправленія собственной твоей нужды. Для сего приходитъ къ тебѣ въ бѣдномъ одѣяніи, протягиваетъ руку, и не гнушается, если дашь полушку, не идетъ прочь, если укоришь, но приступаетъ къ тебѣ снова. Онъ крѣпко любитъ, любитъ наше спасеніе. Итакъ презримъ свое имѣніе, дабы не быть намъ презрѣнными отъ Христа; презримъ имѣніе, дабы пріобрѣсть оное. Ежели сберегаемъ оное здѣсь; то навѣрное губимъ и здѣсь и тамъ. А если будемъ раздавать оное со всею щедростію; въ той и другой жизни насладимся великимъ обиліемъ. Посему желающій быть богатымъ, обнищай, чтобы обогатиться; истрать, чтобы собрать; расточи, чтобы совокупить. А если кажется тебѣ сіе новымъ и страннымъ; то взгляни на сѣющаго, и разсуди, что ему не возможно иначе собрать многаго, какъ разбросавъ, что имѣлъ, и истративъ, что приготовилъ. Будемъ сѣять и мы, будемъ воздѣлывать небо, дабы пожать въ большемъ обиліи

и получишь вѣчныя блага, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 8.

(IV, 1.) *Что убо речемъ Авраама отца нашего обрѣсти по плоти* (2)? *Аще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдася, имать похвалу, но не у Бога.*

Сказавъ, что міръ сталъ виновенъ предъ Богомъ, что всѣ согрѣшили, и что не возможно спастися иначе, какъ чрезъ вѣру, Апостолъ старается теперь доказать, что спастися такимъ образомъ ни мало не постыдно, а напротивъ весьма славно, и даже славнѣе, нежели спастися посредствомъ дѣлъ. Поелику спасаться отъ бѣды со стыдомъ для себя нѣсколько не пріятно; то онъ устраняетъ даже мысль о семъ, хотя давалъ сіе разумѣть и прежде, когда спасеніе чрезъ вѣру наименовалъ не только спасеніемъ, но и правдою. *Правда бо Божія*, говоритъ Павелъ, *въ немъ является.* (Рим. I, 17.) Спасаемый чрезъ вѣру спасается съ полнымъ дерзновеніемъ, какъ праведникъ. И Апостолъ называетъ сіе спасеніе не только правдою, но и явленіемъ Божіимъ. А Богъ является

въ славныхъ, знаменитыхъ и великихъ дѣлахъ. Впрочемъ тоже самое доказываетъ въ настоящемъ мѣстѣ, излагая доводъ свой въ вопросахъ, какъ всегда обыкъ дѣлать для ясности и по увѣренности въ истинѣ словъ своихъ. Такъ поступилъ онъ выше, говоря: *кое убо преимущество Іудея?* и: *что убо? преимѣемъ ли?* и еще: *гдѣ убо похвала? отгнася.* Такъ и здѣсь говоритъ: *что убо рещемъ Авраама отца нашего?* Поелику Іудеи на то только всегда и ссылались, что Патріархъ и другъ Божій первый принялъ обрѣзаніе; то Апостолъ хочетъ доказать, что и онъ оправдался вѣрою. Это довершало Павлову побѣду. Ибо ни мало не странно оправдываться вѣрою тому, кто не имѣетъ дѣлъ; но украшенному заслугами стать праведнымъ не по заслугамъ, а по вѣрѣ—сіе было удивительно, и особенно обнаруживало силу вѣры. Посему-то Апостолъ, умалчивая о другихъ, обращаетъ рѣчь къ Аврааму. Именовалъ же его *отцемъ по плоти*, дабы показать, что Іудеи не имѣютъ настоящаго родства съ Авраамомъ, и дабы къ родству съ нимъ открыть путь язычникамъ. Потомъ говоритъ: *аще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдася, имать похвалу, но не у Бога.* Итакъ сказавъ, что Богъ оправдываетъ *обрѣзаніе отъ вѣры, и необрѣзаніе вѣрою*, и достаточно доказавъ сіе выше, подтверждаетъ еще примѣромъ Авраама, даже болѣе, сколько обѣщалъ; вводитъ въ состязаніе

вѣру и дѣла, предметомъ же ихъ спора поставляетъ Авраама, и не безъ намѣренія. Потому и оказываетъ Аврааму особенное уваженіе, называя его праотцемъ, дабы обязать тѣмъ Іудеевъ во всемъ повиноваться ему. Не говори мнѣ объ Іудеѣ, разсуждаетъ Павелъ, не приводи въ примѣръ того, или другаго; я восхожу къ главѣ всѣхъ, къ тому, въ комъ обрѣзаніе получило начало.—*Аще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдася*, говоритъ Апостолъ, *имать похвалу, но не у Бога.* Это еще не ясно; а потому нужно привести въ большую ясность. Двѣ есть похвалы; одна за дѣла, другая за вѣру. Посему сказавъ: *аще отъ дѣлъ оправдася, имать похвалу, но не у Бога*, Апостолъ доказалъ, что можно имѣть похвалу за вѣру, и еще большую. Могущество Павлово особенно обнаруживается въ томъ, что онъ предметъ своего разсужденія обратилъ къ противному, и доказалъ, что спасеніе чрезъ вѣру гораздо въ большей мѣрѣ имѣетъ все то, чѣмъ могло хвалиться и обнадеживать себя спасеніемъ посредствомъ дѣлъ. Хвалящійся дѣлами будетъ выставлять собственные труды; а кто вмѣняетъ себѣ въ честь, что вѣруетъ въ Бога, тотъ выставляетъ гораздо лучшій предлогъ къ похвалѣ; потому что славитъ и величитъ Господа. По вѣрѣ въ Бога признавъ истиннымъ то, чего не открыла природа видимыхъ вещей, онъ доказалъ тѣмъ искреннюю любовь къ Богу, и торжественно провозвѣстилъ силу Его; а

сіе означаетъ самое благородное сердце, любомудрый образъ мыслей и высокій умъ. Не красить, не убивать есть дѣло самое обыкновенное; но повѣрить, что Богъ силенъ совершить невозможное,—на сіе потребенъ великій духъ, крѣпко приверженный къ Богу; это служитъ знакомъ истинной любви. Хотя исполняющій заповѣди чествуетъ тѣмъ Бога; но гораздо болѣе чествуетъ тотъ, кто умудряется вѣрою. Первый покоренъ Богу, а послѣдній пріобрѣлъ о Богѣ надлежащее понятіе, прославилъ и почтилъ Его болѣе, нежели сколько можно почтить дѣлами. Первая похвала принадлежитъ самому подвижнику; а послѣдняя прославляетъ Бога, и всецѣло Ему принадлежитъ. Вѣрующій хвалится высокимъ своимъ представленіемъ о Богѣ, и это составляетъ его славу. Посему сказано, что онъ имѣетъ похвалу предъ Богомъ; впрочемъ не по сей одной, но и по другой причинѣ. Вѣрный хвалится не тѣмъ однимъ, что искренно возлюбилъ одного Бога, но и тѣмъ еще, что удостоился отъ Него великой чести и любви. Какъ онъ возлюбилъ Бога, имѣя о Немъ высокое понятіе, что показываетъ любовь; такъ и Богъ возлюбилъ его, и, когда человѣкъ былъ тысячекратно виновенъ предъ Богомъ, не только освободилъ его отъ наказанія, но даже содѣлалъ праведнымъ. Посему вѣрующій имѣетъ причину хвалиться, какъ удостоившійся великой любви.

(3) *Что бо Писаніе глаголетъ: вѣрова же Авраамъ Богови, и вмѣнися ему въ правду* (4). *Дѣлающему же мзда не вмѣняется по благодати, но по долгу.* Слѣдственно послѣднее важнѣе, спросишь ты? — Ни мало; ибо вмѣняется и вѣрующему; но не вмѣнялось бы, если бы ничего не было сдѣлано и съ его стороны. Посему и вѣрующій имѣетъ должникомъ Бога, и долгъ сей не маловаженъ, но значителенъ и высокой цѣны.

Доказавъ же высоту духовнаго разумѣнія въ вѣрующемъ, Апостолъ сказалъ не просто: вѣрующему; но:

(5) *Вѣрующему во оправдающаго нечестива, вмѣняется вѣра его въ правду.* Разсуди же, какъ важно увѣриться и убѣдиться въ томъ, что Богъ и живущаго въ нечестіи можетъ вдругъ не только освободить отъ наказанія, но содѣлать праведнымъ, удостоить безсмертныхъ почестей. Не думай, что вѣрующій ниже дѣлающаго; потому что послѣднему дается мзда не по благодати. То особенно и служитъ къ славѣ вѣрующаго, что онъ пользуется такою благодатію, показываетъ такую вѣру. Замѣть, что вѣрующему назначено и большее воздаяніе; ибо дѣлающему дается мзда, а ему праведность. Но праведность гораздо важнѣе мзды, потому что сама есть воздаяніе, заключающее въ себѣ многія награды.

Доказавъ сказанное примѣромъ Авраама, Апостолъ обращается къ Давиду, который подтвер-

ждаетъ иуже мысль. Итакъ что говоритъ Давидъ? кого называетъ блаженнымъ? того ли, кто хвалится дѣлами, или того, кто удостоился благодати, и получилъ прощеніе грѣховъ и даръ? А когда говорю о блаженствѣ, разумѣю верхъ всѣхъ благъ. Какъ праведность выше мзды, такъ блаженство выше праведности. Итакъ Апостолъ, доказавъ превосходство праведности, какъ примѣромъ Авраама получившаго оную, такъ и изъ разума, когда сказалъ: *имать бо похвалу, но не у Бога*, — снова доказываетъ важность оной инымъ способомъ, ссылаясь, что и Давидъ говоритъ въ еяже пользу. Ибо и Давидъ, какъ утверждаетъ Апостолъ, оправдавшагося чрезъ вѣру называетъ блаженнымъ, говоря:

(7) *Блажени, ихже отпустишася беззаконія.* По видимому Апостолъ приводитъ свидѣтельство, которое нейдетъ къ дѣлу; ибо у Давида не сказано: блаженны тѣ, коихъ вѣра вмѣнена въ праведность. Впрочемъ Апостолъ дѣлаетъ сіе съ намѣреніемъ, а не по незнанію; дабы показать большее превосходство вѣры. Ежели блаженъ тотъ, кто получилъ прощеніе по благодати; то гораздо блаженнѣе оправданный и обнаруживший вѣру. А кого ублажаютъ, для того нѣтъ уже стыда, а много славы; потому что быть ублажаемымъ значитъ получить нѣчто сверхъ наградъ и славы. Посему Апостолъ, говоря о преимуществахъ дѣлающаго: *дѣлающему же мзда не вмѣняется по благодати*, не подтверждаетъ сего Писаніемъ;

а преимущество вѣрующаго доказываетъ свидѣтельствомъ изъ Писанія, говоря словами Давида: *Блажени, ихже отпустишася беззакоція, и ихже прикрышася грѣси.* Чѣмъ же запрудняешься въ томъ, говоритъ Апостолъ, что ты получаешь отпущеніе грѣховъ не по долгу, а по благодати? Видишь, что получившій отпущеніе по благодати ублажается. Но Пророкъ не назвалъ бы его блаженнымъ, если бы не зналъ, что онъ имѣетъ большую славу.

И Апостолъ не говоритъ, что грѣхи отпускаются обрѣзаннымъ; но что же? (9) *Блаженство сіе,* — что гораздо важнѣе прощенія грѣховъ,—*на обрѣзаніе ли, или на необрѣзаніе;* и такъ спрашивается: чему усвоено сіе великое благо—блаженство—обрѣзанію ли, или необрѣзанію? Замѣть особенную силу довода. Апостолъ доказываетъ, что блаженство не только не чуждо для необрѣзанія, но еще болѣе съ онымъ совмѣстно, нежели съ обрѣзаніемъ. Поелику же Давидъ, называющій блаженнымъ получившаго прощеніе грѣховъ, самъ былъ обрѣзанъ, и говоритъ обрѣзаннымъ; то замѣть, сколько усилій употребилъ Павелъ сказанное Давидомъ приложить къ необрѣзаннымъ. Усвоивъ блаженство праведности, и доказавъ, что одно съ другою неразлучно, онъ входитъ въ изслѣдованіе, какъ оправдался Авраамъ. Ежели блаженство принадлежитъ праведному, и Авраамъ оправдался; то посмотримъ, когда онъ оправдался, до обрѣзанія ли,

или по обрѣзаніи. Апостолъ говоритъ, что до обрѣзанія.

(10) *Како убо вмѣнися ему? въ обрѣзаніи ли сущу, или въ необрѣзаніи? не во обрѣзаніи, но въ необрѣзаніи. Глаголемъ бо, яко вмѣнися Аврааму вѣра въ правду.* Выше, ссылаясь на Писаніе, сказалъ: *что бо писаніе глаголетъ? вѣрова Авраамъ Богови, и вмѣнися ему въ правду;* а теперь мнѣніе другихъ предлагаетъ какъ свое, и утверждаетъ, что праведность была въ необрѣзаніи. Потомъ рѣшаетъ новое, раждающееся отсюда, возраженіе. Ежели Авраамъ, разсуждаетъ онъ, оправдался до обрѣзанія; то для чего введено обрѣзаніе?

(11) *Знаменіе пріятъ*, отвѣчаетъ Апостолъ, *и печать правды*, правды, пріобрѣтенной чрезъ вѣру, какую имѣлъ, еще до обрѣзанія. Видишь ли, какимъ образомъ доказалъ онъ, что правильнѣе назвать Іудеевъ приняпыми изъ милости, нежели сказать, что находящіеся въ необрѣзаніи пріобщены къ Іудеямъ? Ежели Авраамъ оправдался и увѣнчанъ до обрѣзанія, а потомъ принялъ обрѣзаніе, и въ послѣдствіи взошли уже Іудеи; то слѣдуетъ, что Авраамъ первоначально есть отецъ необрѣзанныхъ, которые имѣютъ съ нимъ родство по вѣрѣ, а потомъ уже отецъ обрѣзанныхъ. Ибо онъ есть праотецъ двухъ поколѣній. Видишь ли блистательность вѣры? Пока не было вѣры, Патріархъ не оправдывался. Видишь ли, что необрѣ-

заніе ни мало не препятствуетъ? Авраамъ былъ необрѣзанъ, и сіе не помѣшало ему оправдаться. Слѣдовательно обрѣзаніе явилось позднѣе вѣры. И чему дивишься, если позднѣе вѣры, когда позднѣе и необрѣзанія? И не столько позднѣе вѣры, но даже гораздо ниже ея, ниже, сколько знакъ ниже означаемой имъ вещи, сколько, на примѣръ, воинская одежда ниже воина. А для чего, спросишь, Аврааму нужна была печать? Ему не была нужна. Для чего же принялъ ее? Для того, чтобы стать общимъ отцемъ вѣрующихъ какъ въ необрѣзаніи, такъ и въ обрѣзаніи, а не просто только обрѣзанныхъ; почему Апостолъ присовокупляетъ: *не сущимъ точію отъ обрѣзанія*. Ежели Авраамъ есть отецъ необрѣзанныхъ не потому, что самъ былъ необрѣзанъ, хотя оправдался въ необрѣзаніи, но потому что необрѣзанные подражали ему въ вѣрѣ; то тѣмъ менѣе будетъ онъ прародителемъ обрѣзанныхъ по одному обрѣзанію, безъ присовокупленія къ оному вѣры. Для того принялъ онъ обрѣзаніе, говоритъ Апостолъ, чтобы необрѣзанные не изгнали обрѣзанныхъ, но тѣ и другіе имѣли его общимъ отцемъ. Замѣть, что необрѣзанные прежде имѣли своимъ праотцемъ Авраама. Если же обрѣзаніе почтенно за то, что возвѣщаетъ праведность; то не малое преимущество принадлежитъ необрѣзанію, которое приняло оную прежде обрѣзанія. Тогда возможешь имѣть Авраама праотцемъ; когда будешь *ходить въ стопахъ вѣры*, когда

перестанешь упорствовать и усильно стоять за законъ. Какой же вѣры, скажи мнѣ? *яже въ необрѣзаніи.* Апостолъ опять низлагаетъ Іудейскую надменность, приводя на память времена праведности. И хорошо сказалъ: *въ стопахъ*, дабы ты, подобно Аврааму, вѣровалъ воскресенію мертвыхъ тѣлъ. Ибо въ семъ обнаружилъ вѣру свою Авраамъ. Посему, если отвергаешь необрѣзаніе, то знай несомнѣнно, что нѣтъ для тебя никакой пользы въ обрѣзаніи. Если не пойдешь по слѣдамъ вѣры; то хотя и тысячу разъ будешь обрѣзанъ, не сдѣлаешься сыномъ Авраамовымъ. Для того Авраамъ принялъ обрѣзаніе, дабы, оставшись необрѣзаннымъ, не опровергнуть тебя. Не въ немъ ищи причины обрѣзанія; оно совершено надъ нимъ въ пособіе тебѣ, а не ему. Но скажешь, что обрѣзаніе служитъ знаменіемъ праведности. Такъ; если служило, то для тебя, а теперь ни для кого не служитъ. Тогда имѣлъ ты нужду въ тѣлесныхъ знаменіяхъ; а теперь уже не нужны оныя. Еще спросишь: уже ли по вѣрѣ Авраама не льзя было заключать о душевной его доблести? Хотя можно было; но для тебя нужно было и сіе дополненіе. Поелику ты не подражалъ душевной доблести, и не могъ ее видѣть; то дано тебѣ чувственное обрѣзаніе, дабы ты, помышляя о семъ тѣлесномъ знакѣ, восходилъ постепенно къ душевному любомудрію, и, со всѣмъ усердіемъ пріявъ обрѣзаніе, какъ знакъ самаго высокаго достоинства, на-

учался подражать прародителю, и уважать его. Съ такимъ намѣреніемъ установлено Богомъ не одно обрѣзаніе, но и все прочее, я разумѣю: жертвы, субботы и праздники. А что Авраамъ для тебя принялъ обрѣзаніе, можешь видѣть изъ послѣдующихъ словъ Апостола. Сказавъ, что Авраамъ принялъ знаменіе и печать, онъ присовокупляетъ и причину, говоря: *яко быти ему отцу обрѣзанія* для тѣхъ, которые принимаютъ и внутреннее обрѣзаніе; потому что имѣя одно наружное обрѣзаніе, ничего чрезъ то не получишь. Обрѣзаніе тогда бываетъ знаменіемъ, когда видна въ тебѣ самая вещь, которой оно служитъ знаменіемъ, то есть, когда видна въ тебѣ вѣра. А если не имѣешь вѣры; то и знаменіе не можетъ уже быть знаменіемъ. Ибо чего будетъ знаменіемъ, чего печатію, когда нѣтъ запечатлѣннаго? Это значило бы, что ты показываешь намъ кошелекъ, къ которому приложена печать, но въ которомъ нѣтъ ничего. Столько же смѣшно и обрѣзаніе; когда нѣтъ внутри вѣры. Ежели обрѣзаніе есть знаменіе праведности, а ты не имѣешь праведности; то не имѣешь и знаменія. Для того получилъ ты знаменіе, чтобы искать вещи, которой у тебя знаменіе. А если найдешь вещь и безъ знаменія, то не нужно тебѣ знаменія. Обрѣзаніе возвѣщаетъ не только праведность, но именно праведность въ необрѣзаніи. Посему обрѣзаніе возвѣщаетъ одно то, что не нужно обрѣзанія.

(14) *Аще бо сущіи отъ закона наслѣдницы, испразднися вѣра, и разорися обѣтованіе.* Апостолъ доказалъ, что вѣра необходима, что она древнѣе обрѣзанія, сильнѣе закона, что ею утверждается законъ. Необходима потому, что всѣ согрѣшили. Древнѣе обрѣзанія, потому что Авраамъ оправдался будучи необрѣзаннымъ. Сильнѣе закона, потому что закономъ познаніе грѣха, вѣра же явлена внѣ закона. Ею утверждается законъ, потому что самый законъ о ней свидѣтельствуетъ, и она не во враждѣ, но въ союзѣ съ закономъ и спобораетъ ему. Теперь Апостолъ опять доказываетъ изъ другаго начала, что съ помощію закона не возможно было получить наслѣдія. И какъ по сравненіи вѣры съ обрѣзаніемъ побѣда оспалась на сторонѣ вѣры; то противополагаетъ ее еще закону, говоря такъ: *Аще бо сущіи отъ закона наслѣдницы, испразднися вѣра.* Дабы не сказали, что можно имѣть вѣру и соблюдать законъ, доказываетъ, что сіе несовмѣстно. Кто держится закона въ томъ мнѣніи, что оный можетъ спасти; тотъ безчеститъ силу вѣры. Посему говоритъ: *испразднися вѣра*, то есть, не нужно спасеніе благодатію; потому что вѣра не можетъ оказать своей силы, *и разорися обѣтованіе.* Можетъ быть Іудей возразитъ: какая мнѣ нужда въ вѣрѣ? Но ежели сіе справедливо; то съ вѣрою уничтожаются и обѣтованія. Смотри, какъ Апостолъ во всемъ оспориваетъ Іудеевъ шѣмъ,

что было въ началѣ Іудейства—при Патріархѣ. Доказавъ его примѣромъ, что праведность есть удѣлъ вѣры, тоже самое доказываетъ объ обѣтованіи. И дабы Іудей не возразилъ: какая мнѣ нужда въ томъ, что Авраамъ оправдался чрезъ вѣру? Павелъ увѣряетъ его, что собственно Іудею нужное—обѣтованіе наслѣдія не можетъ притти въ исполненіе безъ вѣры; а это и устрашаетъ особенно Іудеевъ. Какое же разумѣетъ обѣтованіе? То, что Іудей есть наслѣдникъ міра, и что всѣ въ немъ благословляются. Какъ же по словамъ Апостола отмѣнено сіе обѣтованіе!

(15) *Законъ бо гнѣвъ содѣловаетъ: идѣже бо нѣсть закона, (ту) ни преступленія.* Если же законъ производитъ гнѣвъ, и дѣлаетъ виновными въ преступленіи; то явно, что оный подвергаетъ и клятвѣ. А кто подпалъ клятвѣ и казни, кто виновенъ въ преступленіи, тотъ не достоинъ наслѣдовать, тотъ долженъ напротивъ понесть наказаніе и быть отвергнутъ. Что же тогда бываетъ? Приходитъ вѣра, привлекаемая благодатію, и обѣтованіе приводится въ исполненіе. Ибо гдѣ благодать, тамъ прощеніе; а гдѣ прощеніе, тамъ нѣтъ наказанія. А если наказаніе отмѣнено, и присовокуплена праведность чрезъ вѣру; то нѣтъ уже намъ препятствія стать наслѣдниками обѣтованія по вѣрѣ.

(16) *Сего ради отъ вѣры*, говоритъ Апостолъ, *да по благодати, во еже быти*

извѣстну обѣтованію (Божію) *всему сѣмени, не точію сущему отъ закона, но и сущему отъ вѣры Авраамовы, иже есть отецъ всѣмъ намъ.* Видишь, что вѣра не только утверждаетъ законъ, но и обѣтованіе Божіе дѣлаетъ непреложнымъ. А напротивъ законъ, если соблюдашь оный долѣе опредѣленнаго ему времени, какъ вѣру дѣлаетъ безполезною, такъ и обѣтованію препятствуетъ. Симъ Апостолъ доказываетъ, что вѣра не только не излишня, но такъ необходима, что безъ нее невозможно спастися. Законъ производитъ гнѣвъ, потому что всѣ преступили оный. А вѣра не оставляетъ даже и повода ко гнѣву: *Идѣже бо нѣсть закона,* говоритъ Апостолъ, (*ту*) *ни преступленія.* Видишь ли, какъ вѣра не только испребляетъ учиненный грѣхъ, но и не даетъ раждаться грѣху? Посему Павелъ говоритъ: *по благодати.* Для чего же *по благодати?* Не для того, чтобы насъ пристыдить, но *во еже быти извѣстну обѣтованію всему сѣмени.* Два преимущества въ этомъ обѣтованіи представляетъ Апостолъ, что дары непреложны и что даются всему сѣмени. Слово же: *сѣмя,* употребляетъ для того, чтобы включить и язычниковъ, а вмѣстѣ показать, что Іудеи будутъ исключены, если станутъ упорствовать противъ вѣры. Сіе послѣднее непреложнѣе перваго. Вѣра не вредитъ тебѣ, только не упорствуй; напротивъ она спасетъ тебя бѣдствующаго отъ закона. Потомъ Апостолъ,

сказавши: *всему сѣмени*, опредѣляетъ: какому сѣмени, и говоритъ: *сущему отъ вѣры*, чѣмъ показываетъ какъ родство Авраама съ язычниками, такъ и то, что неимѣющіе такой вѣры, какую имѣлъ Авраамъ, не могутъ имъ хвалиться. Вотъ новый и третій плодъ вѣры! Она скрѣпила родственный союзъ съ Праведникомъ и его самаго содѣлала Праотцемъ многочисленнѣйшаго потомства. Посему Апостолъ именовалъ его не просто Авраамомъ, но Отцемъ намъ вѣрующимъ.

Потомъ слова свои подтверждая свидѣтельствомъ, говоритъ: (17) *якоже есть писано, яко Отца многихъ языкомъ положихъ тя.* Видишь ли, что это предопредѣлено еще прежде? Но возразишь, что можетъ быть говорится сіе объ Измаильтянахъ, или Амаликитянахъ, или Агарянахъ? Въ послѣдствіи Апостолъ весьма ясно доказываетъ, что не о нихъ сказано. А теперь поспѣшаетъ къ другому разсужденію (которымъ подтверждаетъ предъидущую мысль), именно: опредѣляетъ самый образъ таковаго родства; при чемъ обнаруживаетъ въ себѣ особенную высоту ума. Ибо что говоритъ онъ? *Прямо Богу, Емуже вѣрова.* А смыслъ сихъ словъ таковъ: какъ Богъ не есть Богъ частный, но Отецъ всѣхъ, такъ и Авраамъ. И еще: какъ Богъ есть Отецъ нашъ не по естественному родству, а по союзу вѣры, такъ и Авраамъ: ибо послушаніе дѣлаетъ его Отцемъ всѣмъ намъ. И какъ Іудеи не обращали вниманія на сіе

родство, держась грубѣйшаго—естественнаго: то Апостолъ, чрезъ примѣненіе Авраама къ Богу, доказываетъ, что родство по вѣрѣ гораздо важнѣе. А съ симъ вмѣстѣ открываетъ и то, что Аврааму дано сіе въ награду за вѣру. Иначе хотя бы онъ былъ отцемъ всѣмъ живущимъ на землѣ, впрочемъ не льзя было бы о немъ сказать: *прямо Богу*, и даръ Божій оставался бы не полнымъ. Слово: *прямо*, значитъ—подобно. Ибо, скажи мнѣ, что удивительнаго быть Отцемъ тѣхъ, которые произошли отъ него? Это свойственно и всякому человѣку? Напротивъ то удивительно, что не бывшіе его дѣтьми по природѣ, сдѣлались дѣтьми по дару Божію. Посему если хочешь вѣрить, что Авраамъ удостоенъ почести: то вѣрь, что онъ есть Отецъ всѣмъ. И Апостолъ, сказавъ: *прямо Богу, Емуже вѣрова!* не остановился на семъ, но присовокупилъ: *животворящему мертвыя, и нарицающему не сущая яко сущая.* Въ семъ заключается уже предварительное ученіе о воскресеніи, котораго и нужно было коснуться Апостолу для настоящаго предмета. Ибо ежели для Бога возможно оживлять мертвыхъ и несуществующее приводить въ бытіе: то возможно также и нерожденныхъ отъ Авраама содѣлать дѣтьми его. Посему, дабы показать сколько это удобно для Бога, Апостолъ не сказалъ: Приводящему въ бытіе несуществующее, но *нарицающему*. Сколько легко для насъ назвать по имени чтолибо существующее; столько

удобно, даже гораздо удобнѣе, для Бога привесть въ бытіе несуществующее. А когда Апостолъ говоритъ, что даръ Божій великъ и неизреченъ, когда разсуждаетъ о силѣ онаго; тѣмъ доказываетъ, что вѣра Авраамова достойна сего дара, дабы ты не подумалъ, что Авраамъ удостоенъ почестей не по заслугамъ.

Итакъ ободривъ слушателя, дабы Іудей не смущался, не могъ сомнѣваться и говоритъ: какъ можно не дѣтей сдѣлать дѣтьми?—Апостолъ возвращается къ Патріарху и продолжаетъ: (18) *иже паче упованія во упованіе вѣрова, во еже быти ему Отцу многимъ языкомъ, по реченному, тако будетъ сѣмя твое*. Какъ сверхъ надежды повѣрилъ онъ съ надеждою? Сверхъ надежды человѣческой, съ надеждою Божіей. Апостолъ вмѣстѣ и доказываетъ великость дѣла, и устраняетъ невѣроятность сказаннаго. Что было противорѣчущимъ другъ другу, то согласила вѣра. А еслибы говорено было о потомствѣ Измаиловомъ; то слова, *паче упованія*, были бы лишнія; потому что оное произошло отъ Авраама не по вѣрѣ, но по естеству. Напротивъ Апостолъ разумѣетъ Исаака отъ безплодной жены. Посему ежели сославляетъ для Авраама награду то, чтобы стать отцемъ многихъ народовъ, о которыхъ онъ вѣровалъ.

А дабы тебѣ увѣриться, что Апостолъ точно говоритъ о сихъ народахъ, выслушай послѣдующее: (19) *и не изнемогъ вѣрою, ни усмотри*

своея плоти уже умерщвленныя, столѣтенъ нѣгдѣ сый, и мертвости ложеснъ Сарриныхъ. Видишь ли какъ Апостолъ показываетъ и затрудненія и высокій духъ праведника, все превозмогающій? Обѣщанное, говоритъ онъ, было сверхъ надежды;—это первое затрудненіе. Не было предъ глазами другаго Авраама, который бы при такихъ обстоятельствахъ получилъ себѣ сына. Жившіе послѣ него взирали уже на него; а онъ не взиралъ ни на кого кромѣ единаго Бога. Посему и сказано: *паче упованія*. Потомъ омертвевшая плоть его составляла второе затрудненіе; а омертвеніе утробы Сарриной—третіе и четвертое.

(20) *Во обѣтованіи же Божіи не усумнѣся невѣрованіемъ*. Богъ ничѣмъ не подтвердилъ Аврааму Своего обѣтованія, не совершилъ при томъ никакого чуда; напротивъ оное заключалось въ однихъ только словахъ, а природа не обѣщала возможности исполненія. Впрочемъ Патріархъ не сталъ недоумѣвать, говоритъ Апостолъ. Замѣть же, не сказалъ онъ: не впалъ въ невѣріе, но: но не сталъ недоумѣвать, то есть, не усомнился, не поколебался мыслію, не смотря на столько затрудненій. Изъ сего мы должны заключить, что ежели Богъ обѣщаетъ тысячи невозможностей, и слышащій обѣщаніе не пріемлетъ онаго; то слабость вѣры проистекаетъ не отъ свойства вещей, а отъ скудоумія пріемлющаго обѣтованіе. *Но возможе вѣрою*. Какая глубокая мысль! Поелику шла

рѣчь объ исполняющихъ законъ и о вѣрующихъ; но Павелъ доказываетъ, что вѣрующій дѣлаетъ больше; нежели исполнитель закона, что онъ имѣетъ нужду въ большей силѣ и крѣпости, и что самая вѣра есть для него не маловажный трудъ. Іудеи унижали вѣру, какъ нѣчто не-требующее труда. Апостолъ же сіе оспориваетъ и доказываетъ, что не только предуспѣвающему въ цѣломудріи или другой какой добродѣтели, но и являющему вѣру, потребно много силъ. Ибо какъ первый имѣетъ нужду въ мужествѣ, дабы отрѣвать отъ себя нецѣломудренныи помыслы; такъ и вѣрующему нужна душа мощная, дабы отражать внушенія невѣрія. А чѣмъ же укрѣплялся Авраамъ? Тѣмъ, отвѣтствуетъ Апостолъ, что все предоставилъ вѣрѣ, а не разуму; въ противномъ бы случаѣ и онъ палъ. Какъ же преуспѣлъ въ самой вѣрѣ? *Давъ славу Богу*, говоритъ Павелъ, (21) *и извѣстенъ бывъ, яко, еже обѣща, силенъ есть и сотворити.*

Итакъ не быть пытливымъ значитъ славить Бога; а быть пытливымъ значитъ грѣшить противъ Бога. Ежели наша пытливость и розыски о предметахъ не высокихъ не служатъ къ славѣ Божіей; то кольми паче, любопытствуя о рожденіи Господа, какъ оскорбители Его славы, навлечемъ на себя крайнее наказаніе. Если не должно входить въ изслѣдованія объ образѣ воскресенія; то гораздо менѣе позволительно стараться проникнуть

въ неизреченныя и страшныя тайны. И Апостолъ сказалъ не просто: повѣривъ, но: *извѣстенъ бывъ*. Ибо таковы убѣжденія вѣры; онѣ гораздо яснѣе и сильнѣе доказательствъ разума; никакія противныя умствованія не могутъ поколебать вѣру. Кто вѣритъ доказательствамъ разума, тотъ можетъ и переувѣриться, а кто утверждается на вѣрѣ, тотъ заградилъ уже слухъ свой для внушеній, могущихъ ослабить вѣру. Посему сказавъ, что Авраамъ оправдался вѣрою, Апостолъ доказываетъ, что онъ тою же вѣрою прославилъ Бога. Хотя Богъ прославляется дѣлами, по сказанному: *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Матѳ. V, 16); но изъ словъ Апостола видно, что Богъ прославляется и вѣрою, и что, какъ дѣла требуютъ силы, такъ и вѣра. Въ дѣлахъ раздѣляетъ трудъ не рѣдко и тѣло; а вѣра есть дѣло единой души: и поелику никто не раздѣляетъ съ нею подвиговъ, то и трудъ ея значительнѣе. Видишь ли, какъ Апостолъ доказалъ, что все свойственное дѣламъ, какъ то: имѣть похвалу у Бога, требовать усилій и трудовъ, также славить Бога,—въ большей степени принадлежитъ вѣрѣ! Говоря же, что Богъ силенъ исполнить обѣщанное, по моему мнѣнію, Апостолъ разумѣетъ будущее; ибо въ обѣтованіи заключалось не одно настоящее, но и будущее. И настоящее служило образомъ будущаго. Итакъ

невѣріе показываетъ умъ слабый, мелкій и скудный. И если кто вздумаетъ ставить намъ въ порокъ нашу вѣру; то мы наоборотъ укоримъ его въ невѣріи, какъ человѣка скудоумнаго, малодушнаго, несмысленнаго, слабаго, который ничѣмъ не лучше осла. Какъ вѣровать свойственно душѣ возвышенной и великой; такъ невѣріе служитъ признакомъ души неразумной, подлой, унизившейся до несмыслія вьючныхъ скотовъ. Посему не обращая и вниманія на невѣрующихъ, будемъ подражать Патріарху, и какъ онъ воздалъ славу Богу, такъ и мы прославимъ Бога. Что же значитъ: воздалъ славу Богу? Уразумѣлъ Его правду, Его безконечное могущество, и составивъ себѣ надлежащее понятіе о Богѣ, совершенно чрезъ то увѣрился въ Божіихъ обѣтованіяхъ. Итакъ будемъ и мы прославлять Бога вѣрою и дѣлами, дабы въ награду за сіе и Онъ насъ прославилъ. Ибо сказалъ: *прославляющыя Мя прославлю* (1 Цар. II, 30). Но ежелибы и не было обѣщано никакой награды; то удостоиться славить Бога само по себѣ составляетъ для насъ славу. Ежели прославляющіе земныхъ Царей хвалятся тѣмъ самымъ, что прославляютъ ихъ, хотя бы и не получали отъ того никакой другой выгоды; то разсуди, какая намъ слава, когда чрезъ насъ прославляется нашъ Владыка, и напротивъ какое составимъ себѣ наказаніе, если Онъ хулится чрезъ насъ, хотя и того, чтобы мы прославляли Его, желаетъ Онъ для насъ же

самихъ; потому что Самъ не имѣетъ нужды въ прославленіи. Какое представляешь ты себѣ разстояніе между Богомъ и человѣкомъ? Такое ли же, что между человѣкомъ и червемъ? Но представивъ такое разстояніе, я нимало не изображу разстоянія между Богомъ и человѣкомъ, потому что онаго изобразить не возможно. Но захочешь ли ты отъ червя искать себѣ громкой славы? Никакъ. Если же ты не захочешь сего при всей любви своей къ славѣ; будетъ ли нуждаться въ твоемъ прославленіи Тотъ, Кто свободенъ отъ сея страсти и столько тебя выше? Впрочемъ и не имѣя нужды въ твоемъ прославленіи, Онъ говоритъ, что желаетъ онаго для тебя самаго. И ежели не погнушался стать для тебя рабомъ; то удивительно ли, что по тому же побужденію соизволяетъ и на что нибудь другое? Чтобы ни способствовало къ нашему спасенію, Онъ ничего не почитаетъ недостойнымъ Себя. Зная сіе будемъ убѣгать всякаго грѣха; потому что нашими грѣхами Богъ хулится. *Якоже лица зміина*, сказано, *бѣжи отъ грѣха* (Іис. Сир. XXI, 2). Если подойдешь къ нему; угрызетъ тебя. Грѣхъ самъ не подходитъ къ намъ; но мы добровольно бѣжимъ къ нему. Такъ предустроилъ Богъ, дабы не подпали мы владычеству діавола; ибо иначе никто бы не могъ противостоять его силѣ. Но теперь, какъ разбойникъ какой и грабитель, удаленъ отъ насъ діаволъ. Онъ не смѣетъ напасть на человѣка, если не застигнетъ его

въ своихъ ущельяхъ безоружнымъ и одинокимъ; не дерзаетъ къ намъ приближиться, пока не увидитъ, что идемъ пустынею. И сія пустыня, гдѣ живетъ діаволъ, есть не иное что, какъ грѣхъ. Итакъ нужны для насъ щитъ вѣры, шлемъ спасенія и мечь духовный, дабы не только не потерпѣть намъ зла, но, если діаволъ захочетъ напасть на насъ, отсѣчь ему голову. Для насъ нужна непрестанная молитва, дабы попрать его ногами. Діаволъ безстыденъ и наглъ; онъ нападаетъ снизу. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ побѣждаетъ по той именно причинѣ, что не стараемся сами подняться туда, гдѣ бы онъ не могъ насъ ранить. Ибо онъ не можетъ подняться высоко, но пресмыкается по землѣ, и потому змій есть его образъ. А если Богъ такимъ устроилъ его въ началѣ; тѣмъ паче таковъ онъ нынѣ. Если же не знаешь, что значитъ нападать снизу; я попытаюсь объяснить тебѣ сей способъ борьбы. Итакъ что значитъ нападать снизу? Одолѣвать посредствомъ земнаго, посредствомъ удовольствій, богатства и всего житейскаго. Посему если діаволъ видитъ кого парящаго къ небу; во первыхъ не въ состояніи напасть на него, а во вторыхъ, если и отваживается, тотчасъ самъ падаетъ; потому что,—будь безопасенъ!—онъ не имѣетъ ногъ; не спрашись его, у него нѣтъ крыльевъ, ползаетъ только по землѣ, пресмыкается между земными вещами. Итакъ не имѣй ничего общаго съ землею; тогда не нуженъ

будетъ и прудъ. Діаволъ не умѣетъ сражаться открыто; но, какъ змій скрывается въ терніяхъ, такъ и онъ всего чаще притаивается въ прелестяхъ богатства. Если посѣчешь сіе терніе, онъ скоро придетъ въ робость и побѣжитъ. Если умѣешь заговорить его Божественными заклинаніями; то легко ранишь его. Ибо и у насъ, и у насъ есть духовныя заклинанія — имя Господа нашего Іисуса Христа и сила крестная. Заклинаніе сіе не только гонитъ дракона изъ норы его и ввергаетъ въ огонь, но даже исцѣляетъ отъ нанесенныхъ имъ ранъ. Если же многіе, хотя и произнесли сіе заклинаніе, но не исцѣлились; то сіе произошло отъ маловѣрія ихъ, а не отъ недѣйствительности произнесеннаго. Многіе, хотя неотступно ходили за Іисусомъ и тѣснили Его, но не получили пользы, а у кровоточивой жены, прикоснувшейся не къ тѣлу, но къ краю одежды Его, остановились долговременные токи крови. Имя Іисуса Христа страшно для демоновъ, для душевныхъ страстей и для болѣзней. Имъ украсимъ, Имъ оградимъ себя. Имъ и Павелъ сталъ великъ; хотя былъ одинаковаго съ нами естества. Но вѣра содѣлала его совершенно инымъ; и такова было въ немъ обиліе даровъ, что одежды его имѣли великую силу. Какого же извиненія сподимъ мы, когда тѣнь и одежды Апостоловъ отражали смерть, а наши даже молитвы не усмиряютъ страстей? что тому причиною? Большая разность

въ духѣ. Ибо естественныя способности у насъ съ Павломъ общія и равныя. Одинаково съ нами родился онъ и выросъ, на той же обиталъ землѣ, тѣмъ же дышалъ воздухомъ. Но гораздо лучше и превосходнѣе насъ былъ онъ другими дарованіями, какъ-то: ревностію, вѣрою, любовію. Итакъ будемъ подражать ему; пусть и чрезъ насъ говоритъ Христосъ. А Христосъ болѣе, нежели мы, желаетъ сего; для того именно и устроилъ органъ слова. Не хочетъ, чтобы оный оставался безъ пользы и безъ дѣйствія; а напротивъ желаетъ всегда имѣть его у себя въ рукахъ. Почему же не держишь ты его въ готовности для руки художника; но ослабляешь струны, размягчаешь ихъ роскошною жизнію, и гусли дѣлаешь для Него вовсе негодными, когда бы надлежало натянуть и настроить струны, наперетъ духовною солію? Ежели Христосъ увидитъ, что душа наша спройна; извлечетъ изъ нея звуки. А при сихъ звукахъ предстанутъ тебѣ ликующіе Ангелы, Архангелы и Херувимы. Итакъ содѣлаемъ себя достойными пречистыхъ рукъ. Будемъ просить Господа, чтобы прикоснулся Онъ сердцамъ нашимъ. Но, лучше сказать, и просьбы не нужны. Содѣлай только сердце свое достойнымъ сего прикосновенія; Господь первый притечетъ къ тебѣ. Если Онъ предваряетъ хотящихъ прибѣгнуть къ Нему, и превознесъ похвалами Павла, еще до обращенія его; то чего не сдѣлаетъ, увидѣвъ тебя

гоповымъ? А какъ скоро Христосъ извлечетъ звуки изъ души нашей, безъ всякаго сомнѣнія снизойдетъ на насъ Духъ, и мы содѣлаемся превосходнѣе неба. Не солнце и луна отпечатлѣются на шѣлѣ нашемъ, но въ насъ вселится и будетъ жить Самъ Владыка солнца, луны и Ангеловъ. Говорю же сіе не для того, чтобы намъ воскрешать мертвыхъ, очищать прокаженныхъ; но чтобы явить чудо, всѣхъ сихъ чудесъ большее—любовь. Гдѣ только есть сіе благо; тамъ немедленно предстанетъ Сынъ со Отцемъ и снизойдетъ благодать Духа. *Идѣже бо*, говоритъ Христосъ, *еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ* (Матѳ XVIII, 20). Пребываніе въ кругу любезныхъ означаетъ сильную приверженность и крѣпкую любовь. Но кто же, спросишь, дойдетъ до такой крайности, чтобы не захотѣлъ имѣть съ собою Христа? Мы враждующіе другъ противъ друга. Иной, можетъ быть, засмѣется сему, и скажетъ: что ты говоришь? Вотъ всѣ мы собрались въ однихъ стѣнахъ, въ одной церковной оградѣ, составляемъ одно согласное стадо, ни съ кѣмъ не препираемся, управляемся однимъ Пастыремъ, всѣ вмѣстѣ вопіемъ, всѣ вмѣстѣ слушаемъ, что говорятъ намъ, возсылаемъ общія молитвы; а ты говоришь о брани и враждѣ? Да, говорю о брани, говорю это въ полномъ умѣ, не потерявши разсудка. Очень вижу, что происходитъ передо мною; очень знаю, что мы

въ одной оградѣ, одного имѣемъ Пастыря; но о томъ-то и плачу особенно, что при столькихъ побужденіяхъ къ единодушію возспаемъ другъ на друга. Опять спросишь: какой же мятежъ видишь ты здѣсь? — Здѣсь никакого. Но какъ скоро выйдемъ отсюда; тотъ обвиняетъ кого нибудь, тотъ обижаетъ явно, тотъ завистствуетъ, грабитъ, тотъ пристѣсняетъ, тотъ предается постыдной любви, тотъ сплетаетъ тысячи козней. И если бы можно было обнаружить у насъ сердце; все это увидѣли бы вы сами во всей подробности, и согласились бы, что я не безумствую. Не случалось ли вамъ видѣть въ воинскомъ станѣ, что воины, по заключеніи мира, сложивъ съ себя оружіе, безъ всякой обороны и безъ всякаго прикрытія входятъ въ станъ непріятельскій? А когда облечены они оружіемъ, вездѣ стражи, вездѣ дозоры, ночи проходятъ безъ сна, и огни не угасаютъ;—это служитъ уже признакомъ не мира, но войны. Тоже самое примѣчаемъ и за собою; мы другъ друга подсперегаемъ, другъ друга опасаемся, каждый съ ближнимъ перешептывается на ухо, а какъ скоро замѣчаемъ, что подходитъ посторонній, перерываемъ разговоръ и все прибираемъ; все это показываетъ не довѣрчивость, а чрезмѣрную осторожность. Но скажешь: мы дѣлаемъ сіе не въ обиду другимъ, а во избѣжаніе обиды. О томъ и скорблю, что намъ, которые живемъ въ кругу братьевъ, нужно столько осторожности

для избѣжанія обиды, подобно сколько зажигаешь огней, разспавляешь спрастей, разсылаешь дозоровъ. Всему этому причиною частая ложь, частые обманы, общій недоспашокъ любви и непримиримая вражда. Опъ сего-по не рѣдко случается видѣшь, что многіе больше довѣряютъ язычникамъ, нежели Христіанамъ. Какой же это дѣлаетъ намъ спыдъ! сколькихъ это достойно слезъ, сколькихъ спенаній! что же мнѣ дѣлашь, говоришь ты? Этотъ человѣкъ неприспупенъ и злонравенъ. А гдѣ твое любомудріе? Гдѣ Апостольскіе уставы, которыми предписано намъ носишь бремена другъ друга? Если не умѣешь обходишься съ братомъ: по какъ тебѣ ужишься въ ладу съ чужимъ? Если не умѣешь совладѣшь собственнымъ своимъ членомъ; по какъ тебѣ можно привлечь и приспособишь къ себѣ спорошняго? Но что же я буду дѣлашь? Не могу плакашь опъ скорби; иначе пролились бы обильные испоки изъ очей моихъ, какъ у Пророка; ибо на семъ полѣ вижу пысячи браней, которыя ужаснѣе видѣнныхъ Пророкомъ. Онъ видѣлъ впорженіе варваровъ и вопіялъ: чрево мое болишъ мнѣ; а я вижу, что подчиненные одному военачальнику вооружаются другъ проппвъ друга, возспаюшъ другъ на друга, одинъ у другаго грызупъ и терзаюшъ члены, по за деньги, по за славу, по безъ всякой причины, и ни за что другъ надъ другомъ смѣются, издѣваются, наносятъ другъ другу пысячи ранъ, шакъ по и павшіе на войнѣ бы-

ваютъ менѣе обезображены; вездѣ осталось одно пустое имя братства; вижу сіе, и не могу придумать, какъ достойно оплакать такое печальное зрѣлище. Устыдитесь, устыдитесь сея трапезы, съ которой всѣ пріобщаемся; устыдитесь сея жертвы, на ней предложенной—Христа за насъ закланнаго. Разбойники, принимаясь за хлѣбъ и соль, не поступаютъ разбойнически съ тѣми, съ кѣмъ ѣдятъ съ одного стола, и у нихъ трапеза перемѣняетъ нравы; и тѣ, которые въ другое время люте звѣрей, дѣлаются тогда кротчайшими овецъ. А мы, участвуя въ сей святой трапезѣ, пріобщаяся сей Божественной пищи, вооружаемся другъ противъ друга, когда бы надлежало вооружаться противъ діавола, который враждуетъ на всѣхъ насъ. Отъ сего-то мы съ каждымъ днемъ становимся слабѣе, а онъ сильнѣе. Вмѣсто того, чтобы единодушно ополчаться на него, мы за одно съ нимъ возстаемъ другъ на друга; и его избираемъ вождемъ въ сихъ браняхъ, когда надлежало бы противъ него единаго сражаться, оставивъ его въ покоѣ, противъ братьевъ теперь обращаемъ стрѣлы. Какія стрѣлы, спрашиваешь? Стрѣлы, летящія съ нашего языка, изъ нашихъ устъ. Не одни стрѣлы и копья, но и слова наносятъ раны, которыя гораздо болѣзненнѣе нанесенныхъ стрѣлами. Какъ же можемъ прекратить брань сію, спросишь? Можешь, ежели будешь представлять себѣ, что, говоря худо о братѣ, ты точишь изъ устъ

своихъ грязь; ежели будешь представлять, что клевещешь на того, кто составляетъ одинъ изъ членовъ Христовыхъ, что снѣдаешь собственную плоть свою, что страшный оный и нелицепріятный судъ дѣлаешь для себя еще болѣе строгимъ, что стрѣла твоя умерщвляетъ не поражаемаго ею, но тебя пустившаго оную. Но онъ самъ обидѣлъ, сдѣлалъ зло? Скорби, только не говори худо; плачь, но не о причиненной тебѣ обидѣ, а о погибели обидчика, какъ и Господь твой плакалъ объ Іудѣ не потому, что Самъ былъ распинаемъ, но потому, что Іуда предалъ Его. Онъ оскорбилъ, онъ злословилъ тебя? Моли Бога, чтобы скорѣе надъ нимъ умилосердился. Онъ твой братъ, произошелъ изъ одной съ тобою утробы; онъ твой сочленъ, призванъ къ одной съ тобою трапезѣ. Но онъ не перестаетъ издѣваться надо мною, говоришь ты? За то высшая и большая тебѣ награда. Потому тебѣ наипаче надобно отложить гнѣвъ свой; ибо онъ получилъ смертельный ударъ, его уязвилъ діаволъ. Итакъ не наноси ему ранъ и ты, не падай съ нимъ и самъ. Доколѣ ты стоишь, можешь спасти и его; а если, платя обидою за обиду, падешь самъ, кому будетъ поднять васъ? Думаешь ли, что въ состояніи будетъ сдѣлать сіе онъ,—твой обидчикъ? но раненному, распростертому на землѣ то не возможно. Или достанетъ на то силъ у тебя, съ нимъ павшаго? Но какъ возможешь подать руку другому, когда не въ состояніи пособить

себѣ самому? Итакъ спой мужественно, и мертваго брата, по своему великодушію, прикрывъ щитомъ, влеки съ битвы. Гнѣвъ уязвилъ его, не уязвляй еще ты, поскорѣе вынь изъ него стрѣлу. Если такъ станемъ обходиться другъ съ другомъ, скоро всѣ сдѣлаемся невредимыми. А если будемъ вооружаться другъ противъ друга: то не нужно уже и діавола для нашей погибели. Всякая война тягостна; но гораздо тягостнѣе война междуусобная. А сія брань тяжелѣе и междуусобной, поколику важнѣе права Христіанскаго общества, а еще важнѣе права Христіанскаго родства. Братъ убилъ нѣкогда Авеля и пролилъ родственную кровь; но сіе убійство беззаконнѣе Каинова; потому что и родство наше важнѣе, и смерть сія ужаснѣе. Каинъ уязвилъ тѣло; а ты изострилъ мечь на душу. Но ты потерпѣлъ отъ него зло? Не терпѣть, но дѣлать зло, значитъ терпѣть зло. Смотри же! Каинъ умертвилъ, Авель умерщвленъ; но кто изъ нихъ состоялся мертвымъ? Тотъ ли, который вопіетъ по смерти, о которомъ сказано: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ* (Быт. IV, 10)? Или тотъ, который въ жизни трясся и боялся? Конечно Каинъ, Каинъ жалокъ болѣе всякаго мертвеца. Видишь ли, сколько лучше быть обиженнымъ, хотя бы пришлось и умереть? Вразумись, что гораздо хуже дѣлать неправду, хотя бы кто былъ въ состояніи пролить кровь. Каинъ поразилъ, низложилъ брата, но Авель увѣнчанъ, а онъ наказанъ.

Несправедливо истребленъ и умерщвленъ Авель; но умирающій обличалъ, убивалъ, преодолѣвалъ, а остающійся въ живыхъ молчалъ, покрывался стыдомъ, влекся въ плѣнъ, и все строилось вопреки его желанію. Видя брата любимымъ, убилъ его въ надеждѣ лишить любви; но тѣмъ самымъ увеличилъ къ нему любовь, Богъ по смерти больше взыскалъ его, и спрашивалъ: гдѣ есть Авель братъ твой? Не потушилъ ты любви завистію, но сильнѣе воспламенилъ ее; не убавилъ чести убійствомъ, но увеличилъ оную. Прежде Самъ Богъ подчинялъ тебѣ брата; но поелику ты умертвилъ его, по смерти будетъ твоимъ судіею. Сколько онъ мнѣ любезенъ! Итакъ кто изъ нихъ осужденъ, наказывающій или наказанный? Тотъ ли, кто почтенъ отъ Бога толикою честію, или тотъ, кто преданъ новой и небывалой казни? Ты не боялся его живаго, говоритъ Богъ; такъ бойся умершаго. Ты не трепеталъ, извлекая мечь; такъ, проливши кровь, трясись непрестанно. Онъ въ жизни былъ твоимъ рабомъ, и ты не терпѣлъ его; за то по смерти сталъ грознымъ для тебя господиномъ. Вразумившися симъ, возлюбленные, будемъ убѣгать зависти, потушимъ злобу, воздадимъ другъ другу взаимною любовію, дабы пожать намъ благіе плоды оной какъ для настоящей, такъ и для будущей жизни, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь!

БЕСѢДА 9.

VI, 23. *Не писано же бысть за того единаго точію, яко вмѣнися ему въ правду:* (24) *Но и за ны, имъ же хощетъ вмѣнитися, вѣрующимъ въ воскресившаго Іисуса Господа нашего изъ мертвыхъ.*

Послѣ многаго сказаннаго, въ похвалу Аврааму, о его вѣрѣ, праведности и чести у Бога, слушатель могъ возразить: что намъ изъ того? Авраамъ одинъ оправдался. Посему Апостолъ опять равняетъ насъ съ Патріархомъ. Такова сила духовныхъ глаголовъ! О томъ, кто былъ язычникомъ, недавно присоединился къ Церкви, ничего добраго не сдѣлалъ самъ, Апостолъ подтвердилъ, что онъ ни въ чемъ не имѣетъ недостатка не только въ сравненіи съ вѣрующимъ Іудеемъ, но и въ сравненіи съ Патріархомъ, и даже къ удивленію имѣетъ предъ нимъ превосходство. Таково наше благородство, что вѣра Патріарха была только образомъ нашей! И Апостолъ не сказалъ: ежели ему вмѣнилось; то вѣроятно вмѣнится и намъ. Это значило бы доказывать чрезъ умозаключенія: а онъ говоритъ, какъ предлагающій Божественный законъ, и слова свои обращаетъ въ изреченіе Писанія. Для чего и писано, говоритъ онъ, если не для того, чтобы научить насъ, что и мы также оправдываемся? Мы повѣрили тому же Богу и тѣмъ же Его обѣтованіямъ, хотя мы и не одно лице съ Авраамомъ.

Сказавъ же о нашей вѣрѣ, Апостолъ обращается къ неизреченному Божію человѣколюбію, какъ всегдашнему предмету своихъ размышленій, и предлагаетъ взорамъ слушателей крестъ. Сіе самое выразилъ онъ и теперь словами: (25) *иже преданъ бысть за прегрѣшенія наша, и воста за оправданіе наше.* Замѣть, какимъ образомъ: указавъ на причину смерти, обращаетъ оную въ доказательство воскресенія. За что Христосъ распятъ, спросишь ты? Не за Свой грѣхъ; сіе видно изъ Его воскресенія. Ежели бы Онъ былъ грѣшенъ; то какъ бы воскресъ? А ежели воскресъ, явно то, что не былъ грѣшенъ. Если же не былъ грѣшенъ; за что распятъ? За вину другихъ. А если за другихъ; то безъ сомнѣнія воскресъ. Тебѣ не льзя возразить: какъ можемъ оправдаться мы, которые виновны въ столь многихъ грѣхахъ? Ибо Апостолъ указалъ Того, Кто изгладилъ всѣ грѣхи; и ученіе объ оправданіи утверждено какъ вѣрою Авраамовою, которою оправдался Патріархъ, такъ и вѣрою въ спасительное страданіе, которымъ мы освобождены отъ грѣховъ. Сказавъ же о смерти Христовой, говоритъ онъ и о воскресеніи. Ибо не для того Христосъ умеръ, чтобы подвергнуть насъ казни и осужденію, но чтобы облагодѣтельствовать. Для того Онъ и умеръ и воскресъ, чтобы содѣлать насъ праведными.

(V, 1) *Оправдившеся убо вѣрою, миръ имамы къ Богу Господемъ нашимъ Іисусомъ*

Христолѣ. Что значитъ: *миръ имамы?* Нѣкоторые объясняютъ, что не должно возставать противъ благодати, упорно поддерживая законъ. Но мнѣ кажется, что Апостолъ даетъ намъ здѣсь наставленіе, какъ должны мы вести себя. Поелику выше, послѣ многихъ разсужденій о вѣрѣ и объ оправданіи посредствомъ дѣлъ, предпочелъ онъ вѣру, а иной могъ бы такое ученіе взять для себя за поводъ къ безпечности; то говоритъ: *миръ имамы,* то есть, не будемъ впредь грѣшить и возвращаться на прежнее; потому что сіе значило бы враждовать противъ Бога. Спросишь: какъ возможно дойти до того, чтобы больше не грѣшить? А я спрашиваю: какъ было возможно освободиться отъ грѣховъ? Ежели мы, будучи столько виновны, отъ всѣхъ грѣховъ освобождены Христомъ; то тѣмъ легче съ Его помощію остаться намъ въ томъ положеніи, въ какое приведены Имъ. Иное дѣло получить миръ, котораго не было, и иное сохранить уже дарованный; пріобрѣтать всегда труднѣе, нежели сохранять. Впрочемъ труднѣйшее содѣлалось уже легкимъ и приведено въ исполненіе. Слѣдовательно безъ труда успѣемъ въ удобнѣйшемъ, если прилѣпимся къ Тому, Кто совершилъ для насъ труднѣйшее. А здѣсь, какъ думаю, Апостолъ наводитъ и на ту мысль, что успѣхъ въ семъ не только удобенъ, но и необходимъ съ нашей стороны. Ибо ежели Христосъ примирилъ насъ, когда мы были врагами, то

съ нашей стороны необходимо пребывать примиренными, и шѣмъ воздашь за Его благодѣянія; а иначе вышло бы, что Онъ примирилъ со Отцемъ жестокосердыхъ и неблагодарныхъ.

(2) *Имъ бо*, продолжаетъ Апостолъ, *и приведеніе обрѣтохомъ вѣрою.* Итакъ ежели Христосъ доставилъ намъ доступъ къ Богу, когда мы были отъ Него далеко; то шѣмъ скорѣе удержитъ, когда содѣлались близкими. Но ты не оставляй безъ вниманія, что Апостолъ, когда говоритъ о благодѣяніяхъ Христовыхъ, всегда присовокупляетъ и то, что требуется съ нашей стороны. Но благодѣянія Христовы многочисленны и различны; Христосъ умеръ за насъ, примирилъ насъ, доставилъ намъ доступъ къ Богу, даровалъ неизреченную благодать. А мы съ своей стороны приносимъ одну вѣру. Посему Павелъ говоритъ: *вѣрою во благодать сію, въ нейже стоимъ.* Какую благодать, скажи мнѣ? Благодать, по которой мы удостоились вѣденія о Богѣ, освободились отъ заблужденія, познали истину, и получили всѣ блага, даруемыя чрезъ крещеніе. Ибо Христосъ для того и привелъ насъ ко крещенію, чтобы мы получили дары сіи, то есть, не одно отлученіе грѣховъ, не одно примиреніе, но и безчисленныя почести. Даже и шѣмъ не ограничился Онъ, но обѣщалъ новыя несказанныя блага, превышающія разумъ и слово. Посему Апостолъ означалъ шѣ и другіе дары, и словомъ *благодать* изобразилъ дары настоящіе, которые мы получили, а въ словахъ:

и хвалимся упованіемъ славы Божіей, открылъ намъ всѣ будущіе дары. И превосходно сказалъ Онъ: *въ нейже стоимъ*. Такова благодать Божія! Она не имѣетъ конца и предѣловъ, и, что невозможно по человѣчески, она непрестанно простирается на большее. У людей случается, что иной достигъ начальства, славы, владычества, но не сохраняетъ сего надолго, а вскорѣ теряетъ. И если не похищаетъ того человѣкъ; то придетъ смерть, и непремѣнно похититъ. Не таковы дары Божіи! Ни человѣкъ, ни время, ни обстоятельства, ни самъ діаволъ, ни поспѣшная смерть не могутъ исторгнуть у насъ оныхъ. Напротивъ, когда умремъ, будемъ обладать ими безъ всякой утраты; хотя будемъ пользоваться ими, но дары будутъ умножаться. А если ты не увѣренъ въ будущихъ благахъ; то увѣрься въ оныхъ по настоящимъ, которыя уже получилъ. И дабы ты зналъ, какое сердце долженъ имѣть вѣрующій, Апостолъ сказалъ: *и хвалимся упованіемъ славы Божіей*. Ему надобно быть не только несомнѣнно увѣреннымъ въ дарованныхъ ему благахъ, но и будущія почитать, какъ бы уже дарованными. Ибо хвалиться можно тѣмъ, что уже имѣешь въ рукахъ. Поелику же надежда на будущія блага столь же тверда и несомнѣнна, какъ и надежда на дарованныя блага; то Апостолъ говоритъ, что мы хвалимся также и надеждою на будущее. По сей увѣренности въ будущихъ благахъ Апостолъ назвалъ оныя *славою*. Если

блага сіи служатъ къ славѣ Божіей; но непремѣнно выполнятся, ежели не для насъ, то для Бога. И что говорю я, продолжаетъ Апостолъ, мы можемъ хвалиться будущими благами? Даже настоящія бѣдствія таковы, что служатъ къ нашей славѣ, и мы можемъ ими превозноситься.

Посему присовокупилъ: (3) *Не точію же, но и хвалимся въ скорбехъ.* Итакъ разсуди, каковы будущія блага, когда величаемся и тѣмъ, что по видимому для насъ горестно. Таковъ даръ Божій; въ немъ нѣтъ ничего не пріятнаго! Въ дѣлахъ мірскихъ подвиги сопровождаются трудомъ, болѣзнями, утомленіемъ, а удовольствіемъ питаютъ одни вѣнцы и награды; напротивъ здѣсь самая борьба доставляетъ удовольствіе не меньшее, чѣмъ и награда. И какъ во времена Апостольскія искушенія были многочисленны, а Царства только надѣялись, напасти были подъ руками, а блага въ ожиданіи, и все сіе лишало бодрости слабѣйшихъ; то Павелъ сказавъ, что должно хвалиться скорбями, указываетъ имъ награды, получаемыя еще прежде небесныхъ вѣнцевъ. Впрочемъ не сказалъ: вы должны хвалиться, но, поощряя къ подражанію собственнымъ примѣромъ, говоритъ: мы хвалимся. Поелику же представлялось страннымъ и необыкновеннымъ, чтобы человѣкъ, борющійся съ голодомъ, находящійся въ узахъ, терпящій пытки, оскорбленія, поношенія, долженъ былъ всѣмъ тѣмъ хвалиться; Апостолъ приводитъ на сіе доказательство и, что еще важнѣе, утверждаетъ, что

настоящія скорби, не только по причинѣ будущихъ благъ, но даже сами по себѣ достойны того, чтобы ими хвалишься, потому что скорби сами въ себѣ суть благо. Почему же? Потому что пріучаютъ къ терпѣнію. Посему сказавъ: *хвалимся въ скорбехъ*, присовокупилъ и причину, говоря: *вѣдяще, яко скорбь терпѣніе содѣловаетъ*. Замѣть еще, какъ Павелъ даетъ рѣчи своей совершенно неожиданный оборотъ. Поелику скорби всего чаще заставляли Христіанъ отрекаться отъ будущихъ благъ, и ввергали въ отчаяніе; то онъ утверждаетъ, что чрезъ скорби надлежитъ болѣе увѣряться въ будущемъ, а не отчаиваться. Ибо *скорбь*, говоритъ онъ, *содѣловаетъ терпѣніе*.

(4) *Терпѣніе же искусство, искусство же упованіе* (5) *Упованіе же не посрамитъ*. Скорби не только не истребляютъ сей надежды, но еще подкрѣпляютъ оную. Хотя скорбь до полученія будущихъ благъ приноситъ уже весьма важный плодъ — терпѣливость, и искушеннаго дѣлаетъ опытнымъ; впрочемъ она же содѣйствуетъ нѣсколько и къ пріобрѣтенію будущихъ благъ; потому что усиливаетъ въ насъ надежду. Ибо ничто не ведетъ столько къ благой надеждѣ, какъ добрая совѣсть. Ни одинъ человѣкъ, живущій честно, не теряетъ увѣренности въ будущее; а нерадивый, будучи угнетаемъ лукавою совѣстію, не желаетъ ни суда, ни воздаянія. А неужели наши блага состоятъ въ одной надеждѣ? Точно въ надеждѣ, но не въ

надеждѣ на людей, которая часто разрушается и приступаетъ надѣявшагося, когда обнадеживший покровительствомъ или умираетъ, или, хотя и живъ, но перемѣняетъ расположеніе. Не такова наша надежда; она тверда и непоколебима. Давшій намъ обѣтованія всегда живъ; а мы, имѣющіе воспользоваться оными, хотя умремъ, но опять воскреснемъ, такъ что мы нимало не будемъ посрамлены, какъ напрасно и безразсудно утѣшавшіе себя слабыми надеждами. Итакъ сими словами освободивъ, сколько было нужно, слушателей отъ всякаго сомнѣнія, Апостолъ не останавливается долѣе на настоящихъ благахъ, но опять переходитъ къ будущимъ, зная, что слабые люди хотя ищутъ настоящихъ благъ, но не довольствуются оными. Въ будущихъ же благахъ удостовѣряетъ Онъ благами уже дарованными. Могло имѣть мѣсто возраженіе: а ежели Богу не угодно оказать намъ такія благодѣянія? Ибо хотя всѣ знаемъ, что Онъ всемогущъ, вѣченъ и живъ; но откуда извѣстно, что Онъ желаетъ нашего блаженства? Апостолъ отвѣтствуетъ: это видно изъ благъ, намъ уже данныхъ. Какія же это блага? Любовь, которую Богъ доказалъ намъ. Спросишь еще: какимъ дѣйствіемъ доказалъ оную? Дарованіемъ Святаго Духа. Посему Апостолъ сказавъ: *упованіе не посрамитъ*, привелъ на то слѣдующее доказательство: *яко любы Божія изліяся въ сердца наша.* Не сказалъ: дана, но выражаетъ обиліе: *изліяся въ сердца*

наша. Богъ даровалъ намъ самое величайшее благо; даровалъ не небо, не землю, не море, но что драгоцѣннѣе всего этого: Онъ содѣлалъ людей Ангелами, сынами Божіими, братіями Христовыми. Какой же это даръ? Духъ Святый. Если бы Богу не угодно было даровать намъ величественныхъ вѣнцевъ послѣ нашихъ трудовъ; то не далъ бы толикихъ благъ еще не трудившимся. Теперь же горячность любви Его открывается изъ того, что не понемногу и не по временамъ даетъ намъ почести, но вдругъ излилъ весь источникъ благъ и приномъ прежде нашихъ подвиговъ. Посему хотя ты и не очень достоинъ, не отчаявайся; ты имѣешь великаго ходатая въ любви Самаго Судіи. Но сей то причинѣ и Апостолъ, говоря: *упованіе не посрамитъ*, имѣлъ въ основаніи не наши заслуги, но любовь Божію.

Сказавъ же о дарованіи Духа, опять обращается онъ ко кресту и говоритъ: (6) *Еще бо Христосъ сущыхъ насъ немощныхъ, по времени за нечестивыхъ умре.* (7) *Едва бо за праведника кто умретъ: за благаго бо нѣкто и дерзнетъ умрети:* (8) *составляетъ же Свою любовь къ намъ Богъ.* Слова сіи значатъ: ежели не скоро кто согласится умереть и за добродѣтельнаго человѣка; то представь любовь своего Господа, когда Его Самаго видимъ распинаемымъ не за добродѣтельныхъ, но за грѣшниковъ и враговъ. Сіе самое и говоритъ Апостолъ далѣе: *яко еще*

грѣшникомъ сущимъ намъ Христосъ за ны умре.

(9) *Много паче оправдани бывше нынѣ кровію Его, спасемся Имъ отъ гнѣва.* (10) *Аще бо врази бывше примирихомся Богу смертію Сына Его, многае паче примирившеся спасемся въ животѣ Его.* Въ словахъ сихъ съ перваго взгляда примѣчается пождесловіе, котораго однакожъ нѣтъ, если внимательнѣе вникнешь. Итакъ смотри! Апостолъ хочетъ, чтобы Римляне увѣрились въ будущихъ благахъ. И сначала, чтобы вразумились они, представляетъ образъ мыслей праведника, говоря, что онъ совершенно увѣренъ, *яко еже обѣща* Богъ, *силенъ есть и сотворити;* потомъ доказываетъ сіе дарованною благодатію; далѣе скорбями, говоря, что онѣ могутъ привести насъ къ надеждѣ; также тѣмъ, что Богъ даровалъ намъ Духа; наконецъ Христовою смертію и нашею прежнею злобою. И хотя, какъ замѣтилъ я, сначала представляется, что сказано одно и иное; но въ самомъ дѣлѣ открываются двѣ, три и болѣе различныхъ мыслей. Первая, что Христосъ умеръ; вторая, что умеръ за нечестивыхъ; третья, что примирилъ, спасъ, оправдалъ, содѣлалъ безсмертными, сынами и наслѣдниками. Посему, говоритъ Апостолъ, должны мы укрѣпляться въ упованіи не только смертію Христовою, но и тѣмъ, что намъ даровано чрезъ сію смерть. И то было уже весьма сильнымъ доказательствомъ

любви, что Христосъ умеръ за насъ, ни мало того незаслуживших. Когда же умирающій оказывается подателемъ даровъ, даровъ весьма великихъ и людямъ весьма того несноюнцимъ; такое благодѣяніе превосходитъ всякую мѣру и ведетъ къ вѣрѣ самаго безчувственнаго. Спасетъ насъ не иной кто, а Тотъ, кто насъ бывшихъ еще грѣшниками возлюбилъ до того, что Самъ Себя предалъ за насъ. Видишь ли, какъ сильно здѣсь Апостолъ убѣждаетъ насъ надѣяться на будущее? Доселѣ два были запрудненія къ нашему спасенію: то, что мы были грѣшники, и то, что надлежало спастися смертію Владыки. Но послѣднее, пока не совершилось, было не вѣроятно, не могло иначе совершиться, какъ по безмѣрной любви. Нынѣ же совершено сіе на самомъ дѣлѣ; а потому и прочее стало гораздо легче. Мы содѣлались друзьями, и Господу умирать уже не нужно. Кто до того щадилъ враговъ, что не пощадилъ за нихъ Сына; Тотъ ужели не спасетъ содѣлавшихся друзьями, и когда нѣтъ уже нужды Ему предавать Сына? Иной не спасаетъ потому, что не хочетъ, а иной потому, что не можетъ, хотябы и желалъ. Ни того ни другаго не льзя сказать о Богѣ, послѣ того, какъ Онъ отдалъ Сына. А что Богъ можетъ спасти, Апостолъ и это доказалъ намъ, что Богъ оправдалъ насъ бывшихъ грѣшниками. Итакъ какое отнается препятствіе получить намъ будущія блага? Никакого.

А дабы ты слыша наименованія: грѣшники, враги, немощные, нечестивые — не приходилъ въ стыдъ и не краснѣлъ, послушай, что говоритъ Апостолъ далѣе. (11) *Не точію же, но и хвалимся о Бозѣ Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, Имъ же нынѣ примиреніе пріяхомъ.* Что значитъ: *не точію же?* Не только мы спасены, говоритъ Апостолъ, но и хвалимся тѣмъ, чего бы по мнѣнію другихъ надлежало намъ стыдиться. Ибо то, что спасены мы, которые жили столь порочно, служитъ явственнѣйшимъ признакомъ сильной любви къ намъ спасающаго. Онъ спасъ насъ не чрезъ Ангеловъ и Архангеловъ, но чрезъ Своего Единороднаго. Итакъ что Онъ спасъ, что спасъ грѣшниковъ, что совершилъ сіе чрезъ Единороднаго, и не просто чрезъ Единороднаго, но кровію Его — все сіе сплетаетъ намъ тысячи похвальныхъ вѣнцевъ. Ни что не служитъ столько къ славѣ и дерзновенію, какъ быть любимыми отъ Бога, и любить Его, насъ возлюбившаго. Сіе дѣлаетъ блистательными Ангеловъ, Начала и Силы. Сіе важнѣе самаго царствія, а потому Павелъ и предпочиталъ сіе царствію. За то ублажаю безплотныя Силы, что любятъ Бога и во всемъ повинуются Ему. Въ семъ удивлялся имъ Пророкъ, говоря: *сильніи крѣпостію, творящіи слово Его* (Псал. CII, 20). За сіе Исаія восхваляетъ Серафимовъ, вмѣняя имъ въ высокую доблесть то, что стоятъ близъ славы Божіей; ибо сіе означаетъ величайшую любовь.

Инакъ будемъ и мы подражать горнимъ силамъ, постараемся не только стоять близъ престола, но содѣлать себя обителію сѣдящему на престолѣ. Онъ возлюбилъ ненавидящихъ и не прекращаетъ любви Своей. Ибо Онъ *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Матѳ. V, 45). Ты же возлюби любящаго; потому что Онъ любитъ тебя. А почему же, спросишь, Сей любящій угрожалъ геенною, наказаніемъ, муками? По тому самому, что любитъ. Богъ обсѣкаетъ твое лукавство страхомъ, какъ нѣкоторою уздою удерживаетъ твое стремленіе къ худшему, все дѣлаетъ, все испытываетъ, чтобы хотя пріятнымъ, хотя прискорбнымъ для тебя, только остановить тебя въ стремительномъ паденіи, привести въ себя самаго и отвлечь отъ всякаго порока; такъ какъ порокъ ужаснѣе геенны. А ежели ты смѣешься словамъ симъ и порочную жизнь тысячекратно предпочитаешь одному дню наказанія; то сіе не удивительно. Ибо это знакъ твоего неправильнаго образа мыслей, твоего опьянѣнія, твоей неизцѣльной болѣзни. Малый ребенокъ, какъ скоро увидитъ, что врачь намѣревается прижечь и надрѣзать ему больное мѣсто, бросается и бѣжитъ прочь, вопитъ и все рветъ на себѣ, и согласенъ лучше непрестанно гнить и умереть, нежели вытерпѣть временную боль и потомъ наслаждаться здоровьемъ. Но у кого есть смыслъ, тотъ знаетъ,

что болѣзнь тяжелѣе порѣза, а равно и быть порочнымъ хуже, нежели потерпѣть наказаніе. Отъ одного вылѣчишься и выздоровѣешь, а отъ другаго погибнешь и навсегда останешься больнымъ. Но всякому извѣстно, что здоровье лучше болѣзни. Не тогда должно плакать о ворѣ, когда ему ломаютъ ребра, но когда онъ подламываетъ стѣны и производитъ смертоубійства. Если душа превосходнѣе тѣла, какъ и дѣйствительно превосходнѣе; то справедливѣе воздыхать и плакать, когда она гибнетъ. Если же сама она не чувствуетъ того; тѣмъ паче должно извлекать ей слезы. Предающіеся распутству стоятъ большаго сожалѣнія, чѣмъ страждущіе горячкою; пьяница больше жалокъ, чѣмъ находящійся въ пыткѣ. Но ежели все это тяжелѣе; то почему, спросишь, охотнѣе избираемъ сіе? Потому что многимъ изъ насъ, по пословицѣ, нравится худшее, и миновавъ лучшее, предпочитаемъ худое. Это видно при выборѣ нами: пищи, рода жизни, образца для подражанія, удовольствій для наслажденія, жены, дома, прислуги, села и всего прочаго. Скажи мнѣ, что доставляетъ больше удовольствія— сообщеніе съ женщиною или съ мущиною? съ женщиною или съ лошачихою? Однакожъ не мало найдемъ такихъ, которые хотя не прикасаются къ женщинамъ, но имѣютъ соитіе съ безсловесными, и наносятъ поруганіе мущинамъ; не смотря на то, что сообразное съ природою пріятнѣе противуестественнаго. Многіе, какъ

за пріятнымъ, гонятся за тѣмъ, что смѣшно, непріятно, и влечетъ за собою наказаніе. Скажешь, что имъ кажется то пріятнымъ. Но потому-то и жалки эти люди, что непріятное считаютъ пріятнымъ. Они и наказаніе считаютъ хуже грѣха, а въ самомъ дѣлѣ оно не только не хуже, но еще лучше. Если бы наказаніе было зломъ для грѣшниковъ; то Богъ не присовокуплялъ бы зла ко злу и не восхотѣлъ бы содѣлать ихъ еще худшими. Тотъ не сталъ бы умножать зла, кто употребляетъ всѣ мѣры, чтобы истребить оное. Итакъ для преступника нѣтъ зла быть наказаннымъ, а напротивъ зло не быть наказаннымъ, подобно какъ зло для больнаго не лѣчиться. Всего вредоноснѣе для человѣка неумѣренная похоть. Неумѣренною же похотію называю я страсть къ забавамъ, честолюбіе, властолюбіе, и короче сказать, домогательство всего того, что сверхъ нужды. Человѣкъ живущій въ роскоши и разсѣяніи, хотя по видимости счастливѣе другихъ, но въ самомъ дѣлѣ всѣхъ несчастнѣе; потому что душу свою предаетъ во власть жестокимъ и немилосердымъ мучителямъ. Богъ для того и содѣлалъ настоящую жизнь нашу многотрудною, чтобы избавить насъ отъ таковаго рабства и ввести въ полную свободу. Для того угрожаетъ Онъ наказаніемъ, для того далъ въ удѣлъ нашей жизни труды, чтобы обуздать склонность къ нѣгѣ. Такъ Іудеи, пока были заняты копаніемъ глины и дѣланіемъ кирпичей,

вели себя хорошо и непрестанно призывали Бога; а какъ скоро получили свободу, начали роптать, огорчать Господа и погрузились въ тысячи пороковъ. Но что сказать о людяхъ, спрашиваешь ты, которыхъ горести не рѣдко портятъ! Таковая порча бываетъ слѣдствіемъ не скорби, но людской слабости. Если кто, имѣя слабый желудокъ, или не принимаетъ горькаго лѣкарства, которое бы его очистило, или принявъ чувствуетъ боль отъ онаго; то винимъ въ семъ не лѣкарство, а слабость желудка. Такъ и здѣсь все зависитъ отъ расположенія сердца. Если человѣкъ испортился отъ нужды; то тѣмъ скорѣе испортится въ довольствѣ. Кто падаетъ, когда связанъ, а таковъ человѣкъ въ нуждѣ, тотъ еще скорѣе упадетъ, когда не связанъ. Ежели въ тѣсныхъ обстоятельствахъ портится; то еще легче испортится въ благополучіи. Но что же мнѣ дѣлать, спросишь, чтобы не испортиться съ горя? Разсуди, что, волею или неволею, но долженъ ты перенесть то, что терпишь. Но если будешь переносить съ благодареніемъ, то получишь весьма большую пользу; а если съ непереимѣніемъ, безпокойствомъ и ропотомъ,—горя своего не убавишь, но воздвигнешь еще большую бурю. Содержа сіе въ умѣ, все, что случается съ нами по необходимости, будемъ принимать такъ, какъ бы происходило это по нашему произволу. Положимъ на примѣръ, что одинъ лишился сына, а другой всего имущества;

разсуди, что избѣжать сего случая было не возможно, однакожь и изъ неизбѣжнаго бѣдствія можно извлечь для себя нѣкоторую пользу, и перенести оное великодушно, и потому вмѣсто ропота воздай хвалу Господу. Тогда несчастія, постигшія тебя противъ воли твоей, вмѣнятся тебѣ въ заслугу, какъ бы оныя зависѣли отъ твоего произволенія. Похищенъ ли у тебя сынъ преждевременною смертію? Скажи: *Господь даде, Господь отъятъ* (Iов. I, 21). Оскудѣло ли твое имущество? Скажи: *нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, насъ и отыду*. Видишь ли, что злые благоденствуютъ, а праведные злополучны и терпятъ тысячи несчастій, и ты не умѣешь найти тому причину? Скажи: *скотенъ быхъ у Тебе, и азъ выну съ Тобою.* (Псал. LXXII, 22, 23.) А если любопытно для тебя знать сію причину, то представь, что придетъ день, въ который Богъ будетъ судить вселенную. Тогда все затрудненіе исчезнетъ. Ибо тогда получитъ каждый по заслугамъ, подобно Лазарю, или богатому. Приведи себѣ на память Апостоловъ; ихъ били, изгоняли, заставляли терпѣть тысячи золъ; но они радовались, что удостоились принять поруганіе за имя Христово. Итакъ если страждешь какимъ недугомъ, переноси болѣзнь великодушно и благодари Бога; тогда получишь такую же награду, какъ и Апостолы. Но какъ человѣкъ недужный и больный можетъ пребыть благодарнымъ Господу? Можетъ, ежели любитъ

Его искренно. Если три отрока ввержены въ печь, ежели многіе, находясь въ узахъ и терпя тысячи различныхъ золъ, не престава́ли благодарить; тѣмъ паче возможно сіе для страждущихъ болѣзнями и тяжкими недугами. Ничего, ничего нѣтъ непобѣдимаго для любви. А любовь Божія всего выше. Ни огонь, ни мечь, ни бѣдность, ни болѣзнь, ни смерть, ни все прочее не страшны для того, кто обладаетъ сею любовію. Посмѣваясь надъ всѣмъ, онъ паритъ къ небу, и душевными расположеніями ни мало не ниже живущихъ на небѣ. Онъ ни на что не смотритъ, ни на небо, ни на землю, ни на море; но устремленъ къ единой лѣпотѣ небесной славы. Какъ скорби настоящей жизни не могутъ унизить его; такъ земныя блага и удовольствія не въ состояніи возвысить и содѣлать надменнымъ. Предпочтемъ же всему любовь сію; ибо ничто не сравнится съ нею; предпочтемъ и для настоящаго и для будущаго, или лучше сказать, для самаго качества сей любви. Ею избавимся мы казней и въ настоящей жизни и въ будущіе вѣки; ею пріобрѣтемъ царство. Впрочемъ и избавленіе отъ геенны, и пріобрѣтеніе царства не важны еще въ сравненіи съ тѣмъ, что намѣрены мы сказать. Всего этого выше любить Христа и быть отъ Него любимымъ. Ежели у людей взаимная любовь цѣнится выше всякаго удовольствія; то какое слово, какая мысль можетъ изобразить блаженство души, которая любитъ Бога и Ему лю-

безна. Сіе блаженство постигается не разумомъ, а опытомъ. Посему дабы познать опытно таковую духовную радость и блаженную жизнь и сокровище неисчетныхъ благъ, оставивъ все прочее, прилѣпимся къ сей любви, какъ для собственной нашей радости, такъ и для славы любимаго нами Бога; потому что Ему принадлежитъ слава и держава со Единороднымъ Сыномъ и со Святымъ Духомъ нынѣ и всегда и во всѣ вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 10.

V, 12. *Сего ради, якоже единымъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся человѣки вниде, въ немже вси согрѣшиша.*

Искуснѣйшіе врачи всегда стараются извѣдать корень болѣзней, доходятъ до самаго источника зла; такъ дѣлаетъ и блаженный Павелъ. Выше сказалъ, что мы оправданы, и доказалъ сіе примѣромъ Патріарха, ниспосланіемъ Духа, смертію Христовою; потому что Христосъ и не умеръ бы, если бы не хотѣлъ оправдать насъ. Теперь тотъ же предметъ береть съ противной стороны, и доказанное имъ подтверждаетъ уже другими доводами, а имянно: разсматриваетъ, что такое смерть и грѣхъ, изслѣдываетъ: какъ, какимъ образомъ и откуда

смерть взошла въ міръ и возобладала. А какъ взошла и возобладала смерть? Чрезъ грѣхъ одного. Чтоже значитъ: *въ немже вси согрѣшиша?* То, что, какъ скоро палъ одинъ, чрезъ него стали смертными всѣ, даже и не ѣвшіе запрещеннаго плода.

(13). *До закона бо грѣхъ бѣ въ мірѣ: грѣхъ же не вмѣняшеся не сущу закону.* Нѣкоторые думаютъ, что Апостолъ подъ словомъ: *до закона*, разумѣетъ все время, протекшее до изданія закона, то есть, когда жили Авель, Ной, Авраамъ и далѣе да самаго рожденія Моисея. Какой же грѣхъ былъ тогда? Иные утверждаютъ, что Апостолъ говоритъ о грѣхѣ въ раю; такъ какъ грѣхъ сей, разсуждаютъ они, не былъ еще отпущенъ, а напротивъ плодъ онаго процвѣталъ; смерть, внесенная грѣхомъ, обладала всѣми людьми и мучительствовала надъ ними. Итакъ для чего Апостолъ присовокупляетъ: *грѣхъ же не вмѣняется не сущу закону?* Тѣ, которые держатся изложеннаго нами мнѣнія, утверждаютъ, что Апостолъ присовокупилъ сіе въ отвѣтъ на возраженіе Іудеевъ; ежели безъ закона нѣтъ грѣха, то почему смерть истребила всѣхъ, жившихъ до закона? По моему мнѣнію сообразнѣе съ разумомъ и согласнѣе съ смысломъ Апостольскихъ словъ будетъ то, что намѣреваюсь я сказать. Чтоже именно? Когда Апостолъ говоритъ, что грѣхъ былъ въ мірѣ еще до закона; чрезъ сіе, какъ думаю, разумѣетъ, что по изданіи

закона возобладалъ уже грѣхъ преступленія закона, который и обладалъ все то время, пока существовалъ законъ. Ибо грѣхъ не могъ утвердиться, говоритъ Апостолъ, пока не было закона. Итакъ ежели сей самый грѣхъ, грѣхъ преступленія закона, породилъ смерть; почему умерли жившіе до закона? Ибо ежели смерть имѣла свой корень въ грѣхѣ, а грѣхъ, пока не было закона, не вмѣнялся; то почему возобладала смерть? Изъ сего видно, что не сей грѣхъ, не грѣхъ преступленія закона, но другой, именно грѣхъ преслушанія Адамова, былъ причиною общаго повержденія. Чѣмъ же сіе доказывается? Тѣмъ, что умерли всѣ жившіе до закона.

(14). *Царствова смерть*, говоритъ Апостолъ, *отъ Адама даже до Моисея и надъ несогрѣшившими*. Какъ царствовала? *По подобію преступленія Адамова, иже есть образъ будущаго*. Въ семъ отношеніи Адамъ есть образъ Іисуса Христа. Въ какомъ отношеніи, спрашиваешь? Какъ Адамъ для своихъ потомковъ, хотя они и не ѣли древеснаго плода, содѣлался причиною смерти, введенной въ міръ Адамовымъ яденіемъ; такъ Христосъ для вѣрующихъ въ Него, хотя они и не имѣли праведныхъ дѣлъ, содѣлался виновникомъ праведности, которую даровалъ всѣмъ намъ чрезъ крестъ. Посему Апостолъ, какъ выше, такъ и ниже поддерживаетъ одну мысль, и много разъ повторяетъ оную, говоря: *якоже единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде*, еще:

прегрѣшеніемъ единаго мнози умроша, еще: *не якоже единѣмъ согрѣшшимъ, дарованіе*, еще: *грѣхъ изъ единаго во осужденіе*, и еще: *аще бо единаго прегрѣшеніемъ смерть царствова единѣмъ*, еще: *тѣмже убо, якоже единаго прегрѣшеніемъ*, и еще: *якоже ослушаніемъ единаго человѣка грѣшни быша мнози*. Останавливается же особенно на сей мысли для того, чтобы на возраженіе Іудея: какимъ образомъ родъ человѣческій спасенъ заслугами одного Христа? — Могъ и ты возразить ему: какимъ образомъ весь родъ человѣческій осужденъ за преслушаніе одного Адама?—тѣмъ болѣе, что нѣтъ и сравненія между грѣхомъ и благодатію, между смертію и жизнію, между діаволомъ и Богомъ; а напротивъ безконечное разстояніе между однимъ и другимъ. Когда же свойство дѣла, могущество совершившаго оное, и самое приличіе,—такъ какъ для Бога приличнѣе спасать, нежели наказывать,—все показываетъ, что превосходство и побѣда на сторонѣ Христовой; скажи мнѣ, какой предлогъ имѣешь ты къ невѣрію?

Итакъ Апостолъ доказываетъ, что въ дѣлѣ спасенія нѣтъ ничего несообразнаго съ разумомъ, когда говоритъ: (15) *но не якоже прегрѣшеніе, тако и даръ. Аще бо прегрѣшеніемъ единаго мнози умроша, множае паче благодать Божія и даръ благодатію единаго человѣка Іисуса Христа во многихъ преизлишествова.* Сіе значитъ: ежели

столько силенъ былъ грѣхъ, и притомъ грѣхъ одного человѣка; то ужели не произведетъ сильнѣйшаго дѣйствія благодать, благодать Бога, и не только Бога Отца, но и Бога Сына? Сіе гораздо сообразнѣе съ разумомъ, нежели первое. По видимому не совсѣмъ справедливо, чтобы одинъ былъ наказываемъ за другаго; но чтобы одинъ былъ спасенъ чрезъ другаго, это гораздо приличнѣе и сообразнѣе съ разумомъ. Если же первое подтвердилось опытомъ: тѣмъ паче должно быть возможно послѣднее. Итакъ въ предыдущихъ словахъ Апостолъ доказалъ, что спасеніе чрезъ одного и справедливо и сообразно съ разумомъ; ибо когда сіе доказано, и все прочее дѣлается уже несомнѣннымъ. Въ послѣдующихъ же словахъ доказываетъ онъ уже необходимость таковаго спасенія. Посмотримъ, какіе его доводы?

(16) *Не якоже единѣмъ согрѣшшимъ, дарованіе, грѣхъ бо изъ единаго во осужденіе, даръ же отъ многихъ прегрѣшеній во оправданіе.* Что сіе значитъ? То, что одинъ грѣхъ могъ навлечь смерть и осужденіе; а благодать изгладила не только сей единый грѣхъ, но и другіе грѣхи, за нимъ слѣдовавшіе. Дабы употребленіемъ сравнительныхъ частицъ: *какъ* и *такъ*, не подать мысли, что для зла и добра берется одинакая мѣра, и дабы ты, слыша объ Адамѣ, не заключилъ, что изглаженъ только грѣхъ, сообщенный людямъ отъ Адама, Апостолъ говоритъ, что изглажены многія престу-

пленія. Изъ чего сіе видно? Изъ того, что послѣ безчисленныхъ грѣховъ, слѣдовавшихъ за грѣхомъ, учиненнымъ въ раю, все кончилось оправданіемъ. Но гдѣ оправданіе, тамъ необходимо и непремѣнно слѣдуютъ жизнь и тысячи благъ; равно какъ гдѣ грѣхъ, тамъ смерть. Ибо праведность выше жизни; она есть корень жизни. А что дарованныя блага многочисленнѣе истребленныхъ золъ, и истребленъ не одинъ первородный грѣхъ, но и всѣ прочіе грѣхи, сіе показалъ Апостолъ, сказавъ: *даръ же отъ многихъ преграшеній во оправданіе*. Симъ необходимо доказывается и то, что смерть исторгнута съ корнемъ. А поелику Апостолъ сказалъ, что благодатію даровано больше, нежели сколько повреждено грѣхомъ; то нужно было доказать также и сіе. Сперва сказалъ онъ, что если грѣхъ одного умертвилъ всѣхъ, тѣмъ паче можетъ спасти благодать одного; потомъ обнаружилъ такую мысль, что благодатію истреблень не одинъ первородный грѣхъ, но и всѣ прочіе грѣхи; даже не только истреблены грѣхи, но и дарована намъ праведность; и Христосъ не только исправилъ все то, что повреждено Адамомъ, но все сіе возстановилъ въ большей мѣрѣ и въ высшей степени. Поелику Апостолъ сказалъ такъ много, то и сдѣлалось нужнымъ привести на то сильнѣйшій доводъ. Какой же приводитъ онъ?

(17) *Аще бо единаго преграшеніемъ смерть царствова единѣмъ, множае паче избытокъ*

благодати и даръ правды пріемлюще въ жизни воцарятся единѣмъ Іисусъ Христомъ. Смыслъ словъ сихъ таковъ: что вооружило смерть противъ всѣхъ людей? То, что одинъ изъ нихъ вкусилъ отъ древа. Ежели смерть пріобрѣла такую силу чрезъ преступленіе одного; то, какъ скоро найдутся люди, которые получили благодать и праведность, несравненно превосходящія оный грѣхъ, могутъ ли они оставаться повинными смерти? Посему не сказалъ здѣсь Апостолъ: благодать, но *избытокъ благодати*. Благодатныхъ даровъ сообщено намъ не столько, чтобы истребить только грѣхъ, но гораздо больше. Мы освобождены отъ наказанія, совлеклись всѣхъ злыхъ дѣлъ, возрождены свыше, воскресли по погребеніи ветхаго человѣка, искуплены, освящены, введены въ усыновленіе, оправданы, стали братіями Единороднаго, содѣлались Его снаслѣдниками, совокупились съ Нимъ въ одно тѣло, содѣлались Его членами, соединились съ Нимъ, какъ тѣло съ главою. Все сіе Павелъ наименовалъ избыткомъ благодати, доказывая тѣмъ, что мы получили не только врачество, исцѣляющее нашу рану; но здравіе, красоту, честь, славу, и такія достоинства, которыя гораздо выше нашей природы, каждый изъ сихъ даровъ могъ бы самъ по себѣ истребить смерть. Когда же всѣ они стекаются вмѣстѣ; тогда смерть истребляется съ корнемъ, тогда не можетъ уже появиться ни слѣда, ни тѣни ея. Представь, что заимодавцу задолжалъ

кто нибудь десятью оволами, и онъ ввергаетъ въ темницу не только самаго должника, но даже жену его, дѣтей и слугъ; но приходитъ другой, и не только вноситъ тѣ десять оволовъ, но еще даритъ десять тысячь талантовъ золота, ведетъ узника въ Царскій дворецъ, сажаетъ на самомъ почетномъ мѣстѣ, осыпаетъ его почестями и отличіями; тогда давшій въ заемъ десять оволовъ позабудетъ о нихъ и думать. Точно такъ случилось съ нами. Христосъ заплатилъ гораздо больше, нежели чѣмъ мы были должны; Его уплата въ сравненіи съ долгомъ тоже, что безмѣрное море въ сравненіи съ малою каплею. Итакъ не сомнѣвайся, человѣкъ, видя такое богатство благъ, не любопытствуй знать, какъ потушена искра смерти и грѣха, когда на нее пролито цѣлое море благодатныхъ даровъ. Сіе самое разумѣлъ Павелъ, сказавъ, что пріявшіе обиліе благодати и даръ праведности будутъ царствовать въ жизни.

Послѣ яснаго на сіе доказательства Апостолъ снова употребляетъ прежнее умозаключеніе, и усиливаетъ оное повтореніемъ, говоря, что ежели всѣ наказаны за преступленіе Адама, то всѣ могутъ и оправдаться Христомъ. Итакъ продолжаетъ: (18) *тѣмъ же убо, якоже единаго прегрѣшеніемъ во вся человѣки вниде осужденіе: такожде и единаго оправданіемъ во вся человѣки вниде оправданіе жизни*, потомъ опять излагаетъ тотъ же доводъ въ другихъ словахъ: (19) *якоже бо ослу-*

шаніемъ единаго человѣка грѣшни быша мнози, сице и послушаніемъ единаго праведни будутъ мнози. Сказанное Апостоломъ ведетъ повидимому къ немаловажному вопросу, который впрочемъ, по тщательномъ вниманіи рѣшается удобно. Какой же этотъ вопросъ? Сказано, что непослушаніемъ одного человѣка многіе сдѣлались грѣшными. Правда, что нѣтъ ничего страннаго, когда всѣ произшедшіе отъ того, кто согрѣшилъ и сталъ смертенъ, учинились также смертными; но какое слѣдствіе, чтобы чрезъ его непослушаніе другой сдѣлался грѣшнымъ? тогда надобно будетъ заключить, что сей послѣдній не подлежитъ наказанію, такъ какъ не самъ собою сталъ грѣшенъ. Итакъ что значитъ здѣсь слово: *грѣшни?* По моему мнѣнію оно означаетъ людей подлежащихъ наказанію и осужденныхъ на смерть. Хотя Апостолъ доказалъ многими ясными доводами, что чрезъ смерть Адама всѣ содѣлались смертными; впрочемъ не приводитъ ни одного доказательства, почему чрезъ его непослушаніе всѣ сдѣлались грѣшными. Но сіе и не относится къ предмету его разсужденія. У Апостола идетъ споръ съ Іудеемъ, который подвергаетъ сомнѣнію и осмѣянію возможность оправдаться чрезъ одного. Посему доказавъ, что наказаніе отъ одного распространилось на всѣхъ, не присовокупилъ доказательства, почему оно распространилось. Ибо Апостолъ не говоритъ ничего лишняго, а ограничивается однимъ

необходимымъ. По правиламъ состязаній для Апостола говорить объ этомъ также было ненужно, какъ и для Іудея; почему онъ и оставляетъ вопросъ не рѣшеннымъ. А ежели кому изъ васъ желательно о томъ знать; скажемъ, что не только смерть сія и осужденіе для насъ безвредны, ежели мы будемъ бодрствовать; но даже имѣемъ выгоды въ томъ, что стали мы смертными. Первая выгода та, что грѣшимъ не въ безсмертномъ тѣлѣ; а вторая, что наша смертность доставляетъ намъ тысячи случаевъ къ любомудрію. Ибо предстоящая и ожидаемая нами смерть располагаетъ насъ быть умѣренными, цѣломудренными, воздержными, и удаляться всякаго зла. А кромѣ сего, или лучше сказать, прежде всего этого она доставила уже намъ другія многочисленныя блага. Отсюда вѣнцы мученическіе, награды Апостольскія; такъ оправдался Авель; такъ оправдался Авраамъ, принесшій на закланіе сына; такъ оправдался Іоаннъ, умерщвленный за Христа; такъ оправдались три отрока; такъ оправдался Даніилъ. Если и мы захочемъ; то не только смерть, но и самый діаволъ не возможетъ вредить намъ. Къ сему должно еще присовокупить, что насъ ожидаетъ безсмертіе, что послѣ кратковременныхъ вразумленій мы безопасно будемъ наслаждаться будущими благами, когда въ настоящей жизни, какъ бы въ нѣкоемъ училищѣ, наставленные болѣзнями, скорбями, искушеніями, нищетою, и другими, какъ называемъ

мы, бѣдствіями, содѣлаемся способными увѣоить себѣ блага сіи.

(20) *Законъ же привниде, да умножится прегрѣшеніе.* Послѣ того, какъ Апостолъ доказалъ, что родъ человѣческій осужденъ въ Адамѣ, а спасенъ и освобожденъ отъ осужденія во Христѣ, ему благовременно было возобновить разсужденіе о законѣ, и опровергнуть мнѣніе, какое объ ономъ имѣли. Законъ, говоритъ онъ, не только не принесъ никакой пользы, и не оказалъ никакого пособія, но еще съ появленіемъ его усилилась болѣзнь; впрочемъ не самый законъ былъ причиною сего, а только такъ открылось на опытѣ. Ибо законъ данъ не для умноженія грѣха, но для уменьшенія и истребленія онаго. А если вышло противное; то не по свойству закона, а по нерадѣнію принявшихъ законъ. Для чегоже не сказалъ Апостолъ: данъ законъ; а говоритъ: *законъ привниде?* Дабы показать, что законъ былъ временною потребностію, а не главною и важнѣйшею. Тоже самое говоритъ Павелъ и въ посланіи къ Галатамъ, хотя мысль сію выражаетъ иначе, а имянно: *прежде пришествія вѣры, подъ законолъ стрегоми бѣхомъ, затворени въ хотящую вѣру открытися* (Гал. III, 23). Слѣдовательно законъ берегъ спадо не себѣ, а другому. Поелику Іудеи были распочинельны, разсѣянны и любили брать подарки; то данъ имъ законъ, который бы обличалъ ихъ, ясно показывалъ, въ какомъ они находятся состояніи,

и увеличивъ вину, сильнѣе обуздывалъ. Впрочемъ не бойся; все сіе послужило не къ большему наказанію, но къ явленію большей благодати. Посему Апостолъ присовокупилъ: *идѣже умножися грѣхъ, преизбыточествова благодать*, не сказалъ: *избыточествова*, но: *преизбыточествова*. Благодать не только свободила отъ наказанія, но даровала отпущеніе грѣховъ, жизнь и другія блага, о которыхъ упоминали мы многократно. Это тоже, какъ если-бы одержимаго горячкою не только избавили отъ болѣзни, но сдѣлали красивымъ, сильнымъ и спашнымъ, или голоднаго не только накормили, но дали ему во владѣніе большое имѣніе, и возвели на высочайшую степень власти. А какимъ образомъ умножился грѣхъ, спросишь ты? Законъ далъ тысячи заповѣдей, и какъ люди преступили всѣ сіи заповѣди; то грѣхъ умножился. Видишь ли, какое различіе между закономъ и благодатію? Законъ послужилъ къ увеличенію осужденія; а благодать умножила дары. Сказавъ же о неизреченной Божіей щедрости, Апостолъ снова изслѣдываетъ начало и корень, какъ смерти, такъ и жизни. Что же составляетъ корень смерти? Грѣхъ.

Посему и сказалъ онъ: (21) *Да якоже царствова грѣхъ во смерть, такожде и благодать воцарится правдою въ жизнь вѣчную, Іисусъ Христомъ Господемъ нашимъ.* Въ сихъ словахъ Апостолъ представляетъ грѣхъ царемъ, а смерть воиномъ, который у него

въ службѣ и имъ вооруженъ. А ежели смерть вооружена грѣхомъ, то явно, что праведность, сообщаемая благодатію и уничтожающая грѣхъ, не только обезоруживаетъ смерть, но разоряетъ и ниспровергаетъ все царство грѣха, поколику праведность сильнѣе грѣха, потому что произошла не отъ человѣка или діавола, но отъ Бога и благодати, и ведетъ жизнь нашу къ совершеннѣйшему и безконечному благу. Да и самая жизнь не будетъ имѣть предѣловъ, дабы ты изъ сего яснѣе позналъ могущество благодати. Какъ грѣхъ лишилъ насъ настоящей жизни; такъ явившаяся благодать даровала намъ не настоящую только, но безсмертную и вѣчную жизнь. Все же это пріобрѣлъ намъ заслугами Своими Христосъ. Посему, имѣя праведность, не сомнѣвайся о жизни. Ибо праведность выше жизни; она есть матерь жизни.

(VI, 1) *Что убо? пребудемъ ли во грѣсѣ, да благодать преумножится? Да не будетъ.* Апостолъ опять обращается къ нравственности, но не какъ къ главному предмету рѣчи, дабы не показаться для многихъ обременительнымъ и несноснымъ, но касается оной только въ связи съ догматическимъ ученіемъ. Ибо ежели, при такомъ искусствѣ въ рѣчи, опасался ею оскорбить слушателей, почему и оговаривался: *дерзъе же писахъ вамъ отчасти* (Рим. XV, 15); то конечно скорѣе оскорбилъ бы ихъ, когда бы не употребилъ такихъ осторожностей. Итакъ онъ доказалъ, что благодать достаточна

къ уврачеванію тяжкихъ грѣховъ; но неразумные могли слова сіи счесть побужденіемъ ко грѣху. Они стали бы разсуждать: ежели благодать откры̀вается въ большей мѣрѣ, когда нами учинены тягчайшія грѣхи; то не престанемъ грѣшить, дабы обильнѣе являлась благодать. Замѣнь же, какъ Апостолъ отклоняетъ отъ такого разсужденія и мнѣнія. Сначала опровергаетъ возраженіе простымъ отрицаніемъ, сказавъ: *да не будетъ*, какъ обыкновенно выражается о чемъ нибудь по общему признанію крайнѣ нелѣпомъ. А потомъ приводитъ неопровергаемое доказательство. Какое же?

(2) *Иже бо умрохомъ грѣху, како еще жити будемъ въ немъ?* Что значитъ: *умрохомъ?* То ли, что всѣ мы подпали тому же приговору, какой произнесенъ противъ грѣха? Или то, что мы, увѣровавъ и просвѣтившись, стали мертвы для грѣха? Вѣрнѣе принять послѣднее, какъ видно сіе и изъ послѣдующаго. Что же значитъ: стать мертвымъ для грѣха? Ни въ чемъ болѣе не слушаться грѣха. Хотя крещеніе совершило уже сіе однажды навсегда, то есть, умертвило насъ грѣху; впрочемъ мы обязаны непрестанно употреблять все свое раченіе, чтобы оставаться въ томъ же состояніи, и чтобы ни приказывалъ намъ грѣхъ не только не повиноваться ему, но даже не трогаться съ мѣста, подобно мертвецу. Но ежели въ другихъ мѣстахъ Апостолъ говоритъ, что умеръ самый грѣхъ; то такимъ выраже-

нiемъ хочетъ показать, сколь удобно для насъ слѣдовать добродѣтели. Здѣсь же, дабы скорѣе возбудить слушателя, къ нему самому относитъ смерть. И какъ предъидущія слова были несовершенно ясны; объясняетъ тоже самое въ другой разъ и въ выраженіяхъ болѣе сильныхъ.

(3). *Или не разумѣете братія*, говоритъ онъ, *яко елицы во Христа крестихомся, въ смерть Его крестихомся;* (4) *спогребохомся убо Ему крещеніемъ въ смерть.* Что значитъ: *въ смерть Его крестихомся?* То, что и мы должны умереть, какъ Онъ. Ибо крещеніе есть крестъ. Чѣмъ для Христа были крестъ и гробъ; тѣмъ для насъ стало крещеніе, хотя и въ другомъ отношеніи. Ибо Христосъ умеръ и погребенъ плотію, а въ насъ умеръ и погребенъ грѣхъ. Посему Апостолъ не сказалъ: *снасаждени* смерти; но: *подобію смерти.* Ибо то и другое есть смерть, но умерщвляемое не одно и тоже; во Христѣ—плоть, а въ насъ—грѣхъ. Какъ во Христѣ, такъ и въ насъ смерть есть истинная. Но хотя грѣхъ и истинно въ насъ умираетъ чрезъ крещеніе, однакожъ надобно, чтобъ мы и сами содѣйствовали къ умерщвленію его.

Посему Апостолъ присовокупилъ: (4) *да якоже воста Христосъ отъ мертвыхъ славою Отчею, тако и мы во обновленіи жизни да ходимъ.* Въ сихъ словахъ не только дается правило для жизни, но заключается также ученіе о воскресеніи. Какъ же? Ты вѣришь,

спрашиваешь Апостолъ, что Христосъ умеръ и воскресъ? Посему вѣрь и собственному воскресенію. Ибо и въ этомъ уподобляешься Христу; и тебѣ предлежитъ крестъ и гробъ. А если ты участвуешь въ смерти и погребеніи; тѣмъ паче будешь участвовать въ воскресеніи и жизни. Когда освобожденъ ты отъ большаго—отъ грѣха; нѣтъ причины сомнѣваться въ меньшемъ—въ уничтоженіи смерти. Но Апостолъ таковыя разсужденія предоставляетъ до времени собственному разумѣнію слушателей; а самъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы, въ ожиданіи будущаго воскресенія, воскресли инымъ образомъ, именно, чтобы мы въ настоящей жизни, измѣнивъ прежніе нравы, стали слѣдовать новымъ правиламъ. Ибо когда блудникъ дѣлается цѣломудреннымъ, сребролюбецъ нищелюбивымъ, жестокосердый кроткимъ; тогда еще здѣсь въ человѣкѣ совершается воскресеніе, служащее началомъ будущаго. Въ какомъ же смыслѣ называется сіе воскресеніемъ? Въ такомъ, что грѣхъ умерщвленъ, а праведность воскресла; ветхая жизнь упразднилась, а начата жизнь новая и Ангельская. Когда же слышишь о новой жизни; разумѣй подъ симъ великую перемѣну, большее превращеніе.

Но мнѣ оспается плакать и тяжко воздыхать, когда представлю себѣ и высоту любомудрія, какового требуетъ отъ насъ Павелъ, и ту безпечность, какой предаемся мы сами, мы, которые послѣ крещенія возвращаемся въ

прежнее состояніе дряхлости, идемъ снова въ Египетъ, и послѣ манны воспоминаемъ объ Египетскомъ лукѣ. Чрезъ десять, или двадцать дней по принятіи крещенія мы уже перемѣняемся, и снова беремся за прежнія дѣла. Но Павелъ требуетъ отъ насъ добраго поведенія не на извѣстное число дней, а на цѣлую жизнь нашу. А мы возвращаемся на прежнюю блевотину, и послѣ того, какъ объюнѣли благодатію, впадаемъ снова въ грѣховную дряхлость. Ибо привязанность къ деньгамъ, раболѣпство гнуснымъ вожделѣніямъ и всякій вообще грѣхъ предающагося оному дѣлаетъ обыкновенно старымъ. А состарѣвшееся и одряхлѣвшее близко къ разрушенію. Менѣе, гораздо менѣе тѣло изнемогаетъ отъ времени, нежели душа разслабѣваетъ и упадаетъ въ силахъ отъ множества грѣховъ. Грѣхъ дѣлаетъ, что она выживаетъ изъ ума, начинаетъ говорить не внятно, подобно дряхлому старику, или помѣшанному въ умѣ, дѣлается многомокротною, страждетъ оцѣпѣненіемъ, забывчивостію, гноетеченіемъ изъ глазъ, становится отвратительною для людей и подручною діаволу. Такова душа грѣшника, и не такова душа Праведника, а напротивъ юна и бодра, всегда въ полномъ цвѣтѣ возраста, всегда готова ко всякой борьбѣ и брани. Но душа грѣшника, и при слабомъ нападеніи, тотчасъ падаетъ и погибаетъ. Сіе выразилъ Пророкъ, сказавъ, что *яко прахъ, его же возметаетъ вѣтръ отъ лица*

земли (Псал. I, 4), такъ непостоянны и подвержены всякому нападенію живущіе во грѣхахъ. Ихъ зрѣніе слабо, слухъ тяжелъ, выговоръ не внятенъ, на каждомъ словѣ заикаются, ротъ всегда полонъ слюны, и еще не столько было бы отвратительно, если бы это была одна слюна; напротивъ точатъ они рѣчи зловоннѣйшія всякаго помета, и что всего несноснѣе, будучи не въ силахъ выхаркнуть мокротины такихъ рѣчей, которая сгустилась и не отдѣляется, безъ всякой опрятности вытаскиваютъ руками и растираютъ. Вѣроятно вы чувствуете отвращеніе, слыша мое описаніе; пѣмъ отвратительнѣе самый предметъ. Ежели не пріятно сіе видѣть на тѣлѣ; то гораздо не пріятнѣе въ душѣ. Таковъ былъ юноша, который, расточивъ все свое имущество, дошелъ до послѣдней крайности, и сдѣлался разслабленнѣе всякаго больнаго и помѣшаннаго въ умѣ. Но какъ скоро родилось въ немъ желаніе; достаточно было одного произволенія и перемѣны мыслей, чтобы стать опять юнымъ. Какъ скоро сказалъ: ворочусь *къ отцу моему* (Лук. XV, 18); одно сіе слово, или правильнѣе сказать, дѣйствіе, приложенное къ слову, доставило ему всѣ блага. Ибо сказавъ: пойду; не остался на мѣстѣ; но сказалъ, пошелъ и совершилъ весь путь свой. Поступимъ такъ и мы. Если будемъ увлечены на чужую сторону; то возвратимся въ отеческій домъ и не поскучаемъ дальностію пути. Ежели только

захотимъ; наше возвращеніе будетъ не трудно и весьма скоро. Покинемъ только чужую, не родную намъ сторону, то есть, грѣхъ, который далеко отводитъ насъ отъ родительскаго дома. Итакъ покинемъ грѣхъ, чтобъ скорѣе возвратиться подъ отеческій кровъ. Отецъ сердоболенъ, и не меньше, а еще болѣе полюбитъ насъ кающихся, чѣмъ угождавшихъ Ему. Такъ и блуднаго сына отецъ удостоилъ тогда большей чести, и нашедшемуся сыну обрадовался въ большей мѣрѣ. Но какъ воротиться мнѣ, спрашиваешь? Положи только начало дѣла, и все уже сдѣлано. Остановись въ порочной жизни, и не заходи далѣе; и ты уже все получилъ. Какъ для больнаго и то уже составляетъ начало облегченія, если не дѣлается ему хуже; такъ бываетъ и съ грѣшникомъ. Не заходи далѣе, и власть порока надъ тобою кончится. Ежели въ продолженіе двухъ дней не сдѣлаешь ничего худаго; то на третій будетъ для тебя легче воздержаться. А къ тремъ днямъ не трудно приложить десять, потомъ двадцать, потомъ сто, потомъ цѣлую жизнь. Чѣмъ далѣе подвинешься впередъ, тѣмъ легче будетъ казаться путь твой, наконецъ достигнешь самой вершины, и тогда вдругъ насладишься многими благами. И при возвращеніи блуднаго сына явились свирѣли, гусли, лики, пиршества и празднества. Кому слѣдовало попребовать у сына отчета въ безвременной расточительности и въ долговременномъ пребываніи внѣ

родительскаго дома, отецъ не показалъ никакой строгости, но принялъ его какъ добраго, не сказалъ ему ни одного укоризненнаго слова; даже не показалъ вида, что помнитъ прежнее его поведеніе, а напротивъ обрадовался, поцѣловалъ его, закололъ теленка, далъ ему одежду и нарядилъ его. Имѣя передъ глазами такіе примѣры, вооружимся смѣлостію, и не будемъ отчаяваться. Богъ не столько радуется, когда называютъ Его Владыкою, сколько, когда именуютъ Отцемъ; не столько, когда пріобрѣтаетъ раба, сколько, когда пріобрѣтаетъ сына; да Ему и угоднѣе имѣть сына, чѣмъ раба. Все что ни дѣлалъ Онъ, — дѣлалъ для сего единственно; для того не пощадилъ Единороднаго Своего, чтобы мы получили усыновленіе, чтобы мы возлюбили Его не столько какъ Владыку, сколько какъ Отца. И ежели успѣетъ склонить насъ къ такой любви, превозносится тѣмъ, какъ будто сіе служитъ къ славѣ Его; всѣмъ о томъ объявляетъ, хотя не имѣетъ нужды ни въ чемъ нашемъ. Такъ обходился Богъ съ Авраамомъ, непрестанно повторялъ: *Я* Богъ Авраамовъ, Исааковъ и Іаковлевъ. Слугѣ было прилично хвалиться именемъ Господина; а теперь Господинъ хвалится именами слугъ. Такъ и Петра спрашиваетъ: *любиши ли Мя паче сихъ* (Іоан. XXI, 15)?—показывая тѣмъ, что кромѣ любви ничего отъ насъ не требуетъ. Такъ и Аврааму велѣлъ принести сына въ жертву, дабы всѣ видѣли, какъ сильно

любитъ его Патріархъ. А желаніе быть сильно любимымъ происходитъ отъ сильной любви. Посему и Апостоламъ говорилъ Христосъ: *Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ.* (Матѳ. X, 37). Посему, хотя всего къ намъ ближе душа наша, однакожъ Богъ велитъ любить ее менѣе, нежели Его Самаго. Ибо хочетъ, чтобы мы любили Его выше всякой мѣры. И мы, къ кому не слишкомъ расположены, отъ того не пребуемъ сильной привязанности, сколько бы онъ высокъ и знаменитъ ни былъ. А кого любимъ горячо и искренно, хотя онъ человѣкъ ничего не стоющій и низкій, однакожъ взаимную его любовь считаемъ для себя величайшею честію. Такъ и Христосъ вмѣнилъ Себѣ въ славу не только быть нами любимымъ, но и терпѣть за насъ поношеніе. Но ежели претерпѣнное Имъ по одной любви славно; то претерпѣваемое за Него нами не по одной любви, но также по величію и достоинству Любимаго нами, и должно назвать славнымъ, и дѣйствительно славно. Итакъ когда, въ надеждѣ самыхъ высокихъ почестей, подвергаемся за Него опасностямъ; не будемъ считать для себя тяжкими ни бѣдность, ни болѣзнь, ни поруганіе, ни клевету, ни самую смерть; если только терпимъ все сіе за Него. Если будемъ бодрствовать; изъ всего этого извлечемъ величайшія выгоды; а если не будемъ бодрствовать, никакой не получимъ пользы и въ противныхъ тому обстоятельствахъ. Вредитъ ли

кто тебѣ? враждуетъ ли кто на тебя? Онъ учитъ тебя бодрелвованію, доставляетъ тебѣ случай содѣлаться подобнымъ Богу. Любя злоумышляющаго противъ тебя, уподобишься Тому, Кто *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія* (Матѳ. V, 45). Отнимаетъ ли кто у тебя имущество? Если перенесешь сіе великодушно, получишь туже награду, какую получаетъ раздавшій все нищимъ. Ибо Апостолъ говоритъ: *и разграбленіе имѣній вашихъ съ радостію пріясте, вѣдяще имѣніе на небесѣхъ пребывающее и лучшее* (Евр. X, 34). Говоритъ ли кто о тебѣ худо, и злословитъ тебя? Хотя сіе правда, хотя ложь; но ты сплелъ себѣ славнѣйшій вѣнецъ, когда перенесъ укоризну равнодушно. Клеветникъ тебѣ же готовитъ большую награду. *Радуйтеся, и веселитеся*, сказано, *егда рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще; яко мзда ваша многа на небесѣхъ*, (Матѳ. V, 11 и 12.) кто говоритъ о насъ правду, доставляетъ намъ большую пользу, если только слова его переносимъ великодушно. Фарисей отзывался о Мытарѣ худо, но говорилъ правду, и въ этомъ случаѣ поступилъ въ разсужденіи его справедливо. Но нужно ли перечислять всѣ случаи? Можно въ подробности узнать все сіе, приведя себѣ на память подвиги Іова. Посему и Павелъ сказалъ: *аще Богъ по насъ, кто на ны* (Рим. VIII, 31)? Если будемъ рачительны, и непріятное для насъ содѣлается полезнымъ. А если устранемся

въ безпечности, и полезное не сдѣлаетъ насъ лучшими. Скажи мнѣ: принесло ли Іудѣ пользу, что онъ жилъ со Христомъ? Полезенъ ли былъ Іудеямъ законъ? Адаму рай? Евреямъ въ пустынѣ Моисей? Посему, оставивъ все прочее, надлежитъ обратить вниманіе на то единственно, чтобы благоустроить себя самихъ. Если въ этомъ успѣемъ; самъ діаволъ не въ состояніи будетъ одолѣть насъ, а напротивъ сдѣлаетъ еще пользу намъ, что пріобучитъ насъ бодрствованію. Такъ и Павелъ побуждалъ къ бдительности Ефесеянъ тѣмъ, что изобразилъ лютость діавола. Но мы предаемся крѣпкому сну; предаемся сну—когда имѣемъ столь лукаваго противника. Узнавъ, что змія припаилась у нашей постели, конечно приложили бы мы все стараніе убить ее. А когда діаволъ закрался къ намъ въ душу; думаемъ, что съ нами не случится ничего худаго, а между тѣмъ уже пали. И сія неосторожность происходитъ отъ того, что діавола не видимъ тѣлесными очами, хотя по сему самому должно быть намъ бдительнѣе и осторожнѣе. Ибо отъ видимаго врага и спасшися легче; а невидимаго съ трудомъ избѣгнетъ и тотъ, кто весь вооруженъ съ головы до ногъ. Тѣмъ еще труднѣе избѣжать діавола, который не любитъ сражаться открыто, дабы не попасться самому; а напротивъ часто подъ видомъ дружбы впускаетъ жестокій ядъ свой. Такъ отравилъ онъ жену Іова, и внушилъ ей злой совѣтъ, прикрытый личиною супружеской

любви. Такъ въ бесѣдѣ съ Адамомъ притворяется, что заботится и радѣетъ о немъ, и говоритъ: *отверзутся очи ваши, въ оньже аще день снѣсте отъ древа* (Быт. III, 5). Такъ Іеффаю подъ видомъ благочестія внушилъ умертвить дочь, и принести беззаконную жертву. Примѣчаешь ли козни его? примѣчаешь ли различныя нападенія? Итакъ будь остороженъ, огради себя отвсюду духовнымъ оружіемъ, постарайся подробнѣе узнать всѣ его бранные снаряды, дабы самому тебѣ не попасться въ плѣнъ, а его захватить безъ труда. Такъ Павелъ твердо зналъ всѣ ухищренія діавола; потому и одолѣлъ его, о чемъ самъ говоритъ: *не не разумѣваемъ бо умышленій его* (2 Кор. II, 11). Подобнымъ образомъ постараемся и мы вызнать злые умыслы діавола, и избѣгать оныхъ, дабы, одержавъ надъ нимъ побѣду, заслужить похвалу и въ настоящей жизни и въ будущемъ вѣкѣ, и получить нетлѣнныя блага по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава, держава, честь нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь!

БЕСѢДА 11.

VI, 5. *Аще бо снасаждени быхомъ подобію смерти Его, то и воскресенію будемъ.*

Теперь замѣть тоже, о чемъ говорилъ я и выше, а именно, что Апостолъ въ посланіи

къ Римлянамъ весьма часто переходитъ къ нравственному ученію; не такъ какъ въ другихъ посланіяхъ, раздѣливъ каждое на двѣ части, первую посвящаетъ догматическому ученію, а во второй занимается уроками для нравственности. Напротивъ посланіе къ Римлянамъ расположено иначе; въ немъ отъ начала до конца попеременно излагаются то догматы, то нравственность; и сей порядокъ употребляетъ Апостолъ, дабы слово его было благопріятно. Итакъ онъ разумѣетъ здѣсь два умерщвленія и двѣ смерти. Одно совершается Христомъ въ крещеніи, а другое обязаны совершить мы сами своею рачительностію послѣ крещенія. Что въ крещеніи погребены прежніе наши грѣхи, это есть Христовъ даръ; а чтобы послѣ крещенія пребывать мертвыми для грѣха, сіе должно быть дѣломъ собственнаго нашего раченія; хотя и въ семъ подвигѣ, какъ увидимъ, всего болѣе помогаетъ намъ Богъ. Ибо крещеніе имѣетъ силу не только заглаждать прежнія согрѣшенія, но и ограждать отъ будущихъ. Какъ для заглажденія прежнихъ грѣховъ ты съ своей стороны употребилъ вѣру; такъ, чтобы не осквернялся грѣхами по крещеніи, яви перемѣну въ расположеніи. Сіе самое и подобное внушаетъ Апостолъ въ словахъ: *аще бо снасаждени быхомъ подобію смерти Его, то и воскресенію будемъ.* Видишь ли, какъ восторгаетъ вдругъ слушателя тѣмъ, что возводитъ его къ Господу и старается доказать

великое сходство между ними! А дабы ты не спалъ отрекаться, несказалъ Апостолъ: *смерти*; но: *подобію смерти.* Ибо въ тебѣ не самая сущность умерла, а умеръ грѣховный человѣкъ, т. е. злоба. Не сказалъ также Апостолъ: аще бо пріобщились подобію смерти; но какъ же говоритъ? *аще бо снасаждени быхомъ;* словомъ: насажденіе, указываетъ на плодъ онаго въ насъ. Какъ Христово тѣло, погребенное въ землѣ, принесло плодъ,—спасеніе міра; такъ и наше тѣло, погребенное въ крещеніи, принесло плодъ—правду, освященіе, усыновленіе и безчисленныя блага, а напослѣдокъ принесетъ также даръ воскресенія. Ибакъ поелику мы погребены въ водѣ, а Христосъ въ землѣ; нашъ погребенъ грѣхъ, а Его тѣло: то Апостолъ не сказалъ: снасаждени быхомъ смерти, но: *подобію смерти.* Хотя то и другое есть смерть; впрочемъ не одно и тоже умерщвлено ею. *Аще же снасаждени быхомъ смерти*, говоритъ Апостолъ, *и воскресенію будемъ.* Здѣсь разумѣетъ онъ будущее воскресеніе. Какъ выше, когда разсуждалъ о смерти, и говорилъ: *или не разумѣете*, братія, *яко елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся*, разумѣлъ не воскресеніе собственно, а образъ жизни по крещеніи, повелѣвъ *ходить въ обновленіи жизни*; такъ теперь, употребивъ тоже выраженіе, предвѣщаетъ уже намъ о будущемъ воскресеніи. А дабы ты разумѣлъ, что точно говоритъ о будущемъ воскресеніи,

а не о воскресеніи въ крещеніи, сказавъ: *аще снасаждени быхомъ подобію смерти Его*, не говоритъ: по и подобію воскресенія снасаждени будемъ; а выражается просто: *и воскресенію будемъ*. Ты могъ бы возразить, если мы не умерли, какъ умеръ Христосъ, то можно ли намъ воскреснуть, какъ Онъ воскресъ? По сей причинѣ Апостолъ, когда упоминалъ о смерти, не сказалъ: снасаждени быхомъ смерти, но: *подобію смерти*; а когда говоритъ о воскресеніи, не вводитъ соотвѣтственнаго выраженія: подобію воскресенія, но выражается прямо: *и воскресенію будемъ*. И опять не сказалъ: быхомъ, но: *будемъ*, чѣмъ даетъ знать, что разумѣетъ здѣсь не бывшее уже, но будущее воскресеніе.—

Потомъ, желая придать болѣе достовѣрности словамъ своимъ, указываетъ на другое воскресеніе, совершающееся здѣсь прежде будущаго, дабы ты по настоящему увѣровалъ и въ будущее. Ибо сказавъ, что *снасаждени воскресенію будемъ*, присовокупилъ: (6) *Сіе вѣдяще, яко ветхій нашъ человѣкъ съ нимъ распятся, да упразднится тѣло грѣховное*. Здѣсь представлены вмѣстѣ причина и доказательство будущаго воскресенія. Апостолъ не просто сказалъ: *распятся*, но: *съ нимъ распятся*; и симъ сближаетъ онъ крещеніе и крестъ. Такъ и выше говорилъ: *снасаждени быхомъ подобію смерти Его, да упразднится тѣло грѣховное*, разумѣя подъ тѣломъ

грѣховнымъ не сіе наше тѣло, но всѣ наши пороки. Какъ именемъ ветхаго человѣка означаетъ вообще все, что есть въ человѣкѣ злаго; такъ тѣломъ ветхаго человѣка именуетъ опять злое, слагающееся изъ разныхъ видовъ порока. И говорю сіе не по догадкѣ; послушай, какъ самъ Павелъ объясняетъ то далѣе. Сказавъ: *да упразднится тѣло грѣховное*, онъ присовокупилъ; яко *ктому не работати намъ грѣху*. Желаю, чтобы тѣло было мертво, но не въ томъ смыслѣ, чтобы оно разрушилось и погибло естественною смертію, а въ томъ, чтобы не грѣшило.—

Еще болѣе объясняетъ сіе Апостолъ въ слѣдующихъ словахъ: (7) *Умерый бо*, говоритъ онъ, *свободися отъ грѣха*. Сіе сказано о цѣломъ человѣкѣ. Какъ умершій свободенъ отъ возможности грѣшить уже тѣмъ самымъ, что лежитъ мертвъ; такъ и вышедшій изъ купѣли крещенія. Ибо какъ скоро однажды тамъ умеръ, долженъ навсегда оставаться мертвымъ для грѣха. Инакъ если ты умеръ въ крещеніи, оставайся мертвымъ; потому что всякій умершій не можетъ уже грѣшить. А ежели ты грѣшишь; уничижаешь тѣмъ даръ Божій.—

Такимъ образомъ обязавъ насъ къ высокому любомудрію, Апостолъ немедленно указываетъ намъ и на вѣнецъ подвига, говоря: (8) *Аще же умрохомъ со Христомъ*. Имѣть что нибудь общее съ Господомъ, безъ всякаго вѣнца, само по себѣ есть уже славнѣйшій вѣнецъ. Впрочемъ,

говоритъ Апостолъ, я предлагаю тебѣ другую награду. Какую же? Вѣчную жизнь. Ибо говоритъ онъ: вѣруемъ, яко и живи будемъ съ Нимъ. Откуда же сіе явствуетъ?

(9) *Вѣдяще, яко Христосъ воста отъ мертвыхъ, ктому уже не умираетъ.* Смотри, съ какою опять настоятельностію Апостолъ доказываетъ свое положеніе отъ противнаго. Поелику крестъ и смерть, какъ и естественно было, приводили нѣкоторыхъ въ страхъ, то доказываетъ, что они-то и должны укрѣплять въ надеждѣ. Ежели Христосъ умеръ однажды, разсуждаетъ Павелъ, не заключай изъ того, что Онъ смертенъ; напротивъ по сему самому Онъ пребываетъ безсмертнымъ. Смерть Его была смертію смерти. Поелику умеръ; то и не умираетъ.

И сею смертію (10) *грѣху умре.* Что значитъ: грѣху? То, что Самъ по Себѣ не былъ повиненъ смерти, а умеръ за нашъ грѣхъ. Для того и умеръ, чтобы истребить грѣхъ, подрѣзать ему жилы, отнять у него всю силу. Примѣчаешь ли, сколько устрашилъ Апостолъ? Ежели Христосъ не умираетъ въ другой разъ; то нѣтъ и втораго крещенія. А если нѣтъ втораго крещенія; бойся поползнуться на грѣхъ. Все сіе говоритъ Апостолъ противъ умствовавшихъ: *сотворимъ злая, да пріидутъ благая,* или: *пребудемъ во грѣсѣ, да благодать пріумножится.* Итакъ все, доселѣ сказанное, клонилось къ тому, чтобы искоренить

таковое мнѣніе. *А еже живетъ*, продолжаетъ Апостолъ; *Богови живетъ*, т. е. вѣчно, такъ что смерть не имѣетъ уже надъ нимъ власти. Ежели Христосъ претерпѣлъ первую смерть, не бывъ повиненъ смерти, но за грѣхъ другихъ: тѣмъ паче не умретъ Онъ нынѣ по истребленіи Имъ грѣха. Тоже самое выразилъ Павелъ и въ посланіи къ Евреямъ. Ибо говоритъ: *единою въ кончину вѣковъ, во отметаніе грѣха, жертвою своею явися. И якоже лежитъ человѣкомъ единою умрети, тако и Христосъ единою принесеся, во еже вознести многихъ грѣхи, второе безъ грѣха явится ждущимъ Его во спасеніе* (Евр. IX, 26, 27 и 28). Апостолъ показываетъ, какъ силу жизни по Богѣ, такъ и могущество грѣха. Силу жизни по Богѣ тѣмъ, что Христосъ уже не умираетъ; а могущество грѣха тѣмъ, что онъ довелъ до смерти Безгрѣшнаго; слѣдовательно, какъ не довесть ему до погибели виновныхъ?

А когда Апостолъ разсуждалъ о жизни Христовой, то дабы не сказалъ кто, какое отношеніе этого разсужденія къ намъ, онъ присовокупилъ далѣе: (11) *такожде и вы помышляйте себе мертвыхъ убо быти грѣху, живыхъ же Богови.* Хорошо сказалъ: *помышляйте*; потому что сего представить на видъ пока не льзя. О чемъ же мы должны помышлять, по слову Апостола? *Мертвыхъ себе быти грѣху, живыхъ же Богови о Христѣ*

Іисусѣ Господи нашемъ. Живущій для Бога преспѣетъ во всякой добродѣтели, потому что имѣетъ споборникомъ самаго Іисуса; сіе значитъ: *о Христѣ.* Ежели Онъ воскресилъ насъ, когда были еще мертвы; тѣмъ паче возможетъ поддержать, когда мы спали живы.—

(12) *Да не царствуетъ убо грѣхъ въ мертвенѣмъ вашемъ тѣлѣ, во еже послушати его въ похотѣхъ его.* Не сказалъ Апостолъ: да не живетъ, или: да не дѣйствуетъ плоть; но: да не царствуетъ грѣхъ. Христосъ пришелъ не упразднить природу, но исправить волю. Сверхъ сего Апостолъ хочетъ показать, что мы удерживаемся во власти пороковъ не насильно и принужденно, а по собственному произволу; посему не сказалъ: да не тиранствуетъ, что означало бы принужденность, но: *да не царствуетъ.* Ибо нелѣпо было бы руководимымъ въ небесное царствіе имѣть царемъ грѣхъ, и призваннымъ царствовать со Христомъ желать быть плѣнниками грѣха. Точно также, какъ если бы кто сложивъ съ головы діадиму захотѣлъ раболѣпствовать сумасшедшей нищей одѣтой въ рубище женщинѣ. Поелику же тяжело преодолѣвать грѣхъ; то смотри, какъ Апостолъ и легкость показалъ и въ трудѣ ушѣшилъ, сказавъ: *въ мертвенѣмъ вашемъ тѣлѣ.* Симъ даетъ онъ знать, что подвиги временны и скоро прекратятся. А вмѣстѣ напоминаетъ намъ о прежнихъ злыхъ дѣлахъ и о самомъ корнѣ смерти. Ибо и въ началѣ тѣло

сдѣлалось смертнымъ чрезъ грѣхъ. Но имѣя и смертное тѣло можно не грѣшить. Видишь ли все блаженство Христовой благодати? Адамъ палъ, имѣлъ тѣло не смертное; а ты можешь быть увѣнчаннымъ, получивъ въ удѣлъ тѣло, подверженное смерти. А какимъ образомъ, по разумѣнію Апостола, царствуетъ грѣхъ? Не собственною силою, но по твоей безпечности. Посему сказавъ: *да не царствуетъ*, объясняетъ самый образъ сего царствованія, присовокупивъ слѣдующія слова: *во еже послушати его въ похотьхъ его.* Нѣтъ чести уступить тѣлу власть и все прочее, но напротивъ крайнее рабство и верхъ безчестія. Когда оно дѣлаетъ, что ему угодно, тогда лишается всей свободы: а когда не даютъ ему воли, тогда преимущественно сохраняетъ оно свое достоинство.—

(13) *Ниже представляйте уды ваша оружія неправды греху, но оружія правды.* Итакъ тѣло служитъ средствомъ и къ пороку и къ добродѣтели, подобно какъ и оружіе: сіе послѣднее пригодно и на худое и на доброе, смотря потому, у кого въ употребленіи. Такъ однимъ и тѣмъ же оружіемъ дѣйствуютъ и воинъ, подвизающійся за отечество, и разбойникъ, вооружающійся противъ гражданъ. Слѣдственно не виновно никакое оружіе, а виновенъ тотъ, кто употребляетъ оное во зло. Тоже самое надлежитъ сказать о плоти; не по собственной природѣ, а по расположенію души она

бываетъ тѣмъ и другимъ. Когда ты съ жадностію смотришь на чужую красоту, глазъ дѣлается оружіемъ неправды не по собственному своему дѣйствію, но по лукавству управляющаго имъ помысла; потому что дѣло глаза смотрѣть, а не смотрѣть лукаво. Обуздай помыслъ, и глазъ сдѣлается оружіемъ правды. Тоже должно сказать объ языкѣ, о рукахъ и о прочихъ членахъ. И Апостолъ весьма хорошо наименовалъ грѣхъ неправдою. Кто грѣшитъ, тотъ несправедливо поступаетъ, или въ разсужденіи себя самаго, или въ разсужденіи ближняго, но гораздо больше въ разсужденіи себя, чѣмъ въ разсужденіи ближняго. Посему Апостолъ отводя отъ пороковъ, ведетъ къ добродѣтели, и говоритъ: *но представляйте себе Богови, яко отъ мертвыхъ живыхъ*. Смотри, какую силу увѣщанію своему придаетъ самыми словами; тамъ наименовалъ грѣхъ, а здѣсь именуетъ Бога. Ибо для того указываетъ на такое различіе между царствующими, чтобы лишить всякаго извиненія воина, который оставилъ Бога и пожелалъ подчиниться царству грѣха. Впрочемъ Апостолъ доказываетъ неизвинительность не одною сею противоположностію, но и слѣдующими словами: *яко отъ мертвыхъ живыхъ*. Симъ выражаетъ всю гибельность грѣха и величіе Божія дара. Приведите себѣ на мысль, говоритъ онъ, что были вы прежде, и что стали теперь? Что же вы были? Мертвецы, и притомъ погибшіе такою

погибелью, отъ которой не было возможности избавиться: ибо никто не въ состояніи былъ помочь вамъ. И какими же вы стали изъ сихъ мертвецовъ? Безсмертно-живыми. Чрезъ кого? Чрезъ Всемогущаго Бога. И такъ долгъ требуетъ подчиниться Ему съ такимъ усердіемъ, какое свойственно содѣлавшимся изъ мертвыхъ живыми. *И уды ваша оружія правды Богови.* Слѣдовательно тѣло не есть что либо худое, когда оно можетъ сдѣлаться оружіемъ правды. Говоря же объ оружіи, Апостолъ даетъ знать, что наступила тяжкая брань. Посему намъ нужны, крѣпкое вооруженіе, духъ мужественный и хорошо знающій то, что потребно для браней такого рода, а всего нужнѣе вождь. Но Сей Вождь уже съ нами; Онъ всегда готовъ споборать намъ и никогда непобѣдимъ, и намъ приготовилъ крѣпкое оружіе. Отъ насъ требуется только произволеніе употреблять оное, какъ должно, т. е. повинуясь Вождю, дѣйствовать оружіемъ за отечество.—

Послѣ сихъ важныхъ совѣтовъ, напомнивъ воину объ оружіи, борьбѣ и брани, Апостолъ одушевляетъ еще его мужествомъ и ревностію, говоря: (14) *Грѣхъ бо вами да не обладаетъ: нѣсте бо подъ закономъ, но подъ благодатію.* А ежели грѣхъ нами уже не обладаетъ; то для чего Апостолъ увѣщевалъ прежде: *да не царствуетъ грѣхъ въ мертвенѣмъ вашемъ тѣлѣ, ниже представляйте уды ваша оружія неправды грѣху?* Что значитъ

сіе? Апостолъ, подобно зерну, бросаетъ здѣсь слово, которое въ послѣдствіи разкроетъ и обработаетъ со всѣмъ искусствомъ. Какое же это слово? Тѣло наше до пришествія Христова было подручно грѣху. Въ слѣдъ за смертію покрылъ оное многочисленный рой страстей, и оно содѣлалось крайне неспособнымъ итти путемъ добродѣтели. Не было еще ни вспомоществующаго духа, ни крещенія могущаго умерщвлять. Подобно необузданному коню оно бѣжало и часто совращалось съ надлежащаго пути; потому что законъ, хотя предписывалъ, что дѣлать и чего не дѣлать, впрочемъ кромѣ словесныхъ увѣщаній не оказывалъ ни малѣйшаго пособія подвижникамъ. По пришествіи же Христовомъ борьба сдѣлалась легче. Потому намъ, какъ имѣющимъ большія пособія, назначены труднѣйшіе подвиги. Посему и Христосъ сказалъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидите въ царствіе небесное.* Но Апостолъ въ послѣдствіи говоритъ о семъ яснѣе; здѣсь же даетъ пока краткіе намеки, внушая, что если не слишкомъ будемъ уступать грѣху, то онъ насъ не одолѣетъ. Давать заповѣди свойственно не одному закону, но и благодати, которая прощаетъ прежнее и укрѣпляетъ для будущаго. Законъ обѣщаетъ вѣнцы послѣ трудовъ; а благодать сперва увѣнчала, а потомъ призвала къ подвигамъ. Но, по моему мнѣнію, здѣсь не разумѣется цѣлая жизнь вѣрующаго, а идетъ только срав-

неніе между крещеніемъ и закономъ. Такъ говоритъ Апостолъ и въ другомъ мѣстѣ, что *писмя убиваетъ, а Духъ животворитъ* (2. Кор. III, 6). Законъ обличаетъ преступленіе, а благодать прощаетъ преступленіе. Какъ обличающій законъ утверждаетъ грѣхъ; такъ прощающая благодать не оставляетъ подъ грѣхомъ, и человѣкъ въ двоякомъ отношеніи освобождается отъ мучительства грѣха; потому что не находится уже подъ закономъ, и пользуется благодатію.

Успокоивъ слушателя предъидущими словами, Апостолъ ограждаетъ его совѣтомъ, который предлагаетъ въ видѣ возраженія, говоря такъ: (15) *что убо? согрѣшимъ ли, зане нѣсмы подъ закономъ, но подъ благодатію? да не будетъ.* Хотя сначала Апостолъ на предложенный вопросъ, какъ крайне нелѣпый, отвѣтствуетъ просто оприцаніемъ; впрочемъ въ послѣдствіи не считаетъ лишнимъ дать свой совѣтъ и доказать, что подвиги не трудны; почему и говоритъ:

(16) *Не вѣсте ли, яко ему же представляете себе рабы въ послушаніе, рабы есте, егоже послушаете, или грѣха въ смерть, или послушанія въ правду?* Не говорю уже, разсуждаетъ Апостолъ, о геенѣ и о тяжкомъ будущемъ наказаніи; но воображаю только вашъ стыдъ, когда станете рабами, рабами по своей волѣ, рабами грѣха, и за такую цѣну, чтобы снова умереть. Ежели до крещенія грѣхъ произвелъ

тѣлесную смерть, и рана требовала такого врачеванія, чтобы Владыка всяческихъ принялъ смерть, и тѣмъ разрушилъ зло; то чего не произведетъ грѣхъ, овладѣвши тобою, когда послѣ толикаго дара и свободы снова и добровольно подклонишься подъ Его иго? Итакъ не устремляйся въ сію бездну, не предавайся добровольно грѣху. На войнѣ и по неволѣ иногда воину надобно бываетъ сдаться; но здѣсь никто не возметъ тебя въ плѣнъ, ежели не сдѣлаешься самъ перемѣнникомъ. Послѣ сихъ убѣжденій отъ стыда, Апостолъ дѣйствуетъ страхомъ воздаяній, и поставляетъ на видъ возмездія, ожидающія каждаго, праведность и смерть, смерть не тѣлесную, но гораздо ужаснѣйшую. Ибо если Христосъ уже не умираетъ; кто разрушитъ смерть сію? Никто. Слѣдовательно должно будетъ вѣчно терпѣть наказаніе и мучиться. Ибо не будетъ уже и чувственной смерти, которая бы, подобно какъ въ здѣшней жизни, дала покой тѣлу и разлучила его съ душею. Ибо *послѣдній врагъ истребится смерть* (1 Кор. XV, 26); слѣдственно наказаніе будетъ безсмертно. Но не то ожидаетъ покорныхъ Богу. Ихъ наградою будетъ праведность, и блага изъ нея произрастающія.—

(17) *Благодаримъ убо Бога, яко бѣсте раби грѣху, послушасте же отъ сердца, въ оньже и предастеся образъ ученія.* Пристыдивъ рабствомъ, устрашивъ и побудивъ воздаяніями, Апостолъ ободряетъ слушателей,

напоминая имъ о благодѣяніяхъ. Ибо въ настоящихъ словахъ показываетъ, что они освободились отъ великихъ золъ, что освободились не собственными силами, и что будущее для нихъ гораздо благонадежнѣе. Какъ исхитившій плѣнника изъ рукъ люпаго мучителя совѣтуетъ ему не возвращаться къ сему мучителю, напоминаетъ объ ужасномъ его мучительствѣ; такъ и Павелъ съ великою силою изображаетъ претерпѣнныя бѣдствія, начиная благодареніемъ Богу. Потребна была не человѣческая сила, говоритъ онъ, чтобы освободить насъ отъ всѣхъ оныхъ золъ; но благодареніе Богу, Который восхотѣлъ и возмогъ избавить насъ. И прекрасно сказалъ Апостолъ: *послушасте отъ сердца*. Не по принужденію, не по насилію, но добровольно, по собственному расположенію отпали вы отъ грѣха. Въ семъ заключается какъ похвала, такъ вмѣстѣ и упрекъ. Ежели вы пришли добровольно, безъ всякаго принужденія: по будете ли имѣть какое извиненіе и оправданіе, когда возвратитесь на прежнее? А дабы ты зналъ, что все сіе зависѣло не отъ ихъ только расположенія, но и отъ Божіей благодати, Апостолъ сказавъ: *послушасте отъ сердца*, присовокупилъ: *въ оньже предастеся образъ ученія*. Послушаніе отъ сердца показываетъ свободную волю; а слово: *предастеся*, предполагаетъ помощь Божію. Какой же образъ ученія? Жить благочинно и благоустроенно.—

(18) *Свобождшеся отъ грѣха, поработистеся правдѣ.* Апостолъ указываетъ здѣсь на два Божія дара: на освобожденіе отъ грѣха, и на порабощеніе правдѣ, которое лучше всякой свободы. Богъ поступилъ подобно человѣку, который беретъ къ себѣ сироту, уведеннаго варварами въ ихъ землю, дабы не только освободить его отъ плѣна, но замѣнить ему собою попечительнаго отца, и вывести его въ люди. Такъ, говорю, и Богъ поступилъ съ нами; не только освободилъ насъ отъ прежнихъ золъ, но ввелъ въ Ангельскую жизнь, и уравнялъ намъ путь къ совершеннѣйшей добродѣтели, отдавъ насъ подъ защиту праведности, убивъ древнее зло, умертвивъ ветхаго человѣка, и руководствуя насъ къ безсмертной жизни.

Итакъ будемъ ожидать сея жизни, какъ дѣйствительно живые; потому что многіе, хотя по видимому и дышатъ и ходятъ, однакожъ находятся въ состояніи болѣе жалкомъ, чѣмъ мертвые. Ибо разные есть роды мертвенности. Есть мертвенность тѣлесная, по которой Авраамъ, будучи мертвъ, не былъ мертвымъ; такъ какъ сказано: *нысть Богъ, Богъ мертвыхъ, но живыхъ* (Матѳ. XXII, 32). Есть мертвенность душевная, которую разумѣлъ Христосъ, говоря: *остави мертвыхъ погребсти своя мертвецы* (Матѳ. VIII, 22). Есть и другая мертвенность, достойная похвалы—плодъ любомудрія, о которой говоритъ Павелъ: *умертвите уды ваша, яже на земли* (Колос. III, 5).

Наконецъ есть мертвенность, производящая предъидущую, и бывающая въ крещеніи. Ибо сказано: *ветхій нашъ человѣкъ распятся*, т. е. умерщвленъ. Зная сіе, будемъ избѣгать умерщвленія, по которому вживѣ умираемъ, а не станемъ бояться того, по которому бываетъ общая всѣмъ смерть. Напротивъ изберемъ для себя и поревнуемъ о тѣхъ двухъ родахъ умерщвленія, изъ которыхъ одно есть самое блаженное, данное Богомъ, а другое похвальное, зависящее какъ отъ насъ, такъ и отъ Бога. Одно изъ сихъ двухъ умерщвленій Давидъ ублажаетъ, говоря: *блажени, ихже оставишася беззаконія* (Псал. XXXI, 1); а другое Павелъ похваляетъ, пиша къ Галатамъ: *иже Христовы суть, плоть распяша* (Галат. V, 24). Что же касается до первыхъ двухъ мертвенностей: то Христосъ одну изъ нихъ называетъ достойною пренебреженія, говоря: *не убойтесь отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити;* а другую страшною: *убойтесь могущаго и душу и тѣло погубити въ геенну* (Матѳ. X, 28). Итакъ, избѣгая геенны, изберемъ для себя то умерщвленіе, которое ублажается и похваляется, дабы другихъ двухъ мертвенностей—одной избѣгать, а другой бояться. Ибо нѣтъ для насъ пользы видѣть свѣтъ солнца, ѣсть и пить; если жизнь наша не ознаменуется добрыми дѣлами. И скажи мнѣ: какая польза царю облечься въ багряницу, опоясаться мечемъ, но не имѣть у себя ни одного подданнаго,

а напротивъ подвергаться насмѣшкамъ и обидамъ всякаго, кто только захочетъ уязвить его? Такъ и для Христіанина нѣтъ никакой выгоды, имѣя вѣру и даръ крещенія, покорствовать всѣмъ страстямъ. Въ такомъ случаѣ и обида чувствительнѣе, и стыдъ несноснѣе. Какъ царь, облеченный въ діадиму и багряницу, не только такимъ нарядомъ нимало не прибавляетъ себѣ чести, но даже стыдомъ своимъ безчеститъ самый нарядъ: такъ и вѣрующій, если ведетъ развратную жизнь, своею вѣрою не только не внушаетъ къ себѣ почтенія, но еще возбуждаетъ большій смѣхъ. *Елицы бо безъ закона согрѣшиша*, говоритъ Апостолъ, *безъ закона и погибнутъ, и елицы въ законѣ согрѣшиша, закономъ судъ пріимутъ* (Рим. II, 12). И въ посланіи къ Евреямъ говорилъ онъ: *отвергся кто закона Моисеева, безъ милосердія при двоихъ или тріехъ свидѣтелехъ умираетъ. Колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый* (Евр. X, 28 и 29)? Такъ и должно быть! Ибо Я, говоритъ Христосъ, чрезъ крещеніе покорилъ тебѣ всѣ страсти. Отъ чего же случилось, что ты поругалъ толикій даръ и сталъ не тѣмъ, чѣмъ должно? Прежніе грѣхи твои, какъ черви, умерщвлены и погребены Мною. Для чего же породилъ ты новые? И червей хуже грѣхи. Ибо черви точатъ тѣло, а грѣхи повреждаютъ душу, и производятъ большее зловоніе. Но мы не чувствуемъ сего, а потому не спѣшимъ

очиститъ душу. Какъ пьяному нечувствителенъ дурный запахъ отъ испорченнаго вина, а для непившаго весьма ощутительно сіе; такъ бываетъ и съ грѣхами. Живущій цѣломудренно имѣетъ такія чувства, чтобы примѣтить зловоніе и нечистоту грѣховную; а обременившій себя пороками, подобно опятненному виномъ, не чувствуетъ даже и того, что онъ боленъ. Самое ужасное дѣйствіе порока состоитъ въ томъ, что впавшимъ въ него не даетъ видѣть, какъ сильно ихъ поврежденіе; напротивъ порочный, погружаясь въ грѣховную тину, мечтаетъ, что умащается благовонными мазями. Посему—то не можетъ освободиться отъ грѣховъ, но, будучи покрытъ весь червями, услаждается, какъ убранный драгоцѣнными каменьями. Посему—то не соглашается истреблять ихъ, но откармливаетъ и разводитъ въ себѣ, пока не передадутъ они его въ снѣдь червямъ будущаго вѣка; такъ какъ здѣшніе суть приспѣшники будущихъ, или не только приспѣшники, но родоначальники сихъ неумирающихъ червей, по сказанному: *червь ихъ не умираетъ* (Мар. IX, 44). Они—то возжигаютъ и геенну, никогда не угасающую. Дабы не постигло насъ сіе, изсушимъ источникъ золъ, угасимъ печь, изторгнемъ весь корень порока. Ежели худое дерево срубишь поверхъ земли; ни какой не сдѣлаешь пользы; потому что въ низу останется корень, и опять пойдутъ худые отпрыски. Что же составляетъ корень зла? Спроси о семъ у добраго садовника, который

обстоятельно знаетъ дѣло сіе, ходитъ за духовнымъ виноградникомъ и воздѣлываетъ цѣлую вселенную. Что же называетъ онъ причиною всѣхъ золъ? Пристрастіе къ деньгамъ. *Корень бо всѣмъ злымъ*, говоритъ онъ, *сребролюбіе есть* (1 Тим. VI, 10). Отсюда драки, вражды, войны; отсюда ссоры, брани, подозрѣнія, обиды; отсюда убійство, воровство, гробокопательство. Отъ сребролюбія не только города и области, но дороги, мѣста, обитаемыя и необитаемыя, горы, лѣса, овраги, словомъ—все полно крови и убійствъ. Зло сіе не щадитъ и самаго моря; но и тамъ неисповѣдуетъ со всѣмъ бѣшенствомъ; и тамъ совершаются всюду морскіе разбои, изобрѣтаются новые роды грабительства. Сребролюбіе превратило законы природы, потрясло уставы родства, нарушило права самаго бытія. Мучительная страсть къ деньгамъ вооружила руки не только на живыхъ, но и на мертвыхъ. И самою смертію не примиришь съ собою сребролюбца; вламываясь въ гробницы, и къ мертвымъ тѣламъ проспираетъ онъ злодѣйскія руки; освободившійся отъ жизни не освобождается отъ злыхъ его умысловъ. Что ни встрѣчается тебѣ худаго, въ дому ли, на торжищѣ ли, въ судахъ ли, въ правительственныхъ ли мѣстахъ, въ Царскихъ ли чертогахъ, или гдѣ бы то ни было,—все это, какъ усмотришь, произращено сребролюбіемъ. Сіе — то зло наполнило все кровьми и убійствами; оно возжгло геенскій пламень, оно сдѣлало, что

города спали ничѣмъ не лучше, но и гораздо хуже пустынь. Можно еще остерегаться отъ разбойниковъ, которые производятъ грабежи на дорогахъ; такъ какъ они и не всегда нападаютъ; а тѣ, которые тоже дѣлаютъ среди города, тѣмъ хуже первыхъ, чѣмъ труднѣе спастися отъ нихъ, такъ какъ они со всею дерзостію отваживаются на такія дѣла, какія первые производятъ скрытно. Сребролюбцы, обративъ въ свою пользу законы, постановленные пропивъ сребролюбія, наполнили города множествомъ убійствъ и гнусныхъ дѣлъ. Скажи мнѣ: не убійство ли и не хуже ли еще убійства—томить голодомъ нищаго, ввергать его въ темницу, и кромѣ голода предавать пыткамъ и тысячѣ терзаній? Хотя не самъ ты все это дѣлаешь; однакоже ты главною причиною и дѣйствуешь въ томъ больше тѣхъ, которые тебѣ служатъ. Убійца, однажды вонзивъ мечь и причинивъ кратковременную боль, не продолжаетъ потомъ мученій; а ты своими клеветами, наговорами, злоумышленіями, самый свѣтъ дѣлаешь для него тьмою, и заставляешь тысячу разъ желать смерти. Подумай, сколько причиняешь ему смертей вмѣсто одной? И что всего несноснѣе, ты грабишь, жадничаешь денегъ, не потому, чтобы тебя угнѣтала нищета, нудилъ голодъ, но чтобы больше вызолотить узду у коня, кровлю на домѣ и капители у столбовъ. Не стоишь ли геенны за то, что брата, который удостоенъ съ тобою неизреченныхъ благъ и столько

почтенъ отъ Господа, подвергаешь несчетнымъ бѣдствіямъ, дабы украсить камни, помостъ и безсловесныхъ живопныхъ, которыя не чувствуютъ цѣны сего украшенія? О собакѣ заботишься много, а человѣкъ, или лучше сказать, Христосъ для собаки и всего мною сказаннаго осуждается на крайній голодъ. Что хуже такого безпорядка? Что ужаснѣе такого беззаконія? Сколько нужно огненныхъ рѣкъ, чтобы наказать такую душу? Сотворенный по образу Божію стоитъ обезчещенъ твоимъ безчеловѣчіемъ; а лбы у муловъ, везущихъ твою жену, сіяютъ золотомъ, также покровы и столбики балдахинъ ея составляющія. Если понадобится стулъ или подножіе; все дѣлается изъ золота и серебра. А Христовъ членъ, для кого Христосъ сошелъ съ неба и пролилъ драгоцѣнную кровь, по твоему корыстолюбію, не имѣетъ у себя самой необходимой пищи. Твои ложа обиты вокругъ серебромъ; а тѣла Святыхъ лишены нужнаго покрова. Для тебя Христосъ маловажнѣе всего, и слугъ, и муловъ, и ложа, и стула, и подножія; не говорю уже о другихъ безчестнѣйшихъ утваряхъ, предоставляя вамъ самимъ подумать о томъ. Ежели же, слыша сіе, приходишь ты въ ужасъ; то перестань такъ дѣлать, и слова мои не причинятъ тебѣ вреда. Перестань, удержись отъ сего безумія! Ибо явное безуміе заботится о такихъ мелочахъ. Оставивъ все сіе, возведемъ наконецъ взоры свои на небо, вспомнимъ о будущемъ днѣ,

помыслимъ о страшномъ судѣ, о строгомъ отчетѣ, о неподкупномъ приговорѣ. Размыслимъ о томъ, что Богъ все сіе видитъ, и однакожъ не посылаетъ на насъ молній свыше. Хотя дѣла наши не молній только достойны; но Онъ и ихъ не посылаетъ, ни моря на насъ не воздвигаетъ, ни земли не разверзаетъ подъ нами, ни солнца не погашаетъ, ни небу со звѣздами не повелѣваетъ пасть на насъ; словомъ сказать, не потрясаетъ вселенною, но попускаетъ, чтобы все оставалось въ порядкѣ своемъ, чтобы вся тварь служила намъ. Помысливъ о всемъ этомъ, возблагоговѣемъ предъ великолѣпіемъ Его человѣколюбія, и потщимся возвратить наше преимущество предъ безсловесными. Ибо нынѣ мы ни чѣмъ не лучше, но еще хуже безсловесныхъ. И они любятъ родъ свой, и для нихъ довольно имѣть одинаковую природу, чтобы питать взаимную склонность другъ къ другу. А у тебя, кромѣ уставовъ природы, есть тысячи побужденій быть въ тѣсномъ союзѣ съ собственными своими членами; мы одаренъ одинаковымъ съ ними разумомъ, содержишь туже вѣру, имѣешь общими съ ними тысячи благъ; и не смотря на сіе ты содѣлался свирѣпѣе безсловесныхъ животныхъ, оказываешь большую рачительность о вещахъ ни къ чему негодныхъ, но равнодушно смотришь, какъ Храмы Божіи гибнутъ отъ голода и наготы, даже часто самъ обременяешь ихъ тысячами золъ. Ежели поступаешь такъ изъ славо-

любія; по надлежало бы тебѣ порадѣть о братѣ больше, чѣмъ о лошади. Чѣмъ превосходнѣе пользующійся твоимъ благодѣяніемъ; тѣмъ блистательнѣйшій вѣнецъ соплетается тебѣ самому за твое усердіе. А теперь, поступая совершенно напротивъ, ты не чувствуешь, что вооружаешь противъ себя тысячи обвинителей. Кто не скажетъ о тебѣ худо? Кто не припишетъ тебѣ крайней жестокости и человѣконенавистничества, видя, что человѣческій родъ ставишь ты ни во что, и вмѣсто людей заботишься о скотахъ, о домѣ и о домашней утвари? Или ты не слыхалъ, что первые пріявшіе слово, по свидѣтельству Апостоловъ, продавали домы и села, чтобы кормить братій? А ты у другихъ отнимаешь домы и села, чтобы убрать лошадь, столбики, покровы, стѣны, помостъ. И что еще несноснѣе, не одни мущины, но и женщины страждутъ твоюже болѣзнію; онѣ вовлекаютъ мущинъ въ напрасные хлопоты, и принуждаютъ тратиться на все пустое больше, нежели на нужное. А если кто обличаетъ ихъ въ этомъ, выдумываютъ извиненіе, достойное всякаго осужденія; говорятъ: и тому и другому есть мѣсто. Что ты произносишь? Какъ не боишься вымолвить, что алчущаго Христа ставишь на ряду съ лошадьми, мулами, одрами, подножками? Да еще и не на ряду; а напротивъ большую часть тратишь на бездѣлки, Христу же едва удѣляешь и малую долю. Не знаешь развѣ, что все принадлежитъ Ему, и ты самъ,

и все, что у тебя? Не знаешь развѣ, что Онъ образовалъ тѣло, даровалъ душу, далъ въ удѣлъ весь міръ? А ты не воздаешь за сіе и малостни? Ежели самъ отдаешь въ наймы небольшій домикъ, неупустительно требуешь за него плату; а теперь пользуясь всѣмъ твореніемъ Божіимъ и обитая въ пространномъ мірѣ, не думаешь заплатить и малой цѣны, но и самаго себя и все, что имѣешь, приносишь въ жертву суетности. И дѣйствительно все сіе зависитъ отъ суетности. Ибо сколько ни рядишь своего коня, не дѣлаются отъ того совершеннѣе ни конь, ни кто сидитъ на конѣ; напротивъ послѣдній даже теряетъ иногда свою цѣну; потому что многіе, окинувши сѣдока, обращаютъ взоры на убранство коня, на слугъ, идущихъ спереди и сзади, на то, какъ разгоняютъ народъ. А кого сопровождаетъ сія толпа; того ненавидятъ, на того не могутъ и смотрѣть, какъ на общественнаго врага. Но сего не будетъ, если украсишь свою душу; тогда и люди, и Ангелы, и самъ Владыка Ангеловъ сплетутъ тебѣ вѣнецъ. Посему, если любишь славу, удержись отъ того, что дѣлаешь нынѣ; и чтобы содѣлаться знаменитымъ и славнымъ, заботься объ убранствѣ не дома, а души. А теперь ничего нѣтъ подлѣе тебя, который выставляешь на показъ красоту дома, тогда какъ душа совершенно пуста. Но если несносны тебѣ слова мои, послушай, что сдѣлалъ язычникъ, и постыдись его любомудрія. Разсказываютъ, что нѣкто, когда взошелъ

въ великолѣпный домъ, въ которомъ все блистало золотомъ, все отличалось красотою мраморовъ и капителей, и когда увидѣлъ, что весь полъ въ домѣ устланъ коврами; плюнулъ въ лице хозяина дома. Получивъ же за то выговоръ, отвѣчалъ, что заставленъ необходимостію нанести такую обиду лицу хозяина; потому что въ цѣломъ домѣ не нашелъ мѣста, куда плюнуть. Видишь ли, какъ смѣшенъ человѣкъ, украшающій наружность, какъ презираетъ его всякій, у кого только есть умъ? Да и за дѣло. Если бы кто супругу твою оставилъ ходить въ рубищѣ и не оказалъ ей никакого уваженія, а служанокъ одѣлъ въ пышныя одежды; конечно бы ты не перенесъ сего равнодушно, но огорчился, и такій поступокъ назвалъ крайнею обидою. Посуди также и о душѣ. Когда украшаешь стѣны, полъ, домашнюю утварь и все прочее, но не подаешь щедрой милостыни, не упражняешься и въ другихъ дѣлахъ любомудрія; тогда поступаешь точно, какъ описанный мною человѣкъ, даже гораздо еще хуже. Ибо не таково разстояніе между рабою и госпожею, какова разность между душею и плотію. А ежели велика разность между душею и плотію; то несравненно больше между душею и домомъ, между душею и одромъ или подножкой. Итакъ, какого извиненія будешь достоинъ, когда все сіе богато покрываешь серебромъ, но не обращаешь вниманіе на то, что душа твоя одѣта въ рубище, неопрятна, томится голодомъ, покрыта

вся ранами, и тысячи псовъ рвутъ ее; даже напротивъ при всемъ этомъ ты думаешь, что тебя похвалятъ за убранство твоей наружности? Это верхъ безумія—величаться такими вещами тому, кто осмѣянъ, поруганъ, обезображенъ, обезчещенъ, подпалъ смертной казни. Посему умоляю васъ, размысливъ обо всемъ этомъ, наконецъ одуматься, прійди въ себя, и украшеніе съ своей наружности перенеси на душу. Въ такомъ случаѣ самое сіе украшеніе содѣлается невредимымъ, а насъ содѣлаетъ равноангельными, и доставитъ намъ непреложныя блага по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь!

БЕСѢДА 12.

VI, 19. *Человѣческо глаголю за немощь плоти вашея, якоже бо представисте уды ваша рабы нечистоту и беззаконію въ беззаконіе: тако нынѣ представите уды ваша рабы правдѣ во святыню.*

Выше Апостолъ требовалъ отъ Римлянъ большей строгости въ поведеніи, повелѣвалъ имъ стать мертвыми для міра, умереть пороку, и пребывать непоколебимыми противъ стремленія грѣховъ. Но такія требованія казались великими и тяжелыми, даже превосходящими человѣческую природу. Посему, желая доказать, что не требуетъ ничего чрезмѣрнаго,

что требуетъ менѣе, нежели надлежало бы отъ человѣка, пользующагося даромъ благодати, и что заповѣдь его весьма соразмѣрна съ человѣческими силами и легка, начинаетъ доводъ свой отъ противнаго, и говоритъ: *человѣчески глаголю.* Сіе тоже значитъ, если бы сказалъ: говорю по человѣческому разсужденію, примѣняясь къ обыкновеннымъ человѣческимъ дѣламъ. Ибо словомъ: *человѣчески*, выражаетъ соразмѣрность требованія съ силами. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Искушеніе васъ не достиже, точію человѣческое* (1 Кор. X, 13), то есть соразмѣрное съ силами и малое. *Якоже бо представисте уды ваша рабы нечистотѣ и беззаконію въ беззаконіе: тако нынѣ представите уды ваша рабы правдѣ во святыню.* Сколь ни велика разность между сими властелинами, Апостолъ требуетъ, чтобы служили имъ въ одинакой мѣрѣ. Хотя надлежало гораздо болѣе поработиться правдѣ, и тѣмъ болѣе, чѣмъ владычество ея обширнѣе и лучше владычества грѣха; впрочемъ не требую, говоритъ Апостолъ, большаго порабощенія по вашей *немощи*. И не сказалъ: по немощи вашего произволенія или усердія; но, дабы не очень огорчить словомъ, говоритъ: по немощи вашея плоти. Но иное нечистота, а другое святыня; иное беззаконіе, а другое правда. Кто же будетъ такъ жалокъ и бѣденъ, чтобы не согласился служить Христу съ такимъ же раченіемъ, съ какимъ служилъ

грѣху и діаволу? Итакъ выслушай, что говоритъ Апостолъ въ послѣдствіи; тогда ясно увидишь, что и этой малости не приносимъ въ даръ Христу. И какъ сказанное доселѣ, ежели принимать это просто, показалось бы невѣрнымъ и противнымъ разуму; иной не захотѣлъ бы и слышать, что онъ не служитъ Христу столько же, сколько служилъ діаволу; то Апостолъ подкрѣпляетъ и оправдываетъ слова свои слѣдующимъ описаніемъ самаго рабства и образа служенія грѣху.

(20) *Егда бо раби бѣсте грѣха*, продолжаетъ, *свободни бѣсте отъ правды*. Сіе значитъ: Когда вы жили, предавшись пороку, нечестію и всякому злу; тогда находились вы въ такомъ повиновеніи грѣху, что вовсе не дѣлали ничего добраго. Таково значеніе словъ: *свободни бѣсте отъ правды*; то есть, вы не были подчинены правдѣ, но совершенно ея чуждались. Вы не раздѣляли своихъ услугъ такъ, чтобы иногда работать правдѣ, а иногда грѣху; но каждый изъ васъ всего себя предавалъ пороку. Такъ и нынѣ, когда предались вы правдѣ, посвятя каждый всего себя добродѣтели, вовсе не дѣлай ничего худаго, и цѣлъ выполни хотя туже мѣру. Но не въ одномъ только владычествѣ большая есть разность; напротивъ много различія и въ самомъ рабствѣ. Сіе—то самое и разкрываетъ Апостолъ со всею ясностію, показывая, въ чемъ состояло рабство прежде, и въ чемъ состоитъ нынѣ. И не говоря пока

о вредѣ, изображаетъ одинъ позоръ прежняго рабства.

(21) *Кій убо тогда имѣсте плодъ, о нихже нынѣ стыдитеся?* Таково было рабство сіе, что одно воспоминаніе объ ономъ заставляетъ васъ нынѣ стыдиться. А ежели воспоминаніе приспѣваетъ; тѣмъ паче самое дѣло постыдно. Слѣдственно нынѣ получили вы двоякую пользу, освободились отъ стыда, и узнали, въ какомъ были состояніи; равно какъ тогда терпѣли двоякій вредъ, дѣлали постыдныя дѣла, и не знали, что оныя постыдны, что еще хуже перваго. Впрочемъ, не смотря на вредъ, вы оставались въ рабствѣ. Итакъ доказавъ чрезмѣрный вредъ прежняго состоянія тѣмъ, что оно было постыдно, Апостолъ разсматриваетъ самое состояніе. Каково же было состояніе сіе? *Кончина бо онѣхъ смерть.* Поелику стыдъ кажется еще не слишкомъ тягостнымъ бременемъ; Апостолъ представляетъ то, что всего ужаснѣе, то есть, смерть; хотя достаточно было и сказаннаго выше. Подумай, какова чрезмѣрность зла; когда, освободившися отъ казни, нельзя еще освободиться отъ стыда! Чего тебѣ ждать за такое дѣло, отъ котораго покрываешься стыдомъ и краснѣешь при одномъ воспоминаніи, хотя избавился уже отъ казни, хотя пользуешься обиліемъ благодати? Но не таково рабство Богу.

(22) *Нынѣ же, продолжаетъ Апостолъ, свобождшеся отъ грѣха, порабощшеся же*

Богови, имате плодъ вашъ во святыню, кончину же, жизнь вѣчную. Плодомъ прежняго состоянія, даже по освобожденіи, есть стыдъ; а плодомъ нынѣшняго—святость. Но гдѣ святыня, тамъ много и упованія. Концемъ прежняго есть смерть; а концемъ нынѣшняго—жизнь вѣчная. Примѣчаешь ли, что Апостолъ на одно указываетъ, какъ на данное, а на другое, какъ на ожидаемое? Но по данному удостовѣряемся въ ожидаемомъ; по святости—въ жизни. И дабы не могъ ты сказать, что все есть только ожидаемое, Апостолъ доказываетъ, что ты и здѣсь пожалъ уже плоды. Вопервыхъ ты освободился отъ порока, и отъ тѣхъ худыхъ дѣлъ, о которыхъ одно воспоминаніе приводитъ тебя въ стыдъ; во вторыхъ порабопился правдѣ; въ третьихъ получилъ святость; въ четвертыхъ улучишь жизнь, и жизнь не временную, но вѣчную. Но при всемъ томъ, говоритъ Апостолъ, служите Богу хотя въ тойже мѣрѣ, въ какой служили грѣху. Не смотря на то, что новый Властелинъ несравненно превосходнѣе, и велика разность какъ въ самомъ служеніи, такъ и въ наградахъ, за которыя служите, я ничего больше отъ васъ не требую. Поелику же выше упоминалъ онъ объ оружіи и о царѣ; то продолжаетъ иносказаніе, и говоритъ: (23) *Оброцы бо грѣха, смерть: дарованіе же Божіе, животъ вѣчный, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.* Сказавъ, что смерть есть возмездіе за грѣхъ,

Апостолъ не соблюлъ подобнаго порядка, когда сталъ говорить о жизни вѣчной, и не сказалъ: она есть награда за ваши заслуги,—но дарованіе Божіе, давая тѣмъ разумѣть, что мы освободились не сами собою, и получили не долгъ, не награду, не воздаяніе за труды, напротивъ все сіе есть дѣло благодати. И изъ сего видно преимущество благодати; она не только освободила насъ, и улучшила нашъ жребій, но даже все сіе совершила безъ нашихъ усилій и трудовъ. Она не только освободила, но даровала гораздо болѣе,—даровала чрезъ Сына. Все сіе помѣстилъ здѣсь Апостолъ, потому что намѣревался разсуждать о благодати и опровергнуть законъ. А дабы то и другое не расположило къ безпечности; вставилъ ученіе о строгости жизни; не опустилъ, какъ и вездѣ, случая побуждать слушателя къ раченію о добродѣтели. Также и тѣмъ, что смерть назвалъ оброкомъ грѣха, хочетъ устрашить и предостеречь на будущее время. Чѣмъ приводитъ слушателю на память прежнее, тѣмъ же побуждаетъ его къ благодарности, и укрѣпляетъ противъ всего, чтобы ни встрѣтилось.

Заключивъ тѣмъ нравственное ученіе, Апостолъ возвращается къ догматамъ и говоритъ: (VII, 1.) *Или не разумѣете, братіе: вѣдущимъ бо законъ глаголю.* Поелику выше сказалъ, что мы умерли для грѣха; то доказываетъ здѣсь, что не только грѣхъ, но и законъ не имѣетъ уже надъ нами власти. А если

законъ не имѣетъ власти; тѣмъ паче грѣхъ. И смягчая рѣчь, объясняетъ сіе примѣромъ, взятымъ изъ человѣческаго быта. Но хотя повидимому, говоритъ объ одномъ; впрочемъ два довода приводитъ въ подтвержденіе сказаннаго. Первый доводъ заключается въ томъ, что жена по смерти мужа не подлежитъ закону замужства, и ей не возбранено спать женою другаго. Второй же доводъ состоитъ въ томъ, что въ настоящемъ случаѣ не одинъ мужъ, но и жена умерла, и потому пользуется двоякою свободою. Ибо ежели смертію мужа освободилась она отъ власти; то несравненно болѣе спала свободною, когда и сама оказалась умершею. Если одно обстоятельство освобождаетъ ее отъ власти; тѣмъ паче она свободна, когда стекаются оба обстоятельства. Итакъ приступая къ изложенію сего доказательства, Апостолъ начинаетъ тѣмъ, что выхваляетъ слушателей, и говоритъ: *или не разумѣете, братіе: вѣдущимъ бо законъ глаголю*, то есть, говорю о дѣлѣ весьма извѣстномъ и ясномъ, говорю людямъ, знающимъ все сіе въ подробности. *Яко законъ обладаетъ надъ человѣкомъ, во елико время живетъ.* Не сказалъ: надъ мужемъ, или женою; но надъ человѣкомъ; такъ какъ сіе имя принадлежитъ обоимъ. *Умерый бо*, говоритъ онъ, *свободися отъ грѣха* (Рим. 6. 7). Слѣдовательно законъ положенъ для живыхъ, а на мертвыхъ не простирается. Примѣчаешь ли, что онъ изобразилъ двоякую свободу?

Въ началѣ сдѣлавъ на это намекъ, въ продолженіи довода говоритъ о женѣ. (2) *Ибо мужатая жена живу мужу привязана есть закономъ: аще ли же умретъ мужъ ея, разрѣшается отъ закона мужескаго.* (3) *Тѣмже убо живу сущу мужу прелюбодѣйца бываетъ, аще будетъ мужеви иному: аще ли умретъ мужъ ея, свободна есть отъ закона, не быти ей прелюбодѣйцѣ, бывшеи мужу иному.* Весьма обстоятельно объясняетъ Апостолъ отношеніе жены къ мужу; потому что твердо увѣренъ въ доказываемой имъ истинѣ. И подъ именемъ мужа разумѣетъ онъ законъ, а подъ именемъ жены всѣхъ вѣрующихъ. А выводъ не приноровляетъ къ предъидущему. Надлежало сказать: слѣдовательно, братія, законъ не будетъ имѣть надъ вами власти; потому что онъ умеръ. Апостолъ же сказалъ иначе, и хотя съ предъидущимъ далъ точно такую мысль; однако же въ приложеніи, дабы словомъ своимъ не оскорбить Іудеевъ, представляетъ умершею жену, и говоритъ:

(4) *Тѣмже братіе моя, и вы умросте закону.* Ежели какъ то, такъ и другое обстоятельство даетъ одинаковую свободу; то почему же не сдѣлать снисхожденія закону, когда не дѣлаетъ сіе вреда дѣлу? *Мужатая жена живу мужу привязана есть закономъ.* Гдѣ теперь клевещущіе на законъ? Пусть услышатъ, что Апостолъ въ самой крайности не

лишаетъ оный достоинства, но съ уваженіемъ отзывается о его власти. Ежели законъ живъ, то Іудей привязанъ къ оному, и тотъ прелюбодѣй, кто преступаетъ и оставляетъ законъ при жизни его. А если оставитъ законъ умершій, нимало сіе не странно; потому что и у людей такій поступокъ не подлежитъ осужденію. *Аще же умретъ мужъ, разрѣшится отъ закона мужескаго.* Примѣчаешь ли, какъ симъ примѣромъ даетъ знать, что законъ умеръ? Но въ приложеніи не высказываетъ того. *Живу сущу мужу прелюбодѣйца бываетъ* жена. Замѣть, что не перестаетъ обвинять преступниковъ живаго закона. Поелику же законъ пересталъ существовать; то, безъ всякаго опасенія, можно замѣнить его вѣрою, нимало тѣмъ его не оскорбляя. *Живу бо сущу закону*, говоритъ Апостолъ, *прелюбодѣйца бываетъ жена, аще будетъ мужеви иному.* Послѣ сего слѣдовало сказать: такъ и вы, братія, поелику законъ умеръ, не виновны въ прелюбодѣйствѣ, вышедши за другаго мужа. Но Апостолъ говоритъ иначе: что же именно? *Умросте закону.* Ежели вы умерли; то не состоите подъ закономъ. Если жена по смерти мужа не подлежитъ отвѣтственности, тѣмъ паче она свободна, когда умретъ сама. Видишь ли, какъ искусно доказалъ Павелъ, что по волѣ самаго закона можно разлучиться съ закономъ и стать женою другаго мужа. Законъ не запрещаетъ, говоритъ онъ, по смерти перваго мужа

выходить за другаго. Да и какъ запретить, когда и при жизни мужа позволяетъ женѣ выходить за другаго, если она получила разводную? Впрочемъ Апостолъ не упоминаетъ о семъ случаѣ, такъ какъ сіе служитъ болѣе къ обвиненію женщинъ. И хотя женѣ позволялось поступать такъ; однакожъ тѣмъ не освобождалась она отъ вины. А когда Апостолъ имѣетъ возможность одержать верхъ съ помощію необходимаго и всѣми дознаннаго; тогда онъ не ищетъ другихъ пособій; потому что не имѣетъ привычки хвататься за все, что могло бы служить въ его пользу. Итакъ удивительно то, что самъ законъ освобождаетъ насъ отъ вины въ случаѣ отступленія отъ него, и что такова воля самаго закона, чтобы мы стали Христовыми. Потому что и самъ законъ умеръ, и мы умерли, и власть закона надъ нами вдвойнѣ уничтожена. Впрочемъ Апостолъ не довольствуется тѣмъ однимъ, что сказалъ о семъ, но присовокупляетъ и причину. Не просто упомянулъ онъ о смерти, но присовокупилъ, что смерть произведена крестомъ, чѣмъ и наложилъ на насъ новое обязательство. Вы освободились не просто, разсуждаетъ онъ, но смертію Владыки. Ибо сказано: *умросте закону тѣломъ Христовымъ*. И убѣждаетъ не симъ однимъ, но также превосходствомъ втораго мужа, прибавивъ: *Во еже быти вамъ иному, воставшему изъ мертвыхъ*. Иные сказали бы: а если мы не хотимъ имѣти за другаго мужа? Законъ

хотя не признаетъ прелюбодѣйцею вдову, сопрягающуюся вторымъ бракомъ, однакожъ и не принуждаетъ къ новому союзу. Апостолъ предупреждаетъ сіе возраженіе, и доказываетъ, что мы должны желать новаго союза изъ благодарности за то, что сдѣлалъ для насъ Христосъ. Сіе самое яснѣе выразилъ онъ въ другомъ мѣстѣ говоря: *нѣсте свои*, и: *куплени цѣною*, и еще: *не будите раби человѣкомъ* (1 Кор. VI, 19. VII, 23), и еще: *единъ за всѣхъ умре, да живущіи не ктому себѣ живутъ, но умершему за нихъ* (2 Кор. V, 14, 15). Тоже самое разумѣлъ и здѣсь сказавъ: *тѣломъ*. Апостолъ убѣждаетъ высокими надеждами, говоря: *да плодъ принесемъ Богови*. Тогда приносили вы плодъ смерти, а теперь Богу.

(5) *Егда бо бѣхомъ во плоти, страсти грѣховныя, яже закономъ, дѣйствоваху во удѣхъ нашихъ, во еже плодъ творити смерти*. Видишь ли, какой плодъ отъ перваго мужа? Апостолъ всячески остерегается подать какой-нибудь поводъ еретикамъ, и не сказалъ: когда были мы подъ закономъ, но говоритъ: *егда бѣхомъ во плоти*, то есть въ худыхъ дѣлахъ, въ плотской жизни. Ибо не то разумѣетъ, что доселѣ были мы во плоти, а теперь стали уже безплотными. Напротивъ, такимъ выраженіемъ, если не именуетъ законъ причиною грѣховъ, то и не избавляетъ его отъ ненависти; такъ какъ законъ исправлялъ должность строгаго обличителя и обнаруживалъ

грѣхи. А кто человѣку, нерасположенному повиноваться, даетъ новые приказы, тотъ увеличиваетъ число преступленій. Посему Апостолъ не сказалъ: *страсти грѣховныя*, бывшія подъ закономъ; но говоритъ: *яже закономъ*, даже не присовокупилъ: бывшія, но просто: *закономъ*, то есть, закономъ обнаруженныя или познанныя. Даже не обвиняетъ и плоти, не сказалъ: страсти, которыя производимы были членами, но: *яже дѣйствоваху во удѣхъ нашихъ*. Симъ показываетъ, что въ человѣкѣ есть иное начало порочности, именно: не управляемые члены, а управляющіе помыслы. Душа была какъ бы музыкантъ, а тѣлесная природа— гусли; она издавала такой звукъ, какой заставлялъ издавать музыканта. Посему неспройную игру должно ставить въ вину не гуслямъ, а игроку.

(6) *Нынѣ же*, продолжаетъ Апостолъ, *упразднихомся отъ закона*. Видишь ли, какъ и здѣсь щадитъ опять и плоть и законъ? Не сказалъ: упразднися законъ, или: упразднися плоть; но: мы *упразднихомся*. Но какъ же *упразднихомся?* Такъ, что ветхій человѣкъ, одержимый грѣхомъ, умеръ и погребенъ. Сіе выразилъ Апостолъ, сказавъ: *умерше, имже держими бѣхомъ*. Симъ какъ бы сказалъ онъ: та привязь, на которой насъ держали, предана тлѣнію и распалась; такъ что держащему, то есть грѣху, нечего стало держать. Но ты не падай, не предавайся безпечности. Ты для

того упразднился, чтобы снова работать, работать не по прежнему, но *яко работати намъ во обновленіи духа, а не въ ветхости писмене.* Что такое говоритъ Павелъ? Для насъ необходимо разкрыть сіе, дабы не приходить уже въ смущеніе, когда встрѣтится извѣстное мѣсто у Апостола. Какъ скоро Адамъ согрѣшилъ, говоритъ Павелъ, тѣло его содѣлалось смертнымъ и страстнымъ, въ немъ обнаружилось множество природныхъ недостатковъ, оно стало упрямымъ и необузданнымъ конемъ. Но Христосъ по Своемъ пришествіи чрезъ крещеніе содѣлалъ тѣло для насъ легчайшимъ, подъемля оное крыломъ Духа. Посему и поприще, намъ назначенное, уже не то, какое назначалось древнимъ, которые не имѣли такихъ удобствъ для теченія. Потому то Христосъ требуетъ отъ насъ не только быть чистыми отъ убійства, какъ требовалось отъ древнихъ, но даже быть чистыми отъ гнѣва, предписываетъ намъ воздерживаться не только отъ прелюбодѣянія, но и отъ похотливаго взгляда, не только не нарушать клятвы, но и не клясться; повелѣваетъ намъ любить не только друзей, но и враговъ. Такъ и во всемъ прочемъ назначилъ намъ большія поприща. Въ случаѣ неповиновенія, Христосъ угрожаетъ геенною, давая тѣмъ знать, что требуемое Имъ не предоставляется токмо рвенію подвижниковъ, какъ дѣвство и произвольная нищета, но что непремѣнно должно выполнить оное. Заповѣ-

данное Христомъ необходимо и не терпитъ отлагательства; не исполняющій сего подвергается крайнему наказанію. Посему и сказалъ Онъ: *аще не избудетъ правда ваша паче книжникъ и фарисей, не внидете въ Царствіе небесное* (Мат. V, 20). А кто не увидитъ Царства, тотъ неминуемо впадетъ въ геенну. Посему и Павелъ какъ выше говорилъ: *грѣхъ бо вами да не обладаетъ: нѣсте бо подъ закономъ, но подъ благодатію* (Рим. VI, 14), такъ и теперь говоритъ: *яко работати намъ во обновленіи духа, а не въ ветхости письмене.* Потому что теперь не письмя осуждающее, то есть, ветхій законъ, но Духъ вспомоществующій. Посему для древнихъ казалось весьма удивительнымъ, ежели кто соблюдалъ дѣвство; а теперь оно распространилось повсюду во вселенной. Тогда развѣ нѣкоторые изъ мущинъ равнодушно взирали на смерть; а теперь и въ селахъ и въ городахъ безчисленные сонмы мучениковъ состоятъ не только изъ мущинъ, но и изъ женщинъ. Послѣ сего Апостолъ рѣшаетъ раждающееся возраженіе, и симъ рѣшеніемъ доказываетъ то, что намѣренъ доказать. На сей конецъ рѣшаетъ онъ вопросъ не прямо, а чрезъ противоположеніе, дабы изъ необходимаго слѣдствія рѣшенія извлечь для себя случай сказать то, что хотѣлъ, и обличеніе свое сдѣлать болѣе сноснымъ. Такъ сказавъ: *во обновленіи духа, а не въ ветхости письмене*, присовокупилъ:

(7) *Что убо речемъ? законъ ли грѣхъ? Да не будетъ.* Выше сказано было, что *страсти грѣховныя, яже закономъ, дѣйствоваху во удѣхъ нашихъ;* и еще: *грѣхъ вами да не обладаетъ: нѣсте бо подъ закономъ, но подъ благодатію;* также: *идѣже нѣсть закона, ту ни преступленія* (IV, 15); и еще: *законъ же привниде, да умножится прегрѣшеніе* (V, 20); и еще: *законъ гнѣвъ содѣловаетъ* (IV, 15). Какъ все сіе сказано по видимому въ обвиненіе закона; Апостолъ, дабы испребить такое подозрѣніе, вводитъ возраженіе, и говоритъ: *что убо? законъ ли грѣхъ? Да не будетъ.* Оприцаетъ прямо, дабы расположить къ себѣ слушателя и исправить соблазняющагося. Ибо онъ услышавъ уже и удостовѣрившись въ образѣ мыслей Апостола; вмѣстѣ съ нимъ будетъ изслѣдывать то, что представляется труднымъ и не будетъ подозрѣвать говорящаго. Посему то Апостолъ, предложивъ напередъ возраженіе, присовокупилъ и свой образъ мыслей, и не сказалъ: что мнѣ рещи: но: *что убо речемъ?* Такъ какбы подавались совѣты и мнѣнія при собраніи всей Церкви, такъ какбы возраженіе сдѣлано не Апостоломъ, но само собою вытекало изъ сказаннаго выше и изъ сущности дѣла. Никто не будетъ спорить, говоритъ Апостолъ, что *писмя убиваетъ, а духъ животворитъ* (2 Кор. III, 6). Сіе такъ явно, что не остается и мѣста возраженію. А когда нѣтъ въ томъ сомнѣнія; что должны мы сказать о

законѣ? То ли, что онъ есть грѣхъ? *да не будетъ.* Итакъ разрѣши недоумѣніе. Видишь ли, какъ Апостолъ вызываетъ противника, и принявъ тонъ Учителя, приступаетъ къ рѣшенію. Въ чемъ же состоитъ рѣшеніе? Хотя законъ не есть грѣхъ, говоритъ Апостолъ; *но грѣха не знахъ, точію закономъ.* Примѣчай высокую мудрость! Что законъ не есть грѣхъ, Апостолъ изложилъ сіе въ видѣ возраженія, дабы опровергнувъ оное, и пѣмъ сдѣлавъ угожденіе Іудею, убѣдить его согласиться на то, что не столь важно. Что же это такое не столь важное? То, что *грѣха не знахъ, точію закономъ; похоти не вѣдахъ;* продолжаетъ онъ: *аще не бы законъ глаголалъ: не похощеши.* Видишь ли, какъ нечувствительнымъ образомъ даетъ разумѣть, что законъ не только обличаетъ грѣхъ, но и нѣкоторымъ образомъ подаетъ поводъ къ оному. Впрочемъ виною сего, поставляетъ Апостолъ, не законъ; а неразумныхъ Іудеевъ. Апостолъ старался заградить уста и Манихеямъ, которые обвиняли законъ; ибо сказавъ: *грѣха не знахъ, точію закономъ, и похоти не вѣдахъ, аще не бы законъ глаголалъ: не похощеши,* присовокупилъ:

(8) *Вину же пріемь грѣхъ заповѣдію, содѣла во мнѣ всяку похоть.* Видишь ли, какъ снялъ вину съ закона? *Вину пріемь грѣхъ,* говоритъ Апостолъ, а не законъ увеличилъ похоть, и вышло противное тому, чего желалъ законъ. Сіе доказываетъ слабость, а не

злокачественность закона. Когда пытаемъ къ чему-нибудь вождѣленіе, и намъ воспрещаютъ то, тогда огонь вожделѣнія разгарается сильнѣе. Но сіе происходитъ не отъ закона, онъ запрещалъ съ тѣмъ, чтобы отвесть отъ вожделѣнія. Грѣхъ же, то есть, твоя безпечность, твоя злая воля, самое добро употребили во зло. А въ худомъ употребленіи лѣкарства виновенъ не врачь, но больный. Богъ не для того далъ законъ, чтобы имъ воспламенять похоть, но для того, чтобы угашать оную. Хотя вышло и противное; но виновенъ въ томъ не законъ, а мы. Несправедливо было бы винить того, кто больному горячкою, который радъ непрестанно пить холодное, не дастъ много пить, и тѣмъ усиливаетъ въ немъ столь пагубное для него вожделѣніе. Дѣло лѣкаря— только запретить; а воздерживаться долженъ самъ больный. Что изъ того, ежели грѣхъ получилъ поводъ посредствомъ закона? Худому человѣку и доброе приказаніе служитъ часто поводомъ сдѣлаться порочнѣе. Такъ діаволъ погубилъ Іуду, ввергнувъ въ сребролюбіе и содѣлавъ тѣмъ принадлежащаго нищимъ. Но не ввѣренный ему денежный ящикъ былъ причиною гибели, а худое расположеніе воли. Оно же изгнало изъ рая Адама и Еву, побудивъ ихъ вкусить отъ древа; и не древо въ томъ было виною, хотя имъ данъ поводъ. Не дивись, что Павелъ, говоря о законѣ, употребилъ весьма сильныя выраженія. Онъ ограничивается

самонужнѣйшимъ; сколько не допускаетъ, чтобы слова его послужили поводомъ для разумѣющихъ иначе; столько заботится исправить настоящее. Посему принимай здѣсь въ разсмотрѣніе не голыя слова, но вникни въ причину, которая заставила Апостола такъ говорить, представь себѣ неисповѣдство Іудеевъ, и непреодолимое ихъ упорство, которое старался преодолѣть онъ. Когда же по видимому много говоритъ противъ закона; не законъ винитъ, а изслагаетъ только упорство Іудеевъ. Ежели же въ вину закону поставить то, что грѣхъ посредствомъ него получилъ поводъ; то найдешь, что сіе же самое случилось и въ Новомъ Завѣтѣ. Ибо и въ Новомъ Завѣтѣ есть тысячи законовъ, которые касаются многихъ даже важнѣйшихъ предметовъ. И всякій видитъ, что тоже самое бываетъ и здѣсь не только въ разсужденіи похоти, но и вообще въ разсужденіи всякаго порока. *Аще не бых пришелъ и глаголалъ имъ*, говоритъ Христосъ, *грѣха не быша имѣли* (Іоан. XV, 22). Слѣдовательно грѣхъ и здѣсь нашелъ для себя поводъ и большее наказаніе. Также и Павелъ, разсуждая о благодати, говоритъ: *Колико мните горшія сподобится муки, иже Сына Божія поправый* (Евр. X, 29). Слѣдовательно большее благодѣяніе подало случай къ тягчайшей казни. Подобно и объ язычникахъ говоритъ Апостолъ, что они содѣлались безотвѣтными, потому что будучи одарены разумомъ, и имѣя возмож-

ность чрезъ изученіе красотъ творенія возвыситься умомъ до Творца, не воспользовались, какъ должно Божіею премудростію. Видишь, что добрыя дѣйствія для порочныхъ всегда служили случаемъ быть болѣе наказанными. Но конечно не будемъ за сіе винить Божіихъ благодѣяній; напротивъ при всемъ этомъ еще болѣе станемъ имъ удивляться; осудимъ же тѣхъ, которые самое добро обратили во зло. Точно также поступимъ и въ разсужденіи закона. Все сіе легко и удобопонятно; но встрѣчается затрудненіе въ томъ, почему, какъ говоритъ Апостолъ, *похоти не вѣдахъ, аще не бы законъ глаголалъ: не похощеши?* Если бы человѣкъ не зналъ похоти, пока не получилъ закона; отъ чего бы случиться потопу? За что бы сожигать Содомъ? Итакъ въ какомъ смыслѣ говоритъ Апостолъ о похоти? Въ томъ, что оная усиливается закономъ. Посему сказалъ не просто: содѣла во мнѣ похоть, но: *всяку похоть*, разумѣя чрезъ то чрезмѣрность похоти. Спросишь: какая же польза въ законѣ, ежели страсть имъ усилена?—Никакой, напротивъ еще большій вредъ. Впрочемъ не законъ виновенъ, а виновна безпечность принявшихъ законъ? Ибо похоть произведена грѣхомъ, и хотя посредствомъ закона, но тогда какъ законъ забопился не о томъ, а о пропивномъ. Слѣдственно грѣхъ сталъ гораздо сильнѣе закона. Но и сіе должно поставить опять въ вину не закону, а людской неблагодарности.

Безъ закона бо грѣхъ мертвъ есть, то есть менѣе извѣстенъ. Хотя и до закона жившіе знали, что грѣшатъ; однакожъ узнали то обстоятельнѣе, когда объявленъ законъ; а потому съ сего времени, стали подлежать большему осужденію. Ибо иное дѣло имѣть обличителемъ природу, и иное сверхъ природы законъ, который даетъ на все ясныя предписанія.

(9) *Азъ же живяхъ кромѣ закона иногда.* Когда же, скажи мнѣ?—До Моисея. Видишь, какъ Апостолъ и тѣмъ, что сдѣлалъ законъ, и тѣмъ, что не сдѣлалъ онъ, старается доказать, что онъ обременилъ человѣческую природу. Когда жилъ я безъ закона, разсуждаетъ Апостолъ, не столько подвергался осужденію. *Пришедшей же заповѣди, грѣхъ убо оживе.*

(10) *Азъ же умрохъ.* Хотя по видимому клонится сіе къ обвиненію закона; впрочемъ кто тщательно изслѣдуетъ, тотъ увидитъ въ семъ похвалу закону; потому что онъ не произвелъ грѣха дотолѣ не бывшаго; а только обнаружилъ сокрытый. Сіе—то и похвально для закона. Ежели до закона грѣшили, нечувствуя того; то послѣ закона, хотя не получили другаго плода, по крайней мѣрѣ обстоятельно узнали, что грѣшатъ. А это не малый уже способъ освободиться отъ порока. Если же люди не освобождались отъ порока, законъ, употреблявшій всѣ мѣры, чтобъ отклонить отъ онаго, не подлежитъ за то отвѣтственности, а вся вина падаетъ на собственную волю людей, повредив-

шуюся сверхъ всякаго ожиданія. Ибо ни мало не сообразно съ разумомъ терпѣть вредъ отъ того, что долженствовало служить къ пользѣ. Почему и Апостолъ сказалъ: *И обрѣтеся ми заповѣдь, яже въ животъ, сія въ смерть.* Не сказалъ: сдѣлалась смертію, или: породила смерть; но: *обрѣтеся въ смерть*, объясняя тѣмъ необыкновенность и странность таковой несообразности, въ которой виновны единственно сами люди. Если хочешь знать цѣль закона, говоритъ Апостолъ; онъ велъ къ жизни, для чего и данъ. Если же произошла изъ того смерть; виновны въ семъ принявшіе заповѣдь, а не самая заповѣдь, которая ведетъ къ жизни.

Еще яснѣе высказалъ сіе Апостолъ въ слѣдующихъ словахъ: (11) *Грѣхъ бо вину пріемь заповѣдію, прельсти мя, и тою умертви мя.* Видишь ли, какъ онъ вездѣ преслѣдуетъ грѣхъ, а законъ освобождаетъ отъ всякаго обвиненія? Почему и присовокупилъ.

(12) *Тѣмже убо законъ святъ, и заповѣдь свята и праведна и блага.* Ежели угодно, упомянемъ и о томъ, какъ нѣкоторые извращаютъ сіе толкованіе; такъ какъ симъ объяснится болѣе собственная наша мысль. Итакъ иные утверждаютъ, что Апостолъ въ приведенныхъ теперь словахъ говоритъ не о законѣ Моусеовѣ, но или о законѣ естественномъ, или о заповѣди данной въ раю. Но цѣль Павлова состояла единственно въ томъ, чтобы опровергнуть законъ Моусеевъ; до тѣхъ же

законовъ ему не было и дѣла. И причина тому очевидна. Іудеи пропитились благодати, потому что боялись и трепетали закона Моисеева. Притомъ же заповѣдь, данную въ раю, какъ Павелъ, такъ и никто никогда кажется не называлъ закономъ. Дабы яснѣе видѣть сіе изъ собственныхъ словъ Апостола, посмотримъ, что говоритъ онъ нѣсколько выше. Обстоятельно разсуждая съ Іудеями о правилахъ жизни, онъ присовокупилъ: *Или не разумѣете, братіе, яко законъ обладаетъ надъ человѣкомъ, во елико время живетъ; тѣмже вы умросте закону.* Итакъ если сказано сіе объ естественномъ законѣ; будетъ слѣдовать, что мы не имѣемъ онаго. А если то справедливо; мы не разумнѣе безсловесныхъ животныхъ. Нѣтъ, нѣтъ! Не нужно также спорить о заповѣди, данной въ раю, дабы не заводить напрасныхъ прѣній о томъ, что признано всѣми. Въ какомъ же смыслѣ говоритъ Апостолъ: *грѣха не знахъ, точію закономъ?* Онъ разумѣетъ не совершенное невѣденіе, а обстоятельнѣйшее познаніе. И ежели сіе говорится о законѣ естественномъ; то какъ связать съ тѣмъ слѣдующія слова? *Азъ же живяхъ кромѣ закона иногда*, говоритъ Павелъ. Ни Адамъ, ни другой человѣкъ никогда кажется не жилъ безъ закона естественнаго. Какъ скоро Богъ сотворилъ Адама; вложилъ въ него сей законъ, дабы оный служилъ надежнымъ соповарищемъ въ жизни для всего человѣческаго рода. Сверхъ того Апостолъ

естественнаго закона нигдѣ, кажется, не называетъ заповѣдію. А сей законъ именовалъ заповѣдію праведною и святою, закономъ духовнымъ. Законъ же естественный данъ намъ не отъ Духа. Ибо всѣ люди, и варвары и язычники имѣютъ сей законъ. Изъ сего явствуетъ, что Павелъ и выше, и ниже, и вездѣ разсуждаетъ о законѣ Моусеевомъ. Посему и называетъ оный святымъ, говоря: *законъ святъ, и заповѣдь свята, праведна и блага.* Хотя Іудеи и послѣ закона были нечистыми, неправедными, сребролюбивыми; впрочемъ сіе не уменьшаетъ совершенства закона; также какъ ихъ невѣрность не уничтожаетъ вѣрности Божіей. А изъ всего этого видно, что Апостолъ разсуждаетъ здѣсь о законѣ Моусеевомъ.

(15) *Благое ли убо бысть мнѣ смерть,* спрашиваетъ Апостолъ? *да не будетъ: но грѣхъ, да явится грѣхъ, благимъ ми содѣвая смерть,* то есть, да окажется, какое зло есть грѣхъ, безпечная воля, стремленіе къ худшему, приведеніе онаго въ дѣйствіе, и развращеніе сердца. Ибо въ семъ заключается причина всѣхъ золъ. Апостолъ же усиливаетъ изображеніе грѣха, дабы показать преизбытокъ Христовой благодати и научить, отъ какого зла избавленъ ею человѣческій родъ, послѣ того какъ всѣ врачебныя пособія усиливали болѣзнь, и всѣ средства остановить зло, увеличивали оное. Посему присовокупляетъ: *да будетъ по преимогу грѣшенъ грѣхъ заповѣдію.* Видишь

ли, какъ у Апостола законъ и грѣхъ вездѣ соединены. Чѣмъ обвиняетъ онъ грѣхъ, тѣмъ самымъ въ большей еще мѣрѣ доказываетъ доблести закона. И не мало успѣлъ въ томъ, показавъ, какое зло есть грѣхъ, обнаруживъ и изобразивъ всю ядовитость онаго. Ибо сіе самое выразилъ въ словахъ: *да будетъ по премногу грѣшенъ грѣхъ заповѣдію*, то есть, пусть откроется, какое зло, какая пагуба есть грѣхъ. А все это открылось чрезъ заповѣдь. Симъ же Апостолъ доказываетъ и превосходство благодати предъ закономъ; превосходство, а не противоположность. Не смотря на то, что принявшіе законъ сдѣлались хуже; но прими во вниманіе, что законъ не только не хотѣлъ усилить зла, но даже старался пресѣчь зло до него бывшее. А если и не въ состояніи былъ совершить то; увѣнчай за расположеніе. Но тѣмъ съ глубочайшимъ почтеніемъ повергнись предъ всемогуществомъ Христовымъ; потому что Христосъ столь разнообразное и непреоборимое зло исторгъ съ корнемъ и истребилъ. Когда же слышишь о грѣхѣ, представляй себѣ не осуществленную какуюнибудь силу, но порочное дѣйствіе, что начинающееся, что прекращающееся, и какъ до совершенія не существовавшее, такъ и по совершеніи опять исчезающее. По причинѣ грѣха данъ былъ законъ; а законъ всегда дается не для истребленія чеголибо естественнаго, но для исправленія произвольнаго худаго дѣйствія. О семъ знаютъ и языческіе законодатели;

это извѣстно всему человѣческому роду. Они возстаютъ только противъ пороковъ, происходящихъ отъ нерадѣнія, а не берутся отсѣчь тѣхъ, которые получены въ наслѣдство отъ природы; потому что сіе невозможно. Все природное остается непремѣннымъ, о чемъ неоднократно говорилъ я вамъ въ другихъ бесѣдахъ.

Посему оставивъ таковыя усилія займемся доброю нравственностію; вѣрнѣе же сказать, это и составитъ часть тѣхъ усилій. Какъ скоро изгонимъ изъ себя порокъ, и поселимъ въ себѣ добродѣтель; симъ самымъ ясно докажемъ, что порочность не есть природное зло; а желающимъ знать, откуда зло ведетъ свое начало, удобно заградимъ уста не словомъ, но самымъ дѣломъ, когда явимся предъ ними свободными отъ ихъ пороковъ, хотя имѣемъ съ ними одинакую природу. Не на то будемъ смотрѣть, что добродѣтель трудна, а на то, что возможно успѣть въ оной. Если же употребимъ раченіе, это будетъ и легко и удобно. Ты представляешь мнѣ пріятность порока; представь же и конецъ онаго. Слѣдствіемъ его бываетъ смерть; тогда какъ добродѣтель руководствуетъ насъ къ жизни. Но лучше, если угодно, разсмотримъ порокъ и добродѣтель безъ отношенія къ ихъ концу. Тогда увидимъ, что порокъ самъ въ себѣ имѣетъ много непріятностей; а добродѣтель сама собою доставляетъ удовольствіе. Ибо скажи мнѣ: что безпокойнѣе худой совѣсти? Что сладостнѣе доброй надежды? Ничто, ничто такъ

не уязвляетъ и не гнѣтетъ насъ, какъ ожиданіе худаго. Ничто столько не поддерживаетъ и едва не окрыляетъ, какъ добрая совѣсть. Примѣры того и другаго ежедневно видимъ передъ собою. Кто живетъ въ заключеніи и ожидаетъ себѣ приговора, хотя бы ему были предоставлены тысячи забавъ, безпокоится болѣе того, кто ходитъ по окнамъ и проситъ милостыни, но не сознаетъ за собою ничего худаго. Ожиданіе бѣды не даетъ чувствовать пріятности того, что въ рукахъ. И что говорить о заключенныхъ! Незнающій отдыха ремесленникъ, который трудится отъ утра до вечера, гораздо благодушнѣе въ сравненіи съ тѣмъ, кто ходитъ на волѣ и во всемъ имѣетъ достаткъ, но сознаетъ за собою худое. Мы съ сожалѣніемъ смотримъ на борца, хотя видимъ, что онъ веселится, упивается и объядается въ питейныхъ домахъ; мы называемъ его самымъ несчастнымъ человѣкомъ, потому что горечь ожидаемой имъ смерти несравненно превосходитъ всѣ вкушаемыя имъ удовольствія. Если же ему самому такая жизнь кажется пріятною; то припомните, о чемъ не однократно повторялъ я вамъ, что нимало не удивительно, когда живущій порочно не избѣгаетъ горестей и скорбей, необходимо сопряженныхъ съ порочною жизнію. Самое ненавистное дѣло представляется вожделѣннымъ тому, кто участвуетъ въ оном. Но мы не называемъ его за сіе блаженнымъ, а напротивъ сожалѣемъ о немъ; потому что

не знаетъ самъ всего зла, какому подверженъ. Что напримѣръ сказать о любодѣѣ, который для ничтожнаго удовольствія терпитъ позорное рабство, тратитъ деньги, живетъ во всегдашнемъ страхѣ, коротко сказать, ведетъ Каинову жизнь, или еще несноснѣйшую Каиновой; потому что боится настоящаго, трепещетъ будущаго, подозрѣваетъ друзей и непріятелей, знакомыхъ и незнакомыхъ. Даже и во время сна не свободенъ онъ отъ сего мученія; нечистая совѣсть вымышляетъ страшныя сновидѣнія, и пугаетъ его оными. Не таковъ человѣкъ цѣломудренный; настоящую жизнь проводитъ онъ въ покоѣ и совершенной свободѣ. Сравни теперь ничтожное удовольствіе съ безчисленными волнами ужасовъ, и кратковременный трудъ воздержанія съ спокойствіемъ цѣлой жизни, увидишь, что послѣдній пріятнѣе перваго. И у кого есть въ намѣреніи похитить и присвоить себѣ чужое имѣніе; тотъ, скажи мнѣ, не тысячи ли переноситъ трудовъ, непрестанно бѣгая, улещая рабовъ, свободныхъ, придверниковъ, страшая, грозя, дѣлая подлости, проводя безъ сна ночи, дрожа, мучась и всѣхъ подозрѣвая? Ничего подобнаго не случится съ человѣкомъ, который не привязанъ къ деньгамъ; напротивъ онъ наслаждается полнымъ удовольствіемъ, живетъ безъ страха и въ совершенной безопасности. А если угодно кому разсмотрѣть и прочіе пороки; то вездѣ увидитъ великое смятеніе, множество подводныхъ камней. Всего же важнѣе

то, что въ добродѣтели хотя начало трудно, но продолженіе пріятно, чѣмъ и самый прудъ облегчается; но въ порокѣ все бываетъ напротивъ, за удовольствіемъ слѣдуютъ болѣзни и мученія; а отъ сего и самое удовольствіе пропадаетъ. Какъ ожидающій себѣ вѣнца не чувствуетъ настоящаго обремененія; такъ ждущій себѣ наказанія послѣ удовольствія, не можетъ вкушать чистой радости, потому что страхъ возмущаетъ оную. А употребивъ болѣе вниманія, примѣтишь, что порочный еще до наказанія, опредѣленнаго за худыя дѣла, терпитъ не малое мученіе въ ту самую минуту, когда отваживается на худое. И ежели угодно видѣть тому примѣръ, взглянемъ на человѣка, который захватываетъ себѣ чужое, и всякими мѣрами наживаетъ деньги. Не говоря о страхахъ, объ опасностяхъ, о трепетѣ, о безпокойствахъ и о всемъ тому подобномъ, предположимъ, что этотъ человѣкъ обогащается безъ всякихъ для себя огорченій, и совершенно увѣренъ въ сбереженіи того, что у него есть. Допустимъ все это, хотя оно и не возможно. Но какое же удовольствіе будетъ вкушать этотъ человѣкъ? То ли, что много собираетъ? Но сіе то и помѣшаетъ его радости. Доколѣ человѣкъ желаетъ большаго; безпокойство не покидаетъ его ни на минуту. Всякое вожделѣніе тогда доставляетъ удовольствіе, когда удовлетворено. Въ жаждѣ, тогда только успокоиваюсь, когда выпиваю, сколько хотѣлось.

А доколѣ чувствую жажду, хотя изчерпаю всѣ источники, еще болѣе томлюся, и хотя выпью тысячи рѣкъ, еще сильнѣе мучуся. Такъ и ты, хотя получишь все на свѣтѣ, но если еще ощущаешь въ себѣ вожделѣніе, тѣмъ больше будешь мучиться, чѣмъ больше станешь исполнять свое желаніе. А изъ сего познай, что не собирать много, но не желать уже большаго обогащенія доставляетъ тебѣ удовольствіе. Доколѣ желаешь приращенія богатства, дотолѣ мученіе твое не прекратится. А сіе желаніе безконечно; чѣмъ далѣе идешь впередъ, тѣмъ болѣе отдаляешься отъ цѣли. Не странность ли это, не затмѣніе ли ума, не крайнее ли безуміе? Итакъ удержимся отъ перваго шага къ пороку, или лучше сказать, постараемся и не касаться порочнаго вожделѣнія; а если коснемся, убѣжимъ въ первую же минуту. Какой совѣтъ даетъ намъ Притчникъ, говоря о женѣ блудницѣ: Бѣги, не останавливайся, *и не приближися къ дверемъ дому ея* (Прит. V, 8); такой же предлагаю и тебѣ въ разсужденіи любостяжанія. Ежели скольконибудь погрязнешь въ морѣ сего безумія; трудно будетъ освободиться изъ онаго. И какъ въ водоворотѣ, сколько ни усиливайся, не преодолѣешь стремленія воды; такъ впавши въ бездну сея похоти погубишь себя со всѣмъ своимъ имуществомъ. Посему умоляю васъ остерегись и бѣжать зла въ самомъ началѣ, пока оно мало; ибо изъ малаго родится большее. Кто передъ всякимъ грѣхомъ

привыкъ говорить: это еще не бѣда; тотъ по немногу все погубитъ. Что ввело въ міръ зло? Что отверзло двери разбойнику? Что ниспровергло спѣны городовъ? Привычка говорить: это еще не бѣда. Такъ и въ тѣлѣ усиливаются самыя опасныя болѣзни, когда не обращено бываетъ вниманія на незначительныя болѣзни. Если бы Исавъ не продалъ первородства, то не сдѣлался бы недостойнымъ благословенія. А если бы не сдѣлался недостойнымъ благословенія; не дошелъ бы до того, чтобы желать братоубійства. Если бы Каинъ не былъ столько пристрастенъ къ первенству; но предоставилъ бы сіе Богу; то не унизился бы на второе мѣсто. И если бы по униженіи внялъ увѣщанію; не разродился бы убійствомъ. И если бы по совершеніи убійства обратился къ покаянію, и когда воззвалъ его Богъ, не далъ бы столь безстыднаго отвѣта; то въ послѣдствіи не потерпѣлъ бы такихъ несчастій. Ежели жившіе до закона отъ такого нерадѣнія не примѣтно погрязли въ самой глубинѣ золъ; то помыслимъ, что постигнетъ насъ, призванныхъ на обширнѣйшее поприще, когда не сохранимъ должнаго къ себѣ вниманія, и не угасимъ искры зла прежде, нежели воспламенится цѣлый костеръ. Напримѣръ, ты часто нарушаешь клятву? Не только удерживайся отъ клятвопреступленія, но перестань и клясться; тогда первое сдѣлается уже не труднымъ. Ибо гораздо труднѣе клянущемуся не нарушать клятвы, чѣмъ вовсе не клясться. Ты привыкъ

дѣлать обиды, браниться и драться? Поставь для себя закономъ не сердиться и вовсе не кричать; тогда вмѣстѣ будетъ испоргнутъ и корень и плодъ. Ты похотливъ и сластолюбивъ? Положи опять себѣ за правило не смотрѣть на женщинъ, не ходить въ театръ, не заглядываться на чужіе наряды среди торжища. Ибо гораздо легче удержаться отъ перваго взгляда на красивую женщину, чѣмъ, увидѣвши ее и почувствовавши вожделѣніе, усмирить сію бурю. Всякая борьба въ началѣ легче. Вѣрнѣе же сказать: не нужно и бороться, если не отворимъ дверей врагу, и не допустимъ, чтобы въ насъ запали сѣмена порока. Посему и Христосъ опредѣлилъ наказаніе тому, кто смотритъ на женщину нечисто. Дабы избавить насъ отъ большаго труда, Онъ повелѣваетъ гнать противника изъ дому, пока онъ не усилился, пока можно еще выгнать. Какая нужда принимать на себя лишніе труды и вступать въ бой, когда и безъ боя можемъ поставить себѣ побѣдный трофей, прежде борьбы можемъ восхитить себѣ награду? Не смотрѣть на прекрасную женщину не такой трудъ, какъ, смотря на нее, воздержать себя. Лучше же сказать, первое вовсе не составляетъ труда; а если посмотришь, много наживешь себѣ заботъ и трудовъ. Итакъ когда трудъ меньше, или даже вовсе не нужны ни труды, ни усилія, а пользы больше; то для чего стараемся сами себя ввергнуть въ море безчисленныхъ золъ? Не смотрѣть

на женщину не только легче, но еще предохраняетъ отъ вожделѣнія; а кто смотритъ на нее, тотъ, если и освобождается отъ вожделѣнія, то съ большимъ трудомъ и съ нѣкоторымъ пятномъ для себя. Ибо кто не видитъ красиваго лица, тотъ чистъ отъ возбуждаемаго онымъ вожделѣнія; а кто вожделѣлъ видѣть, тотъ соблазнился уже помысломъ, тысячекратно осквернилъ себя, и потомъ начинаетъ сводить съ себя пятна похоти, если только захочетъ свести ихъ. Посему то Христосъ, дабы не случилось сего съ нами, запрещаетъ не только убійство, но и гнѣвъ; не только прелюбодѣяніе, но и нечистое воззрѣніе; не только клятвопреступленіе, но и всякую клятву. Даже не останавливается на сей мѣрѣ добродѣтели, но послѣ таковыхъ узаконеній простирается далѣе. Удержавъ отъ убійства, велѣвъ быть свободнымъ отъ гнѣва, повелѣваетъ быть готовымъ къ претерпѣнію зла, и терпѣть оное не въ той только мѣрѣ, въ какой хочетъ заставить насъ терпѣть злонамѣренный человѣкъ, но гораздо въ превосходнѣйшей, дабы чрезмѣрность его неистовства препобѣждалась избыткомъ нашего любомудрія. Не сказалъ Онъ: *если кто ударитъ тебя въ правую щеку*, перенеси равнодушно и успокойся, но присовокупилъ, что ты долженъ подставить ему и другую; ибо говоритъ: *обрати ему и другую* (Матѳ. V, 39). Въ томъ и состоитъ блистательность побѣды, чтобы дать ему сверхъ его желанія и предѣлы

его вожделѣнія превзойти обиліемъ своего терпѣнія. Симъ укротишь его бѣшенство, чрезъ второе получишь награду за первое, и отвратишь отъ него гнѣвъ. И знаешь ли, что не терпѣть намъ зла всегда въ нашей волѣ, а не въ волѣ дѣлающихъ намъ зло? Или правильнѣе сказать, въ нашей власти не только не терпѣть зла, но даже изъ зла извлекать добро. Всего же удивительнѣе то, что, ежели будемъ осторожны, не только никто не сдѣлаетъ намъ обиды, но даже, какъ обижающій, такъ и всякій другой, окажетъ намъ благодѣяніе. Смотри же! Кто нибудь обидѣлъ тебя? Ты властенъ обиду сію обратить для себя въ похвалу. Если за обиду заплатишь обидою же; навлечешь на себя большій стыдъ. А если будешь благословлять обидчика; увидишь, что всѣ тебя прославятъ и увѣнчаютъ. Примѣчаешь ли, какъ обижающіе насъ, если захочемъ, сдѣлаются нашими благодѣтелями? Тоже самое, если кто отыметъ у тебя имѣніе, ударитъ тебя, или причинитъ другой какой вредъ. Если за все сіе воздавать будемъ противнымъ; и тѣмъ, что потерпѣли зло, и тѣмъ, что воздали за оное благодѣяніемъ, соплетемъ себѣ сугубый вѣнецъ. И какъ когда кто нибудь придетъ къ тебѣ и скажетъ: такой то человѣкъ обидѣлъ тебя, и при всѣхъ говоритъ о тебѣ худо; похвали при немъ обидчика. Въ такомъ случаѣ, если захочешь и отмстить, можешь получить удовлетвореніе. Ибо всякій, даже и самый скудоумный, слыша добрый

твой отзывъ объ обидчикѣ, похвалитъ тебя, а обидчика твоего возненавидитъ, какъ человѣка, который люшѣе всякаго звѣря, потому что огорчилъ тебя, не видавъ отъ тебя обиды, между тѣмъ какъ ты, потерпѣвши зло, воздалъ ему добромъ. Симъ самымъ можно доказать, что напрасно говорено о тебѣ худо. Кто обижается, когда говорятъ о немъ худо, тотъ своею скорбію доказываетъ, что сознается въ справедливости о немъ сказаннаго. А кто смѣется тому, симъ самымъ истребляетъ всякое о себѣ подозрѣніе въ присутствующихъ. Разсуди же, сколько изъ сего выдетъ для тебя добраго. Вопервыхъ избавишься смущенія и безпокойства; вовторыхъ, или лучше считай это первымъ, если имѣешь за собою какіе грѣхи, очистишься отъ нихъ, подобно мытарю, который великодушно перенесъ Фарисеево обвиненіе. Сверхъ того, такимъ упражненіемъ усовершишь душу свою въ любомудріи, услышишь отъ всѣхъ тысячи себѣ похвалъ, и уничтожишь во всякомъ подозрѣніе о томъ, что было о тебѣ сказано. Если же хочешь отмстить обидчику; то сіе послѣдуетъ само собою и въ большей мѣрѣ; потому что Богъ накажетъ его за клевету; а до сего наказанія и твое любомудріе нанесетъ ему жестокій ударъ. Нашихъ обидчиковъ всего болѣе уязвляетъ то, что смѣемся надъ обидами, ими нанесенными намъ. И какъ любомудріе самыя обиды обращаетъ для насъ во благо; такъ слѣдственъ малодушія бываетъ совершенно

противное. И себя стыдимъ, и присутствующихъ утверждаемъ въ мысли, что справедливо говорили о насъ худо, и душу свою приводимъ въ смятеніе, и врага радуемъ, и Бога огорчаемъ, и число грѣховъ своихъ увеличиваемъ. Размысливъ о всемъ этомъ, будемъ убѣгать бездны малодушія, поспѣшимъ укрыться въ пристань терпѣнія, дабы и здѣсь обрѣсти покой душамъ своимъ, какъ предрѣкъ Христосъ, и улучить будущія блага, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу, слава, держава, честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ; Аминь.

БЕСѢДА 13.

VII, 14. *Вѣмы бо, яко законъ духовенъ есть: азъ же плотянъ есмь, проданъ подъ грѣхъ.*

Апостолъ сказалъ выше, что зло увеличилось, что грѣхъ, будучи одерживаемъ заповѣдію, больше усилился, и на дѣлѣ вышло противное тому, чего домогался законъ, и симъ привелъ онъ слушателя въ большее недоумѣніе. Посему освободивъ сперва законъ отъ худаго подозрѣнія, объясняетъ потомъ причину, отъ чего такъ случилось. Слыша, что грѣхъ получилъ поводъ посредствомъ заповѣди, что, когда

пришла заповѣдь, грѣхъ ожилъ, что грѣхъ обольстилъ и умертвилъ заповѣдію,—иной могъ подумать, что законъ былъ виною сихъ золъ. Посему Апостолъ прежде всего предлагаетъ самое сильное защищеніе закона, въ которомъ не только освобождаетъ его отъ обвиненія, но даже превозноситъ похвалами. И въ семъ защищеніи не подаетъ вида, что самъ хочетъ говорить въ пользу закона, но произноситъ общій приговоръ. *Вѣмы бо*, говоритъ онъ, *яко законъ духовенъ есть*. Симъ какъ бы сказалъ: всякій знаетъ и соглашается, что законъ духовенъ; а посему и не возможно, чтобы онъ былъ причиною грѣха, чтобы на немъ лежала вина произшедшихъ золъ. И замѣть, что не только освобождаетъ его отъ обвиненія, но и хвалитъ безъ мѣры. Наименовавъ его духовнымъ, даетъ тѣмъ знать, что онъ есть наставникъ добродѣтели и врагъ порока. Быть духовнымъ значитъ отводить отъ всякаго грѣха. Это и дѣлалъ законъ, устрашая, вразумляя, наказывая, исправляя, совѣтуя все то, что добродѣтельно. Но отъ чего же, спросишь, при столь чудномъ наставникѣ произошелъ грѣхъ? Отъ нерадѣнія учениковъ. Посему Апостолъ присовокупилъ: *азъ же плотянъ есмь*, изображая человѣка и подъ закономъ и до закона жившаго. *Проданъ подъ грѣхъ*. Въ слѣдъ за смертію, говоритъ онъ, толпою нахлынули страсти. Какъ скоро тѣло учинилось смертнымъ; по необходимости допустило въ себя и похоть;

и гнѣвъ, и болѣзнь, и все прочее; а посему много нужно любомудрія, чтобы при наводненіи страстей разсудокъ не погрязъ во глубину грѣха. Хотя онѣ сами по себѣ не составляли грѣха; впрочемъ произвели оный своею необузданною неумѣренностью. Такъ на примѣръ, ежели взять одну изъ страстей, именно: плотское вожделѣніе, оно не грѣхъ. Но когда человѣкъ впалъ въ неумѣренность, и не захотѣлъ ограничиваться закономъ брака, но сталъ питать вожделѣніе къ чужимъ женамъ; тогда сіе содѣлалось любодѣяніемъ, не по причинѣ плотскаго вожделѣнія, но по причинѣ неумѣренности въ оном. И замѣть мудрость Павлову. Похваливъ законъ, немедленно обращается ко временамъ древнимъ, дабы изъ состоянія, въ какомъ находился родъ человѣческій до закона и подъ закономъ, обнаружилась необходимость преизобилующей благодати, которую Апостолъ вездѣ старался доказать. Ибо когда говоритъ: *проданъ подъ грѣхъ;* разумѣетъ не только жившихъ подъ закономъ; но и тѣхъ, которые жили до закона съ самаго начала міра. Послѣ чего объясняетъ, какъ человѣкъ проданъ и выданъ.

(15) *Еже бо содѣваю*, говоритъ онъ, *не разумѣю*. Что значитъ: *не разумѣю?* Незнаю. Какъ же случилось сіе? Никто никогда не грѣшилъ въ невѣденіи. Примѣчаешь ли, что ежели не избирать словъ съ надлежащею осмотрительностію и не обращать вниманія на цѣль Апостола, то выдетъ много несообразностей?

Если бы люди грѣшили въ невѣденіи; то не за что было бы ихъ наказывать. Итакъ Апостолъ и выше сказавъ: *безъ закона грѣхъ мертвъ есть*, не то выразилъ, что иногда грѣшили въ невѣденіи. Люди и безъ закона знали, что грѣшатъ, но не во всей подробности; почему хотя были наказываемы, но легче. И опять говоря: *похоти не вѣдахъ*, не выражаетъ совершеннаго незнанія, а только указываетъ на яснѣйшее познаніе. Также сказавъ: *содѣла во мнѣ всяку похоть*, разумѣлъ не то, что заповѣдь произвела похоть, но то, что грѣхъ посредствомъ заповѣди усилилъ похоть. Такъ и здѣсь, когда говоритъ: *еже бо содѣваю, не разумѣю*, не выражаетъ тѣмъ совершеннаго невѣденія. Ибо какъ же соуслаждается *закону Божію по внутреннему человѣку?* Итакъ что же значитъ: *не разумѣю?* Пребываю во мракѣ, увлекаюсь, терплю насиліе, самъ незнаю, какъ даюся въ обманъ. И сами говоримъ обыкновенно: незнаю, какъ такой—то человѣкъ пришелъ и увлекъ меня; хотя вовсе не думаемъ извиняться незнаніемъ, а выражаемъ только, что тутъ былъ нѣкоторый обманъ, умыселъ и омраченіе. *Не еже бо хощу, сіе творю, но еже ненавижду, то содѣловаю.* Какъ же незнаешь, что дѣлаешь? Ежели желаешь добраго, и ненавидишь злое; то сіе показываетъ въ тебѣ совершенное знаніе. Изъ сего видно, что словами: *не еже хощу*, не уничтожаетъ свободнаго произволенія, и не означаетъ какой-

либо неопвратимой необходимости. Ибо ежели грѣшимъ непроизвольно, а по принужденію; то не видно причины, за что люди были доселѣ наказываемы. Но какъ словомъ: не разумѣю, Апосполъ выразилъ не незнаніе, а то, что сказано нами выше; такъ присовокупивъ: *не еже хощу*, выразилъ не необходимость, а то, что не одобряетъ сдѣланнаго. А ежели бы не такую имѣлъ мысль; то къ словамъ: *не еже хощу*, *сіе творю*, почему бы не присовокупить ему: дѣлаю то, къ чему вынужденъ необходимостію? Ибо противоположное волѣ и свободѣ есть необходимое. Но Апосполъ не сказалъ сего, а замѣтилъ то словами: *еже ненавижду*, дабы ты разумѣлъ, что онъ и словами: *не еже хощу*, не уничтожилъ свободы. Итакъ что значитъ: *еже не хощу?* Не хвалю, не одобряю, не люблю. Въ противоположность сему присовокупилъ онъ и слѣдующее: *но еже ненавижду*, *то содѣловаю*.

(16) *Аще ли, еже не хощу, сіе творю, хвалю законъ, яко добръ*. Видишь ли между прочимъ, что разумъ не поврежденъ, но дѣйствительно сохраняетъ свойственное ему благородство? Если и предается пороку; то предаваясь оному ненавидитъ оный. А сіе и служило всегда самою лучшею похвалою закона, какъ естественнаго, такъ и писменнаго. Что законъ добръ, разсуждаетъ Апосполъ, сіе видно изъ того, что я обвиняю самъ себя, хотя не повинуюсь закону, но ненавижу и сдѣланное мною.

Не если бы законъ былъ виновенъ въ грѣхѣ; но почему же бы, находя удовольствіе въ законѣ, ненавидѣть повелѣваемое закономъ? *Хвалю законъ*, говоритъ Апостолъ, *яко добръ*.

(17) *Нынѣ же не ктому азъ сіе содѣваю, но живый во мнѣ грѣхъ*. (18) *Вѣмъ бо, яко не живетъ во мнѣ, сирѣчь въ плоти моей, доброе*. На сихъ словахъ опираются тѣ, которые вооружаются противъ плоти, и исключаютъ ее изъ числа твореній Божіихъ. Что же отвѣчать на сіе? Тоже, что говорили недавно, разсуждая о законѣ. Какъ тамъ Апостолъ приписываетъ все грѣху, такъ и здѣсь. Не говоритъ, что плоть сіе дѣлаетъ, но совершенно напротивъ: *не ктому азъ сіе содѣваю, но живый во мнѣ грѣхъ*. Если же сказалъ, что въ плоти не живетъ доброе; то не ея эта вина. Тѣмъ, что не живетъ во плоти доброе, не доказывается еще, что она сама въ себѣ зла. Соглашаемся, что тѣло ниже и недостаточнѣе души; однакожъ оно не противоположно, не враждебно душѣ и не зло; напротивъ, какъ гуслисту гусли, какъ кормчему корабль, такъ душѣ подчинено тѣло. И гусли и корабль не противоположны тому, кто управляетъ оными и приводитъ ихъ въ дѣйствіе; напротивъ весьма сродны, хотя и не одинакаго достоинства съ художникомъ. Кто говоритъ, что искусство не въ гусляхъ и не въ кораблѣ, а въ кормчемъ и въ гуслистѣ, тотъ не унижаетъ сихъ орудій, а показываетъ различіе между художникомъ

и произведеніемъ его. Такъ и Павелъ говоря: не живетъ въ плоти моей доброе, не тѣло порочитъ, а показываетъ превосходство души. Ибо душа всѣмъ завѣдываетъ, и искуствомъ правитъ кораблемъ или играть на гусляхъ. Тоже самое доказываетъ здѣсь и Павелъ, приписывая власть душѣ. Раздѣливъ человѣка на двѣ сіи части: душу и тѣло, онъ утверждаетъ, что плоть неразумна и безсмысленна, и есть нѣчто управляемое, а не управляющее, а душа премудра, способна познавать, что должно дѣлать и чего не дѣлать, хотя и не имѣетъ столько силъ, чтобы править конемъ по произволу. Но въ семъ виновна не одна плоть, а вмѣстѣ и душа, которая, зная, что должно дѣлать, не приводитъ въ исполненіе ею самою одобреннаго. *Еже бо хотѣти*, говоритъ Апостолъ, *прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю.* Опять и здѣсь сказавъ: *не обрѣтаю*, разумѣетъ не невѣденіе или сомнѣніе, а нападеніе и козни грѣха, что самое выражаетъ яснѣе, присовокупивъ:

(19) *Не еже бо хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сіе содѣваю.* (20) *Аще ли еже не хощу азъ, сіе творю, уже не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ.* Видишь ли, какъ Апостолъ, сложивъ вину и съ существа души и съ существа плоти, все приписалъ порочной дѣятельности? Ежели человѣкъ не хочетъ зла; душа свободна отъ онаго. Ежели онъ не дѣлаетъ зла; и тѣло не раболѣп-

ствуетъ оному. Все зависитъ единственно отъ худаго произволенія. Душа, тѣло и произволеніе въ сущности не одно и тоже. Но первыя суть творенія Божіи; а послѣднее есть движеніе, раждающееся изъ насъ самихъ, которое мы направляемъ, куда хотимъ. Воля сама въ себѣ есть природная способность, данная отъ Бога; но воля, направленная къ извѣстной цѣли, есть нѣчто наше собственное, дѣйствіе нашего расположенія.

(21) *Обрѣтаю убо законъ, хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ.* Сіе неясно сказано. Что же оно значитъ? Хвалю законъ по совѣсти, разсуждаетъ Павелъ, и когда хочу дѣлать доброе, нахожу себѣ въ немъ защитника, который напрягаетъ мою волю. Какъ я услаждаюсь закономъ; такъ и онъ одобряетъ мое расположеніе. Видишь ли, какъ Апостолъ доказываетъ, что изъ начала вложено въ насъ познаніе добра и недобра, и что законъ Моусеевъ хвалитъ оное, и самъ похваляемъ онымъ? Какъ выше не сказалъ: я учусь у закона, но: хвалю законъ: такъ и теперь не говоритъ: беру наставленіе у закона; но: *соуслаждаюся закону*. Что значитъ: *соуслаждаюся?* Сознаю, что онъ добръ, и столько же мнѣ желаетъ добра, сколько я самъ. Человѣку дано свыше, чтобъ желать добра и не желать зла. Когда же явился законъ, нашелъ больше, что охуждать въ злѣ, и что хвалить въ добрѣ. Видишь ли, что Апостолъ приписываетъ закону

не больше, какъ нѣкоторое усиленіе и дополненіе? Хотя законъ хвалитъ доброе, а я соуслаждаюсь и желаю добра; однакожъ злое еще прилежитъ, и дѣйствіе его не уничтожается. Итакъ законъ намѣревающемуся сдѣлать что-нибудь доброе потолику въ семъ содѣйствуетъ, поколику самъ онъ себѣ тогоже желаетъ. Поелику же Апостолъ неясно сіе выразилъ; то въ послѣдствіи толкуетъ и приводитъ въ большую ясность, показывая, какимъ образомъ прилежитъ зло, и какимъ образомъ законъ содѣйствуетъ желающему дѣлать доброе.

(22) *Соуслаждаюся бо закону Божію по внутреннему человѣку.* Я зналъ добро и до закона, разсуждаетъ Апостолъ, и когда нахожу оное изображеннымъ въ писменахъ, хвалю.

(23) *Вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противовоюющъ закону ума моего.* Закономъ противовоюющимъ Апостолъ опять назвалъ здѣсь грѣхъ не по достоинству, а по чрезмѣрному послушанію покорствующихъ ему. Какъ маммону называетъ господиномъ и чрево Богомъ не по собственному ихъ достоинству, а по великому раболѣпству подчиненныхъ; такъ и здѣсь назвалъ грѣхъ закономъ, потому что люди служатъ ему и боятся покинуть оный столько же, сколько принявшіе законъ страшатся не исполнить закона. И грѣхъ, говоритъ Апостолъ, противится закону естественному; таковъ смыслъ словъ: *закону ума моего.* Сей—то естественный законъ ополчаетъ Апостолъ и выводитъ

на ратоборство, на него возлагаетъ весь подвигъ. А законъ Моусеевъ приданъ послѣ и какъ бы въ добавокъ. Впрочемъ тотъ и другой и научающій доброму, и одобряющій оное не произвели въ сей борьбѣ ничего великаго. Таково побѣдоносное и торжествующее мучительство грѣха! Изображая сіе противоборство и побѣду пересилившей стороны, Павелъ сказалъ: *Вижду инъ законъ противовоюющъ закону ума моего, и плѣняющъ мя.* Не сказалъ просто: побѣждающій, но: *плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ.* Не сказалъ также: влеченіемъ плоти, или природою плоти, но: *закономъ грѣховнымъ*, то есть, мучительствомъ, насиліемъ. Почему же называетъ оный *сущимъ во удѣхъ моихъ?* Что это значитъ? Не члены называетъ грѣхомъ, а напротивъ отдѣляетъ ихъ отъ грѣха. Ибо иное есть пребывающее въ чемъ нибудь, и иное то, въ чемъ оно пребываетъ. Какъ заповѣдь не зла, хотя грѣхъ посредствомъ ея получилъ поводъ; такъ не зла и природа плоти, хотя грѣхъ чрезъ нее преодолѣваетъ насъ. Ибо иначе и душа будетъ зла, и еще въ большей мѣрѣ, поколику въ ея власти располагать человѣческими дѣйствіями. Но нѣтъ, нѣтъ она не зла. Если мучитель или разбойникъ займетъ какое нибудь зданіе или царскій дворецъ, ни мало не виновенъ въ томъ домъ, а вся вина падаетъ на тѣхъ, по чьему злоумышленію сіе сдѣлалось. Но сего не понимаютъ враги истины, которые при своемъ

нечестіи впадаютъ въ совершенное безуміе. Они не только винятъ плоть, но клевещутъ и на законъ. Ежели плоть зла; то законъ добръ; потому что воюетъ съ нею и противится ей. А ежели законъ не добръ; то добра плоть; потому что, по собственнымъ ихъ словамъ, борется съ закономъ и враждуетъ на него. Какъ же говорятъ, что плоть и законъ отъ діавола. когда они столько между собою противны? Видишь ли, какое нечестіе и вмѣстѣ какое безуміе? Не таково ученіе Церкви; по оному осуждается одинъ грѣхъ, оба же закона данные отъ Бога, и естественный и Моусеевъ, находятся во враждѣ со грѣхомъ, а не съ плотію. Ибо плоть есть не грѣхъ, а Божіе твореніе, весьма полезное для насъ въ подвигахъ добродѣтели, ежели только сами бодрствуемъ.

(24) *Окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* Видишь ли, каково мучительство зла, какъ оно побѣждаетъ умъ даже находящій удовольствіе въ законѣ? Никто не можетъ сказать о себѣ, разсуждаетъ Апостолъ: грѣхъ дѣлаетъ меня своимъ плѣнникомъ, потому что ненавижу законъ, и отвращаюсь онаго. Напротивъ я нахожу въ немъ удовольствіе, хвалю его, прибѣгаю къ нему; но онъ не силенъ спасти даже и прибѣгающихъ къ нему. А Христосъ спасъ и убѣгающаго отъ Него. Видишь ли, сколь велико превосходство Благодати? Но Апостолъ не сказалъ сего ясно; а только возстенавъ и проливъ

горькія слезы, подобно человѣку лишенному помощника, самою отчаянностію своего положенія доказываетъ силу Христову и говоритъ: *окаяненъ азъ человѣкъ: кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?* Законъ оказался безсильнымъ, совѣсть немощною; хотя я хвалилъ доброе, даже не только хвалилъ, но и боролся со зломъ. Ибо Апостолъ, назвавъ грѣхъ противовоюющимъ, далъ разумѣть, что и самъ вооружался противъ грѣха. Итакъ откуда же будемъ надѣяться спасенія?

(25) *Благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ Господомъ нашимъ.* Видишь ли, какъ Апостолъ вывелъ необходимость явленія благодати, и показалъ, что она есть общій даръ Отца и Сына? Хотя благодаритъ Отца; впрочемъ причиною сего благодаренія есть Сынъ. А когда слышишь, что онъ говоритъ: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея?*—не считай сего обвиненіемъ плоти. Онъ назвалъ ее не тѣломъ грѣха, но тѣломъ смерти, то есть, смертнымъ тѣломъ, плѣненнымъ смертію, а не породившимъ смерть. Сіе служитъ доказательствомъ не злокачественности тѣла, но оставшагося въ немъ поврежденія. Какъ плѣненный варварами называется варварскимъ не потому, что онъ варваръ, а потому, что находится во власти у варваровъ: такъ и тѣло называется тѣломъ смерти, потому что во власти у смерти, а не потому, что произвело смерть. Посему и Апостолъ желаетъ избавиться

не опъ шѣла, но опъ шѣла смертнаго, давая шѣмъ разумѣть, какъ не однократно замѣчалъ я, что шѣло, содѣлавшись подверженнымъ страданію, опъ сего самаго стало подручнымъ грѣху. Но ежели таково было мучительство грѣха до благодати; то за что, спросишь, грѣшники были наказываемы? За то, что даны имъ такія заповѣди, которыя можно было исполнить находясь и во власти грѣха. Законъ не требовалъ опъ нихъ высокаго совершенства въ жизни; но позволялъ пользоваться своимъ имуществомъ, не запрещалъ имѣть многихъ женъ, въ правомъ дѣлѣ предаваться гнѣву, и наслаждаться умѣренными забавами. Имъ столько сдѣлано снисхожденія, что законъ писанный требовалъ менѣе, нежели сколько повелѣвалъ законъ естественный. Хотя естественный законъ всегда предписывалъ одному мущинѣ вступать въ бракъ съ одною женщиною, что ясно засвидѣтельствовалъ Христосъ, сказавъ: *яко сотворивый искони мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть;* но законъ Моусеевъ, какъ не запрещалъ, разведясь съ одною, вступать въ бракъ съ другою, такъ не препятствовалъ имѣть вдругъ двухъ женъ. И кромѣ сего найдешь, что жившіе до Моусеева закона, по внушенію одного естественнаго закона, исполняли многое, чего не требовалось закономъ Моусеевымъ. Итакъ жившіе въ ветхомъ завѣтѣ не потерпѣли никакого убытка опъ введенія у нихъ столь умѣреннаго законодательства.

Но ежели при всемъ томъ не могли оспаться побѣдителями; то виною сему собственное ихъ нерадѣніе. Посему Павелъ благодаритъ за то, что Христосъ не подвергъ насъ никакому испытанію, и не только не потребовалъ отчета въ нашихъ дѣлахъ, но содѣлалъ насъ способными продолжать теченіе. По этому говоритъ Онъ: *благодарю Бога моего Іисусъ Христомъ*. И не говоря уже о спасеніи, какъ о такомъ дѣлѣ, которое, по доказанному выше, всѣми признано, переходитъ къ важнѣйшему, и доказываетъ, что мы не только освободились отъ прежнихъ грѣховъ, но и на будущее время содѣлались не подручными грѣху.

(8, 1) *Ни едино убо нынѣ*, продолжаетъ онъ, *осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ, не по плоти ходящимъ*. Но сказалъ сіе не прежде, какъ упомянувъ еще разъ о прежнемъ состояніи. Ибо сказалъ напередъ: *тѣмъ же убо самъ азъ умомъ моимъ работаю закону Божію: плотію же закону грѣховному*, присовокупилъ потомъ: *ни едино убо осужденіе сущимъ о Христѣ Іисусѣ*. Поелику же словамъ его противорѣчило то, что многіе грѣшатъ и послѣ крещенія; спѣшитъ отклонить сіе противорѣчіе, и не просто говоритъ: *сущимъ о Христѣ Іисусѣ*, но прибавляя: *не по плоти ходящимъ*, чѣмъ и даетъ разумѣть, что все сіе происходитъ уже отъ нашего нерадѣнія. Ибо нынѣ возможно ходить не по плоти, а до Христа было сіе

прудно. Потомъ сіе же самое Апостолъ доказываетъ иначе, продолжая такъ:

(2) *Законъ бо духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ мя есть.* Подъ именемъ закона духа разумѣетъ здѣсь духа; ибо какъ грѣхъ назвалъ грѣховнымъ закономъ, такъ и духа называетъ закономъ духа. Но и Моусеевъ законъ наименовалъ такъ же духовнымъ, сказавъ: *вѣмы бо, яко законъ духовенъ есть.* Инакъ какое же различіе? великое и безмѣрное. Тотъ есть духовный законъ; а сей законъ Духа. Чѣмъ же отличается одинъ отъ другаго? Тѣмъ, что одинъ данъ только Духомъ, а другой пріявшимъ оный, обильно преподалъ Духа. Посему Апостолъ наименовалъ его такъ же закономъ жизни, въ отличіе отъ закона грѣховнаго, а не отъ закона Моусеева. Ибо когда говоритъ: освободилъ тебя отъ закона грѣха и смерти, разумѣемъ подъ симъ не Моусеевъ законъ. Такъ какъ послѣдняго нигдѣ не называетъ закономъ грѣховнымъ. И можно ли было назвать такъ законъ, который неоднократно именовалъ праведнымъ и святымъ, разрушителемъ грѣха? Напротивъ разумѣемъ законъ противовоюющій закону ума. Сію то тяжкую брань прекратила благодать Духа, умерщвляющая грѣхъ, дѣлающая борьбу легкою для насъ, и сперва вѣнчающая, а потомъ подъ сильнымъ прикрытіемъ изводящая на подвигъ. И какъ Апостолъ въ другихъ случаяхъ, отъ Сына переходя къ Духу, а отъ Духа къ Отцу и къ Сыну, все совер-

шенное для насъ приписываетъ Троицѣ; такъ поступаетъ и здѣсь. Послѣ словъ: *кто мя избавитъ отъ тѣла смерти сея*, показалъ, что Отецъ совершаетъ сіе чрезъ Сына. Потомъ опять приписываетъ сіе Святому Духу вмѣстѣ съ Сыномъ; ибо говоритъ: *законъ Духа жизни* во Христѣ Іисусѣ освободилъ тебя. Потомъ снова приписываетъ Отцу и Сыну.

(3) *Немощное бо закона*, говоритъ Апостолъ, *въ немъ же немощствоваше плотію, Богъ Сына Своего посла въ подобіи плоти грѣха, и о грѣсть осуди грѣхъ во плоти.* Хотя по видимому опять осуждаетъ законъ; но при тщательномъ вниманіи открывается, что весьма выхваляетъ оный, доказывая, что законъ согласенъ со Христомъ, и предписываетъ тоже самое. Ибо не сказалъ, что законъ былъ худъ, но называетъ оный немощнымъ. И показываетъ то, въ чемъ былъ немощенъ, а не то, въ чемъ дѣлалъ или замышлялъ зло. Самую немощь приписываетъ не закону, а плоти, говоря: *въ немъ же немоществоваше плотію.* Плотію же опять здѣсь называетъ не самое существо и подлежащее, а мудрованіе чрезъ мѣру плотское, чѣмъ и освобождаетъ отъ вины какъ тѣло, такъ и законъ. Тоже самое подтверждаетъ и слѣдующими словами. Если бы законъ былъ противенъ; для чего Христу приходитъ къ нему на помощь, исполняетъ его праведность, подаваетъ ему руку, осудивъ грѣхъ во плоти? Сіе и оспавалось только

сдѣлать, потому что законъ давно уже осудилъ грѣхъ въ душѣ. И такъ не ужели законъ совершилъ большее, а единородный Божій меньшее? нимало. Хотя и первое совершено преимущественно Богомъ, Который далъ законъ естественный, а потомъ присовокупилъ и законъ писанный; но и кромѣ того, если бы не было предложено меньшаго, ни къ чему бы не послужило большее. Какая польза знать, что должно дѣлать то, чего еще нѣтъ? Никакой; напротивъ сіе можетъ быть поводомъ къ большему осужденію. Изъ сего видно, что тотъ спасъ душу, кто содѣлалъ плоть благопокорною. Учить не трудно; но показать путь, которымъ съ удобностію можно достигнуть сего,— вотъ дѣло подлинно чудное. Для сего пришелъ Единородный, и не прежде оставилъ дѣло Свое, какъ освободивъ насъ отъ онаго неудобства. Всего же замѣчательнѣе самый образъ побѣды. Христосъ не другую принялъ плоть, но туже разслабленную грѣхомъ. Представь, что царскій сынъ, увидѣвъ на рынкѣ, что бьютъ низкаго состоянія и безпріютную женщину, называетъ себя ея сыномъ, и тѣмъ освобождаетъ ее изъ рукъ обидчиковъ. Тоже самое учинилъ Сынъ Божій; Онъ исповѣдалъ Себя Сыномъ человѣческимъ, явился на помощь плоти и осудилъ грѣхъ. Итакъ грѣхъ не осмѣлился уже бить ее, или лучше сказать, хотя поразилъ смертельнымъ ударомъ, впрочемъ что всего удивительнѣе, не пораженная плоть, но поразившій

грѣхъ подвергся осужденію и погибъ. Если бы побѣда совершилась не во плоти, сіе было бы менѣе удивительно, потому что и законъ производилъ тоже самое. Но удивительно то, что Христосъ, бывъ во плоти, воздвигъ трофей, и та самая плоть, которую грѣхъ низлагалъ тысящекратно, одержала надъ нимъ блистательную побѣду. Вотъ сколько въ семъ необычайнаго! Первое то, что грѣхъ не побѣдилъ плоти; второе, что самъ онъ побѣжденъ и побѣжденъ плотію. Не одно и тоже быть непобѣдимымъ и побѣдить того, кто всегда низлагалъ. Третіе, что плоть не только побѣдила, но и наказала. Христосъ тѣмъ, что не согрѣшилъ, явился непобѣдимымъ; а тѣмъ, что умеръ, побѣдилъ, и осудилъ грѣхъ, содѣлавъ для него страшною ту самую плоть, которая была прежде презираема. Симъ уничтожилъ Онъ силу грѣха, и уничтожилъ смерть, введенную въ міръ грѣхомъ. Ибо доколѣ грѣхъ встрѣчалъ грѣшниковъ, по всему праву наносилъ имъ смерть. Когда же нашелъ безгрѣшное тѣло и предалъ оное смерти, какъ учинившій несправедливость, подвергся осужденію. Видишь ли сколько одержано побѣдъ. Плоть не преодолѣна грѣхомъ, самый грѣхъ побѣжденъ и осужденъ, и не просто осужденъ, но какъ согрѣшившій. Ибо Христосъ сперва уличилъ его въ неправдѣ, а потомъ осудилъ, и осудилъ не просто силою и властію, но по всѣмъ законнымъ правамъ. Сіе самое выразилъ Апостолъ,

сказавъ: *о грѣсѣ осуди грѣхъ во плоти.* Сіе може значить, что сперва изобличилъ въ тяжкомъ грѣхѣ, а потомъ уже осудилъ оный. Видишь ли что вездѣ осуждается грѣхъ; а не плоть; напротивъ плоть увѣнчавается, и произноситъ свой приговоръ надъ грѣхомъ? А ежели сказано, что Богъ послалъ Сына *въ подобіи плоти*, то не заключай изъ сего, что плоть Христова была инакова. Но поелику плоть человѣческая названа *плотію грѣха;* то прибавлено слово: *подобіе.* Ибо Христосъ имѣлъ не грѣховную плоть, но хотя подобную нашей грѣховной, впрочемъ безгрѣшную и по природѣ одинаковую съ нами. Слѣдственно и изъ сего такъ же видно, что природа плоти не зла. Христосъ, дабы побѣдить плотію грѣхъ, принимаетъ не другую плоть, а прежнюю человѣческую, и ту не измѣняетъ въ существѣ ея. Напротивъ оставивъ существо плоти неизмѣннымъ, достигъ того, что она пріобрѣла вѣнецъ за побѣду надъ грѣхомъ. Послѣ же сея побѣды воскресилъ ее и содѣлалъ безсмертною. Ты спросишь: есть ли какая для меня польза изъ того, что сіе совершилось во плоти Христовой? Для тебя именно и есть. Посему Апостолъ присовокупилъ:

(4) *Да оправданіе закона исполнится въ насъ, не по плоти ходящихъ.* Что значитъ *оправданіе?* Конецъ, цѣль, успѣхъ. Чего же законъ домогался, и что иногда производилъ? Чтобы человѣку быть безгрѣшнымъ. Сіе

то самое совершено для насъ нынѣ Христомъ. Его было дѣло противоборствовать и побѣждать, а наше пользоваться побѣдою. Итакъ мы не будемъ уже грѣшить, не будемъ, если не слишкомъ разслабнемъ и упадемъ въ духѣ. Посему Апостолъ присовокупилъ: *въ насъ не по плоти ходящихъ*. А дабы слыша, что Христосъ избавилъ тебя отъ брани со грѣхомъ, и что чрезъ осужденіе грѣха во плоти исполняется въ тебѣ оправданіе закона, ты не пренебрегъ нужнымъ пріуготовленіемъ, Апостолъ, какъ выше сказавъ: *ни едино осужденіе*, присовокупилъ: *не по плоти ходящимъ*; такъ и здѣсь тоже самое прибавилъ къ словамъ; *да оправданіе закона исполнится въ насъ*. Или правильнѣе сказать, здѣсь прибавлено нѣчто еще гораздо большее. Сказавъ: *да оправданіе закона исполнится въ насъ, не по плоти ходящихъ*, присовокупилъ: *но по духу*, давая тѣмъ разумѣть, что должно не только воздерживаться отъ зла, но и украшаться добромъ. Христово дѣло дать тебѣ вѣнецъ, а твое сохранять на себѣ оный. Христосъ совершилъ для тебя то, въ чемъ состояло оправданіе закона, именно, чтобы ты не подлежалъ клятвѣ. Итакъ не утрать сего дара; но береги прекрасное сіе сокровище. Симъ Апостолъ внушаетъ тебѣ, что для нашего спасенія недостаточно крещенія, если послѣ онаго не покажемъ жизни достойной сего дара. Слѣдовательно и сіе сказано опять въ защищеніе закона. Ибо и по увѣрованіи

во Христа надобно все дѣлать и выполнять, дабы оправданіе закона, исполненное Христомъ, въ насъ дѣйствовало, а не оставалось безъ силы. —

(5) *Сущіи бо по плоти,* говоритъ Апостолъ, *плотская мудрствуютъ; а иже по духу, духовная.* (6) *Мудрованіе бо плотское, смерть есть: а мудрованіе духовное, животъ и миръ.* (7) *Зане мудрованіе плотское, вражда на Бога: закону бо Божію не покаряется, ниже бо можетъ.* Впрочемъ и сіе не клонится къ обвиненію плоти. Доколѣ соблюдаетъ она собственный свой чинъ, не бываетъ ничего не сообразнаго. Когда же во всемъ дадимъ волю плоти, и она, преступивъ положенные для нее предѣлы, возстанетъ на душу; тогда все губитъ и портитъ не по собственной своей природѣ, но по причинѣ неумѣренности и происходящаго отъ оной безпорядка. *А иже по духу, духовная. Мудрованіе бо плотское, смерть есть.* Не сказалъ: естество плоти или сущность тѣла, но *мудрованіе плотское*—то, что можно исправить и уничтожить. Словомъ же, *мудрованіе,* не приписываетъ плоти собственнаго мышленія; нѣтъ, симъ означаетъ грубѣйшую наклонность сердца, которому даетъ имя, заимствованное отъ худшей части человѣка, такъ какъ во многихъ мѣстахъ Писанія и цѣлый человѣкъ въ совокупности съ душею называется обыкновенно плотію. *А мудрованіе духовное.* Опять и

здѣсь разумѣетъ духовное сердце, какъ и ниже говоритъ: *испытаяй же сердца, вѣсть, что есть мудрованіе духа* (Рим. VIII, 27). И показываетъ многочисленныя блага, произпекающія изъ него, для настоящей и будущей жизни. Ибо въ сравненіи съ зломъ, какое производится плотскимъ мудрованіемъ, гораздо болѣе добра доставляетъ духовное мудрованіе, что выразилъ Апостолъ сказавъ: *животъ и миръ. Животъ* въ противоположность сказанному прежде, такъ какъ плотское мудрованіе наименовалъ смертію. А *миръ* въ противуположность сказанному послѣ; ибо сказавъ: *миръ*, присовокупилъ: *зане мудрованіе плотское вражда на Бога*, что хуже смерти. Потомъ объясняя, почему плотское мудрованіе есть смерть и вражда, говоритъ: *закону бо Божію не покаряется, ниже бо можетъ*. Но не смущайся, слыша: *ниже бо можетъ*. Сіе затрудненіе отвратитъ еще удобно. Подъ именемъ плотскаго мудрованія Апостолъ разумѣетъ здѣсь разумъ оземленѣвшій, грубый, пристрастный къ житейскому и худымъ дѣламъ. О немъ говоритъ Апостолъ, что не можетъ покаряться Богу. Какая же надежда на спасеніе, если не возможно стать добрымъ тому, что худо? Апостолъ не то говоритъ. Иначе самъ Павелъ какъ учинился бы столь великимъ? Какъ спасся бы разбойникъ? Какъ спасся бы Манассія? Какъ спаслись бы Ниневитяне? Какъ возсталъ бы Давидъ по своемъ паденіи? Какъ

пришелъ бы въ себя Петръ, отрекшійся отъ Христа? Какъ могъ бы блудникъ быть принятъ въ стадо Христово? Какъ возвратили бы себѣ прежнее блаженство Галаты, утратившіе благодать? И такъ Апостолъ не то говоритъ, что худому не возможно стать добрымъ, но то, что худое, пока худо, не можетъ покаряться Богу, а если перемѣнится, оно станетъ добрымъ, и удобно покорится Богу. Онъ не сказалъ, что человѣкъ не можетъ покаряться Богу, но говоритъ, что худой поступокъ не можетъ быть добрымъ; сіе тоже значитъ, что сказать: блудодѣяніе не можетъ быть цѣломудріемъ, и порокъ добродѣтелію. Такъ когда Христосъ говоритъ въ Евангеліи: *не можетъ древо зло плоды добры творити* Матѳ. VII, 18); не отрицаетъ симъ возможности перейти отъ порока къ добродѣтели, а разумѣетъ только, что, предаваясь пороку, не льзя приносить добрыхъ плодовъ. Не сказалъ, что худое древо не можетъ стать добрымъ, а говоритъ, что пребывая худымъ, не можетъ оно приносить добрыхъ плодовъ. А что худое можетъ перемѣнится, сіе Христосъ далъ разумѣть и въ семъ мѣстѣ, и въ другой притчѣ, когда говорилъ о плевелахъ, ставшихъ пшеницею; почему и запрещаетъ ихъ выдергивать, дабы, какъ сказалъ Онъ, выдергивая плевелы, не выдергать пшеницы, то есть, которая изъ нихъ будетъ. Итакъ Апостолъ плотскимъ мудрованіемъ называетъ порокъ, и духовнымъ мудро-

ваніемъ данную благодать и дѣла одобряемыя благимъ произволеніемъ, и разсуждаешь здѣсь вовсе не о существѣ и природѣ, а о добродѣтели и о порокѣ. Чего не могъ ты сдѣлать, находясь подъ закономъ, говоритъ Апостолъ, то можешь нынѣ,—можешь ходить прямо и не спотыкаясь, если получишь помощь отъ Духа. Ибо мало еще не ходить по плоти, но должно ходить по духу; потому что для нашего спасенія нужно не только уклоняться отъ зла, но и дѣлать добро. Сего же достигаемъ, когда душу предадимъ духу, а плоть убѣдимъ пребывать на своей чредѣ. Ибо чрезъ сіе и ее сдѣлаемъ духовною, равно какъ предаваясь безпечности, содѣлаемъ душу плотскою. Поелику даръ сообщенъ не по естественной необходимости, но врученъ по свободному произволенію, то отъ тебя уже зависитъ стать тѣмъ или другимъ. Христосъ совершилъ все, что отъ Него зависѣло, грѣхъ не противовоюетъ закону ума нашего и не плѣняетъ насъ какъ прежде; напротивъ все сіе миновалось и кончилось; страсти усмирены, приведены въ страхъ и трепетъ благодатію Духа. Если же самъ ты угашаешь свѣтъ, сталкиваешь возницу, изгоняешь кормчаго; то самъ себя вини въ обуреваніи. Но что добродѣтель содѣлалась нынѣ болѣе удобоисполнима, а потому и любомудровъ больше, можешь видѣть сіе сличивъ, въ какомъ состояніи находился родъ человѣческій, когда господствовалъ законъ, и въ какомъ находится

нынѣ, когда возсіяла благодать. Что прежде казалось ни для кого не возможнымъ, какъ-то: дѣвство, презрѣніе смерти и другихъ многочисленныхъ страданій; то нынѣ исполняется повсюду въ мірѣ. Не только у насъ,—но у Скиѳовъ, у Ѳракіанъ, у Индовъ, у Персовъ и у другихъ варварскихъ народовъ есть лики дѣвъ, сонмы мучениковъ, общины монаховъ, и монаховъ даже больше, нежели живущихъ въ брачномъ союзѣ, вездѣ неподражаемый постъ, обиліе нищеты; а жившіе подъ закономъ, кромѣ одного или двухъ примѣровъ, не могли и во снѣ того себѣ представить. Итакъ, видя истину событій, взывающую громогласнѣе трубы, не предавайся нѣгѣ, не упрачивай толикой благодати. Безпечному, и по пріятіи вѣры, не возможно спастися. Подвиги содѣлались легче; дабы ты подвижникъ побѣждалъ, а не дремалъ, и величія благодати не обращалъ для себя въ предлогъ къ нерадѣнію, погрузившись опять въ прежнюю тину грѣховъ. Посему Апостолъ и присовокупляетъ:

(8) *Сущіи же во плоти, Богу угодити не могутъ.* Итакъ что же? Ужели, скажутъ, отсѣчь намъ тѣло, выдти изъ плоти, чтобы угодить Богу? Ужели, ведя насъ къ добродѣтели, велитъ намъ быть самоубійцами? Видишь ли, сколько раждается несообразностей, если сказанное Апостоломъ принять буквально? Подъ именемъ плоти Павелъ и здѣсь разумѣетъ не тѣло, но сущность тѣла, а плотскую и

мірскую жизнь, провождаемую въ забавахъ и роскоши, которая цѣлаго человѣка дѣлаетъ плотію. Какъ окрилленные Духомъ самое тѣло дѣлаютъ духовнымъ, такъ удаляющіеся духа, служащіе чреву и удовольствіямъ, самую душу дѣлаютъ плотію не измѣняя ея существа, но губя ея благородство. Такой образъ выраженія часто встрѣчается и въ Ветхомъ Завѣтѣ, и тамъ именемъ плоти означается грубая и нечистая жизнь, преданная гнуснымъ забавамъ. Такъ и Ною было сказано: *не имать Духъ Мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. VI, 3). Хотя самъ Ной обложенъ былъ плотію; но быть обложену плотію не составляло вины; такъ какъ сіе было естественно; преступно же любить плотскую жизнь. Посему Павелъ говоритъ: *сущіи же во плоти Богу угодити не могутъ*, и продолжаетъ: (10) *Вы же нѣсте во плоти, но въ духѣ.* И здѣсь опять разумѣетъ не просто плоть, но плоть, которую влекутъ страсти, и надъ нею мучительствуютъ. Для чего же, спросишь, не сказалъ онъ именно такъ, и не помѣстилъ сего различія? Дабы поощрить слушателя, и показать, что не въ тѣлѣ будетъ жить тотъ, кто истинно живетъ. Поелику всякому извѣстно, что живущій во грѣхѣ не духовенъ, то Апостолъ ставитъ большее, что духовный человѣкъ не только не во грѣхѣ, но даже и не во плоти, еще здѣсь дѣлается Ангеломъ, возносится на небо, и только носитъ на себѣ

тѣло. Если же осудишь плоть за то, что Апостолъ по ея имени называетъ жизнь плотскою; то должно будетъ осудить вмѣстѣ весь міръ, потому что порочной жизни даются часто имена, заимствованныя отъ слова: *міръ*, какъ и Христосъ говоритъ ученикамъ: *вы отъ міра нисте* (Іоан. XV, 19), и въ другомъ мѣстѣ братіямъ Своимъ сказалъ такъ же: *не можетъ міръ ненавидѣти васъ*; *Мене же ненавидитъ* (Іоан. VII, 7). Иначе и душу надобно будетъ назвать отчужденною отъ Бога, потому что живущіе въ заблужденіи именуются въ Писаніи душевными. Но конечно никто, никто не скажетъ сего. Ибо вездѣ надобно обращать вниманіе не на одни выраженія, но и на расположеніе говорящаго, умѣть точно различить сказанное. Иное добро, иное зло, иное ни добро ни зло; такъ душа или плоть есть нѣчто среднее, и можетъ спасть какъ тѣмъ, такъ и другимъ. А Духъ всегда благъ, и никогда не дѣлается чѣмъ либо инымъ. Такъ же плотское мудрованіе, то есть, порочное дѣйствіе, всегда зло. *Закону бо Божію не покаряется*. Итакъ ежели душу и тѣло отдашь лучшему; то и самъ будешь принадлежать къ тойже сторонѣ. А если отдашь худшему; то будешь участвовать въ гибели, изъ того происходящей, не по природѣ души или плоти, но по расположенію, имѣющему власть избрать то или другое. А что дѣйствительно таковъ смыслъ Апостольскихъ словъ, и оными не осуждается плоть, сіе увидимъ, обратясь

къ тому же опять выраженію, и разобравъ оное точнѣе. *Вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ*, говоритъ Павелъ. Какъ это? Уже ли они были не во плоти, но безтѣлесны? Возможно ли это? Примѣчаешь ли, что онъ разумѣлъ плотскую жизнь? Для чего же не сказалъ: вы не во грѣхѣ живете? Дабы ты вразумился, что Христосъ не только угасилъ мучительство грѣха, но и плоть содѣлалъ легчайшею и болѣе духовною, не чрезъ измѣненіе ея природы, но болѣе чрезъ окрыленіе ея. Какъ желѣзо, отъ продолжительнаго соприкосновенія къ нему огня, само дѣлается огнемъ, сохраняя собственную природу, такъ у вѣрныхъ и имѣющихъ Духа самая плоть перераждается въ иную дѣятельность, становясь совершенно духовною, во всемъ распинаемая и окрыляемая вмѣстѣ съ душею. Таково было тѣло Павла. Посему оно презирало всѣ забавы и удовольствія, увеселялось голодомъ, побоями, узами, и терпя сіе не скорбѣло. Сіе ясно выразилъ Павелъ, сказавъ: ибо мгновенное *и легкое страданіе наше* (2 Кор. IV, 17); такъ обучилъ онъ плоть идти наравнѣ съ Духомъ! *Аще Духъ Божій живетъ въ васъ*. Слово *аще* Апостолъ употребляетъ часто не для означенія сомнѣнія, но при полной увѣренности и вмѣсто *понеже*; какъ на примѣръ говоря: *аще праведно у Бога воздати скорбь оскорбляющимъ васъ* (2 Солун I, 6). И въ другомъ мѣстѣ: *толико пострадасте туне, аще точію и туне. Аще же кто Духа Христова*

не имать (Гал. III, 4). Не сказалъ, ежели вы не имѣете, но непріятное отнесъ къ другимъ. *Сей нѣсть Его*въ, продолжаетъ Апостолъ.

(10) *Аще же Христосъ въ васъ*. Опять говоритъ, что Христосъ въ нихъ. О непріятномъ упомянулъ коротко и въ серединѣ, а о вожделѣнномъ говоритъ и прежде и послѣ, притомъ во многихъ словахъ, дабы тѣмъ затѣмить непріятное. Говоря же сіе не называетъ Духа Христомъ; ни мало; но даетъ разумѣть, что имѣющій Духа не только называется Христовымъ, но даже имѣетъ въ себѣ Самаго Христа. Ибо невозможно, чтобы не было Христа тамъ, гдѣ есть Духъ. Гдѣ одно изъ лицъ Троицы, тамъ и вся Троица. Такъ Она сама въ себѣ нераздѣлима и тѣснѣйшимъ образомъ соединена. Что же будетъ, спрашиваешь ты, если Христосъ въ васъ? *Плоть убо мертва грѣха ради, духъ же живетъ правды ради.* Видишь, сколько золъ не имѣть въ себѣ Духа Святаго,—смерть, вражда на Бога, невозможность угождать Его законамъ, быть Христовымъ, какъ должно имѣть Его въ себѣ обитающимъ! Смотри такъ же, сколько благъ имѣть въ себѣ Духа—возможность быть Христовымъ, имѣть въ себѣ Самаго Христа, соспязаться съ Ангелами! Умертвить плоть, значитъ жить вѣчною жизнію, еще здѣсь на землѣ имѣть въ себѣ залогъ воскресенія и удобность идти спезею добродѣтели. Апостолъ не сказалъ, что тѣло дѣлается уже свободнымъ отъ грѣха, но говоритъ,

что оно мертво для грѣха, чѣмъ увеличиваетъ удобность подвиговъ. Въ комъ Христосъ, таковый вѣнчается даже безъ дѣлъ и трудовъ. Апостолъ же присовокупилъ: *для грѣха*, дабы разумѣлъ ты, что умерщвляется порокъ, а не естество тѣла. Ибо въ противномъ случаѣ уничтожится многое такое, что можетъ быть полезно для души. Итакъ не о семъ говоритъ Апостолъ; напротивъ онъ хочетъ, чтобы тѣло было мертво, оставаясь живымъ. Когда тѣла наши для тѣлесной дѣятельности ничѣмъ не разнятся отъ лежащихъ въ могилѣ; это есть признакъ, что имѣемъ въ себѣ Сына, что въ насъ пребываетъ Духъ. Но ты не спрашись, слыша объ умерщвленіи. Ибо имѣешь въ себѣ дѣйствительную жизнь, за которою не будетъ слѣдовать смерти. Такова жизнь духовная; она не покаряется уже смерти, но губитъ и истребляетъ смерть, и свое пріобрѣтеніе сохраняетъ безсмертнымъ. Посему Апостолъ, назвавъ тѣло мертвымъ, духъ наименовалъ не живымъ, но жизнію, давая тѣмъ разумѣть, что онъ можетъ дать жизнь и другимъ. Потомъ опять желая привязать къ себѣ слушателя, именовываетъ причину и доказательства жизни. Это есть праведность. Гдѣ нѣтъ грѣха, тамъ нѣтъ и смерти, а гдѣ нѣтъ смерти, тамъ некончаемая жизнь.

(11) *Аще ли же духъ воскресившаго Іисуса отъ мертвыхъ живетъ въ васъ, воздвигій* Господа *оживотворитъ и мертвенная тѣлеса*

ваша живущимъ Духомъ Его въ васъ. Опять начинаетъ говорить о воскресеніи, потому что надежда воскресенія особенно поощряетъ слушателя, и укрѣпляетъ его примѣромъ Христовымъ. Не спрашися, говоритъ, что ты обложенъ смертнымъ тѣломъ. Имѣй въ себѣ Духа, и тѣло несомнѣнно воскреснетъ. Что же это? Развѣ не воскреснутъ тѣла не имѣющіи Духа? А какъ же всѣ должны предстать судилищу Христову? Достовѣрно ли ученіе о геенѣ? Если неимѣющіе Духа не воскреснутъ, то нѣтъ и геенны. И такъ что значитъ сказанное Апостоломъ? Хотя всѣ воскреснутъ, но не всѣ въ жизнь; а одни въ наказаніе, другіе же въ жизнь. Посему не сказалъ: *воскреситъ*, но: *оживотворитъ*, что означаетъ больше, нежели воскресеніе, и даровано однимъ праведнымъ. Показывая же причину сея чести, присовокупилъ: *живущимъ Духомъ Его въ васъ*. Посему ежели упрашишь благодать Духа въ сей жизни, и умрешь не соблюдши ея въ цѣлости; то безъ сомнѣнія погибнешь, хотя и воскреснешь. Какъ, видя въ тебѣ блистающимъ Духъ Свой, Христосъ не восхощетъ предать тебя наказанію, такъ, видя въ тебѣ Его угасшимъ, не согласится ввести тебя въ брачный чертогъ, какъ и юродивыхъ дѣвъ.

Итакъ не давай тѣлу жить нынѣ, дабы оно жило тогда. Пусть оно умретъ, дабы не умирать. Доколѣ пребываешъ живымъ, дотолѣ не живетъ; а когда умретъ, будетъ жить. Тоже

будетъ и при общемъ воскресеніи. Тѣло должно сперва умереть и быть погребено, а потомъ стать безсмертнымъ. Тоже совершилось и въ крещеніи. Сперва человѣкъ распятъ и погребенъ, а потомъ воскресъ. Тоже было и съ Господнимъ тѣломъ. И оно было распято и погребено, а потомъ воскресло. Поступимъ и мы такъ же. Будемъ непрестанно умерщвлять тѣло въ дѣлахъ его. Говорю же сіе не о сущности тѣла, совершенно не о томъ, а о наклонностяхъ къ порочнымъ дѣламъ. Ибо не терпѣть въ себѣ ничего человѣческаго, не служить удовольствіямъ—составляетъ жизнь, даже единственную жизнь. А кто покорился удовольствіямъ, тому не льзя уже жить отъ сопровождающихъ ихъ безпокойствъ, страховъ, опасностей и безчисленнаго роя страстей. Приходитъ ли ему мысль о смерти; еще до смерти онъ умеръ отъ страха. Представляется ли ему въ умѣ болѣзнь, обида, бѣдность, или другая какая нечаянность, онъ погибъ и сокрушился. Что можетъ быть бѣдственнѣе такой жизни? Но не таковъ живущій по духу; онъ выше и страховъ, и скорби, и опасностей, и всякой перемѣны. Не только ничего не терпитъ, но, что гораздо важнѣе, презираетъ все, что бы ни случилось. Когда же бываетъ сіе? Когда Духъ постоянно живетъ въ насъ. Ибо Апостолъ назвалъ Духа не поселяющимся на коротное только время, но всегда живущимъ. Посему сказалъ не жившимъ, но *живущимъ Духомъ*, означая тѣмъ постоянное пребываніе.

Посему живущаго Духомъ справедливѣе назвать умершимъ для жизни. По сей причинѣ и Апостолъ сказалъ: *духъ живетъ правды ради*. А дабы яснѣе представить сказанное, возмемъ въ примѣръ двоихъ, одного преданнаго роскоши, удовольствіямъ и житейскимъ забавамъ, а другаго умершаго для всего того, и посмотримъ, кто изъ нихъ въ прямомъ смыслѣ живетъ. Положимъ, что одинъ весьма богатъ, знатенъ, кормитъ шунеядцевъ, и льстецовъ, пируетъ и упивается, даже проводитъ въ томъ цѣлые дни. А другой живетъ въ нищетѣ, въ постѣ, ведетъ суровую и любомудренную жизнь, только въ вечеру принимаетъ нужную пищу, или, если хочетъ, не ѣстъ по два и по три дни. Кто же изъ двоихъ, по вашему мнѣнію, въ прямомъ смыслѣ живетъ? Очень знаю, что многіе наименуютъ того, который всегда веселъ и разсѣянъ, а мы называемъ того, который наслаждается умѣренно. Если же угодно спорить и стоять въ своемъ; взойдемъ въ жилище каждаго, и именно въ то время, когда богачь, по своему мнѣнію, живетъ въ полномъ смыслѣ, то есть, во время его забавъ, и взойдя, посмотримъ, въ какомъ состояніи каждый изъ нихъ. Изъ дѣлъ ихъ видно будетъ, который живъ, и который мертвъ. Итакъ одного застанемъ за книгами, или въ молитвѣ, въ постѣ, или бодрствующаго, занятаго другимъ какимъ либо нужнымъ дѣломъ, и бесѣдующаго съ Богомъ. А другаго найдемъ погруженнымъ въ пьянство, въ состояніи немало

не лучшемъ смерти. Если же подождемъ до вечера, то увидимъ, что онъ еще больше объятъ смертію; и въ такомъ состояніи застаетъ его сонъ, между тѣмъ какъ первый проводитъ ночь безъ сна, и бодрствуетъ. Кого же изъ нихъ назовемъ въ прямомъ смыслѣ живымъ? лежащаго ли въ безчувственности, и служащаго для всѣхъ предметомъ смѣха, или трудящагося и бесѣдующаго съ Богомъ? Подойди къ одному и спроси о чемъ нибудь нужномъ, не услышишь ни слова, какъ отъ мертваго. А съ другимъ когда ни вздумаешь свидѣться ночью или днемъ, найдешь, что онъ походитъ болѣе на ангела, нежели на человѣка, и услышишь, какъ онъ любомудрствуетъ о небесныхъ предметахъ. Видишь ли, что одинъ живетъ жизнію, высшею всякаго живаго существа, а другой лежитъ въ состояніи, жалостнѣйшемъ мертвеца? Послѣдній, если и примется за какое нибудь дѣло, видитъ одно вмѣсто другаго, и походитъ на помѣшаннаго въ умѣ, или даже и его бѣднѣе. Ежели кто обидитъ помѣшаннаго въ умѣ; то всякій изъ насъ жалѣетъ объ обиженномъ, и порицаетъ обидчика. А надъ такимъ человѣкомъ ежели кто и наругается въ нашихъ глазахъ, не только не чувствуемъ къ нему жалости, но его же осуждаемъ лежащаго. И, скажи мнѣ, что эта за жизнь? Не хуже ли она тысячи смертей? Понимаешь ли, что предающійся забавамъ не только мертвъ, но даже хуже мертвеца, бѣднѣе сумасшедшаго? Одинъ

возбуждаетъ къ себѣ жалость, а другой отвращеніе. Одинъ пользуется похвалою, а другой заслуживаетъ наказаніе за самую болѣзнь свою. А ежели такъ смѣшенъ по наружности человѣкъ, у котораго течетъ гнилая слюна, и отъ котораго дурно пахнетъ виномъ, то представь, каково быть бѣдной душѣ, погребенной въ такомъ тѣлѣ, какъ въ гробѣ. Смотрѣть на сіе тоже, какъ видѣть, что какой нибудь служанкѣ, варварскаго происхожденія, безобразной и неопрятной, дана полная воля насмѣхаться и ругаться, надъ дѣвушкою чинною, благонравною и прекрасною, свободнаго и благороднаго поколѣнія. Таково то піянство! Кто изъ умныхъ людей не согласится лучше тысячу разъ умереть, чѣмъ провести такимъ образомъ одинъ день? На утро послѣ такого смѣшнаго препровожденія времени, хотя человѣкъ вспаетъ по видимому и трезвымъ, впрочемъ не имѣетъ совершеннаго цѣломудрія; его глаза подернуты еще туманомъ послѣ бури піянства. Положимъ даже, что онъ и совершенно трезвъ; какая изъ того польза? Трезвость его поможетъ ему только видѣть, какъ другіе пересуждаютъ его. Пока былъ въ безобразномъ положеніи, имѣлъ онъ ту выгоду, что нечувствовалъ насмѣшекъ; а на утро лишается и сего утѣшенія; потому что самъ замѣчаетъ, какъ домашніе перешептываются, жена краснѣетъ, друзья пересуживаютъ, непріятели насмѣхаются.—Что можетъ быть бѣдственнѣе такой жизни, въ день служишь посмѣ-

нищемъ, а вечеромъ опять приводишь себя въ тоже безобразное положеніе? Но что? не угодно ли, чтобы я представилъ тебѣ въ примѣръ лихоимца? И лихоимство есть пьянство своего рода, даже гнуснѣйшее. А ежели оно пьянство, то, безъ сомнѣнія, и смерть худшая оной, поколику самое опьяненіе сильнѣе. Не такъ гибельно упиться виномъ, какъ пристрастіемъ къ деньгамъ. Тамъ вредъ ограничивается болѣзнію, и прекращается безчувствіемъ и гибеліо самаго упившагося; а здѣсь простирается на тысячи людей, и всюду возжигаетъ разныя вражды. Итакъ сравнимъ между собою сихъ упившихся, посмотримъ, что у нихъ общаго, и въ чемъ одинъ превосходитъ другаго, сдѣлаемъ имъ взаимное сличеніе. Ибо ихъ не льзя даже и сравнивать съ тѣмъ блаженнымъ — живущимъ по Духу, а можно только разсматривать въ сличеніи другъ съ другомъ. Выставимъ еще разъ картину, на которой изображены тысячи убійствъ! Что же у нихъ общаго, чѣмъ походятъ одинъ на другаго? Самымъ свойствомъ болѣзни. Хотя различенъ родъ упоенія, одно производится виномъ, а другое деньгами; впрочемъ страсть одинакова. И тѣмъ и другимъ равно владѣетъ безумная похоть. Какъ упивающійся виномъ, чѣмъ больше опорожнитъ чашъ, тѣмъ большую чувствуетъ жажду; такъ влюбленный въ деньги, чѣмъ больше пріобрѣтаетъ, тѣмъ сильнѣйшимъ воспламеняется огнемъ похоти, и тѣмъ большею томится жаждою.

Въ этомъ сходствуютъ они между собою. А въ иномъ сребролюбецъ превосходитъ. Въ чемъ же именно? Въ томъ, что одинъ терпитъ пѣчно сообразное съ природою. Вино имѣетъ горячительное свойство, и усиливаетъ врожденную сухость, посему и производитъ жажду въ упивающихся. А лихоимецъ отъ чего желаетъ непрестанно большаго? Отъ чего? Чѣмъ больше обогащается, тѣмъ въ большей живетъ онъ нищетѣ. Страсть сія неудобопонятна и походитъ больше на загадку. Но взглянемъ на нихъ, если угодно, когда опьяненіе ихъ прошло; впрочемъ у сребролюбца, и не увидишь, чтобы оно проходило; онъ всегда въ опьяненіи. Итакъ посмотримъ на обоихъ въ состояніи опьяненія, разберемъ, кто изъ нихъ смѣшнѣе, и изобразимъ ихъ самыми точными чертами. Представимъ себѣ человѣка, потерявшаго разсудокъ отъ вина, какъ онъ при наступленіи вечера смотритъ во всѣ глаза — и никого не видитъ, какъ бросаетъ его туда и сюда; какъ на всякаго натыкается и изрыгаетъ, какъ онъ разтрепанъ и обнаженъ до гнусности, какъ жена, дочь, служанка и всякой надрываясь смѣются надъ нимъ. Выведемъ такъ же на позорище и сребролюбца. Его поступки достойны не только смѣха, но проклятія, сильнаго гнѣва и тысячи молній. Впрочемъ возмемъ пока въ разсмотрѣніе одно смѣшное. И сребролюбецъ, подобно пьяному, никого не узнаетъ, ни друзей, ни непріятелей, и онъ такъ же слѣпъ, хотя

смотрить во всѣ глаза. Какъ пьяница вездѣ видитъ вино, такъ этотъ вездѣ деньги. Изрыгаемое имъ гораздо несноснѣе; онъ извергаетъ изъ себя не пищу, а бранныя и обидныя слова, грозитъ враждою, смертію, привлекая тѣмъ на свою голову тысячи небесныхъ перуновъ. Какъ у пьянаго бываетъ тѣло синее и въ разслабленіи; такъ и у сребролюбца душа. Или лучше сказать, у него и тѣло не свободно отъ оной же болѣзни, но подвержено ей въ большей степени, потому что пуще вина изъѣдаютъ и постепенно истощаютъ оное заботы, гнѣвъ, безсонница. Одержимый пьянствомъ можетъ хотя ночью протрезвиться; а сребролюбецъ пьянъ непрестанно, и днемъ и ночью, и въ бодственномъ состояніи и во снѣ терпитъ наказаніе большее всякаго узника, или рудокопа, или всякаго другаго, осужденнаго на тягостнѣйшее мученіе. Скажи же теперь, жизнь ли это? Не смерть ли? Не хуже ли всякой смерти? Смерть доставляетъ покой тѣлу, избавляетъ отъ насмѣшекъ, отъ стыда, отъ грѣховъ. А сіи два рода пьянства ввергаютъ во все это, заграждаютъ слухъ, ослѣпляютъ глаза, и держатъ разсудокъ въ непроницаемомъ мракѣ. Сребролюбецъ ни о чемъ не хочетъ ни слышать, ни говорить, какъ о ростѣ, о ростѣ на ростъ, о гнусной прибыли, о ненавистныхъ барышахъ, о торгахъ приличныхъ рабамъ, а не свободному человѣку, какъ собака, на всѣхъ лаетъ, всѣхъ ненавидитъ, всѣхъ опасается, на всѣхъ

враждуешь безъ всякой къ нему причины, вооружаешся на бѣдныхъ, завидуешь богашымъ, ни съ кѣмъ не живешь въ ладу. Имѣешь ли у себя жену, дѣшей, друзей, ежели изъ всего этого не льзя извлечь ему для себя выгоды, считаешь ихъ врагами злѣйшими шѣхъ, которые шаковы дѣйствишельно. Что можешь быть хуже шакого безумія? Что злополучнѣе человѣка, который самъ себѣ на каждомъ шагу спавишь упесы, подводные камни, спремнины, пучины и бездны? Хотя одно у него шѣло, одному служишъ чреву? Если возлагаютъ на шебя общесшвенную службу, избѣгаешь сего, опасаясь большихъ издержекъ. А самъ на себя налагаешь шысячи дѣлъ, которыя гораздо прудпѣе общесшвенныхъ, совершаешь маммонѣ служенія, которыя не только убышочнѣе, но и опаснѣе; сему злому мучишелю приносишь въ даръ не только деньги, шѣлесный трудъ, душевныя мученія и скорби, но самое шѣло свое, только бы чрезъ это варварское рабсшво, прибыло что нибудь у шебя, жалкій и бѣдный человѣкъ! А не примѣчаешь, сколько людей относится на кладбище въ каждый день, не видишь, что они идутъ въ могилу нагими, и лишенными всего, не только ничего изъ своей собсшвенносши не могутъ взять съ собою, но и по, чѣмъ прикрыты, должны усшупишь червямъ! Смотри же на нихъ каждый день, можешъ быть, это укрошишъ твою спрасть, если только издержки на погребеніе не сведутъ шебя еще больше

съ ума. Страсть необузданна, болѣзнь ужасна! По сей-то причинѣ въ каждое собраніе бесѣдуемъ съ вами объ этомъ, непрестанно наводняемъ слухъ вашъ, дабы хотя непрестаннымъ повтореніемъ произвести въ васъ что нибудь. Не упорствуйте! Сія разновидная страсть готовитъ вамъ многія мученія не только на будущій день, но и въ здѣшней жизни. Представлю ли человѣка, томящагося въ узахъ, или одержимаго долговременною болѣзнію, или борющагося съ голодомъ, или постигнутаго другимъ какимъ нещастіемъ, ни объ одномъ не могу сказать, чтобы онъ терпѣлъ столько же какъ сребролюбецъ. Что сего тягостнѣе — быть для всѣхъ ненавистнымъ, всѣхъ ненавидѣть, ни съ кѣмъ не жить въ ладу, никогда не быть сытымъ, всегда терпѣть жажду, непрестанно бороться съ голодомъ, который гораздо ужаснѣе обыкновеннаго, имѣть ежедневныя скорби, никогда не быть въ здоровомъ умѣ, находиться въ непрестанномъ страхѣ и смущеніи? Все это и еще большее терпятъ сребролюбцы. Въ случаѣ прибытка, хотя всѣмъ изобилуютъ, никакого не чувствуютъ удовольствія, потому что желаютъ большаго. Въ случаѣ ущерба, если потеряютъ полушку, представляютъ, что ни съ кѣмъ не случалось большаго нещастія, что они утратили самую жизнь. Какимъ словомъ можно изобразить столько золъ? А если такова здѣшняя участь сребролюбца; то вообрази, что ожидаетъ его по смерти — лишеніе Царствія

геенскія муки, вѣчныя узы, внѣшній мракъ, ядовитый червь, скрежетъ зубовъ, скорбь, помраченіе духа, огненныя рѣки, никогда неугасающая печь. Сообразивъ все сіе, и сравнивъ съ удовольствіемъ—имѣешь у себя деньги, исторгни съ корнемъ болѣзнь сію, дабы, пріобрѣтя истинное богатство, и освободясь отъ сей ужасной нищеты, улучишь тебѣ и настоящія и будущія блага, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ и Святому Духу слава нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 14.

VIII, 12. *Тѣмже убо братіе, должни есмы не плоти, еже по плоти жити* (13): *Аще бо по плоти живете, имате умрети; аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляете, живи будете.*

Показавъ, какова награда духовной жизни, именно, что ею вселяется въ насъ Христосъ, оживотворяются мертвенныя тѣла, окрыляемся къ небу, стезя добродѣтели дѣлается удобнѣйшею—Апостолъ естественно потомъ присовокупляетъ увѣщаніе и говоритъ: итакъ мы не должны жить по плоти. Впрочемъ не такъ онъ выразился, а гораздо разительнѣе и сильнѣе, говоря, что мы должники духу; ибо сіе

разумѣлъ подъ словами: *должны есмы не плоти.* И вездѣ подтверждаетъ онъ тоже, доказывая, что все совершенное для насъ Богомъ, совершено не по долгу, а по единой благодати, напротивъ все, что мы послѣ сего дѣлаемъ (для Бога), есть не даръ, а долгъ. Сіе даетъ разумѣть, когда говоритъ: *цѣною куплени есте: не будите раби человѣкомъ* (1 Кор. VII, 23). Тоже самое показываетъ, когда пишетъ: *нѣсте свои* (Тамъ же VI, 19). И о томъ же самомъ упоминаетъ еще въ другомъ мѣстѣ, говоря, *яко аще единъ за всѣхъ умре, то убо вси умроша;* и: *за всѣхъ умре, да живущіи не ктому себѣ живутъ* (2 Кор. V, 14, 15). Тоже подтверждаетъ и здѣсь словами: *должни есмы.* А какъ сказалъ *должни есмы не плоти;* то дабы ты опять не понялъ сего о существѣ плоти, не остановился онъ на томъ, но присовокупилъ: *еже по плоти жити.* Многое обязаны мы дѣлать и для плоти, питаешь ее, грѣешь, покоишь, лечишь въ болѣзни, одѣваешь и оказываешь ей множество другихъ услугъ. Итакъ дабы не подумалъ тебѣ, что Апостолъ запрещаетъ таковое служеніе плоти, сказавъ: *должни есмы не плоти,* поясняетъ это говоря: *еже по плоти жити.* Запрещаю, говоритъ онъ, имѣть такое попеченіе о плоти, которое доводитъ до грѣха; между тѣмъ желаю, чтобы ты заботился и о ней. Сію мысль обнаружилъ и въ послѣдствіи, сказавъ: *плоти угодія не творите,* не остановился

на семъ, но присовокупилъ: *въ похоти.* Тому же и здѣсь учитъ, говоря: пусть и плоть будетъ предметомъ попеченія; потому что мы обязаны ей тѣмъ; но не должны жить по плоти, то есть: не должны дѣлать ее госпожею своея жизни. Надобно, чтобъ она шла позади, а не впереди, чтобы она не распоряжала нашею жизнію, а принимала законы духа. Итакъ опредѣливъ сіе и подтвердивъ, что мы обязаны духу, потомъ показывая, какими благодѣяніями ему обязаны, Апостолъ говоритъ не о прошедшемъ, но о будущемъ, въ чемъ и должны мы особенно дивиться его благоразумію. Хотя и прежнихъ благодѣяній было достаточно; впрочемъ не выставляетъ ихъ теперь и не говоритъ о неизреченныхъ оныхъ милостяхъ, а указываетъ на будущія. Ибо многихъ обыкновенно трогаетъ не столько оказанное уже благодѣяніе, сколько ожидаемое и будущее. Намѣреваясь же говорить о будущихъ благодѣяніяхъ, Апостолъ сперва устраняетъ скорбными и худыми послѣдствіями плотской жизни, и говоритъ такъ: *Аще бо по плоти живете, имате умрети*, разумѣя здѣсь смерть безсмертную, то есть, казнь и мученіе въ геенѣ. Если же тщательно разсмотрѣть это, живущій по плоти мертвъ даже и въ здѣшней жизни, какъ было уже вамъ объяснено въ предъидущей бесѣдѣ. *Аще ли духомъ дѣянія плотская умерщвляете, живи будете.* Примѣчаешь ли, что говоритъ не о природѣ тѣла,

а о плотскихъ дѣлахъ? Но сказалъ, если духомъ умерщвляете тѣлесное естество, то будете живы; но если умерщвляете дѣла и дѣла не всѣ, а порочныя. Сіе явствуетъ изъ послѣдующаго. Если сдѣлаете сіе, говоритъ онъ, будете живы. Да и какъ было бы то возможно, если бы говорилъ о всѣхъ дѣлахъ вообще? Ибо и видѣть и слышать, и говорить, и ходить есть плотское дѣло. Если станемъ умерщвлять такія дѣла; прекратится и жизнь, слѣдовательно, сдѣлаемся виновными въ самоубійствѣ. Итакъ какія же дѣла Апостолъ велитъ умерщвлять? Дѣла совершаемыя съ порочнымъ намѣреніемъ, клонящіяся ко злу, которыхъ не льзя умерщвлять иначе, какъ духомъ. Умерщвляя другія дѣла, убьешь самъ себя, а сіе не позволительно. Но тѣ дѣла умерщвляются только духомъ. Какъ скоро явится Духъ, всѣ волненія утихнутъ, всѣ страсти усмирятся, и ничто не будетъ возставать противъ насъ. Примѣчаешь ли что Апостолъ, по замѣченному мною выше, увѣщеваетъ насъ будущими благодѣяніями, и что мы должники доказываетъ не однимъ сдѣланнымъ уже для насъ. Благодѣяніе Духа, говоритъ онъ, состоитъ не только въ томъ, что Онъ отпустилъ намъ прежніе грѣхи, но и въ томъ, что содѣлываетъ насъ и впредь непобѣдимыми отъ грѣха, и удостоиваетъ безсмертной жизни. Послѣ сего, указывая на новую награду, присовокупилъ:

(14) *Елицы бо Духомъ Божіимъ водятся, сіи суть сынове Божіи.* Сей вѣнецъ гораздо важнѣе прежняго. Посему не просто сказалъ: всѣ живущіи Духомъ Божіимъ, но всѣ водимые Духомъ Божіимъ, чѣмъ выражаетъ свое желаніе, чтобы Духъ Божій былъ господиномъ надъ нашею жизнію, какъ кормчій надъ кораблемъ, или возница надъ парою коней. Не на одно тѣло, но и на душу Апостолъ налагаетъ таковую узду. Самой душѣ не даетъ полномочія, напротивъ власть ея подчинилъ силѣ духа. Дабы обнадеженные даромъ крещенія, не пренебрегали впредь благоустройствомъ своея жизни, говоритъ: хотя ты и принялъ крещеніе, однакожъ если послѣ онаго не будешь водиться Духомъ, то утратишь дарованное тебѣ достоинство и право усыновленія. Посему не сказалъ: всѣ пріявшіе Духа; но: всѣ водимые Духомъ Божіимъ. Сіе значитъ, что, которые такъ ведутъ себя, въ продолженіе цѣлой жизни, сіи суть *сынове Божіи.* А какъ сіе достоинство дано было и Іудеямъ; (ибо сказано: *Азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго вси* (Псал. LXXXI, 6), и еще: *Сыны родихъ и возвысихъ* (Ис. I, 2); и еще: *Сынъ мой первенецъ Израиль* (Исх. IV, 22), а также самъ Павелъ говоритъ: *ихже всыновленіе*) Рим. IX, 4); посему объясняетъ онъ разность, какая находится между тою и другою честію. Хотя наименованія тѣже говоритъ онъ, но вещи инаковы. И сіе весьма ясно доказываетъ взаимнымъ

сравненіемъ какъ благоуспѣвшихъ, такъ сообщенныхъ даровъ и будущихъ наградъ. И во первыхъ показываетъ, какіе дары сообщены были Іудеямъ. Какіе же именно? Духъ рабства. Посему присовокупилъ:

(15) *Не пріясте бо духа работы паки въ боязнь.* Потомъ, минуя противоположное рабству, то есть духъ свободы, выставилъ гораздо важнѣйшее — духъ усыновленія, чрезъ который сообщается и духъ свободы, говоря: *но пріясте духа сыноположенія.* Понятно, что значитъ духъ усыновленія; но что такое духъ рабства, сіе не понятно; а потому необходимо нужно объяснить. Сказанное Апостоломъ не только не ясно, но даже совершенно невразумительно. Ибо народу Іудейскому не дано было Духа. Итакъ, о чемъ же говоритъ здѣсь Павелъ? Духомъ рабства назвалъ онъ писмена, потому что онѣ духовны; подъ симъ же духомъ разумѣлъ и законъ духовный, и воду изъ камня, и манну. Ибо говоритъ онъ: *вси тожде брашно духовное ядоша, и вси тожде пиво духовное пиша* (1 Кор. X, 3). И камень называетъ также духовнымъ, говоря: *піяху же отъ духовнаго послѣдующаго камене* (Тамъ же 4). Такъ какъ всѣ сіи дѣйствія были сверхъестественны, Апостолъ называетъ ихъ духовными, хотя участвовавшіе въ нихъ и не приняли Духа. Посему же ветхозавѣтныя писмена были писменами рабства? Разсмотри весь бытъ Іудеевъ; тогда и сіе сдѣлается

яснымъ. У нихъ и наказанія шли въ слѣдъ за дѣлами, и награды не отлагались вдаль, а были выдаваемы въ точной мѣрѣ, какъ поденный паекъ слугамъ; повсюду взорамъ ихъ живо представлялись ужасы; строго соблюдались тѣлесныя омовенія, осторожность въ поступкахъ. Не такъ дѣлается у насъ; мы очищаемъ помыслъ и совѣсть. Христосъ не говоритъ: только не убивай, но: и не гнѣвайся; или: только не прелюбодѣйствуй, но и не смотри нечистымъ окомъ. Онъ хочетъ, чтобы мы не изъ страха настоящей казни, а изъ любви къ Нему, снискали навыкъ въ добродѣтели, и успѣвали во всемъ прочемъ. Намъ Богъ не обѣщаетъ земли текущей медомъ и молокомъ; но дѣлаетъ насъ сонаслѣдниками Единороднаго, и всѣми мѣрами старается опклонить насъ отъ настоящихъ благъ, и обѣщаетъ преимущественно даровать такія, какія приличны содѣлавшимся сынами Божіими. У насъ ничего нѣтъ чувственнаго, ничего тѣлеснаго, но все духовно. Іудеи хотя назывались сынами, но какъ рабы. А мы какъ сдѣлавшіеся свободными получили усыновленіе, и ждемъ себѣ неба. Съ Іудеями Богъ бесѣдовалъ чрезъ другихъ; а съ нами Самъ лично. Іудеи все дѣлали будучи къ тому побуждаемы страхомъ наказанія; а духовные все дѣлаютъ по внутреннему расположенію и любви, что и доказываютъ, преуспѣвая сверхъ предписаннаго въ заповѣдяхъ. Іудеи какъ наемники и неблагодарные никогда не переставали роптать; а

Христіане угождаютъ Отцу. Тѣ, будучи облагодѣтельствованы, богохульствовали; а мы бѣдствуя благодаримъ. Хотя грѣшники и нынѣ не остаются безъ наказанія; но и въ семъ большая разность. Іудеевъ священники побивали камнями, жгли, увѣчили; а насъ обращаютъ иначе; для насъ довольно отлученія отъ Отчей трапезы, удаленія на нѣкоторое число дней отъ нашего взора. Для Іудеевъ усыновленіе было типломъ только на словахъ; для насъ оно сопровождается дѣйствительностію, очищеніемъ посредствомъ крещенія, дарованіемъ Духа и ниспосланіемъ прочихъ благъ. Къ сему можно присовокупить много и другихъ доказательствъ нашего благородства а ихъ низости. Апостолъ все сіе обозначивъ словами: духъ, страхъ, усыновленіе, приводитъ новый доводъ въ подтвержденіе, что мы имѣемъ духа усыновленія. Какой же именно? *О Нелъ же вопіемъ, Авва Отче.* Сколь силенъ сей доводъ, знаютъ о томъ просвѣщенные; ибо сіе слово есть первое, какое предписано имъ произносить въ таинственной молитвѣ. А какъ спросишь? Развѣ Іудеи не называли Бога Отцемъ? не слышишь ли что говоритъ Моисей: *Бога рождшаго тя оставилъ еси* (Втор. XXXII, 18)? Не слышишь ли какъ Малахія укоряетъ и говоритъ, что Богъ одинъ создалъ насъ, и есть Отецъ всѣмъ намъ (II, 10)? Но хотя приведены будутъ сіи и другія многія мѣста Писанія; впрочемъ нигдѣ не найдемъ, чтобы Іудеи называли

симъ именемъ Бога, и молимся Ему какъ Отцу. У насъ же и священнослужителямъ и мірянамъ, и начальникамъ и подчиненнымъ,—всѣмъ велѣно такъ молиться. Первое слово, произносимое нами по чудесномъ ономъ рожденіи, совершающемся по новому и необычайному уставу, есть: *Отче*. Припомнъ если Іудеи называли когда Бога Отцемъ, то отъ своего ума; а живущіе по благодати именуютъ такъ, будучи движимы силою Духа. Какъ есть духъ мудрости, посредствомъ котораго не мудрые стали мудрыми и обнаружили то въ ученіи, и есть духъ силы, посредствомъ котораго немощные воскрешали мертвыхъ и изгоняли бѣсовъ, есть также духъ дара исцѣленій, духъ пророчества, духъ языковъ; такъ есть и духъ усыновленія. И какъ о духѣ пророчества знаемъ, что имѣющій его предсказываетъ будущее, и говоритъ то не отъ своего ума, но будучи движимъ благодатію; такъ тоже должно сказать и о духѣ усыновленія, что пріявшій его именуетъ Бога Отцемъ, будучи движимъ къ тому Духомъ. Апостолъ желая показать, что мы сыны по рожденію, употребилъ и Еврейское слово; не сказалъ только: Отче, но: *Авва Отче;* ибо такъ преимущественно называютъ Отца подлинные его дѣти. Показавъ же различіе въ образѣ жизни въ данной благодати, въ свободѣ, присовокупляетъ и новый доводъ, доказывающій превосходство дарованнаго чрезъ сіе усыновленіе. Какой же именно?

(16) *Самый Духъ*, говоритъ онъ, *спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія*. Мнѣ даетъ силы, говоритъ онъ, не только слово, но и причина, пораждающая слово. Ибо произношу оное по внушенію Духа; что еще яснѣе выразилъ Апостолъ въ другомъ мѣстѣ, сказавъ, что *посла Богъ Духа Сына Своего въ сердца наша, вопіюща, Авва Отче* (Гал. IV, 6). Что же значитъ *Духъ спослушествуетъ духови?* Утѣшитель, говоритъ Апостолъ, свидѣтельствуетъ о сообщенномъ намъ дарованіи. Ибо слово сіе есть не только голосъ дарованія, но и голосъ Утѣшителя, подавшаго даръ. Самъ Онъ посредствомъ дарованія научилъ насъ выговаривать сіе слово. А когда свидѣтельствуетъ Духъ; остается ли мѣсто недоумѣнію? Если бы обѣщалъ, то человѣкъ, или Ангелъ, или Архангелъ, или другая какая сила, иные были бы въ правѣ и усомниться; но когда высочайшее Существо, и даруетъ сіе, и свидѣтельствуетъ о семъ тѣмъ словомъ, какое велѣно произносить въ молитвѣ, тогда можетъ ли кто сомнѣваться въ достоинствѣ? Если Царь кого нибудь жалуетъ, и при всѣхъ объявляетъ чинъ его; никто изъ подданныхъ не осмѣлится тому противорѣчить.

(17) *Аще же чада и наслѣдницы* продолжаетъ Апостолъ. Примѣчаешь ли, какъ постепенно возвышаетъ даръ? Поелику можно быть сыномъ, и не сдѣлаться наслѣдникомъ; потому что не всѣ дѣти бываютъ наслѣдниками;

но Апостолъ присовокупляетъ еще: *и наслѣдницы*. Іудеи кромѣ того, что небыли усыновлены, какъ мы, лишены были также и наслѣдства. *злыхъ бо злѣ погубитъ: и виноградъ предастъ инымъ дѣлателемъ* (Матѳ. XXI, 41). А еще прежде сего Христосъ сказалъ: *Яко многа отъ востокъ и западъ пріидутъ, и возлягутъ со Авраамомъ, сынове же царствія изгнаны будутъ вонъ* (Матѳ. VIII, 11 и 12). Но Апостолъ и симъ не ограничивается, а прибавляетъ нѣчто больше. Что же именно? То, что мы наслѣдники Божіи, почему присовокупилъ: *и наслѣдницы убо Богу*. И что еще важнѣе, не просто наслѣдники, но и *снаслѣдницы Христу*. Видишь ли, какъ усильно старается сблизить насъ съ Владыкою? Поелику не всѣ дѣти бываютъ наслѣдниками: то доказываетъ, что мы и дѣти и наслѣдники. Поелику не всякой наслѣдникъ наслѣдуетъ лучшее достояніе, то доказываетъ, что наше наслѣдство весьма велико: потому что мы Божіи наслѣдники. И опять поелику можно быть Божіимъ наслѣдникомъ, но не сонаслѣдникомъ Единороднаго; то доказываетъ, что намъ и сіе принадлежитъ. И замѣть мудрость Павлову! Говоря о томъ, что потерпятъ живущіе по плоти, не распространился въ описаніи скорбей, а сказалъ только, что они умрутъ; а коснувшись обѣтованій, говоритъ гораздо обширнѣе, упоминаетъ о воздаяніи наградъ и перечисляетъ различные и великіе дары. Если быть сыномъ

есть неизреченная благодать; но представь, сколь важно быть припомъ и наслѣдникомъ! А если сіе высоко, то гораздо выше быть сонаслѣдникомъ! Послѣ сего, желая показать, что все сіе не есть даръ одной благодати, и вмѣстѣ придать болѣе достовѣрности словамъ своимъ, Апостолъ присовокупилъ: *понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся.* Если мы, говоритъ Павелъ, участвуемъ со Христомъ въ скорбяхъ; тѣмъ паче будемъ участвовать въ радостяхъ. Кто одарилъ многими благами не оказавшихъ еще никакихъ заслугъ; не тѣмъ паче ли вознаградитъ ихъ, видя труждающимися и страждущими? Итакъ доказавъ, что это есть воздаяніе, дабы придать словамъ своимъ всю достовѣрность, и ни въ комъ не оставить мѣста сомнѣнію, снова доказываетъ, что оно имѣетъ также силу благодати; первое доказываетъ онъ для того, чтобы сомнѣвающіеся повѣрили сказанному; а повѣрившіе не стыдились, будто бы они во всякомъ случаѣ спасаются по милости; другое же для того, чтобы ты зналъ, сколько воздаянія Божіи превышаютъ труды твои. И первое выразилъ, сказавъ: *понеже съ Нимъ страждемъ, да и съ Нимъ прославимся*, а дабы выразить второе присовокупляетъ:

(18) *Яко не достойны страсти нынѣшняго времени къ хотящей славѣ явитися въ насъ.* Въ предъидущихъ стихахъ Апостолъ требуетъ духовнаго исправленія нравовъ; ибо

говоритъ: вы должны жить не по плоти, то есть должны удаляться похоти, гнѣва, сребролюбія, тщеславія, зависти. А теперь, когда уже привелъ на память вѣрующему всю великость дара и въ настоящемъ и въ будущемъ, когда вознесъ и возвысилъ его надеждами, сблизилъ со Христомъ, объявилъ сонаслѣдникомъ Единороднаго; теперь пребуетъ, чтобы онъ смѣло и надежно шелъ на бѣдствія. Ибо не одно и тоже значитъ преодолѣвать собственныя страсти и переносить внѣшнія искушенія, побои, голодъ, переселенія, узы, оковы, веденіе на казнь. Для послѣдняго надобно имѣть въ душѣ болѣе благородства и бодрости. Замѣть же, какъ Апостолъ вмѣстѣ низлагаетъ и ободряетъ помышленія подвижниковъ. Показавъ, что награды выше трудовъ, побуждаетъ къ большимъ трудамъ, и не попускаетъ высоко о себѣ думать, какъ побѣждаемыхъ воздаяніемъ вѣнцовъ. Въ другомъ мѣстѣ, обращая рѣчь къ людямъ, болѣе успѣвшимъ въ любомудріи, онъ говоритъ: *еже бо нынѣ легкое печали нашея по преумноженію въ преспѣяніе тяготу вѣчныя славы содѣловаетъ намъ* (2 Кор. IV, 17). Но здѣсь не признаетъ страданій легкими, а ушѣшаетъ въ нихъ воздаяніемъ будущихъ благъ, говоря: *нѣщую бо, яко не достойны страсти нынѣшняго времени.* И не сказалъ: ничего не стоятъ въ сравненіи съ будущимъ покоемъ, но, что гораздо сильнѣе въ сравненіи съ будущею славою. Гдѣ покой, тамъ не всегда

еще слава; а гдѣ слава, тамъ конечно и покой. Потомъ, сказавъ, что слава есть будущая, доказываетъ, что она уже началась. Ибо не сказалъ: въ сравненіи съ тою, которая будетъ; но: которая откроется. Слѣдственно и теперь она есть, но сокрыта, что яснѣе выразилъ въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: что *животъ нашъ сокровенъ есть со Христолиъ въ Бозѣ* (Колос. II, 3). Надѣйся получить эту славу, она готова уже и ожидаетъ твоихъ трудовъ. Тебя огорчаетъ то, что это еще впереди; но сіе—то самое и должно радовать тебя. Ибо тамъ уготована слава величайшая, неизреченная и превосходящая настоящее твое состояніе. Не безъ намѣренія сказалъ Апостолъ: *страсти нынѣшняго времени;* симъ хочетъ онъ показать, что будущая слава превзойдетъ настоящую, не только качествомъ, но и количествомъ. Нынѣшнія страданія, каковы бы онѣ ни были, прекращаются съ настоящею жизнію; а будущія блага простираются на безсмертные вѣки. И поелику Апостолъ не могъ подробно исчислить и изобразить ихъ словомъ; то наименовалъ славою; такъ какъ слава для насъ кажется всего вожделѣннѣе, славу почитаемъ верхомъ и началомъ всѣхъ благъ. Апостолъ употребляетъ и другой способъ для возбужденія слушателей, усиливаетъ рѣчь указаніемъ на твореніе, предполагая себѣ въ слѣдующихъ словахъ двѣ цѣли, внушить презрѣніе къ настоящему, и желаніе будущаго. Кромѣ же сего имѣетъ и третію

цѣль, которую правильнѣе назвать первою, именно показать, сколь много Богъ печется о человѣческомъ родѣ, и въ какой чести у Него естество наше. Сверхъ того, симъ же ученіемъ, какъ паутину и дѣтскія игрушки, разрушаетъ всѣ толки философовъ, составленные ими о семъ мірѣ. Но для большей ясности выслушаемъ собственныя Апостольскія слова.

(19) *Чаяніе бо твари*, говоритъ Павелъ, *откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ*. (20) *Суетѣ бо твари повинуся не волею, но за повинувшаго ю на упованіи*. Слова сіи имѣютъ такой смыслъ: самая тварь сильно мучится, ожидая съ заботливостію тѣхъ благъ, о которыхъ мы теперь говорили. Ибо чаяніе есть самое заботливое ожиданіе. А дабы рѣчь была выразительнѣе, Апостолъ олицетворяетъ весь міръ сей. Такъ дѣлаютъ Пророки; у нихъ рѣки рукоплещутъ, холмы скачутъ, горы прыгаютъ; но по этому не должны мы считать ихъ одушевленными, и приписывать имъ сколько нибудь смысла, напротивъ должны заключать о изобиліи благъ простирающихся и на самыя безчувственныя твари. Тоже самое нерѣдко дѣлаютъ Пророки при изображеніи чего нибудь печальнаго; тогда виноградникъ у нихъ плачетъ, сино, горы и своды въ храмахъ воютъ, чѣмъ и выражаютъ они чрезмѣрность золъ. Такъ Апостолъ, подражая Пророкамъ, олицетворяетъ здѣсь твореніе и говоритъ, что оно воздыхаетъ и мучится, не потому, чтобы дѣйствительно

слышалъ вздохи земли или неба, но дабы выразить изобиліе будущихъ благъ, и желаніе освободиться отъ настоящихъ золъ. *Суетѣ бо тварь повинуся не волею, но за повинувшаго.* Что значитъ суетѣ тварь повинуся? Сдѣлалась плѣнною. Для чего же и отъ чего? Отъ тебя, человѣкъ. Поелику ты получилъ смертное и подверженное страданіямъ тѣло; то и земля подверглась проклятію, произрастила тернія и волчцы. А что и небо, соспарѣвшись съ землею, будетъ наконецъ имѣть лучшій жребій, послушай, какъ говоритъ о семъ Пророкъ: *въ началѣ Ты, Господи, землю основалъ еси, и дѣла руку Твоею суть небеса. Та погибнутъ, Ты же пребываеши: и вся яко риза обетшаютъ, и яко одежду свіеши я, и измѣнятся* (Исал. CI, 26 и 27). И Исаія восклицаетъ: *воздвигните на небо очи ваша, и воззрите на землю долу, понеже небо яко дымъ утвердися, и земля яко риза обетшаетъ, живущіи же на земли яко сія изомрутъ* (Исаіи LI, 6). Видишь ли, какъ тварь служила суетѣ и какъ освобождается отъ плѣнія? Одинъ говоритъ: *яко одежду свіеши я, и измѣнятся.* А Исаія разумѣетъ также не конечную гибель, говоря: *живущіи же на земли, яко сія изомрутъ.* Ибо живущіи на землѣ, то есть, люди подвергнутся не конечной, а временной гибели, чрезъ которую перейдутъ въ безсмертіе; сдѣдственно тоже будетъ и съ тварію. Все сіе выразилъ Пророкъ сказавъ: *яко сія*

изомрутъ. Тоже самое говоритъ и Павелъ въ послѣдствіи; а теперь разсуждая о рабствѣ, показываетъ, отъ чего оно произошло, и причиною почитаетъ насъ самихъ. Итакъ что же? Уже ли тварь, терпя сіе за другаго, терпитъ обиду? Нимало. Она для меня и существуетъ. А если существуетъ для меня, то какая для нея обида, когда терпитъ сіе для моего исправленія? А иначе къ неодушевленному и безчувственному не льзя даже приложить понятія о справедливомъ и несправедливомъ. Но поелику Павелъ олицетворилъ тварь, то и не входитъ въ такія разсужденія, а спѣшитъ какъ можно болѣе утѣшить слушателя другою мыслію. Какою же именно? Что ты говоришь, разсуждаетъ онъ, будто бы тварь чрезъ тебя потерпѣла зло и стала плѣнною? Ей не сдѣлано симъ никакой обиды; потому что чрезъ тебя же опять будетъ неплѣнною. Сіе значитъ: *на упованіи*. Когда же говоритъ: *повинуся не волею;* этими словами нимало не показываетъ, чтобы то могло состоять въ ея волѣ, напротивъ вразумляетъ тебя, что все было дѣломъ попеченія Христова, а не ея заслуги.

(21) *Яко и сама тварь свободится*. Что значитъ: *сама?* Не ты одинъ, но что гораздо тебя ниже, что не имѣетъ ни смысла, ни чувства, и то будетъ съ тобою участвовать въ благахъ. *Свободится*, говоритъ Апостолъ, *отъ работы истлѣнія*, то есть, не будетъ уже плѣнною, но сдѣлается соотвѣтственною

благообразію твоего тѣла. Какъ тварь учинилась тлѣнною, когда тѣло твое спало тлѣннымъ; такъ когда тѣло твое возстанетъ нетлѣннымъ, и тварь послѣдуетъ за нимъ и содѣлается соотвѣтственною ему. Сіе самое выражаетъ Апостолъ, присовокупляя: *въ свободу славы чадъ Божіихъ*, то есть, посредствомъ свободы. Какъ кормилица воспитавшая царскаго сына, когда взойдетъ онъ на отеческій престолъ, имѣетъ свою долю въ Царственныхъ его благахъ; такъ и тварь, по словамъ Апостола. Примѣчаешь ли, что человѣкъ вездѣ впереди и что все для него дѣлается? Видишь ли, какъ Апостолъ утѣшаетъ подвижника, и доказываетъ неизреченное Божіе человѣколюбіе? Что сѣтуешь въ искушеніяхъ, говоритъ онъ? Ты терпишь самъ за себя, а тварь за тебя терпитъ. И не только утѣшаетъ, но и доказываетъ достовѣрность сказаннаго имъ. Ежели надѣется тварь, которая для тебя стала тѣмъ, что она теперь; тѣмъ болѣе надѣйся ты, чрезъ кого тварь будетъ наслаждаться всѣми оными благами. И у людей есть обыкновеніе одѣвать слугъ въ богатое платье для чести сына, когда ему надобно показаться въ свѣтѣ прилично своему роду. Такъ и Богъ облекаетъ тварь нетлѣніемъ *въ свободу славы чадъ*.

(22) *Вѣмы бо, яко вся тварь совоздыхаетъ и сболѣзнуетъ даже до нынѣ*. Видишь ли, какъ Апостолъ стыдитъ слушателя, говоря какъ бы такъ: не будь хуже твари и не прилѣ-

пляйся къ настоящему. Тебѣ не только не должно прилѣпляпься къ нему, но еще воздыхать, что пвое преселеніе отсюда замедляется. Ежели и тварь такъ поступаетъ; тѣмъ болѣе сіе приличпо тебѣ, одаренному разумомъ. Но сего еще мало, чтобы пристыдить тебя; посему Апостолъ присовокупилъ:

(23) *Не точію же, но и сами начатокъ духа имуще, и мы сами въ себѣ воздыхаемъ*, то есть, какъ предвкусившіе уже будущихъ благъ. Дарованнаго уже намъ достаточно, чтобы возбудить самаго каменнаго человѣка, чтобы отвлечь его отъ настоящаго и окрилить къ будущему, какъ великостію дарованнаго, такъ и тѣмъ, что сіи высокіе и многочисленные дары суть только начатокъ. Ежели начатокъ таковъ, что чрезъ него освобождаемся отъ грѣховъ, пріобрѣтаемъ праведность и освященіе, а Апостолы изгоняли бѣсовъ своею тѣнію и одеждами воскрешали мертвыхъ; то представь, каковы всѣ будущія блага. И ежели воздыхаетъ тварь, которая лишена разума и дара слова, которая о всемъ этомъ не имѣетъ никакого познанія; тѣмъ болѣе должны воздыхать мы. Но дабы еретики не имѣли повода думать, что Апостолъ охуждаетъ все настоящее, онъ говоритъ далѣе: мы воздыхаемъ не въ охужденіе всего настоящаго, но отъ желанія большаго. Это самое выразилъ онъ словами: *всыновленія чающе*. Что ты говоришь, Павелъ? Для чего обращаешься взадъ и впередъ, то

восклицаешь, что мы спали уже сынами, то опять причисляешь сіе благо къ предметамъ надежды, и пишешь, что намъ должно еще получить оное? Сіе поправляетъ Апостолъ, прибавивъ слова: *избавленія тѣлу нашему*, то есть, совершенной славы. Теперь участь наша до послѣдняго нашего издыханія сокрыта еще въ пайнѣ. Многіе изъ сыновъ дѣлались псами и плѣнниками. А когда переселимся отселѣ съ доброю надеждою, тогда даръ сдѣлается неотъемлемымъ, очевиднѣйшимъ и большимъ, тогда не будетъ страха, чтобы грѣхъ и смерть отняли что нибудь изъ онаго. Тогда только благодать содѣлается непремѣнною, когда самое тѣло освободится отъ смерти и безчисленныхъ страданій. Слово *избавленіе* значитъ не простый выкупъ, но такой, послѣ котораго уже не возвратимся въ прежній плѣнъ. А дабы не впасть тебѣ въ недоумѣніе, когда непрестанно слышишь о славѣ, и не имѣешь о ней яснаго понятія, Апостолъ въ подробности разкрываетъ будущія блага, измѣняетъ твое тѣло, а сообразно съ онымъ и всю тварь. Сіе яснѣе выразилъ онъ въ другомъ мѣстѣ, сказавъ: *Иже преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы его* (Филип. III, 21). И въ другомъ посланіи, говоря: *Егда же смертное сіе облечется въ безсмертіе; тогда будетъ слово написанное: пожерта бысть смерть побѣдою* (1 Кор. XV, 54). А въ доказательство того, что и съ разрушеніемъ тѣла

все житейское терпитъ измѣненіе въ своемъ состояніи, Апостолъ написалъ въ другомъ мѣстѣ: *Преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. VII, 31).

(24) *Упованіемъ бо спасохомся*, продолжаетъ онъ. Такъ какъ доселѣ ограничивался обѣтованіемъ будущихъ благъ, а питаться одною надеждою для немощнаго слушателя казалось прискорбнымъ; сперва доказываетъ, что будущія блага гораздо очевиднѣе настоящихъ и видимыхъ, распространяется о дарахъ уже сообщенныхъ, увѣряетъ, что мы получили начаткомъ будущихъ благъ, и потомъ, дабы мы не искали всего здѣсь, и не погубили своего благородства пріобрѣтеннаго чрезъ вѣру, говоритъ: *Упованіемъ бо спасохомся*. Смыслъ словъ сихъ есть слѣдующій. Не должно искать здѣсь всего, но надѣяться. То одно и приносимъ въ даръ Богу, что вѣримъ Ему, когда обѣщаетъ будущія блага: это есть единственный путь ко спасенію. Если потеряемъ сей путь; потеряемъ все принесенное нами въ даръ Богу. Спрашиваю тебя, говоритъ Апостолъ: не виновенъ ли ты въ безчисленныхъ худыхъ дѣлахъ? Не погибшій ли ты человѣкъ? Не произнесенъ ли тебѣ приговоръ? Не тщетными ли оказались всѣ покушенія спасти тебя? Итакъ что спасло тебя? Одна надежда на Бога, одна вѣра въ обѣщанное и дарованное Богомъ; ты ничего большаго не могъ и принесть въ даръ Богу. А если надежда спасла тебя, храни ее и теперь. Поелику она доставила уже тебѣ

столько благъ; то очевидно, не обманетъ тебя и впредь. Ежели, найдя тебя мертвымъ, погибшимъ, плѣнникомъ, врагомъ, она содѣлала тебя другомъ, сыномъ, свободнымъ, праведнымъ, сонаслѣдникомъ, доставила тебѣ блага, какихъ никто никогда не ожидалъ; то послѣ такой щедроспи и благосклонноспи уже ли оставитъ тебя въ послѣдспвіи? Итакъ не говори мнѣ: опять надежды, опять ожиданія, опять вѣра. Чрезъ сіе спасся ты въ началѣ, это есть единспвенное вѣно принесенное тобою жениху. Посему соблюдай оное и храни. Если будешь всего искать здѣсь, то погубишь свою заслугу, чрезъ которую ты прославился. Посему Апосполъ присовокупляетъ: *Упованіе же видимое, нѣсть упованіе: еже бо видитъ кто, что и уповаетъ:*

(25) *Аще ли, егоже не видимъ, надѣемся, терпѣніемъ ждемъ*, то есть, если всего будешь искать здѣсь, къ чему тогда и надежда? Итакъ что есть надежда? Твердая увѣренность въ будущемъ. Большаго ли требуетъ отъ тебя Богъ, послѣ того какъ Самъ Онъ даровалъ тебѣ всѣ Свои блага? Онъ требуетъ отъ тебя одного только—надежды, требуетъ для того, чтобы и ты самъ сколько нибудь содѣйспвовалъ своему спасенію. Сіе даетъ разумѣть Апосполъ, говоря: *аще ли, егоже не видимъ, надѣемся, терпѣніемъ ждемъ*. Богъ вѣнчаетъ надѣющагося, какъ слѣдовало бы увѣнчать того, кто трудился, бѣдспвуетъ, переноситъ безчисленныя напасти. Ибо слово: *терпѣніе*, озна-

чаетъ пролитіе пота, навыкъ все переносить. Впрочемъ Богъ и сіе даровалъ надѣющемуся, дабы упѣшить помящуюся душу. Потомъ доказывая, что и для сего легкаго труда пользуемся сильною помощію, Апостолъ присовокупляетъ:

(26) *Еще же и духъ способствуетъ намъ въ немощехъ нашихъ*. Хотя терпѣнь твое собственно дѣло; однако же тебѣ дается духъ, дабы поощрить тебя къ надеждѣ, а чрезъ нее облегчить и труды твои. А дабы ты зналъ, что благодать не только сопутствуетъ тебѣ въ трудахъ и напастяхъ, но даже содѣйствуетъ въ самыхъ легкихъ, по видимому, дѣлахъ, и во всемъ оказываетъ свое пособіе, Апостолъ присовокупилъ: *О чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы.* Сими словами сколько обнаруживаетъ великій о насъ промыслъ Духа, столько научаетъ Римлянъ не считать полезнымъ всего того, что такимъ представляется по человѣческому сужденію. Поелику Христіанамъ того времени, которыхъ били, изгоняли, заставляли терпѣть безчисленныя напасти,— естественно было желать покоя, считать его полезнымъ для себя и испрашивать у Бога таковой благодати; то Павелъ говоритъ: не считайте для себя дѣйствительно полезнымъ, что вамъ такимъ кажется. Мы имѣемъ нужду въ Божіей помощи и для того, чтобы знать для себя полезное; столько человѣкъ слабъ и ничтоженъ самъ по себѣ! Посему Апостолъ сказалъ: *о чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ,*

не вѣмы. А дабы ученикъ не стыдился невѣденія, открылъ, что сами учители находятся въ невѣденіи. Ибо не сказалъ: вы не знаете, но: *не вѣмы.* Но что сказалъ онъ сіе не изъ скромности, обнаруживалъ то въ другихъ обстоятельствахъ. Хотя непрестанно просилъ Бога въ молитвахъ своихъ о томъ, чтобы видѣться ему съ Римлянами; однакожъ сіе исполнилось не вдругъ по его прошеніи. Также о жалѣ, данномъ ему во плоти, то есть, о бѣдствіяхъ, молился неоднократно, и вовсе не получилъ просимаго. Такъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ не получили желаемаго Моисей, просившій видѣть Палестину, Іеремія, молившійся за Іудеевъ, Авраамъ, ходатайствовавшій за Содомлянъ. *Но самъ духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными.* Эти слова не ясны, потому что чудеса, которыя были тогда многочисленны, нынѣ прекратились. Посему нужно сказать вамъ о тогдашнемъ состояніи, чрезъ сіе объяснится и сказанное Апостоломъ. Каково же было тогдашнее состояніе? Всякому, кто принималъ тогда крещеніе, Богъ сообщалъ какое нибудь дарованіе, которое вообще называлось духомъ. *Дуси пророчестіи пророкомъ повинуются* (1 Кор XIV, 32). Одинъ имѣлъ даръ пророчества, и предсказывалъ будущее; другой даръ мудрости, и училъ народъ: иной даръ врачеванія, и исцѣлялъ больныхъ; другой даръ силы, и воскрешалъ мертвыхъ; иной даръ языковъ, и говорилъ на разныхъ языкахъ. Кромѣ же

всѣхъ сихъ даровъ былъ также даръ молитвы, который назывался духомъ. Кто имѣлъ сей даръ, тотъ молился за весь народъ. Такъ какъ не зная многаго полезнаго для насъ, мы просимъ безполезнаго; то въ первенствующей церкви даръ молитвы нисходилъ на кого нибудь одного, который одинъ за всѣхъ просилъ общеполезнаго для всея Церкви, и научалъ другихъ молиться. Итакъ Апостолъ называетъ здѣсь духомъ какъ самый даръ, такъ и душу, которая получаетъ его, ходатайствуетъ предъ Богомъ и воздыхаетъ. Ибо удостоившійся такой благодати, вспавалъ въ собраніи, и съ великимъ сокрушеніемъ, съ сильными внутренними воздыханіями припадая къ Богу просилъ того, что полезно для всѣхъ. Нынѣ знаменіе этаго мы видимъ въ Діаконѣ, который приноситъ молитвы вмѣсто народа. Сіе—то разумѣя, Павелъ говорилъ: *самъ духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными.*

(27) *Испытаяй же сердца.* Видишь ли, что идетъ рѣчь не объ Ушѣшителѣ, а о духовномъ сердцѣ? Иначе надлежало бы сказать: испытующій же Духа. Напротивъ вразумляя тебя, что говорится о духовномъ человѣкѣ, имѣющемъ даръ молитвы, Апостолъ присовокупилъ: *испытаяй же сердца вѣсть, что есть мудрованіе духа,* то есть, духовнаго человѣка. *Яко по Богу ходатайствуетъ о Святыхъ.* Ходатайствуетъ не для того, разсуждаетъ Апостолъ, что Богу не извѣстны наши

нужды, но дабы мы научились молиться о томъ, о чемъ надобно, и просить у Бога угоднаго Ему; ибо сіе значитъ: *по Богу*. Итакъ сіе дѣлалось и для ушѣшенія присутствующихъ и для наилучшаго наставленія. Ибо Тотъ, Кто сообщалъ дары и подавалъ безчисленныя блага, былъ Ушѣшитель. *Вся же сія*, говоритъ Апостолъ, *дѣйствуетъ единъ и Тойже Духъ* (1 Кор. XII, 11). Это сказано для нашего наставленія и для того, чтобы показать любовь Духа, Который нисходитъ къ намъ до такой степени. Посему молящагося слушалъ всѣ, такъ какъ молитва совершалась по волѣ Божіей.

Видишь ли, сколько уроковъ преподаетъ Апостолъ о любви Бога къ благочестивымъ людямъ, и о чести, оказываемой имъ Богомъ? Ибо чего не сдѣлалъ для насъ Богъ? Для насъ создалъ міръ тлѣнный, для насъ и нетлѣнный. Для насъ соизволилъ, чтобы Пророки терпѣли напасти, для насъ посылалъ въ плѣненіе, для насъ попустилъ впасть въ пещь и претерпѣть безчисленныя страданія. Для насъ самихъ создалъ Пророковъ, для насъ — и Апостоловъ. Для насъ предалъ Единороднаго, для насъ наказываетъ діавола; насъ посадилъ одесную. За насъ терпѣлъ поруганія; ибо говоритъ: *поношенія поносящихъ Мя нападоша на Мя* (Псал. LXVIII, 10). Но когда и послѣ всего этаго мы отступаемъ отъ Него, не оставляетъ насъ; напротивъ опять увѣщаваетъ и внушаетъ другимъ умолять за насъ, только бы дать намъ

благодать Свою. Что видно въ примѣрѣ Моисея, которому сказалъ Богъ: *остави Мя, и потреблю ихъ* (Исх. XXXII, 10), дабы тѣмъ побудить его ходатайствовать за Іудеевъ; тоже самое дѣлаетъ Онъ и нынѣ. Для сего именно сообщалъ даръ молитвы. Богъ дѣлалъ сіе не потому, что Ему нужны наши моленія, но для того, чтобы мы, спасаясь безъ молитвъ, не сдѣлались хуждими. По сей причинѣ неоднократно говоритъ, что примиряется съ Іудеями для Давида, для того или другаго изъ Праотцевъ. Это опять дѣлаетъ съ тою цѣлію, дабы примиренію дать видъ законности, хотя бы Онъ болѣе показывалъ Себя человѣколюбивымъ, когда бы говорилъ, что прекращаетъ гнѣвъ Свой на Іудеевъ Самъ по Себѣ, а не для того или другаго изъ Праотцевъ. Но Богъ не столько объ этомъ заботился, сколько о томъ, чтобы самая причина примиренія не послужила для спасаемыхъ поводомъ къ безпечности. Такъ сказавъ Іереміи: *не молися о людехъ сихъ, не услышу* бо тя (Іер. XI, 14), желалъ не того, чтобы онъ пересталъ молиться,—(ибо Богъ весьма желаетъ нашего спасенія,) но чтобы устрашить Іудеевъ. Пророкъ зналъ это, и не пересталъ молиться. А чтобы тебѣ увѣриться, что сказано сіе съ намѣреніемъ пристыдить Іудеевъ, а не Пророка отвести отъ молитвы; послушай, что говоритъ Богъ: развѣ не видишь, что дѣлаютъ они? И когда говоритъ Іерусалиму: *Аще умыешися нітромъ*,

и умножиши себѣ травы борівовы, пороченъ еси въ беззаконіи хъ твоихъ предо Мною (Іерем. II, 22); не въ отчаяніе хочетъ ихъ ввергнуть, а побудить къ покаянію. Какъ Ниневитянъ боболѣе устрашилъ и расположилъ къ покаянію тѣмъ, что изрекъ о нихъ неопредѣленный приговоръ, и не подалъ имъ доброй надежды; такъ и въ семъ случаѣ возбуждаетъ Іудеевъ, и внушаетъ въ нихъ почтеніе къ Пророку, дабы хотя изъ уваженія къ послѣднему выслушали Слово Божіе. Поелику же болѣзнь ихъ была неизцѣльна, и видя, что другіе бывъ отведены въ плѣнъ не вразумились; то Богъ сперва увѣщеваетъ остаться имъ тамъ. А когда не стерпѣли и перебѣжали въ Египетъ; хотя попустилъ сіе, впрочемъ требовалъ отъ нихъ, чтобы они не предавались Египетскому нечестію. Когда же и въ томъ не послушались, посылаетъ къ нимъ Пророка, дабы не развратились совершенно. И поелику не пошли сами на зовъ Его, идетъ за ними, исправляетъ ихъ, удерживаетъ ихъ отъ большаго нечестія, какъ отецъ, нѣжно любящій сына, видя непрестанныя его ошибки, водитъ всюду съ Собою, и сопутствуетъ ему. Для сего Богъ посылалъ не только Іеремію въ Египетъ, но и Іезекіиля въ Вавилонъ. Пророки не противились сему, потому что знали, сколь много любитъ Господь Іудеевъ. Даже охотно дѣлали дѣло, какъ благодарные рабы, которые исполняются жалости къ безпутному сыну своего Господина, когда видятъ, что отецъ о немъ

скорбитъ и сокрушается. И чего не терпѣли Пророки за Іудеевъ? Перепиливаемы были, гонимы, поносимы, подвергались безчисленнымъ напастямъ, и послѣ всего этого опять приходили къ нимъ. Самуилъ не переставалъ плакать о Саулѣ, хотя жестоко былъ оскорбленъ имъ, и понесъ несперпимыя обиды, впрочемъ не помнилъ ни одной изъ нихъ. Іеремія даже написалъ плачь для Іудейскаго народа. И когда Персидскій военачальникъ далъ ему полную свободу безопасно жить, гдѣ хочетъ; то Іеремія лучше захотѣлъ терпѣть зло съ своимъ народомъ и бѣдствовать на чужой сторонѣ, нежели пребывать въ отечествѣ. Такъ и Моисей, оставивъ царскій дворецъ и придворную жизнь, поспѣшилъ раздѣлить несчастія Израильтянъ. Даніилъ двадцать шесть дней не вкушалъ хлѣба, и томилъ себя самымъ строгимъ постомъ, дабы умилостивить Бога къ Іудеямъ. Три отрока, находясь въ пещи и въ сильномъ огнѣ возносили усердныя молитвы объ Іудеяхъ, и не о себѣ сокрушались, потому что сами были не вредимы, но поелику надѣялись тогда имѣть особенное дерзновеніе; то и молились о нихъ, говоря: *душею сокрушенною и духомъ смиреннымъ да пріяты будемъ* (Дан. III, 39). За нихъ Іисусъ Навинъ разперзалъ ризы свои; за нихъ Іезекіиль проливалъ слезы, и сѣтовалъ, видя какъ ихъ убивали. И Іеремія говорилъ: оставьте меня горько плакать. А прежде сего, не осмѣливаясь ходатайствовать о совершенномъ прекращеніи

бѣдствій, спрашивалъ, когда они кончатся, говоря: доколѣ Господи?

Столько исполнены любви къ человѣчеству всѣ святые мужи! Посему и Павелъ говорилъ: *облецытеся убо, якоже избранніи Божіи святи, во утробы щедротъ, благость, смиренномудріе* (Кол. III, 12). Примѣчаешь ли всю выразительность словъ? Видишь ли, Апостолъ хочетъ, чтобы мы постоянно были милостивы? Не сказалъ просто: будьте милосерды; но *обецытеся*, давая тѣмъ знать, что милосердіе, подобно одеждѣ, всегда должно быть при насъ. Не сказалъ также просто: облекитесь въ милосердіе, но: *въ утробы щедротъ*, дабы мы подражали естественному сердоболію. Но мы поступаемъ напротивъ. Если подойдетъ кто просить у насъ самой малой монеты; укоряемъ его, поносимъ, называемъ обманщикомъ. И ты не приходишь отъ сего въ ужасъ, тебѣ не стыдно за кусокъ хлѣба называть обманщикомъ? Если онъ и притворяется; тебѣ надлежало пожалѣть о немъ, что, будучи угнѣтаемъ голодомъ, принужденъ принимать на себя такую личину. Это обвиняетъ насъ въ жестокости. Поелику у насъ трудно что-нибудь выпросить; то бѣдные по неволѣ должны выдумывать безчисленныя хитрости, дабы обмануть наше безчеловѣчіе и смягчить жестокость. Иное дѣло, еслибы онъ просилъ у тебя серебряной или золотой монеты; тогда имѣлъ бы ты причину подозрѣвать. А если подходитъ къ тебѣ за

необходимымъ пропитаніемъ; что тебѣ безъ нужды дѣлать догадки и напрасно споришь, обвиняя его въ бездѣйствіи и лѣности? Ежели должно кого укорить въ этомъ; то не другихъ, а насъ самихъ. Итакъ когда приходишь къ Богу просить помилованія во грѣхахъ, припомни слова сіи, и узнаешь, что приличнѣе тебѣ самому слышать ихъ отъ Бога, нежели нищему отъ тебя. Впрочемъ Богъ никогда не говорилъ тебѣ такихъ укоризнъ, не сказалъ: поди прочь! ты лицемѣръ, хотя всегда ходишь въ Церковь и слышишь Мои законы, но на площади и золото, и свое вожделѣніе, и людскую дружбу, словомъ все предпочитаешь заповѣдямъ Моимъ. Теперь представляешься смиреннымъ; а послѣ молитвы бываешь дерзокъ, жестокъ и безчеловѣченъ. Итакъ уйди отсюда, и никогда ко Мнѣ не приходи.—Вотъ какихъ, и даже большихъ своимъ мы упрековъ; однако же Богъ никогда не укорялъ насъ ни чемъ подобнымъ, напротивъ долготерпитъ, а съ Своей стороны все выполняетъ, и даетъ намъ больше, нежели прочимъ. Размысливъ о семъ, избавимъ отъ нищеты просящихъ, и хотябы они притворялись, не станемъ разбирать того. Мы сами для своего спасенія имѣемъ нужду въ большей пощадѣ, въ человѣколюбіи и въ милости. Ежели по нашему входить въ строгій разборъ; то никому, никому не возможно спастися; но всѣ должны подпасть неминуемому наказанію и погибнуть. Итакъ не будемъ строгими судіями другихъ;

дабы и у насъ не потребовали строгаго отчета. Мы обременены грѣхами, превышающими всякое помилованіе. Будемъ имѣть больше жалости къ людямъ, которые не простительно согрѣшаютъ, дабы и сами могли надѣяться таковой же къ себѣ милости. Но сколько бы мы ни старались, никогда не будемъ въ состояніи оказать такое человѣколюбіе, въ какомъ имѣемъ нужду у человѣколюбиваго Бога. Итакъ не безразсудно ли, когда мы сами въ такой крайности, строго разбирать дѣла своихъ собратій, и поступать противъ самихъ себя? Чрезъ это ты не столько выставляешь его недостойнымъ твоей благотворительности, сколько себя недостойнымъ Божія человѣколюбія. Кто строго взыскиваетъ съ своего собрата, съ того гораздо строже взыщетъ Богъ. Итакъ не будемъ говорить сами противъ себя; придетъ ли кто по нерадѣнію, или по лѣности, будемъ подавать. Мы сами часто, а вѣрнѣе сказать, всегда грѣшимъ отъ нерадѣнія; однакоже Богъ не въ ту же минуту требуетъ отъ насъ отчета, но даетъ срокъ на покаяніе; между тѣмъ каждый день питаетъ насъ, вразумляетъ, учитъ, и снабжаетъ всѣмъ прочимъ, дабы и мы подражали Ему въ такомъ милосердіи. Итакъ отложимъ жестокость, свергнемъ съ себя звѣрство, такъ какъ чрезъ сіе мы благодѣтельствуемъ не столько другимъ, сколько себѣ самимъ. Другимъ дадимъ деньги, хлѣбъ, одежду; а себѣ уготовимъ величайшую

славу, какой не возможно изобразить словомъ; потому что облекшися въ нетлѣнныя тѣла прославимся и воцаримся со Христомъ. Сколь это велико, узнаемъ изъ слѣдующаго, лучше же сказать, нынѣ мы не можемъ никакъ получить о томъ яснаго понятія. Но дабы хотя по сравненію съ благими намъ уже сообщенными составить нѣкоторое о семъ понятіе, постараюсь, сколько могу, изобразить то, что я сказалъ. Скажи мнѣ, ежели ты старъ и живешь въ бѣдности, но кто нибудь обѣщается вдругъ сдѣлать тебя молодымъ, привести въ цвѣтущій возрастъ, чтобы ты сталъ гораздо крѣпче и красивѣе всякаго, обѣщается дать тебѣ царскую власть надъ цѣлою землею на тысячу лѣтъ, и царствованіе твое оградить совершеннѣйшимъ миромъ; то чего не согласишься ты сдѣлать и вытерпѣть за такое обѣщаніе? Но вотъ Христосъ обѣщаетъ гораздо сего важнѣйшее. Не столько разности между старостію и молодостію, сколь велико различіе между тлѣніемъ и нетлѣніемъ. Не такъ велико различіе между царствомъ и нищетою, какое между славою будущею и настоящею. Между ними такое различіе, какое между сновидѣніемъ и дѣйствительностію. Но я и этимъ еще ничего не объяснилъ. Ибо нѣтъ словъ изобразить великость различія между будущимъ и настоящимъ. Ежели судить по продолжительности: то и умомъ не возможно постигнуть всего различія. Ибо какъ сравнить жизнь не

имѣющую конца съ настоящею? А миръ будущей жизни столько же отличенъ отъ мира настоящей жизни, сколько миръ отъ брани. А неплѣніе столько же превосходнѣе плѣнія, сколько чистая жемчужина лучше куска грязи. Или лучше сказать, какія бы не выдумывали мы различія, никакъ не изобразимъ вполнѣ сея разности. Ежели красоту будущихъ шѣлъ сравню съ свѣтомъ солнечнаго луча, или съ ослѣпительною молніею; то не дамъ еще никакого понятія о блистательности оныхъ шѣлъ. Какихъ же земныхъ сокровищъ, какихъ шѣлъ, или лучше, какихъ душъ не должно презрѣть за нихъ? Если кто нынѣ введетъ тебя въ царскій дворецъ, доставитъ тебѣ случай говорить съ царемъ при всѣхъ, даже съ нимъ сидѣть и съ одного стола вкушать пищу; конечно сочтешь себя счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. А когда тебѣ можно взойти на небо, предстать самому Царю вселенной, спорить въ блистательности съ Ангелами, наслаждаться тою непзреченною славою; ты еще сомнѣваешься—презирать ли тебѣ деньги. Между тѣмъ хотя бы ты долженъ былъ лишиться и самой жизни, тебѣ надлежало ликовать, радоваться, окрыляться восторгомъ. Для полученія должности начальника, которая доставляетъ тебѣ случай красть,—(не назову сего честнымъ прибытком) ,—ты отдаешь все, что имѣешь, одолжаешься другимъ, а ежели нужно, готовъ заложить жену и дѣтей. А когда

предлагаютъ тебѣ небесное царство, должность, въ которой не будешь имѣть преемника, когда Самъ Богъ ввѣряетъ тебѣ въ управленіе не уголокъ земли, но цѣлое небо; ты медлишь и отказываешься, жалѣешь денегъ, и не подумаешь, что ежели видимая нами сторона неба такъ прекрасна и привлекательна, то сколько превосходнѣе высшая часть онаго, и небо небесъ? Но поелику тѣлесный глазъ до времени не можетъ видѣть сего; то взойди умомъ, и стань на видимомъ небѣ, проспри взоръ въ оное превыспреннѣйшее небо, въ безконечную высоту, ко свѣту, вселяющему ужасъ, къ сонмамъ Ангеловъ, къ безчисленнымъ ликамъ Архангеловъ, и къ прочимъ безтѣлеснымъ Силамъ. И потомъ, сойдя съ сей высоты, возми у насъ образъ, и опиши то, что вокругъ нашего царя, какъ то: мужей одѣтыхъ въ одежды, вышитыя золотомъ, пары бѣлыхъ муловъ въ золотой сбруѣ, колесницы украшенныя дорогими камнями, бѣлоснѣжные ковры, бляхи зыблющіяся на колесницахъ, драконовъ изображенныхъ на шелковыхъ одеждахъ, щипы съ золотыми выпуклостями, отъ нихъ ремни къ верхнимъ кругамъ испещренныя множествомъ камней, коней убранныхъ въ золото и золотыя узды. Но какъ скоро появится самъ царь, перестаемъ смотрѣть на все это. Онъ одинъ обращаетъ на себя наше вниманіе, его порфира, діадима, престолъ, гривна, обувь, и необыкновенная свѣтлость лица. Соединивъ все это

какъ должно, возведи опять умъ свой горѣ, къ тому страшному дню, въ который явится Христосъ. Тогда увидишь не пары муловъ, не золотыя колесницы, не драконовъ и щиты, но предметы, вселяющіе великій ужасъ и такъ поражающіе, что самыя безтѣлесныя Силы приходятъ въ изумленіе. Ибо сказано: *Силы небесныя подвигнутся* (Матѳ. XXIV, 30). Тогда все небо разкроется, отворятся врата небеснаго свода, снизойдетъ Единородный Сынъ Божій въ сопровожденіи не двадцати или ста человѣкъ, но въ сопровожденіи тысячь и темъ Ангеловъ, Архангеловъ, Херувимовъ, Серафимовъ и прочихъ Силъ; все исполнится ужаса и трепета, земля разсядется, и сколько ни было на свѣтѣ людей, отъ Адама и до нынѣ, всѣ возстанутъ изъ земли, всѣ будутъ восхищены; Христосъ явится въ такой славѣ, что и луна и солнце и всякій свѣтъ сокроется при семъ блескѣ. Какимъ словомъ можно изобразить то блаженство, тотъ блескъ, ту славу? Бѣдная душа моя! мнѣ должно теперь прослезиться и тяжело воздохнуть, при мысли, какихъ лишились мы благъ, какого отчуждены блаженства! Такъ! отчуждены; я и о себѣ говорю тоже— отчуждены, если не совершимъ чеголибо великаго и чудеснаго. Никто не говори мнѣ теперь о геенѣ. Быть лишену толикой славы—мучительнѣе всякой геенны; быть отчуждену отъ сего жребія — хуже безчисленныхъ казней. Но мы все еще прилѣплены къ настоящему, не

помышляемъ о козняхъ діавола, который за малости похищаетъ у насъ большее, даетъ комъ грязи, чтобы опнять золото, или, правильнѣе сказать, небо; сулитъ пѣнь, чтобы лишить самой вещи, и обольщаетъ мечтами, (ибо настоящее богатство есть мечта), чтобы при наступленіи онаго дня оказались мы бѣднѣе всякаго. Размысливъ о семъ, постараемся, хотя подъ конецъ, избѣгать обмана и прилѣпимся къ будущему. Не льзя сказать, чтобы намъ неизвѣстна была кратковременность настоящей жизни, когда самыя дѣла ежедневно громче трубы вопіютъ о томъ, сколь она малоцѣнна, смѣшна, постыдна, бѣдственна, гибельна. Какое извиненіе будемъ имѣть мы съ великою ревностію гоняющіеся за тѣмъ, что сопряжено съ опасностями и стыдомъ, убѣгающіе того, что безопасно, что доставляетъ намъ славу и знаменитость, наконецъ мы предающіеся въ полную власть сребролюбія? Пристрастіе къ деньгамъ тягостнѣе всякаго мучительнаго рабства; о семъ знаютъ всѣ тѣ, которые удостоились освободиться отъ онаго. Хотите ли извѣдать сію прекрасную свободу; разорвите узы, бѣгите отъ сѣтей; пусть у васъ въ домѣ хранится не золото, но вмѣсто золота, что гораздо дороже тысячь, — милостыня и человѣколюбіе. Ибо милостыня даетъ намъ дерзновеніе предъ Богомъ; а золото покрываетъ насъ великимъ стыдомъ, и діаволу даетъ возможность управлять нами по своей волѣ. Для

чего же ты вооружаешь своего врага, и дѣлаешь его еще сильнѣйшимъ? Вооружи противъ него свою десницу; все домашнее убранство собери къ себѣ въ душу, все богатство свое заключи въ сердцѣ, береги свое золото не въ сундукѣ и дома, а на небѣ. Все, что ни есть у насъ, надѣнемъ на себя: потому что мы сами гораздо лучше спѣнъ, важнѣе половъ. Къ чему намъ забывать о себѣ, и все свое попеченіе обращать на то, чего не льзя взять съ собою по смерти, а часто удержать въ рукахъ еще и въ здѣшней жизни; между тѣмъ какъ можемъ обогатиться такъ, что не только здѣсь, но и тамъ окажемся всѣхъ доспѣшочнѣе? Кто носитъ въ душѣ и поля, и домы, и золото, тотъ, куда не придетъ, приходитъ со всѣмъ своимъ богатствомъ. Но спросишь: ужели это возможно? Возможно, и очень удобно. Ежели ты все свое имущество руками нищихъ перенесешь на небо; то положишь оное къ себѣ въ душу. Хотя бы и смерть пришла къ тебѣ, никто не отниметъ у тебя онаго; напротивъ и въ будущую жизнь переселишься съ богатствомъ. Такимъ сокровищемъ обладала Тавиѳа. Ее прославили не домъ, не спѣны, не камни, не колонны, но прикрытыя ею тѣла вдовицъ, пролитыя слезы, убѣжавшая отъ нея смерть и возвращенная ей жизнь. И мы приготовимъ себѣ такія хранилища, построимъ себѣ такіе домы. Въ такомъ случаѣ будемъ имѣть сопрудникомъ Бога, и сами будемъ Его сопрудниками. Богъ

привелъ нищаго изъ небытія въ бытіе; ты же не допускаешь погибнуть отъ голода и другихъ несчастій того, кто призванъ уже къ бытію и ухаживаешь за нимъ, поправляешь и всѣми мѣрами поддерживаешь храмъ Божій. Что съ симъ сравнится и пользою и знаменитостію? Но ежели ты не ясно еще понялъ, какое украшеніе даровалъ тебѣ Богъ, повелѣвъ снабжать нищихъ, то размысли самъ съ собою о слѣдующемъ. Ежели бы Богъ даровалъ тебѣ такую власть, что ты могъ бы поновлять обрушивающееся небо; то не почтешь ли сего такою честію, которая гораздо тебя выше? Но Богъ удостоилъ тебя еще большей чести. Онъ препоручилъ тебѣ исправлять, что для Него дороже самыхъ небесъ. Ибо предъ лицемъ Бога ничто видимое не можетъ сравниться съ человѣкомъ. Для человѣка сотворилъ онъ и небо, и землю, и море. Въ человѣкѣ лучше любитъ обитать Онъ, нежели на небѣ. Но мы, хотя знаемъ все сіе, однакожъ нимало не имѣемъ старанія и заботы о Божіихъ храмахъ. Напротивъ, оставивъ ихъ въ небреженіи, строимъ для себя великолѣпные и огромные домы. За то лишаемся всѣхъ благъ, дѣлаемся гораздо бѣднѣе всякаго нищаго; ибо украшаемъ тѣ домы, которыхъ, переселясь отселѣ, не можемъ взять съ собою, и нерадимъ о тѣхъ, которые можно намъ перенести съ собою и туда. Потому что исплѣвшія тѣла нищихъ безъ сомнѣнія воскреснутъ. И тогда Богъ, заповѣдавшій любить

ницихъ, соберешь ихъ, и похвалишь тѣхъ, которые заботились о нихъ, и подивишся, что всячески старались поддерживать ихъ жизнь, которая готова была угаснуть то отъ голода, то отъ наготы и холода. Но мы, не смотря и на сіи ожидающія насъ похвалы, все еще медлимъ и не хотимъ на себя принять сего похвальнаго попеченія. Хотя Христосъ не имѣетъ для Себя приспанища, но ходитъ страненъ, нагъ и голоденъ; однако же ты безъ нужды и пользы строишь загородные домы, бани, переходы и множество горницъ, а Христу не дашь и не большей кровли, но украшаешь виталища воронамъ и коршунамъ. Что хуже такого легкомыслія? Что ужаснѣе сего безумія? Ибо дѣйствительно это признакъ крайняго безумія, или лучше, какъ ни назовешь, не выразишь достойнымъ образомъ. Но если захотимъ; можно вылѣчиться отъ сей хотя и тяжкой болѣзни; и не только можно, но даже легко; и не только легко, но гораздо легче освободиться отъ сея язвы, нежели отъ всякой тѣлесной болѣзни, поколику самый Врачь несравненно выше. Итакъ призовемъ Его къ себѣ, умолимъ прикоснуться къ намъ, и приложимъ съ своей стороны все, что только нужно; я разумѣю, желаніе и готовность. Онъ ничего другаго не потребуетъ; но какъ скоро это получитъ отъ насъ, употребитъ все свое стараніе. Принесемъ же Ему все, что можемъ, дабы и здѣсь наслаждаться совершеннымъ

здравіемъ, и получишь будущія блага благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 15.

VIII, 28. *Вѣмы же, яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое.—*

По моему мнѣнію все слѣдующее мѣсто обращено у Апостола къ людямъ бѣдствующимъ; и не столько начиная съ словъ теперь произнесенныхъ, но и то, что было сказано нѣсколько выше, къ тому же относится. Такъ слова: *недостойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ*, также и то, что вся тварь воздыхаетъ, а равно сказанное выше, что *упованіемъ спасохомся, терпѣніемъ ждемъ, о чесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы*; все это относится къ людямъ бѣдствующимъ. — Ихъ учитъ Апостолъ избирать не то, что сами почитаютъ для себя полезнымъ, а напротивъ то, что внушаетъ духъ. Ибо многое намъ представляется полезнымъ, а въ самомъ дѣлѣ приноситъ великій вредъ. Для нихъ кажется выгодною жизнь покойная, безбѣдная, безопасная. И удивительно ли, что они такъ думаютъ, когда и самому Павлу представлялось

тоже самое?—Впрочемъ онъ послѣ убѣдился, что полезное совершенно тому противоположно, и убѣдившись возлюбилъ сіе. Послѣ того, какъ три раза молилъ Господа освободить его отъ бѣдъ, и услышалъ въ отвѣтъ: *довлѣетъ ти благодать Моя, сила бо Моя въ немощи совершается* (1 Кор. XII, 9), восхищался уже тѣмъ, что былъ гонимъ, терпѣлъ обиды и несносныя бѣдствія. *Тѣмже, благоволю*, говоритъ онъ, *въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, въ изгнаніяхъ* (ст 10). Посему сказалъ онъ: о *чесомъ бо помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы*, и совѣтовалъ, чтобы всякій предоставилъ сіе Духу, потому, что Святый Духъ весьма о насъ печется, и это угодно Богу.—Послѣ же многихъ увѣщаній присовокупляетъ и теперь сказанное, употребляетъ доводъ, достаточный къ тому, чтобы ободрить ихъ. *Вѣмы бо*, говоритъ онъ, *яко любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое*. Когда же говоритъ: вся, разумѣетъ и то, что намъ кажется прискорбнымъ. Скорбь ли, нищета ли, узы ли, голодъ ли, смерть ли, другое ли что постигнетъ тебя, Богъ силенъ измѣнить все сіе въ противоположное. Его неизреченной силѣ свойственно дѣлать для насъ легкимъ и обращать намъ въ пособіе то, что кажется тягостнымъ. Посему Апостолъ не сказалъ, что любящимъ Бога не приключается бѣдъ, но говоритъ, что имъ все содѣйствуетъ ко благу, то есть, Богъ самыя бѣдствія употребляетъ для прославленія

бѣдствующихъ. А сіе гораздо важнѣе, чѣмъ не допустить до бѣды, или отвратить бѣду, когда она случилась. Такъ сдѣлалъ Богъ и въ пещи Вавилонской. Не воспрепятствовалъ ввергнуть святыхъ отроковъ въ пещь, и когда они ввержены, не угасилъ пламени, но давъ ему горѣть, чрезъ пламень содѣлалъ сихъ отроковъ тѣмъ болѣе достойными удивленія.—И на Апостолахъ показалъ Богъ разныя подобныя чудеса. Ежели люди, навыкнувшіе любомудрію, могутъ изъ вещей дѣлать употребленіе противное ихъ свойству, живя въ бѣдности, кажется достаточнѣе богатыхъ, и самое безчестіе обращать для себя въ честь; то кольми паче Богъ на любящихъ Его покажетъ не только что нибудь подобное, но и гораздо большее. Для насъ одно только нужно, любить Его искренно, а все прочее послѣдуетъ само собою. Какъ для любящихъ Бога и то, что по видимому вредно, обращается въ пользу, такъ не любящимъ Его вредитъ и полезное. Іудеямъ все служило во вредъ, и явленіе чудесъ, и правила догматовъ, и высота ученія. За одно называли они Христа бѣснующимся, за другое богохульникомъ, а за чудеса покушались убить Его. Напротивъ разбойникъ распятый, пригвожденный, поносимый, претерпѣвающій безчисленныя страданія, не только не понесъ вреда, но еще извлекъ изъ того величайшую пользу. Видишь ли, какъ *любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое?*— Упомянувъ же о семъ великомъ благѣ, превы-

шающемъ человѣческое естество, такъ какъ оное казалось для многихъ невѣроятнымъ, Апостолъ увѣряетъ въ томъ прошедшимъ, говоря такъ: *сущихъ по предувѣденію званныхъ*. Замѣть, что благо сіе начинается со времени призванія. Почему же Христосъ не призвалъ всѣхъ сначала, и самаго Павла призвалъ не вмѣстѣ съ прочими? Такая отсрочка ни мало не была вредна, напротивъ самыя дѣла показали, что она полезна. Говоритъ же здѣсь Апостолъ о предувѣденіи, дабы не все приписать званію, потому, что въ такомъ случаѣ спали бы споритъ и язычники и Іудеи. Ибо ежели достаточно одного званія, то почему не всѣ спаслися? Потому говоритъ, что спасеніе званныхъ совершено не однимъ призваніемъ, но и предувѣденіемъ.—Призваніе не было что либо принужденное и насильственное. Всѣ были призываемы, но не всѣ повиновались.—

(29) *Ихже бо предувѣдѣ, и предустави сообразныхъ быти образу Сына Его.* Видишь ли высоту чести? Чѣмъ былъ Единородный по естеству, тѣмъ они спали по благодати.—Впрочемъ Апостолу показалось недостаточнымъ сказать: *сообразныхъ;* напротивъ онъ присовокупилъ еще: *яко быти Ему первородну.*—И тѣмъ не ограничиваясь, послѣ сихъ словъ прибавляетъ еще: *во многихъ братіяхъ.*—Всячески хочетъ показать явное родство. Впрочемъ все сіе должно разумѣть о Сынѣ Божіемъ относительно къ Его воплощенію, потому, что

по Божеству Онъ есть единородный. Видишь ли, сколько сообщено намъ благодатныхъ даровъ? Итакъ не сомнѣвайся въ будущихъ дарахъ. Апостолъ представляетъ и другое доказательство Божія человѣколюбія, говоря, что сіе было предобразовано такъ издревле. Человѣкъ дѣлаетъ о человѣкѣ заключеніе, смотря по дѣламъ; но Богу прежде все извѣстно. И Онъ сначала имѣетъ къ намъ расположеніе. Посему Апостолъ говоритъ:

(30) *А ихже призва, сихъ и оправда.* Оправдалъ банею возрожденія. *А ихже оправда, сихъ и прослави.* Прославилъ благодатію, усыновленіемъ.—

(31) *Что убо речемъ къ симъ;* Апостолъ какъ бы такъ говоритъ: не упоминай уже мнѣ о напастяхъ и козняхъ встрѣчающихъ тебя всюду. Пусть нѣкоторые не вѣрятъ будущему, но они ничего не могутъ сказать противъ благъ уже дарованныхъ, какъ то давней къ тебѣ Божіей любви, оправданія, славы. Богъ даровалъ тебѣ сіе посредствомъ того, что для тебя казалось прискорбнымъ. Ты считалъ позорнымъ крестъ, побои, узы; а все сіе послужило къ исправленію цѣлой вселенной. Какъ ни жестоко тебѣ кажется, что претерпѣлъ Христосъ, но Онъ обратилъ сіе въ свободу и спасеніе всея природы. Такую же пользу извлекаетъ Богъ и изъ претерпѣваемаго тобою, страданія твои обращаетъ Онъ въ славу тебѣ и похвалу. *Аще Богъ по насъ, кто на ны?* Но кто же не противъ

насъ, спросишь ты?—Противъ насъ цѣлая вселенная, и мучители и народы, и сродники и сограждане. Впрочемъ всѣ тѣ, которые противъ насъ, такъ далеки отъ возможности вредить намъ, что невольно дѣлаются для насъ причиною вѣнцевъ, ходатаями безчисленныхъ благъ. Такъ Божія премудрость обращаетъ всѣ козни въ наше спасеніе и славу. Видишь, какимъ образомъ противъ насъ никто.—И Іова сдѣлало знаменитымъ то, что противъ него вооружался діаволъ. Діаволъ воздвигъ противъ него друзей, жену, раны, домашнихъ, безчисленныя другія ухищренія; однакожъ ничто не было противъ него. И это невелико было для Іова, хотя оно весьма было велико, а для него гораздо было значительнѣе то, что все кончилось въ его пользу. Поелику за него былъ Богъ, то все, по видимому, возставшее противъ него, за него же было. Тоже случилось и съ Апостолами.—Іудеи, язычники, лжебратія, правители, народы, голодъ, нищета и безчисленныя бѣдствія возставали противъ нихъ, но ничто не было противъ нихъ. Ибо все сіе содѣлало ихъ особенно знаменитыми, славными, и достойными похвалы предъ Богомъ и предъ людьми. Разсуди же, что произнесъ Павелъ о вѣрныхъ и истинно распявшихся, сего не льзя было бы сказать и объ увѣнчанномъ діадимою. Противъ него вооружены многіе иноплеменники, дѣлаютъ покушенія враги, злоумышляютъ цѣлохранители, часто возстаютъ многіе изъ подданныхъ, а противъ вѣрую-

щаго, строго исполняющаго законъ Божій, не можетъ возстать ни человѣкъ, ни демонъ, ни другой кто. Лишишь ли его имущества, тѣмъ доставишь ему награду. Опозоришься ли о немъ худо, своимъ злорѣчіемъ содѣлаешь его блистательнѣе предъ Богомъ. Доведешь ли его до голода, тѣмъ большая для него слава и большее воздаяніе. Предашь ли даже смерти, что всего ужаснѣе, тѣмъ сплетешь ему вѣнецъ мученическій. Что можетъ сравниться съ жизнію человѣка, прошивъ котораго ничто не можетъ спорить, которому по видимому самые злоумышленники не менѣе приносятъ пользы, какъ и самые благодѣтели? Посему Апостолъ говоритъ: *аще Богъ по насъ, кто на ны?* Потомъ, не довольствуясь этими словами, выставляетъ и здѣсь почти величайшій признакъ Божіей къ намъ любви, къ которому всегда Онъ обращается,—я говорю о смерти Сына. Богъ не только оправдалъ, говоритъ Павелъ, прославилъ, содѣлалъ насъ подобными образу Его, но не пощадилъ для тебя и Сына. Посему и продолжаетъ:

(32) *Иже убо Своего Сына не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его; како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?* Апостолъ говоритъ усиленно и съ великимъ жаромъ, дабы выразить любовь Божію. Оставитъ ли насъ Богъ, когда не пощадилъ для насъ Сына Своего, но за всѣхъ насъ предалъ Его? Вообрази же, какова благость—не пощадить

Своего Сына, но предашь, предашь за всѣхъ ничтожныхъ, неблагодарныхъ, враговъ, богохульниковъ!—*Како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?*—Слова сіи значатъ: ежели Богъ даровалъ намъ Сына Своего, и не только даровалъ, но предалъ на убіеніе, что пріявъ въ даръ Самаго Владыку, что еще сомнѣваемся во всемъ прочемъ? Имѣя Господа, можно ли питать сомнѣніе въ разсужденіи полученія прочихъ даровъ? Кто даровалъ врагамъ важнѣйшее, тотъ ужели не даруетъ друзьямъ менѣе важнаго?—

(33) *Кто поемлетъ на избранныя Божія?* Сіе сказано пропивъ утверждавшихъ, что вѣра ни сколько не приноситъ пользы, и о сомнѣвавшихся въ возможности мгновеннаго измѣненія. И смотри, какъ скоро Апостолъ заграждаетъ имъ уста, указывая на достоинство избравшаго? Не сказалъ,—кто будетъ обвинять рабовъ Божіихъ, но: избранныхъ Божіихъ. Избраніе есть знаменіе добродѣтели. Ежели занимающійся объѣзживаніемъ молодыхъ коней признаетъ ихъ способными къ бѣгу, никто не посмѣетъ опорочить его выбора, напротивъ смѣшенъ будетъ всякій, кто станетъ пересуждать его.—Тѣмъ смѣшнѣе, которые обвиняютъ, когда Самъ Богъ избираетъ души.—

(34) *Богъ оправдаяй, кто осуждаяй?* Апостолъ не сказалъ: Богъ отпускаетъ грѣхи, но, что гораздо важнѣе: Богъ оправдываетъ. Кто объявленъ правымъ по приговору судьи, и притомъ такого судьи; осуждающій того

заслуживаетъ ли какое вниманіе? Итакъ не должно бояться ни искушеній, потому, что за насъ Богъ, Который и доказалъ то Своими дѣлами, ни Іудейскаго пустословія, потому, что Богъ избралъ и оправдалъ насъ, а что еще удивительнѣе, оправдалъ смертію Сына. Кто насъ осудитъ, когда Самъ Богъ вѣнчаетъ, когда Христосъ за насъ закалается, а по закланіи за насъ ходатайствуетъ? *Христосъ Іисусъ умерый, паче же и воскресый (изъ мертвыхъ), Иже и есть одесную Бога, Иже и ходатайствуетъ о насъ.* Явившись въ собственномъ Своемъ достоинствѣ, Онъ не прекратилъ Своего о насъ промышленія, но ходатайствуетъ о насъ, и сохраняетъ къ намъ туже самую любовь.— Для Него мало было умереть за насъ, но что особенно доказываетъ величайшую любовь, не только совершаетъ все, что отъ Него зависѣло, но умоляетъ о томъ другаго. Это одно Апостолъ хотѣлъ показать словомъ: ходатайствуетъ, онъ бесѣдуетъ человѣколюбиво и снисходительно, дабы показать любовь. Равно и изъ слова: *не пощадѣ*, если принять оное не въ такомъ смыслѣ, будетъ слѣдовать много несообразнаго. А дабы ты зналъ, что таково точно намѣреніе Апостола, сперва сказалъ онъ, что Христосъ *есть одесную Бога*, а потомъ присовокупилъ, что *ходатайствуетъ о насъ*; чѣмъ и доказалъ равночестіе и равенство, такъ, что ходатайство надобно уже представлять себѣ слѣдствіемъ не меньшаго достоинства,

но одной любви. Ибо когда Самъ Онъ есть жизнь, источникъ всѣхъ благъ, равносиленъ Отцу, воскрешаетъ мертвыхъ и животворитъ, и все прочее дѣлаетъ; нужно ли Ему ходатайствовать для оказанія намъ помощи?—Кто лишенныхъ надежды и осужденныхъ освободилъ отъ осужденія собственною властію, содѣлалъ праведными и сынами, Кто возводитъ ихъ на высочайшую степень чести, приводитъ въ исполненіе то, чего и ожидать было не возможно; Тому по совершеніи всего этаго, по возведеніи естества нашего на царскій престолъ, нужно ли было ходатайствовать о томъ, что легче?—Примѣчаешь ли, какъ все служитъ доказательствомъ, что словомъ: *ходатайствуетъ*, Апостолъ старался выразить не что иное, какъ горячность и силу любви Его къ намъ. И Самъ Отецъ представляется умоляющимъ людей о примиреніи съ Нимъ: *о Христѣ убо посольствуемъ, яко Богу молящу нами* (2 Кор. V, 20). Впрочемъ когда говорится, что Богъ умоляетъ, и что люди бываютъ отъ имени Христова посланниками къ людямъ; не представляемъ подъ симъ ничего унизительнаго для такого достоинства, а напротивъ изъ такихъ выраженій заключаемъ только о чрезвычайности любви. Такъ поступимъ и здѣсь.—А ежели Духъ ходатайствуетъ воздыханіями неизглаголанными, ежели Христосъ умеръ и ходатайствуетъ за насъ, ежели Отецъ не пощадилъ за тебя Сына Своего, избралъ тебя и оправдалъ; то чего ты

боишься?—Что препещешь, наслаждаясь такою любовію, такимъ попеченіемъ о тебѣ? Посему по Апостолѣ показавъ, сколько много промышляетъ о насъ Богъ, со всею уже свободою продолжаетъ рѣчь свою, и не говоритъ что и вы должны столько же любить Бога, но какъбы приведенный въ восторгъ симъ неизреченнымъ промысломъ, восклицаетъ:

(35) *Кто ны разлучитъ отъ любве Христовой?* Не сказалъ: Божіей. Такъ безъ всякаго различенія употребляетъ имена: Христосъ и Богъ! *Скорбь ли, или тѣснота, или гоненіе, или глад, или нагота, или бѣда, или мечь?* Дивись мудрости блаженнаго Павла! Не упомянулъ о томъ, что ежедневно уловляетъ насъ въ плѣнъ,—о любви къ деньгамъ, о страсти къ славѣ, о мучительствѣ гнѣва, но перечисляетъ то, что гораздо сего мучительнѣе, дѣлаетъ насиліе самой природѣ, и часто проникъ нашей воли потрясаетъ твердость ума, онъ говоритъ о скорбяхъ и тѣснотахъ. И какъ ни легко перечислить все сказанное; впрочемъ каждое слово заключаетъ въ себѣ безчисленныя полчища искушеній. Когда Апостолъ говоритъ о скорби, разумѣетъ и темницы, и узы, и досносы, и изгнанія и всѣ прочія бѣдствія, однимъ словомъ, обтекаетъ безбрежное море напастей, и короче сказать, въ одномъ реченіи открываетъ передъ нами всѣ человѣческія злоключенія. И не смотря на то, онъ отваживается на всѣ сіи бѣдствія. — Апостолъ употребляетъ

образъ рѣчи вопросительный, какъ бы ни мало не сомнѣваясь, что кто такъ любимъ, и находится подъ такимъ промышленіемъ, того ничто не можетъ отлучить отъ сея любви. Но дабы ты не почелъ сихъ бѣдствій прекращеніемъ любви, Апостолъ приводитъ слова Пророка, который за долгое время предвѣщалъ объ оныхъ и говорилъ:

(36) *Яко Тебе ради умерщвляемъ есмы весь день: вмѣнихомся якоже овцы заколенія* (Псал. XLIII, 23), то есть, намъ опредѣлено терпѣть зло отъ всякаго. Но при сполъ многочисленныхъ и великихъ бѣдствіяхъ, среди сихъ необычайно плачевныхъ событій для насъ служитъ достаточнымъ ущѣщеніемъ самая причина подвиговъ, или правильнѣе сказать, не только достаточнымъ, но даже изобильнымъ, ибо мы терпимъ сіе, говоритъ Апостолъ, не для людей, не для чего либо житейскаго, но для Царя всяческихъ. И не симъ однимъ, но другими еще многоразличными и многоцвѣтными вѣнцами украсилъ подвижниковъ. Поелику имъ, какъ людямъ, не льзя претерпѣть безчисленныхъ смертей, что доказываетъ, что отъ сего награды ни сколько не уменшаются. Хотя по естественному жребію человѣку можно умереть только однажды, впрочемъ, если захотимъ, Богъ даровалъ намъ возможность ежедневно умирать произволеніемъ. А изъ сего видно, что по преселеніи отселѣ сполько будемъ имѣть вѣнцевъ, сколько проживемъ здѣсь дней, или

даже число вѣнцевъ будетъ и большее. — Ибо въ одинъ день можно умереть и однажды и дважды и многократно. Кто готовъ на сіе, всегда получаетъ совершенную награду. Сіе разумѣлъ и Пророкъ, сказавъ: *весь день*. Апостолъ же привелъ слова его для большаго возбужденія слушателей. Ежели ветхозавѣтные, говоритъ онъ, имѣли наградою трудовъ своихъ землю и то, что преходитъ съ настоящею жизнію, но столько презирали настоящую жизнь, искушенія и бѣдствія; то какое извиненіе будемъ имѣть мы, которые имѣемъ наградою небо, горнее царство, неизреченныя блага, но слабѣемъ духомъ и не достигаемъ даже той мѣры, какой достигали ветхозавѣтные? — Но хотя Апостолъ не сказалъ сего, впрочемъ, оставляя то на совѣсть слушателей, довольствуется однимъ свидѣтельствомъ. И доказываетъ, что цѣла ихъ суть жертва, что они не должны страшиться и смущаться, потому, что мздовоздаятелемъ Самъ Богъ. Апостолъ предлагаетъ имъ и другаго рода увѣщаніе. Могли сказать, что онъ только умствуетъ вопреки дѣйствительному опыту, посему присовокупилъ: *вмѣнихомся, яко овцы заколенія*, означая симъ то, что Апостолы ежедневно подвергались смерти.—Видишь ли мужество и кротость?—Какъ овцы не противятся, когда ихъ закалаютъ, такъ и мы, говоритъ Павелъ. Но поелику человѣческій разумъ и послѣ стольких примѣровъ по своей немощи

спрашился множества искушений: но смотри, какъ Апостолъ снова возставляетъ, возвышаетъ, и восторгаетъ слушателя, говоря:

(37) *Но во всѣхъ сихъ препобѣждаемъ за возлюбшаго ны.*—То и удивительно, что мы не только побѣждаемъ, но побѣждаемъ тѣмъ самымъ, посредствомъ чего строятъ намъ козни, и не просто побѣждаемъ, но препобѣждаемъ, то есть, со всею легкостію, безъ трудовъ и пота. Повсюду воздвигаемъ памятники побѣдъ надъ врагами, не только когда дѣйствительно терпимъ, но даже когда имѣемъ одно готовое расположеніе. И весьма справедливо; потому, что Богъ намъ споборствуетъ. Итакъ не теряй вѣры, что мы будучи подвергаемы побоямъ, одолѣваемъ біющихъ, будучи изгоняемы, держимъ въ своей власти гонителей, и умирая поражаемъ живыхъ. Ежели примешь во вниманіе Божію силу и любовь, то увидишь, что нѣтъ никакого препятствія совершаться симъ чудеснымъ и необыкновеннымъ дѣйствіямъ, и восіять величайшей побѣдѣ. Апостолы не только побѣждали, но и удивляли своими побѣдами; всякій могъ видѣть, что у нихъ была брань не съ коварными людьми, но съ оною неодолимою силою. Смотри, какъ Іудеи, окруживъ ихъ, недоумѣваютъ и говорятъ: *что сотворимъ человѣкома сима* (Дѣян. IV, 16)? То и удивительно, что имѣвшіе ихъ въ своей власти, требовавшіе у нихъ отчета, имѣвшіе право вязать ихъ и убивать мечемъ, находятся въ

запрудженіи, и опасаюшся быть побѣжденными отъ тѣхъ, кого надѣялись побѣдить. Ни мучитель, ни исполнители казни, ни полчища бѣсовъ, ни самъ діаволъ не могли побѣдить ихъ; напротивъ всѣ сами побѣждены совершенно, и видятъ козни свои обращающимися въ ихъ же пользу. Посему и сказалъ Павелъ: *препобѣждаемъ*. Это былъ новый образъ побѣды — одолѣвать тѣмъ, чѣмъ враги думали одолѣть, и никогда не быть одолѣваемымъ, выходить на рапоборство, какъ бы имѣя въ своей волѣ окончаніе битвы!—

(38) *Извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни Ангели, ни начала, ни силы, ни настоящая, ни грядущая.*—

(39) *Ни высота, ни глубина, ни ина каа тварь возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.* Высоки слова сіи; но мы не постигаемъ оныхъ потому, что не имѣемъ такой любви. Впрочемъ, какъ ни высоки, Апостолъ желая показать, что любовь его къ Богу есть ничто въ сравненіи съ тою любовію, какою возлюбилъ его Богъ; о своей любви говоритъ послѣ любви Божіей, дабы никто не подумалъ, что онъ превозносится самъ себя. И смыслъ словъ его таковъ. Къ чему говорить о настоящихъ бѣдствіяхъ (неразлучныхъ съ сею жизнію? Если мнѣ укажутъ на будущія состоянія и силы—состоянія, каковы жизнь и смерть, силы, каковы Ангелы, Архангелы и всѣ горнія твари, и что для меня мало въ сравненіи

съ Христовою любовію. Если бы кто сталъ угрожать мнѣ будущею некончаемою смертію, чтобъ отлучить меня отъ Христа, или обѣщалъ мнѣ за сіе безконечную жизнь, я не согласился бы.—Что же сказать о земныхъ Царяхъ и о народныхъ правителяхъ, и именно о томъ или другомъ изъ нихъ?—Укажешь ли мнѣ на Ангеловъ, на всѣ горнія силы, на все существующее, на все будущее,—въ сравненіи съ любовію Христовою все для меня мало, все, что на землѣ, что на небѣ, что подъ землею, что превыше небесъ. Но какъ бы и сего недостаточно было къ изображенію сильной любви, обладающей Апостоломъ, онъ представляетъ нѣчто другое равное прежнему, и говоритъ: *ни ина кая тварь.* Сіе значитъ: ежели бы другая была такая же тварь, какъ видимая, такъ и постигаемая умомъ, и тогда ничто не отвлекло бы меня отъ сея любви. Выразился же такъ Апостолъ, не потому, что бы Ангелы или другія небесныя силы дѣйствительно стали отвлекать его отъ Христа, но желая единственно представить въ высшей степени ту приверженность, какую имѣлъ онъ ко Христу. Онъ любилъ Христа не ради принадлежащаго Христу, напротивъ все Христово любилъ ради Самаго Христа, къ Нему одному устремлялъ взоръ свой, и одного страшился—отпасть отъ сея любви. Отпасть отъ любви Христовой для него было ужаснѣе самой геенны, равно какъ пребывать въ любви вожделѣннѣе царства.—

Итакъ чего наконецъ достойны мы?— Павла въ сравненіи въ Христовою любовію не удивляло и небесное; а мы предпочитаемъ Христу лежащее въ грязи и въ пыли. Павелъ изъ любви ко Христу готовъ былъ итти въ геенну и лишиться царства, если бы ему предложили то и другое; а мы не можемъ отказаться отъ настоящей жизни. Стоимъ ли мы даже обуви Павловой, будучи такъ низки предъ высотою духа его? Павелъ и самое царство вмѣнялъ для Христа ни во что, а мы призираемъ Христа, и почитаемъ великимъ принадлежащее Христу. И пусть любили бы мы принадлежащее Христу! Но теперь и сего не любимъ, а напротивъ, когда предложено намъ царство, оставляемъ его, и каждый день гоняемся за тѣнью и призракомъ;—Хотя Богъ по Своему человѣколюбію и величайшей кротости дѣлалъ тоже, что дѣлаетъ чадолюбивый отецъ, который видя, что частыя наставленія его не нравятся его сыну, благоразумно предлагаетъ ихъ инымъ образомъ. Поелику мы не имѣемъ должной любви къ Богу, то Онъ предлагаетъ намъ разныя блага, дабы удержать насъ при Себѣ; при всемъ томъ, мы не пребываемъ съ Нимъ, но бѣжимъ отъ Него къ дѣтскимъ играмъ. Не таковъ былъ Павелъ; подобно благородному, свободному и любящему отца сыну, онъ домогается одного, чтобы быть при Немъ;— все же прочее ставитъ ниже сего. — Или лучше сказать, Павелъ во многомъ превосходитъ

такого сына.—Ибо не одинаково цѣнитъ отца и принадлежащее отцу, но когда обращаетъ взоры къ отцу, ни во что вмѣняетъ принадлежащее отцу. Лучше желаетъ терпѣть съ нимъ наказанія и побои, нежели веселиться въ разлукѣ. Итакъ содрогнемся мы, которые не можемъ презрѣть денегъ для Бога, или лучше сказать, мы, которые не можемъ презрѣть денегъ для самихъ себя. Одинъ Павелъ терпѣлъ все единственно для Христа, не для царства, не для чести, но изъ единой любви ко Христу. А насъ ни Христосъ, ни все Христово не отвлекаетъ отъ житейскихъ попеченій, напротивъ какъ змѣи, какъ ехидны, какъ свиньи, или какъ все это вмѣстѣ, мы пресмыкаемся въ грязи. Ибо чѣмъ мы лучше сихъ животныхъ, когда имѣя такіе и столь великіе примѣры, все еще смотримъ въ низъ; и одной минуты не можемъ смотрѣть на Небо? Богъ за тебя предалъ Сына, а ты не дашь куска хлѣба Ему, за тебя преданному, за тебя убіенному. Отецъ для тебя не пощадилъ Его, не пощадилъ искренняго Своего Сына, а ты не обращаешь и вниманія, что Онъ томится голодомъ, между тѣмъ, какъ ты издерживаешь Его собственность, и издерживаешь для себя. Что можетъ быть гнуснѣе сего беззаконія? За тебя преданъ, за тебя умерщвленъ, за тебя терпитъ жажду! Если дашь Ему изъ Егоже собственности, самъ получишь отъ того пользу, но ты не смотря и на сіе, не даешь ничего. Не безчув-

сшвенніе ли всякаго камня шѣ, которые при сполькихъ побужденіяхъ оспаются въ семъ діавольскомъ жестокосердіи?—Христосъ не удовлетворился смертію и крестомъ, но соблаговолилъ спать нищимъ, странникомъ, безпріютнымъ, нагимъ, быть заключеннымъ въ темницу, терпѣть болѣзни, только бы тебя чрезъ это привлечь къ Себѣ. Ежели не вознаграждаетъ Меня за то, что Я спрадалъ за тебя, говоритъ Онъ; то сжалься надъ Моею нищетою.—Если не хочешь сжалиться надъ нищетою, проньея Моею болѣзнію, умилосердись, видя узы. Если же и это не преклоняетъ тебя къ человѣколюбію, обрати вниманіе на легкость прозьбы. Прошу не чеголибо дорогаго, но куска хлѣба, пріюта, одного ушѣшительнаго слова. А ежели и при всемъ этомъ оспаешься непреклоннымъ, то сдѣлайся добрѣе, хотя ради царства, ради наградъ обѣщанныхъ тебѣ Мною. Но ты и ихъ не уважаешь? Такъ преклонись къ жалости хотя по естественному чувству видя Меня нагимъ, и вспомни о той наготѣ, какую Я терпѣлъ за тебя на крестѣ. А если не хочешь вспомнить о ней, представь наготу, какую терплю въ лицѣ нищихъ. И когда нуждался Я для тебя, и теперь для тебя же нуждаюсь, только бы ты, пронувшись тѣмъ или другимъ, захотѣлъ оказать какое нибудь милосердіе.—Для тебя Я постился, и опять для тебя же терплю голодъ. Жаждалъ, вися на крестѣ, жажду и въ лицѣ нищихъ, только бы тѣмъ или другимъ

привлечь тебя къ Себѣ, и для твоего же спасенія содѣлать Себя человѣколюбивымъ. Посему хотя ты обязанъ Мнѣ воздаяніемъ за безчисленныя благодѣянія, но Я не прошу у тебя, какъ у должника, а вѣнчаю тебя, какъ за даръ, и за сіи малости дарю тебѣ Царство. Не говорю: избавь Меня отъ нищеты, или: обогати Меня, хотя и для тебя обнищалъ Я; но прошу хлѣба, одежды, небольшаго утѣшенія въ голодѣ. Когда нахожусь въ темницѣ, не принуждаю снять съ Меня узы, вывесть Меня изъ темницы, но домогаюсь одного только, чтобы ты навѣстилъ связаннаго за тебя, и сіе принимаю за большую милость, за сіе одно дарю тебѣ небо. Хотя Я избавилъ тебя отъ самыхъ тяжкихъ узъ, но Самъ довольствуюсь и тѣмъ, что захочешь посѣтить Меня связаннаго. Конечно и безъ этаго могу увѣнчать тебя, однакожъ хочу быть должникомъ твоимъ, хочу, чтобы вѣнецъ доставилъ тебѣ и нѣкоторое дерзновеніе. Посему хотя Самъ Себя могу пропитать, однакожъ хожу и прошу, стою у дверей твоихъ, и простираю руку. Для тебя самаго хочу, чтобы ты накормилъ Меня.—Поелику сильно люблю тебя, то и желаю вкусить что нибудь съ твоего стола, какъ водится у друзей. И хвалюся тѣмъ, предъ лицемъ цѣлой вселенной, во услышаніе всѣхъ; возвѣщаю о тебѣ каждый разъ, всѣмъ показываю накормившаго Меня. Мы стыдимся того, кто насъ кормитъ, и стараемся дѣлать его неизвѣстнымъ. Но Христосъ, поелику сильно насъ

любитъ, если сами молчимъ, всѣмъ расказываетъ со многими похвалами, что когда было, и не стыдится говорить, что мы одѣли Его, когда былъ нагъ, накормили, когда былъ голоденъ. Размысливъ о всемъ этомъ, не остановимся на однихъ похвалахъ, но исполнимъ слова наши на дѣлѣ. Къ чему сіи рукоплесканія, къ чему сіе волненіе? Я домогаюсь отъ васъ одного только, доказательства на дѣлѣ, повиновенія на опытѣ. Это моя похвала, это ваше приобрѣтеніе, это блистательнѣе для меня діадимы! Итакъ по выходѣ отсюда, и себѣ и мнѣ приготовьте вѣнецъ руками нищихъ, дабы и въ настоящей жизни питаться намъ доброю надеждою, и преселясь въ будущую жизнь получить безчисленныя блага. И даруй Богъ получить оныя всѣмъ намъ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава, держава, честь нынѣ, всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.—

БЕСѢДА 16.

IX, 1. *Истину глаголю о Христѣ, не лгу, послушествующей ми совѣсти моей Духомъ Святымъ.*

Не великимъ ли, не сверхъестественнымъ ли казалось вамъ то, что говорилъ я въ предыдущей бесѣдѣ о Павловой любви ко Христу? Подлинно все это и само въ себѣ велико и превыше всякаго слова! Впрочемъ сказанное теперь

столько превосходитъ прежнее, сколько прежнее превосходитъ все, что можемъ сказать о себѣ. Я и самъ не представлялъ, чтобы могло быть что нибудь выше сказаннаго въ прошлой бесѣдѣ; но оказывается, что читанное намъ сего дня гораздо блистательнѣе всего прежняго. Самъ Павелъ чувствовалъ сіе, и объявилъ въ самомъ началѣ, что онъ намѣренъ коснуться еще важнѣйшаго—чему многіе не повѣрятъ. И прежде всего свидѣтельствуетъ объ истинѣ того, что намѣренъ сказать. Такъ обыкновенно поступаетъ всякой, кто намѣревается говорить о чемъ либо для многихъ невѣроятномъ, и въ чемъ самъ онъ твердо увѣренъ. *Истину глаголю*, говоритъ онъ, *не лгу*, въ томъ *свидѣтель мнѣ совѣсть моя.*

(2) *Яко скорбь ми есть велія, и непрестающая болѣзнь сердцу моему.* (3) *Молилбыхся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа.* Что ты говоришь, Павелъ? Отъ возлюбленнаго тобою Христа, отъ Котораго не могли отлучить тебя ни Царство, ни геенна, ни видимое, ни представляемое умомъ, ни все тому подобное,—отъ сего Христа желаешь теперь отлученъ быть? Что съ тобою сдѣлалось? Не перемѣнился ли ты, не отступился ли отъ своей любви?—Ни мало; не опасайся сего; я только усилилъ въ себѣ любовь сію, отвѣтствуетъ Павелъ. Почему же желаешь быть отлученнымъ, домогаешься отчужденія и такого разрыва, послѣ котораго другой уже и не возможенъ? Потому

что сильно люблю Его, отвѣщеваетъ Павелъ. Какъ это, какимъ образомъ, объясни намъ; ибо слова твои походятъ на загадку? Но лучше, думаю, сперва опредѣлить, что такое отлученіе, а потомъ уже спрашивать о семъ Павла, дабы постигнуть сію невыразимую и необыкновенную любовь. Итакъ, что есть отлученіе? Послушай, что говоритъ самъ Павелъ: *аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ* (1 Кор. XVI, 22), то есть, да будутъ прерваны съ Нимъ связи и сдѣлается Онъ для всѣхъ чуждъ. Какъ никто не смѣетъ касаться безъ нужды руками или приближаться къ дару, который посвященъ къ Богу; такъ отлученнаго отъ Церкви, отсѣкая отъ всѣхъ и какъ бы сколько можно болѣе отдаляя, Апостолъ въ противуположномъ смыслѣ называетъ именемъ отложеннаго дара (ἀνάθημα), и тѣмъ предувѣдомляетъ всякаго, чтобы онъ со страхомъ удалялся и бѣжалъ прочь отъ такого человѣка. Къ дару никто не осмѣливался приближаться изъ уваженія; съ отлученнымъ же прерывали связи по другому противуположному чувству. Въ обоихъ случаяхъ одинаково прерываются связи, и предметъ дѣлается для людей чуждымъ. Но способъ прерванія связей не одинаковъ; напротивъ одинъ другому противуположенъ. Отъ одного оберегаются, потому что сіе посвящено Богу; а отъ другаго потому, что отчуждено отъ Бога, отлучено отъ Церкви. Въ послѣднемъ смыслѣ сказалъ Павелъ:

молилбыхся отлученъ быти отъ Христа; не говоритъ просто: желалъ бы, но выражаетъ усиленное желаніе: *молилбыхся*. Но ежели возмущаютъ тебя слова, которыя гораздо слабѣе изображаемаго ими; то представь себѣ самое дѣло, и не одно то, что Павелъ хотѣлъ быть отлученнымъ, но самую причину, по которой желалъ сего, тогда увидишь всю безмѣрность его любви. На примѣръ Павелъ обрѣзывалъ, но если обратимъ вниманіе не на самое дѣйствіе, а на намѣреніе и причину дѣйствія, то по этому еще болѣе будемъ удивляться Павлу. Но онъ не только обрѣзывалъ другихъ, а и самъ себѣ стригъ власы, приносилъ жертву. Впрочемъ и за то не называемъ его Іудействующимъ, а напротивъ изъ сего—то и заключаемъ, что онъ свободенъ и чистъ отъ Іудейства, что онъ есть истинный служитель Христовъ. А посему какъ ты видя, что Павелъ обрѣзываетъ и приноситъ жертвы, не осуждаешь его за то въ приверженности къ Іудейству, а тѣмъ паче хвалишь, называя чуждымъ Іудейства; такъ и видя, что онъ желаетъ быть отлученнымъ, не смущайся тѣмъ; но вникая въ причину, по которой онъ желаетъ сего, тѣмъ паче прославляй его за то. А если не будемъ разбирать причинъ; то должны будемъ назвать Илію—убійцею; а Авраама—не просто убійцею, но еще дѣтоубійцею, и также обвинить въ убійствѣ Финееса и Петра; не наблюдая сего правила, даже принуждены будемъ выводить

нелѣпыя заключенія не только о Святыхъ, но и о Богѣ всяческихъ. Во избѣжаніе сего во всякомъ подобномъ случаѣ будемъ разбирать дѣло, не упуская изъ вида ни причины, ни намѣренія, ни времени, ни всего того, что можетъ служить къ оправданію онаго. Такъ поступимъ и теперь съ сею блаженною душею. Итакъ что было причиною?—Опять тотъ же возлюбленный Іисусъ. А ежели Апостолъ не Его называетъ причиною; ибо говоритъ: я желалъ бы отлученъ быть отъ Него *по братіи моей*; то сіе показываетъ только его смиренномудріе. Не хочетъ подать и вида, что говоритъ о дѣлѣ великомъ, и что приноситъ сіе въ даръ Христу. Для того присовокупилъ: *сродницъхъ*, чтобы сокрыть величіе дѣла. А что всего желалъ онъ для Христа, узнаешь изъ слѣдующаго; ибо сказавъ: *сродницъхъ:* присовокупилъ:

(4) *Ихже всыновленіе и слава, и завѣти и законоположеніе и служеніе и обѣтованіе.* (5) *Ихже отцы, и отъ нихже Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки, аминъ.* Что же это, спросишь? Если Павелъ хотѣлъ быть отлученнымъ для того, чтобы увѣровали другіе; то надлежало ему о томъ же молиться и за язычниковъ. А если молится только объ Іудеяхъ; показываетъ тѣмъ, что желалъ отлученія не для Христа,—а для сродства съ Іудеями. Напротивъ если бы молился объ однихъ язычникахъ; не такъ было бы явно, что молится для

Христа. А поелику молится объ однихъ Іудеяхъ, то ясно показываетъ, что заботится о семъ для славы Христовой. Знаю, что слова мои кажутся для васъ странными. Впрочемъ, если не будете производить шума, постараюсь объяснить оныя. Не безъ причины сказалъ Апостолъ слова сіи; но потому что, обвиняя Бога, говорили, что изгоняются и лишаются чести тѣ, которые удостоились именоваться сынами Божіими, приняли законъ, познали Бога прежде всѣхъ другихъ народовъ, пользовались особенною славою, служили Богу, когда еще никто изъ людей не служилъ Ему, получили обѣтованія, были отцами своихъ колѣнъ, и что всего важнѣе, стали праотцами Самаго Христа; ибо сіе значатъ слова: *отъ нихже Христосъ по плоти;* а что вмѣсто ихъ вводятся люди изъ язычниковъ, никогда незнавшіе Бога. Поелику говорившіе такъ хулили Бога; то Павелъ слыша сіе, терзался, скорбѣлъ о славѣ Божіей, и желалъ быть отлученнымъ, если бы то можно было, только бы спаслись Іудеи, богохульство прекратилось, и никто не оставался въ той мысли, что Богъ обманывалъ ихъ прародителей, которымъ обѣщалъ дары. Павелъ желалъ быть отлученнымъ, дабы ты зналъ, сколько его сокрушала мысль, какая могла поселиться во многихъ, будто бы осталось безъ исполненія обѣтованіе Божіе, данное Аврааму: *тебѣ дамъ землю сію и сѣмени твоему* (Быт. XII, 7). Послѣ же сихъ словъ Апостолъ присовокупилъ:

(6) *Не такоже, яко отпаде слово Божіе.* Чѣмъ и даетъ знать, что онъ все сіе готовъ терпѣть за слово Божіе, то есть, за обѣтованіе данное Аврааму. Какъ Моусей по видимому ходатайствовалъ за Іудеевъ, но все дѣлалъ для славы Божіей и говорилъ: прекрати гнѣвъ, дабы не сказали, что Ты не могъ спасти и *изведе погубити их въ пустыни* (Второз. IX, 28); такъ и Павелъ говоритъ: я желалъ бы отлученъ быть, только бы не сказали, что обѣтованіе Божіе осталось безъ исполненія, что Богъ не устоялъ въ обѣщаніи, и слова Своего не привелъ въ дѣйствіе. Говоритъ же не за язычниковъ, потому что имъ не дано было обѣтованія, и они послужили Богу, а Богъ не былъ хулимъ ими, а молился о семъ за Іудеевъ, получившихъ обѣтованіе, и за всѣхъ близкихъ ему. Видишь, если бы онъ молился за язычниковъ, не такъ явно слѣдовало бы изъ того, что дѣлаетъ сіе для славы Христовой. Но поелику желалъ быть отлученнымъ за Іудеевъ; то особенно явствуетъ, что желалъ сего для Христа. Посему говорилъ: *ихже всыновленіе и слава, и служеніе и обѣтованіе.* У нихъ, разсуждаетъ Апостолъ, законъ, говорящій о Христѣ, съ ними заключены были всѣ завѣты, отъ нихъ произошелъ Самъ Христосъ, изъ нихъ были всѣ отцы, получившіе обѣтованія. Впрочемъ вышло противное; они лишены всѣхъ благъ. Это терзаетъ меня, продолжаетъ Павелъ, и если бы было

можно изключену быть изъ лика Христова, отчуждену не отъ любви Христовой—(избави сего Богъ! потому что и дѣлалъ я сіе изъ любви ко Христу) — но отъ блаженства и славы; я согласился бы на то, только бы не былъ хулимъ мой Владыка, и ни отъ кого не слышать мнѣ такаго отзыва, что все это было тщетно; однимъ обѣщано, а другимъ дано; Христосъ отъ однихъ родился, а другихъ спасъ; Богъ далъ обѣтованія предкамъ Іудеевъ и, оставивъ ихъ потомковъ, во владѣніе ихъ благами ввелъ тѣхъ, которые никогда не знали Его; Іудеи трудились, поучаясь закону, читали Пророковъ, а язычники, едва покинули свои олтари и идоловъ, какъ стали выше Іудеевъ. Гдѣ же тутъ промыслъ Божій? Итакъ, разсуждаетъ Апостолъ, хотя несправедливъ такой отзывъ, но только бы не говорили сего о моемъ Владыкѣ, я съ удовольствіемъ готовъ лишиться царства и неизреченной оной славы, радъ терпѣть всѣ напасти, и почитаю величайшимъ для себя утѣшеніемъ въ прудахъ не слышать болѣе хулы на Того, Кто мною столько любимъ. Если ты не выразумѣлъ сказаннаго, представь себѣ, что многіе отцы рѣшались часто на подобное въ разсужденіи дѣтей своихъ, соглашались быть съ ними въ разлукѣ, только бы видѣть ихъ въ славѣ и доброе ихъ имя предпочитали удовольствію жить съ ними вмѣстѣ. Но мы далеки отъ такой любви; потому и не можемъ постигнуть сказаннаго. Такъ нѣкоторые

недостойны даже и слышать имя Павлово; они столь далеки отъ сея безмѣрной любви, что думаютъ, будтобы Павелъ говоритъ здѣсь о временной смерти. О такихъ скажу, что имъ столько же, или еще гораздо болѣе не извѣстенъ Павелъ, какъ слѣпымъ солнечный лучь. Кто каждый день умиралъ, подвергался тучамъ бѣдъ и говорилъ: *кто ны разлучитъ отъ любве Христовы? скорбь ли, или тьснота, или глад*ъ, *или гоненіе?* Кто, не удовольствовавшись изчисленнымъ, превзошелъ небо и небо небеси, опередилъ Ангеловъ, Архангеловъ и все горнее; кто совокупивъ все, настоящее, будущее, видимое, постигаемое умомъ, горестное, благое, причастное тому и другому, ничего не оставилъ безъ вниманія, и тѣмъ не удовольствовался, но предполагалъ другое подобное и еще не существующее твореніе; — ужели бы такой человѣкъ при всемъ этомъ сталъ упоминать о временной смерти, какъ о чемъ нибудь важномъ? Нѣтъ, нѣтъ! Такая мысль о Павлѣ прилична развѣ червю, живущему въ навозѣ! Если бы о семъ говорилъ Павелъ, на что бы ему желать быть отлучену отъ Христа? Временная смерть тѣснѣе соединяетъ съ ликомъ Христовымъ, и даетъ вкушать будущую славу. Но есть люди, осмѣливающіеся утверждать вещи еще болѣе достойныя смѣха. Не смерти желалъ Павелъ, утверждаютъ они, но быть утварью и даромъ Христовымъ. Кто же не пожелалъ бы сего при всей своей низости,

при всемъ сознаніи своего недостоинства? И какъ Павелъ могъ бы стать самъ за своихъ сродниковъ? Итакъ, оставивъ сказки и пустословіе, которыя, подобно дѣтскому лепету, не стоятъ опроверженія, и возвратясь къ собственнымъ словамъ Апостола, насладимся моремъ любви его, безопасно будемъ всюду по оному плавать, будемъ представлять въ мысляхъ сей неизреченный пламень, о которомъ, что ни говори, ничего не скажешь достойнаго. Ибо любовь Павлова была шире всякаго моря, сильнѣе всякаго огня. И никакое слово не можетъ изобразить ее по достоинству. Одинъ Павелъ постигалъ ее, какъ вполнѣ ею обладавшій. Итакъ повторимъ опять слова его: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти.* Что значитъ: *самъ азъ?* Я—который сталъ общимъ учителемъ, оказалъ безчисленныя услуги, ожидаю себѣ безчисленныхъ вѣнцевъ, возлюбилъ Христа столько, что любовь Его предпочитаю всему на свѣтѣ, ежедневно сгараю за Него, и все ставлю ниже любви къ Нему. Павелъ не о томъ только заботился, чтобы быть любимымъ отъ Христа, но и о томъ, чтобы крѣпко любить Его; и послѣднее признавалъ главнѣйшимъ. Сіе одно имѣлъ онъ въ предметѣ, и все легко переносилъ. Во всякомъ дѣлѣ спремился къ одной цѣли,—удовлетворить этой прекрасной любви. И хотя желаетъ быть отлученнымъ; но, какъ не могло то случиться, покушается защитить себя противъ обвиненій

и, пересказавъ все, что разсѣявали Іудеи, спараешся опровергнуть это. И прежде нежели начинаетъ явно оправдываться, бросаетъ уже нѣсколько сѣменъ оправданія. Ибо когда говоритъ: *ихже всыновленіе, и слава, и законоположеніе, и служеніе, и обѣтованія*, выражаетъ симъ единственно то, что Богъ желалъ и имъ спастися. Сіе онъ и обнаружилъ тѣмъ, что было сдѣлано прежде, тѣмъ, что отъ нихъ произошелъ Христосъ, тѣмъ, что далъ обѣтованія отцамъ ихъ. Но Іудеи сами по собственной неблагодарности отвергли благодѣяніе. Посему Апостолъ перечисляетъ одно то, что свидѣтельствуетъ о дарѣ Божіемъ, а не служитъ къ ихъ похвалѣ. Ибо всыновленіе, слава, обѣтованія, законъ, были дѣломъ благодати Божіей. Представляя все сіе въ умѣ, и разсуждая о томъ, сколько приложили попеченій о спасеніи Іудеевъ Богъ и Сынъ Его, Апостолъ громогласно воскликнулъ и сказалъ: *Сый благословенъ во вѣки, аминь.* Такое благодареніе возсылаетъ онъ за всѣхъ Единородному Сыну Божію! Что намъ, если другіе хулятъ, говоритъ онъ? Но мы, зная тайны Его, неизреченную премудрость и всеобъемлющій Промыслъ, твердо увѣрены, что Онъ достоинъ не хуленія, а прославленія. Впрочемъ не довольствуясь собственнымъ сознаніемъ, старается привести на сіе умственный доводъ, употребляетъ противъ Іудеевъ самыя сильныя выраженія, и не прежде нападаетъ на нихъ, какъ

уничтоживъ ихъ подозрѣніе. Дабы не подать вида, что бесѣдуетъ со врагами, въ послѣдствіи говоритъ: *Братіе, благоволеніе убо моего сердца, и молитва, яже къ Богу по Израили есть во спасеніе* (Римл. X, 1). А здѣсь, кромѣ прочаго имъ сказаннаго, старается опклонить мысль, что, говоря вопреки имъ, говоритъ по враждѣ. Посему не отрекается называть ихъ родственниками и братьями. И хотя все, что ни сказалъ, говорилъ для Христа; впрочемъ сперва привлекаетъ къ себѣ и ихъ расположеніе, пролагаетъ путь словамъ своимъ, и отклоняетъ отъ себя всякое подозрѣніе касательно того, что намѣренъ сказать противъ нихъ, и потомъ уже приступаетъ къ разсмотрѣнію того, что затрудняло многихъ. Ибо многіе, какъ замѣтилъ я выше, спрашивали: почему получившіе обѣтованіе лишались онаго; а никогда не слышавшіе объ обѣтованіи, спаслись прежде первыхъ? Итакъ, чтобы устранить сіе затрудненіе, даетъ свое рѣшеніе прежде возраженія, дабы кто нибудь не сказалъ: чтоже? Ужели ты о славѣ Божіей заботишься болѣе, нежели Самъ Богъ? Ужели нужна твоя помощь, чтобы Его слово не осталось безъ исполненія? На сіе отвѣтствуетъ Апостолъ: я сказалъ сіе не въ томъ смыслѣ, что слово Божіе осталось недѣйствительнымъ, но дабы доказать любовь ко Христу. Не смотря на настоящее положеніе дѣлъ, продолжаетъ Апостолъ, мы не колеблемся оправдывать Бога, и утверждать, что

обѣтованіе непреложно. Богъ говорилъ Аврааму: *тебѣ и сѣмени твоему дамъ землю, и благословятся о сѣмени твоемъ вся народы* (Быт. XVI, 4). Итакъ посмотримъ, разсуждаетъ Павелъ, какое это сѣмя, ибо не всѣ, произшедшіе отъ Авраама, суть его сѣмя. Почему и сказалъ: *не вси бо сущіи отъ Израиля, сіи Израиль.* (ст. 7) *Ни зане суть сѣмя Аврааллле, вси чада.* Ежели выразумѣешь, кто называется сѣменемъ Авраамовымъ; то увидишь, что обѣтованіе дано сѣмени его, и узнаешь, что слово Божіе не осталось безъ исполненія. Итакъ скажи мнѣ: кто называется сѣменемъ? Не я говорю, отвѣчаетъ Апостолъ, но Ветхій Завѣтъ изъясняетъ самъ себя, говоря такъ: *во Исаацъ наречется тебѣ сѣмя* (Быт. XXI, 12). Изъясни, что значитъ: *во Исаацъ?*

(8) *Сирѣчь, не чада плотская, сія чада Божія: но чада обѣтованія причитаются въ сѣмя.* Замѣнь мудрость и высоту ума Павлова! Въ изъясненіи своемъ онъ не плотскихъ дѣтей называетъ не Авраамовыми, но Божіими; такъ настоящее связуетъ съ ветхозавѣтнымъ и показываетъ, что Исаакъ не просто былъ сыномъ Авраамовымъ. Смыслъ же словъ его таковъ: родившіеся по примѣру Исаака суть дѣти Божіи и сѣмя Авраамово. Для того сказано: *во Исаацъ наречется тебѣ сѣмя.* Какъ же родился Исаакъ? Не по закону природы, не по силѣ плоти, но по

силѣ обѣтованія. Что значитъ: по силѣ обѣтованія?

(9) *На сіе время пріиду* къ тебѣ, *и будетъ Сарръ сынъ.* Таково обѣтованіе; Исаакъ образованъ и рожденъ словомъ Божіимъ. Хотя женскія ложесна и утроба содѣйствовала къ рожденію, но не сила утробы, а сила обѣтованія произвела чадо. Такъ и мы раждаемся словомъ Божіимъ; ибо то, что раждаетъ насъ и образуетъ въ купѣли водной, есть слово Божіе: потому что когда крещаемся во имя Отца и Сына и Святаго Духа, раждаемся. Такое рожденіе не по естеству, а по обѣтованію Божію. Какъ предрекшій рожденіе Исаака Самъ тогда и совершилъ оное; такъ и о нашемъ рожденіи предвозвѣстилъ Онъ за долгое время устами всѣхъ пророковъ, а потомъ привелъ оное въ исполненіе. Видишь ли, сколько доказательствъ и съ какою удобностію Давшій великія обѣтованія исполнилъ оныя. Ежели Іудеи скажутъ: слова: *во Исаацъ наречется ти сѣмя,* означаютъ, что родившіеся отъ Исаака причитаются ему въ сѣмя; то надобно будетъ почитать сынами Исаака Идумеевъ и всѣхъ произшедшихъ отъ него; потому что праотецъ ихъ Исавъ былъ сынъ Исааковъ. Но Идумеи не только не называются дѣтьми, но даже были народъ весьма чуждый Израильтянамъ. Видишь ли, что не плотскія чада суть чада Божіи; напротивъ въ самой природѣ прообразовано рожденіе свыше чрезъ крещеніе. Если скажешь мнѣ

о ложеснахъ; скажу тебѣ о водѣ. Но какъ здѣсь все отъ духа; такъ тамъ все отъ обѣтованія; ложесна отъ заматорѣлости и старости были холоднѣе воды. Итакъ со всѣмъ вниманіемъ вникнемъ въ свое благородство, и покажемъ жизнь достойную онаго. Въ нашемъ рожденіи нѣтъ ничего плотскаго и земнаго; пусть не будетъ онаго и въ насъ. Не сонъ, не похоть плотская, не объятія, не раздраженіе вожделѣнія, но Божіе человѣколюбіе все совершило. И какъ тамъ, когда возрасту не подавалъ никакой надежды, такъ и здѣсь, когда наступила грѣховная старость, вдругъ произошелъ новый человѣкъ, и всѣ мы стали сынами Божіими, сѣменемъ Авраамовымъ.

(10) *Неточію же, но и Ревекка отъ единаго ложа отца нашего Исаака имущи.* Поелику вопросъ весьма важенъ, то Апостолъ приводитъ многіе доводы, и всѣми мѣрами старается уничтожить запрудненіе. Какъ ни странно и неожиданно то, что Іудеи послѣ стольких обѣтованій лишились оныхъ, но гораздо страннѣе то, что мы, нимало того не ожидавшіе, вступили въ ихъ достояніе. Это тоже значитъ, что если бы Царскій сынъ, которому обѣщано было наслѣдство престола послѣ Царя, низведенъ былъ въ рядъ простолюдиновъ, а вмѣсто его взятъ былъ изъ темницы виновный въ безчисленныхъ преступленіяхъ и приговоренный къ казни, и получилъ бы власть, принадлежащую первому. Чѣмъ оправдать сіе,—спросишь? Тѣмъ ли, что

сынъ недостоинъ? Но и тотъ недостоинъ, даже гораздо болѣе. Слѣдственно надлежало или обоихъ наказать, или обоихъ почтить. Тоже, говорю, случилось съ язычниками и съ Іудеями, даже здѣсь еще болѣе странности. Что всѣ недостойны, о томъ Апостолъ объявилъ выше, сказавъ: *Вси согрѣшиша, и лишени суть славы Божія* (Рим. III, 23). А необычайно то, что недостойны всѣ, спасены же одни язычники. Послѣ сего можно предложить другой еще вопросъ, именно: если Богъ не намѣревался исполнить обѣтованій, данныхъ Іудеямъ, то для чего же и давалъ оныя? Люди, не зная будущаго и удобно подвергаясь обману, обѣщаютъ дары и тѣмъ, которые недостойны получить ихъ; но кто предвидѣлъ настоящее и будущее, кто ясно зналъ, что Іудеи сдѣлаются недостойными обѣтованій, а потому не получатъ ихъ, для чего и обѣщалъ? Какъ же рѣшилъ сіе Павелъ? Онъ показалъ, кто такой Израиль, которому даны обѣтованія. А показавъ сіе, доказываетъ, что всѣ обѣтованія исполнились. Первое же ясно выразилъ, сказавъ: *не вси бо сущіи отъ Израиля, сіи Израиль*. Имя Израиля, а не Іакова поставлено потому, что было знакомъ его добродѣтели, праведности и дара, полученнаго свыше, служило символомъ того, что Іаковъ видѣлъ Бога. Но скажешь: всѣ согрѣшили и лишены суть славы Божіей; а если всѣ согрѣшили, почему одни спасаются, а другіе погибаютъ? Потому что не всѣ

захотѣли придти. По отношенію къ Богу всѣ спасены, потому что всѣ призваны. Впрочемъ Апостолъ пока еще не говоритъ сего, но самымъ доспѣшочнымъ образомъ рѣшаетъ вопросъ: онъ изъ другихъ примѣровъ выводитъ новый вопросъ, и, подобно прежнему, наибольшее запрудненіе рѣшаетъ новымъ запрудненіемъ. Когда спрашивалось, какъ чрезъ оправданіе Христово всѣ прочіе спали участвовать въ сей праведности; онъ привелъ въ примѣръ Адама, сказавъ: *Аще бо единаго прегрѣшеніемъ смерть царствова, множае паче избытокъ благодати пріемлюще въ жизни воцарятся* (Рим. V, 17). Вопросъ объ Адамѣ не рѣшаетъ, но его примѣромъ рѣшаетъ вопросъ о Христѣ, и доказываетъ, что Умершій за нихъ имѣетъ большее право имѣть надъ ними власть, какую хочетъ. Для многихъ кажется не совсѣмъ сообразно съ разумомъ, чтобы за грѣхъ одного терпѣть наказаніе всѣмъ; а гораздо сообразнѣе съ разумомъ и приличнѣе Богу, чтобы за услугу одного всѣ были оправданы. Однакожъ Апостолъ не рѣшилъ перваго запрудненія; потому что по мѣрѣ темноты онаго заграждались уста Іудею; и недоумѣніе касательно послѣдняго запрудненія переходило на первое, и послѣднее дѣлалось отъ того яснѣе. Такъ и здѣсь Павелъ рѣшаетъ вопросъ посредствомъ новыхъ запрудненій. Его цѣлію было оспорить Іудеевъ. Посему хотя не рѣшаетъ вполнѣ примѣровъ имъ представленныхъ, къ чему, соспязаясь съ Іудеями, и не

былъ обязанъ; впрочемъ этими примѣрами объясняетъ все, что было ему нужно. Чему дивишься, говоритъ онъ, ежели изъ Іудеевъ одни спаслись, а другіе нѣтъ? Всякой знаетъ, что въ древности случилось тоже и съ Патріархами. Почему одинъ Исаакъ называется сѣменемъ Авраамовымъ, хотя Авраамъ былъ отцемъ Измаила и другихъ многихъ? Потому ли, что мать Измаилова была раба? Но какъ это падаетъ на сына? Впрочемъ не спорю; пусть Измаилъ изгнанъ по матери. Но что сказать о дѣтяхъ Хеттуры? Они не были ли свободными, и родились не отъ свободной ли? Почему же они не удостоились преимуществъ, данныхъ Исааку? И что говоришь о Хеттуриныхъ дѣтяхъ? Ревекка была единственною супругою Исаака, родила двоихъ сыновей и обоихъ отъ Исаака. Но родившіеся, будучи одного отца, одной матери, причинивъ ей однѣ и тѣже болѣзни рожденія, сіи—говорю, единокровные, единоутробные, и сверхъ того близнецы, получили неодинаковыя права. Здѣсь не льзя сослаться на рабство матери, какъ въ разсужденіи Измаила, и на то, что родились не изъ одной утробы, какъ въ разсужденіи дѣтей Хеттуриныхъ и Сарриныхъ; у нихъ была одна мать, въ одинъ и тотъ же часъ чувствовала болѣзни рожденія. Посему и Павелъ, какъ бы почитая послѣдній примѣръ болѣе яснымъ, говоритъ, что не съ однимъ Исаакомъ то было, *но и Ревекка отъ единаго ложа Исаака отца нашего имущи.* (11) *Еще бо*

не рождшимся, ни сотворшимъ что благо или зло, да по избранію предложеніе Божіе пребудетъ. (12) *Не отъ дѣлъ, но отъ призывающаго речеся ей: яко болій поработаетъ меньшему.* (13) *Якоже есть писано: Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ.* Почему одинъ любимъ, а другой ненавидимъ? Почему одинъ служилъ, а другой принималъ услуги? Потому что одинъ былъ пороченъ, а другой добръ. Но когда еще и не родились они, одинъ былъ почтенъ, а другой осужденъ. Еще до рожденія ихъ Богъ сказалъ: *яко болій поработаетъ меньшему.* Почему же Богъ сказалъ это? Потому что Онъ не ждетъ, какъ человѣкъ, окончанія дѣла, дабы видѣть, кто добръ, кто нѣтъ, а напротивъ прежде сего знаетъ, кто пороченъ и кто нѣтъ. Тоже самое случилось съ Израильтянами, притомъ гораздо чудеснѣе. Что говоритъ объ Исавѣ и Іаковѣ, изъ которыхъ одинъ былъ пороченъ, а другой добръ, продолжаетъ Апостолъ? Грѣхъ Израильтянъ былъ общій, они всѣ поклонились тельцу, впрочемъ одни помилованы, а другіе нѣтъ.

(15) *Помилую, егоже аще помилую,* сказано, *и ущедрю, егоже аще ущедрю.* Это же можно видѣть и на тѣхъ, которые наказываются. Ибо что говоритъ о Фараонѣ, за что онъ былъ наказанъ, и даже подвергся столь примѣрной казни? За то, что былъ жестокъ и непокоренъ. Но развѣ онъ одинъ такъ былъ, а кромѣ его не было ни одного такого? Почему же

онъ наказанъ такъ строго? Почему Богъ, обращаясь къ Іудеямъ, не народъ назвалъ народомъ и опять не всѣхъ удостоилъ одинаковой чести? сказано: *аще будутъ яко песокъ морскій, останокъ ихъ спасется* (Исаіи X, 22). И почемуже только остатокъ? Видишь ли, сколько затрудненій собралъ Апостолъ? и весьма прилично. Когда пропивника можно привесть въ затрудненіе, не спѣши давать своего рѣшенія. Ежели и онъ самъ находится въ такомъ же невѣденіи; то для чего тебѣ подвергаться излишней опасности? Для чего тебѣ дѣлать его болѣе дерзкимъ, принимая все на себя? Итакъ скажи мнѣ, Іудей, по какому праву упруждаешь меня вопросами о призваніи язычниковъ, ты— который самъ находишься въ такихъ затрудненіяхъ, и не можешь рѣшить ни одного изъ нихъ? Но я могу сказать вѣрную причину, по которой язычники оправданы, а вы (Іудеи) лишились обѣщованій? Какая же это причина? Та, что они оправданы вѣрою, а вы хотите оправдаться дѣлами закона, и чрезъ упорство свое теряете все сіе. *Не разумѣюще бо Божія правды, и свою правду ищуще поставити правдѣ Божіей не повинушася* (Рим. X, 3). Кратко сказать, блаженный Апостолъ въ сихъ словахъ даетъ общее рѣшеніе вопроса. Впрочемъ для большей ясности изслѣдуемъ подробно каждое реченіе. Ибо намъ извѣстно, что главнымъ намѣреніемъ блаженнаго Павла было, посредствомъ всего имъ сказаннаго, научить, что одинъ

Богъ знаетъ достойныхъ, а изъ людей никто, и хотя многіе воображаютъ о себѣ, что знаютъ, впрочемъ часто ошибаются въ своемъ заключеніи. А знающему тайны сердца совершенно извѣстно, кто достоинъ вѣнцевъ, и кто наказанія и мученія. Посему Онъ многихъ, которые, по мнѣнію людей, добры, изобличивъ наказалъ, и многихъ, которые были почитаемы порочными, увѣнчалъ и засвидѣтельствовалъ, что они не таковы. Онъ произноситъ приговоръ не по отзыву рабовъ, но по собственному строгому и безпристрастному суду; Онъ не дожидается окончанія дѣла, чтобы одного признать достойнымъ, а другаго нѣтъ. Впрочемъ, дабы не сказать опять чеголибо неяснаго, обратимся къ самымъ Апостольскимъ словамъ: *не точію же, но и Ревекка отъ единаго ложа имущи*. Хотя бы я могъ, разсуждаетъ Апостолъ, указать на дѣтей Хеттуры, однакожъ не говорю сего. Но дабы рѣшительнѣе одержать побѣду, привожу въ примѣръ рожденныхъ отъ одного отца и отъ одной матери. Оба родились отъ Ревекки и отъ Исаака, законнаго Авраамова сына, который одобренъ Самимъ Богомъ и всѣмъ предпочтенъ, о которомъ сказано: *во Исаацѣ наречется ти сѣмя*, который содѣлался отцемъ для всѣхъ насъ. А ежели онъ намъ отецъ; то и произшедшіе отъ него должны быть отцы же. Но послѣдняго не было. Видишь, что не съ однимъ Авраамомъ, но и съ сыномъ его случилось тоже! Видишь, что вездѣ блистаютъ вѣра

и добродѣтель, и обозначаютъ точное родство! Отсюда усматриваемъ, что дѣти Авраамовы называются собственными его дѣтьми не только по рожденію, но и потому, что они достойны доблестей родителя. А если бы назывались по одному рожденію, Исаву и Іакову надлежало бы пользоваться равными правами; потому что и Исавъ произошелъ отъ омертвѣвшей утробы, его матерь также была безплодна. Напротивъ требовалось не одно такое рожденіе, а нравы, не что либо обыкновенное, но что могло бы служить къ назиданію нашей жизни. Апостолъ не говоритъ, что какъ одинъ былъ добръ, а другой пороченъ, то первый и предпочтенъ. Тогда тотчасъ возразили бы ему: какъ же? кто болѣе добръ? тотъ ли, кто изъ язычниковъ, или тотъ, кто изъ обрѣзанныхъ? Хотя Апостолъ могъ бы въ семъ сослаться на дѣйствительный опытъ, впрочемъ не дѣлаетъ сего, дабы не оскорбить словомъ. Напротивъ единственною причиною представляетъ Божіе предвѣденіе, противъ котораго развѣ одинъ совершенно безумный дерзнетъ спорить. *Еще бо не рождшимся*, продолжаетъ Апостолъ, *ни сотворившимъ что благо, речеся ей: яко болій поработаетъ меньшему*. И доказываетъ, что никакой нѣтъ пользы въ благородствѣ по плоти; напротивъ потребна душевная доблесть, которую Богъ видитъ еще прежде дѣлъ. *Еще бо не рождшимся, ни сотворившимъ что благо или зло, да по*

избранію предложеніе Божіе пребудетъ, речеся ей: яко болій поработаетъ меньшему. Избирать опъ упробы маперней есть дѣло предвѣденія. Сіе было, говоритъ Апостолъ, дабы обнаружилось избраніе Божіе, совершившееся по изволенію и предвѣденію. Богъ съ перваго дня узналъ и предрекъ какъ доброе, такъ и противное тому. Итакъ не говори мнѣ, продолжаетъ Апостолъ, что ты читалъ законъ и Пророковъ и сколько времени служилъ. Знающій и испытующій сердце знаетъ также, кто достоинъ быть спасеннымъ. Итакъ уступи непостижимому Промыслу въ избраніи. Онъ одинъ вѣрно знаетъ, кого увѣнчавать. Сколько было такихъ, которые, судя по наружной добротѣ поступковъ, казались лучшими Матѳея. Но знающій тайны сердечныя, могущій испытывать способности ума, различаетъ жемчужину лежащую въ грязи, и миновавъ другихъ, а дивясь благообразію Матѳея избралъ его, и къ благородству произволенія его присовокупивъ собственную благодать, показалъ его достоинство. Кто способенъ судить о временномъ какомъ либо искусствѣ или о всякомъ другомъ дѣлѣ, тотъ избираетъ не то, что одобряютъ невѣжды, а то, что самъ совершенно знаетъ, и одобряемое невѣждами не рѣдко отвергаетъ, а отвергаемое ими одобряетъ. Такъ поступаетъ въ выборѣ коней занимающійся ихъ обученіемъ, такого держится правила оцѣнщикъ дорогихъ камней и всякой другой художникъ. Тѣмъ паче

человѣколюбивый Богъ, безконечная Премудрость, одинъ все ясно знающій, не терпитъ людскихъ мнѣній, но о всемъ произноситъ приговоръ по собственной премудрости, во всемъ точной и непреложенной. Такъ Онъ избралъ и мытаря и разбойника, и блудницу; а священниковъ, старѣйшинъ и правителей опорочилъ и отвергъ. Всякому извѣстно, что тоже самое случилось и съ мучениками. Многіе, по видимому люди весьма низкіе, увѣнчаны во время подвиговъ, а напротивъ иные, по народному мнѣнію почитавшіеся великими, преткнулись и пали. Итакъ не требуй отчета у Творца, не спрашивай: почему одинъ увѣнчанъ, а другой наказанъ? Онъ умѣетъ во всемъ наблюдать справедливость. Посему и сказалъ: *Іакова возлюбихъ, Исава же возненавидѣхъ.* Что сіе справедливо, ты знаешь по послѣдствію; но Богъ совершенно то зналъ и прежде исполненія. Онъ требуетъ не только явленія дѣлъ, но свободной воли и непорочныхъ чувствованій. Такой человѣкъ, хотя бы и согрѣшилъ когда по обстоятельствамъ, скоро исправится. Даже хотя бы онъ и укоснѣлъ въ порокѣ, не будетъ презрѣнъ; напротивъ Всевѣдущій Богъ скоро вспомнитъ о немъ. А равно человѣкъ развращенный, хотя бы сдѣлалъ что нибудь по видимому доброе, погибнетъ; потому что дѣлаетъ то съ худымъ расположеніемъ. Давидъ, ставъ убійцею и прелюбодѣемъ, скоро загладилъ свои преступленія; потому что увлеченъ былъ об-

споятельствами, и сдѣлалъ оныя не по привязанности къ пороку. А Фарисей, не учинивший никакого злодѣянія, напротивъ хвалившійся добрыми дѣлами, все испортилъ злою волею.

(14) *Что убо речемъ? еда неправда у Бога? да не будетъ.* Слѣдственно Богъ справедливъ и къ нимъ и къ Іудеямъ. Послѣ сего Апостолъ присовокупляетъ новую мысль, которая шемпѣе предыдущей. Какую же?

(15) *Моисееви бо глаголетъ, помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю.* Опять усиливаетъ возраженіе, перерываетъ оное на половинѣ, рѣшаетъ, и снова вводитъ другое запрудненіе. Но чтобы слова сіи сдѣлать вразумительными, нужно истолковать оныя. Богъ еще до рожденія Іакова и Исава, разсуждаетъ Апостолъ, сказалъ: *яко болій поработаетъ меньшему.* Что жъ изъ этого? Ужели Богъ несправедливъ? Нимало. Итакъ слушай далѣе. Іаковъ и Исавъ различались, одинъ добродѣтелію, другой пороками; но Іудеи всѣ учинили одинъ и тотъ же грѣхъ, именно: слили шельца; впрочемъ одни наказаны, а другіе нѣтъ. Посему Богъ сказалъ: *помилую, егоже аще помилую, и ущедрю, егоже аще ущедрю.* Не твое, Моисей, дѣло знать, кто достоинъ человѣколюбія; предоставь сіе Мнѣ. А ежели не Моисеево дѣло знать; тѣмъ паче не наше. Посему Апостолъ, чтобы возражающаго пристыдить самымъ достоинствомъ лица Моисеева, не просто привелъ слова сіи, но

упомянулъ, кому оныя сказаны. *Моисееви бо глаголетъ*, говоритъ онъ. Высказавъ же рѣшеніе запрудненія, перерываетъ его на половинѣ, вводитъ новое возраженіе и говоритъ:

(16) *Тъмже убо ни хотящаго, ни текущаго, но милующаго Бога* (17). *Глаголетъ бо Писаніе Фараонови: яко на истое сіе воздвигохъ тя, яко да покажу тобою силу Мою, и да возвѣстится имя Мое по всей земли.* Какъ выше сказалъ, что одни спасены, а другіе наказаны; такъ здѣсь говоритъ, что Фараонъ былъ сохраняемъ для наказанія. Потомъ опять дѣлаетъ возраженіе.

(18) *Тъмже убо егоже хощетъ, милуетъ: а егоже хощетъ, ожесточаетъ* (19). *Рече ли ми: чесо ради еще укоряетъ? воли бо Его кто противится можетъ?* Видишь ли, какъ Апостолъ всѣми мѣрами старается сдѣлать вопросъ запрудительнымъ? Не вдругъ даетъ рѣшеніе, дабы и изъ того извлечь пользу; но сперва заграждаетъ уста возражающему, говоря такъ:

(20) *Тъмже убо, о человѣче, ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови?* Симъ Апостолъ останавливаетъ безвременное его любопытство и излишнее любовѣденіе, налагаетъ на него узду, и научаетъ знать различіе между Богомъ и человѣкомъ, также то, сколько непостижимъ и превыше нашего разумѣнія Божій Промыслъ, и какъ все должно покаряться Богу. И все сіе для того, чтобы убѣдивъ въ томъ

слушателя, укротивъ и смиривъ его волю, съ большею удобностію дать свое рѣшеніе, и слова свои сдѣлать несомнительными для слушателя. И не говоритъ, что невозможно сего рѣшить. Но что же? Самый вопросъ называетъ преступнымъ. Ибо, что сказано Богомъ, тому надобно повиноваться, а не разыскивать, хотя и не знаемъ тому причины. Посему Апостолъ говоритъ: *ты кто еси противъ отвѣщаяй Богови?* Примѣчаешь ли, какъ уничижаетъ и низлагаетъ надменность? *Ты кто еси?* Развѣ ты участвуешь съ Богомъ въ правленіи? Развѣ сидишь судіею вмѣстѣ съ Богомъ? Въ сравненіи съ Богомъ тебя не льзя и назвать чѣмъ нибудь; не льзя и сказать, что ты то или другое; напротивъ ничто. А спросишь: *ты кто еси?* гораздо уничижительнѣе, нежели скажешь: ты ничто. Даже и другое большее негодованіе выражаетъ своимъ вопросомъ Апостолъ. Не сказалъ онъ: *ты кто еси отвѣщаяй Богови?* но: *противъ отвѣщаяй*, то есть ты, который споришь, противишься. Говоришь: сіе надлежало сдѣлать такъ или иначе, значитъ препираешься. Видишь ли, какъ Апостолъ устрашилъ, поразилъ, заставилъ трепетать, а не спрашивать и любопытствовать? Это признакъ искуснаго наставника, не слѣдовать во всемъ желанію учениковъ, но вести ихъ по своей волѣ; сперва испортишь черніе, а потомъ сѣять сѣмена; не вдругъ давать отвѣтъ на каждый вопросъ. *Еда речетъ зданіе*

создавшему е, почто мя сотворилъ еси тако?

(21) *Или не имать власти скудельникъ на бреніи, отъ тогожде смѣшенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь?* Симъ Апостолъ не уничтожаетъ свободнаго произволенія, но показываетъ, какъ должно повиноваться Богу. Когда ты требуешь отчета у Бога; представь себѣ, что ты не болѣе, какъ бреніе. И долженъ не только не противорѣчить, не предлагать вопросовъ, но даже не говорить, не мыслить, а уподобляться бездушной глинѣ, которая покорна рукамъ горшечника, и употребляется, на что онъ захочетъ. Для сего именно взятъ Апостоломъ такой примѣръ, не въ образецъ жизни, но въ урокъ преданнаго и безмолвнаго повиновенія. Подобное правило наблюдать должно и вездѣ—принимать примѣры не въ точномъ значеніи, а выбирать изъ нихъ нужное, къ чему они приведены, оставляя все прочее. Когда говорится: *возлегъ, почи яко левъ* (Числ. XXIV, 9), беремъ понятіе о недовѣдомомъ и страшномъ, а не о звѣрскомъ, или о чемъ другомъ свойственномъ льву. И опять, когда говорится: *сряшу ихъ аки медвѣдица лишаема* (Осіи XIII, 8); беремъ понятіе мстительности. И когда говорится: *Богъ нашъ, огнь потребляяй есть* (Второз. IV, 14); беремъ понятіе объ истребительной казни. Такъ и здѣсь надлежитъ понимать слова: глина, горшечникъ и сосудъ. И когда Апостолъ

присовокупляетъ и говоритъ: *или не имать власти скудельникъ на бреніи, отъ тогожде слышенія сотворити овъ убо сосудъ въ честь, овъ же не въ честь*; не заключай изъ сего, что Павелъ изображаетъ симъ причины творенія, или необходимость опредѣленія; напротивъ онъ выражаетъ власть и различіе въ распоряженіяхъ. Если же не въ этомъ смыслѣ принять слова его; то будутъ имѣть мѣсто многія нелѣпыя слѣдствія. Ибо ежели идетъ здѣсь рѣчь объ опредѣленіи; то выйдетъ, что Богъ творецъ какъ добра, такъ и зла; а человѣкъ и въ томъ и въ другомъ ни мало невиновенъ. Тогда окажется также, что и Павелъ, увѣнчавая вездѣ свободное произволеніе, самъ себѣ противорѣчитъ. Итакъ Апостолъ хочетъ здѣсь достигнуть не иной цѣли, какъ убѣдить слушателя, во всемъ покорствовать Богу, и ни въ чемъ не требовать отъ Него отчета. Какъ горшечникъ, разсуждаетъ онъ, изъ одной и той же глыбы дѣлаетъ, что ему угодно, и никто ему не противорѣчитъ; такъ и ты не спрашивай и не допытывайся у Бога, почему людей, хотя они одного и того же рода, однихъ наказываетъ, а другихъ награждаетъ; напротивъ благоговѣй предъ Нимъ и подражай глинѣ. Какъ она покорна рукамъ горшечника, такъ и ты покорствуй опредѣленію Распорядителю вселенной. Онъ дѣйствуетъ не безъ намѣренія, и не какъ случилось, хотя ты не постигаешь тайнъ премудрости. Ты позволяешь горшечнику изъ

одной и той же глыбы приготовлять разныя издѣлія, и не винишь его за это; а у Бога требуешь отчета въ распредѣленіи наказаній и почестей, а не предоставляешь Ему знать, кто достоинъ, и кто не достоинъ. Но поелику въ томъ же составѣ также и сущность; то предполагаешь, что тѣже и произволенія. Какая неосновательность! Не отъ горшечника зависитъ, что изъ той же глыбы иное выходитъ на почетное, а другое на низкое употребленіе; напротивъ отъ употребленія пользующихся издѣліемъ.—Такъ и здѣсь дѣло зависитъ отъ свободнаго произволенія. Притомъ, какъ замѣтилъ я, примѣръ должно брать въ томъ одномъ отношеніи, что человѣкъ обязанъ не противорѣчить Богу, а предоставлять все Его неисповѣдимой мудрости. Примѣръ долженъ быть обширнѣе того предмета, въ объясненіе котораго приводится, дабы могъ сильнѣе подѣйствовать на слушателей. Если бы оный не былъ обширнѣе, и не заключалъ въ себѣ многихъ понятій, не могъ бы тронуть и пристыдить возражающаго, сколько нужно. Но хотя Апостолъ въ надлежащей мѣрѣ заградилъ уста безвременному упорству слушателей; впрочемъ даетъ и самое рѣшеніе. Какое же?—

(22) *Аще же хотя Богъ показати гнѣвъ Свой, и явити силу Свою, пренесе во много долготерпѣніи сосуды гнѣва совершены въ погибель:* (23) *И да скажетъ богатство славы Своея на сосудѣхъ милости, яже*

предуготова въ славу: (24) *Ихже и призва насъ не точію отъ Іудеи, но и отъ языкъ.*— Смыслъ сихъ словъ такой. Фараонъ былъ сосудомъ гнѣва, то есть, человѣкомъ, который своимъ жестокосердіемъ воспламеняетъ гнѣвъ Божій. Многократно испытавъ на себѣ Божіе долготерпѣніе, онъ не сдѣлался лучшимъ, но пребылъ неисправимымъ. Посему Апостолъ назвалъ его не только сосудомъ гнѣва, но и *совершенымъ въ погибель*, то есть, приготовленнымъ на погибель, впрочемъ отъ самого себя и по собственной своей волѣ. Какъ Богъ ничего не оставилъ, служившаго къ его исправленію: такъ самъ онъ ничего не опустилъ, служившаго къ его погибели и къ тому, чтобы сдѣлать его неизвинительнымъ. Впрочемъ Богъ, и сіе предвидя, показалъ много долготерпѣнія; ибо желалъ привести его въ раскаяніе. А если бы не хотѣлъ сего, не терпѣлъ бы столько времени. Подобно же Фараонъ не захотѣлъ воспользоваться Божіимъ долготерпѣніемъ и покаяться, но уготовалъ себя на гнѣвъ; то Богъ употребилъ его на исправленіе другихъ, дабы чрезъ наказаніе его сдѣлать другихъ тщательнѣе, и тѣмъ показать Свое могущество. А что Богъ хочетъ являть Свое могущество не въ казняхъ,—но иначе—въ благодѣяніяхъ и милостяхъ, сіе Апостолъ постоянно выше утверждалъ. Ежели и Павелъ не хочетъ въ этомъ показывать свою силу: (ибо говоритъ: *не яко да мы искусни явимся, но да вы доброе сотворите*) (2 Кор.

XIII, 7); но кольми паче Богъ. Но поелику Богъ сперва долготерпѣлъ, дабы привесть Фараона въ раскаяніе, а онъ не раскаялся; то не малое еще время терпѣлъ его, дабы вмѣстѣ показать какъ Свою благость, такъ и Свое могущество въ томъ случаѣ, когда онъ не захочетъ воспользоваться симъ великимъ долготерпѣніемъ. И какъ, наказавъ Фараона, пребывшаго неисправимымъ, Богъ показалъ Свое могущество; такъ, помиловавъ многихъ великихъ, но раскаявшихся грѣшниковъ, явилъ Свое человѣколюбіе.—Но Апостолъ назвалъ сіе не человѣколюбіемъ, а славою, давая тѣмъ разумѣть, что сіе преимущественно составляетъ славу Божію, и что Богъ заботился о семъ болѣе, нежели о чемъ другомъ. Когда же говоритъ: *яже предуготова въ славу*; выражаетъ тѣмъ, что не все происходитъ отъ одного Бога. Въ противномъ случаѣ ничто не препятствовало бы спастися всѣмъ. Но Апостолъ опять доказываетъ предвѣденіе Божіе, и уничтожаетъ различіе между Іудеями и язычниками. А изъ сего извлекаетъ опять не маловажное заключеніе для своихъ словъ. Не только Іудеи одни погибли, а другіе спаслись; но тоже случилось и съ язычниками. Посему Павелъ не сказалъ: всѣ язычники, но: *отъ языкъ*, или всѣ Іудеи, но: *отъ Іудей*. Какъ Фараонъ сдѣлался сосудомъ гнѣва по собственному беззаконію; такъ и спасшіеся сдѣлались сосудомъ милости по своему благочестію. Ежели большая часть принадлежитъ Богу; то

и мы однакожъ привносимъ нѣчто малое отъ себя. Не сказалъ: сосуды заслугъ, или: сосуды дерзновенія, но: *сосуды милости*, давая тѣмъ знать, что все принадлежитъ Богу. Также слова: *ни хотящаго, ни текущаго*, хотя вставленныя, въ видѣ возраженія, впрочемъ сказанныя отъ лица самаго Павла, не представляютъ никакого затрудненія. Когда говоритъ онъ: *ни хотящаго, ни текущаго*, не уничтожаетъ тѣмъ свободы, но показываетъ, что не все принадлежитъ человѣку, а напротивъ ему нужна благодать свыше. Хотя должно и хотѣть и подвизаться; однакожь полагаться надобно не на собственные подвиги, а на Божіе человѣколюбіе, какъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ Апостолъ: *Не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. XV, 10). И превосходно сказалъ: *яже предуготова въ славу*. Поелику Іудеи обращали Христіанамъ въ укоризну то, что спасаются по благодати, и думали тѣмъ пристыдить ихъ; то Павелъ вполнѣ истребляетъ такую мысль. Ежели дѣло спасенія принесло славу Богу; то гораздо болѣе тѣмъ, чрезъ кого Богъ прославился. Замѣть, какая доброта и несказанная мудрость въ Апостолѣ! Разсуждая о наказанныхъ, онъ могъ бы представить въ примѣръ не Фараона, но какого нибудь согрѣшившаго Іудея, и тѣмъ яснѣе сдѣлать рѣчь свою; доказать, что даже изъ числа тѣхъ, у которыхъ были одни отцы и одни грѣхи, одни погибли, а другіе помилованы, и убѣдить ихъ

не затрудняться тѣмъ, что нѣкоторые изъ язычниковъ спаслись, тогда какъ Іудеи погибли. Но Апостолъ не хочетъ оскорбить Іудеевъ, и въ примѣръ наказанія представляетъ варвара, дабы не быть вынужденнымъ назвать Іудеевъ сосудами гнѣва; примѣры же помилованныхъ заимствуетъ изъ Іудейскаго народа. Хотя достаточно оправдываетъ Бога, Который совершенно зная, что Фараонъ уготовилъ себя въ сосудъ гнѣва, употребилъ съ Своея стороны всѣ мѣры, сносилъ, оказалъ долготерпѣніе, и не просто долготерпѣніе, но великое долготерпѣніе; однакожъ не захотѣлъ сказать, что Богъ также поступалъ и съ Іудеями. Почему же одни бываютъ сосудами гнѣва, а другіе сосудами милости?—По собственному произволу. Но Богъ, по безмѣрной Своей благости, оказываетъ милость тѣмъ и другимъ. Ибо миловалъ не только спасаемыхъ, но и Фараона, сколько могъ. И спасаемые и Фараонъ пользовались одинаковымъ долготерпѣніемъ. А ежели Фараонъ не спасся; то совершенно по собственной волѣ. Со стороны Бога Фараонъ не имѣлъ ни въ чемъ недостатка предъ спасаемыми. Итакъ Апостолъ, рѣшивъ вопросъ дѣйствительнымъ опытомъ, для большей несомнѣнности сказаннаго, приводитъ слова Пророковъ, которые провозвѣстили тоже. И Осія, говоритъ онъ, давно писалъ о семъ такъ:

(25) *Реку не люди Моя, люди Моя, и не возлюбленную, возлюблену* (Осіи II, 25). Могли сказать: ты обманываешь насъ, когда

говоришь это. Посему Апостолъ привелъ во свидѣтели Осію, который взываетъ и говоритъ: *нареку не люди Моя, люди Моя*. Кто же *не люди Моя?* Очевидно, язычники. Кто *невозлюбленная?* Опять они же. Однакожъ сказано о нихъ, что будутъ народомъ, возлюбленною, сынами Божіими.

(26) *Тамо нарекутся сынове Бога живаго*, продолжаетъ Апостолъ. Ежели скажутъ, что сіе говорится объ увѣровавшихъ изъ Іудеевъ; то и тогда наше толкованіе будетъ имѣть мѣсто. Если произошла такая перемѣна въ народѣ, который послѣ многихъ благодѣяній оказался неблагодарнымъ, отложился, утратилъ даже то, что дѣлало его народомъ; то какое препятствіе быть призванными и удостоиться за послушаніе тѣхъ же милостей, тѣмъ, которые отчуждены были не послѣ того какъ приняты, но съ самаго начала были чужды? Апостолъ не довольствуется тѣмъ, что сослался на Осію, но въ слѣдъ за симъ приводитъ слова Исаіи, который говоритъ согласно съ Осіею.

(27) *Исаія же*, продолжаетъ Павелъ, *вопіетъ о Израили*, то есть, смѣло и не скрываясь провозглашаетъ. Итакъ за что винитe насъ, когда и Пророки громче трубы возглашаютъ тоже? Что же вопіетъ Исаія? *Аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морскій, останокъ спасется* (Исаіи XX, 22). Видишь, что и по словамъ Исаіи спасены не всѣ, но достойные спаслись? Не боюсь множества,

говоритъ Богъ, Меня не устрашаетъ такое размноженіе рода; Я спасаю только шѣхъ, которые оказываются того достойными. И не просто упомянулъ Пророкъ о пескѣ морскомъ, но напоминаетъ имъ вмѣстѣ о ветхозавѣтномъ обѣтованіи, котораго они сдѣлались недостойными. Итакъ для чегоже тревожишесь, называя обѣтованіе нарушеннымъ, когда всѣ Пророки объявляютъ, что не всѣ спасутся? Потомъ объясняетъ и образъ спасенія. Примѣчаешь ли, какая точность у Пророка, и сколько благоразумія у Апостола, который приводитъ свидѣтельство самое приличнѣйшее? Оно не только показываетъ, что спасутся не всѣ, а нѣкоторые, но даже объясняетъ, какъ спасутся. Какъ же спасутся они? Какимъ образомъ Богъ удостоитъ ихъ благодѣянія?

(28) *Слово скончавая и сокращая въ правдѣ*, говоритъ Пророкъ, *яко слово сокращено сотворитъ Господь на земли*. Сіе значитъ: не нужно далеко ходить, трудиться и утомлять себя дѣлами законными, напротивъ спасеніе совершится весьма коротким образомъ. Ибо такова вѣра; она въ коротких словахъ содержитъ спасеніе. *Аще бо исповѣси усты твои Господа Іисуса*, говоритъ Апостолъ, *и вѣруеши въ сердцы твоемъ, яко Богъ того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися* (Рим. X, 9). Понимаешь ли, что значитъ: *слово сокращено сотворитъ Господь на земли?* Достойно удивленія то, что краткое слово сіе

доставило не только спасеніе, но и праведность.—

(29) *И якоже проpече Исаія: аще не бы Господь Савао҃въ оставилъ намъ сѣмене, якоже Содомъ у҃бо были бы҃хомъ, и якоже Гоморру уподобилися бы҃хомъ.* Симъ Апостолъ доказываетъ еще нѣчто новое, именно то, что самые не многіе спаслись не сами собою. Ибо и они бы погибли и претерпѣли участь Содома, то есть, подверглись истребленію. Содомляне погибли всѣ до одного; отъ нихъ не осталось даже малаго сѣмени. И съ сими, говоритъ Апостолъ, было бы тоже, что съ Содомлянами; если бы Богъ не оказалъ великой благости, и не сохранилъ ихъ чрезъ вѣру. Такъ случилось и во время Вавилонскаго плѣненія. Большая часть Іудеевъ отведены въ плѣнъ и погибли, не многіе только спаслися.

(30) *Что у҃бо речемъ?* продолжаетъ Апостолъ, *яко языцы не гонящіи правду, постигоша правду, правду же, яже отъ вѣры.* (31) *Израиль же гоня законъ правды, въ законъ правды не постиже.* Вотъ уже самое ясное рѣшеніе! Апостолъ доказалъ опытомъ, что *не вси сущіи отъ Израиля, сіи Израиль*; подтвердилъ предками Іакова и Исава, также свидѣтельствомъ Пророковъ; и сперва увеличивъ затрудненіе, даетъ самое твердое рѣшеніе изъ Осіи и Исаіи. Два было вопроса: о томъ, что язычники пріобрѣли, и о томъ, что пріобрѣли не искавши, то есть, не домогаясь. Подобно сему и касательно Іудеевъ предполагалось

два запрудненія: что Іудеи не пріобрѣли, и что не пріобрѣли, домогаясь. Посему Апостолъ употребилъ самыя сильныя выраженія. Не сказалъ, что имѣли праведность, но: *постигоша*. Ибо всего необычайнѣе и страннѣе, что гнавшійся, не настигъ, а не гнавшійся настигъ. И хотя словомъ: *гоня*, Павелъ, повидимому, угождаетъ Іудеямъ; впрочемъ тѣмъ самымъ наноситъ имъ рѣшительный ударъ. Полику же могъ дать сильное рѣшеніе; но не побоялся усилить возраженіе. Посему не разсуждаетъ о вѣрѣ и о праведности, ею доставляемой, но доказываетъ, что Іудеи побѣждены и осуждены по собственнымъ ихъ законамъ и прежде вѣры. Ты, Іудей, говоритъ Павелъ, не нашелъ даже законной праведности; потому что нарушилъ законъ, и сталъ повиненъ клятвѣ. А язычники, вошедшіе не при помощи закона, а инымъ путемъ, нашли праведность большую законной праведности, именно: праведность отъ вѣры. Тоже говорилъ Апостолъ и выше: *аще бо Авраамъ отъ дѣлъ оправдася, имать похвалу, но не у Бога* (Рим. IV, 2). Чѣмъ и доказалъ, что праведность вѣры выше праведности дѣлъ. Хотя, по замѣченному выше, два было вопроса; но теперь стало три: что язычники нашли праведность, что нашли, не искавши, и что нашли праведность большую праведности отъ закона. Подобные три вопроса, противоположные первымъ, имѣютъ мѣсто и касательно Іудеевъ: что Израиль не нашелъ

праведности, что не нашелъ, домогаясь оной, и что не нашелъ даже меньшей праведности. Итакъ поставивъ слушателя въ затрудненіе, Апостолъ даетъ потомъ краткое рѣшеніе, и излагаетъ причину всего, о чемъ было говорено. Какая же это причина? Та, что человѣкъ оправдывается вѣрою, но оправдывается такъ, какъ бы дѣлами закона. Вотъ самое ясное рѣшеніе всего мѣста, которое не столь легко было бы принято, если бы Апостолъ предложилъ оное въ началѣ. Поелику же помѣстилъ оное послѣ многихъ затрудненій, доводовъ и объясненій, сдѣлавъ прежде много оговорокъ; то оно сдѣлалось гораздо вразумительнѣе и вѣроятнѣе. Причиною погибели Іудеевъ, говоритъ онъ, было то, что

(32) *Не отъ вѣры, но какъ бы отъ дѣлъ закона* хотѣли оправдаться. Не сказалъ: отъ дѣлъ, но: какъ бы отъ дѣлъ закона; показывая тѣмъ, что не имѣли и сея праведности.

(33) *Преткнушася бо о камень претыканія, якоже есть писано: се полагаю въ Сіонѣ камень претыканія и камень соблазна: и всякъ вѣруяй въ онь не постыдится.* — Видишь ли опять, какъ чрезъ вѣру дается свобода и общій даръ? Ибо говорится не объ однихъ Іудеяхъ, но о всемъ человѣческомъ родѣ. Всякій, говоритъ Апостолъ, и Іудей и Еллинъ, и Скиѳъ и Ѳракіянинъ, и кто бы то ни былъ, ежели онъ увѣровалъ, пользуется большею свободою. У Пророка удиви-

шельно не одно то, что увѣруютъ; но и то, что не увѣруютъ. Ибо претыкнуться значитъ не повѣрить. Какъ выше, разсуждая о погибшихъ и спасаемыхъ, Апостолъ сказалъ: *аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морскій, останокъ спасется*, и еще: *аще не бы Господь Савао̀въ оставилъ намъ сѣмене, якоже Содомъ убо были бы̀хомъ*, и также: *призва не точію отъ Іудей, но и отъ языкъ;* такъ и здѣсь говоритъ, что одни увѣруютъ, а другіе претыкнутся.—Претыкается же тотъ, кто не употребляетъ должнаго вниманія, и засматривается на что нибудь стороннее. Такъ и Іудеи, поелику обращали все вниманіе на законъ, претыкнулись о камень. Камень же претыканія названъ и камнемъ соблазна, по отношенію къ расположенію и концу невѣрующихъ. Теперь ясно ли для васъ сказанное, или требуетъ еще большаго поясненія? Думаю, что для внимательныхъ понятно. Если же для иныхъ не вразумительно; пусть подходятъ поодиначкѣ, спрашиваютъ и вразумляются. Для того и продолжилъ я толкованіе, чтобы прервавъ имѣющее существенную связь, по необходимости не повредить тѣмъ ясности рѣчи. По тойже причинѣ и оканчиваю симъ слово, не предлагая нравоученія, какъ я имѣю обыкновеніе, чтобы въ вашей памяти не затемнить множества предметовъ, о которыхъ было говорено. Теперь время заключить рѣчь, кончивъ оную надлежащимъ образомъ, то есть славо-

словіемъ Богу всяческихъ. Итакъ, давъ отдыхъ и себѣ, который говорилъ, и вамъ, которые слушали, возлемъ Ему славу; ибо Его есть царство и сила, и слава во вѣки; Аминь!—

БЕСѢДА 17.

X, 1. *Братіе, благоволеніе убо моего сердца и молитва, яже къ Богу* по нихъ, *есть во спасеніе.*

Апостолъ намѣренъ нанести Израильтянамъ еще ударъ, сильнѣйшій прежняго; а посему опять отклоняетъ отъ себя всякое подозрѣніе въ непріязни, и приступаетъ къ дѣлу послѣ многихъ оговорокъ. Смотрите не на слова и обличенія, говоритъ онъ; а на то, что говорю сіе не съ враждебнымъ расположеніемъ. Не свойственно ненавидѣть и отвращаться Іудеевъ тому, кто желаетъ имъ спасенія, и не только желаетъ, но молится объ ономъ. Ибо подъ словомъ благоволеніе Апостолъ разумѣетъ здѣсь сильное желаніе. Замѣть, что и молитва его происходитъ отъ сердца. Не о томъ прилагаетъ онъ великое стараніе и молится, чтобы Іудеи избѣгли наказанія, но чтобы спаслись. И не въ сихъ только словахъ, но и въ слѣдующихъ обнаруживаетъ онъ благорасположеніе, какое имѣетъ къ Іудеямъ. Апостолъ съ великимъ усиліемъ старается, сколько можно, из-

винить Іудеевъ, и ищетъ для нихъ хотя тѣнь оправданія. И однакожъ не успѣваетъ въ томъ, будучи побѣжденъ свойствомъ самаго дѣла.

(2) *Свидѣтельствую бо имъ, яко ревность Божію имутъ, но не по разуму.* Слѣдовательно они стоятъ за сіе извиненія, а не осужденія. Ежели они отверглись Христа не по человѣческой Его природѣ, а по ревности; то справедливѣе сожалѣть о нихъ, нежели наказывать ихъ. Но замѣть, какъ искусно Апостолъ, польстивъ имъ словами, обнаружилъ безвременное ихъ упорство.

(3) *Не разумѣюще бо Божія правды,* говоритъ онъ. Еще предлогъ къ извиненію, который въ послѣдствіи усиливаетъ обвиненіе, и лишаетъ всякаго оправданія. *И свою правду ищуще поставити, правдѣ Божіей не повинушася,* продолжаетъ Павелъ. Сими словами показываетъ онъ, что Іудеи впали въ заблужденіе не по невѣденію, а отъ упорства и любоначалія, и что не поставили даже и той праведности, какая требуется закономъ. Ибо сіе самое значило сказать: *ищуще поставити.* Хотя Апостолъ и не выразилъ такой мысли ясными словами; такъ какъ не сказалъ, что они лишены той и другой праведности, однакожъ съ свойственнымъ ему благоразуміемъ сдѣлалъ намѣкъ весьма вразумительный. Ежели Іудеи усиливаются еще поставить законную праведность; то явно, что не поставили оной. А ежели не покорились правдѣ Божіей; то и

ея лишены. Праведность же Іудеевъ Апостолъ называетъ собственною, или потому что законъ не имѣлъ уже силы, или потому что она пріобрѣтается трудами и потомъ. А правдою Божіею называетъ праведность отъ вѣры; потому что она пріобрѣтается единственно по благодати свыше, и мы оправдываемся не трудами, но по дару Божію. Напротивъ тѣ, которые постоянно противятся Святому Духу, и усиливаются оправдаться посредствомъ закона, далеки отъ вѣры. Будучи же далекими отъ вѣры, и не получивъ оправданія даруемаго вѣрою, а равно не имѣя возможности оправдаться закономъ, они все потеряли. —

(4) *Кончина бо закона Христосъ въ правду всякому вѣрующему.* Замѣть благоразуміе Павлово! Поелику то и другое назвалъ онъ правдою; то вѣрующіе Іудеи могли подумать о себѣ, что они имѣютъ одну правду; а лишены другой, и потому обвиняются въ беззаконіи; (ибо и этимъ надлежало опасаться, какъ какъ новообращеннымъ) а невѣрующіе Іудеи могли надѣяться исполнить правду, и потому могли сказать: если мы доселѣ не исполнили, то безъ сомнѣнія исполнимъ. Смотри же, что дѣлаетъ Апостолъ! Онъ доказываетъ, что праведность одна, что законная праведность заключается въ праведности по вѣрѣ; и кто пріобрѣлъ праведность по вѣрѣ, тотъ исполнилъ и праведность законную; а кто отвергъ первую, тотъ лишился и послѣдней. Ибо ежели

конецъ закона есть Христосъ, то не имѣющій Христа, хотя и думаетъ имѣть праведность, однакожъ не имѣетъ оной; а имѣющій Христа, хотя не исполнилъ закона, все пріобрѣлъ. Цѣль врачеванія есть здравіе. Какъ тотъ, кто можетъ сдѣлать здоровымъ, хотя и не владѣетъ врачебнымъ искусствомъ, всѣмъ владѣетъ, а не умѣющій вылѣчить, хотя и думаетъ дѣйствовать по искусству, ничего не имѣетъ; такъ должно сказать о законѣ и вѣрѣ. Кто имѣетъ вѣру, тотъ достигъ цѣли закона; а кто внѣ вѣры, тотъ чуждъ и вѣры и закона. Ибо чего хотѣлъ законъ? Сдѣлать человѣка праведнымъ. Но онъ не могъ сего сдѣлать; потому что никто не исполнилъ закона. Таковъ былъ конецъ закона; къ тому все клонилось, для того все было введено, и праздники, и заповѣди, и жертвы, и все прочее, чтобы человѣкъ тѣмъ оправдался. Но сея цѣли вѣрнѣе достигъ Христосъ чрезъ вѣру. Итакъ не бойся, говоритъ Апостолъ, что, приступивъ къ вѣрѣ, ты преступилъ законъ. Ты тогда преступаешь законъ, когда для закона не вѣруешь во Христа. Когда же вѣруешь въ Него; тогда исполняешь и законъ, даже гораздо въ большей мѣрѣ, чѣмъ велѣно въ законѣ; потому что ты пріобрѣлъ гораздо большую праведность. Поелику же такая мысль принадлежала собственно Апостолу; то онъ подтверждаетъ ее Писаніемъ.

(5) *Моисей пишетъ правду, яже отъ закона.* Сіе значитъ: Моисей показываетъ вамъ,

въ чемъ состоитъ законная праведность, и чѣмъ пріобрѣтается. Итакъ въ чемъ она состоитъ, и чѣмъ пріобрѣтается? Исполненіемъ заповѣдей. *Сотворивый та, живъ будетъ въ нихъ*, говоритъ онъ. Сдѣлаться праведнымъ по закону не льзя иначе, какъ исполнивши всѣ заповѣди; но сего никто не могъ сдѣлать. Слѣдовательно праведность сія уничтожилась. Но скажи намъ, Павелъ, о другой праведности, о праведности по благодати, въ чемъ она состоитъ и чѣмъ пріобрѣтается? Слушай, какъ ясно описываетъ ее Апостолъ; ибо, обличивъ праведность по закону, переходитъ уже къ праведности по благодати, и говоритъ:

(6) *А яже отъ вѣры правда, сице глаголетъ: да не речеши въ сердцы твоемъ, кто взыдетъ на небо? сирѣчъ Христа свести* (7). *Или кто снидетъ въ бездну? сирѣчъ Христа отъ мертвыхъ возвести* (8). *Но что глаголетъ? близъ ти глаголъ есть во устѣхъ твоихъ, и въ сердцы твоемъ, сирѣчъ глаголъ вѣры, егоже проповѣдаемъ* (9). *Яко аще исповѣси усты твоими Господа Іисуса, и вѣруеши въ сердцы твоемъ, яко Богъ того воздвиже изъ мертвыхъ, спасешися.* Іудеи могли сказать: какимъ же образомъ нашли большую праведность тѣ, которые не нашли меньшей? Апостолъ приводитъ неоспоримое доказательство, что новый путь легче прежняго. Тамъ требовалось исполненіе всѣхъ заповѣдей; (когда все исполнишь, живъ

будешь). А праведность отъ вѣры не то говоритъ; чтоже именно? Ежели устами своими исповѣдуешь Господа Іисуса и увѣруешь въ сердцѣ, что Богъ воскресилъ Его отъ мертвыхъ; то спасешься. А дабы доказывая, что путь сей удобенъ и кратокъ, не навести на мысль, что онъ не стоитъ и вниманія, смотри, какъ Апостолъ распространяется о немъ. Ибо не вдругъ приступилъ къ тому, что сказали мы; но что говоритъ? *А яже отъ вѣры правда, сице глаголетъ: да не речеши въ сердцы твоемъ, кто взыдетъ на небо? сирѣчь Христа свести: Или кто снидетъ въ бездну? сирѣчь Христа отъ мертвыхъ возвести.* Какъ добродѣтели, обнаруживающейся въ дѣлахъ, противоборствуетъ нерадѣніе и разслабленіе, дѣлающее неспособнымъ къ трудамъ, и чтобы не предаться сему, потребна душа весьма бодрственная; такъ и въ дѣлѣ вѣры восстаютъ помыслы, возмущающіе и разслабляющіе сердца многихъ, и, для отраженія оныхъ, потребна душа самая бодрая. Посему Апостолъ обнаруживаетъ самые сіи помыслы. И какъ поступилъ, разсуждая объ Авраамѣ; такъ дѣлаетъ и здѣсь. Доказавши тамъ, что Авраамъ оправдался вѣрою, дабы не заключилъ кто, что вѣнецъ сей пріобрѣтенъ имъ даромъ и ни за что, Апостолъ восхваляетъ свойство вѣры, и говоритъ: *Иже паче упованія во упованіе вѣрова, во еже ему быти отцу многимъ языкомъ. И не изнемогъ вѣрою, ни усмотри своея плоти*

уже умерщвленныя и мертвости ложесн Сарриныхъ. Во обѣтованіи же Божіи не усумнѣся невѣрованіемъ, но возможе вѣрою, давъ славу Богу, и извѣстенъ бывъ, яко, еже обѣща, силенъ есть и сотворити (Рим. IV, 18—21). Симъ доказалъ, что Аврааму нужна была душа возвышенная, пріемлющая то, что выше надежды, и несоблажняющаяся видимымъ.— Такъ поступаетъ и здѣсь, доказываетъ, что намъ потребенъ умъ любомудренный, воля сильная и взыскующая небеснаго. Не сказалъ просто: *да не речеши*, но: *да не речеши въ сердцы твоемъ*, что есть, даже не колеблись и мыслію, и самъ въ себѣ не говори: какъ это возможно? Видишь ли, что таково преимущественное свойство вѣры,—оставивъ всѣ земныя соображенія, искать того, что выше природы, и отринувъ помощь помысловъ, принимать все, утверждаясь на всемогуществѣ Божіемъ? Іудеи кромѣ сего говорили также, что вѣрою оправдаться не возможно. Но Апостолъ тоже самое прилагаетъ къ другому событію, которое такъ важно, что и по исполненіи своемъ требуетъ вѣра, дабы, когда докажется важность сего событія, всякій уже видѣлъ, сколь справедливо увѣнчавать вѣрующихъ. И непрестанно заботясь о томъ, чтобы избѣжать обвиненій въ нововведеніяхъ, а въ противоборствѣ Ветхому Завѣту, употребляетъ реченія изъ него заимствованныя. Ибо что Апостолъ говоритъ здѣсь о вѣрѣ, то Моисей говоритъ Іудеямъ о заповѣди,

доказывая, что они получили множество благодѣяній отъ Бога. Не льзя сказать, что нужно восходить на небо, или переплывать обширное море, дабы получить заповѣди. Напротивъ Богъ сдѣлалъ сіе столь великое и трудное дѣло удобнымъ для насъ. Что значитъ: *близъ ти глаголъ есть?* То, что это легко. Ибо спасеніе у тебя въ сердцѣ, въ устахъ. Тебѣ не нужно для своего спасенія предпринимать дальнія путешествія, переплывать море, переходить горы. Даже если не хочешь переступить и черезъ порогъ, можешь спастись сидя дома. Средство ко спасенію у тебя въ устахъ, въ сердцѣ. Потомъ, приводя новое доказательство объ удобности слова вѣры, Апостолъ говоритъ, что Богъ воздвигъ Христа изъ мертвыхъ. Вникни въ достоинство Дѣйствующаго, и не увидишь никакого затрудненія въ дѣйствіи. Итакъ, что Христосъ есть Господь, сіе явствуетъ изъ воскресенія, какъ Апостолъ сказалъ и въ началѣ посланія: *нареченнѣмъ Сынъ Божіи изъ воскресенія отъ мертвыхъ* (Рим. I, 4). А что и воскресеніе есть дѣло нетрудное; то и для самыхъ невѣрующихъ доказано силою Воскрешающаго. Когда же оправданіе, будучи всего важнѣе, такъ легко и понятно, даже иначе и спастися не возможно; не крайнее ли это упорство, оставивъ удобное и легкое, браться за невозможное? Никто не можетъ сказать уже, что отказался отъ дѣла по трудности его. Видишь ли, какъ Апостолъ лишаетъ Іудеевъ всякаго извиненія?

Ибо стоятъ ли какого оправданія тѣ, которые избираютъ самое трудное и неудобоисполнимое, а оставляютъ легкое, но могущее ихъ спасти, чего и самый законъ не въ состояніи былъ доставить? Все это доказываетъ единственно упорную волю, противящуюся Богу. Законъ обременителенъ, а благодать легка. Законъ при безчисленныхъ усиліяхъ не спасаетъ, а благодать даетъ оправданіе—какъ благодатное, такъ и законное. Итакъ что скажутъ въ свое защищеніе тѣ, которые упорствуютъ противъ благодати, которые безъ пользы и цѣли держатся закона. Поелику же сказанное Апостоломъ весьма важно; то онъ опять удостовѣряетъ въ томъ Писаніемъ.

(11) *Глаголетъ бо Писаніе*, продолжаетъ онъ, *всякъ вѣруяй въ Онъ не постыдится*. (12) *Нѣсть бо разнствія Іудеева же и Еллину: Той бо* Господь *всѣхъ*, *богатъ сый* во всемъ и *во всѣхъ призывающихъ Его*. (13) *Всякъ бо, иже аще призоветъ имя Господне, спасется*. Примѣчаешь ли, что Апостолъ приводитъ свидѣтельства о вѣрѣ и о исповѣданіи. Когда говоритъ: *всякъ вѣруяй*, указываетъ на вѣру; а когда говоритъ: *всякъ, иже аще призоветъ*, разумѣетъ исповѣданіе. Потомъ снова возвѣщая, что въ благодати всѣ могутъ участвовать, и низлагая надмѣнность Іудеевъ, Апостолъ повторяетъ кратко, что выше доказывалъ пространно, и опять подтверждаетъ, что нѣтъ разности между Іудеемъ

и необрѣзаннымъ. *Нѣсть бо разнствія Іудееви же и Еллину*, говоритъ онъ. И что выше, когда доказывалъ это, говорилъ объ Отцѣ, то говоритъ здѣсь о Христѣ. Ибо выше, доказывая тоже самое, сказалъ: *или Іудеевъ Богъ токмо, а и не языковъ? ей и языковъ. Понеже одинъ Богъ* (Рим. III, 29 и 30); подобно и здѣсь говоритъ: *Той бо Господь всѣхъ, богатъ сый* во всемъ и *во всѣхъ призывающихъ Его*. Видишь ли, какъ Апостолъ доказываетъ, что Богъ сильно желаетъ нашего спасенія? Ибо почитаетъ оное даже Своимъ богатствомъ. Посему Іудеи и нынѣ не должны отчаиваться и думать, что они не могутъ быть прощены, хотя бы рѣшились и покаяться. Почитающій наше спасеніе Своимъ богатствомъ не перестанетъ обогащаться; а изливать даръ на всѣхъ, для Него также есть обогащеніе. Поелику же Іудеевъ особенно возмущало то, что они пользовались преимуществомъ предъ всѣмъ человѣческимъ родомъ, а теперь вѣра низлагаетъ ихъ съ сего престола, и предоставляетъ имъ не болѣе правъ, какъ и другимъ; то Апостолъ неоднократно дѣлаетъ указанія на Пророковъ, которые предвѣщаютъ имъ о такомъ равенствѣ. *Всякъ бо вѣруяй въ Онъ*, сказано, *не постыдится. И всякъ, иже аще призоветъ имя Господне, спасется.* Въ успраненіе всякихъ возраженій въ томъ и другомъ мѣстѣ поставлено слово: *всякъ.*

Нѣтъ ничего хуже тщеславія. Оно, оно болѣе всего погубило Іудеевъ. Посему и Христосъ сказалъ имъ: *како вы можете вѣровати, славу другъ отъ друга пріемлюще, и славы, яже отъ единаго Бога, не ищете* (Іоан. V, 44)? Тщеславіе не только губитъ, но дѣлаетъ весьма смѣшнымъ; оно прежде еще будущаго наказанія,—здѣсь навлекаетъ безчисленныя бѣдствія. И ежели угодно тебѣ знать это, не касаясь пока небесъ, откуда низводитъ насъ тщеславіе, и геенны, куда оно ввергаетъ, разсмотримъ, что оно производитъ здѣсь. И дѣйствительно, что можетъ быть вреднѣе, гнуснѣе и запрудительнѣе тщеславія? Сколько болѣзнь сія причиняетъ убытковъ, доказывается безполезными и напрасными издержками на театры, на ристалища, и другими столь же безрасчетными расходами, постройками великолѣпныхъ и пышныхъ домовъ, и всякими другими заведеніями, простирающимися до безполезнаго излишества, которыхъ теперь не льзя и описать. Всякому же извѣстно, что человѣкъ расточительный, любящій пышность, страждущій болѣзнію тщеславія, по необходимости дѣлается грабителемъ и любостяжателемъ. Чтобы доставить пищу сему звѣрю, онъ накладываетъ руки на чужее имущество. И что говорить объ имуществѣ? Сей огонь пожираетъ не только деньги, но и души; поражаетъ не только настоящею, но и будущею смертію. Тщеславіе есть матерь геенны, безъ мѣры воспламеняетъ адскій огнь

и ядовитаго червя. Всякому извѣстно, что оно и на мертвыхъ простираетъ власть свою. Что же этого хуже? Всѣ прочія страсти минуются съ смертію; а тщеславіе и надъ покойникомъ продолжаетъ свое дѣйствіе, и надъ умершимъ тѣломъ силится показать свое свойство. Когда умирающій заботится, чтобъ ему поставленъ былъ великолѣпный памятникъ, на который надобно истратить все его имущество, старается и въ гробѣ показать необыкновенную пышность; когда человѣкъ въ жизни за одну полушку или кусокъ хлѣба оскорбляетъ подошедшаго нищаго, а, умирая, готовитъ червю щедрую пищу; что найдешь еще мучительнѣе сей болѣзни? Отъ сего же злаго корня раждается и нечистая любовь. Многіе вовлечены въ прелюбодѣяніе не красотою лица, не похотію къ совокупленію, но желаніемъ похвастаться: я соблазнилъ ту или другую. И нужно ли исчислять, сколько произрастаетъ отселѣ другихъ золъ? Я соглашусь быть рабомъ лучше у множества варваровъ, нежели у одного тщеславія. И варвары не требуютъ того отъ плѣнниковъ, что предписываетъ тщеславіе своимъ поклонникамъ. Будь слугою, говоритъ оно, всякому, знатнѣе ли онъ тебя, или незначительнѣе. Не радѣй о душѣ, не заботься о добродѣтели, посмѣвайся надъ свободою, жертвуй своимъ спасеніемъ. Дѣлаешь ли добро? дѣлай не изъ угожденія Богу, но на показъ людямъ, чтобы отъ нихъ получить себѣ вѣнецъ. Подаешь ли милостыню?

постишься ли? трудъ неси, а прибыль старайся погубить. Что можетъ быть безчеловѣчнѣе такихъ требованій? Отсюда ведутъ свое начало и зависть, и высокоуміе, и сребролюбіе — мать всѣхъ золъ. Рой челяди, одѣтые въ золото варвары, шуты, льстецы, высеребренныя колесницы, и все, что и этого смѣшнѣе, употребляются не для удовольствія и пользы, но изъ одного тщеславія. Да, говоришь ты: но хотя всякій знаетъ, какое зло эта страсть: но какъ же намъ избѣжать ея? О семъ и слѣдуетъ сказать. И во первыхъ скажемъ, что ежели вполнѣ увѣришься, сколь тяжка болѣзнь сія; то положишь самое лучшее начало къ исправленію; потомъ, что и больный немедленно ищетъ врача, если прежде всего узнаетъ, что онъ боленъ. А ежели ищешь другаго пути избѣжать сего зла; то взирай непрестанно къ Богу, и довольствуйся славою у Него. Ежели примѣчаешь, что страсть сія распаляетъ тебя и побуждаетъ о заслугахъ своихъ разсказать своимъ братіямъ; то размысли въ себѣ, что изъ сего разсказа не выдетъ для тебя никакой прибыли, угаси безразсудное пожеланіе, скажи душѣ своей: вотъ сколько времени мучилась ты, чтобъ разсказать о своихъ заслугахъ, и не могла сохранить молчанія, но всѣмъ объявила. Какая же изъ этого тебѣ прибыль? Прибыли никакой, а крайній вредъ и потеря всего собраннаго съ великимъ трудомъ. Послѣ сего разсуди и то, что приговоръ и судъ черни превратенъ, и не только превратенъ,

но скоро измѣняется. На часъ удивляются, а какъ скоро прошло нѣсколько времени, обо всемъ забыли, вѣнецъ дарованный тебѣ Богомъ похитили, а своего сохранить не умѣли. А хотя бы людскій вѣнецъ и остался у тебя; весьма жалко промѣнять на оный вѣнецъ Божій. Но когда и онъ не останется; какое оправданіе имѣть будемъ въ томъ, что за преходящее отдаемъ не преходящее, и за малыя похвалы теряемъ толикія блага? Кто и отъ многихъ слышитъ себѣ похвалы, тотъ достоинъ за сіе сожалѣнія, тѣмъ большаго, чѣмъ больше число людей, которые его хвалятъ. Если для тебя удивительны слова мои; послушай, Самъ Христосъ подтверждаетъ оныя: *Горе вамъ*, говоритъ Онъ, *егда добрѣ рекутъ вамъ вси человѣцы* (Луки VI, 26). И совершенно справедливо. Ежели во всякомъ искусствѣ надобно избирать судью художника; то какже ты оцѣнку добродѣтели повѣряешь черни, а не тому преимущественно, кто всѣхъ больше свѣдущъ въ этомъ, кто можетъ и одобрить и увѣнчать? Итакъ напишемъ слово Христово на стѣнахъ, на дверяхъ, на сердцахъ, и непрестанно будемъ повторять сами себѣ: *горе* намъ, *егда добрѣ рекутъ* намъ *вси человѣцы*. Ибо и тѣ самые, которые говорятъ о тебѣ хорошо, въ послѣдствіи пересуждаютъ тебя, называя тщеславнымъ, честолюбивымъ, пристрастнымъ къ людскимъ похваламъ. Но не такъ обходится съ тобою Богъ; напротивъ

когда видишь, что ты любишь быть у Него въ славѣ, тогда особенно хвалитъ тебя, дивится тебѣ, возвѣщаетъ о тебѣ. А человѣкъ поступаетъ иначе; онъ считаетъ тебя не свободнымъ, но рабомъ, и не рѣдко прельщая тебя ложною похвалою, состоящею въ однихъ словахъ, похищаетъ у тебя истинную награду, почитаетъ тебя себѣ болѣе, нежели купленнаго раба. Ибо рабы слушаются господъ въ томъ только, что имъ приказано; а ты и безъ приказа служишь. Не дожидаешься, чтобы тебѣ сказали; но какъ скоро узнаешь, чѣмъ можно угодить имъ, все дѣлаешь, хотя бы и не приказывали. Какой же геенны достойны будемъ мы, которые чтимъ негодныхъ людей, и во всемъ услуживаемъ имъ прежде, нежели прикажутъ, а не слушаемъ Бога, не смотря на то, что Онъ ежедневно намъ приказываетъ и увѣщаваетъ? Но если любишь славу и похвалы; то убѣгай славы человѣческой, и тогда пріобрѣтешь славу. Отвращайся народныхъ рукоплесканій, и тогда получишь многія похвалы отъ Бога и отъ людей. Ибо и мы обыкновенно всего болѣе того прославляемъ, кто презираетъ славу; того хвалимъ и тому удивляемся, кто ни во что ставитъ похвалы и удивленіе. А ежели мы такъ поступаемъ: то кольми паче Богъ всяческихъ? Но когда Богъ восхвалитъ тебя и прославитъ, кто можетъ быть блаженнѣе тебя? Какова разность между славою и безславіемъ, такова же различіе между славою небесною и человѣче-

скою; справедливѣе же сказать, послѣднее гораздо значительнѣе и даже безконечно. Если человѣческая слава сама по себѣ гнусна и срамна; то разсуди, каковою окажется ея гнусность, когда сравнимъ ее съ славою небесною. Какъ блудная женщина въ блудилищѣ готова принадлежать всякому; такъ и рабы тщеславія. Они даже гнуснѣе и блудницы потому, что блудница не рѣдко презираетъ иныхъ изъ своихъ любителей; а ты предлагаешь себя всякому, и бѣглецу, и вору, и мошеннику. Ибо такіе и подобные тому люди хвалятъ васъ въ глаза. И ты тѣхъ, изъ коихъ каждый самъ по себѣ, по твоему же мнѣнію, ничего не стоитъ, когда они собраны вмѣстѣ, предпочитаешь собственному спасенію; чѣмъ и показываешь, что ты безчестнѣе каждаго изъ нихъ. Ибо не безчестнѣе ли ты, который имѣешь нужду въ ихъ одобреніи, и не бываешь доволенъ самъ собою, пока не пріобрѣтешь славы отъ другихъ? Кромѣ всего этого, скажи мнѣ, какъ не разсудишь ты, что будучи человѣкомъ видимымъ и знатнымъ, имѣешь безчисленное множество обвинителей, если согрѣшишь; а оставаясь въ неизвѣстности будешь безопасенъ? Да, говоришь ты: за то и заслугамъ моимъ удивляется безчисленное множество людей. Въ томъ и бѣда, что болѣзнь тщеславія вредитъ тебѣ, и когда грѣшишь, и когда оказываешь заслуги; въ одномъ случаѣ она подвергаетъ тебя безчисленнымъ укоризнамъ, а въ другомъ лишаетъ

всей награды. Гибельно и безчестно любить славу въ дѣлахъ гражданскихъ; но когда таже страсть владѣетъ тобою и въ дѣлахъ духовныхъ, иногда какое извиненіе оправдается тебѣ, который не хочешь воздать Богу такой же чести, какой самъ требуешь отъ домашнихъ? И рабъ смотритъ въ глаза господину, и наемникъ обращаетъ вниманіе на хозяина работы, отъ котораго ждетъ себѣ платы, и ученикъ смотритъ на учителя; а у тебя все напротивъ. Нанявшаго тебя Бога и Владыку оставляешь, а обратилъ взоры на собраній; хотя самъ знаешь, что Богъ и послѣ будетъ помнить твои заслуги, а человѣкъ помнитъ только въ настоящемъ. Для тебя уготовано зрѣлище на небѣ, а ты собираешь земныхъ зрителей. Борецъ, гдѣ подвизается, тамъ ждетъ себѣ и одобреній; а ты подвизаешься горѣ, вѣнцевъ же ищешь долу. Что можетъ быть хуже такого безумія? Посмотримъ же, если угодно, и на самые вѣнцы. Иной составленъ изъ высокоумія, иной изъ зависти къ другому, иной изъ пристрастія и ласкательства, иной изъ денегъ, иной изъ раболѣпства. Какъ дѣти въ играхъ возлагаютъ другъ на друга вѣнцы изъ травы, и часто, увѣнчавъ кого нибудь такъ, чтобъ онъ самъ не замѣтилъ, смѣются надъ нимъ сзади; такъ и теперь тѣ, которые тебя хвалятъ, сами въ себѣ не рѣдко смѣются, будто положивши на насъ нѣсколько травы. И пусть бы еще только траву! Напротивъ ихъ

вѣнецъ причиняетъ намъ большій вредъ, и губитъ всѣ наши заслуги. Итакъ разсудивъ о ничтожности онаго, избѣгай вреда. Ибо отъ многихъ ли желаешь слышать себѣ похвалы? Положи, что хвалятъ тебя сто человѣкъ, или вдвое, втрое, вчетверо, даже, если хочешь, вдесятеро, во сто разъ больше; пусть будетъ, если угодно, двѣ, четыре, десять тысячь рукоплескателей. Но они ничѣмъ не разнятся отъ воронъ, которыя каркаютъ сверху. А ежели представишь себѣ позорище Ангеловъ; то эти рукоплескатели окажутся ничтожнѣе червей, а ихъ одобренія слабѣе паутины, дыма, сновидѣнія. Послушай, какъ Павелъ, точно познавшій людскую славу, не только не домогается ея, но отвращается, говоря: *мнѣ же да не будетъ хвалитися, токмо о крестѣ* Христовомъ (Гал. VI, 14). И ты ревнуй о сей похвалѣ, дабы не огорчить Господа. Ибо ища похвалы людской, безчестишь не только себя, но и Бога. Будучи живописцемъ, и имѣя у себя ученика, ты самъ не перенесъ бы равнодушно, если бы онъ не сталъ тебѣ показывать произведеній своего искусства, а выставилъ бы картину на показъ незнающимъ дѣла зрителямъ. Ежели сіе обидно для собратій; то кольми паче для Владыки. А ежели хочешь знать, какія еще есть побужденія презирать людскую славу; то возвышайся мыслію, посмѣвайся надъ видимымъ, возрастай въ любви къ истинной славѣ, наполнись духовными помыслами, скажи душѣ своей, какъ

говорилъ Павелъ: *не вѣси ли, яко ангеловъ судити имамы* (1 Кор. VI, 3)? И нѣмъ возбудивъ ее, вразуми и скажи: ужели ты, судящая Ангеловъ, согласишься, чтобы тебя судили нечистые, и хвалили, какъ хвалятъ плясуновъ, лицедѣевъ, звѣроборцевъ, ѣздоковъ? Пусть же гоняются за такими рукоплесканіями; а ты умѣй быть выше сихъ кликовъ, и подражай пустынножителю Іоанну, поучись, какъ онъ презиралъ народную толпу, видя льстецовъ, не обращалъ на нихъ вниманія; напротивъ, когда всѣ жители Палестины спѣшились вокругъ него, удивлялись ему, приходили въ изумленіе,—не восхищался такою честію, но возставалъ противъ нихъ, и къ многочисленному народу обращаясь, какъ къ ребенку, поражалъ ихъ такими укоризнами: змѣи, *рожденія ехидновы* (Матѳ. III, 7)! Хотя для него сходился народъ, для того оставляли города, чтобы видѣть сію священную главу; впрочемъ ничто не смягчило Іоанна; ибо онъ далекъ былъ отъ славолюбія и всякой гордости. Такъ и Стефанъ, когда видитъ, что тотъ же опять народъ не стихаетъ его, но неистовствуетъ и скрежещетъ зубами, поставивъ себя выше ихъ гнѣва, говоритъ: *жестоковыйніи, и необрѣзанніи сердцы* (Дѣян. VII, 51). Такъ и Илія въ присутствіи воинства, царя и всего народа сказалъ: *доколѣ вы хромлете на обѣ плесни ваша* (3 Цар. XVIII, 21)? Но мы всякому ласкательствуемъ, услуживаемъ, чтобы симъ раболѣпнымъ служеніемъ купить себѣ его

почтеніе. Отъ сего все низвратилось; мы лишились благодати первыхъ вѣковъ, Христіанство пришло въ упадокъ, и все пренебрежено для людской славы. Итакъ искоренимъ страсть; тогда вполнѣ узнаемъ свободу, найдемъ пристань и тишину. Ибо тщеславный подобенъ обуреваемому, онъ всегда препещетъ, боится и услуживаетъ многимъ господамъ. А кто не состоитъ подъ сею мучительскою властію, тотъ подобенъ достигшему пристани и наслаждающемуся полною свободою. Не таковъ тщеславный. Сколько у него знакомыхъ, столько и господъ, и онъ принужденъ служить каждому изъ нихъ. Когда же освободимся отъ сего тяжкаго рабства?—Когда возлюбимъ другую славу, славу истинную? Какъ влюбленнаго въ красивое лицо отвлекаетъ отъ сея любви другое лицо, которое красивѣе прежняго; такъ и пристрастныхъ къ людской славѣ можетъ отвлечь отъ оной слава блистающая съ небесъ. Итакъ обратимъ взоры на сію послѣднюю, изучимъ ее въ подробности, дабы въ удивленіи красотѣ ея бѣжать намъ гнусной мірской славы, и насладиться полнымъ удовольствіемъ, непрестанно утѣшаясь славою небесною, которую да сподобимся получить всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава, держава, честь нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 18.

X, 14. *Како убо призовутъ, въ Негоже не вѣроваша? како же увѣруютъ, Егоже не услышаша? како же услышатъ безъ проповѣдующаго?* (15) *Како же проповѣдятъ, аще не послани будутъ? якоже есть писано.*

Апостолъ опять лишаетъ Іудеевъ извиненія. Сказавъ: *свидѣтельствую имъ, яко ревность Божію имутъ, но не по разуму*, и еще: *не разуміюще Божія правды, не повинушася*, онъ показываетъ далѣе, что и за самое незнаніе они должны быть наказаны Богомъ. Впрочемъ не говоритъ сего прямо, а доводитъ до того вопросами, и для большей ясности обличенія все сіе мѣсто составляетъ изъ возраженій и отвѣтовъ. Смотри же: выше сказалъ словами Пророка, что *всякъ, иже аще призоветъ имя Господне, спасется.* Но можетъ быть иной скажетъ: какъ могли они призывать Того, въ Кого не увѣровали? За симъ возраженіемъ у него слѣдуетъ вопросъ: почему не увѣровали? и опять возраженіе. Безъ сомнѣнія могъ кто нибудь спросить: какъ увѣровали бы, не слыхавши? Они слышали, отвѣтствуетъ Апостолъ. Потомъ опять новое возраженіе: какъ могли услышать безъ проповѣдующаго? И опять отвѣтъ: много было проповѣдниковъ, на то именно и посланныхъ. Изъ чего же видно, что сіи посланные были проповѣдниками?

Въ отвѣтъ на сіе Апостолъ приводитъ наконецъ слова Пророка: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ, благовѣствующихъ благая* (Исаіи II, 7)! Видишь ли, какъ доказываетъ самымъ образомъ проповѣди, что они проповѣдники? Апостолы, обходя вселенную, возвѣщали не иное что, какъ неизреченныя блага и миръ Бога съ человѣками. Посему вы, невѣрующіе, не намъ не вѣрите, говоритъ Павелъ, но Исаіи, который за многіе годы предвозвѣстилъ, что мы будемъ посланы, станемъ проповѣдывать и скажемъ то самое, что и говоримъ. Итакъ ежели спасеніе зависитъ отъ призванія, призваніе отъ вѣры, вѣра отъ слышанія, слышаніе отъ проповѣданія, проповѣданіе отъ посланія; а Апостолы были посланы и проповѣдывали, даже съ ними вмѣстѣ ходилъ и Пророкъ, указывалъ ихъ возвѣщая и говоря: вотъ тѣ самые, о которыхъ за долгое время объявлено было свыше чрезъ меня, которыхъ ноги выхвалялъ я за способъ проповѣди; то явно, что невѣріе есть собственная вина Іудеевъ, а со стороны Божіей все сдѣлано.

(16) *Но не вси послушаша благовѣствованія: Исаія бо глаголетъ: Господи, кто вѣрова слуху нашему?* (17) *Тѣмже убо вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божіимъ.* Іудеи опять дѣлали новое возраженіе, говоря: ежели Апостолы были посланы и посланы отъ Бога, то надобно, чтобы всѣ ихъ послушались. Замѣтъ же благоразуміе Павла, какъ онъ доказываетъ, что то самое, что

приводило въ смущеніе, должно уничтожить смущеніе и безпокойство. Что, говоритъ онъ, соблажняетъ тебя, Іудей, послѣ толикократнаго и столь важнаго свидѣтельства и послѣ подтвержденія его самыми дѣлами? что не всѣ послушались благовѣствованія? Но это самое, что не всѣ слушаются, при другихъ доказательствахъ достаточно къ тому, чтобы увѣрить тебя въ истинѣ проповѣдуемаго. Ибо и о семъ издревле предсказалъ Пророкъ. Замѣть же неизглаголанную мудрость Апостола, какъ онъ доказываетъ болѣе, нежели сколько Іудеи ожидали и сколько надѣялись противорѣчить ему. Что говорите вы, спрашиваетъ онъ? то ли, что *не вси послушаша благовѣствованія?* Но Исаія давно предсказалъ и сіе; вѣрнѣе же сказать, онъ предрекъ не это одно, но и гораздо большее. Вы ставите въ вину то, что не всѣ послушались; а Исаія говоритъ еще больше. Что же именно? *Господи, кто вѣрова слуху нашему?* Потомъ, уничтоживъ словами Пророка сіе смущеніе, Апостолъ держится опять прежней связи. Такъ какъ сказалъ, что нужно призывать (имя Господне), а призывающимъ вѣровать, а вѣрующимъ прежде слышать, а слышащимъ имѣть проповѣдниковъ, а проповѣдующимъ быть посланными, и доказалъ, что были посланные, и что они проповѣдывали; то намѣреваясь предложить еще новое возраженіе, сперва беретъ случай къ тому изъ другаго пророческаго свидѣтельства, которымъ

не задолго предъ симъ рѣшилъ возраженіе, и такимъ образомъ соединяетъ и связываетъ оное съ предыдущимъ. Послѣ того, какъ привелъ слова Пророка: *Господи, кто вѣрова слуху нашему?* онъ, справедливо основываясь на семъ свидѣтельствѣ, говоритъ: *тъмже убо вѣра отъ слуха*. И сіе сказано не безъ цѣли. Но какъ Іудеи непрестанно искали чудесъ, желали видѣть воскресеніе, и много было такихъ, которые съ жадностію сего домогались; то Апостолъ говоритъ: Пророкъ возвѣстилъ, что вѣра наша должна происходить отъ слышанія. Посему напередъ сіе и доказываетъ, говоря: *тъмже убо вѣра отъ слуха*. А какъ сіе, по видимому, было еще незначительно; смотри, какимъ образомъ усиливаетъ рѣчь свою. Не о простомъ слышаніи сказалъ я, продолжаетъ онъ, не о томъ, что должно выслушать человѣческія рѣчи, и имъ повѣрить; напротивъ говорю о слышаніи высокомъ. *Слухъ же глаголомъ Божіимъ*. Проповѣдники не свое говорили, а возвѣщали слышанное отъ Бога. Это гораздо выше чудесъ. Богу, когда говоритъ Онъ, и когда чудодѣйствуетъ, равно должно вѣрить и повиноваться. Потому что дѣла и чудеса производятся словомъ Его. Такъ совершено небо и все прочее. Итакъ доказавъ, что должно вѣрить Пророкамъ, которые всегда говорятъ не свое, но Божіе, и не требовать ничего болѣе слышанія, Апостолъ излагаетъ уже то возраженіе, о которомъ я упоминалъ, и говоритъ:

(18) *Но глаголю: еда не слышаша?* Апостолъ спрашиваетъ: что же изъ того, ежели проповѣдники были посланы, и проповѣдывали то, что имъ повелѣно было, но Іудеи сего не слыхали? За симъ слѣдуетъ самое достаточное рѣшеніе возраженія. *Но паче, во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ.* Что ты говоришь, спрашиваетъ Павелъ? Они не слыхали? Слышала вселенная, слышали всѣ предѣлы земные. Какъ же не слыхать вамъ, у которыхъ проповѣдники столько провели времени, и отъ которыхъ они произошли? Возможное ли это дѣло? Ежели слышали предѣлы вселенной, тѣмъ болѣе вы. Потомъ опять новое возраженіе.

(19) *Но глаголю: еда не разумѣ Израиль?* А ежели Іудеи, хотя и слышали, но не поняли сказаннаго, не узнали, что посланные были тѣ самые проповѣдники? Не заслуживаютъ ли они извиненія въ такомъ невѣденіи? Нимало. Ибо Исаія показалъ признаки проповѣдниковъ, сказавъ: *коль красны ноги благовѣствующихъ миръ!* А прежде Исаіи изобразилъ ихъ самъ Законодатель. Посему Апостолъ и присовокупилъ: *первый Моисей глаголетъ, азъ раздражу вы о не языцѣ, но о языцѣ неразумнѣ прогнѣваю васъ.* И по этому надлежало узнать проповѣдниковъ, не только потому, что Іудеи не увѣровали, что проповѣдники благовѣствовали миръ, возвѣщали о благахъ, и слово сѣялось повсюду въ мірѣ, но и потому, что

удостоены большей чести тѣ, которые ниже Іудеевъ, то есть, язычники. Язычники стали вдругъ любомудрствовать о томъ, чего никогда не слыхали ни сами они, ни предки ихъ. Это есть знакъ высокой чести, которая должна уязвлять Іудеевъ, побуждать ихъ къ соревнованію, и приводить имъ на память Моусеево пророчество: *раздражу вы о не языцѣ*. Не только величіе чести достаточно было къ тому, чтобы подвигнуть Іудеевъ къ соревнованію, но и то, что народъ, удостоившійся оной, такъ низокъ, что не стоитъ даже названія народа. *Азъ раздражу вы о не языцѣ*, сказано, *о языцѣ неразумнѣ прогнѣваю васъ*. Что неразумнѣе, что ниже было язычниковъ? Видишь, что Богъ заранѣе далъ Іудеямъ всѣ признаки и ясныя знаменія сихъ временъ, дабы отверзть слѣпоту ихъ. Сіе дѣлалось не въ тѣсномъ углу, но на сушѣ и морѣ,—въ цѣлой вселенной. Тѣхъ, коихъ презирали прежде Іудеи, увидѣли они обладателями безчисленныхъ благъ. Итакъ надлежало имъ заключить, что это тотъ самый народъ, о которомъ говоритъ Моусей: *раздражу вы о не языцѣ, о языцѣ неразумнѣ прогнѣваю васъ*. Но одинъ ли Моусей говорилъ сіе? Нѣтъ. Напротивъ послѣ него тоже подтвердилъ Исаія. Посему Павелъ и сказалъ: *первый Моусей*, давая тѣмъ знать, что есть и вторый, говорящій о томъ же яснѣе и открытѣе. И какъ выше сказалъ: *вопіетъ Исаія*; такъ и здѣсь:

(20) *Исаія же дерзаетъ и глаголетъ.* Сіе значитъ, что Исаія усиливался и употреблялъ всѣ мѣры, чтобы не выразиться темно, а представить дѣло взорамъ вашимъ во всей наготѣ, и лучше соглашался, сказавъ ясно, подвергнуться опасности, нежели, заботясь о своей безопасности, оставить вамъ какой нибудь предлогъ къ извиненію своего упорства. Хотя Пророкъ и не обязанъ былъ говорить о семъ такъ ясно; однакожъ онъ, чтобы совершенно заградить вамъ уста, обо всемъ предсказываетъ со всею ясностію и прямыми словами. О чемъ же обо всемъ? О вашемъ отпаденіи, о введеніи язычниковъ, говоря такъ: *обрѣтохся не ищущимъ Мене, явленъ быхъ не вопрошающимъ о Мнѣ.* Кто же сіи не ищущіе и не вопрошающіе? Очевидно, что не Іудеи, а язычники, которые долгое не знали Бога. Какъ Моисей отличительный ихъ признакъ выразилъ словами: *о не языцѣ, о языцѣ неразумнѣ;* такъ и Исаія изображаетъ здѣсь тоже свойство въ нихъ—незнаніе въ крайней степени. Самымъ важнымъ обвиненіемъ для Іудеевъ было, что не ищущіе нашли, а ищущіе потеряли.

(21) *Ко Израилю же глаголетъ: весь день воздѣхъ руцѣ мои къ людемъ непокоривымъ и прекословящимъ.* Видишь ли?—Что затрудняетъ, о чемъ многіе недоумѣваютъ, то находимъ ясно разрѣшеннымъ еще въ древности и въ Пророческихъ писаніяхъ. Что же это именно? Ты слышалъ, что Павелъ говорилъ

выше: *что убо речемъ? яко языцы не гонящіи правду, постигоша правду: Израиль же гоня законъ правды, въ законъ правды не постиже.* Тоже говоритъ здѣсь и Исаія. Ибо слова: *обрѣтохся не ищущимъ Мене, явленъ бихъ не вопрошающимъ о Мнѣ*, значатъ тоже, что и сказанное Апостоломъ: *языцы не гонящіи правду, постигоша правду.* А дабы ты зналъ, что сіе было дѣломъ не одной Божіей благодати, но и собственнаго расположенія пришедшихъ, равно какъ отпаденіе Іудеевъ было слѣдствіемъ упорства неповинующихся,—слушай, что потомъ присовокупляетъ Павелъ: *Ко Израилю же глаголетъ: весь день воздѣхъ руцѣ мои къ людемъ непокоривымъ и прекословящимъ.* Подъ словомъ *день*, разумѣетъ здѣсь все прошедшее время; а *простирать руки*, значитъ у него звать, привлекать, умолять. Потомъ вразумляя, что во всемъ этомъ виновны сами Іудеи, говоритъ: *къ людемъ непокоривымъ и прекословящимъ.* Примѣчаешь ли, какъ сильно обвиненіе? Іудеи не повиновались Богу даже тогда, когда умолялъ ихъ; но еще противорѣчили, и притомъ не разъ, не два, не три, но тогда какъ видѣли, что Богъ непрестанно зоветъ ихъ. А язычники никогда незнавшіе Бога возмогли привлечь Его. Впрочемъ Апостолъ не говоритъ, что они сами возмогли привлечь Бога; напротивъ, низлагая гордость язычниковъ и показывая, что все произвела благодать Божія,

выражается: *явленъ быхъ*, и: *обрѣтохся*: Слѣдственно язычники во всемъ скудны, спросишь ты? Нѣтъ. Напротивъ принять найденное и познать открывшееся — было собственнымъ ихъ дѣломъ. Послѣ сего дабы Іудеи не сказали: почему же не былъ явленъ и намъ? Апостолъ говоритъ, что сдѣлано больше, что не только былъ явленъ, но и не переставалъ простирать руки и умолять, изъявляя заботливость чадолюбиваго отца и сердобольной матери. Вотъ какое ясное рѣшеніе далъ Апостолъ на всѣ предложенныя выше затрудненія, доказавъ, что Іудеи погибли по собственной волѣ, и во всѣхъ отношеніяхъ не заслуживаютъ извиненія. Хотя слышали, хотя понимали сказанное, но при всемъ томъ не захотѣли притти. И что гораздо важнѣе, Богъ не только далъ имъ услышать и уразумѣть сіе, но и употреблялъ мѣры болѣе сильныя для побужденія и привлеченія упорныхъ и противящихся. Какія же именно? Раздражалъ ихъ, пробуждалъ въ нихъ соревнованіе. Вы сами знаете мучительство сея страсти, знаете, какую силу имѣетъ соревнованіе къ преодолѣнію всякаго упорства, къ возстановленію падшихъ. И нужно ли говорить о человѣкѣ, когда соревнованіе оказываетъ великое могущество надъ безсловесными и надъ дѣтьми въ незрѣломъ возрастѣ? Ребенокъ часто, когда призываетъ его отецъ, не слушается и продолжаетъ упрямиться; но когда видитъ, что ухаживаютъ за

другимъ ребенкомъ, безъ всякаго зова бѣжитъ къ родительской груди, и чего не могло сдѣлать призываніе, то производитъ соревнованіе. Такъ и Богъ поступалъ съ Іудеями; не только умолялъ ихъ, простиралъ къ нимъ руки, но и возбуждалъ въ нихъ страсть соревнованія, надѣляя благами тѣхъ, которые были гораздо ниже ихъ, что особенно производитъ соревнованіе, впрочемъ не тѣми благами, какія даны Іудеямъ, но, что гораздо важнѣе, что дѣлаетъ страсть мучительнѣйшею,—благами гораздо большими и нужнѣйшими, такими, какихъ Іудеи и во снѣ себѣ не представляли. Но они при всемъ томъ не послушались. Итакъ какого сноситъ извиненія показавшіе въ такомъ избыткѣ свое упорство? Никакого. Впрочемъ Апостолъ не говоритъ сего самъ, но предоставляетъ совѣсти слушателей заключить о томъ изъ соображенія сказаннаго, и въ слѣдующихъ стихахъ съ свойственною ему мудростію опять доказываетъ тоже самое. Какъ поступалъ выше, разсуждая о законѣ и о народѣ, дѣлалъ возраженія, въ которыхъ заключалось обвиненіе большее, нежели какое нужно было, потомъ въ рѣшеніи, гдѣ опровергалось сіе обвиненіе, уступалъ въ той мѣрѣ, въ какой угодно было самому, и въ какой позволяли то обстоятельства, чтобы не огорчить своимъ словомъ; такъ поступаетъ и здѣсь, говоря:

(XI, 1.) *Глаголю убо, еда отрину Богъ люди Своя, (ихже прежде разумѣ)? Да не будетъ.* Апостолъ, какъ бы по случаю сказаннаго,

представляетъ себя сомнѣвающимся, и произнеся сіи грозныя слова, чрезъ отрицаніе оныхъ дѣлаетъ уже сноснымъ, что слѣдуетъ далѣе, и доказываетъ здѣсь тоже самое, что старался доказать вездѣ выше. Что же такое? То, что хотя число спасенныхъ и мало, впрочемъ обѣтованіе непреложно. Посему не просто сказалъ: *люди*, но присовокупилъ: *ихъ же прежде разумъ*. Потомъ въ доказательство того, что Іудеи не отвержены, говоритъ: *ибо и азъ Израильтянинъ есмь, отъ сѣмене Авраамля, колѣна Веніамінова*. Я учитель, проповѣдникъ, говоритъ онъ, самъ Іудей. Поелику же сіе противорѣчило, по видимому, сказанному выше, именно: *кто вѣрова слуху нашему?* и: *весь день воздѣхъ руцѣ мои къ людемъ непокоривымъ и прекословящимъ*; и еще: *Азъ раздражу вы о не языцѣ;* то Апостолъ не довольствуется отрицаніемъ и словомъ: *да не будетъ*, но тоже самое повторяетъ утвердительно, и говоритъ: *не отрину Богъ людей Своихъ*. Но скажешь: это не подтвержденіе, а отрицаніе. Такъ вотъ же тебѣ сперва одно, а потомъ и другое подтвержденіе! Первое, когда Апостолъ объявляетъ, что онъ самъ Іудей. Если бы Богъ опредѣлилъ отринуть Іудеевъ; то не избралъ бы изъ нихъ Павла, которому ввѣрилъ всю проповѣдь, дѣла цѣлаго міра, всѣ тайны, все домостроительство человѣческаго спасенія. Это первый доводъ; а вторый, за нимъ слѣдующій, заключается въ словахъ:

люди, ихже прежде разумѣ, то есть, о которыхъ вѣрно зналъ, что они способны къ принятію вѣры, и примутъ оную. Ибо изъ Іудеевъ увѣровали три тысячи, пять тысячъ, и великое множество. А дабы не возразилъ кто: развѣ ты составляешь народъ? и изъ того, что ты призванъ, слѣдуетъ ли, что призванъ цѣлый народъ?—Апостолъ присовокупилъ:

(2) *Не отрину людей Своихъ, ихже прежде разумѣ.* Какъ бы такъ онъ говоритъ: со мною есть три тысячи, есть пять тысячъ, есть великое множество. Такъ что же? Ужели въ трехъ, въ пяти тысячахъ, въ великомъ множествѣ людей состоитъ оное сѣмя, уподобляемое по множеству небеснымъ звѣздамъ и морскому песку? Не явно ли насъ обманываешь и обольщаешь словами, когда себя и немногихъ съ собою выдаешь за цѣлый народъ? Не пустыми ли надеждами напыщаешь ты насъ, говоря, что обѣтованіе исполнилось, тогда какъ всѣ погибли, и спасеніе досталось въ удѣлъ не многимъ? Это хвастовство и киченіе, и мы не потерпимъ такихъ лжеумствованій. Но дабы Іудеи не могли сказать сего, смотри, какой отвѣтъ даетъ Апостолъ въ послѣдующихъ словахъ. И хотя не высказалъ возраженія; впрочемъ, предупреждая оное, готовитъ рѣшеніе изъ ветхозавѣтной исторіи. Какое же это рѣшеніе? *Или не вѣсте, о Иліи* говоритъ онъ, *что глаголетъ Писаніе? яко вопіетъ къ Богу на Израиля:*

(3) *Господи, Пророки Твоя избиша, и олтари Твоя раскопаша: и азъ остахъ единъ, и ищутъ души моея.* (4) *Но что глаголетъ ему Божественный отвѣтъ? Оставихъ Себѣ седмь тысящъ мужей, иже не преклониша колѣна предъ Вааломъ.* (5) *Тако убо и въ нынѣшнее время останокъ по избранію благодати бысть.* Смыслъ сихъ словъ таковъ: Богъ не отвергъ народа. Ибо если бы отвергъ; никого бы не принялъ. А ежели нѣкоторыхъ принялъ; то не отвергъ. Но ежели не отвергъ, говоришь ты; то значитъ всѣхъ, принялъ? Нимало. Ибо и при Иліи спаслось не болѣе семи тысячь. И нынѣ, вѣроятно, много есть увѣровавшихъ. Не удивительно, если вы и не знаете ихъ; потому что не зналъ сего также и Пророкъ Илія, столь великій мужъ. Но Богъ устроялъ Свои дѣла, хотя Пророкъ и не зналъ. Замѣть же благоразуміе Апостола, какъ онъ, доказывая то, что предположилъ доказать, непримѣтно увеличиваетъ вину Іудеевъ. Для того привелъ на память все это свидѣтельство, чтобы торжественнѣе обнаружить ихъ неблагодарность и показать, что они издревле таковы. А если бы не имѣлъ сего намѣренія, но хотѣлъ доказать одно то, что немногіе составляютъ народъ; то сказалъ бы только, что и при Иліи осталось семь тысячь. Но теперь приводитъ все свидѣтельство съ начала; такъ какъ всѣми мѣрами старался доказать, что поступки Іудеевъ со Христомъ и Апостолами нимало

не странны, но обыкновенны у нихъ и обратились имъ въ навыкъ. Дабы не сказали они: мы убили Христа, какъ обманщика, преслѣдуемъ Апостоловъ, какъ обольстителей, — Апостолъ приводитъ свидѣтельство, въ которомъ говорится: *Господи, Пророки Твоя избиша, и олтари Твоя раскопаша.* Потомъ, чтобы не слишкомъ огорчить словомъ симъ, представляетъ другую причину на приведеніе сего свидѣтельства, будто бы приводитъ оное не съ тою главною цѣлію, чтобы укорить ихъ, но имѣя въ виду доказать нѣчто иное; а между тѣмъ лишаетъ ихъ всякаго извиненія и въ прежнихъ дѣлахъ. Смотри же, какъ обличеніе получаетъ особенную силу отъ лица обличающаго. Обличителемъ не Павелъ, не Петръ, не Іаковъ, не Іоаннъ, но тотъ, кому Іудеи удивлялись болѣе, нежели всякому другому, — глава Пророковъ, другъ Божій, такой ревнитель о Іудеяхъ, что рѣшился терпѣть голодъ, тотъ, кто не умеръ и до нынѣ. Что же говоритъ онъ? *Господи, Пророки Твоя избиша, и олтари Твоя раскопаша, и азъ остахъ единъ, и ищутъ души моея.* Что можетъ быть свирѣпѣе такого звѣрства? Надлежало молиться о содѣянныхъ уже грѣхахъ, а они намѣреваются убить еще Пророка. Все это дѣлаетъ ихъ совершенно неизвинительными. Ибо не во время голода, но при наступившемъ плодородіи, когда стыдъ уже сняли, бѣсы посрамлены, могущество Божіе явлено, Самъ Царь смирился—они отваживаются

на сіе злодѣяніе, переходятъ отъ убійствъ къ убійствамъ, умерщвляютъ учителей и исправителей ихъ нравовъ. И что могутъ сказать противъ сего? Уже ли и тѣ были обманщики? ужели и тѣхъ не знали, откуда они? Они огорчали васъ; но за то говорили полезное. А олтари? уже ли и олтари огорчали? ужели и они оскорбляли? Вотъ какіе примѣры упорства и злонравія всегда показывали Іудеи! Посему Павелъ и въ другомъ мѣстѣ, пиша къ Ѳессалоникійцамъ, говоритъ: *таяжде и вы пострадасте отъ своихъ сплеменникъ, якоже и тіи отъ Іудей, убившихъ и Господа и Его Пророки, и насъ изгнавшихъ, и Богу не угодившихъ, и всѣмъ человѣкомъ противящихся* (1 Сол. II, 14 и 15). Подобно и здѣсь говоритъ, что Іудеи раскопали олтари, и избили Пророковъ. *Но что глаголетъ ему Божественный отвѣтъ? Оставихъ Себѣ седмь тысящъ мужей, иже не преклониша колѣна предъ Ваалomъ.* Ты спросишь: идетъ ли сіе къ настоящему времени? Весьма идетъ. Ибо симъ доказывается, что Богъ и всегда обыкновенно спасаетъ достойныхъ, хотя обѣтованіе дано и цѣлому народу. Тоже доказывалъ Апостолъ и выше, когда говорилъ: *аще будетъ число сыновъ Израилевыхъ яко песокъ морскій, останокъ спасется*; и: *аще не бы Господь Саваовъ оставилъ намъ сѣмене, якоже Содомъ убо были быхомъ.* Тоже доказываетъ и здѣсь; посему и присовокупляетъ: *тако*

и въ нынѣшнее время останокъ по избранію благодати бысть. Смотри, какъ каждое слово у Апостола удерживаетъ свою силу, выражая и благодать Божію, и неукоризненность спасаемыхъ. Ибо словомъ: *по избранію*, Апостолъ показалъ достоинство спасаемыхъ, а словомъ: *благодати*, означилъ даръ Божій.

(6) *Аще ли по благодати, то не отъ дѣлъ: зане благодать уже не бываетъ благодать. Аще ли отъ дѣлъ, ктому нѣсть благодать: зане дѣло уже нѣсть дѣло.* Апостолъ опять, по замѣченному выше, нападаетъ на упорство Іудеевъ, и здѣсь возстаетъ противъ нихъ, и лишаетъ ихъ извиненія. Вы не можете сказать, говоритъ онъ, что хотя Пророки призывали, Богъ убѣждалъ, самыя дѣла вопіяли, и соревнованіе достаточно было для привлеченія насъ, впрочемъ заповѣди были тяжелы, и потому мы не могли принять; ибо опять насъ было требовано показать дѣла и трудныя заслуги. Сего не льзя вамъ сказать. Ибо какъ Богу требовать отъ васъ того, что помрачало бы благодать Его? Говорилъ же сіе Апостолъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы показать, какъ усердно желалъ имъ спастися. Ибо не только спасеніе ихъ могло совершиться удобно, но и для Бога наибольшую составляло славу явить Свое человѣколюбіе. Итакъ почему же боишься ты приступить, когда не требуютъ отъ тебя дѣлъ? Что споришь и упорствуешь, когда предлагаютъ тебѣ благодать? Что безъ нужды и пользы ссылаешься

на законъ? Закономъ себя не спасешь, а даръ сей умалишь. Если упорно хочешь спасаться закономъ; то уничтожаешь благодать Божію. Но чтобы не сочли сего новымъ ученіемъ; Апостолъ говоритъ, что и оные семь тысячь, приводимые имъ въ примѣръ, спасены благодатію. Ибо словами: *тако и въ нынѣшнее время останокъ по избранію благодати бысть*, даетъ разумѣть, что и тѣ спасены благодатію. Тоже самое видно и изъ словъ: *оставихъ Себѣ*. Симъ показываетъ Богъ, что большую часть дѣла совершилъ Онъ Самъ. А ежели по благодати, говоришь ты; то почему не всѣ спасаемся? Потому, что вы сами не хотите. Ибо благодать, при всемъ томъ, что она благодать, спасаетъ желающихъ, а не тѣхъ, которые не хотятъ и отвращаются благодати, которые постоянно возстаютъ на нее и противятся ей. Видишь, какъ Апостолъ вездѣ утверждаетъ ту истину, что не можетъ статься, чтобы слово Божіе не сбылось, и доказываетъ сіе тѣмъ, что обѣтованіе простиралось на достойныхъ, и что достойные, хотя ихъ и не много, могутъ составить народъ Божій (Рим. IX, 6). Хотя въ началѣ посланія туже мысль выразилъ онъ съ большею силою, сказавъ: *что бо, аще не вѣроваша нѣцыи?* Даже и на томъ не остановился, но присовокупилъ: *да будетъ же Богъ истиненъ, всякъ же человѣкъ ложь* (Рим. III, 3 и 4); впрочемъ теперь снова подтверждаетъ мысль сію другими доводами, доказываетъ

могущество благодати и то, что всегда одни спасаются, а другіе погибаютъ.

Итакъ возблагодаримъ за то, что мы стали въ числѣ спасаемыхъ, и когда не могли спастися отъ дѣлъ, спасены по дару Божію. Благодарность же нашу засвидѣтельствуемъ не словами только; но и дѣлами и поступками, сообразными съ чувствомъ благодарности. Ибо благодарность тогда бываетъ полною, когда исполняемъ то, что служитъ къ славѣ Божіей, когда избѣгаемъ того, отъ чего освободились. Ежели мы, оскорбившіе Царя, вмѣсто наказанія награждены, и потомъ опять оскорбляемъ: то справедливость требуетъ, чтобы мы какъ виновные въ крайней неблагодарности понесли крайнее наказаніе и гораздо большее прежняго. Ибо прежнее оскорбленіе менѣе доказывало нашу неблагодарность, нежели учиненное послѣ оказанной намъ чести и многихъ услугъ. Итакъ будемъ убѣгать того, отъ чего освободились мы, и станемъ благодарить не одними устами, чтобы и о насъ не было сказано: *людіе сіи устнами почитаютъ Мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Исаіи XXIX, 13). Не странно ли, что небеса возвѣщаютъ славу Божію, а ты, для котораго и небеса славятъ Бога, ведешь себя такъ, что чрезъ тебя хулится сотворившій тебя Богъ? Посему не одинъ тотъ, кто хулитъ, но и ты самъ подлежишь наказанію. Небеса славятъ Бога не такъ, чтобы онѣ сами издавали звукъ, но посредствомъ

зрѣнія побуждаютъ другихъ къ славословію; однакожъ о нихъ говорится, что возвѣщаютъ славу Божію. Такъ провождающіе чудную жизнь, хотя безмолвствуютъ, но славятъ Бога, когда чрезъ нихъ другіе славятъ Его. И не столько небо, сколько чистая жизнь возбуждаютъ въ насъ удивленіе къ Богу. Посему, когда бесѣдуемъ съ язычниками, указываемъ не на небо, но на людей, которые прежде были хуже звѣрей, и которыхъ Богъ содѣлалъ подобными Ангеламъ. Указывая язычникамъ на такое измѣненіе, заграждаемъ имъ уста. Человѣкъ гораздо лучше неба, и можетъ пріобрѣсть душу, которая превосходитъ красоту неба. Небо, столько вѣковъ видимое, не сильно прогало; а Павелъ, проповѣдавшій не долгое время, привлекъ цѣлую вселенную; потому что обладалъ душею, которая не меньше неба и могла всѣхъ привлечь. Наша душа не стоитъ и земли; а его равноцѣнна небесамъ. Небо стоитъ, сохраняя свой предѣлъ и законъ; а высота Павловой души превзошла всѣ небеса, и бесѣдуетъ съ Самимъ Христомъ. Ея доброта такова, что Самъ Богъ свидѣтельствуетъ объ оной. При сотвореніи звѣздъ дивились Ангелы; а Павлу удивлялся Христосъ; ибо сказалъ: *сосудъ избранъ Ми есть сей* (Дѣян. IX, 15). Небо часто помрачается облаками; а Павлову душу не помрачало никакое искушеніе; напротивъ, среди бурь являлась она блистательнѣе яснаго полдня, и также сіяла, какъ и до непогоды. Солнце, въ немъ сіяющее, изливало

не такіе лучи, кои бы могли омрачиться отъ стеченія искушеній, а такіе, кои ярче блистали при оныхъ. Посему и сказалъ Христосъ: *довлѣетъ ти благодать Моя: сила бо Моя въ немощи совершается* (2 Кор. XII, 9). Итакъ будемъ подражать Ему, и если захотимъ, въ сравненіи съ нами ничего не будутъ значить не небо, ни солнце, ни весь міръ. Ибо міръ для насъ, а не мы для міра. Покажемъ же себя достойными того, чтобы онъ былъ для насъ. А если окажемся недостойными сего; то какъ будемъ достойны Царствія? И ежели недостойны смотрѣть на солнце тѣ, кои живутъ на хуленіе Богу; то богохульствующіе недостойны наслаждаться тварями, которыя прославляютъ Бога. И сынъ оскорбляющій отца недостоинъ пользоваться услугами честныхъ служителей. Посему творенія Божіи удостоятся великой славы, а мы подвергнемся казни и мукѣ. И какая жалость—тварь, для тебя призванная въ бытіе, преобразится въ свободу славы чадъ Божіихъ, а насъ, бывшихъ чадами Божіими, для которыхъ тварь насладится онымъ великимъ блаженствомъ, за великую безпечность пошлютъ въ гибель и геенну! Для избѣжанія сего, если стяжали мы чистую душу, соблюдемъ ее таковою, или лучше увеличимъ блескъ ея; а если осквернили ее, не будемъ отчаяваться. *Аще будутъ грѣси ваши*, говоритъ Богъ, *яко багряное, яко снѣгъ убѣлю: аще же будутъ, яко червеное, яко*

волну убьлю (Ис. I, 18). А если Богъ обѣщаетъ, ты не сомнѣвайся, но дѣлай по, чѣмъ можешь привлечь сіи обѣтованія. Ты учинилъ много худыхъ дѣлъ и преступленій? Чтоже? Ты не сошелъ еще во адъ, гдѣ никто не исповѣдуется. Ты не оставилъ еще позорища, но стоишь среди поприща, и можешь даже послѣднею борьбою вознаградить всѣ пораженія. Ты не тамъ еще, гдѣ находится богачъ; тебѣ не сказано, что бездна между нами и вами. Женихъ не пришелъ еще, никто не побоится удѣлить тебѣ елея; еще можно купить и продать; никто не скажетъ: *еда како недостанетъ намъ и вамъ* (Матѳ. XXV, 9). Напротивъ много продающихъ;—это нагіе, голодные, больные, заключенные въ узы. Однихъ накорми, другихъ одѣнь, лежащихъ посѣти, и елей польется у тебя рѣками. Не наступилъ еще день отчета. Пользуйся временемъ, какъ должно, уменьши долги, и тому, кто долженъ сто мѣръ масла, скажи: *пріими писаніе твое и напиши пятьдесятъ* (Луки XVI, 6). Также поступай и въ разсужденіи денегъ, словъ, и всего другаго, подражая оному управителю. Убѣждай къ сему и себя и единокровныхъ. Еще ты можешь убѣждать, еще не доведенъ ты до необходимости просить о томъ другаго, но имѣешь власть давать совѣты и себѣ и другимъ. А когда переселишься туда, тебѣ невозможно будетъ дѣлать, какъ должно, ни того ни другаго. И справедливо. Тебѣ дано было столько

времени; но ты не сдѣлалъ пользы ни себѣ ни другому; какъ же возможешь получить такую милость, находясь уже въ рукахъ Судіи? Сообразивъ все сіе, употребимъ полное вниманіе на свое спасеніе, и не потеряемъ благовременности настоящей жизни. Можно, можно и при послѣднемъ издыханіи угодить Богу. Можно и чрезъ завѣщаніе получить одобреніе; хотя не такъ удобно, какъ при жизни, однакожъ можно. Какъ же именно? Ежели въ число своихъ наслѣдниковъ впишешь Христа, и отдѣлишь Ему часть изъ всего наслѣдства. Ты не напиталъ Его въ жизни своей? По крайней мѣрѣ при смерти, когда ты уже не господинъ своего имѣнія, передай оное Христу. Онъ человѣколюбивъ, не строго съ тебя взыскиваетъ. Конечно и любовь больше и награда больше, если питаешь Его въ жизни своей; но если ты и не сдѣлалъ сего, по крайней мѣрѣ исполни второе, оставь Его наслѣдникомъ своего имущества вмѣстѣ съ дѣтьми своими. А если медлишь и сіе сдѣлать; то вспомни, что Отецъ Его содѣлалъ тебя сонаслѣдникомъ Его, и отвергни безчеловѣчіе. Ибо какое извиненіе будешь имѣть, если наряду съ своими дѣтьми не поставишь Того, Кто раздѣлилъ съ тобою небо, и убіенъ за тебя? Хотя Самъ Онъ, что ни сдѣлалъ, дѣлалъ не въ уплату долга, но для показанія благодати, а ты при столькихъ благодѣяніяхъ оспаешься еще и должникомъ Его; однакожъ при всемъ этомъ Онъ вѣнчаетъ тебя, такъ

какъ бы получалъ отъ тебя милость, а не долгъ съ тебя взыскивалъ,—вѣнчаетъ, когда получаетъ отъ тебя одну Свою собственность. Итакъ отдай Ему деньги для тебя уже безполезныя, и надъ которыми ты не господинъ; Христосъ дастъ тебѣ царствіе, всегда для тебя полезное, а съ онымъ даруетъ и здѣшнія блага. Ежели Онъ будетъ снаслѣдникомъ дѣтей твоихъ; то облегчитъ ихъ сиротство, избавитъ отъ обидъ, отразитъ злоумышленія, заградитъ уста клеветниковъ. Если дѣти твои не будутъ въ состояніи привесть въ исполненіе завѣщанія; Онъ Самъ выполнитъ, и не допуститъ нарушать онаго. А если и дозволитъ сіе; то Самъ отъ Себя все написанное выполнитъ съ большею щедростію; потому что ты и Его удостоилъ вписать вмѣстѣ съ дѣтьми. Итакъ Его оставь по себѣ наслѣдникомъ; потому что самъ пойдешь къ Нему; Онъ будетъ судить тебя во всемъ, что здѣсь ни сдѣлано. Но есть такіе нещастные и жалкіе люди, которые, не имѣя у себя дѣтей, не хотятъ сего дѣлать, и лучше соглашаются раздѣлить свое имущество шутамъ и льстецамъ, и тому или другому, нежели отдать Христу, столько ихъ облагодѣтельствовавшему. Что несмысленнѣе такихъ людей? Сравнишь ли ихъ съ ослами, съ камнями, и тогда не выразишь вполнѣ ихъ неразумія и безчувствія, не найдешь образа, подъ которымъ бы достаточно можно было представить ихъ безуміе и неразсудительность.

И найдетъ ли какое извиненіе тотъ, кто не только не напиталъ Христа при жизни своей, но даже собираясь итти къ Нему, изъ того самаго имущества, надъ которымъ онъ уже не господинъ, не хочетъ подарить Ему малости, напротивъ питаетъ къ Нему столь враждебныя и непріязненныя расположенія, что не удѣляетъ Ему даже того, что для самаго спало безполезнымъ? Развѣ не видишь, сколько людей не удостоились имѣть и такой конецъ, но похищены нечаянно? Богъ содѣлалъ тебя властелиномъ, чтобы смотрѣть за своими дѣлами, распоряжать своимъ добромъ, и располагать всякою своею собственностію. Какое же извиненіе будешь имѣть, когда, получивъ отъ Него столько милостей, обращаешь въ ничто Его благотворительность, и ведешь себя совершенно противно тому, какъ вели себя твои праотцы по вѣрѣ? Они еще при жизни своей продавали все, и приносили къ ногамъ Апостоловъ; а ты и при смерти не даешь никакой доли нуждающимся. Хотя изхищать другихъ изъ нищеты при жизни своей и лучше и доставляетъ больше дерзновенія; впрочемъ, если не хочешь сего, по крайней мѣрѣ при смерти сдѣлай что нибудь великодушное. Не большую правда любовь ко Христу означаетъ сіе; однакожъ и то любовь. Хотя не будешь имѣть первенства съ агнцами; впрочемъ немаловажно находиться и позади нихъ, а не стоять съ козлищами, и ошуюю. Но если и

сего не дѣлаешь; что скажешь въ защиту свою, когда не дѣлаютъ тебя человѣколюбивымъ ни страхъ Божій, ни то, что деньги становятся уже для тебя безполезными, ни то, что доставишь безопасность дѣтямъ, ни то, что и себѣ снищешь тамъ великое снисхожденіе? Посему совѣтую преимущественно при жизни своей большую часть имѣнія удѣлять нуждающимся. А кто столько малодушенъ, что не можетъ на сіе рѣшиться, тотъ, хотя по нуждѣ, сдѣлайся человѣколюбивымъ. При жизни своей ты столько былъ пристрастенъ къ деньгамъ, какъ бы тебѣ и не умирать никогда; но теперь, когда самъ видишь, что ты смертенъ, хотя теперь оставь такую мысль, распорядись своимъ добромъ, какъ смертный, или лучше сказать, какъ назначенный постоянно наслаждаться безсмертною жизнію. Какъ ни тяжко, какъ ни ужасно то, что намѣренъ сказать я; однакожъ необходимо долженъ сіе выговорить. Владыку причисли къ рабамъ своимъ. Отпускаешь ли на волю рабовъ? Освободи и Христа отъ голода, отъ нужды, отъ узъ, отъ наготы. Ты приходишь въ ужасъ, слыша это? Гораздо ужаснѣе не дѣлать сего. Здѣсь одно слово приводитъ тебя въ трепетъ; что-же скажешь, когда переселишься туда, когда услышишь слова гораздо ужаснѣйшія сего, когда увидишь орудія нестерпимаго мученія? Къ кому прибѣгнешь? Кого призовешь въ соборники и помощники? Авраама ли? Но онъ не услышитъ. Или мудрыхъ

дѣвъ? Но онѣ не дадутъ тебѣ елея. Отца ли? дѣда ли? Но никто изъ нихъ, сколько бы ни былъ святъ, не властенъ отмѣнить грознаго приговора. Размысливъ о всемъ этомъ, проси и моли Того, Кто одинъ властенъ загладить твое рукописаніе, и угасить вѣчный огнь; Его преклони на милость, Его и пищай и одѣвай всегда, дабы и отселѣ отойти съ благою надеждою, и явясь тамъ насладиться вѣчными благами. Даруй же Богъ получить оныя всѣмъ намъ по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 19.

(XI, 7.) *Что убо? егоже искаше Израиль, сего не получи, а избраніе получи: прочіи же ослѣпишася.*

Апостолъ сказалъ, что Богъ не отринулъ Своего народа, и объяснивъ, въ какомъ смыслѣ не отринулъ, прибѣгнулъ снова къ Пророкамъ. И какъ изъ ихъ свидѣтельства стало видно, что большая часть Іудеевъ погибла; то, дабы не заключили, что онъ обвиняетъ ихъ самовольно, что старается раздражить своими словами, и нападаетъ на нихъ, какъ непріятель,— прибѣгаетъ къ Давиду и къ Исаіи, говоря:

(8) *якоже есть писано: даде имъ Богъ духа нечувствія.* Но для насъ лучше начать Апостольскую рѣчь съ сказаннаго выше. Павелъ, упомянувъ о случившемся при Иліи, и показавъ, что такое благодать, присовокупилъ: *что убо? егоже искаше Израиль. сего не получи.* Это не только вопросъ, но и обличеніе. Апостолъ говоритъ, что Іудей самъ себѣ противорѣчитъ: ищетъ оправданія, и не хочетъ принять онаго. Потомъ снова, представляя Іудеевъ неизвинительными, доказываетъ ихъ неблагодарность тѣмъ, что нѣкоторые получили, и говоритъ: *а избраніе получи.* Іудеевъ осудятъ избранные; такъ и Христосъ сказалъ: *Аще же Азъ о веельзевулѣ изгоню бѣсы, сынове ваши о комъ изгонятъ? Сего ради тіи вамъ будутъ судіи* (Лук. XI, 19). Дабы никто не смѣлъ ссылаться на свойство самаго дѣла, а всякій винилъ произволеніе Іудеевъ, Апостолъ упоминаетъ о получившихъ. Почему и употребилъ весьма выразительное рѣченіе, изображающее вмѣстѣ и благодать свыше и собственное ихъ тщаніе. Ибо словомъ: получили, не свободное произволеніе, уничтожаетъ, но выражаетъ величіе благъ и то, что большее, хотя и не все было дѣломъ благодати. И у насъ о человѣкѣ, которому выходитъ большая прибыль, въ обычаѣ говорить: онъ получилъ, онъ нашелъ. Потому что большая часть пріобрѣтается не человѣческими трудами, но по дару Божію. *Прочіи же ослѣпишася.* Замѣть, когда

Апостолъ отверженіе прочихъ осмѣлился назвать собственнымъ именемъ. Хотя и прежде говорилъ объ ономъ, впрочемъ обвинителями представлялъ Пророковъ, а теперь самъ уже является обвинителемъ. Однакожъ и здѣсь не довольствуется собственнымъ своимъ мнѣніемъ, но опять свидѣтельствуется Пророкомъ Исаіею; ибо сказавъ: *ослѣпишася*, присовокупилъ: *якоже есть писано: даде имъ Богъ духа нечувствія.* Отъ чего же произошло сіе ослѣпленіе? Апостолъ и прежде объяснилъ причины онаго, сложилъ всю вину на главу самихъ Іудеевъ, доказывая, что они подверглись ослѣпленію за безвременное упорство, и теперь повторяетъ тоже самое. Ибо когда говоритъ: *очи не видѣти, и уши не слышати;* обвиняетъ не иное что, какъ упорную ихъ волю. Имѣя очи, чтобы видѣть чудеса, получивъ уши, чтобы слышать чудесное это ученіе, они ни тѣми ни другими не воспользовались, какъ должно. Подъ словомъ же: *даде*, разумѣй здѣсь не содѣйствіе, а попущеніе. Безчувствіемъ же называетъ здѣсь Апостолъ такой навыкъ души къ худшему, который неисправимъ и непремѣняемъ. Ибо и въ другомъ мѣстѣ Давидъ говоритъ: *яко да воспоетъ тебѣ слава моя, и не умилюся* (Псал. XXIX, 15), то есть, не перемѣнюся. Какъ умилившійся въ благочестіи не вдругъ выходитъ изъ сего состоянія; такъ и умилившійся во злѣ съ трудомъ можетъ измѣниться. Ибо умилиться значитъ не

иное что, какъ приразиться и прилѣпиться къ чему нибудь. Посему Апостолъ, желая выразить, что воля Іудеевъ неисправима и неудобопремѣняема, назвалъ это духомъ умиленія. Потомъ въ доказательство того, что Іудеи за такое невѣріе понесутъ крайнее наказаніе, опять свидѣтельствуется Пророкомъ, который грозитъ имъ именно, что съ ними случилось и исполнилось.

Ибо Пророкъ говоритъ: (9) *да будетъ трапеза ихъ въ сѣть, и въ ловъ, и въ соблазнъ*, то есть, забавы и всѣ блага для нихъ да минуются и погибнутъ; всякій да будетъ въ сосѣдствіи одолѣть ихъ. А дабы видно было, что Іудеи претерпятъ все это въ наказаніе за грѣхи, Давидъ присовокупилъ: *и въ воздаяніе имъ*. (10) *Да помрачатся очи ихъ еже не видѣти, и хребетъ ихъ выну сляцай.* Нужно ли здѣсь какое либо толкованіе? Не ясно ли это и для самаго малосмысленнаго? Еще прежде нашихъ словъ дѣйствительный опытъ засвидѣтельствовалъ сказанное Пророкомъ. Когда бывало, чтобы Іудеи такъ легко плѣняемы и одолѣваемы были? Когда бывалъ такъ согбенъ хребетъ ихъ? Когда подвергались они такому рабству? Важнѣе же всего то, что симъ бѣдствіямъ не будетъ конца, какъ замѣтилъ объ этомъ Пророкъ. Ибо не просто сказалъ: *хребетъ ихъ сляцай*, но присовокупилъ: *выну*. Если же вы, Іудей, утверждаешь, что бѣдствія кончатся; то суди о настоящемъ по

прошедшему. Ты переселенъ былъ во Египетъ; но прошло двѣсти лѣтъ, и, при всемъ твоемъ нечестіи, при самомъ тяжкомъ твоемъ блудодѣяніи, Богъ тотчасъ освободилъ тебя изъ сего рабства. По освобожденіи изъ Египта, ты покланялся тельцу, приносилъ сыновъ своихъ въ жертву Веелфегору, осквернилъ храмъ, погрузился во всѣ роды порока, забылъ самую природу, наполнилъ мерзкими жертвами горы, дебри, холмы, источники, рѣки, сады, убилъ Пророковъ, опрокинулъ жертвенники, вполнѣ преуспѣлъ въ злобѣ и нечестіи; однакожъ Богъ, предавъ тебя Вавилонянамъ на семьдесятъ лѣтъ, опять извелъ въ прежнюю свободу, возвратилъ тебѣ и храмъ и отечество, и прежній образъ пророчества; опять у тебя были и Пророки, и благодать Духа. Даже и во время самаго плѣна ты не былъ оставленъ; но и тамъ были у тебя Даніилъ и Іезекіиль, а въ Египтѣ Іеремія, а въ пустынѣ Моусей. Послѣ этого снова обратился ты къ прежнимъ порокамъ, предался распутству и при нечестивомъ Антіохѣ принялъ Еллинскія правила жизни. Но и тогда, три года, или не много больше пробывъ въ подданствѣ у Антіоха, чрезъ Маккавеевъ воздвигли вы себѣ новые знаменитые побѣдные памятники. Но теперь у васъ нѣтъ ничего подобнаго; напротивъ все пошло иначе. И что особенно удивительно, прежнихъ пороковъ не видно, а наказаніе увеличивается, и нѣтъ никакой надежды на перемѣну вашего положенія. Прошло не

семдесятъ, не сто и не двѣсти лѣтъ, но триста и гораздо болѣе; однакоже не примѣтно и тѣни подобной надежды. И все это постигло васъ тогда, какъ не служите идоламъ, не дѣлаете ничего такого, на что отваживались прежде. Какая же тому причина? Та, что образъ замѣненъ истиною, и законъ изключенъ благодатію. Сіе то древле предрѣкая Пророкъ, сказалъ: *хребетъ ихъ выну сляцаи.* Примѣчаешь ли точность пророчества, какъ въ немъ предсказано невѣріе, обнаружено упорство, объявленъ слѣдующій за тѣмъ судъ, обозначена нескончаемость наказанія? Поелику многіе изъ людей наиболѣе грубыхъ не вѣрили будущему, и хотѣли судить о будущемъ по настоящему; то Христосъ и въ этомъ случаѣ доказалъ Свое могущество двоякимъ образомъ, какъ тѣмъ, что увѣровавшихъ язычниковъ превознесъ выше неба, такъ и тѣмъ, что не вѣрующихъ Іудеевъ довелъ до крайней нищеты, и предалъ неотвратимымъ бѣдствіямъ. Такимъ образомъ Апостолъ, сильно поразивъ ихъ изображеніемъ ихъ невѣрія, а равно прошедшихъ и будущихъ бѣдствій, снова утѣшаетъ слѣдующими словами:

(11) *Глаголю убо: еда согрѣшиша, да отпадутъ? Да не будетъ.* Сперва Апостолъ доказалъ, что Іудеи подвержены безчисленнымъ бѣдствіямъ, а потомъ придумываетъ утѣшеніе. Замѣть же Павлово благоразуміе! Обвиненіе заимствовалъ у Пророковъ, а утѣшеніе предлагаетъ самъ отъ себя. Хотя никто не будетъ

споритъ, говоритъ Апостолъ, что грѣхи Іудеевъ велики; впрочемъ посмотримъ, точно ли паденіе ихъ таково, что не льзя помочь ему и нѣтъ средствъ поправить дѣло. Напротивъ оно не таково. Видишь ли, какъ снова поражаетъ ихъ, и въ ожиданіи утѣшенія представляетъ виновными во грѣхахъ, ими самими сознаваемыхъ? Но посмотримъ, какое придумываетъ для нихъ утѣшеніе. И такъ, что это за утѣшеніе? Когда войдетъ полное число язычниковъ, тогда, говоритъ Апостолъ, весь Израиль спасется; то есть, во время втораго пришествія и при концѣ міра. Но не вдругъ говоритъ о семъ Павелъ, а послѣ сильныхъ упрековъ, послѣ того какъ приложилъ обвиненія къ обвиненіямъ, послѣ того какъ разъ, два и многократно привелъ свидѣтельства одного Пророка за другимъ—Исаіи, Иліи, Давида, Моисея, Осіи, которые всѣ вопіютъ на нихъ. А дабы чрезъ сіе и Іудеямъ, ввергнувъ ихъ въ отчаяніе, не заградить пути къ вѣрѣ, и увѣровавшимъ изъ язычниковъ не дать повода къ высокоумію, и они возгордившись, не потерпѣли ущерба въ вѣрѣ, снова утѣшаетъ Іудеевъ, говоря: *но тѣхъ паденіемъ спасеніе языкомъ*. Мы должны не просто слушать то, что говорится, но вникать въ мысль и намѣреніе говорящаго, въ то, чего старался онъ достигнуть, о чемъ и всегда умоляю любовь вашу. Ежели съ такимъ размышленіемъ будемъ принимать каждое слово, то ни въ одномъ не

встрѣтимъ затрудненія. А въ настоящемъ случаѣ главная цѣль Апостола состоитъ въ томъ, чтобы въ увѣровавшихъ изъ язычниковъ испребить высокоуміе, которое могло быть произведено сказаннымъ выше. Ибо какъ язычники, научившись скромности, безопаснѣе пребудутъ въ вѣрѣ, такъ и Іудеи, будучи выведены изъ отчаянія, охотнѣе приступятъ къ благодати. Итакъ обращая вниманіе на сію цѣль Апостола, выслушаемъ все сказанное имъ въ настоящемъ мѣстѣ. Что же говоритъ онъ? Чѣмъ доказываетъ, что паденіе Іудеевъ не неисправимо, и что они не въ конецъ отвержены? — Язычниками, говоря такъ: *тѣхъ паденіемъ спасеніе языкомъ, во еже раздражити ихъ*. Это не Павловы только слова; напротивъ и притчи въ Евангеліяхъ имѣютъ такой же смыслъ. Сотворившій брачный пиръ для сына когда уже сталъ звать съ перекрестковъ, когда не захотѣли иные званные (Матѳ. XXII, 9). И насадившій виноградникъ тогда уже отдалъ оный другимъ виноградарямъ, когда первые убили наслѣдника (Матѳ. XXI, 38). Христосъ и безъ притчи говорилъ: *нѣсмь посланъ, токмо ко овцамъ погибшимъ дому Израилева* (Матѳ. XV, 24). А когда стала приступать къ Нему Хананейская женщина, сказалъ еще больше: *нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ, и поврещи псомъ* (ст. 26). И Павелъ вооружавшимся противъ него Іудеямъ сказалъ: *вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати*

слово Божіе: а понеже недостойны творите сами себе, се обращаемся во языки (Дѣян. XIII, 46). Изъ всего этого явствуетъ, что по порядку слѣдовало сперва принити Іудеямъ, а потомъ язычникамъ, но поелику Іудеи оказались невѣрующими, порядокъ измѣненъ. Невѣріе и паденіе Іудеевъ сдѣлали, что язычники вошли прежде. Посему Апостолъ и говоритъ: *тѣхъ паденіемъ спасеніе языкомъ, во еже раздражити ихъ.* И не дивись, ежели прежде случившимся называетъ то, что было слѣдствіемъ. Онъ хочетъ ободрить пораженныя ихъ сердца, и смыслъ словъ его таковъ: Іисусъ пришелъ къ Іудеямъ; но они, не смотря на великое множество совершенныхъ Имъ чудесъ, не приняли Его, а распяли. Послѣ этого началъ Онъ привлекать къ Себѣ язычниковъ, дабы оказанною имъ честію уязвить нечувствительныхъ Іудеевъ, и взаимнымъ соревнованіемъ убѣдить ихъ придти къ Нему. Ибо надлежало прежде принять Іудеевъ, а потомъ и насъ. Почему и сказалъ Апостолъ: *сила бо Божія есть во спасеніе всякому вѣрующему, Іудеови же прежде и Еллину* (Рим. I, 16). Поелику же Іудеи отпищепились, мы—вторые стали первыми. Итакъ видишь, какія почести выводитъ для нихъ и изъ этого. Во первыхъ—ту, что мы призваны тогда уже, когда они не захотѣли; во вторыхъ ту, что мы призваны не для нашего единственно спасенія, но дабы и они стали лучшими, поревновавъ нашему спасенію.

Чтоже, скажетъ кто нибудь? Ужели ли бы мы не были призваны и спасены, если бы это не стало нужнымъ для Іудеевъ?—Конечно не были бы призваны и спасены прежде Іудеевъ, а спаслись бы въ надлежащемъ порядкѣ. Посему и Христосъ, посылая учениковъ, не просто сказалъ: *идите ко овцамъ погибшимъ дому Израилева*, но: *идите паче* (Матѳ. X, 6), показывая имъ, что послѣ Іудеевъ должно итти и къ язычникамъ. И Павелъ также не сказалъ: *вамъ бѣ лѣпо глаголати слово*, но: *вамъ бѣ лѣпо первѣе глаголати* (Дѣян. XIII, 46), показывая, что во вторыхъ надлежало проповѣдывать и намъ. Все же это и сдѣлано и сказано, дабы Іудеи не прибѣгли къ безстыдному извиненію, что они оставлены безъ вниманія, а потому и не увѣровали. Посему и Христосъ, хотя все предвидѣлъ, однакоже пришелъ къ нимъ первымъ.

(12) *Аще ли же прегрѣшеніе ихъ богатство міра, и отпаденіе ихъ богатство языковъ: колми паче исполненіе ихъ?* Здѣсь Апостолъ говоритъ пріятное Іудеямъ. Если бы они и тысящекратно падали, язычники не спаслись бы, пока не приняли вѣры; а равно и Іудеи не погибли бы, пока не впали въ невѣріе и не стали упорствовать. Но, какъ сказалъ я, Апостолъ ободряетъ падшихъ Іудеевъ, съ преизбыткомъ доказывая, что они могутъ для себя надѣяться спасенія, если перемѣнятся. Ежели, говоритъ Апостолъ, столь многіе получили

спасеніе, когда они преткнулись, и сколь многіе призваны, пока они были отвержены; то подумай, что будетъ, когда они обратятся. Ибо не сказалъ: *кольми паче* обращеніе ихъ, или перемѣна ихъ, или, исправленіе ихъ; но: *кольми паче исполненіе ихъ*, то есть, когда всѣ придутъ ко Христу. А симъ даетъ онъ разумѣть, что тогда будетъ большая, и почти полная мѣра благодати а дара Божія.

(13) *Вамъ бо глаголю языкомъ: понеже убо есмь азъ языкомъ Апостолъ, службу мою прославляю:* (14) *Аще како раздражу мою плоть, и спасу нѣкія отъ нихъ.* Апостолъ опять спарается освободиться отъ худаго о немъ мнѣнія. И хотя повидимому наноситъ ударъ обратившимся изъ язычниковъ, смиряя ихъ высокое о себѣ мнѣніе; но впрочемъ поражаетъ Іудея. Ищетъ, чѣмъ бы прикрыть таковую погибель Іудеевъ, и утѣшить ихъ въ оной; однакоже ничего не находитъ по существу самаго дѣла. Ибо, по сказанному имъ самимъ, Іудеи были достойны еще большаго осужденія, когда другіе, будучи гораздо ниже ихъ, приняли то, что для нихъ было приготовлено. Посему—то отъ Іудеевъ переходитъ къ язычникамъ, и помѣщаетъ вводную рѣчь о нихъ, желая показать, что все это говоритъ, дабы научить ихъ скромности. Хвалю васъ, говоритъ онъ, по двумъ причинамъ. Во первыхъ потому, что имѣю въ томъ нужду, какъ поставленный служить вамъ. А во вторыхъ, дабы

чрезъ васъ спасши мнѣ другихъ. И не говоритъ: браній моихъ, сродниковъ моихъ, но: *плоть*. Потомъ, обнаруживая ихъ упорство, не говоритъ: не убѣжду ли нѣмъ, но: *аще како раздражу и спасу*, и при этомъ опять не говоритъ: всѣхъ, но: *нѣкія отъ нихъ*. Сколь жестокосерды были Іудеи! Такъ въ самомъ упрекѣ Апостолъ опять обнаруживаетъ превосходство язычниковъ. Хотя Іудеи и язычники взаимно служатъ другъ другу въ дѣлѣ спасенія; однакоже неодинаково. Іудеи доставляютъ блага язычникамъ невѣріемъ своимъ, а язычники Іудеямъ своею вѣрою. Откуда видно, что язычники равняются съ Іудеями, даже превосходятъ ихъ. Ибо что скажешь ты, Іудей? Если бы мы не были отвержены, васъ не призвали бы такъ скоро? Тоже скажетъ и язычникъ: еслибы я не былъ спасенъ; въ тебѣ не возбудилось бы ревности. А если хочешь знать, чѣмъ мы превосходимъ; то я спасаю тебя тѣмъ, что вѣрую, а ты, препнувшись, доставилъ намъ случай придти прежде тебя. Потомъ Апостолъ чувствуя, что нанесъ ударъ Іудеямъ, обращается къ прежней рѣчи, и говоритъ:

(15) *Аще бо отложеніе ихъ, примиреніе міру: что пріятіе, развѣ жизнь изъ мертвыхъ?* Но и это обвиняетъ опять Іудеевъ. Другіе извлекли для себя выгоду изъ ихъ грѣховъ, а они не воспользовались даже добрыми дѣйствіями другихъ. Не дивись также, что Апостолъ приписываетъ Іудеямъ случившееся по нуждѣ.

Ибо, какъ замѣчалъ я неоднократно, онъ такъ ведетъ рѣчь, чтобъ однихъ смирить, а другимъ подать совѣтъ. Между тѣмъ, по сказанному мною выше, ежели бы Іудеи тысячу разъ были отвергаемы, язычники же не показали вѣры, то послѣдніе никогда бы не спаслись. Напротивъ Апостолъ содѣйствуетъ слабой сторонѣ, и помогаетъ утружденной. Вникни же и въ то, въ чемъ снисходитъ онъ къ Іудеямъ, утѣшая ихъ только на словахъ. *Аще бо отложеніе ихъ*, говоритъ онъ, *примиреніе міру*. А что изъ того Іудеямъ? *Что пріятіе, развѣ жизнь изъ мертвыхъ?* Но и въ этомъ нѣтъ для нихъ пользы, если не будутъ приняты. Сказанное Апостоломъ значитъ: ежели Богъ прогнѣвавшись на Іудеевъ, оказалъ столько милости другимъ, то чего не даруетъ примирившись съ ними? но какъ воскресеніе мертвыхъ зависитъ не отъ пріятія ихъ, такъ не отъ нихъ же и нынѣшнее наше спасеніе. Напротивъ они отвержены за свое неразуміе, а мы спасены своею вѣрою и благодатію свыше. И все это не можетъ принесть имъ ни малой пользы, если не покажутъ надлежащей вѣры. Между тѣмъ Апостолъ, по обыкновенію своему, переходитъ къ новой похвалѣ, впрочемъ недѣйствительной, а имѣющей только видъ похвалы, въ чемъ подражаетъ искуснѣйшимъ врачамъ, которые ободряютъ больныхъ, сколько то позволяетъ свойство болѣзни. Что же говоритъ онъ?

(16) *Аще ли начатокъ свять, то и примѣшеніе: и аще корень свять, то и вѣтви.* Начаткомъ и корнемъ называетъ онъ здѣсь Авраама, Исаака, Іакова, пророковъ, патріарховъ, и всѣхъ прославившихся въ Ветхомъ Завѣтѣ; а вѣтвями тѣхъ изъ потомковъ ихъ, которые невѣровали. Поелику же Іудеи противупоставляли ему многочисленность невѣровавшихъ, то смотри, какъ опровергаетъ такое возраженіе, и говоритъ:

(17) *Аще нѣціи отъ вѣтвей отломишася.* Но выше сказалъ ты, Павелъ, что погибли многіе, немногіе же спаслися; какъ же здѣсь, говоря о погибшихъ, употребляешь слово: *нѣціи*, означающее малочисленность?—Я не противорѣчу себѣ, оправдываетъ Апостолъ, а забочусь подать врачевство и облегченіе упружденнымъ. Видишь ли, какъ въ цѣлой этой рѣчи показываетъ онъ одно направленіе, именно желаніе свое утѣшить Іудеевъ? А ежели потеряешь это изъ вида, то выдетъ много противорѣчій. Ты обрати еще вниманіе на мудрость Апостола, съ какою онъ повидимому говоритъ въ пользу Іудеевъ и придумываемъ для нихъ утѣшеніе, но скрытнымъ образомъ поражаетъ ихъ, и чрезъ слова: корень и начатокъ, представляетъ неимѣющими никакого извиненія. Ибо вообрази себѣ негодность вѣтвій, которыя, имѣя сладкій корень, не уподобляются ему, и негодность примѣшенія, когда оно не измѣняется отъ начатка. *Аще ли нѣціи отъ вѣтвей*

отломишася. Отломилась большая часть вѣтвей; но Апостолъ, какъ сказалъ я, хочетъ утѣшить Іудеевъ. А потому вводитъ не свои, но ихъ собственныя, слова и въ этомъ, скрытнымъ образомъ уязвляетъ ихъ доказывая, что они отступили отъ родства съ Авраамомъ. Ибо то именно и старался сказать Апостолъ, что у Іудеевъ нѣтъ ничего общаго съ Авраамомъ. Потому что ежели корень святъ, а они не святы, то далеки отъ корня. Потомъ, повидимому утѣшая Іудея, снова поражаетъ его самымъ обвиненіемъ язычниковъ. Ибо сказавъ: *аще нѣцыи отъ вѣтвей отломишася*, присовокупилъ: *ты же дивія маслина сый, прищѣпился еси (въ нихъ)*. Чѣмъ малоцѣннѣе язычникъ, тѣмъ болѣе скорбитъ Іудей, видя, что онъ наслаждается его достояніемъ. Язычнику же не столько приноситъ стыда его малоцѣнность, сколько чести—его перемѣна. И замѣть мудрость въ словахъ Апостола, не сказалъ: ты посаженъ, но: *прищѣпился еси*, чѣмъ опять язвитъ Іудея, и показываетъ, что язычникъ сталъ на древѣ вмѣсто Іудея, а Іудей лежитъ на землѣ. А посему не остановился на этомъ и сказавъ: *прищѣпился еси*, не кончилъ тѣмъ рѣчи, хотя и все уже высказалъ. Напротивъ продолжаетъ описывать благодѣяніе язычника, и распространяется въ изображеніи чести, говоря: *и причастникъ корене и масти маслинныя сотворился еси*. Хотя повидимому поставляетъ язычника на степени чего—то прида-

точнаго; впрочемъ показываетъ, что онъ отъ сего не терпитъ никакого вреда, а имѣетъ все, что свойственно вѣтви, вышедшей отъ корня. И дабы изъ словъ: *ты же причтился еси*, нельзя было тебѣ заключить, что язычникъ унижается предъ природною вѣтвію, смотри, какъ Апостолъ уравниваетъ его, говоря: *и причастникъ корене и масти маслинныя сотворился еси*, то есть, достигъ тогоже благородства, принялъ чужe природу.

Потомъ когда вразумляетъ, и говоритъ: (18) *не хвалися на вѣтви;* повидимому утѣшаетъ тѣмъ Іудея, въ самомъ же дѣлѣ показываетъ его малоцѣнность и большое безчестіе. Посему не сказалъ: не хвалися, но: *не хвалися на вѣтви*, не превозносись предъ ними, какъ предъ оплломленными. Ты поставленъ на ихъ мѣсто, и пользуешься тѣмъ, что имъ принадлежало. Видишь ли, какъ повидимому укоряетъ язычниковъ, а въ самомъ дѣлѣ язвитъ Іудеевъ? *Аще ли же хвалишися*, продолжаетъ Апостолъ, *не ты корень носиши, но корень тебе.* Что жъ изъ этого пользы оплломленнымъ вѣтвямъ? Ничего. Ибо, какъ замѣтилъ я, Апостолъ повидимому придумывая нѣкоторую слабую тѣнь утѣшенія, даже тѣмъ самымъ, что укоряетъ язычниковъ, наноситъ благовременный ударъ Іудеямъ, сказавъ: *не хвалися на вѣтви*, и: *аще ли хвалишися, не ты корень носиши*, далъ разумѣть Іудею, что совершившееся достойно того, чтобы имъ хвалиться, хотя

и не должно тѣмъ хвалиться: а симъ возбуждаетъ и поощряетъ его къ вѣрѣ, представляетъ себя защитникомъ его, показываетъ ему понесенный имъ ущербъ и то, что чужіе владѣютъ его собственностію.

(19) *Речеши убо: отломишася вѣтви, да азъ прицѣплюся.* Опять въ видѣ возраженія доказываетъ противное предыдущему, давая тѣмъ разумѣть, что и незадолго предъ симъ сказанное говорилъ онъ не съ инымъ какимъ намѣреніемъ, а единственно для привлеченія Іудеевъ. Не въ самомъ прегрѣшеніи спасеніе язычникамъ, не прегрѣшеніе Іудеевъ богатство міру; мы спаслись не потому, что они пали, но совершенно напротивъ. Апостолъ показываетъ особенный объ язычникахъ промыслъ, хотя повидимому слова выражаютъ иное, и все это мѣсто излагаетъ въ видѣ возраженія, дабы удалить отъ себя подозрѣніе въ непріязненности, и содѣлать слова свои удобопріемлемыми.

(20) *Добрѣ.* Апостолъ похвалилъ сказанное, и потомъ снова устрашаетъ, говоря: *невѣріемъ отломишася, ты же вѣрою* прицѣпился. Вотъ опять новая похвала язычникамъ, и новое обвиненіе Іудеевъ. Но Апостолъ низлагаетъ также киченіе первыхъ, присовокупляя и говоря: *не высокомудрствуй, но бойся.* Это не дѣло природы, но дѣло вѣры и невѣрія. И хотя повидимому заграждаетъ уста язычнику, но въ самомъ дѣлѣ учитъ Іудея, что не должно обращать вниманія на естественное родство.

Посему присовокупляетъ: *не высокомудрствуй*, и не сказалъ: смиряйся, но: *бойся*. Ибо высокоуміе производитъ презорство и нерадѣніе. Потомъ, дабы живѣе изобразить ихъ нецаспіе, и содѣлать рѣчь свою сноснѣйшею, излагаетъ оную въ видѣ предостереженія для язычника, и сказавъ:

(21) *Аще бо Богъ естественныхъ вѣтвей не пощадѣ*, не продолжалъ такъ: и тебя не пощадитъ, но говоритъ: *да не како и тебе не пощадитъ*. Такимъ образомъ изключая изъ рѣчи жесткія выраженія, и вѣрующаго заставляя быть заботливымъ, Іудеевъ привлекаетъ, а язычниковъ смиряетъ. (22) *Виждь убо благость и непощадѣніе Божіе: на отпадшихъ убо непощадѣніе, а на тебѣ благость, аще пребудеши въ благости, аще ли же ни, то и ты отсѣчень будеши*. Не сказалъ Апостолъ: *виждь* заслуги свои, *виждь* труды свои, но: *виждь* человѣколюбіе Божіе; симъ показываетъ тебѣ, что все совершено благодатію свыше, и приводитъ тебя въ трепетъ. Самый предлогъ къ тщеславію заставляетъ тебя бояться. Владыка спалъ къ тебѣ милостивъ; потому и бойся. Какъ у тебя не неотъемлемы блага, если вознерадишь; такъ и для Іудеевъ не неотвратимо зло, если перемѣнятся. И ты будешь отсѣченъ, говоритъ Апостолъ, если не пребудешь въ вѣрѣ.

(23) *И они же, аще не пребудутъ въ невѣрствіи, привьятся*. Не Богъ отсѣкъ ихъ, но сами отломились и отпали. И прекрасно

сказалъ Апостолъ: *отломились*. Ибо Богъ никогда ихъ такъ не отвергалъ, хотя они согрѣшали многократно и во многомъ. Видишь ли какова сила свободы? Какова власть воли? Ничто не неизмѣнно,—ни твое благо, ни его зло. Видишь ли, какъ Апостолъ и отчаявающагося Іудея возставилъ и смирилъ самонадѣяннаго язычника? И ты, Іудей, слыша о строгости, не приходи въ отчаяніе; и ты, язычникъ, слыша о благости, не надѣйся на себя. Тебя не пощадилъ и отсѣкъ для того, чтобы ты пожелалъ возвратиться; а тебѣ оказалъ благость для того, чтобы ты пребывалъ,—и не сказалъ Апостолъ: въ вѣрѣ, но: *въ благости*, т. е. чтобы ты дѣлалъ достойное Божія человѣколюбія; потому что требуется не одна вѣра. Примѣчаешь ли, какъ Апостолъ не даетъ падшимъ лежать, а другимъ высокомудрствовать; напротивъ первыхъ еще возбуждаетъ къ соревнованію, изъ примѣра язычниковъ, показывая Іудею возможность снова стать на мѣстѣ язычника, такъ какъ язычникъ предзанялъ мѣсто Іудея? Язычниковъ, дабы они не превозносились предъ Іудеями, устрашаетъ примѣромъ Іудеевъ и тѣмъ, что съ ними случилось. А Іудею внушаетъ смѣлость тѣмъ, что сдѣлано для Еллина. И ты будешь отсѣченъ, говоритъ Апостолъ язычнику, если вознерадишь. Іудей отсѣченъ; но онъ прицѣпится, если попщится, потому что и ты прицѣпился. И весьма разумно поступаетъ Апостолъ, что обращаетъ всю рѣчь къ язычнику,

и по всегдашнему своему обыкновенію, нанося ударъ сильнѣйшимъ, исправляетъ тѣмъ слабѣйшихъ. Тоже самое наблюдаетъ онъ и въ концѣ посланія, разсуждая о разборчивости въ яствахъ. Потомъ доказываетъ онъ тоже самое не только будущимъ, но и прошедшимъ, такъ какъ это сильнѣе убѣждаетъ слушателя, и дабы рядъ его умозаключеній не могъ быть оспориваемъ, беретъ первое доказательство отъ всемогущества Божія. Хотя Іудеи отсѣчены и отвержены, хотя другіе заступили ихъ мѣсто, но ты при всемъ этомъ не отчаявайся. *Силенъ бо есть Богъ*, говоритъ онъ, *паки прищѣпити ихъ*. Потому что Богъ силенъ произвесть и то, что сверхъ надежды. Но если требуешь опытныхъ доводовъ и ряда умозаключеній, то на себѣ самомъ имѣешь самый достаточный примѣръ.

(24) *Аще бо ты*, говоритъ Апостолъ, *отъ естественныя отсѣченъ дивія маслины, и чрезъ естество прищѣпился еси къ добрѣй маслинѣ: кольми паче сіи, иже по естеству, прищѣпятся своей маслинѣ.* Ежели вѣра возмогла произвесть, что не по природѣ; тѣмъ паче произведетъ, что по природѣ. Ежели язычникъ отсѣченъ отъ естественныхъ своихъ родителей, и, что было не въ его природѣ, взошелъ въ родство съ Авраамомъ; тѣмъ паче ты возможешь получить свое собственное. Язычнику по природѣ сродно зло; такъ какъ онъ по природѣ былъ дикою маслиною;

а добро не въ его природѣ, и не по природѣ прицѣпился онъ къ Аврааму. Напротивъ тебѣ по природѣ сродно добро. Ты, если захочешь возвратишься, утвердишься не на чужемъ, какъ язычникъ, а на собственномъ корнѣ. И такъ будешь ли достоинъ какого либо извиненія, когда для язычника стало возможнымъ, что не въ его природѣ, а ты не возможешь сдѣлать того, что въ твоей природѣ, и напротивъ погубишь природное? Поелику же Апостолъ сказалъ: *чрезъ естество*, и: *прицѣпился еси;* а изъ сего можешь ты заключить, что Іудей имѣетъ предъ тобою нѣчто большее: то онъ устраняетъ таковое заключеніе, говоря, что и Іудей прицѣпится. *Кольми паче сіи*, говоритъ онъ, *иже по естеству, прицѣпятся своей маслинѣ.* И еще: *силенъ Богъ прицѣпити ихъ.* И выше сказалъ: *аще не пребудутъ въ невѣрствіи, прицѣпятся.* Когда же слышишь, что Апостолъ часто употребляетъ выраженіе: *чрезъ естество*, и: *по естеству;* не заключай изъ того, что онъ разумѣетъ здѣсь непреложную природу; напротивъ сими наименованіями означаетъ онъ какъ сообразное и соотвѣтственное, такъ и несообразное природѣ. Добрыми и злыми бываютъ не естественныя дѣйствія, а только дѣйствія воли и свободы. Замѣть же, какъ Апостолъ смягчаетъ рѣчь свою. Сказавъ язычнику: ты будешь отсѣченъ, если не пребудешь въ вѣрѣ, объ Іудеяхъ говоритъ: *они же аще не пребудутъ въ невѣрствіи, прицѣпятся;*

непріятное для нихъ опускаетъ, а упоминаетъ о выгоднѣйшемъ, и пѣмъ оканчиваетъ рѣчь, дабы подать Іудеямъ великія надежды, если бы только сами они захотѣли. Посему и продолжаетъ такъ:

(25) *Не бо хощу васъ не вѣдѣти тайны сея, братія, да не будете о себѣ мудри.* Тайною называетъ онъ здѣсь недовѣдомое и сокровенное, въ чемъ много и чудеснаго и непонятнаго. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *се тайну вамъ глаголю: вси бо не успнемъ, вси же измѣнимся* (1 Кор. XV, 51). Въ чемъ же состоитъ тайна сія? *Яко ослѣпленіе отъ части Израилеви бысть.* Здѣсь опять наноситъ ударъ Іудею, хотя по видимому унижаетъ язычника. Разумѣетъ же подъ симъ тоже, что говорилъ и выше, именно, что не всѣ Іудеи не вѣровали, но нѣкоторые. Что выражаетъ словомъ: *отчасти*, когда говоритъ: *аще ли кто оскорбилъ мене, не мене оскорби, но отъ части, да не отлягу всѣхъ васъ* (2 Кор. II, 5); и въ другомъ мѣстѣ: *аще васъ прежде отъ части насыщуся* (Рим. XV, 24); тоже самое выражаетъ имъ и здѣсь. О чемъ говорилъ выше: *не отрину Богъ людей Своихъ, ихже прежде разумѣ*, и еще: *еда соврѣшиша, да отпадутъ: да не будетъ*; тоже подтверждаетъ и здѣсь, именно, что не цѣлый народъ отверженъ, а напротивъ многіе уже увѣровали, или увѣруютъ въ послѣдствіи. Поелику же благовѣствуемое имъ важно;

по приводитъ во свидѣтели Пророка, говорящаго тоже. Не представляетъ свидѣтельства на то, что произошло ослѣпленіе, такъ какъ это для всѣхъ очевидно; но что Іудеи увѣруютъ и спасутся, свидѣтельствуется въ томъ Исаіею, который восклицаетъ и говоритъ:

(26) *Пріидетъ отъ Сіона избавляяй, и отвратитъ нечестіе отъ Іакова.* Потомъ, указавъ на знаменіе спасенія, дабы кто нибудь не отнесъ и не приложилъ сего ко временамъ прошедшимъ, говоритъ:

(27) *И сей имъ отъ Мене завѣтъ, егда отыму грѣхи ихъ.* Не тогда совершится сіе, когда будутъ они обрѣзываться, приносить жертвы, совершать прочія законныя дѣла; но когда получатъ отпущеніе грѣховъ. А ежели это предвозвѣщено, и доселѣ не исполнилось надъ Іудеями, они еще не получили отпущенія грѣховъ посредствомъ крещенія; то непремѣнно исполнится. Посему Апостолъ присовокупилъ:

(29) *Нераскаянна бо дарованія и званіе Божіе.* Но не этимъ однимъ упѣшаетъ ихъ, а и тѣмъ, что уже случилось, и случившееся въ послѣдствіи времени ставитъ прежде, говоря такъ:

(28) *По благовѣствованію убо врази васъ ради: по избранію же, возлюблени отецъ ради.* Дабы язычникъ не надмѣвался, говоря: я спою, говори мнѣ не о томъ, что можетъ случиться, но что уже случилось, Апостолъ удерживаетъ его отъ этого, говоря: *по*

благовѣствованію убо врази васъ ради. Поелику вы призваны; то они стали упорнѣе. Однакоже Богъ и при этомъ не прекратилъ вашего призванія, но ожидаетъ, пока взойдутъ всѣ, имѣющіе увѣровать изъ язычниковъ; тогда уже взойдутъ и Іудеи. Потомъ Апостолъ даруетъ Іудеямъ еще новое утѣшеніе, говоря: *по избранію же, возлюблени отецъ ради.* Что же это такое? Поколику враги; ихъ ждетъ казнь. А поколику возлюбленные (ради отцевъ), имъ ни мало не пользуетъ добродѣтель предковъ, если сами не увѣруютъ. Впрочемъ, какъ я замѣтилъ прежде, Апостолъ не престаетъ утѣшать ихъ словами, дабы привлечь. Посему сказанное выше подтверждая новымъ доводомъ, продолжаетъ:

(30) *Якоже бо и вы иногда противистеся Богови, нынѣ же помиловани бысте сихъ ради противленія:* (31) *Такожде и сіи нынѣ противишася вашего ради помилованія, да и тіи помиловани будутъ.* (32) *Затвори бо Богъ всѣхъ въ противленіе, да всѣхъ помилуетъ.* Здѣсь Апостолъ показываетъ, что прежде были призываемы язычники, а потомъ, когда они не захотѣли, избраны Іудеи, и что въ послѣдствіи случилось опять тоже самое; поелику Іудеи не захотѣли вѣровать, то снова призваны язычники. Но не останавливается даже и на этомъ, и все клонитъ не къ тому; что Іудеи отвержены, а къ тому, что и они опять будутъ помилованы. Смотри,

язычникамъ даетъ онъ столько же, сколько прежде того далъ Іудеямъ. Поелику вы, язычники, говоритъ Апостолъ, были нѣкогда непослушны; но взошли Іудеи. И опять, поелику они стали непослушными, взошли вы; однакоже они не совсѣмъ погибнутъ; потому что Богъ *затвори всѣхъ въ противленіе*, то есть, всѣхъ обличилъ, объявилъ непослушными, не для того, чтобы всѣ оставались непослушными, но для того, чтобы спасти однихъ упорствомъ другихъ, Іудеевъ чрезъ язычниковъ, и язычниковъ чрезъ Іудеевъ. Смотри же! Вы были непослушны, и они спаслися. Потомъ они стали непослушными, и вы спасены; впрочемъ спасены не для того, чтобы снова удалиться, подобно Іудеямъ, но для того, чтобы, пребывая въ вѣрѣ, и ихъ привлечь, побудивъ къ соревнованію.

(33) *О глубина богатства и премудрости и разума Божія! яко не испытани судове Его.* Востекая мыслію къ первымъ временамъ, обозрѣвая въ умѣ древнее Божіе домостроительство отъ начала міра и до настоящихъ событій, размышляя о томъ, какъ разнообразно Богъ все устроялъ, Апостолъ пришелъ въ изумленіе и воскликнулъ, удостовѣряя тѣмъ слушателей, что сказанное имъ совершится непремѣнно. А еслибы не надлежало непремѣнно тому совершиться, онъ не сталъ бы восклицать и изумляться. И хотя знаетъ, что это глубина; однакоже не знаетъ, какая глубина. Это рѣчь человѣка удивленнаго, который не знаетъ

всего. Исполненный же удивленіемъ и изумленіемъ предъ благостію, возвѣспилъ о ней двумя выразительнѣйшими словами, какія только нашелъ: богатство и глубина. А въ изумленіе приведенъ тѣмъ, что Богъ восхотѣлъ и возмогъ совершить это, и произвелъ противоположныя дѣйствія одно другимъ. *Яко не испытани судове Его!* Не только не возможно постигнуть оные, но даже испытывать. *И неизслѣдовани путіе Его*, то есть, способы домостроительства: потому что и сихъ не только не возможно познать, но даже изслѣдовать. И я, говоритъ Апостолъ, не все нашелъ; но открылъ малую часть, а не все. Одинъ Богъ совершенно знаетъ Свои дѣла. Посему Апостолъ присовокупилъ:

(34) *Кто бо разумѣ умъ Господень? или кто совѣтникъ Ему бысть?* (35) *Или кто прежде даде Ему, и воздастся ему?* Эти слова значатъ то, что Богъ, будучи столько премудръ, не отъ другаго заимствуетъ премудрость, но Самъ есть источникъ благъ, что Онъ, столько для насъ совершившій, и столько насъ облагодѣтельствовавшій, не заимствованное у другаго даровалъ намъ, но излилъ это отъ Себя; что Онъ никого не долженъ вознаграждать, какъ взявшій что-либо у другаго, но всегда Самъ есть главный виновникъ благъ. Богатство въ томъ и состоитъ особенно, чтобы во всемъ изобиловать, и ничѣмъ не одолжаться другому. Посему Апостолъ и присовокупилъ:

(36) *Яко изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая.* Самъ изобрѣлъ, Самъ сотворилъ, Самъ поддерживаетъ; потому что богатъ, и не имѣетъ нужды брать у другаго; потому что премудръ, и не нуждается въ совѣтѣ. Что я говорю: въ совѣтѣ? Никто не въ состояніи даже знать, что принадлежитъ Ему; напротивъ Онъ одинъ богатъ и премудръ. Ибо великое богатство видно въ томъ, что язычники столько обогащены, и великая видна мудрость въ томъ, что содѣланы учителями Іудеевъ тѣ, которые ихъ несовершеннѣе. Послѣ того, какъ Апостолъ приведенъ былъ въ изумленіе, онъ воздаетъ благодареніе, говоря: *Тому слава во вѣки, аминь.* Онъ всегда въ удивленіи заключаетъ рѣчь славословіемъ, какъ скоро говоритъ о чемъ нибудь столько же важномъ и непзреченномъ. Такъ поступаетъ, говоря о Сынѣ; ибо и тамъ, исполнившись удивленія, присовокупилъ тоже, что и здѣсь: *Отъ нихъ же Христосъ по плоти, сый надъ всѣми Богъ благословенъ во вѣки, аминь* (Рим. IX, 5).

Будемъ и мы подражать Апостолу, и во всякомъ случаѣ станемъ прославлять Бога своею заботливостію о благоустройствѣ жизни, а не будемъ полагаться на добродѣтели предковъ, вразумившися примѣромъ Іудеевъ. У Христіанъ нѣтъ, нѣтъ родства плотскаго; а есть только сродство по духу. Такимъ образомъ и Скиѳъ дѣлается сыномъ Авраамовымъ, а сынъ Авраамовъ становится для Авраама болѣе

чуждымъ, нежели Скиѳъ. Итакъ не будемъ полагаться на заслуги отцевъ; но хотя ты имѣешь и чуднаго по жизни родителя, однакожъ не думай, что этого достаточно тебѣ для спасенія, чести и славы, если ты не сроднишься съ нимъ въ нравахъ. А равно, если отецъ твой человѣкъ негодный, не заключай изъ этого, что и ты будешь осужденъ и постыжденъ, хотя собственная жизнь твоя и благоустроена. Что было безславнѣе язычниковъ? Однакоже они чрезъ вѣру скоро содѣлались сродниками святыхъ. Что было ближе Іудеевъ къ Богу? Однакоже они за невѣріе отчуждены. Плотское родство есть дѣло природы и необходимости; по оному всѣ мы сродники; потому что всѣ родились отъ Адама, и по отношенію къ Адаму, къ Ною, и къ общей всѣмъ матери—землѣ, всѣ мы равно другъ другу родня. То родство похвально, которое отличаетъ насъ отъ людей порочныхъ. Въ этомъ отношеніи не всѣ между собою родные, а только тѣ, которые сходны нравомъ. Въ этомъ отношеніи не того зовемъ братомъ, кто произошелъ изъ одной съ нами утробы, но того, кто оказываетъ одинакую съ нами ревность. Въ томъ же отношеніи Христосъ называетъ однихъ чадами Божіими, а напротивъ другихъ сынами діавола, сынами противленія, сынами геенны, сынами погибели. Такъ Тимоѳей по добродѣтелямъ сталъ сыномъ Павловымъ, и именованъ *присным чадомъ* (1 Тимоѳ. I, 2); а сына сестры Павловой не знаемъ

и по имени; хотя по плотскому рожденію былъ онъ близокъ Павлу, но никакой пользы не получилъ изъ того. А Тимоѳей далекъ былъ и по плотскому рожденію, и по мѣсту жительства, какъ гражданинъ города Листры; однакоже сталъ всѣхъ ближе. Посему и мы потщимся содѣлаться сынами святыхъ, или лучше сынами Божіими. А о томъ, что намъ можно содѣлаться сынами Божіими, послушай, что сказано: *будите совершени, якоже Отецъ вашъ небесный* (Матѳ. V, 48). Посему и въ молитвѣ называемъ Бога Отцемъ, и тѣмъ напоминаемъ себѣ не только о благодати, но и о добродѣтели, чтобы намъ не дѣлать ничего недостойнаго такового родства. Но спросишь: какъ можно содѣлаться сыномъ Божіимъ? Ежели ты свободенъ будешь отъ всѣхъ страстей, съ оскорбляющими и обидчиками будешь вести себя кротко. Такъ и Отецъ твой поступаетъ съ тѣми, которые хулятъ Его. И Христосъ, часто и о многихъ предметахъ бесѣдовавши съ учениками, не въ иномъ случаѣ сказалъ: вамъ должно быть подобными Отцу вашему; но когда сказалъ: *молитеся за творящихъ вамъ напасть, и добро творите ненавидящимъ васъ* (Матѳ. V, 44), тогда присовокупилъ оныя слова, указывающія на награду. Такія дѣла всего лучше приводятъ насъ къ Богу, и дѣлаютъ подобными Ему. Посему и Павелъ, когда говоритъ: *бывайте подражатели Богу* (Ефес. V, 1), разумѣетъ это о дѣлахъ любви. И всякое доброе

дѣло для насъ необходимо; но всего необходимѣе человѣколюбіе и кротость; потому что и сами мы имѣемъ большую нужду въ человѣколюбіи. Поелику каждый день много согрѣшаемъ; то и нужно намъ много милосердія. Не количествомъ подаваемаго, а доспѣхомъ подающаго опредѣляется то,—много или мало подано. По этому и богачъ не думай о себѣ много, и бѣдный не унывай, какъ подающій мало. Часто случается, что бѣдный подаетъ больше богатаго. Итакъ ты не долженъ почитать себя нещастнымъ, потому что скуденъ. Въ скудости удобнѣе для насъ подавать милостыню. Кто имѣетъ у себя много, тотъ удерживается и высокоуміемъ и желаніемъ пріобрѣсть больше. А кто имѣетъ у себя мало, тотъ свободенъ отъ мучительства обѣихъ этихъ страстей. По этому больше находитъ случаевъ дѣлать добро. Онъ безъ труда идетъ въ темницу, посѣщаетъ больныхъ, подаетъ чашу студеной воды. А богачъ, надменный своимъ богатствомъ, не допуститъ себя до этого. Итакъ не сѣтуй на нищету. При нищетѣ для тебя легче пріобрѣсти небо. Хотя бы ты и ничего не имѣлъ, но есть у тебя сострадательное сердце; и за это готова тебѣ награда. Посему и Павелъ повелѣлъ *плакать съ плачущими* (Рим. XII, 15), и съ узниками обращаться такъ, какбы и мы *были съ ними во узахъ*. (Евр. XIII, 3). Имѣть многихъ сострадущихъ доставляетъ нѣкоторое утѣшеніе не только плачущимъ, но и находящимся въ другихъ тѣсныхъ

обстоятельствахъ. Иногда одно слово можетъ возстановить испомленнаго не меньше, чѣмъ деньги. И Богъ повелѣлъ давать деньги нуждающимся не для того только, чтобы пособлять имъ въ нищетѣ, но и для того, чтобы научить насъ состраданію къ бѣдствіямъ ближняго. Сребролюбецъ ненавистенъ, потому что не только презираетъ живущихъ въ скудости, но и самъ привыкаетъ къ жестокости и безчеловѣчію. А равно презирающій деньги для бѣдныхъ тѣмъ и любезенъ, что милосердъ и человѣколюбивъ. И Христосъ, когда ублажаетъ милостивыхъ, ублажаетъ и хвалитъ не просто подающихъ денежную милостыню, но дѣлающихъ это съ добрымъ произволеніемъ.

Итакъ будемъ имѣть таковое усердіе къ дѣламъ милосердія, и всѣ блага послѣдуютъ за тѣмъ. Имѣющій человѣколюбивое и милосердое расположеніе, ежели есть у него деньги, расточаетъ ихъ, ежели видитъ кого въ нещастіи, плачетъ и проливаетъ слезы, ежели вспрѣчаетъ обижаемаго, заступается за него, ежели находитъ бѣдствующаго, подаетъ ему руку. Поелику у него есть сокровище благъ—человѣколюбивая и милосердая душа; то онъ изольетъ изъ нее все нужное для братій, и получитъ всѣ уготованныя Богомъ награды. А дабы и намъ получить оныя, прежде всего позаботимся содѣлать сердце кротkимъ. Такимъ образомъ и въ сей жизни совершимъ много добрыхъ дѣлъ, и будущихъ сподобимся вѣнцовъ, которые да получимъ

всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ; Аминь.

БЕСѢДА 20.

Рим. XII, 1. *Молю убо васъ, братіе, щедротами Божіими, представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше.*

Послѣ длинной бесѣды о Божіемъ человѣколюбіи, въ которой Павелъ доказалъ неизреченную Божію попечительность, несказанную и неизслѣдимую благость,—сею уже самою благостію убѣждаетъ онъ облагодѣтельствованныхъ Богомъ, явить жизнь достойную дара. И будучи столь великъ и высокъ, не отказывается умолять ихъ, умоляетъ не о томъ, что послужило бы собственно для него, но о томъ, изъ чего они могли извлечь для себя пользу. И удивительно ли, что не отказывается умолять, когда представляетъ умоляющимъ самое милосердіе Божіе? Поелику отъ Божіихъ щедротъ, говоритъ онъ, излились на васъ безчисленныя блага; то устыдитесь, убойтесь оныхъ; потому что самыя щедроты сіи обращаются къ вамъ съ прозьбою не обнаруживать въ себѣ ничего ихъ недостойнаго. И я, говоритъ Апостолъ, умоляю васъ имиже,—тѣми щедротами, которыми вы спасены. Такъ

желающій пристыдить много облагодѣтельствованнаго обыкновенно представляетъ умоляющимъ самаго благодѣтеля!

О чемъ же умоляешь, скажи мнѣ? *Представите тѣлеса ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше.* Поелику сказалъ: *жертву*; то, дабы иной не подумалъ, что велитъ закалать тѣла, тотчасъ присовокупилъ: *живу*. Потомъ, отличая оную отъ Іудейской, продолжаетъ: *святу, благоугодну Богови, словесное служеніе ваше.* Ибо Іудейская жертва плотская и не очень благоугодная. *Кто бо изыска сія изъ рукъ вашихъ*, говоритъ Богъ (Исаіи I, 12)? И въ другихъ многихъ мѣстахъ Писанія видимъ, что Богъ отвергаетъ Іудейскія жертвы. Но не отвергаетъ сея жертвы; напротивъ даже и при Іудейской требуетъ ея. Посему и сказалъ: *жертва хвалы прославитъ Мя* (Псал. XLIX, 23). И еще сказано: *восхвалю имя Бога моего съ пѣснію, и угодно будетъ Богу паче тельца юна, роги износяща и пазнокти* (Псал. LXVIII, 31 и 32). И въ другомъ мѣстѣ, отринувъ Іудейскую жертву и сказавъ: *еда ямъ мяса юнча? или кровь козловъ пію?* Господь присовокупилъ: *пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя* (Псал. XLIX, 13, 14). Такъ и Павелъ повелѣваетъ здѣсь: *представите тѣлеса жертву живу.*

Спросишь: какъ тѣло можетъ быть жертвою? Глазъ не смотри ни на что худое, и

онъ сталъ жертвою. Языкъ не выговаривай ничего срамнаго, и онъ сталъ приношеніемъ. Рука не дѣлай ничего беззаконнаго, и она стала всесожженіемъ. Но и сего не достаточно; мы должны дѣлать добро; пусть рука раздаетъ милостыню, уста благословляютъ обидящихъ, слухъ постоянно упражняется въ слушаніи слова Божія. Жертва не имѣетъ никакой нечистоты; жертва есть начатокъ того, что имѣешь. Принесемъ же Богу начатокъ рукъ, ногъ, устъ и всего прочаго. Такая жертва благоугодна,—сколько Іудейская была нечиста, такъ какъ сказано: *требы ихъ хлѣбъ жалости ихъ* (Осіи IX, 4). Но не такова наша жертва. Въ Іудейской жертвуемое дѣлалось мертвымъ; наша жертвуемое дѣлаетъ живымъ. Когда умертвимъ члены наши; тогда въ состояніи будемъ жить. Новъ этотъ уставъ жертвоприношенія; потому и родъ огня необыкновененъ. Нѣтъ нужды въ дровахъ и въ сгараемомъ веществѣ; напротивъ огонь поддерживается у насъ самъ собою, и не сожигаетъ жертву, а еще оживляетъ ее. Таковой жертвы требовалъ Богъ издревле; почему Пророкъ и сказалъ: *жертва Богу, духъ сокрушенъ* (Псал. L, 19). Такую жертву приносили три отрока, говоря: *нѣсть князя, и пророка, ни мѣста, еже пожрети и обрѣсти милость: но душею сокрушенною и духомъ смиреннымъ да пріяты будемъ* (Дан. III, 38, 39).

Замѣть же, какая точность въ каждомъ реченіи у Апостола. Не сказалъ онъ: приготовьте тѣла свои въ жертву, но: принесите. Симъ какъ бы сказалъ: вы не имѣете уже надъ ними воли, вы отдали ихъ другому. Поставщики боевыхъ коней по поставкѣ не имѣютъ на нихъ права собственности. И вы, поставивъ члены свои на брань съ діаволомъ, въ сіе грозное ополченіе, не отвлекай ихъ на собственныя свои услуги. При семъ Апостолъ внушаетъ еще и то, что, принося члены свои въ жертву, должны мы содѣлать ихъ неукоризненными; потому что представляемъ ихъ не земному человѣку, но Самому Царю вселенной — Богу, и не для употребленія только на брани, но дабы возсѣдалъ на нихъ Самъ Царь. Ибо Господь не гнушается возсѣдать на нашихъ членахъ; напротивъ весьма сего желаетъ, и чего не избралъ бы Царь, служащій одному съ нами Господу, то избираетъ Владыка Ангеловъ. Итакъ поелику члены твои должны быть принесены, и суть жертва; то отсѣки отъ нихъ всякую скверну. Доколѣ есть въ нихъ что либо скверное; дотолѣ не будутъ они жертвою. Глазъ, если онъ смотритъ на предметы возбуждающіе сладострастіе, не можетъ быть принесенъ въ жертву; а равно негодны для жертвоприношенія рука хищная и любостяжательная, ноги храмлющія и входящія въ театръ, чрево раболѣпствующее сластолюбію и возжигающее страсть къ удовольствіямъ, сердце

питающее гнѣвъ или нечистую любовь, языкъ говорящій срамное. Со всѣхъ сторонъ надобно осмотрѣть, нѣтъ ли въ нашемъ тѣлѣ чего сквернаго. Если въ Ветхомъ Завѣтѣ приносившіе жертвы обязаны были все осматривать, и не позволялось приносить безухаго, безхвостаго, въ струпьяхъ, въ наростахъ; тѣмъ болѣе мы, которые приносимъ не безсловесныхъ овецъ, но себя самихъ, должны наблюдать большую осмотрительность и во всѣхъ отношеніяхъ быть чистыми, дабы можно было сказать намъ съ Павломъ: *азъ бо уже жренъ бываю, и время моего отшествія наста* (2 Тим. IV, 6). Поелику Павелъ былъ чище всякой жертвы; то назвалъ себя возліяніемъ 1). И мы содѣлаемся чистыми, если потребимъ ветхаго человѣка, умертвимъ земные члены, распнемъ для себя міръ. Въ такомъ случаѣ не нужно будетъ уже намъ ни ножа, ни жертвенника, ни огня; или, правильнѣе говоря, все сіе будетъ нужно, впрочемъ не руками сдѣланное, а подастся намъ то свыше, и огонь свыше, и ножъ, и широта неба будетъ для насъ жертвенникомъ. Ежели Илія приносилъ чувственную жертву, и сошедшій съ неба пламень испребилъ все, и воду, и дрова, и камни; то тѣмъ паче совершится сіе надъ тобою. Ежели и есть въ тебѣ что-нибудь разсѣянное и житейское, но приносишь жертву

1) Слово: *σπονδή*, *возліяніе*, Златоустъ заимствуетъ отъ слова: *σπένδομαι*, *жренъ бываю*, употребленнаго Апостоломъ въ приведенномъ мѣстѣ.

съ надлежащимъ расположеніемъ; то снисшедшій огнь Духа потребитъ сіе жителейское, и все приношеніе содѣлаетъ совершеннымъ.

Что же такое *словесное служеніе*? Духовное служеніе, Христіанская жизнь. Какъ служащій и священнодѣйствующій въ Божіемъ дому, каковъ бы ни былъ въ другое время, при служеніи входитъ въ себя и дѣлается благоговѣйнѣйшимъ; такъ и мы цѣлую жизнь должны быть въ такомъ расположеніи духа, какъ совершающіе служеніе Богу и священнодѣйствующіе. А сего достигнешь, ежели каждый день будешь приносить Богу жертвы, содѣлаешься священникомъ своего тѣла и душевной добродѣтели, принося то цѣломудріе, то милостыню, то кротость и терпѣніе. Исполняя сіе, будешь совершать словесное служеніе, то есть, не имѣющее ничего тѣлеснаго, грубаго, чувственнаго.

Итакъ самыми наименованіями возбудивъ умы слушателей, и доказавъ, что каждый есть священникъ въ разсужденіи собственнаго тѣла и жизни, Апостолъ описываетъ способъ, по которому можно во всемъ достигнуть успѣха. Какой же это способъ? (2) *Не сообразуйтеся вѣку сему, но преобразуйтеся обновленіемъ ума вашего;* потому что образъ вѣка сего прилѣпленъ къ землѣ, низокъ, кратковременъ, въ немъ нѣтъ ничего возвышеннаго, постояннаго, правильнаго, а все извращено. Посему, если хочешь идти надлежащимъ путемъ, то не напечатлѣвай въ себѣ образа настоящей

жизни. Въ немъ ничего нѣтъ непремѣннаго и твердаго; потому и названъ образомъ. И въ другомъ мѣстѣ Апостолъ говоритъ: *преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. 7, 31). Въ немъ ничего нѣтъ пребывающаго, неподвижнаго, но все временно; посему и сказалъ: *отъку сему*, означая тѣмъ кратковременность; словомъ же— *образъ*, выразилъ безсущность. Укажешь ли на богатство, славу, тѣлесную красоту, забавы и все прочее, что люди почитаютъ за великое; все сіе есть одинъ образъ, а не дѣйствительная вещь, явленіе и личина, а не пребывающая сущность. Но ты не сообразуйся съ симъ, говоритъ Апостолъ, а преобразуйся обновленіемъ ума. Не сказалъ онъ: преобразуйся наружно, но: преобразуйся существенно 1), показывая тѣмъ, что міръ имѣетъ наружный только образъ, а добродѣтели принадлежитъ не наружный, но истинный, существенный образъ, который имѣетъ природную красоту, для котораго не нужно наружныхъ приправленій и личинъ, вдругъ появляющихся и исчезающихъ; такъ какъ все сіе исчезаетъ прежде, нежели появится. Почему если сорвешь личину, тотчасъ увидишь настоящій образъ. Ничего нѣтъ слабѣе порока, ничто такъ скоро не старѣется. А поелику Павло-

---

1) По различію употребленныхъ Апостоломъ словъ: *μη συσχηματίζεσθε—не сообразуйтеся*, и: *ἀλλὰ μεταμορφοῦσθε — но преобразуйтеся*, Златоустъ даетъ онымъ разныя знаменованія и слову: *σχῆμα*, даетъ значеніе: *видимый образъ*, а слову: *μορφὴ*, *существенный образъ*.

вымъ слушателямъ, какъ людямъ, было сродно каждый день грѣшить; то Апостолъ утѣшаетъ ихъ, совѣтуя ежедневно обновляться. Какъ поступаешь съ домомъ, то и дѣло починиваешь въ немъ все обветшавшее; такъ поступай и съ самимъ собою. Ты согрѣшилъ сегодня? Душа твоя обветшала? Не отчаявайся, не унывай, но обновляй ее покаяніемъ, слезами, исповѣдію, добрыми дѣлами, и никогда не оставляй сего дѣла.

Но какъ можемъ успѣть въ томъ? *Во еже искушати вамъ лучшее, что есть воля Божія, благая и угодная и совершенная.* Сіе значитъ, что или должно вамъ обновиться, для того, дабы познать полезное для себя и волю Божію, или что тогда вы можете обновиться, когда узнаете для себя полезное, и чего хочетъ Богъ. Если ты вникнулъ въ сіе и научился разпознавать свойства вещей; то извѣстенъ тебѣ весь путь добродѣтели. Спросишь: кто же не знаетъ для себя полезнаго и того, въ чемъ состоитъ воля Божія? Всякій, кто прилѣпленъ къ настоящему, кто почитаетъ завиднымъ богатство, а бѣдность уничижаетъ, кто домогается власти, пристрастенъ къ мірской славѣ, кто считаетъ себя великимъ человѣкомъ, когда наспроилъ великолѣпныхъ домовъ, заготовилъ пышныя гробницы, имѣетъ толпу слугъ, водитъ за собою великое множество евнуховъ. Такой человѣкъ не знаетъ, что для него полезно, и въ чемъ состоитъ воля Божія. Ибо то и другое есть одно и тоже. Что

полезно для насъ, того хочетъ Богъ; и чего хочетъ Богъ, то полезно для насъ. Итакъ чего же хочетъ Богъ? Того, чтобы мы любили нищету, смиренномудріе, презирали славу, жили воздержно, а не роскошно; въ скорби, а не въ нѣгѣ, плакали, а не веселились и смѣялись,—исполняли все то, что заповѣдалъ намъ Богъ. Но многіе отвращаются сего какъ зла, а не только не согласны признавать полезнымъ и волею Божіею; и потому не могутъ никогда даже приближиться къ подвигамъ добродѣтели. Такіе люди, не зная и того, что есть добродѣтель, но вмѣсто оной восхищаясь порокомъ, и вмѣсто цѣломудренной супруги, вступая въ союзъ съ блудницею, какъ могутъ отрѣшиться отъ настоящаго вѣка? Посему прежде всего прочаго надлежитъ намъ имѣть правильное сужденіе о вещахъ. Если еще не слѣдуемъ добродѣтели; по крайней мѣрѣ научимся хвалить ее. Если еще не убѣгаемъ порока; по крайней мѣрѣ навыкнемъ порицать худое, дабы хотя судъ нашъ былъ правый. Держась сего пути, можемъ приняться и за самыя дѣла. На сей конецъ и Павелъ повелѣваетъ обновляться, *во еже искушати вамъ, что есть воля Божія*. Здѣсь онъ укоряетъ, какъ мнѣ кажется, и Іудеевъ, держащихся закона. Хотя была воля Божія и на жизнь ветхозавѣтную; впрочемъ воля не главная, а приспособленная къ слабости Іудеевъ; совершенная же и благоугодная открыта въ жизни новозавѣтной. И когда

Апостолъ новозавѣтную жизнь наименовалъ словеснымъ служеніемъ; назвалъ такъ въ противоположность жизни ветхозавѣтной.

(3) *Глаголю бо благодатію давшеюся мнѣ, всякому сущему въ васъ не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати, но мудрствовати въ цѣломудріи, коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры.* Выше сказавъ: *молю васъ щедротами Божіими*, теперь опять говоритъ: *глаголю благодатію.* Замѣть смиренномудріе учителя, замѣть кротость его сердца! Для такихъ увѣщаній и совѣтовъ онъ никакъ не признаетъ достаточнымъ собственныхъ своихъ словъ, но въ подтвержденіе оныхъ ссылается то на милосердіе Божіе, то на благодать. Не отъ себя предлагаю я слово, говоритъ онъ, но отъ Бога. И не сказалъ: убѣждаю васъ премудростію Божіею, закономъ Божіимъ; но: *благодатію*, непрестанно напоминая о благодѣяніяхъ, дабы внушить большую благодарность и доказать, что и благодать требуетъ исполненія того, о чемъ здѣсь говорится.

Всякому сущему въ васъ. Не тому или другому; но всѣмъ, начальнику и подначальному, рабу и свободному, неученому и мудрецу, женщинѣ и мущинѣ, юношѣ и старцу,—это общій законъ, потому что Господній. И такъ Апостолъ никого не оскорбляетъ словомъ своимъ, предлагаетъ наставленіе всѣмъ, даже и тѣмъ, которые невиновны, дабы удобнѣе приняли сіе вразумленіе и исправленіе виновные.

И что говоришь ты, скажи мнѣ? *Не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати.* Предписываетъ смиренномудріе—паче всего добраго, подражая въ томъ своему Учителю. Какъ Христосъ, взойдя на гору, дабы предложить нравственную бесѣду, началъ словомъ о смиреннодушіи и такое положилъ основаніе: *Блажени нищіи-духомъ* (Матѳ. V, 3); такъ и Павелъ, отъ догматическихъ испивъ переходя къ нравственнымъ, хотя преподалъ урокъ о добродѣтели вообще, требуя отъ насъ удивительной жертвы, но, намѣреваясь описать добродѣтели порознь, начинаетъ съ смиренномудрія, какъ бы съ главы, и совѣтуетъ *не мудрствовати паче, еже подобаетъ мудрствовати;* потому что такова воля Божія; *но мудрствовати въ цѣломудріи.* Слова сіи значатъ: мы пріобрѣли благоразуміе, дабы обращать оное не въ высокоуміе, но въ цѣломудріе. Не сказалъ Апостолъ: думайте о себѣ смиренномудренно, но: цѣломудренно, разумѣя здѣсь подъ цѣломудріемъ не противоположную наглости добродѣтель и не удаленіе отъ распутства, но умъ трезвенный и здравый. Ибо имѣть здравыя мысли называется цѣломудріемъ. И такъ доказавъ, что нескромный не можетъ быть цѣломудреннымъ, то есть, степеннымъ и здравымъ, а напротивъ сумазбродствуетъ, безчинствуетъ и поступаетъ несмысленнѣе всякаго безумнаго, Апостолъ смиренномудріе назвалъ цѣломудріемъ. *Коемуждо якоже Богъ раздѣ-*

лилъ есть мѣру вѣры. Поелику многіе изъ Римлянъ и изъ Коринѳянъ по причинѣ духовныхъ дарованій впали въ высокоуміе; то замѣнь, какъ Апостолъ выводитъ наружу причину сея болѣзни, и понемногу отклоняетъ оную. Сказавъ, что должно *мудрствовати въ цѣломудріи*, присовокупилъ: *коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры*, называя здѣсь вѣрою духовное дарованіе. Словомъ же: *раздѣлилъ*, какъ упѣшилъ получившаго меньшій даръ, такъ смирилъ пользующагося большимъ даромъ. Ежели Богъ раздѣлилъ такъ, а не отъ твоего зависитъ успѣха; то почему тебѣ думать о себѣ много? Если же кто скажетъ, что здѣсь о вѣрѣ говорится, а не о дарованіи; то сіе еще болѣе доказываетъ, что Апостолъ хочетъ смирить тщеславныхъ. Ежели вѣра есть причина дара, ею творятся чудеса, и все сіе отъ Бога; то на какомъ основаніи думаешь о себѣ много? Если бы Богъ не пришелъ на землю и не воплотился; вѣра не имѣла бы такихъ успѣховъ. Итакъ все доброе имѣетъ начало въ Богѣ. А если Самъ Онъ даетъ; то умѣетъ и раздѣлить. Самъ всѣхъ сотворилъ, и о всѣхъ равно печется. Онъ Его человѣколюбія зависѣло какъ дать, такъ и дать въ извѣстной мѣрѣ. Явившій благость въ главномъ,—въ томъ, что сообщилъ дары Свои, не обойдетъ тебя въ раздѣлѣ. Если бы хотѣлъ Онъ лишить тебя чести; то не далъ бы тебѣ и самаго перваго. А если столько употребилъ попеченій спасти

и почтишь тебя, потому что для сего пришелъ на землю, и раздѣлилъ такое множество благъ; то для чего приходишь въ смущеніе и страхъ, для чего изъ умнаго дѣлаешься глупцемъ, и стыдишь себя больше, чѣмъ глупый по природѣ? Быть глупымъ по природѣ не составляетъ вины. А сдѣлаться глупымъ отъ злоупотребленія ума, не извинительно, и влечетъ за собою большее наказаніе.

Таковы тѣ, которые по причинѣ своей мудрости много о себѣ думаютъ, и впадаютъ въ крайнее высокоуміе. Ибо ничто не дѣлаетъ столько глупымъ, какъ высокоуміе. За сіе и Пророкъ называетъ варвара глупцемъ, говоря: *Юродъ бо юродивая изречетъ* (Исаіи XXXII, 6). А чтобы ты могъ заключить объ его глупости изъ собственныхъ рѣчей его, послушай, что говоритъ онъ: *выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, и буду подобенъ Вышнему* (Исаіи XIV, 13 и 14). *Вселенную всю объиму рукою моею яко гнѣздо, и яко оставленая яица возму* (Исаіи X, 14). Что можетъ быть глупѣе сихъ словъ? Но и всякое хвастливое слово легко навлекаетъ на себя тоже нареканіе. И если буду тебѣ пересказывать всѣ рѣчи высокоумныхъ; ты не различишь, высокоумнымъ ли то сказано, или глупцемъ; такимъ образомъ въ обоихъ одинъ и тотъ же недостатокъ. Нѣкоторый варваръ говоритъ еще: *азъ есмь Богъ* (Іезек. XXVIII, 2), а не человѣкъ; и другой: не возможетъ Богъ спасти васъ, или

исхищитъ изъ рукъ моихъ (Дан. III, 15); также Египтянинъ: *не вѣмъ Господа, и Израиля не отпущу* (Исх. V, 2). Таковъ и безумецъ, описанный Пророкомъ, и говорившій въ сердцѣ своемъ: *нѣсть Богъ* (Псал. XIII, 1). Таковъ и Каинъ, сказавшій: *еда стражъ брату моему есмь азъ* (Быт. IV, 9)? Теперь различишь ли, которыя слова сказаны высокоумными, и которыя глупцами? Высокоуміе, которое не наблюдаетъ умѣренности и состоитъ въ превозношеніи ума, (почему и называется высокоуміемъ) дѣлаетъ и глупцами и тщеславными. И ежели начало премудрости есть страхъ Господень; то начало глупости есть невѣденіе Господа. Итакъ ежели вѣденіе Бога есть мудрость, а невѣденіе—глупость, невѣденіе же происходитъ отъ гордости; такъ какъ начало гордости есть невѣденіе Господа; то слѣдуетъ, что гордость есть крайняя глупость. Таковъ былъ Навалъ, если не предъ Богомъ, то предъ человѣкомъ; онъ отъ высокоумія сдѣлался безумнымъ, а напослѣдокъ умеръ отъ страха. Какъ скоро человѣкъ потеряетъ мѣру благоразумія; по причинѣ душевнаго разслабленія дѣлается онъ вмѣстѣ и робкимъ и дерзскимъ. Какъ тѣло, по нарушеніи въ немъ равновѣсія жизненныхъ соковъ, сдѣлавшись разстроеннымъ, подвергается всякимъ болѣзнямъ; такъ и душа, когда утратитъ свою возвышенность и смиренномудріе, пріобрѣтши нѣкоторый навыкъ, приходитъ въ болѣзненное состояніе, дѣлается и робкою и дерзскою и безумною,

даже перестаетъ узнавать сама себя. А кто не знаетъ себя, какъ можетъ знать, что выше его? Какъ одержимый помѣшательствомъ ума, когда не узнаетъ себя, не знаетъ и того, что у него предъ ногами; и какъ глазъ, когда самъ слѣпъ, омрачаетъ все тѣло; такъ бываетъ и съ высокоумiемъ. Посему высокоумные нещастнѣе и помѣшанныхъ въ умѣ и глупыхъ по природѣ; они возбуждаютъ смѣхъ, подобно послѣднимъ, и отвращительны подобно первымъ. И хотя столькоже разстроены въ умѣ, какъ помѣшанные; однакожъ не возбуждаютъ столько сожалѣнiя. Столько же дѣлаютъ дурачествъ, какъ глупцы, однакожъ не извинительны, какъ тѣ, а внушаютъ одно отвращенiе. Имѣя недостатки тѣхъ и другихъ, не могутъ быть извиняемы, какъ тѣ или другiе; потому что смѣшны не только своими рѣчами, но и всѣми пріемами. Скажи мнѣ: для чего выпятиваешь шею? для чего ходишь, привставъ на пальцы? для чего поднимаешь брови? для чего надуваешь грудь? Не можешь ты сдѣлать волоса бѣлаго или чернаго, а ходишь будто по воздуху, представляя себя владыкою всего? Тебѣ хотѣлось бы, можетъ быть, чтобъ выросли у тебя крылья; дабы не ступать тебѣ по землѣ; можетъ быть тебѣ желательно спать чудомъ. И теперь не дѣлаешь ли изъ себя чуда, когда, будучи человѣкомъ, замышляешь летать? Но лучше сказать,—ты летаешь уже внутренно, все тебя надмѣваетъ. Какъ мнѣ назвать тебя, чѣмъ испребить твое высокоумiе?

Наименовашь ли тебя пепломъ, прахомъ, дымомъ, пылью? Какой низкій предметъ ни возьму, ни одинъ не изображаетъ въ точности, что желалъ бы я изобразить. Мнѣ хотѣлось бы представить всю надутость и пустоту высокоумнаго. Какой же найду образъ, ему соотвѣтственный? Мнѣ кажется, подобенъ онъ зажженному льну. Какъ вспыхнувшій ленъ по видимому раздувается и приподнимается, но отъ легкаго прикосновенія руки опадаетъ и оставляетъ нѣчто тоньше самаго пепла; такъ и душа высокоумнаго. Пустую надутость его случайное прикосновеніе можетъ сокрушить и уничтожить. Всякой высокоумный по необходимости долженъ быть слабымъ; потому что все высокое не бываетъ крѣпко. Какъ водяные пузыри скоро лопаются; такъ и высокоумные удобно пропадаютъ. Если не вѣришь сему; представь мнѣ человѣка наглаго и высокоумнаго, и увидишь, что отъ неважнаго обстоятельства приходитъ онъ въ большую робость, чѣмъ иной отъ паденія. Какъ сучья обращаются въ прахъ, едва вспыхнетъ обхватившій ихъ пламень, а вещество толстыхъ дровъ не вдругъ сожигается, и на долго сохраняетъ въ себѣ пламень; такъ души твердыя и непоколебимыя съ трудомъ и воспламеняются и сгараютъ, а надъ слабыми въ одно мгновеніе времени совершается то и другое.

Зная сіе, будемъ упражняться въ смиренномудріи; оно всего сильнѣе, тверже камня, крѣпче адаманта; поставляетъ насъ въ большую

безопасность, чѣмъ башни, крѣпости и стѣны; оно не доступно всѣмъ ухищреніямъ діавольскимъ; тогда какъ высокоуміе дѣлаетъ, что насъ одолѣваетъ всякій вспрѣтившійся, тогда какъ оно, по сказанному выше, лопается легче водянаго пузыря, рвется скорѣе паутины, разсѣевается удобнѣе дыма. Итакъ, дабы утвердишься на твердомъ камнѣ, отложивъ высокоуміе, возлюбимъ смиренномудріе. Тогда и въ настоящей жизни найдемъ спокойствіе, и въ будущемъ вѣкѣ насладимся всѣми благами, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ; Аминь.

БЕСѢДА 21.

XII, 4. *Якоже бо во единомъ тѣлеси многи уды имамы, уды же вси не тожде имутъ дѣланіе:* (5) *Такожде мнози едино тѣло есмы о Христѣ, а по единому, другъ другу уди.*

Апостоль употребляетъ опять тоже сравненіе, какое употребилъ онъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, когда врачевалъ ихъ отъ тогоже самаго недуга. Ибо противъ болѣзни высокоумія врачество сіе весьма дѣйствительно и сравненіе сильно. Почему, говоритъ онъ, ты думаешь

о себѣ высоко? Или для чего другой напротивъ думаетъ о себѣ низко? Не всѣ ли мы,—большіе и малые,—составляемъ одно тѣло? А когда по отношенію къ главѣ мы одно тѣло, и одинъ для другаго члены; для чего ты отторгаешься высокоумiемъ? Для чего стыдишься брата? Какъ онъ есть твой членъ, такъ и ты—его членъ; и въ этомъ отношеніи вы много равночестны. Апостолъ предложилъ два достаточные довода, чтобы побудить слушателей отложить высокоуміе: первый, что мы одинъ для другаго члены, не только малый для большаго, но и большій для меньшаго; а второй, что всѣ мы составляемъ одно тѣло. Вѣрнѣе же сказать, имъ представлено три довода; ибо доказано, что всѣмъ сообщено одно благодатное дарованіе. И такъ не думай о себѣ много. Все, что ты получилъ, дано тебѣ отъ Бога, а не самъ ты пріобрѣлъ. По сей причинѣ Апостолъ, коснувшись духовныхъ дарованій, не сказалъ, что одинъ получилъ больше, а другой меньше; а какъ наименовалъ дарованія? *различными*. Ибо говоритъ: *имуще дарованія*, не большія и меньшія, но *различна*. Что за дѣло, ежели не тоже тебѣ ввѣрено, когда ты принадлежишь къ тому же тѣлу? И Апостолъ, начавъ говорить о дарованіи, подъ конецъ говоритъ о добрыхъ дѣлахъ. Упомянувъ сперва о пророчествѣ, о служеніи и о подобномъ тому, заключаетъ рѣчь словами о милостынѣ, о рачительности, о вспоможеніи. И

поелику, какъ вѣроятно, нѣкоторые изъ Римлянъ жили добродѣтельно, но не имѣли дара пророчества; то доказываетъ, что быть добродѣтельнымъ есть также даръ, притомъ гораздо большій дара пророчества, (какъ онъ доказалъ это въ посланіи къ Коринѳянамъ), большій потому, что первый влечетъ за собою награду, а послѣдній лишается вознагражденія. Ибо все въ немъ есть даръ и благодать.

Посему говоритъ: (6) *имуще же дарованія по благодати данныя намъ различна: аще пророчество, по мѣрѣ вѣры.* Поелику доспѣшочнымъ образомъ успокоилъ слушателей; то желаетъ содѣлать ихъ ревностными и подвигнуть къ большей рачительности, указывая на то, что и отъ нихъ самихъ зависитъ получить большій или меньшій даръ. Дабы смирить горделивыхъ, онъ утверждаетъ, что дается сіе отъ Бога, когда, напримѣръ, говоритъ: *коемуждо якоже Богъ раздѣлилъ есть мѣру вѣры*, и еще: *по благодати данныя намъ.* Впрочемъ, для поощренія безпечныхъ, присовокупляетъ, что первое основаніе полагаютъ сами люди. Для тѣхъ же двухъ цѣлей тоже самое утверждаетъ онъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ. Когда говоритъ: *ревнуйте дарованій* (1 Кор. XII, 31); показываетъ, что и они сами бываютъ причиною разности даруемаго. А когда говоритъ: *вся же сія дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ, раздѣляя коемуждо, якоже хощетъ* (1 Кор. XII, 11); дока-

зываетъ имъ, что получившіе даръ не должны онымъ превозноситься. Такъ въ обоихъ отношеніяхъ врачуетъ недугъ Коринѳянъ. Подобно поступаетъ и съ Римлянами, и поощряя къ возстанію павшихъ, говоритъ: *аще пророчество, по мѣрѣ вѣры.* Хотя пророчество дается по благодати, но изливается не просто, а заимствуетъ мѣру отъ пріемлющихъ; и течетъ столько, сколько великъ будетъ подставленный сосудъ вѣры.

(7) *Аще ли служеніе, въ служеніи.* Служеніе взято здѣсь въ общемъ понятіи; ибо и Апостольство называется служеніемъ, и всякое доброе духовное дѣло есть служеніе. Хотя сіе же наименованіе употребляется для означенія частной должности; впрочемъ здѣсь говорится вообще. *Аще учай, во ученіи.* Замѣть, что Апостолъ не наблюдаетъ строгаго порядка, но малое ставитъ напереди, а большое послѣ, научая тому же, чему научалъ и прежде, т. е. не надмѣваться и не превозноситься.

(8) *Аще утѣшаяй, во утѣшеніи.* И это есть видъ ученія; ибо сказано: *аще есть въ васъ слово утѣшенія къ людемъ, глаголите* (Дѣян. XIII, 15). Потомъ вразумляя, что небольшая польза держаться добродѣтели, безъ надлежащаго соблюденія закона, присовокупляетъ: *подаваяй, въ простотѣ.* Не довольно еще того, чтобъ подать, но надобно подавать нескудно; ибо сіе разумѣется вездѣ подъ словомъ простота. Дѣвы (юродивыя) имѣли

елей, но имѣли не въ избыткѣ, потому лишены всего. *Начальствуяй, со тщаніемъ.* Не довольно быть начальникомъ, но надобно начальствовать съ раченіемъ и усердіемъ. *Милуяй, съ добрымъ изволеніемъ.* Мало оказывать милосердіе, но должно дѣлать сіе нескудно и безъ скорби, или лучше сказать, не только безъ скорби, но еще съ веселымъ и радостнымъ духомъ. Ибо не одно и тоже не быть печальнымъ и радоваться. Тоже самое съ великимъ тщаніемъ доказывалъ Павелъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ. Ибо побуждая ихъ къ щедрости, говорилъ: *сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ; а сѣяй о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ* (2 Кор. IX, 6), и научая, съ какимъ расположеніемъ должно оказывать щедрость, присовокупилъ: *не отъ скорби, ни отъ нужды* (ст. 7). Въ оказывающемъ милосердіе должно быть то и другое, и щедрость, и веселое расположеніе. Для чего плачешь, подавая милостыню? За чѣмъ тужишь, оказывая милосердіе, и чрезъ то лишаешься плода заслугъ своихъ? Ежели тужишь; то нѣтъ въ тебѣ милосердія; напротивъ ты жестокъ и безчеловѣченъ. Ежели самъ тужишь; то какъ можешь ободрить того, кто въ горѣ? Не легко сдѣлать, чтобы въ немъ не родилось худаго подозрѣнія, когда подаешь ему и съ радостію; потому что человѣку кажется всего унизительнѣе принимать что—нибудь отъ другаго. Ежели ты особенною веселостію своего

расположенія не отвратишь подозрѣнія и не покажешь, что самъ одолжаешься больше, нежели одолжаешь; то скорѣе уронишь, чѣмъ возстановишь пріемлющаго. Посему Апостолъ говоритъ: *милуяй, съ добрымъ изволеніемъ.* Кто съ печальнымъ лицемъ получаетъ царскую власть? Кто остается съ потупленными взорами, получивъ прощеніе грѣховъ? Смотри не на трату денегъ, но на выгоды сея траты. Ежели сѣятель радуется, хотя и на удачу сѣетъ; тѣмъ болѣе долженъ радоваться дѣлатель неба. Если и малое дашь съ радостію; дашь много. Равнымъ образомъ, если ты и много подалъ, но съ прискорбіемъ, то изъ многаго сдѣлалъ мало. Такъ двѣ лепты вдовицы превзошли многіе таланты; потому что ея расположеніе было нескудно. Скажешь: какъ можетъ подавать съ радушіемъ, кто самъ живетъ въ крайней бѣдности, у кого истощено все? Спроси вдовицу, у нея научишься, какъ это можно, и узнаешь, что не отъ бѣдности происходитъ душевное безпокойство, но что собственная воля производитъ какъ сіе, такъ и все противное. Можно и въ бѣдности быть великодушнымъ, и при богатствѣ малодушествовать. Посему Апостолъ требуетъ при подаяніи простоты, при милосердіи радушія, при начальствованіи раченія. Онъ желаетъ, чтобы мы помогали нуждающимся не только деньгами, но и словами, дѣлами, тѣлеснымъ трудомъ и всѣмъ прочимъ. И сперва упомянувъ о

главномъ родѣ вспоможенія,—ученіемъ, совѣтами, которое тѣмъ нужнѣе, что служитъ пищею душѣ, потомъ уже переходитъ къ вспоможенію деньгами и всѣмъ инымъ.

За симъ научая, какъ можемъ успѣть въ тѣхъ добродѣтеляхъ, представляетъ матерь ихъ—любовь. Ибо говоритъ: (9) *любы нелицемѣрна.* Если будешь имѣть любовь; то не почувствуешь ни траты денегъ, ни тѣлеснаго труда, ни тяжести при ученіи другихъ, ни поста и служенія; напротивъ все перенесешь мужественно, потребуется ли помочь ближнему тѣлесными трудами, деньгами, словомъ, или инымъ чѣмъ. Какъ Апостолъ требуетъ не просто подаянія, но въ простотѣ, не просто начальствованія, но съ раченіемъ, не просто милостыни, но съ радушіемъ; такъ не просто же требуетъ онъ и любви, но любви непритворной. Ибо такова истинная любовь; а если она такова, все прочее слѣдуетъ само собою. Оказывающій милосердіе, оказываетъ съ радостію; потому что снабжаетъ себя самаго; начальствующій начальствуетъ рачительно, потому что доставляетъ пользу себѣ самому, и подающій подаетъ нескудно, потому что надѣляетъ себя самаго. Поелику же бываетъ любовь и въ худыхъ дѣлахъ, какова любовь людей развратныхъ, или согласившихся наживать деньги и грабить, или предающихся пьянству и пирамъ; то Апостолъ, очищая понятіе любви, говоритъ: *ненавидяще злаго.* Онъ велитъ

не удерживаться только отъ зла, но ненавидѣть оное, и не просто ненавидѣть, но съ ужасомъ отвращаться (ἀποστυγοῦντες). Ибо предлогъ ἀπό во многихъ мѣстахъ у Апостола означаетъ усиленіе, такъ напримѣръ въ словахъ: ἀποκαραδοκία заботливость (Рим. VIII, 19), ἀπεκδεχόμενοι ожидая (1 Кор. I, 7), и ἀπολύτρωσις искупленіе (Рим. III, 24). Поелику многіе, хотя не дѣлаютъ зла, но имѣютъ злыя пожеланія; то Апостолъ сказалъ: отвращайтесь съ ужасомъ. Онъ хочетъ, чтобы наши помышленія были чисты, чтобы мы объявили пороку явную вражду, ненависть и войну. Поелику я предписалъ вамъ, говоритъ Апостолъ, любить другъ друга; то не заключайте изъ моихъ словъ, что велю и въ худыхъ дѣлахъ содѣйствовать другъ другу. Я предписываю вамъ совершенно противное,—чуждаться зла не только дѣломъ, но и расположеніемъ, и не только чуждаться злыхъ расположеній, но и всячески отвращаться зла и ненавидѣть оное. И симъ еще не довольствуется Павелъ, но требуетъ упражненія въ добродѣтели, говоря: *прилѣпляйтеся благому*. Не сказалъ: дѣлайте добро, но: будьте привержены къ оному; ибо сіе выразилъ, повелѣвъ прилѣпляяться. Такъ Богъ, сопрягая мужа и жену, сказалъ: *прилѣпится къ женѣ своей* (Быт. II, 24).

Послѣ сего Апостолъ излагаетъ причины, по которымъ должны мы любить другъ друга. (10) *Братолюбіемъ другъ ко другу любезни.*

Вы братья, говоритъ Апостолъ, вы произошли изъ одной утробы. Слѣдственно симъ самымъ обязаны уже любить другъ друга. Это сказалъ и Моисей тѣмъ, которые дрались въ Египтѣ: вы братья, для чего обижаете другъ друга (Исх. II, 13)? Апостолъ же, когда разумѣетъ не Христіанъ, говоритъ: *аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте;* когда же разсуждаетъ о своихъ, говоритъ: *братолюбіемъ другъ ко другу любезни.* Тамъ требуетъ, чтобы мы не ссорились, не ненавидѣли, не отвращались другъ друга; а здѣсь повелѣваетъ любить другъ друга, и не просто любить, но любить сильно. Любовь, говоритъ онъ, должна быть не только не притворная, но крѣпкая, горячая, пламенная. Что пользы, если любишь, хотя искренно, однако же безъ горячности? Посему и сказалъ Апостолъ: *другъ ко другу любезни,* то есть, любите горячо. Не дожидайся, чтобы другой обнаружилъ къ тебѣ любовь; но бѣги къ нему самъ и начни первый. Тогда ты пріобрѣтешь награду и за его любовь. Показавъ причину, по которой обязаны мы любить другъ друга, Апостолъ объясняетъ, какъ любовь наша можетъ сдѣлаться непоколебимою. Посему присовокупляетъ: *честію другъ друга больша творяще.* Ибо чрезъ сіе любовь раждается и поддерживается. Ничто не пріобрѣтаетъ намъ столько друзей, какъ стараніе превзойти ближняго почтительностію. Отъ сего возрастаетъ не

только любовь, но и почтеніе. Какъ описанное выше происходитъ отъ любви, такъ любовь—отъ почтенія, а равно и почтеніе—отъ любви.

Послѣ сего Апостолъ требуетъ отъ насъ не одной почтительности, но чего — то еще большаго, говоря: (11) *тщаніемъ не лѣнивеи*. И сіе раждаетъ любовь, когда при почтительности оказываемъ услуги. Ибо ничто такъ не заставляетъ любить, какъ почтеніе и попечительность. Не довольно любить, но нужно имѣть и сіе, или лучше сказать, какъ это происходитъ отъ любви, такъ и любовь дѣлается отъ сего горячѣе; одно подкрѣпляетъ другое. Многіе, хотя сердечно другъ друга любятъ, однакоже не подадутъ другъ другу помощи. Посему Апостолъ отвсюду подкрѣпляетъ любовь. А какъ можемъ быть *тщаніемъ не лѣнивеи? Духомъ горяще*. Замѣть, что Апостолъ во всемъ требуетъ усиленія. Онъ сказалъ: не только подавайте, но не скудно; не только начальствуйте, но съ раченіемъ; не только совершайте дѣла милосердія, но съ радостію; не только будьте почтительны, но предупреждайте въ почтеніи другихъ; не только любите, но любите не притворно; не только удерживайтеся отъ зла, но ненавидьте оное; не только держитесь добраго, но прилѣпляйтесь къ оному; не только будьте дружелюбны, но съ нѣжностію; не только будьте тщательны, но неослабно; не только имѣйте духъ, но пламенѣйте духомъ, то есть, будьте усердны и ревностны.

Если будешь имѣть все теперь изчисленное, то привлечешь Духа. А если пребудетъ въ тебѣ Духъ; то содѣлаетъ тебя рачительнымъ ко всему исчисленному. Когда же воспламененъ будешь Духомъ и любовію; тогда все сдѣлается для тебя легкимъ. Ужели ты не видывалъ, сколько ужасенъ для всѣхъ волъ, когда у него на хребтѣ зажженъ огонь? Такъ и ты сдѣлаешся нестерпимымъ для діавола, если возмешь оба сіи пламенника. *Господеви работающе.* Исполнять все сіе значитъ служить Богу. Ибо что дѣлаешь для брата, то Владыка твой относитъ къ Себѣ, и какъ бы Самъ получивъ отъ тебя благодѣяніе, вознаграждаетъ тебя за то. Видишь ли, чѣмъ поощряетъ Апостолъ исполняющаго сіе?

Показавъ, какъ можетъ возгорѣться огнь Духа, Апостолъ говоритъ далѣе: (12) *упованіемъ радующеся, скорби терпяще, въ молитвѣ пребывающе.* Все сіе служитъ для поддержанія онаго огня. И какъ Апостолъ требовалъ денежныхъ издержекъ, тѣлесныхъ трудовъ, покровительства, раченія, ученія и другихъ подвиговъ; то сверхъ любви и Духа умащаетъ еще подвижника надеждою. Ибо добрая надежда всего болѣе дѣлаетъ душу мужественною и на все готовою. Между тѣмъ до полученія ожидаемыхъ благъ Апостолъ даетъ другую еще награду. Поелику надежда имѣетъ предметомъ будущее; то говоритъ онъ: *въ бѣдствіи будьте терпѣливы.* Прежде будущихъ

благъ, въ настоящей жизни пожнешь ты немаловажный плодъ отъ бѣдствій,—содѣлаешься терпѣливымъ и опытнымъ. Сверхъ того Апостолъ доставляетъ еще пособіе, говоря: *въ молитвѣ пребывающе.* Итакъ, когда любовь доставляетъ тебѣ удобство, Духъ вспомоществуетъ, надежда облегчаетъ, бѣдствія дѣлаютъ тебя опытнымъ и способнымъ переносить все мужественно, когда сверхъ того имѣешь другое сильнѣйшее оружіе—молитву и помощь, тобою испрашиваемую; тогда что уже остается труднаго въ исполненіи заповѣдей? Ничего. Видишь ли, какъ Апостолъ отвсюду утвердилъ своего подвижника, и доказалъ, что заповѣди его весьма легки?

Замѣть также, что опять начинаетъ онъ говорить о милостынѣ, и не просто о милостынѣ, но о милостынѣ святымъ. Хотя выше сказавъ: *милуяй съ добрымъ изволеніемъ*, отверзъ руку для всѣхъ; впрочемъ теперь говоритъ о вѣрныхъ; почему присовокупляетъ: (13) *требованіемъ святыхъ пріобщающеся*. Не сказалъ: помогайте святымъ въ нуждахъ, но: пріобщайтеся ихъ нуждамъ, показывая тѣмъ, что помогающіе болѣе получаютъ, нежели даютъ, что вспоможеніе есть купля, такъ какъ оно есть общеніе. Ты даешь деньги; а они даютъ тебѣ дерзновеніе предъ Богомъ. *Странноліобія держащеся*. Не сказалъ Апостолъ: будьте странноприимны, но: *упражняйтесь въ страннопріимствѣ*, научая насъ, чтобы мы

не дожидались, когда нуждающіеся придутъ къ намъ, но сами бѣжали къ нимъ и догоняли ихъ.

Такъ поступалъ Лотъ, такъ поступалъ Авраамъ. Цѣлый день провелъ онъ, выжидая сего прекраснаго лова, и увидѣвъ, вскочилъ, побѣжалъ на встрѣчу, поклонился до земли и сказалъ: *Господи, аще убо обрѣтохъ благодать предъ Тобою, не мини раба Твоего* (Быт. XVIII, 3). Онъ не подражалъ намъ, которые, какъ скоро увидимъ странника или нищаго, поднимаемъ брови и не хотимъ удостоить его даже словомъ. А если, тронувшися тысячею просьбъ, велимъ кому изъ слугъ подать небольшую монету; то думаемъ, что съ нашей стороны выполнено все должное. Не такъ поступилъ Авраамъ; онъ представлялъ изъ себя просителя и слугу, хотя не зналъ, кого примешъ у себя. А мы совершенно знаемъ, что принимаемъ у себя Христа; однакожъ не становимся отъ того снисходительными. Авраамъ зоветъ, проситъ, кланяется; а мы оскорбляемъ приходящихъ къ намъ. Авраамъ все исправляетъ самъ съ женою; а мы не хотимъ заставить слугъ. Если угодно тебѣ посмотрѣть на самое угощеніе, предложенное Авраамомъ; то и здѣсь увидишь великую щедрость, состоявшую не въ обиліи предложеннаго, но въ богатствѣ усердія. Сколько было когда людей достаточныхъ? Но ни одинъ не сдѣлалъ ничего подобнаго. Сколько было вдовицъ въ землѣ Израильской? Но ни одна не приняла въ домъ свой Илію. Сколько было

достаточныхъ людей и при Елиссеѣ? Но одна Соманитяныня пожала плоды страннопріимства. Подобно и Авраамъ отличался въ свое время щедростію и усердіемъ. Особенно же заслуживаетъ удивленіе тѣмъ, что оказалъ щедрость и усердіе не зная, кто были пришедшіе къ нему. Такъ и ты не любопытствуй; потому что принимаешь для Христа. А если всякой разъ будешь допытоваться, то часто будешь обходить человѣка достойнаго и лишишься слѣдовавшей за то награды. Между тѣмъ принимающій и недостойнаго не дѣлается виновнымъ, но имѣетъ свою награду. *Ибо пріемляй Пророка во имя пророче, мзду пророчу пріиметъ* (Матѳ. X, 41). А кто отъ неумѣреннаго любопытства обходитъ человѣка достойнаго удивленія; тотъ навлекаетъ на себя казнь. Итакъ не любопытствуй о жизни и дѣлахъ; за одинъ кусокъ хлѣба подвергать испытанію цѣлую жизнь, показываетъ крайнюю неразборчивость. Пусть онъ убійца, разбойникъ, или что тому подобное; не ужели, по твоему мнѣнію, не стоитъ куска хлѣба и не многихъ монетъ? Господь твой и для него изводитъ солнце; а ты считаешь его не стоющимъ дневнаго пропитанія? Но я скажу тебѣ еще больше. Ежели тебѣ совершенно извѣстно, что онъ совершилъ тысячи преступленій; и тогда ты неизвинителенъ, лишая его дневнаго пропитанія. Ибо ты рабъ Того, Кто сказалъ: *не вѣсте, коего духа есте вы* (Луки IX, 55). Ты слушатель Того, Кто

оказывалъ услуги мешавшимъ въ Него камнями, или лучше сказать, Кто за нихъ распятъ. Не говори мнѣ, что онъ убилъ человѣка. Ежели и тебя намѣревается убить, и въ такомъ случаѣ не презирай его, когда онъ голоденъ. Ты ученикъ Того, Кто желалъ спасенія распинавшимъ Его, Кто даже на Крестѣ говорилъ: *Отче, отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ* (Луки XXIII, 34). Ты рабъ Того, Кто оказалъ услугу ударившему Его, увѣнчалъ поносившаго Его даже на Крестѣ. Можетъ ли что съ симъ сравниться? Ибо сначала оба разбойники поносили Его; не смотря на то одному изъ нихъ отверзъ Онъ рай. Онъ плачетъ о тѣхъ, которые намѣреваются убить Его, безпокоится и смущается, увидѣвъ предателя, не потому, что Самъ будетъ распятъ, но потому, что тотъ погибнетъ,—смущается, потому что предвидитъ пятно, а за пятномъ казнь. Зная злобу Іуды, до послѣдняго часа терпѣлъ его, и не оттолкнулъ, но цѣловалъ предателя. Твой Владыка цѣлуетъ, допускаетъ прикоснуться къ устамъ Своимъ того, кто вскорѣ имѣлъ пролить драгоцѣнную кровь Его; а ты ничего не удостоиваешь и куска хлѣба? Не уважаешь закона, постановленнаго Христомъ? Онъ доказалъ сими дѣйствіями, что не должно отвращаться не только нищихъ, но и тѣхъ, которые ведутъ насъ на смерть.

Итакъ не говори мнѣ, что сей человѣкъ причинилъ тебѣ зло; но подумай, что дѣлалъ Христосъ до самаго Креста, самымъ тѣмъ

цѣлованіемъ, которымъ предавалъ Его Іуда, желавшій исправить предателя. И въ какой стыдъ должно бы привести его сіе цѣлованіе? Ибо Христосъ сказалъ: *Іудо! лобзаніемъ ли Сына человѣческаго предаеши* (Луки XXII, 48)? Кого бы не смягчилъ, кого бы не тронулъ сей голосъ? какого звѣря? какой адамантъ? Но не смягчилъ, не тронулъ сего несчастнаго! Итакъ не говори, что такой—то убилъ такого—то; и потому я гнушаюсь имъ. Ежели кто хочетъ пронзить тебя мечемъ, обагрить руку въ гортани твоей, ты цѣлуй сію руку; потому что Христосъ цѣловалъ уста, причинившія Ему смерть. И ты не ненавистію, но слезами и милосердіемъ воздавай злоумышляющему, потому что онъ стоитъ нашего сожалѣнія и слезъ. Мы служители Того, Кто цѣловалъ предателя,—я никогда не престану повторять сего,—Кто произнесъ слова, нѣжнѣйшія самаго цѣлованія. Господь не сказалъ Іудѣ: злодѣй, нечестивецъ, предатель, такую ли воздаешь Намъ награду за столько благодѣяній? Но что говоритъ Онъ? *Іудо!* называетъ его по имени, что показываетъ болѣе жалость и желаніе обратить его, нежели гнѣвъ. Не сказалъ также: предаешь своего Учителя, Владыку и благодѣтеля: но говоритъ: предаешь Сына человѣческаго. Хотя бы Я не былъ твоимъ Учителемъ и Владыкою; то можно ли предавать Того, Кто расположенъ къ тебѣ такъ милостиво и искренно, что цѣлуетъ тебя въ минуту предательства, когда твое цѣлованіе

служитъ знакомъ предательства? Благословенъ Ты, Господи! Какого смиренія, какого терпѣнія показалъ Ты намъ примѣръ! Такъ поступилъ Христосъ съ Іудою; а въ отношеніи къ тѣмъ, которые пришли съ дреколіями и мечами, употребилъ иныя мѣры. И что можетъ быть милостивѣе сказаннаго имъ Господомъ? Кто въ одно мгновеніе могъ всѣхъ ихъ истребить, не только сего не дѣлаетъ, но вступаетъ въ разговоръ, дабы пробудить въ нихъ стыдъ, и говоритъ: *яко на разбойника ли изыдосте со оружіемъ и дрекольми* (Матѳ. XXVI, 55)? Повергши ихъ предъ Собою на землю, когда они лежали безъ чувствъ, добровольно Себя предалъ, и терпѣливо взиралъ, какъ облагали узами святыя руки, Тотъ, Кто могъ все поколебать и ниспровергнуть. А ты и послѣ сего жестоко обходишься съ нищимъ? Ежели онъ виновенъ въ тысячѣ преступленій; то довольно его бѣдности и голода, чтобы смягчить твое сердце, если оно не слишкомъ огрубѣло. А ты смотришь на него какъ звѣрь, уподобляясь гнѣвомъ льву. Но и львы никогда не ѣдятъ мертвыхъ тѣлъ; а ты, видя человѣка, истомленнаго множествомъ золъ, наступаешь на лежащаго, терзаешь его тѣло обидами, присоединяешь бурю къ бурѣ, и прибѣгнувшаго къ пристани ударяешь объ утесъ, подвергаешь кораблекрушенію, которое ужаснѣе морскаго. И какъ скажешь Богу: помилуй меня? Просишь себѣ отпущенія грѣховъ; а самъ обижаешь человѣка,

который ни въ чемъ не погрѣшилъ противъ тебя, осуждаешь за то, что терпитъ голодъ и нужду, всякаго звѣря превосходишь ты жестокостію. Звѣрь кидается на свойственную ему пищу, когда нудитъ къ тому голодъ; а ты, безъ всякой нужды, безъ всякаго побужденія, пожираешь брата, грызешь, терзаешь, если не зубами, то словами, которыя язвительнѣе всякаго угрызенія. Какъ же будешь вкушать святую просфору, когда гортань твоя обагрена кровьми человѣческими? Какъ произнесешь слово мира устами, которыя полны вражды? Какъ будешь ѣсть пѣлесную пищу, когда ты собираешь столько яда? Ты не помогаешь бѣдному; на что же угнѣтаешь? Не поднимаешь лежащаго; для чего же роняешь? Не утѣшаешь въ печали; для чего же огорчаешь? Не даешь денегъ; для чего же оскорбляешь словами? Ужели не слыхалъ, какая казнь, какія мученія постигнутъ тѣхъ, которые не кормятъ нищихъ? Имъ будетъ сказано: *идите во огнь, уготованный діаволу и аггеломъ его* (Матѳ. XXV, 41). Если на сіе осуждены тѣ, которые не кормятъ нищихъ; то какой подвергнутся казни, которые не только не кормятъ, но еще оскорбляютъ? Какое готовится имъ мученіе? Какая геенна? Итакъ, дабы не возжечь для себя столькихъ золъ, уврачуемъ злой недугъ сей, пока то въ нашей волѣ, и обуздаемъ языкъ свой. Не только не станемъ оскорблять нищихъ; но будемъ утѣшать ихъ и словомъ и дѣломъ, дабы

заготовишь себѣ много милосердія, достигнуть обѣтованныхъ благъ. Да даруетъ Богъ получить оныя всѣмъ намъ по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ и Святому Духу, слава, держава, честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ; Аминь.

БЕСѢДА 22.

XII, 14. *Благословляйте гонящія вы, благословите, а не клените.*

Научивъ Римлянъ, какія должно имѣть расположенія другъ ко другу, и тѣсно соединивъ между собою члены тѣла Христова, Апостолъ выводитъ уже ихъ на рапоборство съ невѣрующими, каковую борьбу много облегчилъ онъ предшествовавшими своими наставленіями. Какъ не исправившему домашнихъ дѣлъ труднѣе устроить чужія; такъ снискавшій опытность въ управленіи своимъ домомъ, легко управится съ посторонними. Посему и Павелъ непосредственно за обязанностями къ своимъ излагаетъ обязанности къ постороннимъ, и говоритъ: *благословляйте гонящія вы.* Не сказалъ: не помните обидъ, не мстите; но потребовалъ гораздо большаго. Первое исполняетъ и человѣкъ любомудрый; а то, чего требуетъ Ап[illegible] дѣло Ангельское.

Сказавъ: *благословите*, присовокупилъ: *а не клените*, дабы не сталъ кто вмѣсто благословлять и проклинать, но только благословлялъ. Гонители суть приставники для раздачи намъ наградъ. А если будешь бодрствовать, то сверхъ этой награды самъ пріобрѣтешь себѣ другую. Онъ доставитъ тебѣ награду за то, что ты гонимъ; а самъ пріобрѣтешь за то, что благословляешь гонителя; ибо сіе служитъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ любви твоей ко Христу. Какъ проклинающій гонителя показываетъ, что не съ большою радостію терпитъ гоненіе за Христа; такъ благословляющій обнаруживаетъ тѣмъ сильную любовь. Итакъ не укоряй гонителя, дабы тебѣ самому получить большую награду, а его вразумить, что терпишь по усердію, а не по нуждѣ, что это составляетъ для тебя торжество и веселіе, а не бѣдствіе и горесть. Посему и Христосъ сказалъ: *радуйтеся*, *егда рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще* (Матѳ. V, 11, 12). Посему и Апостолы возвратились изъ синедріона радуясь, что не только ихъ злословили, но и били. Сверхъ того пріобрѣтешь и другую немаловажную выгоду; ты приведешь въ изумленіе противниковъ, и вразумишь ихъ своими дѣлами, что ты готовишься къ другой жизни. Какъ скоро замѣтитъ твой гонитель, что ты съ радостію и охотно терпишь зло, то самымъ опытомъ увѣрится, что у тебя есть иныя надежды, превосходящія все настоящее.

А если станешь весши себя иначе, будешь плакать и жаловаться; изъ чего узнать ему, что ты ожидаешь другой жизни? Кромѣ сего тебѣ представляется еще новый успѣхъ. Когда гонитель увидитъ, что ты не оскорбляешься обидами, но еще благословляешь обидѣвшаго; перестанетъ тебя безпокоить. Итакъ вотъ сколько происходитъ отсюда добра! Награда твоя увеличивается, искушеніе уменьшается, гонитель прекращаетъ гоненіе, Богъ прославляется, любомудріе твое обращается для заблуждающагося въ урокъ, руководствующій къ благочестію. Посему оскорбляющимъ не только словомъ, но и дѣломъ, даже гонителямъ Апостолъ повелѣлъ воздавать противнымъ. И сначала заповѣдуетъ благословлять ихъ; въ послѣдствіи же убѣждаетъ оказывать имъ благодѣянія.

(15) *Радоватися съ радующимися, и плакати съ плачущими.* Можно благословлять, а не проклинать; впрочемъ дѣлать сіе не изъ любви; а Апостолъ хочетъ, чтобъ мы были согрѣты дружелюбіемъ. Посему присовокупилъ, что должно не только благословлять, но и соболѣзновать и сострадать, когда видимъ, что ближніе впали въ нещастіе. Согласенъ, скажешь; но ежели Апостолъ имѣлъ причину предписать, чтобы мы скорбѣли съ плачущими; то для чего далъ онъ другое повелѣніе, которое не заключаетъ въ себѣ никакой важности? Напротивъ для того, чтобы радоваться съ радующимися, душѣ нужно болѣе

любомудрія, нежели для того, чтобы плакать съ плачущими. Къ послѣднему влечетъ насъ сама природа; и нѣтъ такого каменнаго человѣка, котораго бы не плакалъ при видѣ нещастнаго. Но чтобы видя человѣка въ благополучіи, не только не завидовать, но еще раздѣлять съ нимъ радость; на сіе потребна душа очень благородная. Посему Апостолъ и сказалъ о семъ напередъ. Всего болѣе располагаетъ насъ къ любви, когда раздѣляемъ другъ съ другомъ и радости и печали. Итакъ не чуждайся сострадания, потому что бѣды отъ тебя далеко. Когда твой ближній терпитъ зло, ты долженъ нещастіе его считать какъ бы своимъ. Раздѣляй съ нимъ слезы, чтобы облегчить печаль его; раздѣляй радости, чтобы веселіе было прочнѣе, любовь неразрывнѣе, чтобы не одинъ ближній, но и самъ ты получилъ пользу, когда, плача съ нимъ, пріобучишься къ милосердію, и радуяся съ нимъ, мучишься отъ зависти и недоброжелательства. Смотри же, какъ необременительна заповѣдь Павлова. Не сказалъ онъ: избавь отъ бѣды; тогда могъ бы ты возразить, что сіе во многихъ случаяхъ не возможно. Напротивъ Апостолъ предписалъ легчайшее, что совершенно въ твоей волѣ. Если не можешь отвратить нещастія; проливай слезы, и тѣмъ весьма уменьшишь оное. Если не можешь увеличить благополучія; присовокупи свою радость, и тѣмъ много придашь оному. Итакъ Апостолъ повелѣваетъ не только не

завидовашь, но, что гораздо важнѣе, радоваться вмѣстѣ съ ближнимъ; потому что сіе гораздо больше значитъ, нежели не завидовашь.

(16) *Тожде другъ ко другу мудрствующе: не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся.* Опять Апостолъ, какъ и въ началѣ рѣчи, весьма заботится о смиренномудріи; потому что Римляне, и по мѣсту жительства, и по другимъ многимъ причинамъ, какъ и естественно, исполнены были гордости. Посему-то Апостолъ постоянно старается удалить болѣзнь и низложить надменіе. Ибо ничто такъ не раздираетъ тѣла церкви, какъ высокомѣріе. Что же значатъ слова: *тожде другъ ко другу мудрствующе?* Къ тебѣ въ домъ пришелъ нищій? Будь съ нимъ единомыслен, не принимай на себя слишкомъ важнаго вида, потому что ты богатъ. Во Христѣ нѣтъ ни богатаго, ни бѣднаго. Не стыдись наружнаго одѣянія, а принимай по внутренней вѣрѣ. Видишь ли плачущаго; не считай его недостойнымъ утѣшенія. Видишь ли благодействующаго; не стыдись раздѣлять его удовольствія и чувствованія; но какъ думаешь о себѣ, такъ думай и о немъ. *Будьте единомыслены между собою,* говоритъ Апостолъ. Напримѣръ: ты считаешь себя большимъ человѣкомъ? Почитай и его такимъ же. Ты подозрѣваешь, что онъ малъ и низокъ сердцемъ? Произнеси такой же судъ и о себѣ, отрини всякое неравенство. А какъ возможно сіе? Возможно,

если отложишь высокоуміе. Посему Апостолъ присовокупилъ: *не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся*, то есть, снизойди, примѣнись, приспособись къ его низости. Не только раздѣляй смиренныя его чувствованія, но помогай, подавай ему руку, не чужую, а свою, какъ отецъ радѣетъ о сынѣ, голова о тѣлѣ. Тоже самое говоритъ Апостолъ и въ другомъ мѣстѣ: *поминайте узники, аки съ ними связани* (Евр. XIII, 3). Подъ именемъ же *смиренныхъ* Апостолъ разумѣетъ здѣсь не просто смиренномудрыхъ, но униженныхъ и презираемыхъ. *Не бывайте мудри о себѣ*, то есть, не думайте, что сами себя во всемъ удовлетворить можете. И въ другомъ мѣстѣ говоритъ Писаніе: *горе, иже мудри въ себѣ самихъ: и предъ собою разумни* (Иса. V, 21). Апостолъ опять подрываетъ симъ высокоуміе, низлагаетъ киченіе и гордость. Ибо ничто такъ не отвращаетъ и не отдѣляетъ насъ отъ людей, какъ мысль, что я самъ себя во всемъ могу удовлетворить. Богъ поставилъ насъ въ зависимости другъ отъ друга. Хотя ты и уменъ; но имѣешь нужду въ другомъ. А если думаешь обойтись безъ посторонней помощи, то ты сталъ глупѣе и безсильнѣе всякаго. Кто такъ думаетъ, тотъ самъ себя лишаетъ всякой помощи; если онъ въ чемъ согрѣшитъ, не кому его исправить и извинить; онъ раздражитъ Бога своимъ высокоуміемъ, и учинитъ множество грѣховъ.

Часто, очень часто бываетъ, что умный не видитъ должнаго, а менѣе умный открываетъ, что нужно. Это случилось съ Моисеемъ и шестемъ его, съ Сауломъ и отрокомъ его, съ Исаакомъ и Ревеккою. Не считай для себя униженіемъ имѣть нужду въ другомъ. Напротивъ это возвышаетъ тебя, дѣлаетъ сильнѣе, знаменитѣе, доставляетъ тебѣ большую безопасность.

(17) *Ни единому же зла за зло воздающе.* Ежели упрекаешь другаго въ зломъ умыслѣ; то для чего и себя дѣлаешь виновнымъ? Если онъ сдѣлалъ зло, для чего не уклоняешься отъ подражанія ему? Замѣть, что Апостолъ не сдѣлалъ здѣсь никакого разграниченія, но далъ общій законъ. Онъ не сказалъ: не воздавай зломъ за зло вѣрному; но говоритъ: не воздавай никому, ни язычнику, ни злодѣю, кто бы то ни былъ. *Промышляюще добрая предъ всѣми человѣки.*

(18) *Аще возможно, еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте*, то есть, *да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки* (Матѳ. V, 16). Мы должны дѣлать добро не изъ тщеславія, но чтобы не подать повода укорять насъ тѣмъ, которые ищутъ сего. Посему Апостолъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Безпретыновени бывайте Іудеемъ и Еллинолъ и церкви Божіей* (1 Кор. X, 32). Превосходно также замѣтилъ Апостолъ слѣдующее: *аще возможно, еже отъ васъ.* Ибо иногда невозможно быть въ мирѣ, напримѣръ: когда идетъ рѣчь

о благочестіи, когда ты заступаешься за обиженныхъ. И что удивительнаго, если не всегда возможно быть въ мирѣ со всѣми людьми, когда Апостолъ уволилъ отъ сей необходимости мужа и жену, сказавъ: *аще ли невѣрный отлучается, да разлучится* (1 Кор. VII, 15). Смыслъ Апостольскихъ словъ таковъ. Сколько отъ тебя самаго зависитъ, никому не подавай случая ко враждѣ и брани, ни Іудею, ни язычнику. Если же видишь, что нарушается благочестіе, не предпочитай согласія истинѣ, но стой за нее мужественно, даже до смерти. И въ этомъ случаѣ не враждуй сердцемъ, не теряй добраго расположенія; а вставай только противъ поступковъ. Вотъ что значатъ слова: *еже отъ васъ, со всѣми человѣки миръ имѣйте.* Если другой не соблюдаетъ мира; ты не воздвигай бури въ душѣ своей, но внутренно будь его другомъ, однако же нимало не измѣняя истинѣ, какъ замѣтилъ я выше.

(19) *Не себе отмщающе, возлюбленніи, но дадите мѣсто гнѣву: писано бо есть: Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь.* Чьему гнѣву должны мы давать мѣсто? Божію. И какъ обиженный всего болѣе желаетъ видѣть сіе, дабы насладиться мщеніемъ; то Богъ даетъ тоже самое въ большей мѣрѣ. И если ты самъ не отмстишь; Онъ будетъ твоимъ мстителемъ. Итакъ Ему, говоритъ Апостолъ, предоставь отмщеніе. Вотъ что значатъ слова: *дадите мѣсто гнѣву.* Потомъ

для большаго успокоенія Апостолъ привелъ свидѣтельство; и чѣмъ болѣе ободряетъ слушателя, тѣмъ большаго требуетъ любомудрія, говоря:

(20) *Аще убо алчетъ врагъ твой, ухлѣби его: аще жаждетъ, напой его. Сіе бо творя, угліе огненно собираеши на главу его* (Притч. XXV, 22 и 23). (21) *Не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое.* Что я говорю, продолжаетъ Апостолъ, надобно жить въ мирѣ со врагомъ? Я повелѣваю благодѣтельствовать ему. Накорми его и напой, сказано. Поелику же заповѣдь сія весьма трудна и велика; то присовокуплено: *сіе бо творя, угліе огненно собираеши на главу его.* Апостолъ сказалъ сіе для того, дабы обидчика обуздать страхомъ, а обиженнаго поощрить надеждою воздаянія. Ибо когда обиженный ослабѣваетъ въ духѣ; не столько поддерживаютъ его собственныя блага, сколько казнь оскорбившаго его. Всего пріятнѣе для человѣка видѣть врага наказаннымъ. А чего человѣкъ желаетъ; то Апостолъ и даетъ ему прежде. Когда же ядъ извлеченъ, предлагаетъ ему увѣщанія болѣе возвышенныя, говоря: *не побѣжденъ бывай отъ зла.* Апостолъ зналъ, что врагъ, хотя бы онъ былъ звѣрь, будучи накормленъ, не останется врагомъ, и что обиженный, сколько бы онъ ни былъ мстителенъ, накормивъ и напоивъ врага, не станетъ уже желать мщенія. Посему, будучи увѣренъ въ окончаніи дѣла, не только угрожаетъ, но дѣлается щедрымъ на самыя

наказанія. Не говоришъ, что навлекаешь мщеніе, но: *уголіе огненно собираеши на главу его.* А потомъ даешъ свою заповѣдь, говоря: *не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое.* Чрезъ сіе же скрытнымъ образомъ внушаешъ, что не съ такимъ намѣреніемъ должно благодѣтельствовать врагу. Ибо помнить обиду—значитъ быть уже побѣждаему зломъ. И хотя сначала Апостолъ не сказалъ сего, потому что сіе было еще неблаговременно; впрочемъ какъ скоро испослалъ гнѣвъ слушателя, немѣдленно присовокупляетъ: *побѣждай благимъ злое.* Ибо и это есть побѣда. Боецъ одерживаетъ побѣду не тогда, какъ подвергаетъ себя ударамъ противника, но когда приводитъ себя въ такое положеніе, что противникъ принужденъ бить воздухъ одинъ. Чрезъ сіе какъ самъ онъ спасается отъ ударовъ, такъ противникъ понапрасну тратилъ силы свои. Тоже бываетъ и при оскорбленіяхъ. Когда укоризну отражаешь укоризною; тогда побѣждаетъ тебя не человѣкъ, а, что гораздо срамнѣе, подлая страсть, потому что любою владѣетъ гнѣвъ. Когда же молчишь; ты побѣдилъ, безъ труда воздвигъ себѣ трофей; тысячи людей готовы увѣнчать тебя, и признать ложь злословія. Кто опровергаетъ злословіе, тотъ своими возраженіями показываетъ, что оно уязвляетъ его; а кто уязвляется, тотъ внушаетъ подозрѣніе, что сознается въ томъ, за что злословятъ. Но ежели отвѣчаешь смѣхомъ;

то самый смѣхъ опровергаетъ худое о тебѣ сужденіе. И если хочешь имѣть ясное доказательство справедливости словъ моихъ; спроси самаго врага своего, что для него больнѣе, то ли, что ты разгорячившись за оскорбленіе платишь ему оскорбленіемъ, или то, что смѣешься надъ обидчикомъ? Онъ скажетъ, что послѣднее гораздо для него больнѣе. Не столько пріятно для него то, что не слышитъ отъ тебя оскорбленій, сколько мучительно то, что не можетъ тебя вывесть изъ терпѣнія. Не случалось ли тебѣ видать человѣка въ сильномъ гнѣвѣ, какъ онъ, ни во что ставя наносимые ему удары, со всею стремительностію кидается, и злѣе дикаго вепря старается только наносить раны ближнему, сего одного домогается, о семъ заботится больше, нежели о томъ, чтобы предостеречь себя отъ вреда? Лишая врага того имянно, чего особенно желаетъ онъ, ты его лишаешь всего, унижаешь, показываешь, что онъ достоинъ презрѣнія, что онъ ребенокъ, а не мужъ. Самъ ты пріобрѣтаешь тѣмъ славу любомудраго человѣка, а о немъ заставляешь думать, какъ о негодномъ звѣрѣ. Тѣже употребимъ мѣры, ежели случится принять побои; и кого хотимъ бить, тому не будемъ платить ударомъ за ударъ. Но хочешь ли нанесть смертельный ударъ? Ударившему тебя подставь другую щеку; симъ нанесешь ему тысячи ранъ. Ты, которые будутъ рукоплескать и дивиться, сдѣлаются для него страшнѣе бросающихъ въ

него камнями; а еще прежде осудитъ и приговоритъ его къ ужасному наказанію совѣсть; и онъ пойдетъ прочь со стыдомъ, какъ осужденный на смерть. Ежели ты заботишься и о людской славѣ; то пріобрѣтешь ее въ большей мѣрѣ такимъ поступкомъ. Ибо къ злостраданіямъ другихъ во всякомъ случаѣ имѣемъ мы нѣкоторое состраданіе. А когда видимъ человѣка, который не платитъ за ударъ ударомъ, но самъ подставляетъ щеку; не только о немъ сожалѣемъ, но и дивимся ему.

Сіе-то извлекаетъ у меня слезы. Повинуясь Христовымъ законамъ, какъ должно, могли бы мы имѣть у себя настоящія блага, и получить будущія; но теряемъ то и другое, потому что не слѣдуемъ заповѣданному, и чрезъ мѣру мудрствуемъ. Ибо Христосъ на все далъ приличные законы, и показалъ, что служитъ къ нашей славѣ, и что къ нашему позору. И сіе предписалъ не съ тѣмъ, чтобы учениковъ Своихъ сдѣлать смѣшными. Напротивъ далъ сію заповѣдь потому, что не злословить, когда слышишь злословіе, и не дѣлать зла, когда терпишь оное, возвеличиваетъ тебя предъ всѣми. А ежели это служитъ къ нашей славѣ; то гораздо славнѣе, когда на злорѣчіе отвѣчаемъ добромъ, когда хвалимъ оскорбляющихъ, благодѣтельствуемъ тѣмъ, которые мыслятъ противъ насъ зло. Для сего то и Христосъ далъ такую заповѣдь. Ибо Онъ щадитъ учениковъ Своихъ, и вѣрно знаетъ, что дѣлаетъ человѣка малымъ

и что великимъ. А ежели щадишъ и знаешъ; то для чего упорствуешь, и хочешь идти инымъ путемъ? Побѣждаешь дѣлая зло есть одинъ изъ діявольскихъ установовъ. Посему то и достигаютъ такимъ образомъ побѣды всѣ подвизающіеся на Олимпійскихъ игрищахъ, которыя посвящены діаволу. Не такова, но совершенно противоположенъ уставъ наградъ на поприщѣ Христовомъ; намъ узаконено увѣнчивать не поражающаго, но поражаемаго. Таково поприще Христово; всѣ постановленія онаго противоположны; не одною побѣдою, но еще болѣе самымъ способомъ побѣды возбуждаетъ оно удивленіе. Что въ другомъ мѣстѣ считается низложеніемъ, то здѣсь составляетъ побѣду. Это сила Божія, Это небесное поприще, это Ангельское позорище! Знаю, что и ваши сердца теперь согрѣты, что и вы теперь стали мягче воска; но все это минуется, какъ скоро удалишесь отсюда. Посему и соболѣзную, что не исполняемъ на дѣлѣ сказаннаго, не смотря на то, что пріобрѣли бы отъ сего величайшія выгоды. Ибо ежели будемъ оказывать снисхожденіе; то содѣлаемся для всѣхъ непобѣдимыми, и ни одинъ человѣкъ, ни малый, ни большій, не въ состояніи будетъ причинить намъ даже малаго вреда. Пусть иной говоритъ о тебѣ худо; онъ не повредитъ тебѣ, а нанесетъ величайшій вредъ себѣ самому. Пусть иной причинитъ тебѣ обиду; весь вредъ падетъ на обидчика. Не видишь ли, что и въ судилища обиженные входятъ безъ смущенія и

смѣло, говорятъ тамъ свободно, а обидчики являются съ поникшею головою, со стыдомъ и страхомъ? Но что говоритъ о злорѣчіи и обидахъ? Ежели кто изострилъ на тебя мечь и руку свою обагрилъ въ твоей горшани; тебѣ не сдѣлаетъ онъ вреда, а себѣ нанесетъ смерть. Сіе можетъ засвидѣтельствовать тотъ, кто первый палъ отъ братней руки. Онъ отошелъ въ безмятежную пристань, стяжавъ безсмертную славу; а братоубійца проводилъ жизнь бѣдственнѣйшую всякой смерти, стеня и трясясь, въ самомъ тѣлѣ нося улику своего злодѣянія. Конечно не сего пожелаемъ мы, а перваго. Кто терпитъ зло, въ томъ не живетъ зло; потому что не имъ произведено, но принято со внѣ и чрезъ терпѣніе обращено въ добро. А кто сдѣлалъ зло, въ томъ остается язва зла. Іосифъ не былъ ли въ темницѣ; а жена блудница, умыслившая на него зло, не жила ли въ свѣтломъ и великолѣпномъ домѣ? Впрочемъ кѣмъ бы изъ нихъ желалъ быть ты? Не говори мнѣ о воздаяніи, но разбери положеніе каждаго, каково оно само по себѣ. Тогда въ тысячу разъ предпочтешь съ Іосифомъ темницу чертогамъ, вмѣщавшимъ блудницу. А если заглянешь въ сердце того и другой, то увидишь, что сердце Іосифа пользуется всѣмъ просторомъ и свободою, а сердце Египтянки въ тѣснотѣ, въ стыдѣ, въ грусти, въ страхѣ, въ великой тоскѣ. Хотя повидимому она побѣдила; но это была не побѣда. Зная сіе, пріуготовимъ себя къ злострa-

даніямъ, дабы намъ, какъ освободиться отъ злостраданій, такъ и получить будущія блага, которыя дай Богъ получить всѣмъ намъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ и Святому Духу слава, держава, честь нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.—

БЕСѢДА 23.

XIII, 1. *Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется.*

Апостолъ много разсуждаетъ о семъ предметѣ и въ другихъ посланіяхъ, когда говоритъ о подчиненности какъ слугъ господамъ, такъ и подначальныхъ начальникамъ. А чрезъ сіе желаетъ онъ показать, что Христосъ ввелъ Свои законы не для испроверженія общаго гражданскаго устройства, но для исправленія и улучшенія онаго, и вмѣстѣ хочетъ научить, чтобы мы не предпринимали лишнихъ и безполезныхъ войнъ. Съ насъ довольно тѣхъ козней, какія устрояютъ противъ насъ за истину; а лишнихъ и безполезныхъ искушеній прилагать не должно. Замѣть же, какъ кстати завелъ Апостолъ рѣчь о семъ предметѣ. Послѣ того, какъ предложилъ слушателямъ различныя требованія Хр. любомудрія, настроилъ ихъ жить въ мирѣ съ друзьями и врагами, научилъ быть

полезными и для щастливыхъ, и для нещастныхъ, и для нуждающихся, коротко сказать, для всѣхъ, насадилъ уставы общежитія приличные Ангеламъ, истощилъ гнѣвъ, низложилъ высокоуміе, и совершенно умягчилъ ихъ сердца; послѣ всего того предлагаетъ свои увѣщанія о повиновеніи властямъ. Въ самомъ дѣлѣ, ежели за обиды должно воздавать противнымъ; то тѣмъ болѣе надлежитъ повиноваться благодѣтелямъ. Но это побужденіе Апостолъ оплагаетъ къ концу своего увѣщанія, а теперь, не касаясь подобныхъ сему доказательствъ, ограничивается тѣмъ, что призываетъ насъ къ повиновенію представленіемъ долга. И желая внушить, что заповѣдь его простирается не на однихъ мірскихъ людей, но на всѣхъ, и на священниковъ, и на монаховъ, объявляетъ о томъ напередъ, говоря такъ: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется.* Хотябъ ты былъ Апостолъ, хотя бы Евангелистъ, хотя бы Пророкъ, хотя бы другой кто; повинуйся. Подчиненіе власти не подрываетъ благочестія. Апостолъ здѣсь разумѣетъ не простое повиновеніе, но подчиненіе. Первое основаніе такого установленія, удовлетворяющее разуму вѣрныхъ, состоитъ въ томъ, что власти учреждены отъ Бога. *Нѣсть бо власть аще не отъ Бога;* говоритъ Апостолъ. Какъ это? Ужели всякій начальникъ поставленъ отъ Бога? Не по говорю я, отвѣтствуетъ Апостолъ. У меня идетъ теперь слово не о каждомъ начальникѣ

въ особенности, но о самомъ начальствѣ. Что есть начальства, что одни начальствуютъ, а другіе подчинены имъ, и что нѣтъ того неустройства, чтобы происходило что нибудь по случаю и безъ порядка, чтобы народы носились туда и сюда подобно волнамъ,—все сіе я называю дѣломъ Божіей премудрости. Посему Апостолъ не сказалъ, что нѣтъ начальника, который бы не былъ поставленъ отъ Бога, но, разсуждая вообще о начальствѣ, говоритъ: *нѣсть власть аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть*. Подобно сему, когда Премудрый говоритъ, что *отъ Господа сочетавается жена мужеви* (Прит. XIX, 14), разумѣетъ чрезъ сіе, что бракъ установленъ Богомъ, а не то, что Богъ сочетаваетъ каждаго вступающаго въ бракъ. Ибо видимъ, что многіе вступаютъ въ бракъ съ худыми видами и не по закону; чего однакожъ никакъ не можемъ вмѣнить Богу. Но что сказалъ Христосъ: *сотворивый искони, мужескій полъ и женскій сотворилъ я есть; и рече, сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь: и прилѣпится къ женѣ своей* (Матѳ. XIX, 4 и 5); тоже самое разумѣлъ и Премудрый. Поелику равенство часто доводитъ до ссоръ; то Богъ установилъ многіе виды начальства и подчиненности, какъ то: между мужемъ и женою, между сыномъ и отцемъ, между старцемъ и юношею, рабомъ и свободнымъ, между начальникомъ и подчиненнымъ, между учителемъ

и ученикомъ. И дивиться ли такому установленію между людьми, когда тоже самое учредилъ Богъ въ пѣлѣ? Ибо Онъ такъ устроилъ, что не всѣ члены имѣютъ равное достоинство, но одинъ ниже, другой важнѣе, и одни управляютъ, другіе состоятъ подъ управленіемъ. Тоже самое примѣчаемъ и у безсловесныхъ: у пчелъ, у журавлей, въ стадахъ дикихъ овецъ. Даже и море не лишено такогоже благоустройства, но и тамъ во многихъ родахъ рыбъ одна управляетъ и предводительствуетъ прочими, и подъ ея начальствомъ онѣ отправляются въ отдаленныя путешествія. Напротивъ безначаліе вездѣ есть зло и производитъ замѣшательство.

Апостолъ, сказавъ: кѣмъ установлены начальства, присовокупилъ: (2) *Тѣмже противляяйся власти, Божію повелѣнію противляется*. Смотри, куда ведетъ дѣло, чѣмъ успрашаетъ, и какъ доказываетъ, что повиноваться начальству есть наша обязанность. Дабы не сказалъ кто изъ вѣрующихъ: ты насъ унижаешь и дѣлаешь презрѣнными, подчиняя начальникамъ тѣмъ, кому предоставлено небесное Царство;—Апостолъ доказываетъ, что и въ настоящемъ случаѣ подчиняетъ ихъ не начальникамъ, но опять Богу. Ибо подчиняющійся начальству повинуется Богу. Впрочемъ Апостолъ не говоритъ сего прямо и такими словами: кто слушается начальства, тотъ повинуется Богу; но успрашаетъ пропивнымъ, и тоже самое подтверждаетъ съ большею силою,

сказавъ: кто не повинуется начальнику, тотъ противится Богу, узаконившему начальства; какъ и вездѣ спараешся внушать, что повиновеніе начальству есть не добровольная какая съ нашей стороны уступка, а нашъ долгъ. Такими наставленіями Апостолъ и вѣрныхъ побуждалъ къ повиновенію, и невѣрныхъ начальниковъ располагалъ въ пользу Хрістіанскаго благочестія. Тогда повсюду носилась молва, будто Апостолы мятежники и нововводители, которые словомъ и дѣломъ спараются подорвать общественные уставы. А доказавъ, что общій нашъ Владыка всѣмъ Своимъ чинителямъ повелѣваетъ соблюдать сіи уставы, можно и заградить уста клеветниковъ, обвиняющихъ насъ въ нововведеніяхъ, и съ большею смѣлостію защищать истинное ученіе. Итакъ не стыдись подчиненности, говоритъ Апостолъ. Этотъ законъ далъ Богъ, и грозно отмщаетъ презрителямъ онаго. Если ослушаешься; то Онъ накажетъ тебя, накажетъ не легкимъ, а самымъ строгимъ образомъ; никакія отговорки не спасутъ тебя; напротивъ и отъ людей понесешь жесточайшее наказаніе, потому что никто за тебя не вступится, и Бога сильно прогнѣваешь. Сіе—то самое внушаетъ Апостолъ, говоря: *противляющіися же, себѣ грѣхъ пріимутъ.*

Подѣйствовавъ страхомъ, Апостолъ доказываетъ пользу повиновенія, и убѣждаетъ изъ разума, говоря такъ: (3) *Князи бо не суть боязнь добрымъ дѣломъ, но злымъ.* Прежде

нанесъ глубокую рану, привелъ слушателей въ страхъ; теперь дѣлаетъ опять послабленіе, и, какъ мудрый врачъ, даетъ успокоевающее врачество, ушѣшаетъ и говоритъ: чего боишься? чего ужасаешься? Развѣ начальникъ бранитъ дѣлающаго добро; развѣ онъ страшенъ для ревнующаго о добродѣтели? Посему Апостолъ и присовокупляетъ: *хощеши же ли не боятися власти, благое твори, и имѣти будеши похвалу отъ него*. Видишь ли, какъ онъ дѣлающаго добро примиряетъ съ начальникомъ, показавъ, что начальникъ поставленъ хвалить его? Видишь ли, какъ обезоруживаетъ всякое негодованіе?

(4) *Божій бо есть слуга тебѣ во благое*. Начальникъ не только не страшенъ для тебя, но еще и хвалитъ тебя; не только не препятствуетъ тебѣ, но еще способствуетъ. Если же хвалитъ и помогаетъ; для чего не подчиняешься? Онъ облегчаетъ тебя въ подвигахъ добродѣтели даже и тѣмъ, что наказываетъ злыхъ, а добрыхъ осыпаетъ благодѣяніями и почестями, содѣйствуя тѣмъ волѣ Божіей; въ какомъ смыслѣ Апостолъ и назвалъ его слугою. Смотри же! я совѣтую тебѣ быть цѣломудреннымъ, и онъ тогоже требуетъ по законамъ. Я убѣждаю тебя не быть любостяжательнымъ, грабителемъ; и онъ надъ тѣмъ же поставленъ судіею. Слѣдственно онъ намъ сопрудникъ и помощникъ; на то онъ и посланъ Богомъ. Инакъ въ двоякомъ отношеніи досто-

инъ онъ нашего уваженія, и какъ Божій посланникъ, и какъ приставленный къ одному съ нами дѣлу. *Аще ли злое твориши, бойся.* Итакъ не начальникъ причиною страха, но наши собственные пороки. *Не бо всуе мечь носитъ.* Видишь ли, что Апостолъ представляетъ его вооруженнымъ подобно воину, дабы содѣлать страшнымъ для преступниковъ закона? *Божій бо слуга есть, отмститель въ гнѣвъ злое творящему.* А дабы ты, слыша о наказаніи, казни и мечѣ, не побѣжалъ прочь, Апостолъ снова подтверждаетъ, что начальникъ исполняетъ Божій законъ. Какая тебѣ нужда, ежели онъ и самъ того не знаетъ? Довольно того, что такъ учредилъ Богъ. Итакъ если начальникъ, наказываетъ ли онъ, или награждаетъ, Божій есть слуга, потому что защищаетъ добродѣтель, и гонитъ порокъ, чего самъ Богъ хочетъ; то для чего противишься тому, кто производитъ столько добра, и споспѣшествуетъ твоей пользѣ? Многіе сначала старались жить добродѣтельно для начальниковъ, а въ послѣдствіи прилѣпились къ добродѣтели изъ страха Божія. На людей грубыхъ не столько дѣйствуетъ будущее, сколько настоящее. А кто и страхомъ и почестями предрасполагаетъ сердца людей, чтобы они были способнѣе принять слово ученія; тотъ справедливо называется Божіимъ слугою.

(5) *Тѣмъ же потреба повиноватися не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть.* Что значитъ: *не токмо за гнѣвъ?* Ты долженъ

повиноватьсѧ, говоритъ Апостолъ, не потому только, что, не подчиняясь начальнику, противишься Богу, и тѣмъ отъ Бога и людей самъ навлекаешь на себя великія бѣдствія; но и потому, что начальникъ, какъ охранитель мира и гражданскаго благоустройства, есть величайшій твой благодѣтель. Тысячами выгодъ государства обязаны своимъ Правительствамъ. Какъ скоро упразднить начальство, все разсыплется; не устоятъ ни города, ни селенія, ни домы, ни торжище, ни какое другое заведеніе; напротивъ все испровергнется; отъ того, что сильнѣйшіе поглотятъ слабѣйшихъ. Итакъ если бы не повинующихся и не преслѣдовалъ гнѣвъ, тебѣ и тогда надлежало бы соблюдать подчиненность, дабы не оказаться безсовѣстнымъ и неблагодарнымъ благодѣтелю.

(6) *Сего бо ради и дани даете*, продолжаетъ Апостолъ: *служители бо Божіи суть во истое сіе пребывающе*. Не перечисляя въ подробности всѣхъ благодѣяній, какими государства обязаны своимъ правительствамъ, и каковы суть: благочиніе, миръ, и другія услуги какъ по военной, такъ и по гражданской части, Апостолъ на все то приводитъ одно слѣдующее доказательство. Платя дань правительству, говоритъ онъ, симъ самымъ ты свидѣтельствуешь, что оно благодѣтельствуетъ тебѣ. Замѣть мудрость и искуство блаженнаго Павла. То, что признавалось тягостнымъ и несноснымъ—то есть налоги, обращаетъ онъ въ дока-

запельство попечительности правительства. За что, спрашиваетъ онъ, даемъ Царю дани? Не за то ли, что онъ промышляетъ о насъ? Не есть ли это награда правителю за его попеченія? Мы не стали бы платить даней, если бы наперед не знали, что покровительство начальства будетъ для насъ полезно. Напротивъ издревле съ общаго согласія всѣми принято, чтобы правители содержались на нашъ счетъ; потому что они, оставивъ собственныя дѣла, пекутся о дѣлахъ общественныхъ, и все свое время проводятъ въ заботахъ о томъ, чтобы наша собственность была неприкосновенна. Приведши побужденія заимствованныя отвнѣ, Апостолъ опять возвращается къ прежнему своему доказательству: ибо такимъ образомъ онъ удобнѣе могъ привлечь на свою сторону вѣрныхъ. Посему снова показываетъ, что такъ угодно Богу, чѣмъ и заключаетъ свои убѣжденія, говоря: *служители бо Божіи суть.* Потомъ, изображая труды и бѣдствія сопряженныя со властію, присовокупляетъ: *во истое сіе пребывающе:* т. е. на то посвящена вся жизнь ихъ, о томъ всѣ заботы ихъ, чтобы ты наслаждался миромъ. Посему и въ другомъ посланіи Павелъ повелѣваетъ не только подчиняться начальникамъ, но и молиться за нихъ, при чемъ показываетъ и общую отъ того пользу, присовокупивъ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ* (Тит. II, 2). Ибо начальники не мало содѣйствуютъ къ спокойствію

настоящей жизни нашей тѣмъ, что вооружаются противъ враговъ, отражаютъ ихъ, усмиряютъ внутренніе мятежи, рѣшаютъ всякія ссоры. Не говори мнѣ, что иной употребляетъ власть во зло; напротивъ обрати вниманіе на спокойность гражданскаго постановленія и разсуди, сколько было мудрости въ томъ, кто узаконилъ сіе въ началѣ.

(7) *Воздадите убо всѣмъ должная: емуже убо урокъ, урокъ: а емуже дань, дань: а емуже страхъ, страхъ: и емуже честь, честь.* (8) *Ни единому же ничимже должни бывайте, точію еже любити другъ друга.* Апостолъ продолжаетъ еще прежнюю мысль, и повелѣваетъ въ дань начальникамъ приносить не только деньги, но честь и страхъ. Какъ же онъ сказалъ выше: ежели хочешь не бояться власти, то дѣлай добро; а теперь говоритъ: *воздадите страхъ?* Здѣсь подъ страхомъ разумѣетъ высшую степень почтенія, а не страхъ, происходящій отъ худой совѣсти, какой разумѣлъ выше. И не сказалъ: дайте, но *воздадите;* притомъ присовокупилъ: *должная.* Ибо исполненіе этого не есть даръ, но долгъ, и, если не выполнишь сего, то будешь наказанъ, какъ неблагодарный. Не думай, что унизишся и потерпишъ ущербъ честь твоего любомудрія, если въ присутствіи начальника встанешь или откроешь голову. Ибо ежели Апостолъ такъ узаконилъ, когда начальниками были язычники; то кольми паче надлежитъ наблюдать сіе нынѣ,

когда мы имѣемъ начальниковъ Христіанъ. Если же скажешь, что самому тебѣ ввѣрено больше; то знай, что еще не пришло твое время. Теперь ты странникъ и пришлецъ. А будетъ время, когда окажешься сильнѣе всѣхъ. Нынѣ жизнь твоя сокрыта *со Христомъ въ Богѣ; когда же Христосъ явится, тогда и вы съ Нимъ явитеся въ славѣ* (Колос. III, 3 и 4). Итакъ не ищи себѣ воздаянія во временной жизни; но если бы нужно было тебѣ и со страхомъ предстать начальнику, не считай сего унижающимъ твое благородство. Такъ угодно Богу, чтобы, пріявшій отъ Него почесть власти, начальникъ имѣлъ свою силу. Ежели несознающій за собою ничего худаго предстаетъ предъ судію со страхомъ; то кольми паче долженъ страшиться ведущій себя худо. А для тебя послужитъ сіе еще къ большей чести; ибо человѣкъ унижается не тѣмъ, что оказываетъ другому почтеніе, а тѣмъ, что не оказываетъ онаго. Да и начальникъ тебѣ же удивляться больше станетъ, и, если бы даже онъ былъ невѣрный, прославитъ за то твоего Господа.

Ни единому ничимже должни бывайте, точію еже любити другъ друга. Апостолъ снова обращается къ матери благъ, къ наставницѣ во всемъ сказанномъ выше, къ совершительницѣ всякой добродѣтели—къ любви, и говоритъ, что она есть долгъ нашъ, не временный, каковы подать или пошлина, но всегдашній. Ибо онъ хочетъ, чтобы долгъ сей никогда

не былъ выплаченъ, и хотя всегда уплачиваемъ, но не вполнѣ, а такъ, чтобы намъ все еще оставаться въ долгу. Потому что это такого рода долгъ, что непрестанно уплачивается, но никогда не выплачивается. Сказавъ же, какъ должно любить, Апостолъ открываетъ и выгоды любви, говоря: *любяй бо друга, законъ исполни.* И сего не считай милостію; все это есть долгъ; ты обязанъ любить брата по духовному съ нимъ родству, и не по одному родству, но потому еще, что мы члены другъ для друга. Если нѣтъ въ насъ любви; то весь составъ тѣла разторгнутъ. Итакъ люби брата. Ибо ежели любя его пріобрѣтаешь пользу, потому что исполняешь чрезъ то весь законъ; то ты обязанъ любить его, какъ облагодѣтельствованный имъ.

(9) *Еже бо: не прелюбы сотвориши, не убіеши, не украдеши, не лжесвидѣтельствуеши, и аще кая ина заповѣдь, въ семъ словеси совершается: во еже: возлюбиши искренняго твоего, якоже самъ себе.* Апостолъ сказалъ не просто: дополняется, но: *совершается*, то есть, въ сей заповѣди сокращенно вмѣщается весь составъ заповѣдей. Ибо начало и конецъ добродѣтели есть любовь. Она есть и корень и необходимое условіе, она и вершина добродѣтели. А ежели любовь есть начало и полнота; то что ей равняется? Впрочемъ Апостолъ требуетъ не просто любви, а любви въ высшей степени; ибо не просто сказалъ:

возлюбиши искренняго твоего, но присовокупилъ: *якоже самъ себе*. И Христосъ сказалъ, что въ любви состоятъ законъ и Пророки (Матѳ. XXII, 40); и, указавъ два вида любви, смотри, какое высокое мѣсто далъ любви къ ближнему! Ибо сказавъ: *возлюбиши Господа Бога твоего, сія есть первая заповѣдь*, когда сталъ продолжать: *вторая же*, не ограничился тѣмъ, но присовокупилъ: *подобна ей: возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе*. Что можетъ сравниться съ такимъ человѣколюбіемъ, съ такою снисходительностію! Хотя безконечно разстояніе между Богомъ и нами; однакожъ Богъ взаимную любовь нашу другъ къ другу поставляетъ близъ любви къ Нему Самому, и одну называетъ подобною другой. Почему для той и другой любви положилъ почти равную мѣру, и о любви къ Богу сказалъ: *всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею*, а о любви къ ближнему: *яко самъ себе* (Тамъ же 37—39). А Павелъ говоритъ, что ежели нѣтъ любви къ ближнему, то не много пользы и отъ любви къ Богу. Когда любимъ кого, то говоримъ объ немъ: кто его любитъ, тотъ и меня любитъ. Сіе же самое выразилъ и Христосъ, сказавъ законоучителю: *подобна ей*, и Петру: если любишь Меня, *паси овцы Моя* (Іоан. XXI, 16).

(10) *Любы искреннему зла не творитъ: исполненіе убо закона любы есть*. Видишь ли, что любовь имѣетъ то и другое совершенство,—

какъ воздержаніе отъ зла? Ибо сказано; что *зла не творитъ*,—такъ и дѣланіе добра; ибо сказано, что она есть *исполненіе закона*. Любовь не только преподаетъ намъ сокращенное ученіе о томъ, что должно дѣлать; но и облегчаетъ исполненіе правственныхъ законовъ. Она не только заботится о томъ, чтобы мы познали свои обязанности, (это дѣлаетъ и законъ), но и много споборствуетъ намъ къ исполненію сихъ обязанностей, и совершаетъ въ насъ не одну только какую нибудь часть заповѣдей, но цѣлую добродѣтель во всей ея полнотѣ.

Такъ будемъ любить другъ друга, дабы такимъ образомъ изъявить любовь къ любящему насъ Богу. У людей такъ бываетъ, что когда ты полюбишь кого, то другой любящій его вооружается противъ тебя. Напротивъ Богъ требуетъ, чтобы ты вмѣстѣ съ Нимъ любилъ подобныхъ себѣ, и ненавидитъ того, кто не раздѣляетъ съ Нимъ любви Его. Любовь человѣческая исполнена зависти и ревности; а любовь Божія свободна отъ всѣхъ страстей. Посему Богъ ищетъ, чтобы раздѣлялъ съ Нимъ любовь. Люби вмѣстѣ со Мною, говоритъ Онъ; тогда и Я еще больше буду любить тебя. Вотъ слова безпредѣльно любящаго! Ежели ты любишь любимыхъ Мною; то изъ сего Я вижу, что и Меня ты любишь усердно. Богъ сильно желаетъ нашего спасенія; сіе доказалъ Онъ въ самомъ началѣ. Послушай, что говорилъ Онъ, когда творилъ человѣка: *сотворимъ человѣка*

по образу Божію (Быт. I, 26)? и еще: *сотворимъ ему помощника, не добро быти* ему *единому* (Тамъ же II, 18). И потомъ когда первый человѣкъ впалъ въ преступленіе, замѣшь, какъ кротко укорялъ его за то Богъ. Не сказалъ ему: непотребный беззаконникъ! сколько ты былъ облагодѣтельствованъ Мною, и послѣ всего того повѣрилъ діаволу и, оставивъ Благодѣтеля, послушался лукаваго демона. Но что говоришь? *Кто возвѣсти тебѣ, яко нагъ еси, аще не бы отъ древа, егоже заповѣдахъ тебѣ сего единаго не ясти, отъ него ялъ еси* (Тамъ же III, 11)? Такъ точно сказалъ бы отецъ сыну, которому приказалъ онъ не трогать меча, и который, ослушавшись, ранилъ себя онымъ. Отъ чего раненъ ты? Отъ того, что меня не послушалъ. Примѣчаешь ли, что это суть слова больше друга, нежели Владыки? Друга презрѣннаго, но не смотря на сіе не переставшаго любить? Итакъ будемъ подражать Богу, и когда дѣлаемъ кому выговоръ, будемъ сохранять такую же кротость. Съ такою же снисходительностію укоряетъ Богъ и жену. Или правильнѣе сказать: слова, обращенныя къ женѣ, были не укоризна, а совѣтъ, вразумленіе и предостереженіе на будущее время. Посему — то не сказано ничего такого змію, который былъ изобрѣтателемъ зла, и не могъ сложить вины на другаго. За то Богъ безъ всякой пощады наказалъ его, и даже не удовольствовался тѣмъ, но самую землю подвергъ

общему съ нимъ проклятію. Конечно Онъ и человѣка изгналъ изъ рая, и осудилъ на трудъ; но за сіе—по особенно и должны мы со всѣмъ благоговѣніемъ удивляться Ему. Поелику жизнь протекающая въ удовольствіяхъ доводитъ человѣка до нерадѣнія; то Богъ отъемлетъ у него радости, и скорбями, какъ спѣною, ограждаетъ отъ нерадѣнія, дабы мы возвратились къ любви Его. А какъ поступилъ Онъ съ Каиномъ? Не съ такою ли же кротостію? Будучи оскорбленъ имъ, Онъ не воздаетъ оскорбленіемъ, но увѣщаваетъ и говоритъ: *вскую испаде лице твое* (Быт. IV, 6)? Хотя поступокъ Каина не заслуживалъ никакого извиненія, чему доказательствомъ служитъ младшій братъ; при всемъ томъ Богъ не укоряетъ его, напротивъ говоритъ ему: *не согрѣшилъ ли еси? Умолкни*, не прилагай новыхъ грѣховъ; *къ тебѣ обращеніе его*, то есть, брата, *и ты тѣмъ обладаеши* (ст. 7). Ежели боишься, говоритъ Богъ, за сію жертву лишишься правъ первородства; то ободрись. Я отдаю въ твои руки полную власть надъ братомъ. Исправься только, и люби брата, который ничѣмъ тебя не обидѣлъ. Я забочусь о васъ обоихъ. И это всего болѣе Меня радуетъ, если вы не враждуете другъ на друга. Такъ Богъ, подобно чадолюбивой матери, употребляетъ всѣ средства и мѣры, чтобы ни одинъ человѣкъ не отрывался отъ другаго. А дабы сказанное Мною могъ ты яснѣе выразумѣть изъ примѣра, приведи себѣ на память

Ревекку, какъ она превожилась и прибѣгала къ разнымъ способамъ видя, что старшій сынъ враждуетъ на младшаго. Ибо хотя и любила она Іакова; однакожъ не чувствовала отвращенія къ Исаву; потому и говорила: *да не когда безчадна буду отъ обоихъ васъ въ день единъ* (Быт. XXVII, 45)? По такому же побужденію и Богъ говорилъ Каину: *не согрѣшилъ ли еси? Умолкни, къ тебѣ обращеніе его.* Симъ хотѣлъ Онъ предотвратить убійство, и водворить миръ между братьями. Даже когда Каинъ убилъ брата, Богъ не лишилъ его Своего о немъ промышленія, но опять съ кротостію обращается къ братоубійцѣ, и говоритъ: *гдѣ есть Авель братъ твой* (Быт. IV, 9)? Доставляя тѣмъ случай сознаться въ преступленіи. Но Каинъ, какъ и прежде, и даже съ большимъ и грубѣйшимъ безстыдствомъ, упорствуетъ. Впрочемъ и послѣ этого Богъ не оставляетъ его, но словами оскорбленнаго и презрѣннаго друга говоритъ ему: *гласъ крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ* (Тамъ же ст. 10). И вмѣстѣ съ убійцею опять поражаетъ проклятіемъ землю, на нее изливаетъ гнѣвъ Свой, и говоритъ: проклята земля; *яже разверзе уста своя, пріяти кровь брата твоего* (ст. 11). Господь въ семъ случаѣ подражаетъ человѣку, плачущему по умершемъ. Такъ поступилъ Давидъ, узнавъ что Саулъ палъ на брани; онъ проклиналъ горы, принявшія кровь Саула, и восклицалъ: *горы Гелвуйскія, да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ:*

яко тамо поверженъ бысть щитъ сильныхъ (2 Цар. I, 21). Такъ и Богъ, какъ бы возглашая надгробную пѣснь Авелю, говоритъ: *елась крове брата твоего вопіетъ ко Мнѣ, и нынѣ проклятъ ты отъ земли, яже разверзе уста своя, пріяти кровь брата твоего отъ руки твоея.* Сими словами Богъ хотѣлъ укротить кипящій гнѣвъ Каина, и возбудить въ немъ любовь хотя къ умершему. Ты угасилъ жизнь его, говоритъ Господь; для чего же не угашаешь вражды? Но что еще дѣлаетъ Господь? Онъ любитъ и Авеля и Каина, потому что Онъ сотворилъ ихъ обоихъ. Какъ же поступитъ теперь? Оставитъ ли убійцу безъ наказанія? Но онъ сдѣлается отъ того еще худшимъ. Или наказать его? Но Богъ чадолюбивѣе всякаго отца. Итакъ смотри, какъ Онъ и наказываетъ Каина, и въ самомъ наказаніи обнаруживаетъ любовь, или лучше сказать, не наказываетъ, а только исправляетъ. Ибо не предалъ его смерти, но связалъ страхомъ, дабы онъ могъ загладить вину свою, дабы, хотя такимъ путемъ, могъ возвратиться въ лоно любви Божіей, и примириться съ Авелемъ, хотя умершимъ. Богъ не хотѣлъ, чтобы Каинъ оставилъ міръ сей во враждѣ противъ умершаго брата. Таковъ обычай у любящихъ! когда не могутъ возбудить къ себѣ любви благодѣяніями, прибѣгаютъ къ строгимъ мѣрамъ и угрозамъ, не изъ доброй воли, но побуждаемые къ тому любовію и желаніемъ, хотя симъ

средствомъ привлечь къ себѣ тѣхъ, которые ихъ презираютъ. Хотя такимъ образомъ возбуждаемая любовь принужденна; однакожъ они и ею ушѣшаются по горячности своей любви. Такимъ образомъ самыя наказанія бываютъ слѣдствіемъ любви. Ибо кто не оскорбляется тѣмъ, что его ненавидятъ, у того нѣтъ охоты и наказывать. Сіе самое подтверждаетъ Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ. *Кто есть веселяяй мя*, пишетъ онъ, *точію пріемляяй скорбь отъ мене* (2 Кор. II, 2)? Посему, чѣмъ болѣе увеличиваетъ наказаніе, тѣмъ сильнѣйшую доказываетъ любовь. Такъ и Египтянка по причинѣ сильной любви жестоко наказала Іосифа. Но она наказала по злому побужденію; потому что любовь ея была нечистая. А Богъ наказываетъ съ доброю цѣлію: ибо Его любовь достойна любящаго. И дабы ты уразумѣлъ силу любви Его, Богъ не признаетъ для себя низкимъ употреблять чувственныя выраженія, приписывать Себѣ страсти человѣческія, и называть Себя ревнивымъ. *Азъ бо есмь Богъ ревнитель* (Исх. XX, 5), говоритъ Онъ. Итакъ возлюбимъ Его, какъ Онъ того желаетъ; ибо это Онъ почитаетъ за велико. Если мы и отвращаемся отъ Него, Богъ не престаетъ убѣждать насъ; если и не хотимъ обратиться, наказываетъ по любви, а не для того, чтобы подвергать наказанію. Послушай, что у Іезекіиля говоритъ Онъ народу, Имъ любимому и презиравшему Его: *Азъ соберу на тя похотники*

твоя, и предамъ тя въ руцѣ ихъ; и побіютъ тебе каменіемъ, и изсѣкутъ, и отымется рвеніе Мое отъ тебе; и почію, и ктому не попекуся (Іезек. XVI, 37 — 42). Могъ ли больше сего сказать горячо любящій другъ, презираемый своею возлюбленною, и не смотря на то еще пламенѣющій къ ней любовію? Богъ употребляетъ всѣ средства, чтобы склонить насъ любить Его. Для сего Онъ не пощадилъ и Сына Своего. Но мы непреклонны и жестокосерды. Смягчимся наконецъ, и возлюбимъ Бога, какъ любить должно, дабы могли мы съ полнымъ удовольствіемъ наслаждаться добродѣтелію. Ежели тотъ, у кого есть любимая жена, нимало не чувствуетъ ежедневныхъ огорченій; то представь, какимъ будетъ наслаждаться удовольствіемъ объятый оною Божественною и чистою любовію. Въ ней-то, въ ней для насъ небесное Царствіе, въ ней наслажденіе благъ, въ ней удовольствіе, въ ней веселіе, въ ней радость, въ ней блаженство; и, что бы ни сказалъ я о семъ благѣ, ничто не изобразитъ его вполнѣ; оно дознается только опытомъ. Посему и Пророкъ сказалъ: *насладися Господеви* (Господомъ) (Псал. XXXVI, 4), и въ другомъ Псалмѣ: *вкусите и видите, яко благъ Господь* (Тамъ же XXXIII, 9). Итакъ послушаемся сего призванія, и насладимся любовію Его. И тогда, еще здѣсь, узримъ Царствіе, поживемъ Ангельскою жизнію, и пребывая на землѣ будемъ имѣть у себя ничѣмъ не

менѣе обитающихъ на небѣ; а по преселеніи отсюда, въ свѣтлѣйшемъ сіяніи предстанемъ Престолу Христову, и будемъ наслаждаться неизреченною славою. Сея славы участниками да сподобимся быть всѣ мы по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ; Аминь! —

БЕСѢДА 24.

XIII, 11. *И сіе вѣдяще время, яко часъ уже намъ отъ сна востати.*

Апостолъ, предписавъ все нужное, побуждаетъ Римлянъ къ добрымъ дѣламъ и самою краткостію времени. Время суда, говоритъ онъ, стоитъ уже при дверехъ. Такъ писалъ онъ Коринѳянамъ: *яко время прекращено есть прочее* (1 Кор. VII, 29), и такъ же Евреямъ: *еще мало елико елико, грядый пріидетъ и не укоснитъ* (Евр. X, 37). Но тамъ говорилъ сіе въ ободреніе трудящихся и въ утѣшеніе тѣхъ, которые отъ частыхъ искушеній пришли въ изнеможеніе; а здѣсь хочетъ пробудить спящихъ. И дѣйствительно Апостольское слово сіе полезно для насъ въ обоихъ случаяхъ. Что же значитъ это: *часъ уже намъ отъ сна востати?* То, что близокъ день воскресенія, близокъ страшный судъ; близокъ день,

разженный какъ пещь; и намъ должно уже отложить нерадѣніе. *Нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда вѣровахомъ.* Видишь ли, какъ Апостолъ выразилъ имъ приближеніе воскресенія? Съ теченіемъ времени, говоритъ онъ, настоящая жизнь изчерпывается; а жизнь будущаго вѣка дѣлается къ намъ ближе. Ежели ты готовъ и выполнилъ все заповѣданное Богомъ; то день сей будетъ для тебя днемъ спасенія. Въ противномъ же случаѣ не надѣйся сего. Впрочемъ Апостолъ убѣждаетъ Христіанъ Римскихъ не представленіемъ горькихъ послѣдствій, но указаніемъ на блага, и такимъ образомъ старается отвлечь ихъ отъ пристрастія къ настоящему. Притомъ не удивительно, что они сначала и вскорѣ по принятіи вѣры, когда усердіе было еще въ самой силѣ, отличались большею ревностію, съ теченіемъ же времени ревность ихъ ослабѣла. Потому Апостолъ внушаетъ, что надлежитъ поступать совершенно напротивъ, и съ продолженіемъ времени не ослабѣвать, но болѣе воспламеняться. Чѣмъ ближе къ намъ царь; тѣмъ болѣе мы должны быть готовы. Чѣмъ ближе награда; тѣмъ больше должны мы возбуждать себя къ подвигамъ. Такъ дѣлаютъ состязующіеся въ бѣгу: они, когда приближаются къ цѣли и къ полученію награды, тогда съ большею ревностію напрягаютъ послѣднія силы. Посему то Апостолъ сказалъ: *нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда вѣровахомъ.*

(12) *Нощь убо прейде, а день приближися.* Итакъ ежели ночь скончаается, а день приближается; то займемся уже дневными дѣлами, а не ночными. Сіе наблюдается и въ дѣлахъ житейскихъ. Какъ скоро видимъ приближеніе разсвѣта, и слышимъ пѣніе ласточки; то будимъ другъ друга, хотя бы ночь еще и не прошла. А когда она пройдетъ; то понуждаемъ другъ друга, говоря: наступилъ день, пора одѣваться, разстаться съ грезами, отрясти сонъ, и приниматься за дѣла дневныя; иначе день застанетъ насъ готовыми; ибо поздно уже вставать и сряжаться, когда освѣтятъ солнечные лучи. Такъ мы ведемъ себя въ дѣлахъ житейскихъ; такъ будемъ поступать и въ дѣлахъ духовныхъ. Оставимъ мечты, разстанемся съ грезами настоящей жизни, отложимъ глубокой сонъ, и вмѣсто одеждъ облечемся въ добродѣтели. Все сіе ясно выразилъ Апостолъ, сказавъ: *отложимъ убо дѣла тмѣнная, и облечемся во оружіе свѣта.* День призываетъ насъ въ воинскіе ряды и на сраженіе. Но не испугайся, слыша о воинскихъ рядахъ и объ оружіи. Тяжело и несносно облекаться въ вещественное оружіе; но облечься въ духовное оружіе вожделѣнно и должно составлять предметъ нашихъ молитвъ; потому что это оружіе есть оружіе свѣта. Оно сдѣлаетъ тебя свѣтлѣе солнечныхъ лучей, блистающихъ какъ молнія, оно поставитъ тебя въ безопасность; потому что есть *оружіе*; оно содѣлаетъ тебя

свѣтоноснымъ; потому что оно есть оружіе *свѣта*. Что же? По этому не нужно и сражаться? Сражаться нужно; но не опасайся при этомъ бѣдъ и изнуренія. Ибо это не брань, а ликованіе и торжество. Таково свойство сего оружія, таково могущество вождя! Облеченный въ сіе оружіе столько же украшенъ, какъ и женихъ, выходящій изъ брачнаго чертога. Ибо онъ вмѣстѣ и воинъ и женихъ.

Сказавши о приближеніи дня, Апостолъ въ послѣдствіи изображаетъ его не приближающимся, но уже наступившимъ. Ибо говоритъ: (13) *яко во дни, благообразно да ходимъ;* потому что день уже насталъ. И поелику Римляне много занимались людскимъ мнѣніемъ; то Апостолъ и предлагаетъ имъ въ побужденіе то, чѣмъ всего болѣе трогаются люди обыкновенные, т. е. благообразіе. И не говоритъ: ходимте, но: станемъ ходить, дабы увѣщаніе показалось имъ сноснѣе, и упрекъ легче. *Не козлогласованіи* (въ пированіяхъ) *и піянствы.* Не пить запрещаетъ, а пить безъ мѣры; не употребленіе вина; но пьянство. Такъ и въ слѣдующихъ словахъ предписываетъ мѣру наслажденій, говоря: *не любодѣяніи и студодѣяніи.* Ибо и симъ возбраняетъ не сообщеніе съ женщинами, а блудъ. *Не рвеніемъ и завистію.* Старается угасить тѣ страсти, отъ которыхъ воспламеняются прочія, именно: вожделѣніе и гнѣвъ. И потому возбраняетъ не самыя только страсти сіи, но и источникъ оныхъ. Ибо

нетрезвость и пьянство всего сильнѣе разжигаютъ вожделѣніе и воспламеняютъ гнѣвъ. Посему Апостолъ, сказавъ сначала: *не козлогласованіи и піянствы*, присовокупилъ потомъ: *не любодѣяніи и студодѣяніи, не рвеніемъ и завистію.*

И на семъ не остановился онъ, но слушай, чѣмъ украшаетъ насъ, совлекши съ насъ худыя одежды. Онъ говоритъ далѣе: (14) *Но облецытеся Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.* Не говоритъ облекитесь въ дѣла, но возводитъ слушателей выше. Упоминая о порокахъ, онъ сказалъ: отвергнемъ дѣла тьмы. А когда началъ рѣчь о добродѣтели, то называетъ ее не простыми дѣлами, а оружіемъ, показывая тѣмъ, что добродѣтель поставляетъ обладающаго ею въ совершенной безопасности и полномъ блескѣ. Даже и симъ онъ не ограничивается, но, простираясь выше, вмѣсто одѣянія даетъ намъ,—что несравненно ужаснѣе,—Самаго Владыку, Самаго Царя. Кто въ Него облеченъ, тотъ вполнѣ вмѣщаетъ въ себѣ всякую добродѣтель. Когда же говоритъ: *облецытеся*; повелѣваетъ намъ отвсюду Имъ себя обложить. Подобное сему выражаетъ онъ и въ другихъ мѣстахъ, именно: *аще же Христосъ въ насъ* (Римл. VIII, 10), и еще: *во внутреннемъ* нашемъ *человѣцѣ вселитися Христу* (Ефес. III, 16 и 17). Апостолъ желаетъ, чтобы душа наша была домомъ Христовымъ, чтобы Христосъ облегалъ насъ, какъ одежда, былъ

для насъ всѣмъ и снутри и совнѣ. Ибо Христосъ есть наше исполненіе, такъ какъ Онъ есть *исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ* (Ефес. I, 23). Онъ путь, Онъ супругъ и женихъ. *Обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту* (2 Кор. XI, 2). Онъ корень, и пищіе, и пища, и жизнь. *Живу не ктому азъ*, говоритъ Павелъ, *но живетъ во мнѣ Христосъ* (Галат. II, 20). Онъ Апостолъ, и Архіерей, и учитель, и отецъ, и братъ, и снаслѣдникъ, и сообщникъ въ гробѣ и въ крестѣ. *Спогребохомся Ему*, сказано, *и снасаждени быхомъ подобію смерти Его* (Рим. VI, 4 и 5). Онъ умоляетъ насъ: *по Христѣ* бо *посольствуемъ* (2 Кор. V, 20). Онъ защищаетъ насъ предъ Отцемъ; ибо, какъ говоритъ Павелъ, *ходатайствуетъ о насъ* (Рим. VIII, 34). Онъ домъ и обитатель: *во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* (Іоан. VI, 56). Онъ другъ: *вы други Мои есте* (Іоан. XV, 14). Онъ основаніе и краеугольный камень. А мы Его члены, Его нива, Его зданіе, Его вѣтви, Его сотрудники. И чѣмъ не желаетъ Онъ сдѣлать насъ, дабы, какъ ни есть, прилѣпить и присоединить къ Себѣ? Все сіе доказываетъ безмѣрную любовь Его къ намъ. Итакъ покорись Ему, востань отъ сна и облекись въ Него, а, облекшись, держи въ покорности предъ Нимъ и плоть свою. Сіе разумѣлъ Апостолъ, сказавъ: *плоти угодія не творите въ похоти*, (попеченія о плоти не простирайте до похотей). Какъ выше воспрещалъ онъ

не употребленіе вина, но пьянство, не брачную жизнь, но распутство, такъ и теперь запрещаетъ не попеченіе о плоти, но попеченіе простирающееся до похотей, то есть, сверхъ нужды. А что самъ онъ велитъ имѣть попеченіе о плоти, послушай, какъ говоритъ о семъ Тимоѳею: *мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ недуговъ* (1 Тим. V, 23). Подобно и во всемъ прочемъ имѣй попеченіе о плоти, но для поддержанія здоровья, а не для удовлетворенія чувственности. Ибо не значитъ уже имѣешь попеченіе, когда подкладываешь огонь и разжигаешь печь. А дабы точнѣе вамъ узнать, когда попеченіе о плоти простирается до похоти, и избѣгать такого попеченія, представьте себѣ людей предающихся пьянству, объяденію, пристрастныхъ къ нарядамъ, забавамъ, ведущихъ жизнь изнѣженную и роскошную; и тогда выразумѣете сказанное Апостоломъ. Такіе люди что ни дѣлаютъ, дѣлаютъ не для поддержанія здоровья, а для веселости, для воспламененія похоти. Напротивъ ты, облекшійся во Христа, удали отъ себя все сіе, въ заботахъ твоихъ о тѣлѣ имѣй въ виду только то, чтобы оно было здорово, и, сколько нужно для здравія, прилагай попеченіе о тѣлѣ, далѣе же сего не простирайся. Напротивъ все свое попеченіе употреби на заботы о духовномъ. И тогда тебѣ, не отягченному сими различными похотями, можно будетъ воспрять отъ грѣховнаго сна. Подлинно, настоящая жизнь есть сонъ,

и случающееся въ жизни сей ничѣмъ не различается отъ сонныхъ грезъ. Какъ сонный человѣкъ и говоритъ нелѣпости, и видитъ большею частію небылицы; такъ бываетъ съ нами на яву, или еще и гораздо того хуже. Сдѣлавши, или сказавши что непристойное и постыдное во снѣ, какъ скоро освободишься отъ сна, освободишься и отъ стыда, и не подпадешь наказанію. Не то будетъ съ нами послѣ сей жизни; напротивъ и позоръ и наказаніе будутъ вѣчны. Такъ же, кто во снѣ разбогатѣетъ, только съ наступленіемъ дня удостовѣряется, что напрасно льстилъ себя богатствомъ; а въ настоящей жизни не рѣдко удостовѣряемся въ томъ, и до наступленія дня; прежде нежели переселимся отсюда, сіи грезы уже разсѣеваются. Итакъ отпрясемъ этотъ лукавый сонъ. Если день застигнетъ насъ спящими, содѣлаемся добычею неумирающей смерти. Да еще и до наступленія онаго дня всѣмъ здѣшнимъ врагамъ, и людямъ и демонамъ легко будетъ нападать на насъ; если даже захотятъ они умертвить насъ, никто имъ въ томъ не воспрепятствуетъ. Если-бы много было бодрствующихъ; не было бы такой опасности. А теперь кой-гдѣ одинъ, много двое, зажегши свѣтильникъ, бодрствуютъ; всѣ же прочіе, какъ въ глубокую ночь, погружены въ сонъ. Посему то намъ, чтобы не потерпѣть незцѣльныхъ бѣдствій, надобно почти вовсе не смѣжать вѣждей, и имѣть крайнюю осторожность.

И нынѣ кажется не ясный ли день? Не всѣ ли мы увѣрены о себѣ, что бодрствуемъ и трезвимся? Но, хотя, можетъ быть, посмѣетесь словамъ моимъ, скажу однакожъ, что всѣ мы уподобляемся погруженнымъ въ крѣпкій сонъ среди глубокой ночи. И еслибы можно было видѣть существо безтѣлесное; я показалъ бы вамъ, какъ многіе предаются крѣпкому сну, и между тѣмъ діаволъ подкопываетъ стѣны, умерщвляетъ лежащихъ, и похищаетъ внутреннія сокровища, распоряжаясь безъ всякаго опасенія какъ въ глубокой тьмѣ. Но ежели и не льзя видѣть сего глазами, опишемъ словомъ, и перечтемъ мысленно, сколько людей опятнченныхъ злыми вожделѣніями, сколько людей одержимыхъ непробуднымъ сномъ сладострастія, и угасившихъ въ себѣ свѣтъ Духа. Потому что они и смотрятъ не на то, на что надобно, и слушаютъ не то, что надлежало бы, и не внимаютъ ничему здѣсь произносимому. Если же я говорю неправду, и ты находишься теперь въ состояніи совершенно бодрственномъ; скажи мнѣ: что здѣсь происходило сего дня? все это не такъ ли ты слышалъ, какъ бы во снѣ? Знаю, что многіе дадутъ мнѣ удовлетворительный отвѣтъ; да и я говорю не о всѣхъ. Но ты, на кого падаетъ мое слово, ты, который пришелъ сюда понапрасну, скажи: какой Пророкъ, какой Апостолъ, и о чемъ бесѣдовалъ нынѣ съ нами? Ты не въ состояніи сказать сего. Ибо въ это время ты о многомъ бесѣдовалъ самъ съ собою,

какъ бы во снѣ ; но не слыхалъ, что внѣ тебя происходило въ самой дѣйствительности. Тоже самое долженъ сказать я и женщинамъ; ибо въ нихъ я примѣчаю особенно глубокое усыпленіе. И пусть было бы это одно усыпленіе! сонный не говоритъ ни худаго, ни добраго. А бодрствующій, подобно вамъ, много наговоритъ словъ на собственную даже бѣду свою, высчитывая проценты, оцѣнивая залоги, припоминая безстыдные барыши, и посѣвая множество терній въ душѣ своей, а доброму сѣмени не давая пустить даже небольшаго ростка. Но, умоляю тебя, восстань отъ сна, исторгни съ корнемъ сіи терніи, истрезвись отъ піянства, отъ котораго и сонъ. Я разумѣю здѣсь піянство, происходящее не только отъ вина, но и отъ житейскихъ заботъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ вина. И предлагаю совѣтъ свой не однимъ богатымъ, но и бѣднымъ; всего же болѣе тѣмъ изъ нихъ, которые любятъ пировать съ пріятелями. Такихъ пированствъ не льзя назвать ни удовольствіемъ, ни отдыхомъ; напротивъ онѣ суть наказаніе и мука. Удовольствіе состоитъ не въ срамномъ разговорѣ, но въ благопристойной бесѣдѣ; не въ пресыщеніи, а въ томъ, чтобъ быть сыту. Если же пресыщеніе считаешь ты удовольствіемъ; то докажи, что и вечеромъ чувствуютъ оное. Но этаго ты не докажешь. Я еще не говорю о вредѣ отъ сего происходящемъ; а разсуждаю единственно о томъ, какъ скоро проходитъ такое удовольствіе, едва пиръ кончился,

какъ веселіе тотчасъ и улетаетъ. Но ежели еще упомяну о рвотѣ, о тяжести въ головѣ, о безчисленныхъ болѣзняхъ, о порабощеніи души, какой отвѣтъ дашь мнѣ на это? Ужели мы должны позорить себя, потому что бѣдны? Но говоря сіе не запрещаю вамъ сойтись другъ съ другомъ, отобѣдать вмѣстѣ; а только требую, чтобъ вы себя не позорили, желаю, чтобы ваше удовольствіе было дѣйствительнымъ удовольствіемъ, а не обращалось въ наказаніе, въ муку, въ пьянство и буйное веселіе. Пусть узнаютъ язычники, что Христіане всѣхъ лучше умѣютъ веселиться, но веселиться, наблюдая благоприличіе. Ибо сказано: *радуйтеся Господеви съ трепетомъ* (Псал. II, 11). Какъ же должно радоваться? Произнося духовныя пѣсни, совершая молитвы, воспѣвая псалмы вмѣсто подлыхъ тѣхъ пѣсенъ; такимъ образомъ самъ Христосъ будетъ присутствовать при твоей трапезѣ, и исполнитъ благословеніемъ все пиршество,— когда ты будешь молиться, когда будешь пѣть духовныя пѣсни, когда созовешь нищихъ раздѣлить съ тобою предлагаемое, когда на своемъ пирѣ будешь соблюдать благочиніе и умѣренность. Такимъ образомъ мѣсто вашего собранія сдѣлается Божіею Церковію,—когда вмѣсто неприличныхъ криковъ и рукоплесканій будешь воспѣвать ты Владыку всяческихъ. Не говори мнѣ, что нынѣ заведенъ другой обычай; напротивъ исправь, что худо. *Аще ясте*, говоритъ Апостолъ, *аще ли піете, аще ли ино что*

творите, вся въ славу Божію творите (1 Кор. X, 31). А отъ вашихъ пировъ раждаются у васъ худыя пожеланія, отъ нихъ сладострастіе, отъ нихъ супруги у васъ въ презрѣніи, а развратныя женщины въ чести; отъ нихъ падаютъ домы, тысячи раждаются золъ, все приходитъ въ безпорядокъ, и, оставивши чистый источникъ, стремитесь вы къ грязному болоту. А что тѣло развратной женщины точно есть такое болото, свидѣтельствуюсь въ томъ не другими, а тобою самимъ, тобою, который валяешься въ этомъ болотѣ. Не стыдишься ли ты самъ себя, не считаешь ли самъ себя нечистымъ послѣ грѣха? Посему—то, умоляю васъ, бѣгайте блуда, и мастери блуда—пьянства. Для чего сѣешь, гдѣ не можешь пожать, или лучше сказать, гдѣ если и пожнешь, то самый плодъ покроетъ тебя безславіемъ? Ежели и родится ребенокъ; тебѣ будетъ позоръ, и онъ по твоей винѣ будетъ страдать, какъ незаконорожденный и не имѣющій имени. Хотя бы ты оставилъ ему тысячи; все будетъ онъ безчестенъ въ домѣ, безчестенъ въ городѣ, безчестенъ предъ судомъ, будетъ ли онъ рожденъ отъ блудницы или отъ рабы. Безчестенъ будешь и ты самъ, какъ въ жизни, такъ и по смерти. Ибо когда и умрешь; останутся послѣ тебя памятники твоего позора. За чѣмъ же тебѣ все осрамлять? Да и для чего сѣять тамъ, гдѣ самая нива усиливается погубить плодъ? гдѣ множество причинъ безплодія? гдѣ прежде

рожденія совершается убійство; такъ что ты блудницу не только удерживаешь въ развратѣ, но еще дѣлаешь убійцею? Видишь ли, какъ отъ пьянства происходитъ блудъ, отъ блуда прелюбодѣяніе, отъ прелюбодѣянія убійство? Или правильнѣе сказать, нѣчто хуже убійства; ибо не знаю, какъ и назвать это. Здѣсь не умерщвляется рожденное, но самому рожденію полагается препятствіе. Что скажешь въ свое извиненіе? Не значитъ ли это, что ты ругаешься даромъ Божіимъ, возстаешь противъ установовъ Божественныхъ, гонишься, какъ за благословеніемъ, за тѣмъ, что есть клятва, сокровищницу рожденія дѣлаешь сокровищницею убійства, женщину, сотворенную для дѣторожденія, располагаешь къ дѣтоумерщвленію? Ибо развратная женщина, чтобы всегда быть пріятною и привлекательною для своихъ любовниковъ, и выманивать себѣ больше денегъ, не откажется и отъ такого злодѣйства, и тѣмъ соберетъ великій огнь на главу твою. Хотя сама она отважится на преступленіе; но главною причиною будешь ты. Сіе же доводитъ и до идолопоклонства. Многіе развратницы, чтобы возбудить привязанность къ себѣ, употребляютъ наговоры, возліянія, приворотныя снадобья и другія безчисленныя средства. Но не смотря на тяжкій позоръ, на опасность сдѣлаться убійцею, идолопоклонникомъ, многіе считаютъ дѣло сіе ничего незначущимъ, и даже многіе такъ поступаютъ, имѣя собственныхъ

женъ. А здѣсь то особенно бываетъ споръ всякаго зла. Здѣсь приготовляются чародѣйственныя отравы уже не пропивъ плода въ утробѣ развратницы, но и противъ супруги, безъ того уже много обижаемой; здѣсь составляютъ тысячи злоумышленій, призываютъ на помощь бѣсовъ, вызываютъ мертвыхъ; отселѣ раждается ежедневная брань, непримиримая вражда, всегдашнія ссоры. Посему и Павелъ сказавъ: *не любодѣяніи и студодѣяніи*, присовокупилъ: *не рвеніемъ и завистію*. Ибо зналъ, что слѣдствіемъ перваго бываютъ вражды, упадокъ домовъ, обиды законнымъ дѣтямъ и тысячи золъ.

Во избѣжаніе всего этого облечемся во Христа, и всегда съ Нимъ пребудемъ. Ибо облечься во Христа значитъ ни на минуту не быть безъ Него, но всегда являть Его въ себѣ своею святостію и правотою. И о друзьяхъ, чтобы изобразить сильную любовь и неразрывную ихъ связь, мы говоримъ, что одинъ облеченъ въ другаго. Ибо облекшійся представляется тѣмъ, во что облеченъ. Такъ и въ насъ всегда пусть будетъ виденъ Христосъ. Когда же Онъ будетъ въ насъ виденъ? Когда будемъ подражать дѣламъ Его. Что же дѣлалъ Христосъ? *Сынъ человѣческій*, говоритъ Онъ о Себѣ, *не имать гдѣ главу подклонити* (Луки IX, 58). И ты подражай сему. Когда нужно было вкусить пищу; Христосъ употреблялъ ячменные хлѣбы. Когда бывалъ въ пути; не

имѣлъ у себя ни коней, ни другихъ вьючныхъ скотовъ, но ходилъ пѣшкомъ, даже до утомленія. Когда необходимо было уснуть; ложился вмѣсто возглавія на носу лодки. Когда надобно было возлежать; приказывалъ садиться на правѣ. Одежды Его были не дорогія; хаживалъ часто одинъ, никого при Себѣ не имѣя. Далѣе разсмотри всѣ слова и дѣла Его на крестѣ и среди различныхъ поруганій, и вообще всю жизнь Его, и старайся подражать ей. Такимъ образомъ ты облечешься во Христа, когда попеченій о плоти не будешь простирать до похотей. Да такая заботливость и никакого удовольствія тебѣ не доставитъ. Ибо такого рода пожеланія раждаютъ новыя, еще болѣе безпокоющія; и ты никогда ничѣмъ не насытишься, но будешь причинять себѣ великое мученіе. Какъ томимый непрестанною жаждою, хотя будутъ предъ нимъ тысячи источниковъ, никакой не извлекаетъ изъ того пользы; потому что не можетъ угасить внутренняго жара причиняемаго болѣзнію; такъ бываетъ и съ человѣкомъ, непрестанно живущимъ въ похотяхъ. Но если будешь ограничиваться нужнымъ; то никогда не подвергнешься такой горячкѣ, напротивъ освободишься отъ всего, и отъ пьянства, и отъ сладострастія. Посему ѣшь столько, чтобы утолить голодъ; одѣвайся такъ, чтобы только быть прикрыту. Не наряжай своей плоти одеждами, чтобы не погубить ее. Чрезъ излишнюю нѣгу сдѣлаешь ее слабою, раз-

строишь ея здоровье, и приведешь ее въ совершенное изнеможеніе. Итакъ, чтобы плоть твоя была благоустроенною колесницею души, чтобы кормчій безопасно сидѣлъ у кормила, чтобы воинъ удобно могъ владѣть оружіемъ,— наблюдай во всемъ благочиніе. Не тотъ, кто много у себя имѣетъ, но тотъ, у кого мало нуждъ, бываетъ непобѣдимъ. Первый страшится, хотя и не терпитъ обидъ; а послѣдній, хотя бы и былъ обиженъ, останется въ лучшемъ расположеніи духа, чѣмъ не обиженный, и потому будетъ благодушнѣе. Итакъ не о томъ будемъ стараться, чтобы никто не обижалъ насъ, но о томъ, чтобы не могъ сдѣлать намъ обиды и тотъ, кто бы захотѣлъ. А сего не иначе возможно достигнуть, какъ ограничивая себя однимъ самонужнѣйшимъ, и не желая многаго. Такимъ образомъ и здѣсь возможемъ наслаждаться радостію, и тамъ получимъ будущія блага, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава, держава, честь нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ; Аминь.

БЕСѢДА 25.

XIV, 1. *Изнемогающаго же въ вѣрѣ пріемлите, не въ сомнѣніе помышленій.* (2) *Овъ бо вѣруетъ ясти вся, а изнемогаяй зелія ястъ.*

Знаю, что слова сіи для многихъ трудны къ уразумѣнію. Посему нужно наперед изложить, что подало поводъ къ симъ наставленіямъ, и что хочетъ исправить Апостолъ этими словами. Что же такое хочетъ онъ исправить? Многіе изъ увѣровавшихъ Іудеевъ, и по принятіи вѣры имѣя совѣсть связанную закономъ, наблюдали строгую разборчивость въ пищѣ; потому что не осмѣливались вовсе отступить отъ закона. Притомъ, дабы, воздерживаясь только отъ свинаго мяса, не подпасть за то нареканію, они стали уже воздерживаться отъ всего мяснаго и ѣсть одни овощи подъ тѣмъ видомъ, что наблюдаютъ посты, а не Іудейскую разборчивость въ пищѣ по закону. Съ другой стороны были и болѣе совершенные въ вѣрѣ, которые сами ни сколько не наблюдали подобной разборчивости въ пищѣ, и еще наблюдавшихъ оную отягощали и огорчали своими укоризнами и обличеніями, и даже ввергали въ уныніе. Посему блаженный Павелъ опасался, чтобы они, имѣя намѣреніе исправить неважный недостаткъ, не испортили всего; чтобы, желая отлучить немощныхъ въ вѣрѣ

отъ разборчивости въ пищѣ, не довели ихъ до отпаденія отъ вѣры, и прежде времени стараясь все возвести къ совершенству, не разстроили бы того добра, какого надлежало ожидать отъ нихъ въ это время, то есть непрестанными своими укоризнами не поколебали бы ихъ въ исповѣданіи Христовомъ, такъ что послѣ этого не льзя было бы исправить ни того ни другаго. Смотри же, какъ благоразумно дѣйствуетъ Апостолъ, и съ свойственною ему мудростію заботится о пользѣ той и другой стороны! Онъ не отваживается сказать укоряющимъ: вы дѣлаете худо; ибо симъ далъ бы случай другимъ утвердиться въ своей разборчивости. Не говоритъ также: хорошо вы дѣлаете; тогда они стали бы нападать еще сильнѣе. Напротивъ вразумляетъ, какъ должно, тѣхъ и другихъ, и хотя повидимому дѣлаетъ выговоръ сильнѣйшей сторонѣ, однакожъ сей самый выговоръ весь падаетъ и на противную сторону. Это есть самый легкій и нечувствительный способъ исправленія, когда, обращая слово къ одному, наносишь ударъ и другому. Тогда вразумляемому не даешь причины сердиться, и непримѣтнымъ образомъ вливаешь въ него врачевство исправленія. Замѣть же, какъ благоразумно и благовременно дѣлаетъ сіе Апостолъ! Сказавъ: *плоти угодія не творите въ похоти*, переходитъ вдругъ къ настоящей рѣчи, дабы не льзя было подумать, что говоритъ въ пользу тѣхъ, которые запрещали

разборчивость, и приказывали ѣсть все. Слабую сторону всегда нужно больше беречь; посему и Апостолъ обращается съ выговоромъ прямо къ сильнѣйшей сторонѣ, и говоритъ такъ: *изнемогающаго же въ вѣрѣ.* Видишь ли, что симъ нанесенъ уже одинъ ударъ наблюдающему разборчивость? Назвавъ его изнемогающимъ, Апостолъ даетъ почувствовать, что онъ боленъ. Потомъ наноситъ другой ударъ, сказавъ: *пріемлите.* Симъ показываетъ, что много надобно прилагать о немъ попеченій; а это служитъ признакомъ крайней болѣзни. *Не въ сомнѣніе помышленій.* Вотъ уже и третій нанесенъ ударъ! Изъ сихъ словъ видно, сколь великъ его грѣхъ; ибо онъ возбуждаетъ сомнѣніе даже въ тѣхъ, которые хотя сами не участвуютъ въ семъ грѣхѣ, однакожъ соединены узами дружбы съ совершающимъ оный, и заботятся объ уврачеваніи его. Примѣчаешь ли, какъ, повидимому, говоритъ однимъ; а между тѣмъ, непримѣтно и не нанося огорченія, упрекаетъ другихъ? Послѣ сего, сравнивая тѣхъ и другихъ, однихъ хвалитъ, а другихъ обличаетъ. Ибо говоря: *овъ убо вѣруетъ ясти вся,* — сего выхваляетъ за вѣру; а присовокупивъ: *изнемогаяй зелія ястъ,*—порицаетъ его за немощь въ вѣрѣ.

Потомъ, какъ скоро нанесъ этотъ довольно чувствительный ударъ, снова ободряетъ немощнаго, говоря такъ: (3) *ядый не ядущаго да не укоряетъ.* Не сказалъ: позволяй

такъ дѣлать, или: не вини, или: не побуждай къ исправленію; но: не укоряй, не презирай,— давая тѣмъ знать, что разборчивость не ядущаго есть дѣйствительно смѣшное дѣло. Но о томъ, кто вѣруетъ ясни вся, Апостолъ выразился иначе. Какъ же именно? *И не ядый ядущаго да не осуждаетъ.* Какъ болѣе совершенные уничижали не ядущихъ, считая ихъ маловѣрными, непрямыми Христіанами, носящими внутри себя скрытый недугъ, и придерживающимися еще Іудейства; такъ послѣдніе осуждали первыхъ, считая ихъ нарушителями закона, или даже предающимися объяденію; такъ какъ многіе изъ нихъ были вѣроятно обращенные изъ язычества. Посему Апостолъ присовокупилъ: *Богъ бо его пріятъ;* но не сказалъ сего о не ядущемъ. И хотя быть уничижаемымъ повидимому заслуживаетъ ядущій, какъ невоздержный, а быть осуждаемымъ не ядущій, какъ маловѣрный; впрочемъ Апостолъ сказалъ на оборотъ, показывая тѣмъ, что ядущій не только не заслуживаетъ уничиженія, но и самъ можетъ уничижать другихъ. Но самъ Апостолъ не осуждаетъ ли ядущаго, спросишь ты? Нимало. Потому и присовокупилъ: *Богъ бо его пріятъ.* Что говоришь ты ему о законѣ, какъ преступнику? Богъ принялъ его, то есть, явилъ на немъ неизреченную благодать Свою, и освободилъ его отъ всякой вины.

Потомъ Апостолъ снова обращаетъ рѣчь къ твердому въ вѣрѣ: (4) *ты кто еси судяй*

чуждему рабу? Изъ сего видно, что и твердые въ вѣрѣ, не только уничижали, но и осуждали слабыхъ. *Своему Господеви стоитъ или падаетъ.* Вотъ опять новый ударъ! Упрекъ обращенъ повидимому на твердаго, но касается слабаго. Когда Апостолъ говоритъ: *станетъ же;* то симъ показываетъ, что онъ еще колеблется, требуетъ большаго надзора и такихъ попеченій, что для его уврачеванія нужно призвать на помощь Бога. *Силенъ бо есть Богъ поставити его,* продолжаетъ онъ. Такъ говорится о людяхъ весьма безнадежныхъ. Но дабы ты въ немъ не отчаявался, Апостолъ не смотря на слабость, называетъ его Божіимъ рабомъ, говоря: *ты кто еси судяй чуждему рабу?* между тѣмъ и чрезъ сіе опять неприметно наноситъ ударъ слабому. Я приказываю тебѣ не судить его не потому, что образъ дѣйствованія его не стоитъ осужденія, но потому что онъ чужій рабъ, то есть, не твой, а Божій. Потомъ, снова ободряя его, не говоритъ: падаетъ; но какъ? *стоитъ или падаетъ.* Но случится ли съ нимъ то или другое; все сіе касается Господа. Ежели падетъ, ущербъ для Бога. А равно, ежели стоитъ, пріобрѣтеніе для Бога же. Впрочемъ такое равнодушіе было бы совершенно недостойно заботливости приличной Христіанамъ, еслибъ мы стали разсматривать оное не обращая вниманія на намѣреніе Павла, который хочетъ, чтобы слабымъ въ вѣрѣ не дѣлали укоризнъ прежде

времени. Но, какъ я всегда повторяю, надобно принимать въ разсудъ расположеніе, съ какимъ что либо говорится; сущность предмета, о которомъ говорится, и то, что старается исправить говорящій. Смотри же, какъ сильно слова Апостольскія должны были пристыдить укоряющаго. Ежели Богъ, разсуждаетъ Павелъ, хотя терпитъ ущербъ, однакожъ не дѣлаетъ такихъ укоризнъ; то сколь безвременно дѣйствуешь ты, и какъ далеко выходишь изъ границъ и мѣшаешься въ чужое дѣло, такъ муча и безпокоя слабаго въ вѣрѣ брата?

(5) *Овъ убо разсуждаетъ день чрезъ день, овъ же судитъ на всякъ день.* Здѣсь, какъ думаю, Апостолъ слегка намѣкаетъ и о постѣ. Вѣроятно нѣкоторые изъ постившихся постоянно осуждали непостившихся; или, можетъ быть, и между разборчивыми въ пищѣ были такіе, которые въ извѣстные дни наблюдали разборчивость, а въ другіе нѣтъ. Посему Апостолъ и сказалъ: *кійждо своею мыслію да извѣствуется.* Симъ избавилъ онъ отъ страха разборчивыхъ, назвавъ ихъ образъ дѣйствованія ни худымъ, ни добрымъ; а у нѣхъ, которые слишкомъ много нападали на нихъ, отнялъ поводъ къ укоризнамъ, вразумивъ ихъ, что не нужно съ такою сильною ревностію непрестанно безпокоить людей за ихъ разборчивость. И это не нужно не по свойству самаго дѣла, но по соображенію времени; потому что укоряемые ими были еще новы въ вѣрѣ.

Ибо въ посланіи къ Колоссянамъ онъ запрещаетъ сіе весьма строго, говоря: *блюдитеся, да никтоже васъ будетъ прельщая філософіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіамъ міра, а не по Христѣ* (Колос. II, 8). И еще: *да никтоже убо васъ осуждаетъ о яденіи или о питіи, и никтоже васъ да прельщаетъ* (Тамъ же 16 и 18). И въ посланіи къ Галатамъ настоятельно требуетъ отъ нихъ высшаго разсужденія и совершенства въ семъ отношеніи. Но здѣсь не оказываетъ такой строгости; такъ какъ Римляне недавно обращены были въ вѣру. А потому мы не должны на всѣхъ распространять сихъ Апостольскихъ словъ: *кійждо своею мыслію да извѣствуется.* Ибо когда идетъ рѣчь о догматахъ, замѣть, какъ говоритъ онъ: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте,* хотя бы то былъ Ангелъ, *анаѳема да будетъ* (Гал. I, 8, 9). И въ другомъ мѣстѣ: *боюся же, да не како, якоже змій Еву прельсти, тако истлѣютъ и разумы ваша* (2 Кор. XI, 3). И въ посланіи къ Филиппійцамъ пишетъ: *блюдитеся отъ псовъ, блюдитеся отъ злыхъ дѣлателей, блюдитеся отъ сѣченія* (Филип. III, 2). Но въ Римлянахъ рано еще было исправлять сіе; и потому онъ сказалъ: *кійждо своею мыслію да извѣствуется.*

И какъ шла рѣчь вмѣстѣ и о постѣ; то, дабы обуздать надмѣнность однихъ, и избавить

отъ страха другихъ, присовокупилъ онъ слѣдующее: (6) *мудрствуяй день, Господеви мудрствуетъ: и не мудрствуяй день, Господеви не мудрствуетъ. Ядый, Господеви ястъ, благодаритъ бо Бога: и не ядый, Господеви не ястъ, и благодаритъ Бога.* Опять поддерживаетъ прежнюю мысль; смыслъ же словъ тотъ, что не въ томъ важность, чтобы ѣсть или не ѣсть. А спрашивается только, для Бога ли дѣлаетъ тотъ и другой, благодареніемъ ли оканчиваютъ оба? По словамъ Апостола тотъ и другой благодарятъ Бога. А ежели благодаряютъ оба; то разность не велика. Замѣть же, какъ и здѣсь Апостолъ скрытнымъ образомъ наноситъ ударъ придерживающимся Іудейства. Ежели главное состоитъ въ томъ, чтобы благодарить; то очевидно, что благодаритъ тотъ, кто ѣстъ, а не тотъ, кто не ѣстъ. Ибо какъ благодарить тому, кто придерживается еще закона? Тоже самое подтвердилъ Павелъ въ посланіи къ Галатамъ: *иже законолъ оправдается, отъ благодати отпадосте* (Гал. V, 4). Впрочемъ онъ здѣсь не выражаетъ ясно этой мысли, а только намѣкаетъ на нее, потому что еще было не время. Напротивъ терпитъ пока и тѣхъ, которые придерживались закона. Все сіе еще яснѣе обнаруживаетъ онъ въ послѣдующихъ словахъ, именно, когда говоритъ: (7) *Никтоже бо насъ себѣ живетъ, и никтоже себѣ умираетъ.* (8) *Аще бо живемъ,*

Господеви живемъ, аще умираемъ, Господеви умираемъ. Дѣйствительно, кто живетъ для закона; тотъ можетъ ли жить для Христа? Впрочемъ не только эту одну мысль подаетъ Апостолъ въ сихъ словахъ; но и удерживаетъ нерадивыхъ въ вѣрѣ отъ поспѣшности въ исправленіи слабыхъ, и убѣждаетъ ихъ быть терпѣливыми, доказывая, что Богъ не можетъ презрѣть немощныхъ, но въ надлежащее время исправитъ ихъ. Что же это значитъ: *никтоже насъ себѣ живетъ?* Мы не господа сами себѣ; мы имѣемъ надъ собою Господина, Который хочетъ, чтобъ мы были живы, и не желаетъ нашей смерти; наша жизнь или смерть для Него важнѣе, чѣмъ для насъ самихъ. Симъ Апостолъ показываетъ, что Богъ заботится о насъ больше, нежели мы сами, что Онъ жизнь нашу почитаетъ для Себя пріобрѣтеніемъ, а смерть потерею. Ибо ежели умираемъ, то умираемъ не только для себя, но и для Господа. Подъ смертью же разумѣетъ здѣсь Апостолъ смерть духовную, состоящую въ отпаденіи отъ вѣры. Что Богъ о насъ печется, въ семъ достаточно убѣждаетъ насъ уже и то, что мы для Него живемъ, и для Него умираемъ. Впрочемъ Апостолъ не довольствуется тѣмъ, но присовокупляетъ еще новое подтвержденіе, говоря: *аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы.* Здѣсь онъ отъ смерти духовной переходитъ къ смерти естественной, дабы слова его не показались жестокими, и предста-

ляетъ новый самый важный признакъ Божія о насъ промышленія. Какой же именно? (9) *На сіе бо*, продолжаетъ, *Христосъ и умре и воскресе и оживе, да и мертвыми и живыми обладаетъ*. И сіе должно удостовѣришь тебя, что Господь всегда печется о нашемъ спасеніи и исправленіи. Если бы Онъ столько не промышлялъ о насъ; то для чего было бы нужно воплощеніе? Кто употребилъ столько попеченія для усвоенія насъ Себѣ, что принялъ на Себя зракъ раба и умеръ; Тотъ презритъ ли тѣхъ, которыхъ уже усвоилъ Себѣ? Сіе не возможно, никакъ не возможно. Онъ не захочетъ оставить того, что стоило толикихъ усилій. *На сіе бо*, говоритъ Апостолъ, *и умре*. Это похоже на то, какъ бы кто сказалъ: такой-то человѣкъ не согласится бросить своего раба, потому что онъ бережетъ собственное стяжаніе. Но еще мы менѣе любимъ деньги, чѣмъ Богъ наше спасеніе. Онъ заплатилъ за насъ не деньгами, а Своею Кровію, и потому не согласится бросить тѣхъ, за которыхъ далъ такую цѣну. Замѣть также, какъ Апостолъ показываетъ и неизреченное могущество Божіе. *На сіе бо*, говоритъ онъ, *и умре и оживе, да и мертвыми и живыми обладаетъ*. И выше сказалъ: *аще бо живемъ, аще умираемъ, Господни есмы*. Видишь ли, какъ сильно Его владычество? видишь ли, какъ непреоборима Его крѣпость? видишь ли, какъ всеобъемлюще Его промыслъ? Что и говоритъ

о живыхъ, разсуждаетъ Апостолъ, Богъ промышляетъ и объ умершихъ. А если промышляетъ объ умершихъ; то само собою явно, что также и о живыхъ. Онъ ничего не оставилъ внѣ сего владычества; но на человѣка пріобрѣлъ еще большія права, дабы промышлять о насъ больше, чѣмъ о всемъ прочемъ. Человѣкъ платитъ деньги за своего раба, и потому тщательно бережетъ его. Но Богъ заплатилъ смертію, и конечно не сочтетъ маловажнымъ спасти того, кто купленъ такою цѣною, кто пріобрѣтенъ во владѣніе съ такимъ раченіемъ и усиліемъ. Все же сіе говоритъ Апостолъ, дабы пристыдить Іудействующаго Христіанина и убѣдить его, чтобы онъ помнилъ великость благодѣянія, и чувствовалъ то, что онъ, бывши мертвъ, ожилъ, что онъ не получилъ никакой пользы отъ закона, и что это было бы крайне неблагодарно, — оставивъ Того, Кто явилъ ему столько милостей, прибѣгать снова къ закону.

Такимъ образомъ, вразумивъ его достаточно, Апостолъ снова ободряетъ его, говоря къ укоряющему его: (10) *ты же почто осуждаеши брата твоего? или ты что уничижаеши брата твоего?* Здѣсь, по видимому, Апостолъ уравниваетъ обоихъ; но изъ сказаннаго явствуетъ, что онъ полагаетъ между ими большое различіе. Онъ прекращаетъ споры ихъ сперва наименованіемъ брата, а потомъ напоминаніемъ о страшномъ днѣ суда. Ибо

сказавши: *что уничижаеши брата твоего?* присовокупилъ: *вси бо предстанемъ судищу Христову.* И хотя сими словами, повидимому, дѣлаетъ выговоръ опять совершеннѣйшему; но въ самомъ дѣлѣ спарается потрясти духъ Іудействующаго Христіанина, не только пристыждая его напоминаніемъ объ оказанномъ ему благодѣяніи, но и устрашая будущимъ наказаніемъ: *вси бо*, говоритъ, *предстанемъ судищу Христову.*

(11) *Писано бо есть: живу Азъ, глаголетъ Господь: яко Мнѣ поклонится всяко колѣно, и всякъ языкъ исповѣстся Богови.* (12) *Тѣмже убо кійждо насъ о себѣ слово дастъ Богу.* Видишь ли, какъ Павелъ опять потрясаетъ духъ одного, нанося, повидимому, ударъ другому? Слова его тоже значатъ, какъ бы сказалъ онъ: о чемъ ты забопишься? Развѣ ты будешь наказанъ за него? Онъ не высказалъ сего прямо, но то именно разумѣлъ, только изъяснился гораздо легче, сказавъ: *вси бо предстанемъ судищу Христову. Тѣмже убо кійждо насъ о себѣ слово дастъ Богу.* Привелъ также слова Пророка, который свидѣтельствуетъ, что какъ жившіе въ Ветхомъ Завѣтѣ, такъ и всѣ безъ исключенія подвластны Богу, и подвластны Ему во всемъ. Ибо не просто сказано: всякій поклонится, но: *исповѣстся*, то есть, дастъ отчетъ въ томъ, что сдѣлалъ. Итакъ, представляя себѣ общаго Владыку сѣдящимъ на престолѣ, будь внимателенъ

къ себѣ, не раздирай Церкви, не вводи въ нее дѣленій, отторгаясь отъ благодати и возвращаясь къ закону. Ибо Его есть и законъ. И что говорю я: законъ? Его всѣ жившіе и въ законѣ и до закона. И не законъ потребуетъ у тебя отчета; а Христосъ, какъ у тебя, такъ и у всего человѣческаго рода. Видишь ли, какъ Апостолъ освобождаетъ немощнаго въ вѣрѣ отъ страха закона?

Потомъ, устраняя мысль, что сказано сіе съ намѣреніемъ устрашить немощныхъ, и показывая, что слѣдовало о семъ говорить по связи рѣчи, продолжаетъ онъ разсуждать о томъ же предметѣ: (13) *не ктому убо другъ друга осуждаемъ: но сіе паче судите, еже не полагати претыканія брату или соблазна.* Сіе не больше относится къ одному, какъ и къ другому; а потому можетъ быть приложено къ обоимъ, и къ совершенному, который соблазняется разборчивостію въ пищѣ, и къ несовершенному, для котораго служатъ препкновеніемъ слишкомъ рѣзкія укоризны.

Разсуди же, какому подвергнемся мы наказанію, если соблазняемъ ближнихъ безъ всякой доброй цѣли? Ежели здѣсь, гдѣ вся ошибка состояла въ неблаговременности упрековъ, Апостолъ воспрещаетъ оные, дабы не соблазнялся и не претыкался братъ; то чего будемъ достойны мы, когда соблазняемъ брата, совсѣмъ не имѣя намѣренія исправить его? Ежели не сберечь есть проступокъ, какъ это видно

на примѣрѣ закопавшаго въ землю таланть; то чего не навлечемъ на себя, соблазняя другаго? Ты скажешь: что же мнѣ дѣлать, если онъ соблазняется самъ отъ себя, потому что слабъ? Посему то самому тебѣ и слѣдовало переносить все. Если бы онъ былъ крѣпокъ, не имѣлъ бы нужды въ такой попечительности. А теперь, чѣмъ онъ слабѣе, тѣмъ большаго требуетъ раченія. Итакъ будемъ о немъ пещися, и поддерживать его во всѣхъ случаяхъ. Ибо мы дадимъ отвѣтъ не за свои только грѣхи, но и за все то, въ чемъ служили соблазномъ для другихъ. Но если трудно отвѣчать и за свои грѣхи; какъ спасемся, когда ляжетъ на насъ и сія отвѣтственность? Не будемъ считать для себя извиненіемъ того, что найдутся сообщники въ нашихъ грѣхахъ. Симъ увеличится только наше наказаніе. Змій наказанъ строже жены, а жена строже мужа. Іезавель понесла тягчайшее наказаніе, чѣмъ Ахаавъ, отнявшій виноградникъ; потому что она была главною причиною этой несправедливости, и ввела въ соблазнъ Царя. И ты, если сдѣлаешься виною гибели другихъ, подпадешь тягчайшему наказанію, нежели доведенные тобою до паденія. Не такъ пагубно самому согрѣшить, какъ ввести въ грѣхъ и другихъ кромѣ себя. Посему Апостолъ говоритъ: *не точію (сами) сія творятъ, но и соизволяютъ творящимъ* (Рим. I, 32). Посему, какъ скоро видимъ, что другіе грѣшатъ, не только не будемъ

побуждать ихъ ко грѣху, но постараемся извлечь изъ бездны порока, дабы за гибель другихъ намъ самимъ не подвергнуться казни. Будемъ непрестанно помнить о страшномъ судилищѣ, объ огненной рѣкѣ, о неразрѣшимыхъ узахъ, о непроницаемомъ мракѣ, о скрежетѣ зубовъ, объ ядовитомъ червѣ. Но Богъ человѣколюбивъ, говоришь ты. Итакъ, по твоему, всѣ тѣ угрозы суть одни пустыя слова? Богачъ, презрѣвшій Лазаря, не мучится (Луки 16)? Юродивыя дѣвы не изгоняются изъ брачнаго чертога? Отказавшіеся накормить Христа не пойдутъ въ огонь, уготованный діаволу и аггеламъ его? Одѣтый въ гнусную ризу не будетъ связанъ по рукамъ и по ногамъ, и осужденъ на гибель? Требовавшій ста денаріевъ не будетъ преданъ истязателямъ? И это неправда, что сказано о прелюбодѣяхъ: *червь ихъ не умираетъ, и огнь ихъ не угасаетъ* (Мар. IX, 48)? Или все сіе однѣ только угрозы? Да, говоришь ты. Но скажи мнѣ, на чемъ основавшись, ты осмѣливаешься утверждать это, и произносить отъ себя такой приговоръ? Я могу доказать тебѣ противное и словами и дѣлами Христовыми. Если не вѣришь словамъ Писанія о будущемъ наказаніи; по крайней мѣрѣ повѣрь имъ, имѣя въ виду то, что уже совершилось. Что уже было, что исполнилось на самомъ дѣлѣ, то не пустыя угрозы и слова. Кто при Ноѣ навелъ потопъ на всю вселенную, произвелъ столь ужасное истребленіе

и гибель всего нашего рода? Кто попомъ низвелъ молнію и огненные клубы на землю Содомскую? Кто погрузилъ въ море цѣлый Египетъ? Кто испребилъ шесть сотъ тысячь человѣкъ въ пустынѣ? Кто попалилъ огнемъ сонмъ Авироновъ? Кто повелѣлъ землѣ разверзть уста свои, и поглотить Корея, Даѳана и бывшихъ съ ними? Кто при Давидѣ въ одно мгновеніе поразилъ семьдесять тысячь? Упоминать ли еще о наказаніяхъ частныхъ? О Каинѣ, преданномъ на непрестанное мученіе? О сынѣ Харміинѣ, который побитъ камнями со всѣмъ его родомъ? О собиравшемъ дрова въ субботу, и подвергшемся той-же казни? О сорока двухъ отрокахъ, которые при Елиссеѣ съѣдены звѣрями, и которымъ не послужилъ извиненіемъ юный ихъ возрастъ? А если хочешь видѣть подобные примѣры и во времена благодати; представь себѣ, какія наказанія претерпѣли Іудеи; какъ жены ихъ ѣли собственныхъ своихъ дѣтей, жарили ихъ и готовили въ другихъ снѣдяхъ; какъ они при нестерпимомъ голодѣ, среди различныхъ и тяжкихъ войнъ, были поражаемы такими чрезвычайными бѣдствіями, съ коими не могутъ сравниться никакія ужасныя злоключенія прежнихъ временъ. А дабы увѣриться тебѣ, что все сіе навелъ на нихъ Христосъ, послушай, какъ Самъ Онъ предсказываетъ сіи нещастія то въ притчахъ, то въ ясныхъ и вразумительныхъ словахъ. Въ притчахъ, когда говоритъ: *враги Моя оны, иже не восхотѣша Мене,*

да царь быхъ былъ надъ ними, приведите сьмо и изсѣцыте предо Мною (Луки XIX, 27); когда предлагаетъ притчи о виноградникѣ, и о. бракѣ. А въ ясныхъ и вразумительныхъ словахъ, когда угрожаетъ, что *падутъ во остріи меча, и плѣнени будутъ во (вся) языки, и будетъ на земли туга языкомъ отъ нечаянія, шума морскаго и возмущенія издыхающимъ человѣкомъ отъ страха* (Луки XXI, 24 и 25). *И будетъ скорбь велія, яковаже не была отъ начала міра доселѣ, ниже имать быти* (Матѳ. XXIV, 21). Извѣстно также всѣмъ, какой казни подверглись Ананія и Сапфира за утаеніе нѣсколькихъ монетъ. Не примѣчаешь ли и нынѣ каждый день нещастныхъ случаевъ? Ужели скажешь, что этого не бываетъ? Ужели не видишь и нынѣ испаевающихъ гладомъ? страждущихъ проказами и другими плѣсными болѣзнями? живущихъ во всегдашней нищетѣ? претерпѣвающихъ тысячи несносныхъ бѣдствій? Справедливо ли было бы однихъ наказывать, а другихъ нѣтъ? Ежели Богъ справедливъ, что и несомнѣнно; то конечно и ты будешь наказанъ за грѣхи свои. Если же ты думаешь, что Богъ тебя не накажетъ, потому что Онъ человѣколюбивъ; то слѣдовало бы и тѣхъ не наказывать. Но, какъ сказали мы выше, Богъ и здѣсь многихъ наказываетъ, дабы вы, невѣрующіе словеснымъ угрозамъ, повѣрили дѣйствительнымъ казнямъ. И поелику давно бывшее мало насъ устрашаетъ; то вразумляетъ

Онъ безпечныхъ современными событіями, которыя совершаются надъ каждымъ поколѣніемъ. Почему же, спросишь, Богъ не наказываетъ всѣхъ здѣсь? Дабы инымъ далъ предопредѣленное отъ Него время на покаяніе. А для чего не наказываетъ всѣхъ нами только? Дабы не было много невѣрующихъ Божію промыслу.—Теперь я спрошу тебя: не правда ли, что много разбойниковъ поймано, а многіе умерли безъ наказанія? Гдѣ же Божіе человѣколюбіе и правосудіе?—Если бы вовсе никто не былъ наказываемъ; ты могъ бы къ этому прибѣгнуть. Но когда одни наказаны, другіе нѣтъ, и притомъ безъ наказанія остаются тѣ, которые больше грѣшили; то какъ это понять, что за одни и тѣже преступленія не одинаковы наказанія? Въ такомъ случаѣ не должно ли заключить, что наказываемые терпятъ обиду? Итакъ почему же не всѣ наказываются здѣсь? Послушай, что отвѣтствуетъ тебѣ на сіе самъ Христосъ. Когда упала башня, и нѣсколько человѣкъ убило, отъ чего иные приходили въ недоумѣніе; Христосъ сказалъ имъ: *мните ли, яко сіи грѣшнѣйши паче всѣхъ бяху? Ни, глаголю вамъ: но аще не покаетеся, вси такожде погибнете* (Луки XIII, 2—5). Симъ учитъ насъ не полагаться на то, что при множествѣ нашихъ преступленій остаемся безъ наказанія, когда другіе терпятъ оное. Ибо ежели не покаемся, то непремѣнно будемъ наказаны. За что же, спросишь, терпѣть вѣчное наказаніе намъ,

которые здѣсь грѣшили недолгое время? А за что здѣсь человѣкъ, въ одну минуту сдѣлавшій одно смертоубійство, осуждается всю жизнь работать въ рудокопнѣ? Но скажешь, что Богъ такъ не поступаетъ. Какъ же Онъ разслабленному попустилъ тридцать восемь лѣтъ терпѣть столь тяжкое наказаніе? Если же не вѣришь, что сею болѣзнію былъ онъ наказанъ за грѣхи отъ Бога; послушай, что говоритъ Христосъ: *се здравъ еси: ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. V, 14). Впрочемъ разслабленный, говоришь ты, получилъ освобожденіе отъ наказанія; а тамъ сего не будетъ. Точно, тамъ не будетъ освобожденія отъ наказанія; послушай, какъ говоритъ о семъ самъ Христосъ: *червь ихъ не умираетъ, и огнь не угасаетъ* (Мар. IX, 44). И еще: *пойдутъ одни въ жизнь вѣчную; а другіе въ муку вѣчную* (Матѳ. XXV, 46). Ежели жизнь вѣчная; то и наказаніе вѣчное. Или не знаешь угрозъ, сдѣланныхъ Іудеямъ? Исполнились ли сіи угрозы, или остались только на словахъ? Сказано: *не останетъ камень на камени* (Луки XXI, 6); и дѣйствительно остался ли камень на камни? Христосъ сказалъ: *будетъ скорбь велія, якова же не была;* и ужели не сбылось сіе? Прочитай исторію Іосифа; у тебя займется духъ при одномъ разсказѣ о бѣдствіяхъ, какія претерпѣли Іудеи на самомъ дѣлѣ. Я говорю это не съ тѣмъ, чтобы огорчить васъ, но чтобы привесть васъ въ безопасность, дабы,

утѣшая васъ напрасными надеждами, не подвергнуть васъ тягостнѣйшимъ наказаніямъ. И скажи мнѣ: почему бы ты не заслуживалъ быть наказаннымъ за грѣхи твои? не все ли тебѣ напередъ сказалъ Богъ? не угрожалъ ли Онъ тебѣ? не устрашалъ ли? не употреблялъ ли тысячи средствъ для твоего спасенія? не даровалъ ли тебѣ баню пакибытія, и не простилъ ли всѣхъ прежнихъ грѣховъ твоихъ? и послѣ сей бани, послѣ отпущенія грѣховъ, не далъ ли тебѣ—когда ты опять сталъ грѣшить, новаго пособія—въ покаяніи? не облегчилъ ли тебѣ способовъ получить прощеніе въ грѣхахъ, учиненныхъ и послѣ сего? Итакъ выслушай, что заповѣдалъ Богъ. Ежели будешь прощать грѣхи ближнему; то и Я, говоритъ Онъ, прощу тебѣ. Какое же въ этомъ неудобство? *Судите сиру*, сказано, *оправдите вдовицу, и пріидите, и истяжимся, глаголетъ Господь: и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю* (Исаіи I, 18). Какая же въ этомъ трудность? *Глаголи ты беззаконія твоя, да оправдишися* (Исаіи XLIII, 26). Какая въ этомъ тягость? *Грѣхи твоя милостынями искупи.* (Дан. IV, 24). Какой въ томъ трудъ? мытарь сказалъ: *милостивъ буди мнѣ грѣшному, и сниде оправданъ* (Луки XVIII, 13 и 14). Трудно ли подражать мытарю? Но не смотря на все сіе, не хочешь ты убѣдиться, что есть казнь и мученіе. Слѣдственно, скажешь, что и діаволъ не наказывается. Сказано: *идите*

во огнь уготованный діаволу и аггеломъ его (Матѳ. XXV, 41). Но ежели нѣтъ геенны; то и онъ не наказывается. Если же діаволъ наказывается; очевидно, что будемъ наказаны и мы, которые дѣлаемъ дѣла его. И мы преслушали заповѣдь Божію, хотя не ту же, какую онъ. Какъ же не боишься ты говорить дерзко о Богѣ? Ибо когда ты говоришь: Богъ человѣколюбивъ, а потому не накажетъ; то по твоему выдетъ, что Онъ уже не человѣколюбивъ, если накажетъ. Примѣчаешь ли, на какія мысли наводитъ васъ діаволъ? По вашему монахи, поселившіеся въ горахъ, и показавшіе множество подвиговъ, останутся не увѣнчанными? Потому что, ежели злые не наказываются, и нѣтъ никакого воздаянія, то можетъ иной сказать, что и добрые не увѣнчиваются.—Я съ этимъ не согласенъ, ты скажешь. Съ благостію Божіею сообразно быть только Царству, а не гееннѣ.— Слѣдственно блудникъ, прелюбодѣй, учинившій тысячи преступленій будетъ наслаждаться тѣмиже благами, какими и отличившійся цѣломудріемъ и святостію? Слѣдственно Павелъ станетъ на ряду съ Нероном, или даже діаволъ на ряду съ Павломъ? Ежели нѣтъ геенны, а воскресеніе будетъ общее; то и злые удостоятся тѣхъ же благъ, какихъ праведники. Какой же безумецъ станетъ утверждать сіе? Или лучше сказать, кто изъ демоновъ осмѣлится выговорить это? Ибо и бѣсы признаютъ геенну. Потому *и возописта глаголюще: пришелъ еси*

сьмо прежде времене мучити насъ (Матѳ. VIII, 29). Какъ же ты не боишься, не ужасаешься отрицать, что признаютъ даже бѣсы? какъ не примѣтишь, какой учитель внушаетъ тебѣ сіи злыя наставленія? Тотъ же, кто обольстилъ человѣка въ началѣ, и предложеніемъ большихъ надеждъ исторгъ у него блага, бывшія уже въ рукахъ, тотъ же и нынѣ научаетъ такъ говорить и думать. Діаволъ для того и убѣждаетъ нѣкоторыхъ думать, что нѣтъ геенны, чтобы ввергнуть въ геенну. Напротивъ Богъ для того угрожаетъ геенною и уготовалъ оную, дабы ты, зная о томъ, такъ жилъ, чтобы не впасть въ геенну. Ежели діаволъ теперь, когда есть геенна, увѣряетъ тебя, что ее нѣтъ: то, если бы не было геенны, какая была бы нужда свидѣтельствовать о ней бѣсамъ, которые всего болѣе стараются о томъ, чтобы мы и не подозрѣвали бытія геенны, чтобы, не страшась ея, стали безпечнѣе, и впали съ ними въ геенскій огнь? Почему же, спросишь, они свидѣтельствовали тогда о геенѣ? Потому что не могли сопротивляться принуждавшей ихъ къ тому необходимости. Размышляя о всемъ этомъ, да престанутъ умствующіе такъ своими рѣчами обольщать себя и другихъ. За самыя слова сіи они понесутъ казнь, потому что смѣются надъ страшными вещами, приводятъ къ безпечности многихъ желающихъ истинно пещися о своемъ спасеніи, и даже нимало не подражаютъ язычникамъ —

Ниневитянамъ. Тѣ, хотя и вовсе не знали истины, но какъ скоро услышали, что городъ ихъ будетъ истребленъ, не только не оказали невѣрія, но во стенали, облекшись во вретище, смирились, и дополѣ усиливались всѣми мѣрами умилостивить Бога, доколѣ не утолили гнѣва Божія. А ты, зная столько опытовъ суда Божія, словами своими уничижаешь то, что сказалъ Богъ? Посему участь твоя будетъ противоположна участи Ниневитянъ. Тѣ, убоявшись словъ, не подверглись наказанію на самомъ дѣлѣ; а ты, презирающій словесныя угрозы, понесешь казнь на самомъ дѣлѣ. Теперь слова кажутся тебѣ баснею; но не покажутся такими, когда увѣришься въ нихъ опытно. Ужели не видишь, что сдѣлалъ Христосъ и здѣсь на землѣ? Не одинаковаго жребія удостоилъ Онъ двухъ разбойниковъ, но одного ввелъ въ Царствіе, а другаго послалъ въ геенну. Но что говорить о разбойникѣ и человѣкоубійцѣ? Христосъ не пощадилъ и Апостола, который сдѣлался предателемъ, но предвидя, что онъ повѣсится, удавится и разсядется, ибо сказано: *проседеся посредь, и изліяся вся утроба его* (Дѣян. I, 18), предвидя, говорю, все сіе, попустилъ ему претерпѣть то, дабы чрезъ настоящее удостовѣрить тебя во всемъ будущемъ. Итакъ не обманывайте сами себя, довѣряя діаволу; ибо это его внушенія. Ежели судіи, господа, учители, ежели даже необразованные народы награждаютъ добрыхъ и наказы-

ваютъ злыхъ; но возможно ли, чтобы Богъ поступилъ иначе, и добраго сравнялъ съ порочнымъ? Когда же совершится опрѣшеніе отъ пороковъ? Ежели нынѣ порочные, ожидая наказанія, окруженные отвсюду страхомъ, страхомъ судей, страхомъ законовъ, при всемъ этомъ не отстаютъ отъ худыхъ дѣлъ; но когда же перестанутъ быть злыми, если по преселеніи въ вѣчность избавятся отъ всякаго страха, и не только не впадутъ въ геенну, но еще получатъ Царство? Скажи мнѣ, будетъ ли это человѣколюбіе, уравнивать путь порока, награждать зло? удостоивать одной чести цѣломудреннаго и распутнаго, вѣрнаго и нечестиваго, Павла и діавола? Но долго ли намъ распространяться о такихъ нелѣпостяхъ? Умоляю васъ, освободитесь отъ сего безумія, взойдите въ самихъ себя, внушите душѣ страхъ и трепетъ, дабы она освободилась отъ будущей геенны, и, проведши настоящую жизнь въ цѣломудріи, сподобилась будущихъ благъ по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь. —

БЕСѢДА 26.

(XIV, 14.) *Вѣмъ и извѣщенъ есмь о Господѣ Іисусѣ, яко ничтоже скверно само собою, точію помышляющему что скверно быти, оному скверно есть.*

Апостолъ, сдѣлавъ сперва строгое запрещеніе осуждающему брата, и, поставивъ для него правиломъ не укорять, даетъ потомъ мнѣніе о догматѣ, и съ снисходительностію наставляетъ слабѣйшаго, показывая и здѣсь великую кротость. Не говоритъ, что будетъ наказанъ, не употребляетъ даже и похожаго на то выраженія; а напротивъ, дабы удобнѣе заставить его повѣрить словамъ своимъ, увѣряетъ, что ему нечего бояться въ семъ дѣлѣ, и говоритъ: *вѣмъ и извѣщенъ есмь.* Подобно же невѣрующій могъ возразить: какое намъ дѣло, что ты убѣжденъ: ты не заслуживаешь еще столько вѣроятія, чтобъ слова твои предпочесть самому закону и тому, что возвѣщено намъ свыше;—Апостолъ присовокупляетъ: *о Господѣ,* то есть, сему научень я отъ Господа; Онъ Самъ удостовѣрилъ меня въ этомъ; это приговоръ не человѣческаго ума. Но скажи: въ чемъ ты увѣренъ, и что знаешь? *Яко ничтоже скверно само собою.* Ничего нѣтъ нечистаго по природѣ, говоритъ Апостолъ, но дѣлается нечистымъ отъ произволенія употребляющаго. Для него одного нечисто, а не для

всѣхъ. *Помышляющему что скверно быти, оному скверно есть.* Почему же не исправить брата, чтобы онъ не почиталъ чеголибо нечистымъ? Почему не употребить всей своей власти, чтобы отучить отъ сея привычки и мнѣнія—признавать что либо само въ себѣ скверным? Боюся, отвѣществуетъ Апостолъ, чтобы не огорчить его. Посему присовокупилъ: (15) *Аще же брашна ради братъ твой скорбитъ, уже не по любви ходиши.* Видишь ли, какъ старается сперва привязать его къ себѣ, показывая, что имѣетъ большее къ нему вниманіе, и дабы не огорчить его, не смѣетъ приказывать даже самаго нужнаго, но лучше хочетъ привлечь его снисходительностію и любовію? Послѣ того, какъ разсѣялъ страхъ его, не влечетъ силою и не принуждаетъ, но предоставляетъ ему полную волю; потому что иное дѣло разрѣшить употребленіе пищи, а иное — нанести огорченіе. Видишь ли, сколько заботится о сохраненіи любви? Ибо зналъ, что любовь можетъ все исправить. А посему и требуетъ здѣсь отъ слушателей чего-то большаго. Не только не должно вамъ, говоритъ, доводить ихъ до крайности, но если бы требовалось сдѣлать снисхожденіе, и отъ того не отказываться. Посему присовокупляетъ: *не брашномъ твоимъ того погубляй, за него же Христосъ умре.* Уже ли брата не почитаешь стоющимъ того, чтобы чрезъ воздержаніе отъ пищи пріобрѣсть его спасеніе?

Христосъ не отказался спасть за него рабомъ и умереть, а ты для его спасенія не соглашаешься отказаться отъ пищи? Хотя Христосъ зналъ, что не всѣхъ пріобрѣтешь; однакоже исполнилъ Свое дѣло и умеръ за всѣхъ. А ты знаешь, что споромъ о пищѣ развращаешь въ важнѣйшемъ, и не смотря на то, упорствуешь, почитаешь презрѣннымъ, кого Христосъ призналъ достойнымъ толикихъ почестей, безчестишь, кого Онъ возлюбилъ? Христосъ умеръ не только за немощнаго въ вѣрѣ, но и за врага; а ты для немощнаго въ вѣрѣ не хочешь воздержаться отъ пищи? Христосъ совершилъ самое великое дѣло; а ты не хочешь сдѣлать малаго? Онъ Владыка, а ты братъ. Этого достаточно, чтобы вразумить и немощнаго въ вѣрѣ; это обнаружитъ, что онъ малодушенъ, и получивъ отъ Бога великіе дары, не жертвуешь и малымъ.

(16) *Да не хулится убо ваше благое.* (17) *Имѣть бо Царство Божіе брашно и питіе.* Подъ именемъ *благаго* Апостолъ разумѣетъ здѣсь вѣру, или надежду будущихъ благъ, или совершенное благочестіе. Ты не только не помогаешь брату, говоритъ Апостолъ, но заставляешь хулить самый догматъ, Божію благодать и даръ. Когда ты споришь, упорствуешь, огорчаешь, раздираешь Церковь, укоряешь брата, обходишься съ нимъ непріязненно; тогда сторонніе хулятъ Церковь. И ты не только не исправляешь, но и дѣлаешь совер-

менно противное. Ваше доброе состоитъ въ томъ, чтобы жить въ любви, въ братствѣ, въ единеніи, въ союзѣ, мирно и кротко. Потомъ Апостолъ опять, чтобы излечить одного отъ страха, а другаго отъ упорства, говоритъ: *нѣсть бо Царство Божіе брашно и питіе.* Ужели думаешь, что сіе поставлено тебѣ будетъ въ заслугу? И въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ тоже: *ниже, аще ямы, избыточествуемъ: ниже, аще не ямы, лишаемся* (1 Кор. VIII, 8). Здѣсь нечего доказывать, а довольно сказать. Смыслъ же Апостольскихъ словъ таковъ. Ежели ты ѣшь; то ужели сіе введетъ тебя въ Царство? Укоряя за то, что почитаютъ сіе важнымъ, Апостолъ упомянулъ не объ одной пищѣ, но и о питьѣ. Инакъ что же вводитъ въ Царство? *правда, миръ, радость*, добродѣтельная жизнь, миръ съ братомъ, который возмущается спорами, радость, происходящая отъ согласія, которое нарушается враждою. Сіе сказано Апостоломъ не одной изъ двухъ сторонъ, но обѣимъ; такъ какъ благовременно было это сказать и тѣмъ и другимъ. Потомъ послѣ словъ: *миръ* и *радость*, полагаю миръ и радость бываютъ и въ худыхъ дѣлахъ, присовокупилъ: *о Дусѣ Святѣ*. Погубившій брата нарушилъ миръ и радость, обидѣлъ его больше, чѣмъ похитившій у него деньги. И что еще хуже, одинъ спасъ, а ты губишь и оскорбляешь. А когда брашно и мнимое совершенство не вводятъ въ Царство, а

вводятъ въ Царство противное сему; ужели не пренебрежешь малаго, чтобъ утвердить великое? Поелику же запрещенія происходили частію и отъ тщеславія; то Апостолъ присовокупляетъ далѣе:

(18) *Иже бо сили служитъ Христови, благоугоденъ есть Богови, и искусенъ человѣкомъ.* Всѣ дивиться будутъ въ тебѣ не сполько совершенству, сколько миру и согласію. Послѣднимъ благомъ воспользуются отъ тебя всѣ, а первымъ никто.

(19) *Тѣмже убо миръ возлюбимъ, и яже къ созиданію другъ ко другу.* Первое—сохранять миръ, относится къ немощному, а послѣднее—къ соблазняющему брата, дабы онъ не поколебалъ его въ вѣрѣ. Впрочемъ Апостолъ сказавъ: *ко взаимному назиданію*, отнесъ эти слова вообще и къ тому и другому, и показалъ, что безъ мира трудно назидать.

(20) *Не брашна ради разоряй дѣло Божіе.* Дѣломъ Божіимъ называетъ спасеніе брата, и увеличиваетъ страхъ, доказавъ, что соблазняющій брата дѣлаетъ противное тому, о чемъ заботится. Ты не только не созидаешь, какъ думаешь, говоритъ Апостолъ, но разоряешь, и разоряешь не человѣческое дѣло, а Божіе, и притомъ разоряешь не для чего либо важнаго, но для маловажной вещи, — *брашна ради.* Потомъ, дабы таковою снисходительностію не утвердить брата въ худыхъ мысляхъ, опять обращается къ догмату, и говоритъ

такъ: *вся бо чиста, но зло человѣку претыканіемъ ходящему*, то есть, съ лукавою совѣстію. Ежели ты принудишь, и онъ снанешъ ѣсть; нималой не будетъ въ томъ пользы. Не ястива дѣлаютъ нечистымъ, а расположеніе, съ какимъ ѣшь. Посему ежели не исправишь расположенія; то весь твой прудъ напрасенъ, даже вреденъ. Иное дѣло почитать что нечистымъ, и иное ѣсть, что почитаешь нечистымъ. Въ послѣднемъ случаѣ грѣшишь ты вдвое, своимъ споромъ усиливаешь предразсудокъ, и заставляешь ѣсть нечистое. Доколѣ не убѣдишь, дотолѣ не принуждай.

(21) *Добро не ясти мясъ, ниже пити вина, ни о немже братъ твой претыкается, или соблазняется, или изнемогаетъ.* Опять Апостолъ требуетъ большаго, не только не принуждать, но и оказывать снисхожденіе. Такъ и самъ онъ поступалъ нерѣдко; обрѣзывалъ, стригъ волосы, приносилъ Іудейскую жертву. Не говоритъ онъ: дѣлай, но предлагаетъ въ видѣ своего мнѣнія, дабы слабѣйшаго не сдѣлать еще болѣе безпечнымъ. И что же говоритъ? *Добро не ясти мясъ.* И что говорю о мясахъ? Воздерживайся также отъ вина и отъ всего, что только служитъ соблазномъ; потому что спасеніе брата нейдетъ ни съ чѣмъ въ сравненіе. Се собственнымъ примѣромъ доказалъ Христосъ, Который снизшелъ съ небесъ, и все претерпѣлъ за насъ, что ни претерпѣлъ. Замѣть же, какъ Апостолъ вразумляетъ и другаго;

говоря: *претыкается, или соблазняется, или изнемогаетъ*. Не говори мнѣ, продолжаетъ онъ, что сіе безразсудно, напротивъ помни, что сіе можетъ исправить. А для тебя достаточное оправданіе, что немощному поможешь, а себѣ нимало не повредишь. Твой поступокъ не лицемѣріе, напротивъ онъ служитъ къ созиданію и сбереженію брата. Ежели будешь принуждать его; онъ станетъ противиться тебѣ, осуждать тебя, и еще болѣе утвердится въ своихъ правилахъ—воздерживаться отъ пищи. А если окажешь ему снисхожденіе; полюбитъ тебя, безъ всякаго подозрѣнія будетъ слушать твое ученіе, и наконецъ нечувствительно дастъ тебѣ волю посѣять въ немъ правые догматы. А ежели однажды поселишь въ немъ ненависть къ себѣ; то заградишь входъ словамъ своимъ. Итакъ не принуждай брата, напротивъ самъ для него воздерживайся, воздерживайся не какъ нечистаго, но потому что онъ соблазняется; и больше полюбитъ тебя. Такъ повелѣвалъ и Павелъ, говоря: *добро не ясти мясъ*, не потому что это нечисто, но потому что братъ соблазняется и изнемогаетъ.

(22) *Ты вѣру имаши: о себѣ самъ имѣй.* Здѣсь, кажется мнѣ, Апостолъ тайно намекаетъ на тщеславіе совершеннѣйшаго въ вѣрѣ. Смыслъ словъ его таковъ. Хочешь доказать мнѣ, что ты во всемъ исправенъ и совершенъ? Не доказывай, а довольствуйся свидѣтельствомъ совѣсти. Вѣру же береть здѣсь относительно

не къ догматамъ, а къ предмету разсужденія. Объ одной сказано: *усты исповѣдуется во спасеніе* (Рим. X, 10), также: *иже отвержется Мене предъ человѣки, отвергуся его и Азъ* (Матѳ. X, 33). Одна постыдитъ тебя, если ее не исповѣдуешь, а другая посрамитъ, если исповѣдуешь не во время. *Блаженъ не осуждаяй себе, о немже искушается.* Опять Апостолъ наноситъ ударъ слабѣйшему, и доказываетъ, что съ него довольно одобренія совѣсти. Хотя другой и не увидитъ твоего блаженства; ты будь доволенъ самъ собою. Поелику Апостолъ сказалъ: *о себѣ самъ имѣй*; то, дабы ты не почелъ сего судилища маловажнымъ, утверждаетъ, что оно для тебя лучше вселенной. Если всѣ обвиняютъ тебя, но самъ себя не осуждаешь, и совѣсть не укоряетъ; ты блаженъ. Но Апостолъ не о всякомъ безъ исключенія далъ такой отзывъ. Много есть людей, которые сами себя не осуждаютъ, и весьма грѣшатъ; они всѣхъ нещастнѣе. Но Апостолъ занимается настоящимъ предметомъ.

(23) *А сомняяйся, аще ястъ, осуждается.* Опять увѣщеваетъ щадить немощнаго. Какая польза ѣсть съ сомнѣніемъ и осуждать самому себя? Я одобряю того, кто ѣстъ, и ѣстъ безъ всякаго сомнѣнія. Видишь, какъ ведетъ его къ тому, чтобы не только ѣсть, но и ѣсть съ чистою совѣстію. Потомъ объясняетъ и причину, по которой осуждается, присовокупляя: *зане не отъ вѣры.* Осуждается

не потому что нечисто, но потому что не съ вѣрою, потому что не былъ увѣренъ, что это чисто, но думалъ, что прикасался къ нечистому. А симъ Апостолъ вразумляетъ ихъ, сколько дѣлаютъ вреда, принуждая неубѣдившихся прикасаться къ тому, что по ихъ мнѣнію нечисто; и желаетъ хотя симъ удержать ихъ отъ того, чтобы они не укоряли немощныхъ въ вѣрѣ. *Всяко же, еже не отъ вѣры, грѣхъ есть.* Когда не убѣжденъ и не вѣритъ, что чисто; то какъ не согрѣшитъ ему, продолжаетъ Апостолъ? Все же сіе говоритъ Павелъ относительно къ настоящему предмету, а не вообще. И смотри, сколько заботится, чтобы не соблазнить другаго? Выше говорилъ: *аще брашна ради братъ твой скорбитъ, уже не по любви ходиши.* А если не должно огорчать; тѣмъ болѣе не должно соблазнять. И еще говорилъ: *не брашна ради разоряй дѣло Божіе.* Если разоритъ церковь ужасно и нечестиво; тѣмъ паче разоритъ храмъ духовный. Ибо человѣкъ честнѣе церкви. И Христосъ умеръ не за стѣны, а за сіи храмы.

Итакъ будемъ съ своей стороны во всемъ осмотрительны, и не подадимъ никому ни малѣйшаго повода. Настоящая жизнь есть поприще; на всякомъ шагу нужно имѣть множество глазъ, и не должно думать, что для оправданія достаточно невѣдѣнія. Будешь, непремѣнно будешь наказанъ и за невѣденіе, если оно непростительно. И Іудеи были въ невѣденіи, однакоже ихъ

незнаніе не поставлено имъ въ извиненіе. И язычники были въ невѣденіи; однакоже не имѣютъ оправданія. Когда не знаешь того, что знать невозможно; ты не будешь виновенъ. А когда не знаешь, что можно и удобно тебѣ знать; понесешь крайнее наказаніе. Притомъ же, ежели не будемъ слишкомъ безпечны, но употребимъ всѣ возможныя мѣры; Богъ подастъ намъ руку и въ неудобопознаваемомъ. Такъ Павелъ говорилъ Филиппійцамъ: *аще ино что мыслите, и сіе Богъ вамъ откроетъ* (Филип. III, 15). Когда же хотимъ успѣть въ томъ, что не въ нашей власти; лишаемся и сего пособія. Такъ случилось съ Іудеями. *Сего ради въ притчахъ глаголю имъ*, говоритъ Христосъ, *яко видяще не видятъ* (Матѳ. XIII, 13). Какъ же видя не видали? Видѣли изгоняемыхъ бѣсовъ, и говорили, что имѣетъ бѣса. Видѣли воскрешаемыхъ мертвыхъ, и не поклонились Христу, но умышляли убить Его. Не таковъ былъ Корнилій. Онъ тщательно дѣлалъ все то, что отъ него зависѣло; посему Богъ даровалъ ему прочее. Итакъ не спрашивай, почему Богъ презрѣлъ такого то язычника, который былъ добръ и просподушенъ? Во первыхъ невозможно знать людямъ, кто просподушенъ; а знаетъ о семъ одинъ Тотъ, Кто образовалъ сердце каждаго. Потомъ надлежитъ сказать и то, что сей язычникъ часто самъ не заботился и не старался. Ты спросишь: возможно ли это, когда онъ человѣкъ весьма просподушный? Вспомнись же самъ

въ сего проспаго и добропорядочнаго человѣка, и постарайся узнать его въ дѣлахъ житейскихъ; ты увидишь, что онъ употребляетъ на оныя большую тщательность. Но еслибы захотѣлъ и употребилъ туже тщательность на дѣла духовныя; онъ не былъ бы презрѣнъ. Ибо истина яснѣе солнца. Гдѣ бы кто ни былъ, удобно спасется, если захочетъ быть внимательнымъ, и не будетъ почитать спасенія дѣломъ маловажнымъ. И не ужели такія дѣла ограничены одною Палестиною? заключены въ одномъ небольшемъ уголкѣ вселенной? Не слышишь ли, что говоритъ Пророкъ: всѣ узнаютъ Меня *отъ мала до велика?* Не видишь ли, что сіе оправдалось опытомъ? Какое извиненіе будутъ имѣть тѣ, которые видятъ, что ученіе истины распространилось всюду, и не любопытствуютъ, не заботятся узнать онаго? Ты скажешь: ужели требуешь сего отъ поселянина и варвара? Не только отъ поселянина и варвара, но и еслибы кто былъ грубѣе нынѣшнихъ варваровъ.—Скажи мнѣ, почему въ дѣлахъ житейскихъ, кто обиженъ, умѣетъ дать отпоръ, кому дѣлается насиліе, воспротивиться тому, наконецъ всякій все дѣлаетъ и испытываетъ, чтобы не понесть даже малаго вреда; а въ дѣлахъ духовныхъ не наблюдаютъ тогоже самаго благоразумія? Когда кланяются камню и почитаютъ его Богомъ, и совершаютъ празднества; тогда тратятъ деньги, обнаруживаютъ сильный страхъ, и никто не бываетъ нерадивымъ по простотѣ своей. А когда

надобно взыскать истиннаго Бога; отзываются и простотою и невѣдѣніемъ? Нѣтъ, нѣтъ, не простота и невѣдѣніе, но наша безпечность всему виною. Кто по твоему мнѣнію простѣе и грубѣе, Авраамовы ли современники, или твои? Очевидно, что Авраамовы. Когда болѣе удобствъ найти благочестіе? тогда или нынѣ? Очевидно, что нынѣ. Нынѣ у всѣхъ народовъ возвѣщается имя Божіе, Пророки уже предрекли, событія уже совершились, язычество уже обличено. А тогда большая часть людей оставалась безъ ученія, грѣхъ владычествовалъ, законъ не былъ данъ въ руководители, не было ни Пророковъ, ни чудесъ, ни ученія, ни множества знающихъ Бога, ниже чего либо тому подобнаго; но все лежало какъ бы въ глубокомъ мракѣ въ безлунную и зимнюю ночь. Однако же оный удивительный и высокаго духа мужъ при стольких затрудненіяхъ позналъ Бога, упражнялся въ добродѣтели, возбудилъ многихъ къ таковойже ревности, и во всемъ томъ успѣлъ, не будучи еще опытенъ въ житейской мудрости. Да и гдѣ могъ научиться, когда и самыхъ писменъ не было еще изобрѣтено? Но поелику онъ все съ своей стороны сдѣлалъ; то и Богъ также не оставилъ его. Ибо не льзя сказать, чтобы Авраамъ заимствовалъ религію отъ отцевъ. Отецъ его былъ идолопоклонникъ. Впрочемъ хотя и отъ такихъ произошелъ предковъ, самъ былъ варваръ и воспитанъ среди варваровъ, никого не имѣлъ учителемъ въ благочестіи,

но позналъ Бога, и не возможно сказать, сколько превзошелъ всѣхъ своихъ потомковъ, пользовавшихся и закономъ и Пророками. А почему? потому что не слишкомъ заботился о жизнейскомъ, но всего себя посвятилъ духовному. А Мелхиседекъ не въ нѣже ли жилъ времена, и не столько ли просіялъ, что именуется священникомъ Божіимъ? Не возможно, совершенно не возможно, чтобъ бдительный былъ когда либо презрѣнъ. И вы не смущайтесь симъ. Напротивъ зная, что все зависитъ отъ расположенія, будемъ внимательнѣе къ себѣ самимъ и позаботимся, какъ бы сдѣлаться намъ лучшими. Не будемъ требовать отчета у Бога и испытывать, почему Онъ одного оставилъ, а другаго призвалъ. Въ противномъ случаѣ уподобимся отверженному рабу, который съ излишнимъ любопытствомъ входилъ въ домашнія распоряженія господина. Жалкій и бѣдный человѣкъ! тебѣ надобно позаботиться, какъ самому дать отчетъ, какъ умилостивить Владыку; а ты требуешь отчета, въ чемъ самъ долженъ дать отчетъ, и оставляешь безъ вниманія то, за что понесешь наказаніе? Итакъ что мнѣ сказать язычнику, спрашиваешь? То, что выше сказано. А ты заботься не о томъ единственно, что сказать язычнику, но о томъ, какъ исправить его. Когда разбирая жизнь твою соблазняешься оною; заключай изъ сего, что говоритъ тебѣ. За него, хотя и соблазняется, не дашь отвѣта; а за жизнь свою, если язычникъ несетъ отъ того

вредъ, подвергаешься крайней опасности. Когда онъ видитъ, что ты любомудрствуешь о Царствѣ, и прилѣпленъ къ настоящему, боишься геенны и трепещешь здѣшнихъ бѣдствій; тогда подумай о семъ тщательнѣе. Когда, вида сіе, онъ укоритъ тебя и скажетъ: если желаешь Царства, почему не презираешь настоящаго? если ожидаешь страшнаго суда, почему не презираешь здѣшнихъ бѣдствій? если надѣешься безсмертія, почему страшишься смерти? Когда предложитъ тебѣ такіе вопросы: то позаботься, что отвѣчать. Когда онъ видитъ, что ты, который ждешь себѣ неба, боишься упрашы денегъ, радъ каждой малой монетѣ, и за небольшую серебряную монету отдаешь душу; тогда подумай о семъ внимательнѣе. Это, это именно и соблажняетъ язычника. Итакъ, если заботишься о своемъ спасеніи: оправдайся въ этомъ не словами, а дѣлами. За оный вопросъ никто не хулилъ Бога; а за худую жизнь вездѣ слышны безчисленныя хулы. Посему постарайся исправить оную. Еще спроситъ тебя язычникъ: почему мнѣ знать, что Богъ заповѣдалъ возможное? Вотъ ты Христіанинъ по самому рожденію, воспитанъ въ сей превосходной религіи, и ничего такого не исполняешь. Что ты скажешь на сіе? Безъ сомнѣнія станешь отвѣчать: я укажу тебѣ другихъ, которые исполняютъ, именно: монаховъ, обитающихъ въ пустыняхъ. Но не стыдно ли тебѣ признавать себя Христіаниномъ и отсылать

къ другимъ, какъ будто не можешь самъ на себѣ показать того, что отличаетъ Христіанина? Язычникъ не замедлитъ возразить тебѣ: какая мнѣ нужда ходить по горамъ, слѣдить пустыни? Ежели не льзя быть благочестивымъ, живя въ городѣ; то не большая честь Христіанскимъ уставамъ, если надобно для нихъ оставить города и бѣжать въ пустыни. Напротивъ покажи мнѣ человѣка, который имѣетъ жену, дѣтей и домъ, и однакожъ живетъ благочестиво. Что скажемъ на сіе? Не должно ли намъ потупить взоры свои и устыдиться? Не то заповѣдалъ Христосъ. Но что же? *Да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки* (Матѳ. V, 16), а не въ горахъ, не въ пустыняхъ, не въ непроходимыхъ дебряхъ. Говорю сіе не въ укоръ живущимъ въ горахъ, но изъ сожалѣнія къ обитателямъ городовъ, которые изгнали отполѣ добродѣтель. Посему умоляю васъ ввести пустынножительное любомудріе и въ города, дабы они сдѣлались истинными городами. Сіе можетъ исправить язычника, предохранить отъ безчисленныхъ соблазновъ. Посему, если хочешь и его избавить отъ соблазна, и себѣ пріобрѣсть безчисленныя награды, исправь жизнь свою, сдѣлай ее во всемъ блистательною; *да видятъ* человѣки *ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ* (Тамъже). Тогда насладимся мы и будущею неизреченною и великою славою, которую да сподобимся получить всѣ мы благодатію и человѣколюбіемъ

Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава, держава, честь нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

БЕСѢДА 27.

(XIV, 24) *Могущему же васъ утвердити по благовѣствованію моему, и проповѣданію Іисусъ Христову, по откровенію тайны, лѣты вѣчными умолчанныя,* (25) *Явльшіяся же нынѣ, писаніи пророческими, по повелѣнію вѣчнаго Бога, въ послушаніе вѣры во всѣхъ языцѣхъ познавшіяся,* (26) *Единому премудрому Богу, Іисусомъ Христомъ, Емуже слава во вѣки, аминь.*

Это всегдашній обычай Павловъ — заключать увѣщанія молитвами и славословіемъ. Апостолъ зналъ, что въ этомъ заключается не малая сила; и привыкъ дѣлать это по сильной любви и благочестію. Чадолюбивому и Боголюбивому учителю свойственно не только научать словомъ, но и молитвами испрашивать у Бога помощи учащимся. Такъ поступаетъ Павелъ и въ настоящемъ случаѣ. Вотъ связь его рѣчи: *могущему же утвердити васъ, слава во вѣки, аминь!* Здѣсь онъ опять имѣетъ въ виду немощныхъ, и къ нимъ обращаетъ слово. Когда онъ предлагалъ обличенія, то обличалъ и нѣхъ и другихъ. Но теперь,

когда молится, онъ приноситъ молитву за немощныхъ. Сказавъ же: *утвердити*, присовокупляетъ и то, какимъ именно образомъ: *по благовѣствованію моему*. А симъ даетъ знать, что они не были еще утверждены, но хотя спояли, впрочемъ колебались. Потомъ, чтобы словамъ своимъ придать болѣе достовѣрности, присовокупляетъ: *и проповѣданію Іисусъ Христову*, давая тѣмъ знать, что Самъ Христосъ такъ проповѣдовалъ. А ежели Самъ Христосъ такъ проповѣдовалъ; то это не наше ученіе, а Его законы. Апостолъ, любомудрствуя о самой проповѣди, показываетъ, что она весьма благодѣтельный и многоцѣнный даръ. И это выводитъ сперва изъ понятія о лицѣ проповѣдавшемъ, потомъ изъ свойства истинъ проповѣданныхъ: ибо проповѣдано было благовѣстіе;—наконецъ изъ того, что оно не было никому открыто прежде насъ. На сіе-то указалъ Апостолъ, сказавъ: *по откровенію тайны*. Это знакъ величайшей къ намъ любви, что мы содѣланы участниками въ тайнахъ, и никто не удостоенъ того до насъ. *Литы вѣчными умолчанныя, явльшіяся же нынѣ*. Хотя тайна сія предопредѣлена была издревле, но явилась нынѣ. Какъ же явилась? *Писаніи пророческими*. Симъ Апостолъ опять освобождаетъ немощнаго отъ страха. Ибо чего ему бояться? Чтобы не отступить отъ закона? Но того хочетъ законъ, то предсказано имъ издревле. А если ты допытываешься,

почему тайна явилась нынѣ; но берешь на себя небезопасное дѣло, когда любопытствуешь о тайнахъ Божіихъ, и требуешь въ нихъ отчета. Не любопытствовать тебѣ должно объ нихъ, но принимать ихъ съ любовію и находить въ нихъ успокоеніе своего сердца. Посему Апостолъ, желая остановить въ тебѣ такое расположеніе духа, присовокупилъ: *по повелѣнію вѣчнаго Бога, въ послушаніе вѣры.* Вѣра требуетъ послушанія, а не пытливости. И когда повелѣваетъ Богъ; должно повиноваться, а не любопытствовать. Потомъ Апостолъ новыми убѣжденіями подкрѣпляетъ ихъ вѣру, говоря: *во всѣхъ языцѣхъ познавшіяся.* Не ты одинъ, но цѣлая вселенная такъ вѣруетъ, и научена тому не человѣкомъ, но Богомъ. Почему и присовокупилъ: *Іисусомъ Христомъ.* Тайна не только возвѣщена, но и утверждена. То и другое есть дѣло Іисуса Христа. А посему должно читать такъ: *могущему же васъ утвердити Іисусомъ Христомъ.* Ибо то и другое, какъ сказалъ я, Ему приписываетъ Апостолъ, или лучше сказать, не только то и другое, но и еще славу, принадлежащую Отцу. Потому и сказалъ: *Емуже слава во вѣки, аминь.* Сверхъ того въ этомъ славословіи выражается изумленіе предъ непостижимостію сихъ тайнъ. Ибо и нынѣ, когда тайны открыты, не возможно постигнуть ихъ умственно, но должно познавать не иначе, какъ вѣрою. Прекрасно сказалъ Апостолъ: *Единому*

премудрому Богу. Ибо когда размыслишь, какъ Богъ ввелъ въ Свою Церковь язычниковъ, и пріобщилъ ихъ къ древнимъ праведникамъ, какъ спасъ безнадежныхъ, какъ недостойныхъ земли возвелъ на небо, поперявшихъ право на настоящую жизнь ввелъ въ высшую жизнь, безсмертную и неизреченную, попираемыхъ демонами содѣлалъ равными Ангеламъ, отверзъ рай, уничтожилъ все древнее зло, и все это совершилъ въ непродолжительное время, путемъ удобнымъ и сокращеннымъ; тогда уразумѣешь премудрость Божію, увидѣвъ, что, чего не знали ни Ангелы, ни Архангелы, тому язычники вдругъ научены Іисусомъ Христомъ. Инакъ надлежало бы тебѣ удивляться Его премудрости, и прославлять Его. А ты занимаешься малостями, привязываясь еще къ тѣни. Это значитъ, что ты мало прославляешь Христа. Ибо кто не имѣетъ упованія на Него и дерзновенія въ Немъ, кто не руководствуется вѣрою, тотъ не исповѣдуетъ величія дѣлъ Его. Но Павелъ самъ воздаетъ за нихъ славу Богу; а тѣмъ и ихъ побуждаетъ къ таковому же усердію. Когда же слышишь, что Апостолъ говоритъ: *единому премудрому Богу*, не подумай, чтобы это было сказано къ униженію Сына. Ежели все то, въ чемъ обнаруживается премудрость Божія, совершено чрезъ Христа, и ничего не совершено безъ Него; то явно, что Онъ и въ премудрости равенъ Отцу. Для чего же Апостолъ сказалъ: *единому?* Чтобы отличить Бога отъ

всея твари. Такимъ образомъ, воздавъ славословіе, отъ молитвы опять переходитъ онъ къ увѣщанію, и обращая рѣчь къ сильнѣйшимъ, говоритъ такъ:

(XV, 1) *Должни есмы мы сильніи*, слово сіе: *должни*, показываетъ, что это дѣло обязанности, а не милости; что же мы должны дѣлать? *Немощи немощныхъ носити*. Видишь ли, какъ Апостолъ поощряетъ ихъ къ этому похвалами, не только называя ихъ сильными, но и ставя на ряду съ собою? И не этимъ однимъ привлекаетъ ихъ, но и представленіемъ пользы ближняго, безъ всякаго обремененія для нихъ самихъ. Ты силенъ, говоритъ онъ; и, если снисойдешь, не потерпишь вреда. А ему, если ты не будешь сносить его немощей, угрожаетъ крайняя опасность. И не говоритъ: сносить *немощныхъ*, но: *немощи немощныхъ* (съ Греч. безсильныхъ); чѣмъ привлекаетъ и призываетъ ихъ къ милосердію; какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *вы духовніи исправляйте таковаго* (Галат. VI, 1). Ты сталъ силенъ? Воздай должное Богу, содѣлавшему тебя сильнымъ. Но ты воздашь должное, врачуя немощь изнемогающаго. Ибо и мы были немощны, но содѣлались сильными по благодати. Такъ должно поступать не только въ семъ случаѣ, но и съ немощными другаго рода. Гнѣвливъ ли кто, или причиняетъ тебѣ обиду, или имѣетъ другой какой недостатокъ;—ты переноси. Какъ же это возможно? Выслушай, что далѣе говоритъ

Апостолъ. Сказавъ: *должни есмы носити*, онъ присовокупилъ: *и не себѣ угождати.*

(2) *Кійждо же васъ ближнему да угождаетъ во благое къ созиданію.* Вотъ что говоритъ Апостолъ: ты силенъ? Пусть немощный увидитъ на себѣ опытъ твоей силы, пусть узнаетъ твою крѣпость; угождай ему. И не просто сказалъ Апостолъ: угождай, но присовокупилъ: *во благое*, и не только: *во благое*, но, дабы кто изъ совершенныхъ не сказалъ: вотъ я влеку его къ добру, онъ присовокупилъ: *къ созиданію*. Итакъ богатъ ли ты, облеченъ ли властію, не себѣ угождай, но бѣдному и имѣющему нужду. Чрезъ это ты и пріобрѣтешь истинную славу, и принесешь много пользы. Житейская слава скоро пролетаетъ; а слава духовная пребываетъ постоянна, если будешь это дѣлать къ созиданію. Посему Апостолъ требуетъ этого отъ всѣхъ; не говоритъ: тотъ, или другой, но: *кійждо васъ*. Поелику же онъ далъ правило особенной важности, предписавъ совершенному низходить со степени своего совершенства для уврачеванія немощи другаго; то опять представляетъ въ примѣръ Христа, говоря:

(3) *Ибо и Христосъ не Себѣ угоди.* Такъ всегда дѣлаетъ Павелъ. Когда разсуждалъ онъ о милостынѣ, представилъ сей же примѣръ: *Вѣсте благодать Господа, яко васъ ради обнища, богатъ сый* (2 Кор. VIII, 9). Когда увѣщавалъ къ любви, убѣждалъ, тѣмъ же

примѣромъ, сказавъ: *якоже и Христосъ возлюби насъ* (Ефес. V, 25). Когда совѣповалъ терпѣнь стыдъ и бѣдствія; прибѣгнулъ къ тому же примѣру, говоря: *иже вмѣсто предлежащія Ему радости, претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ* (Евр. XII, 2). Такъ и здѣсь показываетъ, что самъ Христосъ поступалъ такимъ образомъ, и что Пророкъ еще издревле предвозвѣстилъ это. Почему и присовокупляетъ: *якоже есть писано: поношенія поносящихъ Тебѣ нападоша на Мя.* Что же значитъ: *не Себѣ уеоди?* Христосъ могъ не терпѣть злословія, могъ не пострадать того, что пострадалъ; еслибы Онъ захотѣлъ искать Своего. Но Онъ не захотѣлъ, а наблюдая нашу пользу, пренебрегъ то, что Ему принадлежало. Почему же не сказалъ Апостолъ: *истощилъ Себя?* Онъ хотѣлъ выразить не то одно, что Сынъ Божій содѣлался человѣкомъ, но и то, что Онъ подвергался поруганіямъ, терпѣлъ отъ многихъ худую славу, и почитаемъ былъ за безсильнаго. Ибо говорили Ему: *аще Сынъ еси Божій, сниди со креста* (Матѳ. XXVII, 40); и: *Иныя спасе, Себе ли не можетъ спасти* (Тамже ст. 42)? Посему Апостолъ упомянулъ объ обстоятельствѣ, которое ему было нужно для настоящаго предмета. Но онъ еще высказываетъ здѣсь гораздо болѣе, нежели сколько обѣщалъ. Ибо изъ его словъ видно, что былъ злословимъ не только Христосъ, но и Отецъ; такъ какъ сказано: *поно-*

шенія поносящихъ Тебѣ нападоша на Мя. А сіе между прочимъ значитъ, что при этомъ не случилось ничего новаго и необычайнаго. Ибо тѣже самые, которые въ Ветхомъ Завѣтѣ поносили Бога, возстали съ неисповѣдствомъ и пропивъ Сына Его. Писано же это, дабы мы подражали (Сыну Божію). Почему Апостолъ поощряетъ вѣрующихъ къ терпѣнію въ искушеніяхъ.

(4) *Елика бо преднаписана бѣша*, говоритъ онъ, *въ наше наказаніе преднаписашася: да терпѣніемъ и утѣшеніемъ Писаній, упованіе имамы*, то есть, чтобы мы не отпали. Много предлежитъ намъ различныхъ подвиговъ и внутреннихъ и внѣшнихъ, дабы мы, почерпая укрѣпленіе и утѣшеніе изъ Писаній, оказывали терпѣніе и, дабы, живя въ терпѣніи, пребывали въ надеждѣ. Одно располагаетъ къ другому, терпѣніе къ надеждѣ, надежда къ терпѣнію; терпѣніе же и надежда почерпаются въ Писаніи. Потомъ Апостолъ опять обращаетъ рѣчь свою въ молитву, говоря:

(5) *Богъ же терпѣнія и утѣшенія да дастъ вамъ тожде мудрствовати другъ ко другу о Христѣ Іисусѣ.* Апостолъ предложилъ свое увѣщаніе, представилъ въ примѣръ Христа, привелъ свидѣтельство изъ Писанія; теперь показываетъ, что Богъ, давшій Писаніе, Самъ даетъ и терпѣніе. Посему сказалъ: *Богъ же терпѣнія и утѣшенія да дастъ вамъ тожде мудрствовати другъ ко другу о Христѣ Іисусѣ.* Ибо любви свойственно

такъ думать о другомъ, какъ кто думаетъ о себѣ. Потомъ Апостолъ, показывая опять, что онъ требуетъ не просто любви, присовокупилъ: *о Христѣ Іисусѣ*. Такъ всегда поступаетъ онъ; потому что есть и другая любовь. Что же бываетъ плодомъ согласія?

(6) *Да единодушно*, говоритъ Апостолъ, *едиными усты славите Бога и Отца Господа нашего Іисуса Христа*. Не сказалъ просто: едиными устами, но повелѣлъ дѣлать это и единою душею. Видишь ли, какое далъ единеніе цѣлому тѣлу (Христову), и какъ заключилъ опять рѣчь славословіемъ? Симъ самымъ всего болѣе и убѣждаетъ онъ къ единомыслію и согласію. Потомъ снова продолжаетъ тоже увѣщаніе, говоря:

(7) *Тѣмже пріемлите другъ друга, якоже и Христосъ пріятъ васъ во славу Божію*. Еще примѣръ высокій, и плодъ неизреченный! Тѣмъ особенно и прославляется Богъ, если мы ограждаемся другъ другомъ. Итакъ, если ты, огорчаясь за несогласіе съ тобою, заводишь раздоръ съ братомъ твоимъ; подумай, что отложивъ гнѣвъ, прославишь тѣмъ своего Владыку, и примирись съ братомъ, если не для него самаго, то для славы Божіей; или лучше сказать, для нее прежде всего и примирись. Объ этомъ непрестанно повторялъ и Христосъ; и бесѣдуя съ Отцемъ Онъ сказалъ: потому узнаютъ всѣ, что Ты Меня послалъ, ежели (ученики Мои) будутъ едино (Іоан. XVII, 21).

Итакъ послѣдуемъ увѣщанію Апостола, и будемъ въ единеніи другъ съ другомъ. Здѣсь онъ побуждаетъ къ этому не однихъ немощныхъ, но всѣхъ вообще. Еслибы и захотѣлъ кто отдѣлиться отъ тебя, ты не отдѣляйся, и не произноси этого холоднаго слова: „ежели онъ любитъ меня, то и я буду любить его; а ежели не любитъ меня правый глазъ мой, и его вырву.“ Это сапанинскія рѣчи, свойственныя мышарямъ и враждолюбивымъ Еллинамъ! А ты, какъ призванный къ высшему гражданству и вписанный въ небѣ, подчиненъ высшимъ законамъ. Не говори этого, но тогда то и покажи большую любовь къ нему, когда онъ не хочетъ любить тебя, дабы тѣмъ привлечь его. Онъ сочленъ твой. Но когда членъ по какой нибудь нуждѣ отдѣлится отъ состава тѣлеснаго, мы употребляемъ всѣ мѣры, чтобы опять присоединить оный, и даже въ этомъ случаѣ оказываемъ больше о немъ заботливости, нежели о прочихъ. И награда больше, когда привлечешь нерасположеннаго къ любви. Ежели Христосъ повелѣваетъ звать на обѣдъ людей, которые не могутъ воздать намъ тѣмъ же, чтобы мы могли получить за сіе большее воздаяніе (Лук. XIV, 12); то тѣмъ болѣе надлежитъ соблюдать сіе въ любви. Если любимый тобою самъ тебя любитъ, онъ воздалъ уже тебѣ долгъ свой. А если любимый тобою не любитъ тебя; то онъ поставилъ за себя Бога должникомъ твоимъ. Сверхъ того, когда онъ любитъ тебя, то не

много нужно тебѣ прилагать объ немъ попеченія; а когда не любитъ, тогда особенно онъ и имѣетъ нужду въ твоей помощи. Итакъ не обращай того, что должно побуждать тебя къ попеченію, въ причину нерадѣнія, и не говори: онъ боленъ; (ибо охлажденіе любви есть болѣзнь;) потому и не стану объ немъ заботиться. Напротивъ согрѣй охладѣвшаго. Но скажешь: что же мнѣ дѣлать, если онъ не согрѣвается? Продолжай дѣлать свое. Что дѣлать, если онъ еще больше отвращается отъ меня? Чрезъ это готовитъ онъ тебѣ еще большее воздаяніе, и тѣмъ больше обнаруживаетъ въ тебѣ подражателя Христова. Ежели и взаимная любовь есть признакъ учениковъ Христовыхъ; *о семъ разумѣютъ*, говоритъ Христосъ, *яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Іоан. XIII, 35); то представь себѣ, какъ важно любить ненавидящаго? И Владыка твой любилъ и призывалъ къ Себѣ ненавидѣвшихъ Его; и чѣмъ немощнѣе они были, тѣмъ болѣе прилагалъ о нихъ попеченій, и громко проповѣдывалъ: *не требуютъ здравіи врача, но болящіи* (Матѳ. IX, 12). Онъ удостоивалъ трапезы Своей мытарей и грѣшниковъ. Сколько презиралъ и поносилъ Его народъ Іудейскій, столько, или лучше сказать, гораздо больше Онъ оказывалъ къ нему попеченія и сердоболія. И ты подражай Ему. Это немаловажное дѣло; безъ него, какъ говоритъ Павелъ, и великой мученикъ не можетъ угодить Богу. Не говори:

поелику онъ ненавидитъ меня, то и я не люблю его. Напротивъ по этому особенно ты и долженъ любить его. А съ другой стороны не возможно, чтобы кто питалъ ненависть къ любящему его; напротивъ хотя бы онъ имѣлъ и звѣрское сердце, онъ будетъ любить любящихъ его. Это дѣлаютъ и язычники и мытари, говоритъ Христосъ (Матѳ. V, 46 и 47). А ежели всякой любитъ любящихъ; то кто не полюбитъ тѣхъ, которые любятъ, будучи ненавидимы? Испытай это на себѣ, не переставай говорить: „сколько бы ты меня ни ненавидѣлъ, я не перестану любить тебя;“ симъ побѣдишь всякое упорство, смягчишь всякое сердце. Эта болѣзнь бываетъ или отъ воспаленія, или отъ охлажденія. Но сила любви своею теплотою врачуетъ то и другое. Развѣ не случалось тебѣ видѣть, что преданные позорной любви отъ блудныхъ женъ терпятъ побои, оплеванія, ругательства и тысячи непріятностей? Но что-же можетъ охладить любовь ихъ? Оскорбленія ли? Нимало; напротивъ онѣ еще болѣе воспламеняютъ ее. И хотя женщины, оскорбляющія ихъ, безчестны и по своей непотребной жизни и по своему низкому и подлому роду, а оскорбляемые нерѣдко могутъ похвалиться знаменитыми предками и множествомъ другихъ отличій; однакожъ и это не ослабляетъ въ нихъ любви, не отвращаетъ отъ любимой. Какъ же нестыдно намъ, если въ любви угодной Богу мы не можемъ показать такой силы, какую

имѣетъ любовь діавольская и демонская? Какъ ты не подумаешь, что любовь угодная Богу есть сильнѣйшее оружіе противъ діавола? Или не примѣчаешь, что злый демонъ споитъ на стражѣ, что онъ влечетъ къ себѣ ненавидимаго тобою, и хочетъ сдѣлать его своимъ членомъ? А ты бѣжишь мимо, выпускаешь изъ рукъ награду ратоборства? Какая же это награда? Это братъ твой, лежащій между тобою и врагомъ твоимъ. Если побѣдишь; получишь вѣнецъ. А если не захочешь употребить усилій; то останешься не увѣнчаннымъ. Перестань же употреблять этѣ сатанинскія слова: ежели братъ мой ненавидитъ меня, не хочу и видѣть его. Ничего нѣтъ постыднѣе этѣхъ словъ; и хотя многіе почитаютъ ихъ знакомъ благородной души; однакоже нѣтъ ничего неблагороднѣе, безумнѣе, жестокосердѣе. О томъ и сокрушаюсь я всего болѣе, что многіе почитаютъ злыя дѣла добродѣтелію, и что пренебрегаютъ и презираютъ другихъ кажется имъ дѣломъ знаменитымъ и честнымъ. Это самыя опасныя сѣти діавольскія, когда порокъ облекается доброю славою; потому-то оный и неистребимъ. Я самъ слыхалъ, какъ многіе ставятъ себѣ въ честь, что не подошли къ человѣку, который отъ нихъ отворотился. Но твой Владыка не тѣмъ хвалился. Сколько разъ оплевывали Его люди? Сколько разъ отворачивались отъ Него? Но Онъ не перестаетъ приходить къ нимъ. Итакъ не говори: я не могу

подойши къ людямъ меня ненавидящимъ; но скажи: я не могу плашишь ругательствами тѣмъ, которые ругаются надо мною. Это будетъ рѣчь ученика Христова, а первое—рѣчь діавольская. Это сдѣлало многихъ знаменитыми и славными, а первое презрѣнными и смѣшными. Мы дивимся Моусею въ томъ, что, когда самъ Богъ говорилъ: *остави Мя, и возъяришся гнѣвомъ на ня, потреблю ихъ* (Исх. XXXII, 10—32), онъ не могъ презрѣть тѣхъ, которые многократно отвращались отъ него, но сказалъ: *аще убо оставиши имъ грѣхъ ихъ, остави: аще же ни, изглади мя.* Ибо Моусей былъ другъ и подражатель Богу. Не будемъ же хвалиться тѣмъ, чего должно стыдиться. Не будемъ произносить словъ, употребительныхъ на рынкѣ у людей подлыхъ: „плевать мнѣ на всѣхъ!“ А если и другой кто выговоритъ оныя; обличимъ его и заставимъ молчать, какъ человѣка, который хвалится тѣмъ, чего надлежало стыдиться. И скажи мнѣ: что говоришь ты? Ты оказываешь презрѣніе къ человѣку вѣрующему; а Христосъ не презиралъ его, когда онъ былъ еще невѣрующимъ! Что я говорю: не презиралъ? Христосъ возлюбилъ его такъ, что и умеръ за него, когда сей былъ еще врагомъ Его, и покрытъ былъ безобразіемъ. Въ такомъ еще состояніи, столь много возлюбилъ его Христосъ; а ты презираешь его теперь, когда онъ сталъ прекрасенъ и достоинъ удивленія, содѣлался

членомъ Христовымъ, плѣнъ Владычнимъ! Какъ же ты не подумаешь о томъ, что произносишь? какъ не почувствуешь, на что оскверживаешься? Христосъ ему глава, пранеза, одежда, жизнь, свѣтъ, женихъ, Христосъ для него все; а ты смѣешь выговорить: плюю на него! и не на него одного, но на всѣхъ ему подобныхъ! Удержись, человѣкъ; отложи свое безуміе, признай въ призираемомъ тобою твоего брата. Вразумись, что такія слова приличны человѣку безумному или помѣшанному, и скажи напротивъ: хотя онъ и тысячу разъ на меня плюнетъ, не отойду отъ него. Такимъ образомъ и брата пріобрѣтешь, и жизнію своею прославишь Бога, и содѣлаешься причастникомъ будущихъ благъ, которыя да даруетъ Богъ улучить всѣмъ намъ по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава, держава, честь нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь!

БЕСѢДА 28.

(XV, 8) *Глаголю же, Христа Іисуса служителя бывша, обрѣзанія по истинѣ Божіей, во еже утвердити обѣтованія отцевъ.*

Апостолъ, держась прежняго предмета рѣчи, снова разсуждаетъ о томъ, какое принялъ о насъ попеченіе Христосъ, и показываетъ,

сколько Онъ сдѣлалъ *для* насъ, и какъ Онъ не Себѣ угождалъ. А вмѣстѣ съ этимъ доказываетъ также, что вѣрующіе изъ язычниковъ болѣе одолжены Богу. Если же они болѣе одолжены, то ихъ обязанность—терпѣть немощныхъ изъ Іудеевъ. Поелику Апостолъ нанесъ послѣднимъ сильные удары; то, дабы не возгордились отъ того первые, укрощаетъ теперь ихъ высокоуміе, доказывая, что Іудеямъ дарованы блага по обѣтованію отцамъ ихъ, а призваннымъ изъ язычниковъ по одному милосердію и человѣколюбію. Почему и говоритъ: *а языкомъ по милости, прославити Бога.* Но дабы сказанное было для тебя яснѣе, снова выслушай слова Апостола; тогда поймешь, что это значитъ: Христосъ, ради истины Божіей, содѣлался служителемъ обрѣзанія, дабы совершить обѣщанное отцамъ. Итакъ что же здѣсь разумѣется? Обѣтованіе, данное Аврааму, заключалось въ сихъ словахъ: *тебѣ дамъ землю и сѣмени твоему* (Быт. XIII, 15), и: *о сѣмени твоемъ благословятся вси языцы* (XXII, 18). Но послѣ того всѣ, происшедшіе отъ Авраамова племени, содѣлались доспойными наказанія: поелику нарушенія закона навлекли на нихъ гнѣвъ, и наконецъ лишили обѣтованія, даннаго отцамъ. Посему то пришелъ на землю Сынъ, и содѣйствовалъ Отцу оправдать оныя обѣтованія и привести ихъ въ исполненіе. Ибо, когда Онъ исполнилъ весь законъ, а въ немъ и обрѣзаніе, когда чрезъ сіе

исполненіе закона и чрезъ крестъ освободилъ людей отъ прокляпія за преступленіе закона, то этимъ сдѣлалъ, что обѣтованіе не осталось пищетнымъ. Итакъ когда Апостолъ называетъ Іисуса Христа служителемъ обрѣзанія, то разумѣетъ, что Онъ Своимъ пришествіемъ, исполненіемъ всего закона, принятіемъ обрѣзанія, и тѣмъ, что сдѣлался сѣменемъ Авраамовымъ, снялъ клятву, избавилъ людей отъ гнѣва Божія, и наконецъ тѣхъ, которые готовы были принять обѣтованіе, содѣлалъ способными принять оное, и однажды навсегда освободилъ ихъ отъ прегрѣшеній. А дабы обвиняемые защитники закона не сказали: какъ же Самъ Христосъ былъ обрѣзанъ и соблюдалъ весь законъ? Апостолъ выводитъ изъ того противное заключеніе. Христосъ исполнилъ это, говоритъ онъ, не для того, чтобы законъ оставался въ силѣ, но чтобы отмѣнить его, избавить тебя отъ лежащей на тебѣ клятвы, и совершенно освободить отъ владычества закона. Поелику ты преступилъ законъ, то Христосъ исполнилъ оный не для того, чтобы и ты исполнялъ, но чтобы за тобою утвердить обѣтованія, данныя отцамъ, которыя исторгъ у тебя законъ, показавъ, что ты преступникъ и не достоинъ наслѣдія. Слѣдовательно и ты спасенъ по благодати; потому что прежде былъ отверженъ. Итакъ не будь мятежникомъ, не упорствуй, придерживаясь безвременно закона, который лишилъ бы тебя обѣтованія, если бы Христосъ не пострадалъ

за тебя. Шакъ много. Поспрадалъ же Онъ сполько не потому, чтобы ты былъ достоинъ спасенія, но чтобы показать вѣрность Божію. Послѣ сего, чтобы призванный изъ язычниковъ шѣмъ не возгордился, Апостолъ продолжаетъ:

(9) *А языколъ по милости, прославити Бога.* Это значитъ: Іудеи хотя и не доспойны были, однакожь имѣли обѣтованія; а ты и того не имѣешь, но спасенъ по единому человѣколюбію. Правда, что и Іудеямъ, если бы не пришелъ Христосъ, обѣтованія не доставили бы никакого преимущества; но Апостолъ для того упоминаетъ объ обѣтованіяхъ, чтобы язычники шѣмъ смирились и не возставали на немощныхъ. О язычникахъ онъ говоритъ, что они спаслись только по милости; а потому и обязаны особенно славить Бога. А Богъ славится, когда мы живемъ въ союзѣ и единеніи, когда единодушно благословляемъ Бога, терпѣливо сносимъ того, кто немощнѣе насъ, и не презираемъ отторгающагося члена. Послѣ сего Апостолъ приводитъ свидѣтельства, изъ которыхъ видно, что вѣрующіе изъ Іудеевъ должны быть въ единеніи съ призванными изъ язычниковъ, и говоритъ: *якоже есть писано: сего ради исповѣмся Тебѣ во языцѣхъ, Господи, и имени Твоему пою.* И: (10) *Возвеселитеся языцы съ людми Его.* Также: (11) *Хвалите Господа вси языцы, похвалите Его вси людіе.* И: (12) *Будетъ корень Іессеовъ, и востаяй владѣти надъ языки: на Того языцы*

уповаютъ. Все это приводитъ Апостолъ въ доказательство того, что должно всѣмъ соединиться и славить Бога, а вмѣстѣ хочетъ симъ и смирить Іудея, дабы онъ не превозносился предъ язычникомъ, потому что всѣ Пророки призываютъ и язычниковъ (къ славословію Божію); и внушить скромность язычнику, показывая, что онъ обязанъ болѣе благодарить Бога. Потомъ опять заключаетъ рѣчь молитвою, говоря:

(13) *Богъ же упованія да исполнитъ васъ всякія радости и мира въ вѣрѣ, избыточествовати вамъ во упованіи, силою Духа Святаго*, то есть, чтобы вамъ не огорчаться другъ другомъ, и наконецъ не упасть духомъ отъ искушеній. А сего достигнете, когда будете избыточествовать въ упованіи. Упованіе есть причина всѣхъ благъ; само же оно дается отъ Святаго Духа. Впрочемъ не просто отъ Духа, но если привнесемъ нѣчто и съ своей стороны. Посему Апостолъ сказалъ: *въ вѣрѣ*. Тогда возможете исполниться радости, когда будете вѣровать, когда будете надѣяться. Но онъ не сказалъ: когда будете надѣяться, а когда будете избыточествовать надеждою, такъ что не только найдете для себя утѣшеніе въ бѣдствіяхъ, но и будете радоваться отъ богатства вѣры и надежды. Симъ и Духа Святаго привлечете, и, когда придетъ Онъ, сохраните всѣ блага.

Какъ жизнь наша поддерживается пищею, а пища претворяется въ плоть жизнію: такъ,

если имѣемъ добрыя дѣла, будемъ имѣть и Духа, а если имѣемъ Духа, будемъ имѣть и добрыя дѣла. Равно и на оборотъ, если не имѣемъ добрыхъ дѣлъ, Духъ удаляется отъ насъ, а если лишимся Духа, то будемъ хромы и на добрыя дѣла. Ибо, какъ скоро отступитъ отъ насъ Святый Духъ; приходитъ къ намъ духъ нечистый. Это обнаружилось на Саулѣ. И что изъ того, если онъ не мучитъ насъ, какъ Саула? Онъ давитъ насъ иначе,—худыми дѣлами. Посему намъ нужны Давидовы гусли, чтобы для уврачеванія души воспѣвать Божественныя пѣсни, то есть, и пѣсни Давидовы, и пѣсни добрыхъ дѣлъ. А если будемъ дѣлать только одно, и, слушая пѣснопѣнія, будемъ противоборствовать дѣлами Псалмопѣвцу, какъ нѣкогда Саулъ; то самое врачевство обратится намъ въ осужденіе, и бѣшенство сдѣлается еще жесточае. Ибо, прежде нежели будемъ слушать, злой демонъ боится, чтобы мы, послушавши пѣснопѣнія, не исправились; а когда выслушавъ остаемся все тѣми же, это выводитъ его изъ страха. Итакъ воспоемъ пѣснь дѣлъ, дабы изгнать изъ себя грѣхъ, который люте демона. Потому что демонъ не всегда лишаетъ насъ неба, напротивъ иногда человѣку бдительному даже вспомоществуетъ; а грѣхъ рѣшительно отлучаетъ отъ небеснаго Царства. Грѣхъ есть произвольный демонъ, самовольное бѣшенство. А потому никто о немъ не жалѣетъ, никто его не извиняетъ. Итакъ для уврачеванія души,

лежащей во грѣхѣ, будемъ воспѣвать пѣсни, заимствуя ихъ, какъ изъ другихъ писаній, такъ и изъ писаній блаженнаго Давида. Да поютъ уста, да поучается умъ! И одно пѣснопѣніе уже не маловажно. Ежели обучимъ пѣснопѣнію языкъ; то, когда языкъ будетъ пѣть, душа устыдится желать противнаго. И не это одно добро пріобрѣтемъ мы, но и то, что узнаемъ многое для насъ полезное. Ибо въ Псалмахъ говорится тебѣ и о настоящемъ и о будущемъ, и о видимомъ и о невидимой твари. Если хочешь знать о небѣ, всегда ли оно пребудетъ такимъ, какъ теперь, или измѣнится? Давидъ ясно тебѣ отвѣтствуетъ, говоря: небеса *яко риза обетшаютъ, и яко одежду свіеши я* (Боже), *и измѣнятся* (Псал. CI, 27). А ежели хочешь слышать о видѣ небесъ, слушай опять: *простираяй небо яко кожу* (Псал. CIII, 2). Или угодно тебѣ знать больше о вершинѣ небесъ: онъ же опять скажетъ тебѣ: *покрываяй водами превыспренняя* небесъ (Псал. CIII, 3). И на этомъ не останавливается онъ, но описываетъ тебѣ широту и высоту небесъ, и показываетъ, что одна равномѣрна другой. *Елико отстоятъ востоцы отъ западъ*, говоритъ онъ, *удалилъ есть отъ насъ беззаконія наша. По высотѣ небесныя отъ земли, утвердилъ есть Господь милость Свою на боящихся Его* (Псал. CII, 11 и 12). Любопытствуешь ли объ основаніяхъ земли? И то не будетъ утаено отъ тебя, слушай, какъ

Давидъ воспѣваетъ и говоритъ: *на моряхъ основалъ ю есть* (Псал. XXIII, 2). Желаешь ли знать, отъ чего бываютъ землетрясенія? Онъ освободитъ тебя отъ всякого недоумѣнія сказавъ: *призираяй на землю, и творяй ю трястися* (Псал. CIII, 32). Спросишь ли о пользѣ ночи? И о томъ узнаешь, услышавши отъ него, что *въ ней прейдутъ вси звѣріе дубравніи* (ст. 20). Спроси: къ чему полезны горы? Онъ отвѣтитъ тебѣ: *горы высокія еленемъ* (ст. 18). Для чего камни? Скажетъ тебѣ: *камень прибѣжище* хирогриллам *и заяцемъ* (ст. 18). Для чего безплодныя дерева? Знай: *тамо птицы вогнѣздятся* (ст. 17). Для чего источники въ пустыняхъ? *На тыхъ птицы небесныя привитаютъ и звѣри селныя* (ст. 11 и 12). На что вино? Не для утоленія только жажды—на это достаточно и воды; но для того, чтобы веселить и утѣшать тебя; ибо *вино веселитъ сердце человѣка* (ст. 15). Выразумѣвъ это будешь знать, въ какой мѣрѣ должно употреблять вино. Чѣмъ питаются птицы и полевые звѣри? Слушай, что говоритъ Давидъ: *вся къ Тебѣ чаютъ, дати пищу имъ во благо время* (ст. 27). Спросишь: для чего рабочій скотъ? Онъ отвѣтствуетъ, что и это для тебя. *Прозябаяй траву скотомъ*, говоритъ онъ, *и злакъ на службу человѣкомъ* (ст. 14). Какая польза тебѣ отъ луны? Слушай, что говоритъ Давидъ: *сотворилъ есть луну*

во времена (ст. 19). И что все существующее, видимое и невидимое, сотворено Богомъ, явственно учитъ тому, говоря: *Той рече, и быша: Той повелѣ, и создашася* (Псал. CXLVIII, 5). И что будетъ освобожденіе отъ узъ смерти, онъ же научаетъ тебя этому, говоря: *Богъ избавитъ душу мою отъ руки адовы, егда пріемлетъ мя* (Псал. XLVIII, 16). Откуда взято наше тѣло? И то сказываетъ: *помяну, яко персть есмы* (Псал. CII, 14). Куда пойдетъ оно опять? *Въ персть свою возвратится* (Псал. CIII, 29). Для чего сотворено все?—Для тебя.—*Славою и честію вѣнчалъ еси его, и поставилъ еси его надъ дѣлы руку Твоею* (Псал. VIII, 6 и 7). Есть ли у человѣковъ что общее съ Ангелами? И на это отвѣтствуетъ, воспѣвая такъ: *умалилъ еси его малымъ чимъ отъ Ангелъ* (ст. 6). О любви Божіей говоритъ: *якоже щедритъ отецъ сыны, ущедри Господь боящихся Его* (Псал. CII, 13). И о томъ, что ожидаетъ насъ послѣ сей жизни,—объ оной безмятежной участи, учитъ: *обратися душе моя въ покой твой* (Псал. CXIV, 6). Для чего такъ обширно небо? И то сказываетъ: *небеса повѣдаютъ славу Божію* (Псал. XVIII, 1). Для чего бываетъ ночь и день? Не только чтобы свѣтить и упокоевать, но и назидать. Ибо *не суть рѣчи, ниже словеса, ихже не слышатся гласи ихъ* (ст. 3). Какъ море облегаетъ землю? *Бездна яко риза, одѣяніе ея* (Псал. CIV, 6). Такъ стоитъ въ Еврейскомъ.

А начавши съ того, что доселѣ было сказано, узнаете и все прочее, и о Христѣ, и о воскресеніи, и о будущей жизни, и о вѣчномъ покоѣ, и о мученіи, и о нравственности, и о догматахъ; а такимъ образомъ найдете, что въ Давидовой книгѣ заключаются тысячи благъ. Впадешь ли въ искушенія? Въ ней почерпнешь для себя большое утѣшеніе. Впадешь ли въ грѣхи? Въ ней откроешь для себя множество врачевствъ. Впадешь ли въ нищету, въ скорбь? Въ ней увидишь для себя много такого, въ чемъ можешь успокоиться, какъ приспани. Ежели ты праведенъ, то въ ней найдешь твердую опору. Ежели ты грѣшенъ, то въ ней же почерпнешь великое утѣшеніе. Ибо если ты праведенъ и терпишь бѣдствія; слушай, что говоритъ Давидъ: *Тебе ради умерщвляемся весь день, вмѣнихомся, яко овцы заколенія* (Псал. XLIII, 23). *Сія вся пріидоша на ны и не забыхомъ Тебе* (ст 18.). Если надмѣваютъ тебя добрыя дѣла твои, выслушай сказанное Псалмопѣвцемъ: *не вниди въ судъ съ рабомъ Твоимъ, яко не оправдится предъ Тобою всякъ живый* (Псал. CXLII), и немедленно смиришься. Если ты грѣшникъ и отчаяваешься въ самомъ себѣ; повторяй часто воспѣваемое имъ: *днесь, аще гласъ Его услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ, яко въ прогнѣваніи* (Псал. XCIV, 8), и вскорѣ возспанешь. Если носишь на главѣ твоей вѣнецъ, и высоко о себѣ думаешь; научись отъ

него, что *не спасается царь многою силою, и исполинъ не спасется множествомъ крѣпости своея* (Псал. XXXII, 16), и иногда сдѣлаешься скромнѣе. Если ты богатъ и славенъ; слушай опять имъ воспѣваемое: горе вамъ! *надѣющіися на силу свою, и о множествѣ богатства своего хвалящіися* (Псал. XLVIII, 7). И: *человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ сельный, тако оцвѣтетъ* (Псал. CII, 15). И: *не снидетъ съ нимъ слава его* (Псал. XLVIII, 18); и не станешь земнаго почитать великимъ. Ибо когда такъ малоцѣнно то, что всего блистательнѣе,—слава и могущество, что же другое на землѣ заслужитъ твое вниманіе? Но ты въ унынін? Слушай, что говоритъ Давидъ: *вскую прискорбна еси, душе моя? и вскую смущаеши мя? уповай на Бога, яко исповѣмся Ему* (Псал. XLI, 6). Но ты видишь отличаемыхъ не по достоинству? Скажи: *не ревнуй лукавнующимъ, зане яко трава скоро изсушатъ, и яко зеліе злака скоро отпадутъ* (Псал. XXXVI, 1 и 2). Видишь, что и праведные и грѣшные наказываются? Знай, что не одна тому причина. *Многи раны грѣшнику* (Псал. XXXI, 10), говоритъ Давидъ. Говоря же о праведныхъ, не упомянулъ онъ о ранахъ, но: *многи скорби праведныхъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ я Господь* (Псал. XXXIII, 20). И еще: *смерть грѣшниковъ люта* (ст. 22), и: *честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ*

Его (Псал. CXVI, 26). Повторяй это непрестанно, почерпай изъ этаго наставленіе. Ибо каждое слово Давидово заключаетъ въ себѣ неизмѣримое море мыслей. Мы только слегка коснулись его словъ; а если захотите со вниманіемъ вникнуть въ сказанное, откроете великое богатство. Но и сказаннаго уже достаточно для насъ, чтобы освободиться отъ обдержащихъ насъ страстей. Ежели Давидъ запрещаетъ тебѣ завидовать, скорбѣть и унывать безвременно, учитъ презирать богатство, бѣдствія, нищету, и самую жизнь вмѣнять ни во что; то этимъ избавляетъ тебя отъ всѣхъ страстей. Возблагодаримъ же за сіе Бога, и воспользуемся сокровищемъ такъ, чтобы чрезъ терпѣніе и утѣшеніе, почерпаемыя въ Писаніи, сохранить намъ надежду и насладиться будущими благами, которыя дай Богъ улучить всѣмъ намъ, по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава, держава, честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ; Аминь!

БЕСѢДА 29.

XV, 14. *Извѣщенъ же есмь, братія моя, и самъ азъ о васъ, яко и сами вы полни есте благости, исполнени всякаго разума, могуще и иныя научити.*

Апостолъ выше сказалъ: *понеже есмь азъ языкомъ Апостолъ, службу мою прослав-*

ляю (Рим. XI, 13), также: *да не како и тебе не пощадитъ* (Тамъ же XI, 21); и еще: *не бывайте мудри о себѣ* (Тамъ же XII, 16); и потомъ: *ты же почто осуждаеши брата твоего* (Тамъ же XIV, 10)? И опять: *ты кто еси судяй чуждему рабу* (Тамъ же XIV, 4)? и кромѣ этихъ выраженій много употреблялъ подобныхъ. Итакъ высказавъ въ своемъ посланіи много жестокаго, напослѣдокъ врачуетъ нанесенныя раны, и чѣмъ началъ, тѣмъ и оканчиваетъ. Въ началѣ сказалъ онъ: *благодарю Бога моего о всѣхъ васъ, яко вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ* (Тамъ же I, 8). Здѣсь же говоритъ: *извѣщенъ есмь, яко вы полни есте благости, могуще и иныхъ научити.* И въ этомъ мѣстѣ сказано еще больше, нежели въ первомъ. Не сказалъ онъ: слышалъ я; но: *извѣщенъ есмь; я* не имѣю нужды навѣдываться опъ другихъ, но я самъ увѣренъ въ васъ, я самъ, который васъ обличалъ и обвинялъ. *Яко полни есте благости*: это относится къ недавно сдѣланному увѣщанію. Апостолъ какъ бы такъ говоритъ: я и не почиталъ васъ жестокими и братоненавистниками, когда совѣтовалъ принимать другъ друга, не оставлять и не разорять дѣла Божія. Ибо я знаю, что вы полны благости. Благостію же, какъ думаю, именуетъ онъ здѣсь полноту добродѣтели. И не сказалъ: имѣете благость, но, *полни есте благости.* Съ такимъ же усиленіемъ рѣчи и продолжаетъ:

исполнени всякаго разума. Что было бы пользы, еслибы они при своей любви не знали, какъ должно обращаться съ любимыми? Посему Апостолъ присовокупилъ: *исполнени всякаго разума, могуще и иныя научити,* не только научишься, но и учишь другихъ.

(15) *Дерзъе же писахъ вамъ, отъ части.* Замѣнь Павлово смиренномудріе, замѣнь его мудрость, какъ онъ нанесши передъ этимъ глубокую рану, когда уже достигъ, чего хотѣлъ, прикладываетъ къ оной разныя врачевства. Довольно уже было къ успокоенію ихъ, кромѣ сказаннаго, одного того, что Апостолъ сознается въ излишней смѣлости. Тоже дѣлаетъ онъ и въ посланіи къ Евреямъ, говоря такъ: *Надѣемся же о васъ, возлюбленніи, лучшихъ и придержащихся спасенія, аще и тако глаголемъ* (Евр. VI, 9). Подобно и къ Коринѳянамъ пишетъ: *хвалю же вы, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ преданія, держите* (1 Кор. II, 2). И въ посланіи къ Галатамъ говоритъ: *азъ надѣюся о васъ, яко ничтоже ино разумѣти будете* (Гал. V, 10). И во всѣхъ посланіяхъ Павловыхъ не разъ встрѣтишь ту же мысль; но здѣсь особенно; потому что Римляне пользовались большимъ уваженіемъ, и надменный ихъ разумъ надлежало смирять не однѣми строгими, но и кроткими мѣрами. Апостолъ и употребляетъ тѣ и другія. Но этому и здѣсь говоритъ имъ: *дерзъе писахъ вамъ,* даже не довольствуясь тѣмъ присовокуп-

ляетъ: *отъ части*, то есть, нѣсколько. Но и на этомъ не останавливается; что же говоритъ? *яко воспоминая вамъ.* Не сказалъ онъ: уча васъ, или напоминая вамъ, но: *воспоминая*, то есть слегка напоминая. Примѣчаешь ли, какъ конецъ соотвѣтствуетъ началу? Въ началѣ посланія Апостолъ говорилъ: *вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ* (Рим. I, 8); такъ и въ концѣ говоритъ: *ваше бо послушаніе ко всѣмъ достиже* (Рим. XVI, 19). Тамъ сказалъ: *желаю бо видѣти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное ко утвержденію вашему, сіе же есть, соутѣшитися* (Тамъ же I, 11 и 12); такъ и здѣсь выразился: *яко воспоминая.* И здѣсь и тамъ сходитъ онъ съ учительской каѳедры и бесѣдуетъ съ ними, какъ съ братьями, какъ съ друзьями, какъ съ равными. А это главное достоинство учителя, чтобы дѣлать разнообразнѣе рѣчь свою для пользы слушателей. Замѣть же, что Апостолъ сказавъ: *дерзѣе писахъ вамъ*, припомъ: *отъ части*, и еще: *яко воспоминая вамъ*, не удовольствовался этимъ, но выражаясь еще скромнѣе, присовокупилъ: *за благодать данную ми отъ Бога.* И въ началѣ сказалъ онъ: *долженъ есмь* (Тамъ же I, 14), какъ бы такъ говоря: не самъ я восхитилъ себѣ честь, не самъ собою взялся за дѣло, но Богъ повелѣлъ мнѣ это, и припомъ по благодати, а не потому, чтобы нашелъ меня достойнымъ того. Итакъ не огорчайтесь; не я возстаю на васъ, Богъ повелѣ-

ваетъ. И какъ тамъ сказалъ Апостолъ: *Ему же служу во благовѣствованіи Сына Его*, такъ и здѣсь сказавъ: *за благодать данную ми отъ Бога*, присовокупилъ:

(16) *Во еже быти ми служителю Іисусъ Христову во языцѣхъ, священнодѣйствующу благовѣствованіе Божіе.* Доказавъ слова свои многими доводами, Апостолъ обращаетъ рѣчь къ важнѣйшему достоинству своего апостольства, и называетъ оное не просто служеніемъ, какъ въ началѣ, но священнымъ служеніемъ и священнодѣйствіемъ. Проповѣдовать и благовѣствовать—это для меня священство, это жертва, мною приносимая. А священнику никто не поставитъ въ вину, его заботливость о томъ, чтобы приносимая имъ жертва была безпорочна. Такими словами Апостолъ вмѣстѣ окрыляетъ умы вѣрующихъ, показывая имъ, что они жертва, и оправдываетъ себя, внушая, что ему такъ повелѣно. Мой жертвенный ножъ, говоритъ онъ, есть Евангеліе и слово проповѣди; и цѣль моя не та, чтобы самому прославиться и сдѣлаться знаменитымъ, но *да будетъ приношеніе, еже отъ языкъ, благопріятно и освящено Духомъ Святымъ*, то есть, да будутъ пріятны Богу души научаемыхъ мною. Богъ, изведши меня на дѣло сіе, не столько хотѣлъ меня прославить, сколько имѣлъ попеченіе о васъ. Какъ же приношеніе можетъ сдѣлаться благопріятнымъ? Во святомъ Духѣ. Не одна вѣра нужна, но и духовная

жизнь, дабы мы могли удержать въ себѣ Духа, даннаго однажды. И дрова, и огонь, жертвенникъ и ножъ все замѣняетъ у насъ Духъ. Посему я всѣми мѣрами стараюсь, чтобъ этотъ огнь не угасалъ. Ибо мнѣ поручено это. Для чего же ты говоришь о семъ неимѣющимъ въ томъ нужды?—По этому—то, отвѣтствуетъ Апостолъ, я не учу, а напоминаю. Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ священникъ предстоялъ (предъ Богомъ) возжигая огнь; такъ я (служу Богу) возбуждая ваше усердіе. И замѣть; не сказалъ онъ: да будетъ приношеніе отъ васъ, но: *приношеніе, еже отъ языкъ*. А подъ словомъ: *отъ языкъ*, разумѣетъ вселенную, т. е. всю землю и море; и такимъ образомъ смиряетъ гордость Римлянъ, дабы они не почитали за низкое имѣть своимъ учителемъ того, котораго дѣйствованіе простирается до предѣловъ вселенной. Тоже сказалъ онъ и въ началѣ посланія: *якоже и въ прочихъ языцѣхъ. Эллиномъ же и варваромъ, мудрымъ же и неразумнымъ долженъ есмь* (Рим. I, 13 и 14).

(17) *Имамъ убо похвалу о Христѣ Іисусѣ въ тѣхъ, яже къ Богу*. Поелику Апостолъ предъ этимъ весьма унизилъ себя; то опять возвышаетъ слово и дѣлаетъ это съ тѣмъ, чтобы Римляне не почли его презрѣннымъ. Возвышая же себя и говоря: *имамъ похвалу*, не измѣняетъ своему нраву. Хвалюся, говоритъ онъ, не самимъ собою, не попеченіями моими, но благодатію Божіею.

(18) *Не смѣю бо глаголати что, ихже не содѣя Христосъ мною, въ послушаніе языковъ, словомъ и дѣломъ.* (19) *Въ силѣ знаменій и чудесъ, силою Духа Божія.* Никто не можетъ сказать, говоритъ Апостолъ, что слова мои—одно хвастовство. Я могу представить многіе символы этаго моего священнодѣйствія, и доказательство моего рукоположенія—не подиръ, не звонцы, не увясло и кидаръ, какъ у ветхозавѣтныхъ, но, что гораздо болѣе внушаетъ благоговѣнія и страха,—знаменія и чудеса. Не льзя сказать, что я поставленъ Богомъ, но не выполнилъ порученнаго. Да и не я это выполнилъ, а Христосъ. Потому и хвалюся въ Немъ, хвалюся не маловажными какими нибудь дѣлами, но духовными. Это самое означаютъ слова: *яже къ Богу*. А что я совершилъ то, на что я посланъ, и что слова мои не хвастовство—это даютъ видѣть чудеса и послушаніе язычниковъ. *Не смѣю бо глаголати что, ихже не содѣя Христосъ мною, въ послушаніе языковъ, словомъ и дѣломъ. Въ силѣ знаменій и чудесъ, силою Духа Божія.* Смотри, какъ Апостолъ усиливается доказать, что все принадлежитъ Богу, а не ему. Говорю ли я что, дѣлаю ли, чудодѣйствую ли?—все производитъ Христосъ, все производитъ Духъ Святый. Говоря это онъ вмѣстѣ показываетъ и достоинство Духа. Видишь ли, сколько все это—и жертва, и приношеніе, и символы, чудеснѣе и страшнѣе ветхозавѣтнаго служенія? Ибо

говоря: *словомъ и дѣломъ, въ силѣ знаменій и чудесъ*, Апостолъ подъ симъ разумѣетъ: ученіе, любомудрствованіе о Царствѣ Божіемъ и стремленіе къ нему, явленіе дѣлъ и жизни, воскрешеніе мертвыхъ, изгнаніе бѣсовъ, прозрѣніе слѣпыхъ, скаканіе хромыхъ, и всѣ другія чудесныя дѣйствія, какія совершилъ въ насъ Духъ Святый. Далѣе въ подтвержденіе этаго онъ указываетъ на множество учениковъ (такъ какъ между прочимъ и объ этомъ упомянулъ онъ) и потому присовокупляетъ: *якоже ми отъ Іерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнити благовѣствованіе Христово*. Сюда включаетъ онъ города и страны, народы и племена, не только въ Римской державѣ, но и у варваровъ. Не только обойди Финикію, Сирію, Киликію, Каппадокію, но и представь всѣ лежащіе за ними народы: Сарациновъ, Персовъ, Армянъ и прочихъ варваровъ. Ибо Апостолъ сказалъ: *и окрестъ*, для того, чтобы ты шелъ не прямою только и большею дорогою, но обтекъ мысленно и Южную Азію. И какъ тучи чудесъ изобразилъ онъ однимъ словомъ, сказавъ: *въ силѣ знаменій и чудесъ;* такъ и безчисленные города, народы, племена и страны совокупилъ опять въ одномъ реченіи: *окрестъ*. Ибо далекъ былъ отъ всякаго киченія, говорилъ же это для Римлянъ, чтобы они не много о себѣ думали. Въ началѣ сказалъ онъ: *да нѣкій плодъ имѣю и въ васъ, якоже и въ прочихъ языцѣхъ* (Рим. I, 13); а здѣсь ссылается

на обязанность священства. По тому самому, что употребилъ нѣсколько жесткихъ выраженій, яснѣе показываетъ власть свою. По этому здѣсь означаетъ и всѣ мѣста своего проповѣданія, между тѣмъ какъ прежде сказалъ вообще: *якоже и въ прочихъ языцѣхъ*; и такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ подрываетъ ихъ надменность. И не просто говоритъ: проповѣдовать Евангеліе, но: *исполнити благовѣствованіе Христово.*

(20) *Сице же потщахся благовѣстити, не идѣже именовася Христосъ.* Вотъ новое обстоятельство, усиливающее мысль Апостола! Онъ не только благовѣствовалъ многимъ народамъ, и обратилъ ихъ, но и не приходилъ съ проповѣдію къ тѣмъ, которые были уже научены. Онъ столько удерживался отъ того, чтобы подчинить себѣ чужихъ учениковъ, и дѣлать это для собственной славы,—что напротивъ старался учить только тѣхъ, которые не слыхали еще проповѣди. Потому и не сказалъ онъ: гдѣ не увѣровали во Христа; но что значительнѣе: *не идѣже именовася Христосъ*. Для чего же онъ заботился объ этомъ? *да не на чужемъ основаніи созижду*, отвѣтствуетъ Апостолъ. А сими словами доказываетъ, что онъ чуждъ тщеславія, и вмѣстѣ внушаетъ Римлянамъ, что пишетъ къ нимъ не по любви къ славѣ и не изъ желанія получить отъ нихъ честь, но потому что исполняетъ свое служеніе, совершаетъ священнодѣйствіе, радѣетъ о ихъ

спасеніи. *Основаніе* же, положенное Апостолами, называетъ *чуждыми* не потому, чтобы самыя лица были ему чужды, или проповѣдь ихъ была иная, но по отношенію къ наградѣ каждаго. Ихъ проповѣдь сама по себѣ не была для него чуждою; но была чуждою только по отношенію къ наградѣ; такъ какъ чужда была для него награда за труды, понесенные другими. Послѣ сего Апостолъ показываетъ, что такимъ образомъ исполнилось пророчество, говоря такъ:

(21) *Якоже есть писано: иже не возвѣстися о Немъ, узрятъ: и иже не слышаша, уразумѣютъ.* Видишь ли, что Павелъ спѣшилъ туда, гдѣ требовалось больше труда и пота?

(22) *Тѣмже и возбраненъ бѣхъ многажды прiити къ вамъ.* Смотри опять, какъ у Апостола заключеніе посланія сходно съ началомъ. Въ началѣ сказалъ: *яко многащею восхотѣхъ прiити къ вамъ, и возбраненъ бѣхъ доселѣ* (Рим. 1, 15); и здѣсь представляетъ самую причину, которая задержала его не разъ, и не дважды, но многократно. Какъ тамъ говоритъ: *многащею восхотѣхъ прiити къ вамъ*, такъ и здѣсь: *возбраненъ бѣхъ многажды прiити къ вамъ.* Это самое, что онъ многократно собирался къ нимъ, всего болѣе доказываетъ сильное желаніе его быть у нихъ.

(23) *Нынѣ же къ тому мѣста не имый въ странахъ сихъ.* Видишь ли, какъ онъ доказалъ, что намѣревался придти къ нимъ,

и пишетъ теперь къ нимъ не для снисканія у нихъ себѣ славы. *Желаніе же имый пріити къ вамъ отъ многихъ лѣтъ:*

(24) *Яко аще пойду во Испанію, уповаю мимо грядый видѣти васъ, и вами проводитися тамо, аще васъ прежде отъ части насыщуся.* Еслибы Апостолъ сказалъ: иду къ вамъ, потому что нѣтъ у меня другаго дѣла, Римляне почли бы то для себя унизительнымъ. А потому обращаетъ къ нимъ слово любви и говоритъ: *желаніе имый пріити къ вамъ отъ многихъ лѣтъ.* Я желалъ придти къ вамъ не потому, чтобы имѣлъ свободное время, но чтобы разродиться тѣмъ желаніемъ, которымъ давно мучусь. Но дабы этимъ не пробудить опять въ нихъ гордости, смотри, какъ смиряетъ ихъ, говоря: *аще пойду во Испанію, уповаю мимо грядый видѣти васъ.* Для того онъ и написалъ это, чтобы они не подумали много о себѣ. Ему хочется и любовь свою показать, и ихъ не допустить до киченія. По этому часто повторяетъ одно и тоже, и попеременно употребляетъ слова, ведущія къ той, или къ другой цѣли. По этой же опять причинѣ, чтобы Римляне не сказали: онъ хочетъ только мимоходомъ быть у насъ, Апостолъ присовокупилъ: *и вами проводитися*, то есть, вы сами будете свидѣтелями, что спѣшу не изъ презрѣнія къ вамъ, но по крайней нуждѣ. Подлику же и это для нихъ оскорбительно; то успокоиваетъ ихъ утѣшительнымъ словомъ: *аще васъ прежде*

отъ части насыщуся. Выраженіемъ: *мимоидый*, даетъ разумѣть, что не ищетъ онъ ихъ славы; а словомъ: *насыщуся*, выражаетъ, что желаетъ изъ любви и притомъ не просто, но сильно желаетъ. Посему не сказалъ: *насыщуся*, но: *отъ части насыщуся.* Сколько бы времени ни пробылъ я съ вами, никогда не насыщуся, никогда пребываніе съ вами не наскучитъ мнѣ. Видишь ли, какъ доказываетъ любовь свою тѣмъ, что, и при всей необходимости поспѣшить, не прежде хочетъ оставить ихъ, какъ насытившись. И это уже служитъ признакомъ любви его; а не менѣе и то, что онъ употребляетъ выраженія, исполненныя толикой горячности. Не сказалъ: увижусь съ вами, но: *насыщуся*, подражая тому, какъ говорятъ родители къ дѣтямъ. Въ началѣ говорилъ: *да плькій плодъ имѣю*; а здѣсь выражается: *да насыщуся.* То и другое обнаруживаетъ въ немъ сильное влеченіе его сердца къ нимъ. Въ тѣхъ словахъ содержится величайшая имъ похвала—такъ какъ Апостолъ ожидаетъ плода отъ ихъ послушанія; а здѣсь онъ уже прямо показываетъ искреннюю привязанность. Такъ же точно писалъ онъ и къ Коринѳянамъ: *да вы мя проводите, аможе аще поиду* (1 Кор. XVI, 6). Такъ онъ во всемъ выражая свою любовь къ своимъ ученикамъ, любовь ни съ чѣмъ несравненную. Этимъ онъ всегда начиналъ свои посланія и оканчивалъ. Какъ чадолюбивый отецъ любитъ свое единственное дѣтище; такъ онъ

любилъ всѣхъ вѣрныхъ. Посему и говорилъ: *кто изнемогаетъ, и не изнемогаю? Кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. XI, 29)?

Сіе по преимущественно и нужно имѣть учителю! Такъ и Петру сказалъ Христосъ: ежели любишь Меня; *паси овцы Моя* (Іоан. XXI, 16). Кто любитъ Христа, тотъ любитъ и стадо Его. И Моисея Богъ поставилъ вождемъ народа Іудейскаго послѣ того, какъ онъ показалъ свое усердіе къ своимъ единоплеменникамъ. Подобно и Давидъ взошелъ на царство, явивши прежде свою приверженность къ своимъ соотечественникамъ. Еще въ юности такъ скорбѣлъ онъ о народѣ, что готовъ былъ отдать свою душу, когда умертвилъ иноплеменника. Хотя и спрашивалъ: *что сотворите мужу, иже убіетъ иноплеменника онаго* (1 Цар. XVII, 26)? Но говорилъ это не потому, чтобы домогался награды, но онъ только хотѣлъ, чтобы повѣрили и допустили его до равноборства. И потому когда послѣ побѣды пришелъ онъ къ Царю; тогда и не упомянулъ о наградѣ. И Самуилъ былъ привержень къ народу; почему говорилъ: *да никакоже ли согрѣшити Господу, оставити еже молитися о васъ ко Господу* (1 Цар. XII, 23). Такъ, или лучше сказать, гораздо болѣе и Павелъ сгаралъ любовію ко всѣмъ подчиненнымъ ему. А шѣмъ столько расположилъ къ себѣ учениковъ, что говорилъ: *яко, аще бы было можно, очеса ваша извертѣвше*

дали бысте ми (Гал. IV, 15). По этому Богъ всего болѣе укоряетъ Іудейскихъ учителей, за недостатокъ любви, говоря: *оле пастыри Израилевы, ѣда пасутъ пастыри самихъ себе, не овецъ ли пасутъ пастыри* (Іезек. X, 11)? Но они поступали иначе; *се млеко ядите*, говоритъ Богъ, *и волною одѣваетесь, и тучное закалаете, а овецъ Моихъ не пасете?* И Христосъ, представляя образецъ совершеннѣйшаго Пастыря, говоритъ: *Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. X, 11). Такъ поступалъ Давидъ во многихъ случаяхъ, особливо когда страшный гнѣвъ угрожалъ истребленіемъ цѣлому народу. Видя общую гибель онъ восклицалъ: *азъ есмь согрѣшаяй, азъ есмь пастырь зло сотворивый, а сіи овцы что сотвориша* (2 Цар. XXIV, 17)? По этому и при выборѣ казней избралъ не голодъ, не преслѣдованіе отъ непріятелей, но смерть, посылаемую отъ Бога, въ той надеждѣ, что она пощадитъ другихъ, и прежде всѣхъ поразитъ его самаго. Когда же этаго не случилось; онъ плачетъ и говоритъ: *да будетъ на мнѣ рука Твоя*, а ежели и того не довольно, *и на дому отца моего*. Ибо *азъ есмь пастырь согрѣшивый*. Какъ бы такъ сказалъ онъ: если бы и они согрѣшили; я подлежалъ бы наказанію за то, что не исправлялъ ихъ. Когда же грѣхъ былъ собственно мой; то по всей справедливости мнѣ должно понесть наказаніе. И дабы увеличить вину свою,

Давидъ именуетъ себя пастыремъ. Симъ-то онъ и уполилъ гнѣвъ, симъ умолилъ Бога отмѣнить опредѣленіе. Такова исповѣдь праведника! *Ибо праведный себе самаго обличителникъ въ первословіи* (Притч. XVIII, 17). Такова попечительность и сострадательность совершеннаго пастыря! Гибель подданныхъ также терзала сердце Давида, какъ смерть родныхъ дѣтей его. Потому и просилъ онъ Бога обратить гнѣвъ на него самаго. И онъ охотно сдѣлалъ бы это въ самомъ началѣ пораженія, если бы не надѣялся, что наступающая пагуба достигнетъ и его. Какъ же скоро противное увидѣлъ; не могъ болѣе переносить бѣдствія, карающаго подданныхъ, но уязвился онымъ болѣе, нежели смертію первенца своего Амнона. Ибо тогда не просилъ себѣ смерти; а теперь желаетъ пасть прежде другихъ. Такимъ надобно быть начальнику; онъ долженъ скорбѣть болѣе о чужихъ, нежели о собственныхъ несчастіяхъ. Такую же скорбь чувствовалъ Давидъ, лишившись сына своего Авессалома, изъ чего можно видѣть, что онъ любилъ сына не больше, чѣмъ подданныхъ. Хотя Авессаломъ былъ необузданный юноша и замышлялъ отцеубійство; однакоже Давидъ говорилъ: *кто дастъ смерть мнѣ вмѣсто тебе* (2 Цар. XVIII, 39)? Что ты говоришь, блаженный и кротчайшій изъ людей? Сынъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы умертвить тебя, причинилъ тебѣ тысячи золъ, а ты, какъ скоро не стало его и одержана по-

бѣда, молишь себѣ смерти? Да, отвѣтствуетъ Давидъ. Не для меня пріобрѣтена эта побѣда войскомъ; во мнѣ кипитъ брань сильнѣе прежней, и сердце мое разрывается больше прежняго. Такъ Давидъ и подобные ему заботились о ввѣренныхъ имъ. А блаженный Авраамъ прилагалъ великое попеченіе даже и о тѣхъ, которые не были ему ввѣрены; и такое попеченіе, что подвергалъ себя за нихъ величайшимъ опасностямъ. Ибо совершенное имъ въ пользу его племянника, дѣлано было не для него одного, но и для Содомлянъ; онъ не прежде пересталъ преслѣдовать Персовъ, какъ освободилъ всѣхъ Содомлянъ. Хотя можно было ему возвратиться назадъ по освобожденіи одного Лота; однакоже Авраамъ не захотѣлъ того. Потому что онъ заботился о всѣхъ равно, какъ обнаружилъ въ себѣ это и послѣ. Ибо когда Содомлянамъ угрожало не нашествіе войска иноплеменниковъ, но гнѣвъ Божій готовъ былъ истребить до основанія города ихъ; когда настояла нужда не въ оружіи, не въ брани, не въ ополченіи воиновъ, но въ молитвѣ за виновныхъ; тогда Авраамъ ходатайствовалъ за нихъ съ такою заботливостію, какъ будто бы ему самому предстояла погибель. По этому и разъ, и два, и три, и многократно приступаетъ онъ къ Богу, даже ссылается на слабость человѣческой природы, говоря: *азъ же есмь земля и пепелъ* (Быт. XVIII, 27). И поелику зналъ, что Содомляне сами навлекли на себя гнѣвъ

Божій; то умоляетъ спасти ихъ для другихъ. Да и Богъ говорилъ ему: *еда утаю Азъ отъ Авраама, раба Моего, яже Азъ творю* (ст. 17), дабы мы уразумѣли изъ этаго, сколько праведникъ человѣколюбивъ. И Авраамъ не переставалъ бы умолять Бога, — еслибы Богъ Самъ не отошелъ отъ него. Хотя повидимому онъ молился о праведныхъ, но въ самомъ дѣлѣ все это было для Содомлянъ. Ибо души Святыхъ исполнены кротости и человѣколюбія какъ къ своимъ, такъ и къ чужимъ; они жалѣютъ даже безсловесныхъ. Почему и премудрый сказалъ: *праведникъ милуетъ души скотовъ своихъ* (Притч. XII, 10). А ежели скотовъ, то не гораздо ли болѣе людей? Теперь, когда дошла рѣчь до скотовъ; представимъ себѣ, сколько тягостныхъ трудовъ переносятъ овчіе пастухи въ Каппадокійской странѣ, ходя за безсловесными! Часто занесенные снѣгомъ по три дни сряду остаются они въ такомъ положеніи. Сказываютъ также, что не меньше бѣдствій терпятъ пастухи и въ Ливіи, по цѣлымъ мѣсяцамъ скитаясь по непроходимой этой пустынѣ, наполненной самыми свирѣпыми звѣрями. А ежели столько заботъ бываетъ о безсловесныхъ, то какое извиненіе будемъ имѣть мы, когда намъ ввѣрены разумныя души, а мы спимъ такимъ глубокимъ сномъ? Можно ли тутъ думать объ отдыхѣ? Можно ли искать покоя? Напротивъ для этихъ овецъ не должно ли идти, куда бы то ни было,

и предаваться тысячѣ смертей? развѣ не знаете цѣны этаго стада? Чего не сдѣлалъ для него твой Владыка? Не пролилъ ли даже Своей крови? А ты ищешь успокоенія? Что же можетъ быть хуже такихъ пастырей? Не подумаешь о томъ, что Христово стадо окружено волками, которые злѣе и свирѣпѣе Ливійскихъ? Не представишь самъ себѣ, какую душу должно имѣть тому, кто пріемлетъ на себя начальство въ церкви? Народные правители, совѣщеваясь о дѣлахъ маловажныхъ, не только дни, но и ночи проводятъ въ бодрствованіи; а мы, подвизающіеся для неба, спимъ и днемъ! Ктожъ послѣ этаго избавитъ насъ отъ наказанія за такую безпечность? Если бы даже стали у насъ рѣзать тѣло, если бы предстояли намъ тысячи смертей; не надлежало ли бы намъ спѣшить на все это, какъ на торжество? Пусть слышатъ это не одни пастыри, но и овцы; пусть оказываютъ только полное повиновеніе и покорность своимъ пастырямъ, и тѣмъ побудятъ ихъ къ большей ревности, поощрятъ къ большему раченію объ овцахъ! Такъ заповѣдалъ Павелъ, говоря: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покаряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. XIII, 17). Подъ словомъ же: *бдятъ*, разумѣетъ онъ безчисленные труды, заботы и опасности. Ибо добрый пастырь, каковъ онъ долженъ быть по заповѣди Христовой, подвизается не менѣе тысячи мучениковъ.

Мученикъ однажды за Христа умеръ, а Пастырь, если онъ таковъ, какимъ быть долженъ, тысячекратно умираетъ за стадо. Ему каждый день можно умирать. По этому и вы, зная трудъ его, содѣйствуйте ему молитвами, рачительностію, усердіемъ, любовію, дабы и мы для васъ, и вы для насъ содѣлалися похвалою. Посему и Христосъ, ввѣряя стадо Свое первоверховному изъ Апостоловъ, который болѣе всѣхъ любилъ Его, предварительно спрашивалъ: *любиши ли Мя* (Іоан. XXI, 16)? дабы ты уразумѣлъ, что попеченіе о стадѣ Христовомъ поставляется преимущественнымъ признакомъ любви къ самому Христу, потому что для сего нужна мужественная душа.

Но это сказано мною о совершенныхъ пастыряхъ, не о мнѣ самомъ и не о подобныхъ намъ, но о пастырѣ, ежели есть такіе, каковъ былъ Павелъ, каковъ Петръ, каковъ Моисей. Имъ будемъ подражать, какъ начальствующіе, такъ и подчиненные. Ибо и подчиненному можно отчасти быть пастыремъ своего дома, друзей, домашнихъ, жены, дѣтей. Ежели такъ будемъ распоряжать дѣла свои, достигнемъ всѣхъ благъ, которыя, дай Богъ, улучить всѣмъ намъ по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава, держава, честь нынѣ и всегда, во вѣки вѣковъ; Аминь.

БЕСѢДА 30.

(XV, 25) *Нынѣ же гряду во Іерусалимъ, служай святымъ.* (26) *Благоволиша бо Македоніа и Ахаіа общеніе нѣкое сотворити къ нищимъ святымъ живущимъ во Іерусалимѣ.* (27) *Благоволиша бо, и должни имъ суть.*

Поелику Апостолъ сказалъ: *не имѣю мѣста въ сихъ странахъ*, и: *съ давнихъ лѣтъ имѣю желаніе идти къ вамъ*, а между тѣмъ нужно было ему еще промедлить: то, дабы Римляне не подумали, что онъ смѣется надъ ними, объясняетъ причину, по которой до времени не можетъ придти къ нимъ, и говоритъ: *гряду во Іерусалимъ.* Но высказывая, повидимому, предлогъ своего медленія, Апостолъ имѣетъ въ виду и другое, именно, побудить ихъ къ подаянію милостыни, и сдѣлать къ этому усерднѣйшими. Если бы онъ не объ этомъ заботился; ему довольно было бы сказать: *гряду во Іерусалимъ.* Но теперь присовокупляетъ и причину сего путешествія. *Гряду*, говоритъ, *служай святымъ.* Даже останавливается на этихъ словахъ, приводитъ доказательства, говоря: *должни суть*, и еще: *аще въ духовныхъ ихъ причастники быша языцы, должни суть и въ плотскихъ послужити*, дабы и Римляне научились подражать имъ. Здѣсь особенно подивимься должно мудрости Апостола

въ томъ, что онъ придумалъ такой способъ совѣщеванія. На Римлянъ онъ могъ болѣе этимъ подѣйствовать, нежели прямымъ увѣщаніемъ. Ибо они почли бы для себя оскорбительнымъ, если бы Апостолъ представилъ имъ Коринѳянъ и Македонянъ въ образецъ подражанія. По этому Коринѳянъ въ посланіи къ нимъ увѣщеваетъ такимъ образомъ: *сказую же вамъ благодать Божію, данную въ церквахъ Македонскихъ* (2 Кор. VIII, 1); равно и на Македонянъ дѣйствовалъ примѣромъ Коринѳянъ: *яже отъ васъ ревность раздражи множайшихъ* (Тамъ же IX, 2). И подобно достигаетъ тогоже примѣромъ Галатовъ, когда говоритъ: *якоже устроихъ церквамъ Галатійскимъ, тако и вы сотворяйте* (1 Кор. XVI, 1). Но съ Римлянами обходится иначе; съ ними онъ осторожнѣе. Такимъ же образомъ поступаетъ онъ и въ разсужденіи проповѣди, когда говоритъ: *или отъ васъ слово Божіе изыде? или васъ единыхъ достиже* (Тамъ же XIV, 36)? потому что соревнованіе всего сильнѣе. Почему Апостолъ многократно повторяетъ это, ибо и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: какъ *во всѣхъ церквахъ повелѣваю* (Тамъ же VII, 17), и еще: *якоже вездѣ во всякой церкви учу* (Тамъ же IV, 17); и къ Колоссаямъ говоритъ: *якоже* благовѣстіе Божіе *есть плодоносно и растимо во всемъ мірѣ* (Колос. I, 6). Такъ поступаетъ и здѣсь, говоря о милостынѣ. И смотри, съ какимъ приличіемъ онъ употребляетъ

выраженія. Не сказалъ: иду отнести милостыню, но: *еряду служай*. А если Павелъ служитъ; то разсуди, какъ это важно, когда самъ учитель вселенной беретъ на себя трудъ отнести подаянія, и хотя намѣревался путешествовать въ Римъ, и сильно желалъ видѣться съ Римлянами, однакожъ первое предпочитаетъ послѣднему. *Благоволиша бо Македонія и Ахаія*, то есть, съ общаго согласія пожелали *общеніе нѣкое сотворити*. Опять не сказалъ милостыню, но: *общеніе*. Не безъ мысли также вставилъ слово: *нѣкое*, но дабы Римляне не приняли сказаннаго за укоризну себѣ. И не сказалъ просто: *къ нищимъ*, но: *къ нищимъ святымъ*, убѣждая двоякимъ образомъ къ вспомоществованію, какъ нищетою, такъ и добродѣтелію. Даже и симъ не удовольствовался, но присовокупилъ: *должны суть*. Потомъ доказываетъ, почему должны. *Аще бо*, говоритъ, *въ духовныхъ ихъ причастники быша языцы, должни суть и въ плотскихъ послужити имъ*. Это значитъ: для нихъ пришелъ Христосъ, имъ, обратившимся изъ Іудеевъ, принадлежатъ всѣ обѣтованія, отъ нихъ Христосъ; почему и Самъ Онъ сказалъ: *спасеніе отъ Іудей есть* (Іоан. IV, 22); отполѣ Апостолы, отполѣ Пророки, отполѣ всѣ блага. Но всего этого содѣлалась причастницею вселенная. Слѣдовательно, заключаетъ Апостолъ, ежели вы стали причастниками важнѣйшаго, и когда, по Евангельской притчѣ, вечеря была приготовлена для нихъ;

вы взошли и вкусили предложеннаго; то и вамъ должно допустить ихъ до участія въ тѣлесныхъ благахъ и удѣлить имъ оныхъ. Но Апостолъ не сказалъ прямо: допустить до участія, а: *послужити;* чрезъ сіе представилъ ихъ какъ бы діаконами, или приносящими дани Царямъ. Не сказалъ также: въ тѣлесныхъ вашихъ, какъ выше сказано: *въ духовныхъ ихъ;* потому что духовныя блага принадлежатъ однимъ Іудеямъ; а тѣлесныя не однимъ язычникамъ, но всѣмъ вообще. И Апостолъ повелѣвалъ, чтобы имѣніе было общимъ всѣхъ, а не однихъ владѣтелей.

(28) *Сіе убо скончавъ, и запечатлѣвъ имъ плодъ сей*, то есть, какъ бы положивъ въ Царскую сокровищницу, въ неприступное и безопасное м[illegible]то. И не сказалъ милостыню, но опять: *плодъ*, давая тѣмъ разумѣть, что подающіе милостыню сами ощущаются отъ того въ прибыли. *Пойду вами во Испанію.* Снова упоминаетъ объ Испаніи, показывая тѣмъ, сколько онъ неутомимъ и приверженъ къ Испанцамъ.

(29) *Вѣмъ же, яко грядый къ вамъ, во исполненіи благословенія благовѣстія Христова пріиду*. Что значитъ: *во исполненіи благословенія?* Апостолъ говоритъ здѣсь или объ имуществахъ, или вообще о всякомъ добромъ дѣлѣ. Онъ имѣетъ обыкновеніе называть благословеніемъ, какъ другое многое, такъ и милостыню. Напримѣръ, когда говоритъ: *якоже благословеніе, а не яко лихоимство* (2 Кор. IX, 5).

Даже и въ Ветхомъ Завѣтѣ было обыкновеніе называть такъ милостыню. Но поелику Апостолъ присовокупилъ здѣсь: *благовѣстія;* то утверждаемъ, что подъ благословеніемъ разумѣется не одно имущество, но и все прочее. Онъ какъ бы такъ говоритъ: знаю, что, пришедши къ вамъ, найду васъ во всемъ благоискусными, изобилующими въ благахъ, и достойными многихъ добрыхъ похвалъ сообразно Евангелію. Вотъ удивительный способъ подавать совѣтъ—напередъ выхвалить за исполненіе! Поелику же Апостолъ уклоняется отъ того, чтобы предложить мысль свою прямо въ видѣ увѣщанія: то поправляетъ это слѣдующимъ образомъ:

(30) *Молю же вы Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и любовію Духа.* Апостолъ опять упоминаетъ здѣсь о Христѣ и о Духѣ, но не говоритъ объ Отцѣ. Для того замѣчаю это, чтобы ты, когда Апостолъ упоминаетъ объ Отцѣ и Сынѣ, или объ одномъ Отцѣ, не исключалъ ни Сына, ни Духа. И не сказалъ Апостолъ: Духомъ; но: *любовію Духа.* Ибо какъ Христосъ, и какъ Отецъ возлюбилъ міръ; такъ и Духъ. Но о чемъ же молишь ты, Павелъ? *Сопостшествуйте ми въ молитвахъ о мнѣ къ Богу.*

(31) *Да избавлюся отъ противляющихся во Іудеи.* Конечно великая борьба предстояла Апостолу; потому и проситъ ихъ молиться о себѣ. И не сказалъ: да вступлю

въ состязаніе; но: *да избавлюся;* какъ повелѣлъ Христосъ: *молитеся, да не внидете въ напасть* (Матѳ. XXVI, 41). Апостолъ сими словами съ одной стороны выражаетъ, что на него нападаютъ какіе—то злые волки—не люди, а, справедливѣе сказать, звѣри; съ другой же стороны имѣетъ въ виду и другое, именно: показать, что онъ не безъ причины принялъ на себя трудъ служить святымъ при такомъ множествѣ невѣрующихъ, что нужно было молиться объ избавленіи отъ нихъ. Живущіе среди многочисленныхъ враговъ погибли бы отъ голода; поэтому необходимо было доставлять имъ пропитаніе изъ другихъ мѣстъ. *И да служба моя, яже во Іерусалимѣ, благопріятна будетъ святымъ*, то есть, да будетъ пріятна моя жертва, и охотно принято подаяніе. Видишь ли, какъ опять возвышаетъ достоинство пріемлющихъ милостыню, когда сказалъ, что нужны молитвы многочисленнаго народа, дабы посылаемое было принято? А симъ даетъ вмѣстѣ разумѣть, что не всякая милостыня бываетъ пріемлема Богомъ. Когда подаетъ кто принужденно, или изъ тщеславія, или неправедно пріобрѣтенное; тогда плодъ теряется.

(32) *Да съ радостію пріиду къ вамъ волею Божіею.* Какъ говорилъ въ началѣ: *аще когда поспѣшенъ буду волею Божіею пріити къ вамъ;* такъ и здѣсь прибѣгаетъ къ тойже волѣ Божіей, и говоритъ: для того спѣшу,

и молю Бога избавиться отполѣ, чтобы скорѣе увидѣть васъ, и увидѣть съ удовольствіемъ, не навлекши тамъ себѣ никакой скорби. *И упокоюся съ вами.* Видишь, какъ даетъ о себѣ знать, что въ немъ нѣтъ надменности. Не сказалъ: научу васъ, наставлю въ вѣрѣ; но: *упокоюся съ вами.* Апостолъ самъ подвизался и боролся; какъ же говоритъ: *упокоюся съ вами?* Онъ говоритъ это во угожденіе Римлянамъ, располагаетъ ихъ къ большему усердію, дѣлая участниками въ побѣдныхъ вѣнцахъ, и показывая, что они также подвизаются и трудятся. Потомъ, по обыкновенію своему, присовокупляетъ къ увѣщанію своему молитву, говоря:

(33) *Богъ же мира со всѣми вами, аминь.* (XVI, 1) *Вручаю же вамъ Фіву сестру, сущу служительницу Церкве, яже въ Кегхреехъ.* Видишь, сколько Апостолъ уважаетъ Фіву; упомянулъ ее прежде всѣхъ, и назвалъ сестрою; а немаловажно называться сестрою Павловою. Сказалъ и о должности ея, наименовавъ служительницею.

(2) *Да пріимете ю о Господѣ достойнѣ святыихъ*, то есть, для Господа примите ее съ честію. Потому что пріемлющій для Господа даже и незначительнаго человѣка принимаетъ со тщаніемъ. А какъ Фіва была святая; то разсуди самъ, какъ надлежало ей услуживать. Посему Апостолъ присовокупилъ: *достойнѣ святыихъ*, то есть, какъ слѣдуетъ

принимать святыхъ. Вы должны услуживать ей по двумъ причинамъ, и потому что принимаете ее для Господа, и потому что она святая: *И споспѣшествуйте ей, о нейже аще отъ васъ потребуетъ вещи.* Видишь ли, какъ это не обременительно? Не сказалъ: удовлетворите всѣмъ ея нуждамъ, но: снабдите, чѣмъ можете, подайте руку помощи, ссудите, въ чемъ будетъ она имѣть у васъ нужду. Говорю не о всѣхъ ея нуждахъ, но о тѣхъ, какія будетъ имѣть у васъ; а понадобится ей то, чѣмъ властны вы располагать. Потомъ опять несказанная похвала. *Ибо сія заступница многимъ бысть, и самому мнѣ.* Примѣчаешь ли Павлово благоразуміе? На переди поставилъ похвалу, за нею въ серединѣ увѣщаніе, потомъ опять похвалу; и этою двукратною похвалою тѣмъ паче обязываетъ помочь нуждамъ блаженной жены. Ибо не блаженна ли Фіва, когда удостоилась такого свидѣтельства отъ Павла, и была въ сосіоніи помогать самому Павлу—учителю вселенной? Это вѣнецъ всѣхъ ея совершенствъ! Потому и Апостолъ поставилъ это въ концѣ, сказавъ: *и самому мнѣ*. Что же значитъ: *и самому мнѣ?* Тому, кто былъ проповѣдникомъ вселенной, претерпѣлъ безчисленныя страданія, и одинъ довлѣлъ для многихъ тысячъ. Итакъ, мужи и жены! будемъ подражать сей святой, а равно и той, которую вмѣстѣ съ мужемъ именуетъ Павелъ послѣ Фівы. Кто же они?

(3) *Цѣлуйте*, говоритъ Апостолъ, *Прискиллу и Акилу споспѣшника моя о Христѣ Іисусѣ*. О добродѣтели ихъ свидѣтельствуетъ и Лука, когда говоритъ: *пребысть у нихъ Павелъ: бяху бо скинотворцы хитростію* (Дѣян. XVIII, 3), и когда извѣщаетъ, что Прискилла приняла къ себѣ Аполлоса, и *извѣстнѣе тому сказаша путь Господень* (ст. 26). Но какъ ни велики сіи доблести, гораздо важнѣе сказанное Павломъ. Что же говоритъ онъ? Сперва называетъ ихъ своими споспѣшниками, означая тѣмъ, что они раздѣляли съ Апостоломъ несказанные труды и опасности. Потомъ говоритъ, что они

(4) *По души моей своя выя положиша*. Видишь ли, что они были совершенные мученики? Ибо при Неронѣ, какъ вѣроятно, опасности были безчисленны; такъ какъ имъ изданъ указъ всѣмъ Іудеямъ удалиться изъ Рима. *Ихъ же не азъ единъ благодарю, но и вся Церкви языческія*. Апостолъ разумѣетъ здѣсь странноприимство и вспомоществованіе деньгами, и удивляется имъ, что пролили кровь свою, и отдали все имѣніе въ общую пользу. Видишь ли, что и немощь естества не воспрепятствовала благороднымъ женщинамъ идти стезею добродѣтели? И очень естественно; потому что въ Христѣ Іисусѣ *нѣсть мужескій полъ, ни женскій* (Гал. III, 28). И что сказалъ Апостолъ о Фивѣ, тоже говоритъ и о Прискиллѣ. Какъ объ той сказано: *сія заступница многимъ*

бысть и самому мнѣ; такъ и объ этой: *не азъ единъ благодарю, но и вся Церкви языческія.* И дабы не подумали, что это сказано изъ лести, представляетъ другихъ свидѣтелей, которые многочисленнѣе женъ. *И домашнюю ихъ Церковь.* Столько были они добродѣтельны, что обратили домъ свой въ Церковь такъ, что всѣ ихъ домашніе содѣлались вѣрными, и домъ ихъ отверстъ былъ для всѣхъ странныхъ. Ибо Апостолъ не имѣетъ обычая безъ разбора называть домы Церквами, ежели въ нихъ нѣтъ примѣрнаго благочестія, и не укорененъ особенный страхъ Божій. Поэтому и Коринѳянамъ сказалъ: *цѣлуйте Акѵлу и Прискіллу* (*) *съ домашнею ихъ церковію* (1 Кор. XVI, 19). И пиша объ Онисимѣ говоритъ: *Павелъ Филимону и Апфіи возлюбленнѣй и домашнѣй твоей Церкви* (Фил. I, 2). Ибо и въ супружеской жизни можно быть достойнымъ удивленія и благороднымъ. Вотъ и Акула съ Прискіллою жили въ супружествѣ, и весьма просіяли, хотя ихъ промыслъ былъ незнатенъ. Они дѣлали палатки, однакоже добродѣтель покрыла все, и показала ихъ блистательнѣйшими солнца. Ни ремесло, ни брачный союзъ не вредили имъ; напротивъ они явили въ себѣ такую любовь, какой требовалъ Христосъ, сказавъ: *больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13). Они исполнили то,

(*) Въ текстѣ: цѣлуютъ вы Акула и Прискилла.

что служитъ признакомъ Христова ученика; взяли крестъ, и послѣдовали за Христомъ. Ибо дѣлавшіе это для Павла, тѣмъ паче показывали такое же мужество для Христа.

Пусть слышатъ сіе и богатые и бѣдные! Ежели жившіе трудами рукъ своихъ, правившіе рабочимъ заведеніемъ, показали сполько щедрости, что учинилися полезными для многихъ церквей: то какое извиненіе будутъ имѣть богачи, презирающіе нищихъ? Тѣ въ угожденіе Богу нещадили своея крови; а ты не заботишься иногда о собственной своей душѣ, и жалѣешь нѣсколькихъ монетъ! Но можетъ быть усердные къ учителю не таковы были къ ученикамъ? Но не льзя сказать этого. Хотя они родомъ были Іудеи, однакоже вѣровали сполъ искренно, что и язычникамъ служили со всѣмъ усердіемъ; потому что, какъ говоритъ Апостолъ, ихъ благодаряшъ и языческія церкви. Такими и должны быть женщины; имъ надобно украшаться не плетеніемъ волосъ, или золотомъ, или драгоцѣнною одеждою, но добрыми дѣлами (1 Тим. II, 9. 10). Ибо скажи мнѣ: какая царица столько знаменита, и столько прославляется, какъ эта жена скинотворца? Объ ней всякой говоритъ и будетъ говорить не десять и двадцать лѣтъ, но до пришествія Христова. И притомъ всякой говоритъ о ней то, что украшаетъ ее болѣе царской діадимы. Что важнѣе этого, что сравнится съ этимъ—быть заступницею Павловою? Съ опасностями для

себя спасать учителя вселенной? Разсуди, сколько было царицъ и имена ихъ преданы забвенію; а имя жены скинопворца и ея мужа обносится всюду, и сколько солнце освѣщаетъ земли, столько слава ея облекаетъ во вселенной. И Персы, и Скиѳы, и Ѳракіяне, и живущіе на послѣднихъ краяхъ земли прославляютъ и ублажаютъ благочестивую жизнь этой женщины. Какимъ богатствомъ, сколькими діадимами и багряницами не пожертвуешь охотно, чтобы только получить о себѣ такое свидѣтельство? Нельзя также сказать, чтобы они, подвергаясь опасностямъ, нещадя имущества, нерадѣли о проповѣдываніи. За это именно и называетъ ихъ Апостолъ сослужителями и споспѣшниками. Сосудъ избранія не стыдится наименовать женщину своею споспѣшницею, даже хвалится этимъ; потому что не смотритъ на полъ, а вѣнчаетъ произволеніе. Что равняется такому украшенію? Что теперь значитъ ваше богатство, расточаемое всюду? Что значатъ наряды? Что значитъ суетная слава? Разсмотри внимательнѣе убранство этой женщины; не тѣло имъ облекается, но украшается душа; оно никогда не слагается, и не въ сундукѣ хранится, но соблюдается на небѣ. Посмотри на ихъ трудъ въ проповѣди, на ихъ мученическій вѣнецъ, на ихъ стараніе объ неукоризненной жизни, на ихъ любовь къ Павлу, на ихъ усердіе ко Христу. И сравни съ этимъ себя, свое попеченіе о деньгахъ, свои ссоры за блудницъ,

свои распри за клочекъ сѣна; тогда увидишь, кто были они, и кто ты. Или лучше не только сравни; но и поревнуй женщинѣ, и сложивъ съ себя беремя сѣна,—это твои многоцѣнныя одежды,—возми небесное украшеніе, и поучись у Прискиллы и Акулы, отъ чего они стали такими. Отъ чегоже? Они два года содержали у себя въ домѣ Павла. А чего не произвели въ душѣ ихъ эти два года? Ты скажешь: чтоже мнѣ дѣлать,—у меня нѣтъ Павла? Ежели хочешь; имѣешь больше, нежели они. Не лицезрѣніе Павлово, а Павловы слова содѣлали ихъ таковыми. Итакъ, если угодно тебѣ, съ тобою непрестанно готовы бесѣдовать и Павелъ, и Петръ, и Іоаннъ и цѣлый соимъ Пророковъ и Апостоловъ. Возми книги сихъ блаженныхъ мужей, постоянно занимайся ихъ писаніями; онѣ могутъ и тебя содѣлать подобнымъ женѣ скинотворца. И что говоришь о Павлѣ? Ежели хочешь; будешь имѣть у себя самаго Владыку Павлова. Ибо Павловымъ языкомъ Онъ съ тобою бесѣдуетъ. И другой есть способъ принять къ себѣ Господа; принимай къ себѣ святыхъ, служи вѣрующимъ въ Него. Тогда, и по отшествіи ихъ, у тебя останется много памятниковъ благочестія. И столъ, съ котораго питался святый, и стулъ, на которомъ онъ сидѣлъ, и ложе, на которомъ онъ возлежалъ даже по удаленіи его, приводятъ въ чувство умиленія того, кто принималъ его къ себѣ. Съ какимъ, думаешь, умиленіемъ входила

Соманитяныня въ шу горницу, гдѣ жилъ Елисей, взирала на столъ и на ложе, гдѣ спалъ сей свящный мужъ? Какими благочестивыми чувствованіями воодушевлялась она при этомъ? А ежелибы этого не было, ежели она не получала отъ того великой пользы; то не повергла бы въ эту горницу мертваго дѣтища. Ежели мы, по прошествіи многаго времени приходя туда, гдѣ Павелъ жилъ, былъ связанъ, сидѣлъ и бесѣдовалъ, окриляемся мыслію и отъ видимыхъ нами мѣстъ переносимся къ представленію того самаго времени; то чему надлежало происходить въ душѣ тѣхъ, которые съ уваженіемъ принимали его въ своемъ домѣ, когда воспоминаніе о семъ было еще живо?

Зная это, будемъ принимать къ себѣ святыхъ, дабы домъ нашъ просіялъ и очистился отъ терній, дабы клеть наша содѣлалася пристанію. Будемъ принимать ихъ, и умывать имъ ноги. Ты не лучше, не благороднѣе, не богаче Сарры, хотя бы ты была и царицею. У ней было триста осмьнадцать домочадцевъ, когда и двоихъ слугъ имѣть считалось богатствомъ. И что говорю о трехъ стахъ осмьнадцати домочадцахъ? Въ семени и обѣтованіяхъ обладала она цѣлою вселенною, имѣла супругомъ друга Божія, покровителемъ самаго Бога; а это больше всякаго царства. Однако же при такой знаменитости и славѣ сама мѣсила тѣсто, исправляла все домашнее, и прислуживала при столѣ, какъ рабыня. Ты не

благороднѣе Авраама, а онъ исправлялъ дѣла, приличныя слугамъ, послѣ своихъ знаменитыхъ дѣяній, послѣ побѣдъ, послѣ чести, оказанной ему Египетскимъ царемъ, послѣ того, какъ опразилъ Персидскихъ царей, и дѣлами своими воздвигъ себѣ блистательные памятники. Не смотри на презрѣнную наружность, на то, что приходящіе къ тебѣ святые часто бываютъ и бѣдны и покрыты рубищами; напротивъ помни сказанное Христомъ: *понеже сотвористе единому сихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѳ. XXV, 40). И: *да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ: яко Ангели ихъ на небесьхъ выну видятъ лице Отца* нашего *небеснаго* (Тамъ же XVIII, 10). Принимай съ усердіемъ тѣхъ, которые доставляютъ тебѣ неизчетные блага своими привѣтствіями мира. Вмѣстѣ съ Саррою приведи себѣ на память и Ревекку, которая, поправъ всякую гордость, сама черпала воду, напоила и пригласила къ себѣ въ домъ странника. А потому получила великія награды за свое страннолюбіе. Но ты, если захочешь, получишь еще большія. Тебѣ дастъ Богъ не только плодородіе земли, но самое небо, небесныя блага, избавленіе отъ геенны, прощеніе грѣховъ. Великъ, весьма великъ плодъ страннолюбія! Такъ Іоворъ, будучи даже варваромъ, удостоился имѣть зятемъ того, кто съ такою властію повелѣвалъ морю; и сію-то добрую добычу уловили въ сѣть свою дочери Іоворовы. Размысливъ о семъ

и представивъ въ умѣ мужество и благочестіе оныхъ женъ, старайся попрать земную гордость, нарядныя одежды, дорогія золотыя украшенія и масти. Отложивъ негу, роскошь и мѣрную поступь, обрати все это попеченіе на душу, и воспламени въ сердцѣ своемъ страсть къ небесному. Плѣнившися сею любовію, увидишь нечистоту и гнусность настоящаго; сама посмѣешься тому, что теперь удивляетъ тебя. Ибо женщинѣ, украшенной духовными совершенствами, не свойственно домогаться такихъ смѣшныхъ вещей. Сбрось съ себя все то, что ставятъ себѣ въ большую честь жены поржниковъ, плясуньи и гудошницы; укрась себя благочестіемъ, страннолюбіемъ, попеченіемъ о святыхъ, умиленіемъ, частыми молитвами. Это лучше золотыхъ одеждъ, многоцѣннѣе дорогихъ камней и запястій; это и передъ людьми дѣлаетъ почтенными, и у Бога исходатайствуетъ тебѣ великую награду. Это украшеніе Церковное, а то театральное; это достойно неба, а то коней и муловъ. Въ тѣ убранства бываютъ облекаемы и мертвыя тѣла; а это блистаетъ только въ доброй душѣ, въ которой живетъ Христосъ. Итакъ пріобрѣтемъ себѣ таковое украшеніе, дабы и насъ вездѣ прославляли, и мы угодили Христу во вѣки вѣковъ; Аминь.

БЕСѢДА 31.

(XVI, 5) *Цѣлуйте Эпенета возлюбленнаго мои, иже есть начатокъ Ахаіи во Христа.*

Думаю, что многіе, почитаемые даже весьма ревностными, проходятъ безъ вниманія сію часть посланія, какъ безполезную и не заключающую въ себѣ ничего важнаго; полагаю также, что они разсуждаютъ подобнымъ образомъ и о родословной, помѣщенной въ Евангеліи. Поелику это одинъ списокъ именъ; то и заключаютъ, что отсюда нельзя извлечь большей пользы. Но золотыхъ дѣлъ мастера, заставляютъ работниковъ подбирать и мелкіе опилки; а эти люди обходятъ и большіе слитки золота. Итакъ, дабы они не подверглись такой безпечности, думаю, можетъ удержать ихъ отъ нея и то, что уже сказано прежде. Потому что въ предыдущей бесѣдѣ мы уже доказали, что и въ именахъ заключается не мало полезнаго, когда такими привѣтствіями возбудили ваше вниманіе. Впрочемъ и теперь подобнымъ образомъ попытаемся изъ сего мѣста извлечь опять благородный металлъ; потому что и въ голыхъ именахъ можно открыть великое сокровище. Ежели вникнешь, почему Авраамъ названъ этимъ именемъ, почему Сарра, Израиль, Самуилъ; то и изъ этого пріобрѣтешь свѣденіе о многомъ. Тоже самое можешь извлечь для себя изъ наименованія временъ и мѣстъ. Вникатель-

ный человѣкъ и отсюда обогащается, а нерадивый не получаетъ пользы и отъ самаго очевиднаго. Не мало обучаютъ насъ любомудрію имена Адама, его сына, жены и многихъ другихъ, потому что имена суть памятники многихъ событій. Ими выражаются и Божіе благодѣяніе и благодарность матерей; такъ какъ матери зачавшія во чревѣ по обѣтованію Бо́жію, въ воспоминаніе такого благодѣянія Божія, и давали имена дѣтямъ. Но для чего теперь умствовать объ именахъ, когда нерадятъ о многихъ изреченіяхъ Писанія, когда неизвѣстны самыя имена многихъ книгъ? Однакоже и въ такомъ случаѣ не должно намъ пренебрегать тѣми предметами. *Подобаше бо*, какъ сказано, *вдати сребро торжникомъ* (Матѳ. XXV, 27). Итакъ хотя бы и никто не захотѣлъ воспользоваться этимъ, мы сдѣлаемъ свое дѣло, и докажемъ, что въ Писаніи нѣтъ ничего лишняго, и напрасно сказаннаго. Еслибы и въ настоящемъ мѣстѣ не заключалось чего нибудь полезнаго, оно не было бы приложено къ Посланію, и Павелъ не написалъ бы того, что имъ написано. Но есть люди столько нерадивые, легкомысленные и недостойные неба, что почитаютъ излишними не только имена, но и цѣлыя книги,—какъ то: книгу Левитъ, Іисуса Навина и многія другія. Многіе изъ таковыхъ несмысленныхъ опровергли и весь Ветхій Завѣтъ; и давъ волю этому злому навыку, убавили многое и въ Новомъ Завѣтѣ.

Впрочемъ намъ мало теперь нужды до такихъ не трезвыхъ умомъ и живущихъ по плоти людей. А ревнитель любомудрія, любитель духовной бесѣды пусть знаетъ, что въ Писаніи маловажное, по видимому, сказано не даромъ и не попусту, и что Ветхій Завѣтъ заключаетъ въ себѣ много полезнаго. *Сія вся образи писана быша въ наученіе наше* (1 Кор. X, 11), говоритъ Апостолъ. Почему и Тимоѳею сказалъ онъ: *внемли чтенію, утѣшенію* (1 Тим. IV, 13); заставляя его читать всѣ книги Писанія,—его, имѣвшаго такой духовный даръ, что изгонялъ бѣсовъ, воскрешалъ мертвыхъ. Итакъ обратимся къ предложенному.

Цѣлуйте Эпенета возлюбленнаго мя, Изъ этого можно видѣть, что Апостолъ воздаетъ каждому свою особенную похвалу: ибо быть возлюбленнымъ Павла, который умѣлъ любить не даромъ, но съ разборомъ—такая похвала не маловажна, а напротивъ очень велика, и показываетъ въ Эпенетѣ много добродѣтелей. Потомъ слѣдуетъ другая похвала. *Иже есть начатокъ Ахаіи.* Симъ Апостолъ показываетъ, что Эпенетъ или прежде всѣхъ притекъ ко Христу и увѣровалъ, что также составляетъ не малую похвалу, или преимущественно предъ прочими показалъ въ себѣ большее благочестіе. Посему сказавъ: *иже есть начатокъ Ахаіи*, Апостолъ не умолкъ, дабы не сталъ ты здѣсь разумѣть мірскихъ отличій, но присовокупилъ: во Христѣ. Ежели первенствующій въ гражданскихъ

дѣлахъ почитается великимъ и знаменитымъ; то нѣмъ паче первенствующій въ дѣлахъ духовныхъ. И поелику Эпенетъ, какъ вѣроятно, былъ низкаго рода; то Апостолъ высказываетъ истинное его благородство и преимущество, и нѣмъ украшая его, говоритъ, что онъ не для одного Коринѳа, но для цѣлаго народа былъ начаткомъ, то есть, содѣлался какъ бы дверію и входомъ для прочихъ. А такимъ дается не малая награда. Такой человѣкъ получитъ великое воздаяніе за добродѣтели другихъ, какъ не мало содѣйствовавшій имъ въ началѣ.

(6) *Цѣлуйте Маріамъ, яже много трудися о насъ.* Что это? Опять вѣнчается и восхваляется женщина; а мы мущины опять посрамлены; или лучше сказать не только посрамлены, но и почтены. Почтены нѣмъ, что у насъ есть такія женщины; а посрамлены нѣмъ, что мы мущины, далеко отстаемъ отъ нихъ. Но если постараемся узнать, чѣмъ украшаются сіи женщины; то и мы вскорѣ уподобимся имъ. Чѣмъ же онѣ украшаются? Да слышатъ это и мужи и жены! Не перстнями, не ожерельями, не евнухами, не служанками, не злато-тканными одеждами, но трудами за истину. *Яже много трудися о насъ*, говоритъ Апостолъ. Не за себя одну, не для собственнаго только усовершенствованія въ добродѣтели она постилась, молилась въ землю, что и нынѣ дѣлаютъ женщины; но и для спасенія другихъ вступила въ подвиги Апостоловъ

и Евангелистовъ. Какъ же говоритъ Павелъ: *женѣ же учити не повелѣваю* (1 Тим. II, 12)? Онъ запрещаетъ женщинѣ занимать почетное мѣсто среди Церкви, и засѣдать на возвышеніи; но не запрещаетъ учить словомъ. Въ противномъ случаѣ сказалъ ли бы онъ женѣ, имѣющей мужемъ невѣрнаго: *что бо вѣси жено, аще мужа спасеши* (1 Кор. VII, 16)? Дозволилъ ли бы женщинѣ обучать дѣтей, говоря: *спасется же чрезъ чадородіе, аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви и во святыни съ цѣломудріемъ* (1 Тим. II, 15)? И какъ Пріскілла стала бы наставлять въ вѣрѣ Аполлоса? Итакъ Апостолъ запрещаетъ въ сихъ словахъ не домашнія назидательныя бесѣды, но собесѣдованія въ общихъ собраніяхъ, что прилично однимъ учителямъ. И опять, когда мужъ человѣкъ вѣрный, довольно совершенный, и могущій учить жену, но она сдѣлалась бы и его свѣдущѣе, Апостолъ не запрещаетъ ей учить и исправлять. И здѣсь не сказалъ онъ: которая многому учила, но: *много трудися*, давая тѣмъ разумѣть, что Марія кромѣ слова служила и инымъ образомъ, именно тѣмъ, что подвергалась опасностямъ, ссужала деньгами, совершала путешествія. Ибо тогда женщины были неустрашимѣе львовъ, и раздѣляли съ Апостолами труды проповѣдничества; почему съ ними вмѣстѣ путешествовали и исправляли всѣ прочія службы. И за Христомъ слѣдовали женщины, усердствуя Учителю имуществомъ своимъ и прислуживая Ему.

(7) *Цѣлуйте Андроника и Юнію сродники моя.* Хотя и это кажется похвалою; однакоже слѣдующее гораздо важнѣе. Что же именно? *И сплѣнники моя.* Вотъ самый славный вѣнецъ, вотъ громкое провозглашеніе! Гдѣ же былъ плѣнникомъ Павелъ, называющій ихъ своими соплѣнниками? Плѣнникомъ онъ не былъ, но пострадалъ гораздо болѣе всякаго плѣнника. Онъ не только былъ разлученъ съ своимъ отечествомъ и домомъ. Но боролся съ голодомъ, непрестанною смертію, и тысячами другихъ бѣдъ. Для плѣнника все нещастіе состоитъ въ томъ, что разлучаемый съ своими часто дѣлается изъ свободнаго рабомъ. А здѣсь можно наименовать безчисленное множество искушеній, какимъ подвергался блаженный Павелъ, влачимый съ мѣста на мѣсто, бичуемый, связываемый, побиваемый камнями, ввергаемый въ море, окруженный тысячами злоумышленниковъ. Плѣнники отведенные въ плѣнъ не имѣютъ уже у себя враговъ; напротивъ плѣнившіе ихъ прилагаютъ о нихъ большое попеченіе. А Павелъ всегда находился среди враговъ, вездѣ видѣлъ копья, изощренные мечи, ополченія и битвы. Поелику же и бывшіе съ нимъ по необходимости участвовали во многихъ опасностяхъ; то онъ называетъ ихъ своими соплѣнниками, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *Аристархъ сплѣнникъ мой* (Колос. IV, 10). Потомъ слѣдуетъ новая похвала: *Иже суть нарочиты во Апостолѣхъ.* И по важно, чтобъ быть Апостоломъ;

посуди же сколько похвальнѣе быть отличнымъ между Апостолами. Отличались же они своими дѣлами, своими заслугами. Вотъ какова была жизнь этой женщины, удостоившейся наименованія Апостольскаго. Но Павелъ и на семъ не останавливается, а присовокупляетъ еще другую похвалу, говоря: *иже и прежде мене вѣроваша во Христа.* И это—предупредить другихъ и придти прежде—есть весьма большая похвала. Смотри же, сколько святая душа Павлова чиста была отъ тщеславія! При всей своей славѣ Павелъ предпочитаетъ себѣ другихъ, не скрываетъ того, что пришелъ послѣдній, и не стыдится признаться въ этомъ. И чему дивишься, если онъ не стыдится этого, когда не отрекается обнаруживать прежнюю жизнь свою, называя себя хульникомъ и гонителемъ? Поелику же не могъ предпочесть ихъ въ этомъ другимъ Апостоламъ, то отыскалъ пришедшаго ко Христу послѣ другихъ, именно себя, и изъ этого составляетъ имъ похвалу, говоря: *иже и прежде мене вѣроваша во Христа.*

(8) *Цѣлуйте Аппіа возлюбленнаго ми.* Апостолъ опять обращаетъ въ похвалу любовь свою; потому что Павлова любовь была любовь для Бога, и заключала въ себѣ безчисленныя блага. Ежели за великое почитается заслужить любовь Царя, то какая похвала быть возлюбленнымъ Павла! Кто не обладалъ многими добродѣтелями, тотъ не привлекъ бы его любви къ себѣ. Апостолъ живущихъ худо и беззаконно,

не только не любилъ, но даже предавалъ проклятію. Такъ напримѣръ говоритъ: *аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ* (1 Кор. XVI, 22). и: *аще кто васъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ* (Гал. I, 9).

(9) *И Урвана споспѣшника нашего о Христѣ.* Эта похвала больше предъидущей, потому что въ ней заключается и предъидущая: *и Стахія возлюбленнаго ми.* И этого опять вѣнчаетъ тѣмъ же.

(10) *Цѣлуйте Апеллія искусна о Христѣ.* Ничто не равняется съ этою похвалою—быть не укоризненнымъ и не подать даже повода къ укоризнѣ въ дѣлахъ по Богу. И когда Апостолъ называетъ Аполлоса искуснымъ о Христѣ; выражаетъ тѣмъ всѣ добродѣтели. Почему же Апостолъ не употребляетъ въ привѣтствіяхъ своихъ такихъ выраженій: Государя моего такого—то, господина моего? Потому что Апостольская похвала важнѣе этой. Въ томъ выражается одна честь, а въ Апостольской похвалѣ выражаются добродѣтели. И Апостолъ не безъ разбора почтилъ ихъ оною, привѣтствуя многихъ нисшихъ на ряду съ высшими и знаменитыми. Тѣмъ, что привѣтствуетъ ихъ, и привѣтствуетъ вмѣстѣ съ другими въ томъ же посланіи, Апостолъ оказалъ всѣмъ равную честь; а тѣмъ, что каждаго хвалитъ въ особенности, представилъ намъ собственную каждаго добродѣтель. И это дѣлаетъ для того, чтобъ

не породить зависти, почтивъ однихъ и не почтивъ другихъ, а также чтобы не смѣшать недостойныхъ, съ достойными, и не довести до нерадѣнія удостоивъ той же чести всѣхъ и неравно достойныхъ. Смотри же какъ Апостолъ опять обращается къ знаменитымъ женщинамъ, сказавъ: *цѣлуйте сущыя отъ Аристовула* и: (11) *Иродіона сродника моего*, и: *иже отъ Наркисса*, (которые вѣроятно были не таковы какъ прежніе, почему и не упомянуты всѣ поименно), и воздавъ имъ надлежащую похвалу, именно что они были вѣрные, что означаютъ слова *сущыя о Господѣ*,—опять начинаетъ привѣтствовать женщинъ говоря:

(12) *Цѣлуйте Трифену и Трифосу, труждающіяся о Господѣ*. Апостолъ о Маріи сказалъ: *трудися о насъ*; объ этихъ же женщинахъ говоритъ, что онѣ еще трудятся. Не малая похвала всегда быть въ дѣлѣ, и не только содѣйствовать, но и трудиться. А Персиду называетъ Апостолъ возлюбленною, показывая тѣмъ, что она выше упомянутыхъ предъ нею. Ибо говоритъ: *цѣлуйте Персиду возлюбленную*, и свидѣтельствуетъ о многихъ ея трудахъ сими словами: *яже много трудися о Господѣ*. Такъ умѣлъ онъ именовать каждаго по достоинству; и однихъ поощряетъ къ большей ревности тѣмъ, что никого не лишаетъ принадлежащаго ему, но возвѣщаетъ и о малѣйшемъ преимуществѣ каждаго, а другихъ ведетъ къ большей дѣятельности, возбуждая

въ нихъ своими похвалами ту же ревность, какую оказали первые.

(13) *Цѣлуйте Руфа избраннаго о Господѣ, и матерь его и мою.* Какъ и здѣсь опять все хорошо! Такой сынъ, такая мать, домъ полный благословенія, и корень соотвѣтственный плоду. Ибо не даромъ сказалъ Апостолъ: *матерь его и мою.* Но засвидѣтельствовалъ тѣмъ о многихъ добродѣтеляхъ сея женщины.

(14) *Цѣлуйте Асинкрита, Флегонта, Ерма, Патрова, Ерміа, и сущую съ ними братію.* Не на то смотри здѣсь, что Апостолъ перечислилъ ихъ, не приписавъ имъ никакой похвалы, не на то, что хотя были они и гораздо ниже всѣхъ, однакоже удостоились его привѣтствія. Лучше же сказать, и то не малая похвала, что называетъ ихъ братіями, равно какъ и другихъ съ ними святыхъ. Ибо говоритъ:

(15) *Цѣлуйте Филолога и Іулію, Нирея и сестру его, и Олимпана, и сущыя съ ними вся святыя.* Вотъ самое высокое достоинство, несказанное величіе чести. Но дабы не подать повода къ распрямъ тѣмъ, что однихъ привѣтствуетъ такъ, а другихъ иначе, однихъ поимянно, а другихъ вообще, однихъ съ большими, а другихъ съ меньшими похвалами, Апостолъ опять всѣхъ уравниваетъ равночестіемъ любви и святымъ лобзаніемъ, говоря:

(16) *Цѣлуйте другъ друга лобзаніемъ святымъ.* Симъ миромъ удаляетъ отъ нихъ

всякій помыслъ, могущій возмутить ихъ и всякій поводъ къ малодушію; дабы высшій не презиралъ низшаго, и низшій не завидовалъ высшему, но удалены были презорство и зависть, и святымъ лобзаніемъ все умиротворялось и уравнивалось. По этому не только повелѣваетъ имъ привѣтствовать другъ друга, но и посылаетъ имъ привѣтствіе всѣхъ церквей; ибо говоритъ: *цѣлуютъ вы*, не того или другаго, но всѣхъ вообще *церкви Христовы.*

Видишь ли, какую великую пользу получили мы отъ сихъ привѣтствій! Сколько сокровищъ прошли бы мы мимо, если бы этой части посланія не разобрали со тщаніемъ, разумѣю, такимъ, какое было для насъ возможно? А если бы сыскался мудрый и духовный мужъ; онъ проникъ бы глубже, и увидѣлъ бы большее число жемчужинъ. Но поелику иные не однократно спрашивали: почему Апостолъ въ этомъ посланіи многихъ привѣтствуетъ, чего не дѣлалъ онъ въ другихъ посланіяхъ; то можно бы сказать на это, что Апостолъ поступаетъ такимъ образомъ, какъ человѣкъ, еще невидавшійся съ Римлянами. Но на это скажутъ, что онъ не видался и съ Колоссянами, однакожъ не дѣлаетъ этого. Отвѣтствуемъ, что Римляне были знаменитѣе прочихъ, и въ Римѣ, какъ въ безопаснѣйшемъ и царственномъ городѣ, жили переселившіеся туда изъ другихъ городовъ. И такъ, поелику они жили на чужей сторонѣ, и

имѣли нужду въ большемъ покровительствѣ, нѣкоторые же изъ нихъ были лично знакомы Павлу, а другіе, находясь въ Римѣ, весьма много служили за него; но и прилично было Апостолу похвалить ихъ на письмѣ;—такъ какъ Павелъ былъ тогда въ такой уже великой славѣ, что удостоившіеся его посланія, въ самомъ этомъ писаніи находили для себя большую защиту. Павла не только уважали, но и боялись. Иначе онъ не сталъ бы говорить такъ: *сія заступница многихъ бысть и самому мнѣ*, и еще: *молилбыхся самъ азъ отлученъ быти.* Онъ и въ посланіи къ Филимону сказалъ: *якоже Павелъ старецъ, нынѣ же и узникъ Іисуса Христа* (Фил. I, 9); а въ посланіи къ Галатамъ: се азъ *Павелъ глаголю вамъ*, (Гал. V, 2), и: *пріясте мя, яко Іисуса Христа* (Тамъ же IV, 14). Также въ посланіи къ Коринѳянамъ говорилъ: *яко не грядущу ми къ вамъ разгордѣшася нѣцыи* (1 Кор. IV, 18); и еще: *сія же преобразихъ на себе и Аполлоса васъ ради, да отъ насъ научитеся не паче написанныхъ мудрствовати.* Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ видно, что о Павлѣ всѣ имѣли высокое мнѣніе. Посему желая, чтобы они были въ безопасности и въ чести, Апостолъ привѣтствуетъ и ободряетъ каждаго по возможности. Иного назвалъ возлюбленнымъ, иного сродникомъ, иного возлюбленнымъ и сродникомъ, иного соплѣнникомъ, иного споспѣшникомъ, иного искуснымъ, иного

избраннымъ. Равно и касательно женщинъ, что указываетъ на званіе; ибо Фиву назвалъ служительницею, не просто, но потому что была она рукоположена въ діакониссы, а иначе наименовалъ также бы Трифону и Персиду; то называетъ споспѣшницею и сотрудницею, то величаетъ матерью, то выставляетъ труды, какіе понесены. Инымъ обращаетъ въ похвалу славу ихъ дома, другихъ привѣтствуетъ именемъ братій и святыхъ. Однихъ отличаетъ тѣмъ, что удостоиваетъ привѣтствія, другихъ тѣмъ, что привѣтствуетъ по имени; иныхъ тѣмъ, что именуетъ начатком, а иныхъ отличаетъ по старшинству; болѣе же всѣхъ выхваляетъ Прискиллу и Акилу. Ибо хотя всѣ они были вѣрные, но не всѣ равны между собою; напротивъ различались другъ отъ друга подвигами. А потому Апостолъ, побуждая всѣхъ къ большимъ трудамъ, не упалъ ничьей похвалы. Ибо когда бы болѣе трудящіеся получали небольшую награду; многіе содѣлались бы нерадивыми. Посему и въ царствѣ небесномъ не всѣмъ равная честь, и между учениками Христовыми не всѣ были равны, но трое превосходили прочихъ, даже между сими троими было опять много различія. Потому что Богъ въ разсужденіи каждаго до самыхъ послѣднихъ соблюдаетъ большую точность. И *звѣзда бо отъ звѣзды*, какъ сказано, *разствуетъ во славѣ*. Всѣ были Апостолы, всѣ двенадцать сядутъ на престолахъ, всѣ оста-

вили свое, всѣ слѣдовали за Христомъ; однакоже Онъ взялъ троихъ. Опять и о сихъ троихъ говорилъ, что иные спанутъ ниже, а другіе выше. Ибо сказалъ: *а еже сѣсти одесную и ошуюю, нѣсть Мнѣ дати, но имже уготовано есть* (Мар. X, 40). Петру отдаетъ предъ ними первенство, говоря: *любиши ли Мя паче сихъ* (Іоан. XXI, 15)? А Іоаннъ любилъ Его болѣе прочихъ. И всякій подвергнется строгому испытанію. Хотя нѣсколько будешь имѣть преимущества предъ ближнимъ, какъ бы ни было это преимущество мало и непримѣтно, Богъ не оставитъ того безъ вниманія. Это ясно можно видѣть и въ Ветхомъ Завѣтѣ. И Лотъ былъ праведенъ, но не столько, какъ Авраамъ; и Езекія, но не столько, какъ Давидъ; и всѣ Пророки, но не столько, какъ Іоаннъ.

Итакъ пусть явятся тѣ, которые при такомъ правосудіи Божіемъ не допускаютъ геенны! Ежели праведники не всѣ получатъ равныя награды, хотя и мало будутъ превосходить другъ друга (*звѣзда бо отъ звѣзды*, какъ сказано, *разнствуетъ во славѣ*); то какъ же грѣшникамъ одно получить съ праведниками? И человѣкъ не допуститъ такого безпорядка, не только Богъ. Но ежели угодно, докажу вамъ эту разность и строгое правосудіе на самыхъ грѣшникахъ и изъ того, что было уже на опытѣ. Смотри же, согрѣшилъ Адамъ, согрѣшила и Ева. И хотя оба пре-

ступили заповѣдь; однакоже не равно согрѣшили; почему не равно и наказаны. Именно же: такая была разность, что Павелъ сказалъ: *Адамъ не прелстися, жена же прелстившися въ преступленіи бысть* (1 Тим. II, 14). Хотя оба прельстились однимъ; однакоже по строгому испытанію Божію оказалась такая разность, что Павелъ могъ сказать это. Опять Каинъ наказанъ, а Ламехъ послѣ него совершившій убійство, не понесъ подобнаго наказанія. Тотъ и другой былъ убійцею; даже Ламехово убійство гораздо преступнѣе, потому что Ламехъ, и наученный примѣромъ, не сдѣлался лучше. Но поелику онъ убилъ не брата, и не послѣ сдѣланнаго ему вразумленія, поелику для него ненужно было обличителя, поелику не отвѣчалъ съ безстыдствомъ на вопросъ Божій, но никѣмъ не обличаемый самъ себя укорилъ и осудилъ; то онъ получилъ себѣ прощеніе, а Каинъ поступившій совершенно напротивъ, наказанъ. Видишь, съ какою точностію Богъ испытываетъ каждое дѣло? По этому иначе наказалъ Онъ живших предъ потопомъ, и иначе Содомлянъ. И Израильтянъ также различно наказывалъ и въ Вавилонѣ, и при Антіохѣ, давая тѣмъ разумѣть, что Онъ строго взвѣшиваетъ наши дѣла. Иные работали семьдесятъ, иные четыреста лѣтъ; иные же принуждены были ѣсть собственныхъ дѣтей, и терпѣли тысячи другихъ ужаснѣйшихъ бѣдствій, и при всемъ томъ не получили избавленія, какъ Из-

раильтяне, такъ и тѣ, которые живые сгорѣли въ Содомѣ. Ибо сказано: *отраднѣе будетъ земли Содомстый и Гоморрстый, нежели граду тому* (Матѳ. X, 15). Ежели бы Богъ не надзиралъ за нашими дѣлами, грѣшимъ ли мы, или дѣлаемъ добро; то можетъ быть имѣли бы мы нѣкоторое право сказать, что нѣтъ наказанія. А ежели Онъ такъ печется о томъ, чтобы мы не грѣшили, и такія употребляетъ мѣры исправить насъ; то очевидно, что Онъ и согрѣшающихъ наказываетъ и вѣнчаетъ дѣлающихъ добро. Замѣть же, сколько люди неосновянны въ своихъ сужденіяхъ! Съ одной стороны жалуются на Бога, что Онъ часто бываетъ долготерпѣливъ, и равнодушно взираетъ на то, что многіе злодѣи, плотоугодники, притѣснители остаются безъ наказанія; а съ другой стороны опять горько и сильно ропщутъ на то, что Богъ угрожаетъ имъ наказаніемъ. Но ежели послѣднее огорчаетъ ихъ; то надлежало одобрить и восхвалить первое. О безуміе! о скотское и ослиное разсужденіе! о грѣхолюбивая и преданная пороку душа! Ибо отсюда происходитъ все это ученіе. А если бы разсуждающіе такимъ образомъ захотѣли прилѣпиться къ добродѣтели, то скоро увѣрились бы они въ геенѣ, и не стали болѣе сомнѣваться. Спрашиваешь, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ будетъ геенна? Но что тебѣ до этого за дѣло? Нужно знать, что она есть, а не то, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ скрывается. Нѣкоторые, примѣняя къ

гееннѣ сказанное о какой то давней брани, баснословятъ, что она находится на Іосафатовой долинѣ. Но Писаніе этого не говоритъ. Ты спрашиваешь: въ какомъ мѣстѣ будетъ геенна? По моему мнѣнію, гдѣ нибудь внѣ всего этого міра. Какъ царскія темницы и рудокопни бываютъ вдали; такъ и геенна будетъ гдѣ нибудь внѣ этой вселенной. И такъ будемъ допытываться не о томъ, гдѣ она, но какъ избѣжать ея. И потому, что Богъ не всѣхъ наказываетъ здѣсь, не должны мы не вѣрить будущимъ наказаніямъ. Онъ человѣколюбивъ и долготерпѣливъ; потому угрожаетъ, а невдругъ ввергаетъ въ геенну. *Не хочу смерти грѣшника* (Іезек. XVIII, 32), говоритъ Онъ. А ежели нѣтъ смерти для грѣшника; то это напрасно сказано. Знаю, что для васъ всего непріятнѣе слово о гееннѣ; но оно всего пріятнѣе для меня. О если бы вы и за обѣдомъ, и за ужиномъ, и въ банѣ—вездѣ бесѣдовали о гееннѣ! Тогда мы не сѣтовали бы на настоящія бѣдствія, и не услаждались бы земными благами. Да и что назовешь ты несчастіемъ? Нищету? Болѣзнь? плѣнъ? лишеніе членовъ? — Все это достойно смѣха въ сравненіи съ будущимъ наказаніемъ. Укажешь ли мнѣ на томящихся всегда голодомъ, на лишенныхъ зрѣнія съ младенчества, на выпрашивающихъ себѣ каждый кусокъ хлѣба;—и это ничего не значитъ въ сравненіи съ будущимъ мученіемъ. Итакъ будемъ непрестанно говорить о гееннѣ. Памятованіе объ ней не

допуститъ насъ впасть въ геенну. Или не слышишь, что говоритъ Павелъ: *иже муку пріимутъ вѣчную отъ лица Господня?* Или не слышишь, каковъ былъ Неронъ, котораго Павелъ называетъ Антихристовою тайною? *Тайна бо уже дѣется беззаконія,* говоритъ онъ. Итакъ что же? ужели ничего не потерпитъ Неронъ? ничего не потерпитъ Антихристъ? ничего діаволъ? А слѣдовательно Антихристъ и діаволъ всегда будутъ; потому, что оставшись безъ наказанія не оставятъ злобы своей. Да, — говоришь ты; всякому извѣстно, что есть наказаніе и геенна, но впадутъ въ геенну одни невѣрные. Почему же, скажи пожалуй? Потому, отвѣтствуешь, что вѣрные познали своего Владыку. Что изъ того? Когда жизнь нечиста; они понесутъ за это наказаніе большее, нежели невѣрные. *Елицы бо безъ закона согрѣшиша, безъ закона и погибнутъ, и елицы въ законѣ согрѣшиша, закономъ судъ пріимутъ* (Рим. II, 12). И еще: *рабъ вѣдѣвый волю господина своего, и не сотворивъ, біенъ будетъ много* (Луки. XII, 47). Но ежели это сказано безъ всякой мысли, и намъ не должно давать отчета въ жизни; то и діаволъ не будетъ наказанъ, потому что онъ знаетъ Бога лучше многихъ изъ людей. И всѣ бѣсы знаютъ Бога, трепещутъ Его и признаютъ Судіею. И такъ ежели не потребуется у насъ отчета въ жизни и въ злыхъ дѣлахъ; то и бѣсы избѣгнутъ наказанія. Нѣтъ, нѣтъ;

не обманывайте сами себя, возлюбленные! Ежели нѣтъ геенны; то какъ же Апостолы будутъ судить двенадцать колѣнъ Израилевыхъ? Для чего Павелъ говоритъ: *не вѣсте ли, яко ангеловъ судити имамы, а не точію житейскихъ* (1 Кор. VI, 3)? Для чего Христосъ сказалъ: *мужіе Ниневитстіи востанутъ на судъ, и осудятъ* родъ сей (Матѳ. XII, 41); и еще: *земли Содомстый отраднѣе будетъ въ день судный* (XI, 24)? Какъ же ты, человѣкъ, шутишь, чѣмъ шутить не должно? Самъ себя обманываешь и вводишь въ заблужденіе душу свою? Возстаешь противъ Божія человѣколюбія? Для того именно Богъ и уготовалъ геенну, и угрожаетъ ею, чтобы мы, ставъ лучшими отъ страха, не впали въ оную. Посему, кто запрещаетъ говорить о гееннѣ, тотъ оставляетъ другаго въ невѣденіи, и этимъ обманомъ ввергаетъ его въ геенну. Не связывай же рукъ, подвизающихся въ добродѣтели, не усиливай нерадѣнія въ людяхъ, погруженныхъ въ сонъ! Если бы увѣрить людей, что нѣтъ геенны, когда отстали бы они отъ порока? И гдѣ же будетъ правда? Не говорю гдѣ правда къ грѣшникамъ и праведникамъ, но гдѣ къ грѣшникамъ и къ грѣшникамъ? Почему одинъ наказывается здѣсь, а другой не наказывается, учинивъ тотъ же или гораздо тягчайшій грѣхъ? Ежели нѣтъ геенны; ты не въ состояніи будешь отвѣчать на такую жалобу. А потому прошу васъ оставить такую смѣшную мысль,

и тѣмъ заградить уста возражающимъ противъ этого. Въ самыхъ малыхъ дѣлахъ какъ худыхъ такъ и добрыхъ будетъ строгое испытаніе. И за не скромный взглядъ подвергнемся наказанію, дадимъ отчетъ за праздное слово и для смѣха сказанное, за злорѣчіе, за помыслъ, за піянство; а равно и въ добрыхъ дѣлахъ за чашу студеной воды, за ласковое слово, за одинъ вздохъ получимъ награду. Ибо сказано: *даждь знаменія на лица стенящихъ и болѣзнующихъ* (Iезек. IX, 4). Какъ же смѣешь ты говорить, что Богъ съ такою строгостію испытующій нашу жизнь, напрасно и вотще угрожалъ геенною? Прошу тебя, не губи такими суетными надеждами себя и тѣхъ, которые вѣрятъ тебѣ. Ежели не вѣришь нашимъ словамъ? спроси Iудеевъ, Еллиновъ, всякаго еретика; всѣ они какъ бы одними устами отвѣтятъ, что будетъ судъ и воздаяніе. А если не довольствуешься человѣческимъ свидѣтельствомъ вопроси самыхъ бѣсовъ, и услышишь какъ вопіютъ они: *что пришелъ еси сѣмо прежде времене мучити насъ* (Матѳ. VIII, 29). Представь же все это и убѣди душу твою не предаваться суетнымъ мыслямъ, дабы тебѣ на опытѣ не извѣдать геенны, а напротивъ уцѣломудрившись помышленіемъ о геенѣ, можно было тебѣ не только избѣжать будущихъ мученій, но даже получить будущія блага по благодати и человѣколюбію Господа нашего Iисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава, держава честь нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ, аминь.

БЕСѢДА 32.

(XVI, 17) *Молю же вы братіе, блюдитеся отъ творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, емуже вы научистеся, и уклонитеся отъ нихъ.* (18) *Таковіи бо, Господеви нашему Іисусу Христу не работаютъ, но своему чреву: иже благими словесы и благословеніемъ прельщаютъ сердца незлобивыхъ.*

Опять увѣщаніе, и въ слѣдъ за увѣщаніемъ молитва. Сказавъ: осперегайтесь вводящихъ раздѣленія и не слушайтесь ихъ, Апостолъ присовокупилъ: *Богъ же мира да сокрушитъ сатану подъ ноги ваша;* и: *благодать Господа съ вами* (20). Замѣть же, какъ снисходительно его увѣщаніе: онъ предлагаетъ его не какъ совѣтникъ, но какъ ближайшій къ нимъ, и даже съ большимъ къ нимъ уваженіемъ. Ибо Апостолъ называетъ ихъ братіями и проситъ, говоря: *молю вы братіе.* Потомъ предостерегаетъ ихъ, обнаруживая козни людей вредныхъ. Но такъ какъ эти люди не дѣйствовали явно, то Апостолъ говоритъ: *молю же вы, блюдитеся*, то есть, тщательно выпытывайте, вызнавайте, разбирайте. Кого же именно осперегаться? — *творящихъ распри и раздоры, кромѣ ученія, емуже вы научистеся;* потому что раздѣленіе всего болѣе подрываетъ Церковь. Это діавольское оружіе, имъ все

низвращается! Доколѣ единеніе будетъ соблюдаемо въ цѣлѣ Церкви, дотолѣ діаволъ не можетъ имѣть къ ней доступа; но отъ раздѣленія происходитъ соблазнъ. Отъ чего же раздѣленіе? Отъ ученія противнаго ученію Апостоловъ.—Отъ чего такое ученіе? Отъ служенія чреву и прочимъ страстямъ. *Таковіи бо*, говоритъ Апостолъ, *Господеви не работаютъ, но своему чреву*. Потому не было бы ни соблазновъ, ни раздѣленія, если бы не было выдумано ученія противнаго ученію Апостольскому. На что самое здѣсь указывая Апостолъ говоритъ: *кромѣ ученія*. Онъ не сказалъ: которому мы научили, но: *емуже вы научистеся*, чѣмъ предупреждаетъ ихъ и показываетъ, что они совершенно убѣждены—выслушали и приняли ученіе. Что же намъ дѣлать съ этими зловредными людьми? Апостолъ не сказалъ: сходитесь и бейтесь съ ними; но: *уклонитеся отъ нихъ*. Если бы они дѣлали это по незнанію или по заблужденію; ихъ надлежало бы исправить. Но поелику намѣренно погрѣшаютъ; бѣгите отъ нихъ прочь. И въ другомъ мѣстѣ говоритъ Апостолъ: *отлучайтеся отъ всякаго брата безчинно ходяща* (2 Солун. III, 6). И въ разсужденіи Александра ковача даетъ такой же совѣтъ Тимоѳею, говоря: *отъ негоже и ты себе блюди* (2 Тим. IV, 15). Потомъ, укоряя тѣхъ, которые дерзаютъ вводить раздѣленіе, показываетъ и причину этаго ихъ поступка. *Таковіи бо Господеви нашему Христу не работаютъ, но своему чреву*.

Тоже самое говорилъ онъ и въ посланіи къ Филиппійцамъ: *имже богъ чрево* (Филип. III, 19). А здѣсь, какъ думаю, Апостолъ дѣлаетъ намёкъ на обратившихся изъ Іудеевъ, которыхъ обыкновенно всегда укоряетъ въ чрезмѣрномъ чревоугодіи. Ибо и въ посланіи къ Титу сказалъ о нихъ: *зліи звѣріе*, и *утробы праздныя* (Тит. I, 12). Также Христосъ, обвиняя ихъ въ этомъ, говоритъ: *снѣдаете домы вдовицъ* (Матѳ. XXIII, 14). И Пророки обличали ихъ въ томъ же, ибо сказано: *уты, утолетъ, и отвержеся возлюбленный* (Второз. XXXII, 15). Почему и Моусей увѣщевалъ ихъ такъ: *ядый и насытився* вспомни *Господа Бога твоего* (VI, 11 и 12). И въ Евангеліяхъ, Іудеи, спрашивая Христа: *кое знаменіе являеши намъ* (Іоан. II, 18)? Оставляютъ все прочее, и упоминаютъ только о маннѣ. Такъ изъ всего видѣть можно, что Іудеи были заражены страстію чревоугодія! Какъ же теперь не стыдно брату Христову имѣть учителями рабовъ чрева?—Но какъ чревоугодіе служитъ причиною заблужденія; такъ способъ, которымъ производится коварство, есть ласкательство—новая опять болѣзнь. *Благими словесы прельщаютъ сердца незлобивыхъ*, говоритъ Апостолъ. Хорошо сказано: *благими словесы*. Услуги льстецовъ только на словахъ, а сердце ихъ не таково; тамъ одно коварство. Далѣе не сказалъ Апостолъ: *прельщаютъ васъ*, но: *сердца незлобивыхъ*. Даже и тѣмъ не удовольствовался, но, чтобы слова его

показались не слишкомъ рѣзкими, продолжаетъ.

(19) *Ваше бо послушаніе по всѣмъ достиже.*—Это сказано съ тѣмъ, что бы не допустить ихъ до безстыдства, но предотвратить отъ сего похвалами и множествомъ свидѣтелей удержать въ повиновеніи. Не я одинъ, говоритъ, свидѣтельствую, но цѣлая вселенная. И не сказалъ Апостолъ: ваше благоразуміе; но: *ваше послушаніе*, то есть, покорность; а это свидѣтельствовало о великой кротости. *Радуюся же еже о васъ*. Не малая и эта похвала! Потомъ за похвалою слѣдуетъ увѣщаніе. Переставъ ихъ обличать—отъ чего они по забвенію могли бы сдѣлаться нерадивѣе, Апостолъ снова дѣлаетъ имъ намѣки; *хощу же*, говоритъ онъ, *васъ мудрыхъ убо быти во благое, простыхъ же въ злое*. Видишь ли какъ тонко опять обличаетъ ихъ, когда они и не подозрѣваютъ того! Ибо симъ намѣкаетъ Апостолъ, что нѣкоторые уже изъ нихъ обольщены.

(20) *Богъ же мира да сокрушитъ сатану подъ ноги ваша вскорѣ.* Поелику Апостолъ упоминалъ о вводящихъ раздоры и соблазны; то говоритъ теперь о Богѣ мира, дабы смѣло надѣялись освободиться отъ оныхъ. Ибо кто любитъ миръ, тотъ ниспровергаетъ все нарушающее миръ. И не сказалъ Апостолъ: покоритъ, но, что гораздо важнѣе: *сокрушитъ*. Сокрушитъ же не только тѣхъ, которые вводятъ раздоры, но и вождя ихъ—сатану. И не просто

сокрушитъ, но: *сокрушитъ подъ ноги ваша*, такъ что они одержатъ побѣду, и воздвигнутъ себѣ блистательный побѣдный памятникъ. Апостолъ утѣшаетъ также не продолжительностію времени; ибо присовокупилъ: *вскорѣ*. А посему въ словахъ его заключались вмѣстѣ и молитва и пророчество. *Благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами*. Вотъ надежнѣйшее оружіе, несокрушимая стѣна, непоколебимый столпъ! Ибо для того Апостолъ напомянулъ имъ о благодати, чтобы сдѣлать ревностнѣйшими. Ежели вы освободились отъ большаго, и освободились по одной благодати; то тѣмъ болѣе освободитесь отъ меньшаго, когда содѣлались и друзьями, и присовокупили собственныя свои усилія. Видишь, что Апостолъ не отдѣляетъ и молитву отъ дѣлъ, и дѣла отъ молитвы. Сперва засвидѣтельствовалъ объ ихъ послушаніи; а потомъ сталъ молиться, давая тѣмъ разумѣть, что, если всячески стараемся улучить наше спасеніе, необходимо для насъ и то и другое,—и собственныя усилія, и благодать Божія. Въ благодати Божіей не только прежде имѣли мы нужду, но и теперь имѣемъ, какъ бы ни были мы велики и искусны.

(21) *Цѣлуетъ васъ Тимоѳей сопостыникъ мой*. Видишь опять обычныя похвалы! *И Лукій и Іасонъ и Сосипатръ сродницы мои*. Объ Іасонѣ упоминаетъ также и Лука, и выставляетъ намъ его мужество, говоря: *влечаху его ко градоначальникомъ*,

вопіюще (Дѣян. XVII, 6). Вѣроятно, что и прочіе были люди отличные. Ибо Павелъ не упомянулъ бы просто о сродникахъ, еслибы они не уподоблялись ему по благочестію.—

(22) *Цѣлую вы и азъ Тертій написавый посланіе сіе.* И эта не малая похвала—быть Павловымъ писцемъ. Впрочемъ Тертій говоритъ это не въ похвалу себѣ, но дабы служеніемъ своимъ привлечь къ себѣ горячую любовь Римлянъ.

(23) *Цѣлуетъ вы Гаіе страннопріимецъ* (ξένος) *мой и Церкве всея.* Видишь ли, какой вѣнецъ сплелъ ему Апостолъ, засвидѣтельствовавъ о такомъ его страннолюбіи и собравъ всю Церковь къ нему въ домъ? Ибо подъ словомъ (ξένος) (странникъ) разумѣется здѣсь страннопріимный. А когда слышимъ, что Гаій принималъ у себя въ домѣ Павла, дивись не только щедрости, но и строгой жизни Гаія. Потому что, если бы Гаій не былъ достоинъ Павловыхъ добродѣтелей, то и Павелъ не пошелъ бы къ нему въ домъ. Стараясь исполнить болѣе, нежели сколько предписывалось многими изъ заповѣдей Христовыхъ, Апостолъ не преступалъ бы того закона, по которому повелѣвалось напередъ извѣдывать пріемлющихъ, и останавливаться въ домахъ у достойныхъ. *Цѣлуетъ вы Ерастъ строитель градскій, и Куартъ братъ.* Не просто присовокупляетъ слова: *строитель градскій.* Но какъ Апостолъ писалъ Филиппійцамъ: *цѣлуютъ вы иже отъ*

Кесарева дому (Фил. II, 22), дабы показать, что проповѣдь коснулась и людей знатныхъ; такъ и здѣсь съ тою же самою цѣлію упоминаетъ о чинѣ Ераста, давая тѣмъ разумѣть, что внимательному къ себѣ человѣку не служатъ препятствіемъ ни богатство, ни заботы по должности, ни другое тому подобное.

(24) *Благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вами, аминь.* Видишь ли, чѣмъ должно все начинать и оканчивать? Это же самое положилъ Апостолъ въ основаніе своего посланія, и этимъ же покрылъ все зданіе, какъ испрашивая Римлянамъ у Бога благодать—матерь всѣхъ благъ, такъ и напоминая имъ о всѣхъ благодѣяніяхъ Божіихъ. Это преимущественная черта умнаго и добраго учителя — помогать ученикамъ не только словомъ, но и молитвою. Посему и сказано: *мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ* (Дѣян. VI, 4).—

Кто же будетъ молиться о насъ, послѣ того, какъ Павелъ отшелъ отъ насъ? — Сіи подражатели Павловы; сдѣлаемся только достойными этого ходатайства ихъ о насъ, дабы не здѣсь только слышать голосъ Павловъ, но и по отшествіи туда удостоиться намъ видѣть Христова подвижника. Или лучше сказать, ежели здѣсь будемъ слушать его, то безъ сомнѣнія и тамъ его узримъ, и если не будемъ къ нему близки, по крайней мѣрѣ его увидимъ во всемъ блескѣ, что несомнѣнно, у Царскаго

престола. Гдѣ славословятъ Херувимы, гдѣ парятъ Сарафимы, тамъ увидимъ Павла съ Петромъ, какъ главнаго и первоверховнаго въ ликѣ Святыхъ, и тамъ вполнѣ насладимся его любовію. Ибо ежели въ этой жизни онъ столько любилъ людей, что при всемъ желаніи разрѣшиться и быть со Христомъ, почиталъ нужнымъ оставаться во плоти (Фил. I, 23); то тѣмъ болѣе пламенную любовь тамъ покажетъ. За это люблю я и Римъ. Хотя можно хвалить въ немъ многое — его обширность, древность, красоту, многолюдство, могущество, богатство, военныя доблести; впрочемъ оставляю все это, и прославляю его за то, что Павелъ при жизни своей расположенъ былъ къ Римлянамъ, весьма любилъ ихъ, бесѣдовалъ съ ними лично, и жизнь свою кончилъ въ Римѣ. И этимъ-то городъ сей особенно знаменитъ, нежели всѣмъ прочимъ. Подобно великому и могучему тѣлу имѣетъ Римъ два свѣтлыя окаѣла этихъ Святыхъ Апостоловъ. Не такъ блистательно небо, когда солнце разливаетъ лучи свои, какъ блистателенъ Римскій городъ, озаряющій всѣ концы вселенной сими двумя свѣтилами. Оттолѣ восхищенъ будетъ Павелъ, оттолѣ Петръ. Помыслите и содрогнитесь! Какое зрѣлище представится для Рима, когда Павелъ и Петръ востанутъ тамъ изъ своихъ гробовъ, и будутъ восхищены во срѣтеніе Христу! — Какую розу подноситъ Римъ Христу, какіе два вѣнца украшаютъ сей городъ, какія

златыя цѣпи опоясываютъ его, какими обладаетъ онъ источниками! Вотъ чему удивляюсь я въ Римѣ — не множеству золота, не колоннамъ, не прочимъ украшеніямъ, но симъ столпамъ Церкви! —

Кто дастъ мнѣ нынѣ прикоснуться къ Павлову тѣлу, прильпнуть ко гробу и увидѣть прахъ сего тѣла, которое восполнило на себѣ недостатокъ скорбей Христовыхъ, носило язвы Христовы, повсюду посѣяло проповѣдь! Прахъ тѣла, въ которомъ Павелъ обтекъ вселенную! Прахъ тѣла, чрезъ которое вѣщалъ Христосъ, сіялъ свѣтъ блистательнѣе всякой молніи, гремѣлъ гласъ для демоновъ ужаснѣйшій всякаго грома; чрезъ которое проглаголалъ Павелъ сіи вожделѣнныя слова: *молилбыхся отлученъ быти по братіи моей* (Римл. IX, 3); чрезъ которое говорилъ онъ предъ Царями и не стыдился; чрезъ которое познали мы Павла, и самаго Владыку его!—Не столько спрашенъ для насъ громъ, сколько спрашенъ для демоновъ голосъ его. Ежели демоны трепетали одежду его; то тѣмъ паче голоса его. Этотъ голосъ водилъ демоновъ связанными, очистилъ вселенную, прекращалъ болѣзни, изгонялъ порокъ, вселялъ истину; въ этомъ голосѣ присутствовалъ самъ Христосъ и всюду съ нимъ шествовалъ. Голосъ Павловъ былъ тоже, что Херувимы. Какъ возсѣдаетъ Христосъ на небесныхъ силахъ, такъ возсѣдалъ и на языкѣ Павловомъ. И подлинно достоинъ былъ принять на себя

Христа эпюпъ языкъ, вѣщавшій только угодное Христу и, подобно Серафимамъ, парившій на неизреченную высоту. Ибо что превыспреннѣе сего голоса, вѣщающаго: *ни Анеели, ни Начала, ниже Силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина кая тварь возможетъ насъ разлучити отъ любве Божія, яже о Христѣ Іисусѣ* (Римл. VIII, 38 и 39)? Сколько ны думаешь крылъ, сколько очей было у этого гласа! Потому-то говорилъ Апостолъ: *не неразумѣваемъ бо полышленій Его* (2 Кор. II, 11). Потому то бѣгали демоны, не только когда слышали Павловы вѣщанія, но даже когда видѣли одежду его, хотя бы Павелъ и вдали находился. Я желалъ бы видѣть прахъ этихъ устъ, чрезъ которыя Христосъ изглаголалъ великія и неизреченныя тайны, даже большія тѣхъ, какія возвѣстилъ Самъ; потому что чрезъ учениковъ какъ совершилъ, такъ и изглаголалъ Онъ болѣе, нежели Самъ! Прахъ тѣла, чрезъ которое Духъ далъ вселенной дивныя свои провѣщанія. Чего не совершили благія уста Павловы? Изгоняли бѣсовъ, отпущали грѣхи, заграждали уста мучителямъ, связывали языкъ Философамъ, привели вселенную къ Богу, убѣдили варваровъ быть любомудрыми, преобразовали все на землѣ, и по собственному изволенію премѣнили видъ самаго неба; потому что Павелъ, по данной ему власти, вязалъ и разрѣшалъ тамъ, кого хотѣлъ.—Я желалъ бы

видѣть прахъ не только устъ; но и сердца Павлова, которое можно, не погрѣшая, назвать сердцемъ вселенной, источникомъ тысячи благъ, началомъ и стихіею нашей жизни! Изъ этого сердца разливался на все духъ жизни, и передавался членамъ Христовымъ, будучи сообщаемъ не посредствомъ жилъ, но посредствомъ благихъ желаній. Это сердце было такъ пространно, что вмѣщало въ себѣ цѣлые города, племена и народы. *Сердце наше распространися* (2 Кор. VI. 11), говоритъ Апостолъ. Однакоже и это столь пространное сердце нерѣдко сжимала и сокращала разширяющая оное любовь, какъ говоритъ самъ Павелъ: *отъ печали многія и туги сердца написахъ вамъ* (2 Кор. II, 4) (сіе посланіе). Я желалъ бы видѣть разрѣшившееся это сердце, которое сгарало о каждомъ изъ погибающихъ, вторично мучилось болѣзнями рожденія о чадахъ родившихся несовершенными, которое видитъ Бога, какъ сказано: *блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ*, которое содѣлалось жертвою—*жертва Богу духъ сокрушенъ* (Псал. XIV, 19), сердце превысшее небесъ, пространнѣйшее вселенной, блистательнѣйшее луча солнечнаго, горячайшее огня, твердѣйшее алмаза; сердце, которое источило рѣки, какъ сказано: *рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы* (Іоан. VII, 38).—Въ этомъ сердцѣ былъ источникъ текущій и напаяющій не лице земли, но человѣческія души; изъ него ночь и

день истекали не простыя рѣки, но источники слезъ. Оно жило новою, а не этою—нашею жизнію. *Живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. II, 20), говоритъ Павелъ. Ибо сердце его было Христовымъ сердцемъ, скрижалію Духа Святаго, книгою благодати. За чужіе грѣхи оно трепетало; *боюся*, говоритъ Апостолъ, *еда како всуе трудихся въ васъ* (Гал. IV, 11); *да не како, якоже змій Еву, прельсти* (2 Кор. XI, 3); *еда како пришедъ, не яцьхъ же хощу, обрящу васъ* (Тамъ же XII, 20). А за себя оно боялось и однакожъ имѣло дерзновеніе; *боюся*, говоритъ Апостолъ, *да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимь буду* (1 Кор. IX, 27), и также: *извѣстихся, яко ни Ангели, ни начала* не возмогутъ *разлучити насъ* (Рим. VIII, 38). Оно удостоилось такъ возлюбить Христа, какъ не любилъ никто другой; оно презирало смерть и геенну, сокрушалось о братнихъ слезахъ. *Что творите*, говоритъ Павелъ, *плачуще и сокрушающе ми сердце* (Дѣян. XXI, 13)? Это сердце было самое терпѣливѣйшее, и однакожъ не потерпѣло краткаго времени, когда Фессалоникійцы были въ опасности отстать отъ вѣры. Я желалъ бы видѣть прахъ рукъ, бывшихъ во узахъ,—рукъ, чрезъ возложеніе которыхъ Павелъ подавалъ Духа, и которыми написалъ онъ сіи письмена. *Видите, колицѣми книгами писахъ вамъ моею рукою* (Гал. VI, 11); и еще:

цѣлованіе моею рукою Павлею (1 Кор. XVI, 21). Прахъ рукъ, которыя увидѣвъ эхидна упала въ огонь. Я желалъ бы видѣть прахъ очей, которыя не напрасно потеряли зрѣніе, и прозрѣли во спасеніе вселенной, еще въ тѣлѣ удостоились видѣть Христа, которые видѣли земное и не видѣли; созерцали незримое, не знали сна, бодрствовали среди ночей, не терпѣли того, что дѣлаютъ завистники. Я желалъ бы видѣть прахъ сихъ ногъ, обшекшихъ вселенную и неутруждавшихся, — ногъ, которыя были забиты въ колоду, когда поколебались темницы, которыя обошли обитаемую и не обитаемую землю, и многократно по ней путешествовали. (Дѣян. XVI, 24, 26). Но для чего говорить порознь? Я желалъ бы видѣть гробъ, въ которомъ положены оружія правды, оружіе свѣта, члены нынѣ живые, но мертвые, какъ находился Павелъ въ живыхъ, члены, въ которыхъ жилъ Христосъ, члены распятые міру, члену Христовы, во Христа облеченные, храмъ Духа, святое зданіе, члены связанные духомъ, пригвожденные страхомъ Божіимъ, носящіе на себѣ язвы Христовы. Павлово тѣло ограждаетъ собою Римъ; оно надежнѣе всякаго укрѣпленія и тысячи окоповъ. А съ нимъ и тѣло Петрово; потому что Павелъ почиталъ Петра еще при жизни. *Взыдохъ соглядати Петра* (Гал. I, 18), говоритъ онъ. Потому благодать удостоила его и по смерти быть съ Петромъ подъ еди-

нымъ кровомъ. Я желалъ бы видѣть сего духовнаго льва! Какъ левъ дышущій пламенемъ на стада лисицъ, нападалъ онъ на скопища бѣсовъ и Философовъ, и подобно быстрой молніи врывался въ діавольскія полчища. И діаволъ не могъ стоять противъ него прямо и откровенно, но такъ боялся и трепеталъ, что какъ скоро примѣчалъ его тѣнь, слышалъ его голосъ, бѣжалъ далеко. Такъ Павелъ отсутствуя тѣломъ предалъ сатанѣ впавшаго въ блудодѣяніе, и потомъ опять исхитилъ изъ рукъ его (1 Кор. V, 5). Такъ поступалъ и съ другими, дабы научились не богохульствовать. И смотри, какъ Павелъ поощряетъ и укрѣпляетъ подчиненныхъ своихъ; то говоритъ Ефесеямъ: *нѣсть наша брань противу крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ* (Ефес. VI, 12), и потомъ указываетъ на награду въ *небесномъ*, говоря, что подвизаемся не изъ земнаго, но изъ неба и небеснаго; то говоритъ другимъ: *не вѣсте ли, яко ангеловъ судити имамы, а не точію житейскихъ* (1 Кор. VI, 3)?

Размысливъ о всемъ этомъ, будемъ мужественны. И Павелъ былъ человѣкъ, и онъ имѣлъ одинакое съ нами естество, и все прочее было у него общее съ нами. Но поелику явилъ онъ великую любовь ко Христу, то взошелъ превыше небесъ, и спалъ съ Ангелами. Потому ежели и мы зохотимъ хотя нѣсколько вознестись, и возжечь въ себѣ этотъ огнь, то

возможемъ подражать святому Апостолу. А если бы это было невозможно, то не воскликалъ бы Павелъ: *подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* (1 Кор. IV, 16). Итакъ не дивиться ему только будемъ, не изумляться только предъ нимъ, но и подражать ему, дабы по отшествіи отсюда удостоиться намъ узрѣть его, и участвовать въ неизреченной славѣ, которую, дай Богъ! получить всѣмъ намъ по благодати и человѣколюбію Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу и вмѣстѣ Святому Духу слава, держава, честь нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ; Аминь!—

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: March 2005

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 013 412 848 3